ИСТОРИЯ РУССКОЙ АМЕРИКИ

1732—1867

В трех томах

Под общей редакцией академика Н.Н. Болховитинова

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АМЕРИКИ

1732—1867

Том III
Русская Америка: от зенита к закату
1825—1867

Под общей редакцией академика Н.Н. Болховитинова

Москва
«Международные отношения»
1999

К 200-летию Русской Америки и 275-летию Российской академии наук

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как подробно рассказывается в первом томе настоящей работы, у истоков Русской Америки стоял Петр I, который в середине 20-х гг. XVIII в. выдвинул идею открытия Америки со стороны России (Камчатка). Почти одновременно в С.-Петербурге по инициативе того же Петра I была создана Российская (Императорская) академия наук, которая в дальнейшем принимала самое активное участие в изучении Сибири, Камчатки, Аляски и всего Тихоокеанского Севера. Наконец, завершение подготовки трехтомной «Истории Русской Америки» приурочено к 200-летию создания знаменитой Российско-американской компании (РАК), учрежденной 8(19) июля 1799 г.

Третий, заключительный том «Истории Русской Америки» освещает наиболее сложный и драматический период существования русских колоний в Америке 1825–1867 гг. — от заключения конвенций 1824–1825 гг., официально закрепивших за Россией границы ее американских владений, до их продажи Соединенным Штатам по договору 1867 г. «История Русской Америки» в целом охватывает годы ее становления от открытия Северо-Запада американского континента в 1732–1741 гг. до образования РАК в 1799 г., период расширения сферы деятельности компании в первой половине XIX в. и, наконец, время постепенного упадка от ликвидации колонии Росс в 1841 г. до продажи Аляски в 1867 г. Вся история Аляски делится, таким образом, на две примерно равные части: первая — русская — продолжалась с 1732 по 1867 г. (т.е. 135 лет) и вторая — американская — с 1867 г. по настоящее время (т.е. до 1999 г. или 133 года).

Нельзя не обратить внимание еще на одно обстоятельство, которое ранее ускользало от внимания историков. Уступив свои владения в Америке Соединенным Штатам, Россия оказалась первой европейской державой, отказавшейся от своих заморских колоний. Напомним в этой связи, что еще Екатерина II подчеркивала в 1788 г.: «Американских селений примеры не суть лестны, а паче невыгодны для матери земли... Многое распространенное в Тихое море не при-

несет твердых польз». Торговать — одно дело, а «завладевать дело другое»[1].

Давняя идея о континентальном, а не морском будущем России и сосредоточение внимания на укреплении позиций в Сибири, на Дальнем Востоке и особенно в районе Амура приобретали все большее значение. Были и важные социально-экономические причины, закрывавшие перед Русской Америкой будущее — отсталый крепостной строй, малочисленность русского населения в колониях, никогда не превышавшего 600–800 человек, индейский фактор (независимость и сопротивление тлинкитов), трудности со снабжением колоний продовольствием и т.д. В результате все чаще случалось, что русские колонии в Америке не только не приносили прибыли, но требовали государственных субсидий. Ежегодное пособие в размере 200 тыс. рублей серебром требовалось РАК и в будущем. Но хотя в 1860-х годах положение РАК было достаточно трудным, оно не было критическим. Важной, однако также не решающей причиной оставалась внешняя угроза, беззащитность колоний в случае войны, что особенно ясно показала Крымская война 1853–1856 гг. И хотя в 1860-е гг., во время Гражданской войны и Реконструкции опасность экспансии со стороны США была скорее потенциальной, чем реальной, она, несомненно, учитывалась, в частности, когда 16(28) декабря 1866 г. решалась судьба Аляски на совещании с участием Александра II, министра иностранных дел А.М.Горчакова, вел.кн. Константина, и.о. морского министра Н.К.Краббе, министра финансов М.Х.Рейтерна и посланника в Вашингтоне Э.А.Стекля. Из документов совещания видно, что решающее значение придавалось устранению очага возможных противоречий с США в будущем, укреплению фактического союза двух стран, и наконец, что очень важно, перенесению внимания на укрепление позиций России на Дальнем Востоке и прежде всего в районе р.Амур.

Надежды царского правительства на укрепление дружественных отношений с Соединенными Штатами, несмотря на устранение противоречий по территориальным вопросам, в конечном итоге не оправдались. На рубеже 1870–1880-х гг., как показал в своей монографии Г.П.Куропятник, «активное сотрудничество двух стран, которое не смогли омрачить разногласия, претензии и ряд неприятных инцидентов, подходило к концу. Начиналась другая фаза, когда развитие русско-американских отношений в большой степени определялось новыми общественными силами двух буржуазных государств, постепенно превращающихся в империалистические державы»[2].

Не оправдались и надежды на укрепление позиций России на

---

[1] **РО 1948.** — С. 281–282; **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 36. — Л. 1–2 (автограф Екатерины II).

[2] **Куропятник Г.П.** Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867–1881. — М., 1981. — С. 339.

Дальнем Востоке. Как и прежде, Сибирь оставалась малонаселенной, слабоосвоенной и отсталой, а экспансия в Манчжурии в конечном итоге привела к военной катастрофе в русско-японской войне и новым территориальным потерям. Что же касается договора 1867 г., то его условия не только никогда никем не оспаривались, но, наоборот, получили подтверждение и дальнейшее развитие в советско-американских соглашениях 1977 и 1990 гг., а линия разграничения морских пространств, о которой в конечном итоге договорились правительства СССР и США, в общем совпадала с «линией 1867 г.».

Таким образом, именно на основании договора 1867 г. завершилось формирование Тихоокеанских границ двух великих держав — России и США, границ, остающихся неизменными вплоть до настоящего времени. Договор ликвидировал какие-либо основания для взаимных претензий и противоречий по территориальным вопросам и создал предпосылки для того, чтобы Тихоокеанский Север стал в будущем местом сотрудничества, а не конфронтации.

Остается сказать, что, как и первые два тома, заключительный третий том основан на самом широком круге как русских, так и иностранных источников и, в первую очередь, архивов и библиотек России и США. Предисловие, введение, вместо заключения, главы 6 (кроме § 2, автором которого является зав. сектором Америки к.и.н. А.А.Истопин, Институт этнологии и антропологии РАН), 9, 10, 11, § 2 гл. 6, § 3 (совместно с А.В.Гринёвым), § 4 гл. 8 написаны академиком Н.Н.Болховитиновым, причем в их основе лежит сокращенный текст монографии автора «Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867 гг.» (М., Наука, 1990) с необходимыми уточнениями и дополнениями. Гл. 1–3, 5 (автор § 6 — Н.Н.Болховитинов), 8 написаны доц. к.и.н. А.В.Гринёвым (С.-Петербург); гл. 4 — архимандритом Августином (в миру Никитин), доцентом С.-Петербургской духовной академии; гл. 7 — профессором Йоркского университета Джеймсом Р.Гибсоном (Канада).

Большую научно-организационную работу по третьему тому, как и по всему изданию, провела старший научный сотрудник Института всеобщей истории (ИВИ) РАН к.и.н. Л.М.Троицкая. Ею же осуществлен подбор иллюстраций и библиографии (совместно с Н.Н.Болховитиновым), составлен список сокращений, приложение и именной указатель. Первоначальный компьютерный набор осуществлен научной сотрудницей ИВИ РАН к.и.н. Е.Б.Шашиной, которая участвовала и в научно-организационной работе. А.В.Гринёв и Л.М.Троицкая оказали мне помощь при редактировании третьего текста тома, причем последняя вместе с Е.Б.Шашиной провела унификацию сносок.

Сентябрь 1998 г.

Н.Н.Болховитинов

ВВЕДЕНИЕ

Русскую колонизацию Алеутских о-вов и Аляски принято считать прямым продолжением колонизации Сибири и завершающим этапом многовекового процесса экспансии России на восток. В поле зрения историков обычно находились общие черты освоения Сибири и Русской Америки и гораздо реже исследователи обращали внимание на различия. Между тем такие различия имели место и, более того, мне представляются очень существенными. Именно эти различия и определили, почему Сибирь стала неотъемлемой частью России, а Аляска в 1867 г. была продана США.

Главная особенность русской колонизации Северо-Запада Америки заключалась в том, что она носила морской, океанический характер и в этом смысле коренным образом отличалась от колонизации Сибири, которая носила ярко выраженный континентальный характер. Именно эта главная особенность и определила основные черты освоения Русской Америки, а в конечном итоге и ее печальную для России судьбу.

Морской флот (в первую очередь военный), хотя и стал со времен Петра I играть важную роль во внешней политике России, никогда не был для нее главным. Даже в годы расцвета могущества Российской империи, т.е. в период победы над Наполеоном I основной силой оставалась сухопутная армия, а Крымская война 1853–1856 гг. наглядно показала, что противостоять на море сильным морским державам, и в первую очередь Англии, Россия была не в состоянии. Неслучайно именно в это время и возникли проекты продажи Русской Америки Соединенным Штатам.

Разницу между морской колонизацией Русской Америки и континентальной колонизацией Сибири можно определить буквально в двух словах: соболь и калан (морской бобр). В бескрайние просторы Сибири русских вел «соболиный хвост». К берегам Русской Аме-

рики их манил бесценный мех морского бобра. Если сибирские меха (соболь, песец, лисица, белка и т.д.) шли на европейские рынки — в Москву, Лейпциг, позднее в С.-Петербург, а также в Голландию и Англию, где они обменивались на различные металлические изделия, ткани, колониальные товары и т.д., то морские бобры особенно хорошо продавались в Китае. Их привозили в Кяхту и там обменивали на китайские чай, шелк, фарфор и т.д. В известной мере можно сказать, — приходил к выводу проф. Дж.Гибсон, — что мех морского бобра, который так ценился китайской знатью, во многом способствовал широкому развитию русской традиции чаепития и одновременно укреплению деловых связей с Китаем[1].

Наблюдательный канадский исследователь обратил внимание и на ряд различий в колонизации Сибири и Аляски. Так, в Сибири промысел соболя шел в основном зимой, что оставляло достаточно времени, чтобы летом заниматься сельским хозяйством.

Не удивительно поэтому, что в Сибири, особенно в более южных и удобных для земледелия районах большинство русского населения занималось сельским хозяйством и, в частности, хлебопашеством, а твердые сорта сибирской пшеницы уже в XVIII в. вызвали интерес даже у американских ученых[2]. В Русской Америке промысел морского бобра и котика начинался весной и продолжался все лето, что, естественно, отрывало население от занятий земледелием[3]. Наблюдения проф. Гибсона хорошо согласуются не только со здравым смыслом, но и со свидетельствами современников и выводами позднейших историков.

Самыми искусными охотниками на морских бобров были алеуты, метко названные И.Е.Вениаминовым «морскими казаками», и конкурировать с ними не могли ни русские, ни другие европейцы. Опираясь на свидетельства очевидцев (И.Е.Вениаминов, К.Т.Хлебников, Ф.П.Врангель и др.), подробное описание этого промысла дала Р.Г.Ляпунова. Наибольший размах он получил в первые десятилетия XIX в., когда РАК каждой весной организовывала посылку с о-ва Кадьяк нескольких партий охотников, набиравшихся из алеутов, кадьякцев и чугачей. «Главная партия, около 500 байдарок, отправлялась в апреле с о-ва Кадьяк вдоль северо-западного побережья Американского материка до бухты Бобровой, возвращалась обратно только к концу августа. Вторая партия, около 200 байдарок с апреля до конца августа плавала вдоль островов к северу от Кадьяка. Третья, из 40 байдарок, занималась промыслом на островах севернее Кадьяка и одновременно перевозила необходимые припасы с одного

---

[1] **Gibson J.R.** Russian Expansion in Siberia and America: Critical Contrasts // Russia's American Colony. — Durham, 1987. — P. 34–35.

[2] **Болховитинов Н.Н.** — 1966. — С. 240.

[3] **Gibson J.R.** Op. cit. — P. 34.

острова на другой. Четвертая партия, 50 байдарок, уходила в западном направлении...»[4].

Конечно, русские промышленники предпринимали иногда попытки переключиться на добычу сухопутных зверей, но при этом они часто сталкивались с непредвиденными трудностями. Так, главный конкурент компании Голиковых—Шелиховых П.С.Лебедев-Ласточкин попытался использовать индейцев и эскимосов материковой зоны для получения от них мехов сухопутных животных, но уже в конце XVIII в. потерпел неудачу. Морской промысел и особенно добыча калана приносили больше дохода, а мобильность байдарочных флотилий и искусство алеутов позволяли интенсивно «осваивать новые промысловые угодья»[5]. Кроме того, независимые и более воинственные обитатели материка представляли серьезную опасность для новых пришельцев и значительно осложняли их деятельность.

Между тем меховой промысел и особенно промысел морского зверя в конце XVIII и в первые десятилетия XIX в. осуществлялся вполне успешно и приносил РАК значительные доходы. Так, в 1797–1821 гг., по данным П.А.Тихменева, из колоний было вывезено 72 804 морских бобра, 1 232 374 морского котика, 59 530 хвостов бобровых, 14 969 выдр, 34 546 речных бобров, а другой пушнины на сумму 16 370 695 руб. 95 коп.[6]

В заключительный период деятельности РАК вывоз пушнины хотя и сократился примерно в два раза, тем не менее оставался довольно значительным. За 1842–1862 гг. было вывезено морских бобров — 25 899, морских котиков — 372 894, хвостов бобровых — 25 797, выдр — 70 473, речных бобров — 157 484 и т.д.[7] Как отмечал П.Н.Головин, если при А.А.Баранове из одного только Кадьякского

---

[4] **Ляпунова Р.Г.** Алеуты. Очерки этнической истории. — Л., 1987. — С. 98. Хотя данные, приводимые Р.Г.Ляпуновой, представляются несколько завышенными, они в общем правильно отражают значение промысла морского бобра в начальный период деятельности РАК. Вместе с тем утверждение проф.Дж.Гибсона, будто 90% русского мужского населения были заняты меховой торговлей (fur traders), основано, по-видимому, на недоразумении и может ввести читателя в заблуждение (см. **Gibson J.R.** Russian Expansion... P. 35.). В действительности сами русские в охоте на морского зверя, которая требовала большого опыта, искусства и особых навыков, участвовали мало (главным образом как руководители партий, охранники, члены команды морских судов и т.д.). Но зато в целом промысел пушнины и торговля ею, несомненно, занимала главное, если не исключительное место в деятельности РАК.

[5] **Гринёв А.В.** Некоторые тенденции в отечественной историографии российской колонизации Аляски // ВИ. — 1994. — № 11. — С. 166.

[6] **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 239. В таблице у С.Г.Федоровой данные о промысле морских бобров и котиков оказались перепутаны. См. **Федорова С.Г.** — С. 172.

[7] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 221.

отдела ежегодно для промысла снаряжалось до 500 байдарок, то в начале 1860-х гг. было «нельзя снарядить более 300 из всех колоний, т.к. число алеутов уменьшилось с того времени более чем наполовину»[8].

В колониях все эти годы продолжался, конечно, и промысел сухопутного зверя, включая лисиц, речного бобра, куницы и даже медведей, но в целом этот промысел, хотя и был довольно значительным, носил вспомогательный характер и никогда для РАК не стал главным.

Почти все серьезные исследователи Сибири отмечали удивительную быстроту продвижения русских «встречь солнцу». Со времени перехода Ермака через Уральский хребет и до выхода Ивана Москвитина к берегам Тихого океана в 1639 г. прошло всего около 60 лет. С конца XVI в. на новые «землицы» устремились не знавшие крепостного права поморы, казаки, купцы и их приказчики.

Уже по первой ревизии (1719) население Сибири насчитывало 241 тыс. душ мужчин. Из них 72 тыс. приходилось на аборигенное ясачное население, т.е. не менее 70% составляли русские поселенцы[9]. В процессе колонизации в удобных местах, главным образом, на берегах рек и вблизи других транспортных артерий возникали новые поселения, развивалось ремесло, торговля, а главное — сельское хозяйство. Появляются и первые города, среди которых можно назвать Тюмень, Тобольск, Енисейск, Иркутск, Якутск и др.[10]

В целом же в Сибири оставалось много свободных земель и новые поселенцы не были заинтересованы в сгоне местных жителей. В первую очередь русских интересовала пушнина, которую они в изобилии получали от коренного населения. Кроме того, во многих районах пришельцы первоначально оставались в меньшинстве и обострять отношения с аборигенами для них было не только не выгодно, но и опасно[11].

---

[8] **Приложения к докладу Комитета...** — С. 398.

[9] **История Сибири с древнейших времен до наших дней.** — Т. 1–5/ Под главн. ред. А.П. Окладникова и В.И. Шункова. — Л., 1968—1969. — Т. 2. — С. 55.

[10] Подробно см. **Кабо Р.М.** Города Западной Сибири: Очерки историко-экономической географии (XVII — первая половина XIX вв.). — М., 1949; **Воробьев В.В.** Города южной части Восточной Сибири. — Иркутск, 1959; **Найденов Н.А.** Тобольск. — М., 1885; **Первое столетие Иркутска.** — СПб., 1902 и др.

[11] Совсем иная картина, как известно, наблюдалась на американском континенте, где со времени высадки англичан в 1607 г. и до выхода к устью Колумбии (Астория была основана в 1807 г.) прошло около двух веков, а реальное освоение континента заняло у американцев еще и почти весь XIX век (вплоть до начала 1890-х гг.), когда руководитель ценза 1890 (Superindendent of the Census for 1890), а вслед за ним и Ф.Дж.Тернер констатировал окончание периода «свободных земель»(**Turner F.J.** The Significance of the Frontier in American History // Annual Report for 1893. American Historical Association. — P. 199).

Переход от континентальной колонизации Сибири к морской, океанической колонизации Северо-Запада Америки оказался для России достаточно сложным и длительным, потребовал огромных усилий со стороны правительства и частных предпринимателей, купцов, промышленников и мореплавателей. Достаточно сказать, что Охотский порт был построен в 1649 г., а первое постоянное поселение Н.А. и Г.И.Шелиховых на Кадьяке — в 1784 г., т.е. через 135 лет. Уже строительство первых судов для знаменитых Камчатских экспедиций В.Беринга потребовало огромных усилий. В дальнейшем эта проблема, как и снабжение новых колоний в Америке, стали постоянной заботой как РАК, так и правительства в С.-Петербурге. Никак не удавалось решить и вопрос об охране владений РАК от контрабандной торговли иностранцев. Даже выделение одного или двух судов для патрулирования побережья Русской Америки превращалось в трудную проблему, которую, как правило, удовлетворительно разрешить не удавалось.

Проводившиеся в Сибири ревизии населения в XVIII в. неизменно показывали увеличение русского мужского населения со 169 тыс. (в 1719–1722 гг.) до 412 тыс. (в 1795–1796 гг.). Соответственно коренное население возросло с 72 до 183 тыс., число русских крестьян — с 102 тыс. (60,3%) до 338 тыс. (82,9%). Таким образом, с 1719 по 1795 гг. русское мужское население возросло в 2,4 раза, а число крестьян увеличилось еще больше — в 3,3 раза (!)[12].

Совсем иная картина наблюдалась в американских колониях России, где в 1822 г. числилось (по официальным данным точность которых, конечно, относительна):

русских	448;
креолов	553;
алеутов	5334;
кенайцев	1432;
чугачей	479.
Всего	8286[13].

По более полным сведениям, приводимым в записках И.Е.Вениаминова, к официальным данным — 10 313 человек (1838 г.) — автор добавлял 12 500 человек (известное народонаселение, не вошедшее в колониальные описи). Численность «совсем не известного» населения колоний Вениаминов определил «приближенно» еще в 17 000, что составляло «всего до 40 000»[14]. Из этих данных очевидно, что русские даже вместе с креолами составляли незначительную часть

[12] **История Сибири.** — Т. 2. — С. 183–184.

[13] **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 127.

[14] **Вениаминов И.Е.** Записки об островах Уналашкинского отдела. — СПб., 1840. — Ч. 1. — С. V–VII.

населения Русской Америки, большая часть которого оставалась независимой и даже просто неизвестной РАК по численности.

Уже к началу 1820-х годов в политике России на Тихом океане возобладали консервативные и охранительные тенденции. В С.-Петербурге полагали, что первостепенное значение для России представляет европейское и балканское (турецкое) направление, и что россиянам вообще не следует увлекаться далекими заморскими авантюрами. Не случайно поэтому Александр I и К.В.Нессельроде резко отрицательно отнеслись к авантюре д-ра Г.А.Шеффера на Гавайях и торговым проектам П.Добелла[15]. Показательно, что инициатором обоих этих проектов оказались перешедшие на русскую службу иностранцы, обладавшие способностями к торговым спекуляциям и заморским авантюрам. Разумеется, выдвигали планы распространения влияния России на Тихом океане и россияне, но и им не удалось заручиться поддержкой правительства (вспомним, например, категорический отказ Екатерины II поддержать И.Л.Голикова и Г.И.Шелихова). Не получили поддержки правительства и проекты расширения колонии Росс, судьба которой с самого начала оставалась неопределенной. Чуть ли не на всем протяжении XIX в. (вплоть до продажи Аляски в 1867 г.) число русских держалось на уровне 400–800 человек (максимум — 823 в 1839 г.). Морским зверобойным и пушным промыслом занималась сравнительно незначительная часть русского населения (основная работа падала на местных жителей, прежде всего алеутов). «80% русского населения, — по словам С.Г.Федоровой, — приходилось на сферы управления, технического обслуживания промыслового флота и оборону колоний. Это определяло и характер расселения русских колонистов: в 1860 г. из 595 русских поселенцев 519 (87%) проживало в Ново-Архангельске и на Кадьяке»[16] (в первую очередь, в Павловской гавани).

Хотя в колониях довольно успешно проводились опыты развития животноводства (особенно быстро размножались свиньи и овцы), русские научили местных жителей выращивать овощи и картофель, собственно сельским хозяйством (особенно хлебопашеством) в Русской Америке (исключая, пожалуй, колонию Росс) занималась лишь незначительная часть населения. И не только потому, что природные условия на Аляске были очень суровы.

Как уже отмечалось, охота на морского зверя велась на протяжении длительного времени (апрель—август) и отрывала наиболее трудоспособное население от производственной деятельности на суше. Доставка продовольствия и других товаров через Сибирь

---

[15] **Болховитинов Н.Н.** Авантюра доктора Шеффера на Гавайях в 1815–1819 годах // ННИ. — 1972. — № 1. — С. 121–137; **Его же.** Выдвижение и провал проектов Добелла // АЕ. 1976. — М., 1976. — С. 264–282.

[16] **Федорова С.Г.** — С. 246.

обходилась чрезвычайно дорого. Не решила проблему и организация кругосветных плаваний из С.-Петербурга в Русскую Америку. Более успешными оказались «расторжки» с «бостонскими корабельщиками», связи с Компанией Гудзонова залива, Калифорнией и Гавайскими островами. Вместе с тем усиливалась и конкуренция иностранных держав, первоначально Испании, затем Англии, а с конца XVIII в. — Соединенных Штатов, которые в дальнейшем начали преобладать на всем Тихоокеанском Севере. В конечном итоге России так и не удалось по-настоящему утвердить свое господство на крайнем Северо-Западе Америки и власть РАК фактически никогда не распространялась на все население континентальной Аляски.

Вместе с тем, как подробно показывается в настоящем трехтомном труде, важными положительными результатами деятельности русских на Аляске и всем Тихоокеанском Севере стали многочисленные географические открытия и другие научные достижения, включая этнографические исследования, организацию школьного образования, основание первых больниц, библиотек, не говоря уже о строительстве судов, развитии различных ремесел и т.д.

Большая заслуга русских на Аляске связана и с деятельностью православной церкви, которая с самого начала стала защитницей местного населения. Не случайно там до сих пор помнят и чтут члена первой Духовной миссии на Аляске монаха Германа, который стал первым православным святым в Западном полушарии, и особенно святителя Иннокентия (И.Е.Вениаминова), подвижническая деятельность которого до сих пор вызывает всеобщее восхищение.

Глава

1

ТОРГОВО-ПРОМЫСЛОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ в 1825–1840 гг.

1. Проблема перемещения «столицы» Русской Америки

Конвенции, заключенные Российской империей с Соединенными Штатами и Великобританией в 1824 и 1825 гг., окончательно оформили территорию Русской Америки. Теперь России в лице управлявшей колониями Российско-американской компании (РАК) следовало думать уже не столько о расширении своих владений за океаном, сколько о более интенсивном освоении отведенных ей территорий. В связи с тем, что южные рубежи были уже четко определены, а возможности дальнейшей экспансии в этом направлении полностью исчерпаны, перед компанией вставал вопрос о переориентации интересов на север и в глубинные районы материка. К такому решению подталкивала и экономика: все большее значение в торговле начинают играть шкурки речного бобра и выдры, получаемые компанией с северных территорий Аляски. Поэтому неслучайно в Главном правлении (ГП) РАК в 1825 г. с новой силой возобновились дискуссии о перенесении главной компанейской конторы из Ново-Архангельска, располагавшегося на крайнем юго-востоке Русской Америки, к северу.

С предложением о переносе «столицы» Русской Америки на север выступил еще в 1819 г. тогдашний главный правитель колоний С.И.Яновский. Основной причиной для такого шага он считал враждебность окружавших Ново-Архангельск воинственных и независимых индейцев тлинкитов (колошей). Яновский писал в Главное правление: «...С тех пор как сделали заселение на остров Баранов и до сего времени, если разчислить потерю людей и проч. при разграблениях колошами и сравнить с приобретением, сколько мы получили от занятия сего места, то последние едва ли составят и четвертую часть против потери...». Далее Яновский указывал, что калан в окрестностях Ситхи (о-в Баранова) уже почти полностью истреблен, а покупка пушнины у тлинкитов весьма незначительна.

Кроме того, здешнее русское население постоянно нуждалось в подвозе продовольствия как из-за рубежа, так и из других российских колоний. Единственным резоном сохранения Ново-Архангельска Яновский считал удобство постройки и ремонта судов. Но в целом поддержание этого поселения обращалось в прямой убыток для РАК из-за необходимости иметь здесь усиленный гарнизон против враждебных и хорошо вооруженных индейцев. Поэтому главный правитель ратовал за перемещение центра колониального управления на Кадьяк или на п-ов Кенай, где местные жители были давно покорены русскими и не было проблем с продовольствием. В самом же Ново-Архангельске он предлагал оставить всего 50 промышленников для содержания этого практически единственного опорного пункта РАК на всем северо-западном побережье[1] (Озерский редут, располагавшийся в 20 верстах к югу от Ново-Архангельска, был не в счет, так как не имел бухты для остановки судов).

Руководство РАК колебалось в принятии окончательного решения и запросило мнение по этому вопросу М.И.Муравьева, сменившего С.И.Яновского на посту главного правителя Русской Америки. Директора компании писали о том, что полностью покинуть Ново-Архангельск пока «не можно без воли Вышняго Начальства».

При этом обращалось внимание на сложности с переводом имущества и людей на Кадьяк. Да и само по себе перемещение столицы колоний было рискованным шагом перед лицом возможного нападения со стороны опасных соседей — воинственных тлинкитов, «по коему они могли бы возмечтать о удобности разорить остающееся на Ситхе»[2].

В ответном послании от 17 января 1821 г. М.И.Муравьев сообщал, что с его точки зрения новый колониальный центр надо заложить не на Кадьяке, а на п-ве Кенай в районе бывшего Александровского редута на берегу зал.Чатам[3]. Обсудив это предложение Муравьева, Главное правление РАК все-таки рекомендовало ему в качестве будущего колониального центра о-в Кадьяк. При этом перебазирование туда предписывалось начать немедленно, не дожидаясь дополнительных указаний из Петербурга[4]. Тем не менее до конца своего правления Муравьев так и не приступил к выполнению директивы Главного правления. Этому, несомненно, помешал недостаток средств и людей, а также известные события, последовавшие за

---

[1] **ЦГИА.** — Ф. 994. — Оп. 2. — Д. 833. — Л. 1–1 об.; **Яновский С.И. — Главному правлению РАК от 27 августа 1824 г.** // АГМ. — Т. 6. — С. 662; **Тихменев П.А.** — 1861. — Ч.1. — С. 272.

[2] **ГП — Муравьеву, 27 марта 1820 г.** // NARS. — RRAC. — R. 2. — P. 193.

[3] **ГП — М.И.Муравьеву, 6 октября 1821 г.** // Ibid. — P. 280–281; **Тихменев П.А** — Ч. 1. — С. 272.

[4] **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 272–273.

царским указом от 4 сентября 1821 г. (см. т. 2), в результате чего колонии следовало спасать от угрозы голода, а не заниматься перемещением главной конторы РАК в соседний отдел колоний.

Поэтому весной 1825 г. проблема опять была вынесена на обсуждение Главного правления РАК. В качестве экспертов были приглашены С.И.Яновский и В.М.Головнин. В результате дискуссии директора постановили сделать колониальным центром Павловскую Гавань на о-ве Кадьяк. В депеше от 16 апреля 1825 г. директора РАК писали М.И.Муравьеву: «Для отвращения излишних расходов и разного рода неудобств Главную факторию должно будет перевести в Гавань Св.Павла на Кадьяк; для удержания же Ситхи и как для видов правительства, так и для собственных польз Компании, предполагалось достаточным занять Озерский или Шмаковский[5] редут пятьюдесятью промышленниками, который потом можно назвать Новоархангельск»[6]. Старый же Ново-Архангельск надлежало сжечь, а промысел калана в его окрестностях полностью ликвидировать. Тем самым ГП надеялось уничтожить главную причину вражды тлинкитов к русским. Общее собрание акционеров РАК, состоявшееся 17 июня 1825 г., единодушно поддержало это постановление, хотя и оставило за главным правителем колоний последнее слово в реализации принятого решения[7].

Подобные указания были даны также П.Е.Чистякову, занявшему пост главного правителя Русской Америки после М.И.Муравьева[8]. По мнению Главного правления, необходимо было предпринять все меры для ускоренного строительства в Павловской Гавани, так, чтобы уже к 1831 г. можно было переместить туда людей и имущество компании, полностью оставив Ново-Архангельск.

Однако Чистяков был вынужден докладывать Главному правлению о невозможности выполнения намеченных планов. Во-первых, содержание в Озерском редуте большого числа людей обращалось для РАК в сплошной убыток из-за трудностей их снабжения (в частности, из-за отсутствия здесь удобной гавани). Во-вторых, недостаток людей в колониях не позволял главному правителю выделить для строительства в Павловской Гавани более 25 человек, что было явно недостаточно. В-третьих, текущие дела и развитие промысловой деятельности РАК не давали возможности реально заняться переносом колониального управления на Кадьяк. Уже в 1828 г. Чистяков писал об этом в Главное правление, ссылаясь на реорганизацию недавно присоединенного к общему колониальному управ-

---

[5] Такое неофициальное название Озерский редут получил в честь его многолетнего начальника (байдарщика) Алексея Шмакова.

[6] **NARS. — RRAC.** — R. 4. — P. 467.

[7] **ГП — М.И.Муравьеву, 13 августа 1825 г.** // Ibid. — P. 503.

[8] См. **ГП — П.Е.Чистякову, 15 апреля 1827 г.** // NARS. — RRAC. — R. 5. — P. 290–291.

лению Атхинского отдела и основание нового поселения на Курильских о-вах. Кроме того, главный правитель указывал на возросшую опасность нападений со стороны тлинкитов в случае упразднения Ново-Архангельска[9].

Несомненное влияние на отказ выполнять распоряжение ГП РАК помимо объективных причин оказала, очевидно, и позиция влиятельного начальника Новоархангельской конторы К.Т.Хлебникова. В «записках», которые этот чиновник вел в течение своего почти 15-летнего пребывания в колониях, дан детальный анализ всех преимуществ и недостатков размещения колониальной столицы на Ситхе. С его точки зрения, к положительным факторам сохранения главной конторы в Ново-Архангельске относились: защищенная от ветров обширная незамерзающая гавань; высокие приливы, позволявшие легко спускать на воду построенные суда (и, если было нужно, вытаскивать их на берег для ремонта); изобилие в окрестностях леса (необходимого для кораблестроения, сооружения зданий и для экспорта в другие страны); возможность получать хороший урожай картофеля и изобилие рыбы; наконец, Ново-Архангельск представлял собой выгодный торговый пункт, хорошо известный иностранным купцам. Но существовали, однако, и немаловажные отрицательные моменты. Сырой климат способствовал гниению и быстрому разрушению деревянных строений и судов. Все тот же климат, а также горный рельеф, дикие лесные чащобы и воинственные индейцы препятствовали развитию земледелия и скотоводства. При недостаточном завозе хлеба и других припасов поселению угрожал бы голод. А такая ситуация могла быть логическим следствием войны с крупной морской державой. Тем не менее главная опасность, с точки зрения Хлебникова, таилась в угрозе русским со стороны тлинкитов, которые при появлении кораблей противника легко могли превратиться в своеобразную «пятую колонну» и напасть на Ново-Архангельск со стороны суши. Он отмечал в своих записках, что «предосторожность от враждебных соседей заставляет содержать излишний гарнизон в Ситхе, и сей излишек есть уже превышающий меру потребностей в людях; и следовательно, составляет перевес со стороны убытка. Можно сказать, что сто человек составляют сей излишек, и содержание их в убыток»[10].

Тем не менее, К.Т.Хлебников был убежденным сторонником сохранения колониального центра именно в Ново-Архангельске. В этом его поддерживал и главный бухгалтер ГП РАК П.В.Боковиков, писавший Хлебникову из Петербурга: «...К чему торопиться с переноскою? Ведь Ситху содержит компания не первый год. Да при-

---

[9] **NARS. — RRAC.** — R. 31. — P. 62–63; **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 273.

[10] **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 181–191.

том хорошо ли будет по политическим видам если мы оставим Ситху и вместе весь американский берег..?»[11].

И все же несмотря на отсутствие в самом Главном правлении единодушия по вопросу об эвакуации Ново-Архангельска и тем более энтузиазма со стороны администрации Аляски директора РАК продолжали настаивать на исполнении уже принятого решения. В депеше Чистякову от 15 апреля 1827 г. они писали: «Ситха не приносит и не может приносить Компании никакой пользы, а между тем защита сего острова составляет первейшую заботу Колониального Начальства, отнимает у колоний главное людство и вообще требует неумеренных и неуместных пожертвований и потому чем скорее оставить сие место, тем для Компании будет полезнее»[12].

Однако Чистяков и другие противники эвакуации Ново-Архангельска неожиданно получили существенную поддержку со стороны известного российского мореплавателя Ф.П.Литке (впоследствии ставшего видным деятелем ГП РАК). Литке дважды посетил Русскую Америку в 1818 и 1827 гг. и знал ситуацию там не понаслышке. Используя в качестве аргументов «записки» К.Т.Хлебникова и собственные наблюдения, он тщательно проанализировал преимущества и недостатки Ново-Архангельска по сравнению с Павловской Гаванью на Кадьяке. Хотя, по его данным, затраты РАК на гарнизон для защиты от возможного нападения тлинкитов составляли ежегодно 50 тыс. руб. и более, тем не менее, он предполагал, что их враждебность — дело временное, и в перспективе они изменят свое отношение к русскому поселению. Более того, наличие воинственных соседей, по мнению Литке, благотворно сказывалось на внутренней жизни «столицы» Русской Америки. «Соседство колошей, — писал он, — не только не вредит, но приносит пользу поселению, поддерживая дух порядка и дисциплины в столь разнородной и частью из неугомонных стихий составленной массе, каковой является население Ново-Архангельска». С оставлением последнего, указывал Литке, весь берег Северо-Западной Америки будет неминуемо потерян для России, так как место русских быстро займут иностранцы. Кроме того, на Кадьяке не было столь удобной и обширной гавани, как на Ситхе, и того изобилия лесов, необходимых для строительства домов и кораблей[13].

В конце концов, столкнувшись с объективными трудностями, отрицательным мнением ряда известных компетентных людей, а

---

[11] **П.В.Боковиков — К.Т.Хлебникову, 18 апреля 1829 г.** // ГАПО. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 151. — Л. 70–70 об. — Цит. по: **Федорова С.Г.** Комментарий // Хлебников К.Т. 1985. — С. 247.

[12] **NARS.** — RRAC. — R. 5. — P. 302.

[13] **Литке Ф.П.** 1948. — С. 57–62.

также с активизацией на северо-западном побережье англичан из Компании Гудзонова залива в конце 1820-х гг., Главное правление РАК уже не настаивало столь категорично на переносе «столицы» колоний на Кадьяк и предписало приостановить все ведущиеся там работы. Барону Ф.П.Врангелю, сменявшему в то время П.Е.Чистякова на его посту, было дано поручение разобраться на месте, стоит ли оставлять ее на Ситхе или все же учредить ее в Павловской Гавани на Кадьяке. 21 марта 1830 г. директора РАК писали новому правителю Русской Америки: «...обстоятельства, требовавшие перемещения Фактории, ныне в существе своем изменились. Выгоды сего предприятия ныне не могут быть столь значительны, как предполагалось прежде. С другой стороны, нельзя упускать из вида, во-первых, что Гудзонская Компания намеревается сделать заселение близь самой Ситхи, а, во-вторых, что в 1834 г. кончается срок Конвенции, заключенной с Соединенными Штатами Северной Америки. Может быть, что при сих обстоятельствах оставление Главной Фактории на острове Ситхе будет не только выгодно, но даже необходимо, но во всяком случае, решить сие здесь совершенно невозможно. Посему Главное правление покорнейше просит Вас, по прибытии в колонии, обратить на сей предмет особенное внимание, тщательно исследовать выгоды и невыгоды сего предположения и сообщить Главному Правлению Ваше мнение об оном; а до получения от него отзыва, остановиться перемещением Главной Фактории, продолжая между тем исподволь начатые в Кадьяке постройки, которые и без переноса туда Главной Фактории требовали по ветхости прежних строений возобновления...»[14].

Прибыв в колонии и исследовав проблему на месте, Врангель отрицательно отнесся к решению оставить Ново-Архангельск. По его мнению, угроза русским со стороны тлинкитов постепенно слабеет и в будущем исчезнет вовсе. С другой стороны, существовала реальная опасность захвата англичанами и американцами территории Юго-Восточной Аляски в случае ее оставления РАК[15].

Еще не дождавшись этого донесения Врангеля, ГП РАК весной 1831 г. окончательно отказалось от планов по перемещению колониального центра на Кадьяк. Врангелю было рекомендовано «производящиеся на Кадьяке постройки приказать вовсе остановить и всех людей, находящихся там для построек, вывести в Ситху и употребить к другим занятиям»[16]. Так Ново-Архангельск остался «столицей» Русской Америки вплоть до продажи Аляски США.

---

[14] **NARS.** — RRAC. — R. 7. — P. 41.

[15] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 30 апреля 1831 г.** // NARS. — RRAC. — R. 33. — P. 119–125.

[16] **ГП — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1831 г.** // Ibid. — R. 7. — P. 258.

2. *Русские колонии под управлением П.Е.Чистякова (1825–1830)*

В 1825 г. истекал срок контракта с РАК М.И.Муравьева, который, ссылаясь на ослабленное здоровье, настоятельно просил Главное правление компании прислать ему достойного преемника. Выбор директоров РАК пал на опытного моряка — капитан-лейтенанта Петра Егоровича Чистякова, уже побывавшего в Русской Америке во время кругосветного путешествия на корабле РАК «Бородино» в 1819–1821 гг. Теперь ему было поручено командование кораблем компании «Елена», который вышел из Кронштадта в колонии 31 июля 1824 г. с грузом продовольствия и товаров. Спустя год, 29 июля 1825 г., Чистяков благополучно достиг Ново-Архангельска, где сдал порученный ему груз. 4 ноября 1825 г. на этом же судне, но уже загруженном пушниной и другими колониальными товарами, отправился на родину М.И.Муравьев. Незадолго до его отъезда, 26 октября 1825 г., П.Е.Чистяков занял пост главного правителя Русской Америки, а 21 декабря 1826 г. он был официально утвержден царем в этой должности с одновременным присвоением ему звания капитана 2-го ранга[17].

В этот же год к колониальному управлению был окончательно присоединен Атхинский отдел, ранее зависевший от распоряжений Охотской конторы РАК. В 1825 г. счета Атхинского отдела были переведены из Охотска в Новоархангельскую контору, а сам отдел официально подчинен главному правителю российских колоний в Новом Свете[18].

На следующий год Чистяков лично посетил Атху, знакомясь с новым колониальным отделом и «нашел тамошнее заселение в самом жалком состоянии и множество других беспорядков, происходивших от дурного управления и от небрежности Охотской конторы»[19]. Прислав еще до своего прибытия на остров много леса для построек, главный правитель приказал заново заложить на новом, более удобном месте, центральное селение РАК в Атхинском отделе, отстранил от должности начальника отдела Петра Выходцева, назначив на его место Ивана Сизова, после чего отбыл на Уналашку[20].

Здесь главный правитель уделил внимание улучшению работы местной школы в сел.Иллюлюк, где до 1825 г. обучалось 22 учащихся. П.Е.Чистяков распорядился установить штат (расходы по содержанию) на каждого ученика местной школы для 30 учащихся, а в

---

[17] **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 340; **Pierce R.A.** — P. 89–90.

[18] **ГП РАК — М.И.Муравьеву, 24 марта 1826 г.** // NARS. — RRAC. — R. 5. — P. 81.

[19] **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 271.

[20] **Хлебников К.Т.** 1979. — С. 176.

1827 г. подобные штаты были введены и в отношении уналашкинской больницы на 8 человек и воспитательного дома для девочек-сирот[21]. Основное учебное заведение колоний располагалось в то время в Ново-Архангельске. Кроме того, еще одна начальная школа существовала на Кадьяке в Павловской Гавани, где получали образование 17 учащихся; еще три ученика обучались ремеслам при местных мастерских. Здесь же имелся маленький воспитательный дом на шесть девочек-сирот. Но все эти заведения пришли в полный упадок к началу 1830-х гг., о чем с сожалением писал позднее Ф.П.Врангель[22]. Тем не менее, попытки заложить в колониях основы образования и здравоохранения можно, безусловно, отнести к заслугам РАК.

Летом 1826 г. на время инспекционных поездок П.Е.Чистякова управлять делами в Ново-Архангельске был оставлен начальник местной конторы К.Т.Хлебников. В подробной инструкции ему предписывалось соблюдать особую осторожность в отношении живших у крепости тлинкитов, являвшихся и ранее объектом постоянного беспокойства для русских. В крепости и на каждом судне в гавани постоянно находились часовые (на мелких — по два, а на крупных — по три вахтенных). Все пушки крепости были заряжены картечью и проверялись еженедельно. За каждым орудием и постом было закреплено определенное количество людей в случае внезапного нападения индейцев[23].

Такие меры предосторожности были отнюдь не излишни. Уже в самом начале правления П.Е.Чистякова у стен Озерского редута произошел случай, который мог иметь весьма серьезные последствия. В ночь с 5 на 6 декабря 1825 г. несколько каноэ с тлинкитами, занимавшимися ловлей рыбы, приблизились к русскому укреплению, не отвечая на отклики часовых. Начальник редута, опасаясь внезапного нападения, приказал открыть огонь, в результате чего один индеец был убит. К счастью, враждебных действий не последовало, так как тлинкитам был известен запрет приближаться к редуту в ночное время, и они вполне осознавали правомочность действий русских. Чтобы окончательно исчерпать инцидент, П.Е.Чистяков подарил родственникам убитого товаров на 250 руб., что соответствовало индейским представлениям о выплате компенсации за смерть сородича[24].

Главное правление РАК, получив сведения об этом происшествии, одобрило все распоряжения колониального начальства. В своем

---

[21] **Там же.** — С. 116, 132.

[22] **Там же.** — С. 35, 246.

[23] **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 186.

[24] **П.Е.Чистяков — ГП РАК, 3 февраля 1826 г.** // NARS. — RRAC. — R. 30. — P. 15–17.

послании главному правителю от 31 марта 1827 г. директора писали: «Решительный поступок Начальника Озерского редута был необходим и заслуживает всяческую похвалу; Правление Компании совершенно одобряет принятые Вами меры для исследования сего дела и приведения диких (индейцев. — *А.Г.*) к сознанию в своей вине. Происшествие сие случилось при самом начале Вашего колониями управления и тем лучше может оно действовать на обуздание диких от неприязненных покушений и на внушение в них должного к Вам уважения, доверенности и подобострастия». Тем не менее «Правление Компании, — указывали директора Чистякову, — желает не только сохранять с Колошами всегдашний мир и доброе согласие, но и упрочить с ними торговые связи»[25].

Такая политика давала свои плоды. Как отмечал посетивший в 1827 г. Ново-Архангельск капитан-лейтенант Ф.П.Литке, тлинкиты стали относиться заметно лояльнее к русским, чем во времена Баранова. Незадолго до прихода его корабля в «столицу» Русской Америки обезумевший промышленник проломил камнем голову индейцу, а позднее двое индейских рабов сбежали от своих хозяев и укрылись в русской крепости, но ни один из этих инцидентов не имел серьезных последствий, как это обычно случалось ранее. Более того, индейские вожди в проливах арх.Александра сами приглашали русских основать у них фактории. Со своей стороны администрация колоний стремилась привлечь индейскую «аристократию» на свою сторону. Для этого вождям вручали мундиры военного образца, а наиболее дружественно настроенным — серебряные медали с надписью «Союзные России» на одной стороне и российским двуглавым орлом на обратной. Кроме того, главный правитель колоний и капитаны кругосветных судов время от времени устраивали для тлинкитов празднества, сопровождавшиеся торжественными речами о необходимости поддержания мира, угощением гостей рисовой кашей с патокой и стаканом грога, после чего обычно следовали индейские песни и пляски[26].

Главное правление РАК всячески поощряло развитие товарообмена с тлинкитами. В послании к главному правителю Русской Америки от 16 апреля 1826 г. директора компании предупреждали его, что после заключения конвенций с Великобританией и США конкуренция с иностранными торговцами может усилиться. Поэтому для удержания торговли с индейцами в своих руках ГП разрешало платить тлинкитам за каланью шкуру не менее, чем американские капитаны, и даже более. С этой же целью ГП готово было, если потребуется, пойти и на такой радикальный шаг, как полный запрет на промысел в районе архипелага Александра. В послании главному

---

[25] **NARS.** — RRAC. — R. 5. — P. 193.

[26] **Литке Ф.П. 1948.** — С. 57–58, 76; **Гринёв А.В.** 1991. — С. 218.

правителю говорилось: «Правление Компании просит Вас сколько можно усиливать и поддерживать сию торговлю не только около Ситхи, но и по всему спорному пространству до 59°, где иностранцам позволено совместничество с нами. Собственная наша около Ситхи промышленность давно уже стала весьма малозначительной и конечно не может приносить Компании пользы, а между тем служит, как известно, главнейшею причиною всегдашней вражды диких (индейцев. — *А.Г.*) против Русских, и без сомнения в теперешних обстоятельствах может вредить успехам предполагаемой с ними торговли. А посему, если Вы усмотрите, что прекращение собственной около Ситхи промышленности будет иметь полезное для нас на торговлю с дикими влияние и Компания за потерю промышленности может вознаградиться торговлей, в таком случае Правление Компании согласно собственную около Ситхи промышленность оставлять, а партовых Алеут перевести в другой отдел»[27].

Еще до получения этого распоряжения предыдущий главный правитель М.И.Муравьев незадолго до сдачи своей должности П.Е.Чистякову также приказал всемерно способствовать торговле с тлинкитами. В предписании конторе РАК в Ново-Архангельске от 14 октября 1825 г. он указывал, что «сею торговлей рассчитывать не на одни барыши компании, но от оной и та польза, что может [компания] приобрести от колош дружество и расположение к русским». В соответствии с этим Муравьев распорядился платить тлинкитам по 100–150 руб. товарами за одну каланью шкурку, что в 10–15 раз превышало сумму, которую получали за нее зависимые алеуты и кадьякцы (последним увеличили платеж за калана в 2 раза только в 1828 г.)[28].

Сама торговля с тлинкитами по новому положению стала производиться уже при П.Е.Чистякове с 1826 г., и увеличение покупной цены заметно сказалось на количестве приобретаемых у индейцев мехов, которое возросло сразу в несколько раз. Если в 1825 г. приказчики РАК выменяли у тлинкитов только 22 каланьи, 22 лисьи и 74 бобровые шкурки, то уже в 1826 г. их число соответственно увеличилось до 95, 169 и 374 шкурок. А с 1830-х гг. в торговле с независимыми индейцами стал широко использоваться ром — как для удешевления стоимости приобретаемых мехов, так и для противодействия американским и английским торговцам-конкурентам, снабжавшим тлинкитов спиртными напитками. Обычными же предметами обмена со стороны РАК были шерстяные одеяла, различная материя, чугунная и медная посуда, виргинский табак[29].

---

[27] **NARS.** — RRAC. — R. 5. — P. 142–143.

[28] См. **Хлебников К.Т.** 1979. — С. 40; **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 135–136, 140–141.

[29] **Там же.**

Торговля с независимыми индейцами Юго-Восточной Аляски позволяла получать хоть и очень незначительный, но все же доход. А вот некогда богатые охотничьи угодья в районе о-ва Ситха (Баранова), где находился Ново-Архангельск, к середине 1820-х гг. настолько оскудели, что РАК отказалась от ведения здесь интенсивной добычи калана крупными байдарочными флотилиями. Промысел этого ценного зверя осуществлялся только в зал. Якутат и Льтуа под прикрытием двух вооруженных парусных судов из-за опасения нападения на промысловые партии местных тлинкитов. Так, летом 1826 г. П.Е.Чистяков доносил в Петербург: «Главному правлению известно, что у нас ныне только и остались два пункта — Якутат и залив Льтуа или Порт Франсе, который тоже в границах позволенной (иностранцам. — *А.Г.*) торговли, где мы промышляем бобров (каланов. — *А.Г.*) и жители тех мест, хотя и негодуют на сие, но по малочисленности препятствовать не могут»[30].

На запрос Главного правления относительно возможности восстановления русского поселения в Якутате Чистяков ответил отрицательно, так как, по его словам, иностранцы и так туда не ходят, промыслы же незначительны, а местные индейцы враждебны и опасны[31]. Количество двухлючных байдарок, высылаемых РАК на промысел в Якутате в 1820-х гг., составляло от 60 до 80-ти. Они добывали в среднем около 250 каланьих шкур в год[32].

Куда большее количество пушнины приобреталось в Кадьякском и Уналашкинском отделах. Как и прежде, каждую весну отправлялись промысловые партии, но это были лишь бледные копии тех огромных байдарочных флотилий, которые посылал на промысел в начале века А.А.Баранов. «Главной» или «дальней» партии больше не существовало, так как калан был уже почти полностью выбит на всем северо-западном побережье, да и зависимое туземное население, из которого рекрутировали партовщиков, значительно сократилось за прошедшие годы. И если в 1820-е гг. с Кадьяка еще отряжали 30–40 двухлючных байдарок в «ситхинскую» партию, базировавшуюся в Ново-Архангельске, то в 1830-х гг. эта практика фактически прекратилась. Соответственно основная масса байдарок (50–80) принадлежала собственно «кадьякской» партии, которая вела с апреля по август промысел у Кадьяка и прилегающего побережья материка. Еще две мелкие партии высылались из Александровской одиночки на п-ве Кенай (10–12 байдарок) и Катмайской одиночки на северном побережье прол. Шелихова (до 15 байдарок). Около 30–38 двух- трехлючных байдарок снаряжалось в Константиновском редуте из подведомственных эскимосов чугачей.

---

[30] **NARS.** — RRAC. — R. 30. — P. 65.

[31] **Там же.**

[32] **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 113.

В Уналашкинском отделе на промысел калана выходило несколько десятков байдарок, образуя пять небольших партий: около 30 байдарок высылалось с о-ва Акун, еще примерно столько же снаряжалось на о-вах Умнак и Уналашка, а четвертую и пятую партии (до 50 байдарок) составляли из алеутов о-ва Унга и п-ва Аляска. Всего в Уналашкинский отдел выделялось для каланьего промысла до 140 байдарок. Еще около 60 снаряжалось в Атхинском отделе[33].

Поскольку в начале 1820-х гг. каланы опять появились у о-ва Медного, в 1825 г. с о-ва Атту туда была переброшена небольшая партия алеутов (17 байдарок) с семействами. Позднее их стали использовать для добычи котиков и песцов, переселив на соседний о-в Беринга. Алеуты сильно тосковали по родным островам, и правитель Атхинского отдела решил вернуть их на родину. Его предложение было одобрено главой Новоархангельской конторы К.Т.Хлебниковым, посетившим Командорские о-ва с инспекционной поездкой в 1827 г. Однако последний был против полной эвакуации служащих РАК с островов. «Оставить же острова вовсе без людей опасно, — писал Хлебников, — потому что всюду проникающие Американцы или по известиям или по случаю могут узнать об оставлении оных и не упустят пользоваться, нанеся тем для нас вред ничем не восполнимый»[34]. Поэтому на Командорах, по его мнению, должны были остаться одни русские промышленники с их алеутскими женами.

За добытые шкуры туземцы получали строго установленную плату по так называемой таксе. И хотя при М.И.Муравьеве в 1825 г. плата за шкуры сухопутных животных, птиц и тюленей была увеличена, новый главный правитель П.Е.Чистяков посчитал это недостаточным и в 1826 г. предложил директорам РАК увеличить платеж за некоторые виды пушнины еще на 50%. К этому шагу Чистякова подтолкнули волнения среди алеутов и кадьякцев, содержавшихся в Ново-Архангельске, которые стали выражать недовольство, узнав, что их давние враги и соперники тлинкиты получили прибавку при продаже мехов компании. Чтобы успокоить партовщиков, Чистяков взял ответственность на себя и без санкции Главного правления распорядился увеличить в полтора раза расценки на меха, приобретаемые у зависимых туземцев. Он опасался, что в противном случае у них совершенно пропадет стимул к труду и придется силой рекрутировать их в промысловые партии для добычи калана[35].

Главное правление пошло навстречу Чистякову и в 1828 г. утвердило новую таксу. Так, если по прежнему положению кадьякец полу-

---

[33] **Хлебников К.Т.** 1979. — С. 37–38, 118–121, 180, 182, 248.

[34] **Путевые записки на бриге «Кяхте», 1827 г.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 34.

[35] **П.Е.Чистяков — ГП РАК, 30 марта 1826 г.** // NARS. — RRAC. — R. 30. — P. 49–50.

чал за шкуру калана товарами или марками РАК только 10 руб., то с 1829 г. (когда новая такса вступила в силу) — 20 руб., а уналашкинский алеут соответственно начал сдавать шкурки чернобурых лис по 6 руб. (до этого действующий тариф оценивал их в 2 руб. 50 коп., а положение 1825 г. — 4 руб.). В то же время остались практически без изменений расценки на меха, получаемые путем «вольной» покупки у индейцев танаина (кенайцев), эскимосов чугачей и других «полунезависимых» и независимых племен, а платежи алеутам за котиков на Командорских о-вах даже уменьшились с 1827 г. с 75 до 45 коп. за каждую шкуру[36].

Не исключено, что такое снижение тарифа на котиковые шкурки отрицательно сказалось на их добыче к концу 1820-х гг., хотя сама РАК и историки усматривают главную причину этого в хищническом промысле. Так, если в 1826 г. было получено 30 050 котиковых шкурок, то в 1832 г. — только 16 034, т.е. почти в 2 раза меньше[37]. По мнению И.Е.Вениаминова, виноват в этом был прежний управляющий о-вами Прибылов, который, несмотря на распоряжение М.И.Муравьева в 1822 г. отпустить для размножения 40 000–50 000 животных, оставил в пять раз меньше. В результате, когда в 1828 г. П.Е.Чистяков предписал добыть 40 000 котиков, с о-вов Прибылова едва было получено 28 000[38]. А ведь именно котики приносили РАК четверть всего дохода от продажи пушнины.

Некоторой компенсацией падения добычи морского зверя к началу 1830-х гг. послужило увеличение вымена шкурок речных бобров и выдр у внутриматериковых племен. Наиболее важной факторией РАК, где приобреталась пушнина сухопутных животных во второй половине 1820-х гг., был Ново-Александровский редут в устье р.Нушагак. Во время пятилетнего управления колониями П.Е.Чистякова приказчики РАК ежегодно скупали здесь у местных эскимосов в среднем по 1750 бобровых шкурок[39].

За пушнину туземцы получали от РАК различную материю, одежду, одеяла, железные и медные котлы, топоры, ножи, табак, голубой и красный бисер, крупные синие и мелкие зеленые бусы, а также высоко ценившиеся в качестве украшения «колошенские цукли» — трубчатые раковины моллюска Dentalium, которые русские, в свою очередь, покупали у тлинкитов, платя им товарами по 30 руб. за сотню раковин. Стоимость бобровой шкуры в зависимости от величины составляла по таксе 1825 г. от 60 коп. до 1 руб. 20 коп. асс. Соответственно всего за пару цуклей, т.е. за 60 коп. можно было

---

[36] **Хлебников К.Т.** 1979. — С. 40–42, 46, 118, 182.

[37] **Там же.** — С. 215–216.

[38] **Вениаминов И.Е.** Записки об островах Уналашкинского отдела. — СПб., 1840. — Ч. 2. — С. 369–370.

[39] Подсчитано по: **Хлебников К.Т.** 1979. — С. 59.

приобрести бобровую шкуру, за хлопчатобумажный платок стоимостью 4 руб. — 4 бобра, за 5 бобров эскимосы получали большой топор, а целых 20 бобров стоил большой железный котел вместимостью в полтора ведра. Другими словами, средняя цена бобра была всего 1 руб. товаром (без учета транспортных и накладных расходов РАК). В то же время на международном рынке стоимость крупной бобровой шкуры доходила до 40 руб. Аналогичным образом шкура выдры по таксе составляла всего 3 руб. 20 коп., а продавала ее РАК за 50 руб. В целом расходы компании в Ново-Александровском редуте, например, с 1 января 1831 г. по 31 января 1832 г. составляли всего 12 500 руб. (истраченные товары на обмен, годовое жалованье служащим и т.д.), а стоимость приобретенной пушнины, моржовых клыков и бобровых мускусных желез за этот период составила 118 850 руб.[40] Из этих цифр нетрудно сделать вывод о степени прибыльности для Российско-американской компании меновой торговли с аляскинскими туземцами.

В целом в период управления П.Е.Чистякова количество приобретаемых компанией мехов было достаточно стабильным, что позволяло вывозить из колоний в Европу пушнины на сотни тысяч рублей. Так, в начале августа 1828 г. Главное правление направило из Кронштадта в Русскую Америку корабль «Елена» под командованием капитан-лейтенанта В.С.Хромченко, который прибыл в Ново-Архангельск летом 1829 г., а уже в октябре взял курс на обратный путь. В Кронштадт корабль доставил груз пушнины на огромную сумму в 1 200 000 руб. асс. На следующий год ГП опять отправило в колонии снабжение почти на полмиллиона рублей, но уже на военном транспорте «Америка» под командой все того же Хромченко. И на этот раз корабль привез из Русской Америки мехов более чем на миллион рублей[41].

К этому времени РАК развивает пушной промысел не только на Аляске, но и на Курилах. Главное правление компании, получив сведения с Камчатки и от своей Охотской конторы о появлении большого количества каланов в районе Курильских о-вов, решило возобновить здесь свое поселение, существовавшее на о-ве Уруп до 1805 г. Новое селение должно было стать промысловой базой для партии алеутских байдарок, направленных сюда для добычи ценного зверя.

О планах возобновить русскую колонию на Курильских о-вах писал в свое время еще М.И.Муравьев. ГП РАК благосклонно отнеслось к его предложению. Неуспех прежнего «заселения» на Урупе проистекал, по мнению директоров компании, от отсутствия там алеутских промысловиков. В ответном послании М.И.Муравьеву от

---

[40] **Там же.** — С. 58–59; **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 137.

[41] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 348.

16 апреля 1826 г. директора отмечали, «что не было там вопреки предложения покойного Шелихова алеут с байдарками, без которых всякое покушение на промысел в Курилах будет бесполезно». В нем же ГП предлагало главному правителю Русской Америки вновь завести на о-ве Уруп «прочную оседлость», а «партовых алеут» прислать туда из Ново-Архангельска, где они бесполезны из-за почти полного уничтожения калана в окрестностях Ситхи[42].

Помимо чисто экономических соображений, существовали и политические причины для основания нового поселения на Курильских о-вах, особенно после заключенных в 1824 и 1825 гг. конвенций с США и Великобританией: РАК серьезно опасалась появления на своих промысловых территориях иностранных конкурентов. «Кроме надежды на выгоды от промыслов в Курилах, — писали директора РАК М.И.Муравьеву, — Правление Компании сделать там оседлость не менее побуждается и политическими видами, особливо в теперешних обстоятельствах»[43].

По указанию директоров РАК, сменивший Муравьева П.Е.Чистяков направил в 1828 г. на бриге «Байкал» под командованием мичмана А.К.Этолина на о-в Уруп отряд из 12 русских промышленников и 39 кадьякцев с семействами во главе с опытным байдарщиком Сысоем Слободчиковым. На «Байкал» в Ново-Архангельске были погружены лес и доски для строений, товары и продовольствие, 2 большие байдары и 20 байдарок, а также четыре маленькие пушки для защиты будущего поселения в случае возможного нападения японцев, живших южнее на о-ве Итуруп[44].

Этолин и Слободчиков с успехом справились с поручением, и на Урупе вновь появилось русское поселение. А в 1829 г. лейтенант П.Д.Липинский, посланный из Ново-Архангельска на бриге «Чичагов», высадил на Урупе подкрепления находившемуся там отряду и вывез в Охотск большое количество накопившейся там пушнины. Первые два года промыслов на Курилах были на редкость успешны, и в 1828–1829 гг. РАК получила оттуда мехов более чем на 800 000 руб.асс. Об этом директора компании с удовлетворением сообщали П.Е.Чистякову весной 1830 г.[45]

В отличие от своего предшественника М.И.Муравьева, прославившегося обширным строительством в Русской Америке, особенно в Ново-Архангельске, П.Е.Чистяков никак не проявил себя на этом поприще. Это было естественно: после получения распоряжения от

---

[42] **NARS.** — RRAC. — R. 5. — P. 140.

[43] **Ibid.** — P. 140.

[44] **П.Е.Чистяков — ГП РАК от 13(25) апреля 1828 г.** // ВПР. — Т. 15. — С. 481–482, 703.

[45] **ГП — П.Е.Чистякову, 28 марта 1830 г.** // NARS. — RRAC. — R. 7. — P. 130; **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 270.

ГП РАК о перемещении штаб-квартиры из Ново-Архангельска на Кадьяк все новое строительство здесь было практически заморожено. С 1826 по 1828 г. в «столице» Русской Америки помимо нескольких незначительных амбаров, кладовок и кухонь был выстроен только склад в три этажа и двухэтажное здание с казармой и школой на первом этаже и квартирами чиновников на втором[46]. Лишь на Кадьяке строений значительно прибавилось, особенно в 1829 г.[47]

В обстановке полнейшей неопределенности с будущей столицей колоний П.Е.Чистяков решил обратить свою энергию на кораблестроение, тем более, что после смены на посту главного правителя колоний А.А.Баранова суда в Ново-Архангельске почти не строились. Уже в ноябре 1825 г. здесь был заложен небольшой парусный бот «Уналашка» (40 т водоизмещения). В июле 1826 г. он был спущен на воду, а в начале августа отправлен «для коммуникаций» в Уналашкинский отдел. Кроме него, на Уналашку в 1826 г. был послан старый шлюп «Константин», построенный в Охотске еще в 1803 г. Это был его последний морской поход, так как с этого времени корпус шлюпа использовался исключительно как склад для товаров РАК в гавани у сел. Иллюлюк.

Новое пополнение колониальной флотилии произошло в 1828 г.: со стапелей Ново-Архангельска сошли еще два небольших бота — «Бобр» и «Сивуч», строительство которых началось здесь в ноябре 1827 г. В мае 1828 г. «Сивуч» под командой шкипера Андрея Ингстрема (Ингестрома) был направлен на о-в Атха для поддержания сообщения между островами Атхинского отдела. А «Бобр» использовался для коммуникаций между Ново-Архангельском и Кадьяком. В декабре 1828 г. в адмиралтействе Ново-Архангельска был заложен трехмачтовый корабль «Уруп», вошедший в конце следующего года в состав колониальной флотилии. В марте 1830 г., когда уже завершался срок пребывания П.Е.Чистякова в Русской Америке, в Ново-Архангельске было начато строительство еще одного бота — «Алеут» (спущен на воду в марте 1831 г. уже при Ф.П.Врангеле). Кроме того, еще в 1827 г. у американцев был куплен за 8,5 тыс. котиковых шкурок небольшой бриг «Тэлли-ха», переименованный в «Чичагов»[48].

Ф.П.Литке, побывавший в Ново-Архангельске в 1827 г., с большой похвалой отзывался о состоянии базировавшейся здесь колониальной флотилии. Он писал: «Управляемые офицерами императорского флота суда содержатся весьма чисто, некоторые даже

---

[46] **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 150.

[47] См. **Остров Кадьяк. О положении дел в отделе, 1833–1834 гг.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 60. — Л. 5.

[48] **Хлебников К.Т.** 1979. — С. 117–118, 120, 127, 176; **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 117, 156–157.

щеголевато и в воинской дисциплине, что делает равную честь как командирам, так и компании, доставляющей им к тому средства»[49]. И действительно, за время правления П.Е.Чистякова РАК не потеряла ни одного судна: мрачные времена чуть ли не ежегодных морских катастроф, которыми был так богат период правления А.А.Баранова, казалось, навсегда канули в лету.

Еще одним важным начинанием П.Е.Чистякова было снаряжение экспедиции прапорщика И.Я.Васильева для исследований бассейна рек Нушагак и Кускоквим в 1829–1830 гг. А в 1830 г. главный правитель отправил в район Берингова пролива на бриге «Чичагов» мичмана А.К.Этолина, который осмотрел зал. Нортон, о-в Св.Лаврентия и Чукотку, где торговал с местными жителями[50]. Эти экспедиции послужили прологом для более интенсивного проникновения русских на север, в глубинные районы материка, богатые речным бобром. Однако дальнейшая деятельность в этом направлении связана уже с именем барона Фердинанда Петровича Врангеля, занявшего пост главного правителя Русской Америки осенью 1830 г. Известный полярный путешественник капитан 1-го ранга Врангель, будучи хорошо знакомым с состоянием российских колоний в Новом Свете, успешно продолжил организацию географических экспедиций, равно как и хозяйственное развитие Русской Америки.

3. Ф.П.Врангель во главе Русской Америки (1830–1835)

Будучи высококлассным профессиональным моряком, новый правитель также уделял много внимания кораблестроению. В 1832 г. в Ново-Архангельске был спущен на воду гукер-яхт «Мореход», а затем шхуны «Квихпак» и «Чилькат» пополнили колониальную флотилию. Заметно улучшилась оснастка судов и подготовка экипажей кораблей РАК, о чем свидетельствовал сам Врангель: по его подсчетам, в период с 1799 по 1820 гг. в колониях потерпело крушение 18 судов (!), в то время как с 1820 по 1834 г. разбился только один маленький тендер[51]. Хотя это замечание было в целом справедливо, но не совсем точно: в 1830–1831 гг. потерпели крушение два бота — «Карлук» на Кадьяке и «Сивуч» у о-ва Атхи. В обоих случаях команда и груз были спасены[52].

---

[49] **Литке Ф.П.** 1948. — С. 48–49.

[50] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 283–285.

[51] **Врангель Ф.П.** Краткие статистические замечания о российских колониях в Америке // Телескоп. — 1835. — Т. XXVIII. — № 13. — С. 121.

[52] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 331–332.

В начале 1830-х гг. Главное правление РАК в Петербурге решило развивать только отечественное кораблестроение и поэтому вообще отказаться от покупки судов у иностранцев. Хотя оно прекрасно понимало, что российские суда и по качеству, и по отделке значительно уступали иностранным (в первую очередь американским). При этом директора РАК сделали ставку на возобновление строительства кораблей в Охотске, хотя Ф.П.Врангель и считал, что это дело здесь не могло принести компании ничего кроме убытков. Тем не менее, чтобы в период между навигациями занять людей, находившихся при Охотской конторе, компания готова была терпеть «запланированные» финансовые потери[53]. В 1829 г. на охотской верфи была спущена на воду шхуна «Акция», а в начале 1830-х гг. — трехмачтовый корабль «Ситха» и бриг «Полифем»[54]. Правда, в дальнейшем РАК все же отказалась от продолжения здесь судостроения, видимо, согласившись с мнением барона Врангеля о большей целесообразности его развития в российских колониях в Америке.

При Ф.П.Врангеле вновь развернулось широкое строительство в Ново-Архангельске. Это было связано, очевидно, с окончательным отказом от планов переноса «столицы» колоний на Кадьяк. Л.А.Загоскин писал по этому поводу: «Благодетельны труды гг.Муравьева и Чистякова, но можно сказать, что только с поступления в 1830 г. главным правителем г-на барона Врангеля, первого семейного правителя, началась новая эра для колоний. Вникнув в ход дела, он, можно сказать, воссоздал Ново-Архангельск. На месте обветшавших строений возвысились новые и красивые[55].

Барон уделял внимание не только благоустройству «столицы» колоний, но и окрестным поселениям. В 1833 г. в Озерском редуте были сооружены мукомольная и пильная водяные мельницы. В нескольких верстах к югу от Озерского редута при целебных минеральных ключах РАК выстроила два маленьких домика для больных служащих. Это поселение стало известно в колониях как «Горячие Ключи».

Особое значение Ф.П.Врангель придавал усилению обороны Ново-Архангельска: в 1831–1832 гг. здесь была возведена новая стена с деревянной башней — так называемой «колошенской батареей» — чьи орудия и фальконеты были направлены непосредственно на примыкавшее к городу селение тлинкитов. «Вообще ограда сия, — писал Ф.П.Врангель директорам РАК, — кажущаяся Колошам чрезвычайною крепостью, такое произвела на них впечатление, что

---

[53] **ГП — Ф.П.Врангелю, 24 марта 1832 г.** // NARS. — RRAC. — R. 8. — P. 172.

[54] **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 359.

[55] **Загоскин Л.А.** Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. — М., 1956. — С. 367.

они сделались весьма смирны и осторожны, не переставая удивляться, как она могла воздвигнуться в такое короткое время»[56]. С помощью новой крепостной ограды стало возможно предотвращать мелкие грабежи обывателей Ново-Архангельска со стороны беспокойных соседей. В то же время, отмечал Ф.П.Врангель, простым служащим РАК стало значительно трудней покупать ром у предприимчивых индейских торговцев, который те получали с американских кораблей, а затем перепродавали русским рабочим[57]. Кроме того, были построены также две невысокие кирпичные стены с амбразурами для орудий. Они прикрывали город со стороны моря. Эти сооружения еще более укрепили столицу российских колоний, на стенах и башнях которой находились несколько десятков орудий, включая даже тяжелые морские 24-фунтовые каронады[58].

Новые стены крепости позволили колониальной администрации попытаться упорядочить закупку у индейцев продуктов питания и ввести здесь монополию РАК. Ф.П.Врангель объяснял необходимость такого шага стремлением избавить обывателей города от излишних трат: компания готова была взять на себя посредническую роль и покупать продовольствие по твердым и низким ценам, а затем уже снабжать им служащих РАК в Ново-Архангельске. В соответствии с этим решением главный правитель издал в начале 1831 г. специальную таксу, по которой, например, большой горный баран стоил 12 руб., палтус 1,5–3 руб., утка — 75 коп., а ведро брусники — 2 руб. Отныне свободная торговля жителей крепости с тлинкитами запрещалась, а всем ведал особый приказчик компании, который ежедневно выменивал у индейцев продукты на специально огороженном «колошенском рынке», где имел свою лавку. Всего за 1831 г. здесь было куплено у тлинкитов продовольствия на 8 тыс. руб. асс.[59]

Хотя такая торговля была выгодна для РАК, но от введения монополии пострадали в первую очередь простые служащие компании, поскольку свежие дефицитные продукты стали попадать почти исключительно на стол колониальной администрации, а работникам приходилось довольствоваться в основном соленой рыбой и солониной. С другой стороны, во время правления Ф.П.Врангеля централизованные закупки РАК у тлинкитов заметно выросли. Помимо свежей рыбы, дичи, ягод и жира компания приобретала древесную кору и глину для строительных нужд, а иногда также дрова для отопления. В свою очередь, индейцы стали закупать у РАК

---

[56] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 30 апреля 1831 г.** // NARS. — RRAC. — R. 33. — P. 213.

[57] **Гринёв А.В.** — С. 204–205.

[58] **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 157, 180.

[59] **Там же.** — С. 140–147.

больше товаров, в том числе табака, одеял, материи и даже хлеба. Усиление товарообмена весьма способствовало налаживанию добрососедских отношений между русскими и тлинкитами: жители Ново-Архангельска могли поодиночке и почти безоружными ходить по окрестным лесам, что немногим более десяти лет назад было совершенно немыслимо[60].

Немало внимания Ф.П.Врангель уделял и облегчению положения зависимого туземного населения. При его непосредственном участии были пересмотрены тарифы китобойного промысла, который, несмотря на всю его важность для туземного населения колоний, занимал второстепенное место в промысловой политике РАК, заинтересованной в первую очередь в получении ценных мехов, а не продовольствия для коренного населения. Если по положению 1822 г. при добыче большого кита местные туземцы-китобои имели право на половину туши животного или плату товарами на 30 руб. (а за малого — 15 руб.), то в 1831 г. Ф.П.Врангель, сочтя вознаграждение за столь опасный промысел недостаточным, предложил Кадьякской конторе увеличить плату за большого кита до 40 руб., за малого же — до 20 руб., а с 1834 г. отдельно выплачивать по 30 и 15 коп. за большие и малые китовые усы. Кроме того, если кита добывал охотник, не состоявший на службе РАК, то добыча принадлежала ему целиком (то же самое касалось и выброшенного на берег «неколотого» кита — он доставался ближайшему селению аборигенов[61]. Это было явным отходом от прежней практики РАК, когда бо́льшая часть туши животного поступала в распоряжение компании.

Несмотря на дважды повышающийся в 1820-х гг. тариф за пушнину, жизнь и благосостояние зависимых туземцев оставляли желать много лучшего, что удрученно констатировал в 1830-х гг. Ф.П.Врангель: «С весны по осень все мужчины, к работам способные, посылаются от компании в разъезды за бобрами (каланами. — *А.Г.*) и за птицами. С осени до весны они заняты земляными промыслами лисиц и выдр, и хоть эта мера необходима для существования компании, однакож островитяне мало через оную выигрывают. При слишком умеренной плате за промыслы и весьма высоких ценах на товары, которыми платят им, они не в состоянии одеть себя и семейства свои без нужды, не говоря уже о щегольстве. Прежде они не нуждались в природной их одежде, а теперь и сии парки и камлеи должны они по большей части покупать или другим образом выслуживать от компании, и весьма немногие имеют по рубахе или суконного платья. Ни в пище, ни в одежде состояние их не улучшилось.

---

[60] **Wrangell F.P.v.** Statistische und ethnographische Nachrichten über die Russischen Besitzungen an der Nordwestküste von Amerika. — St.Petersburg, 1839. — S. 13–15.

[61] **Хлебников К.Т.** 1979. — С. 41, 249.

Самое огородство, к которому старались приохотить их, весьма немного помогло их домашнему хозяйству; от недосуга, худого присмотра и неопытности сажается при алеутских жилах (селениях. — *А.Г.*) такое ничтожное количество картофеля, что он более служит к лакомству несколько дней осени, нежели способом продовольствия в течение года»[62].

Путем нехитрого арифметического подсчета Врангель пришел к выводу, что средний заработок каждого взрослого обитателя Кадьяка за весь 1834 г. составлял всего 14 руб. 25 коп. в год. «Если рассудим, — писал он, — что алеуту без птичьих и еврашечьих парок и без камлеи обойтись нельзя, потому что это составляет природную его одежду, и что, несмотря на это, он сии вещи должен покупать в компании и платить по 4 р. за птичью парку, от 10 до 15 р. за еврашечью и по 5 р. за камлейки, и что все русские товарные вещи весьма дороги, то, конечно, бросится в глаза незначительность суммы, расходуемой на алеутов, и удивительная несоразмерность оной с пользою, от них извлекаемой»[63].

Неудивительно, что многие туземцы влезали в долги, особенно когда промысел был неудачен. «Долгов на вольных алеутах накапливается весьма много», — свидетельствовал Ф.П.Врангель[64]. По его сведениям задолженность туземцев в 1820-х гг. росла особенно быстрыми темпами. Так, если к 1 января 1821 г. по Кадьякскому отделу она составляла 5 182 руб., то к 1 января 1826 г. — уже 20 569 руб. (т.е. рост в 5 раз!), а к 1 января 1830 г. — 29 963 руб. И лишь в 1830-х гг. данная неблагополучная тенденция была приостановлена благодаря распорядительности самого Врангеля и возглавившего Кадьякский отдел В.И.Кашеварова. Этому способствовало также списание Главным правлением РАК (как безнадежных) долгов за умершими туземцами на сумму 3 793 руб., равно как и всего остатка — 26 484 руб. асс. по Кадьякскому отделу[65].

ГП РАК в депеше Ф.П.Врангелю от 31 марта 1833 г. выразило полное согласие с ним в отношении ликвидации долговой кабалы зависимых туземцев и даже разрешило полностью списать их задолженность по всем отделам на общую сумму 56 410 руб. 29 коп., исключив ее из капитала компании. Одновременно главному правителю было рекомендовано принять меры «решительно и повсеместно остановить задалживание алеутов» и не допускать ничего подобного в будущем[66]. В связи с этим Врангель смог с удовлетворе-

---

[62] **[Ф.П.Врангель]** Кадьякский отдел, остров Кадьяк. Замечания для пополнения записок г.[К.Т.] Хлебникова // Хлебников К.Т. 1979. — С. 242.

[63] **Там же.** — С. 248–249.

[64] **Там же.** — С. 249.

[65] **Там же.**

[66] **ГП — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1833 г.** // NARS. — RRAC. — R. 8. — P. 291.

нием отметить: «Главное правление весьма справедливо простило алеутам весь старый долг... Так что есть надежда при постоянном внимании правителя конторы и впредь не вводить алеутов в неоплатные долги; но вместе с тем необходимо нужно умножить прямые доходы алеутов от компании, т.е. потребно увеличить плату за промыслы и убавить цены на потребные им товары, особенно относящиеся до необходимой им одежды»[67]. Очевидно, именно по настоянию Ф.П.Врангеля в 1836 г. расценки за пушнину, приобретавшуюся у зависимых туземцев, были повышены на одну треть[68].

Пойдя под давлением Врангеля на уступку зависимым туземцам, Главное правление РАК, с другой стороны, отказалось списать долги, накопившиеся на креолах. Такое решение было продиктовано, несомненно, тем, что алеуты и без отработки долгов обязаны были трудиться на компанию, в то время как срок службы креолов был ограничен определенным числом лет, после чего удерживать их на работах РАК могла только долговая кабала.

При этом надо иметь в виду, что основная масса долга числилась все же не за туземцами, а за русскими промышленниками и служащими. Так, например, в 1831 г. по Уналашкинскому отделу насчитывалось, по данным Ф.П.Врангеля, «долгу за людьми» 44 760 руб., а «кредиту за компанией» — только 9 тыс. руб. Почти все простые служащие РАК, прибывавшие в колонии из России, оказывались уже «задолжены» компанией на сумму от 400 до 700 руб., а некоторые чиновники — до 5 000 руб. и более. РАК обычно ежегодно вычитала из жалованья своих должников $^1/_3$ в счет погашения долга, а некоторым бедным, больным и дряхлым и вовсе прощала его[69].

Уменьшению долговой кабалы весьма способствовала развернутая Ф.П.Врангелем борьба с пьянством среди русских промышленников, а также уточнение конторских расчетов с туземцами. «Сильное ограничение в употреблении крепких напитков, — писал по этому поводу Л.А.Загоскин, — доставило промышленным способы к заведению необходимо нужных им вещей для хозяйственной жизни и столько же способствовало к погашению на них возросшего непомерного долга; жребий алеут улучшился: они, отправляясь в партии, не оставались в безнадежности о времени своего возвращения в дома; расчеты с ними приведены в ясность»[70].

Определенное внимание колониальная администрация уделяла и улучшению здравоохранения. Главный госпиталь колоний и аптека при нем находились в Ново-Архангельске. Начиная с 1820 г. здесь

---

[67] **[Ф.П.Врангель]** Кадьякский отдел... — С. 249.

[68] См. **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 319–322.

[69] **Хлебников К.Т.** 1979. — С. 34, 130, 140; **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 165–167.

[70] **Загоскин Л.А.** Указ. соч. — С. 367.

постоянно находился медицинский чиновник с помощниками. По мнению К.Т.Хлебникова, это больничное заведение находилось в образцовом порядке. Он свидетельствовал: «Медикаменты расположены по шкафам в порядке и, конечно, не уступят ни количеством, ни выбором лучшей аптеке уездного города. Хирургические и анатомические инструменты превосходной работы. При докторе стоят ныне четыре мальчика из креол, кои обучаются медицине, анатомии и хирургии. Для больницы в связи с аптекою особая комната, в которой помещено 8 кроватей для тяжелобольных; прочие же, живущие по квартирам, являются по утрам в оную и получают лекарства»[71]. Для лечения больных, особенно ревматизмом, колониальные медики широко использовали такое местное средство, как целебные минеральные воды, отсылая заболевших жителей Ново-Архангельска в маленькое поселение на горячих ключах к югу от города.

Во время правления Ф.П.Врангеля значительно улучшилось и медицинское обеспечение Кадьякского отдела. Так, в 1832 г. больница в Павловской Гавани, устроенная еще во времена М.И.Муравьева, была существенно расширена и переведена в отдельный большой дом, в котором находилось два отделения на 25 коек. Говоря об этой больнице, Ф.П.Врангель мог с удовлетворением отметить: «Порядок введен хороший, и присмотр за чистотою и пищей неослабный. Один опытный фельдшер, служивший многие годы при кронштадтской морской гошпитали, имеет главный присмотр за здешнею больницею»[72]. По заданию правителя в том же 1832 г. главный врач колоний Г.В.Мейер объехал весь Кадьяк и провел осмотр больных в туземных селениях, отсылая наиболее тяжелых на излечение в новую больницу в Павловской Гавани. Несомненно, что благодаря усилиям РАК в сфере здравоохранения в 1820-х — первой половине 1830-х гг. удалось приостановить падение численности зависимого туземного населения колоний, а затем и стабилизировать его.

Еще одной острой социальной проблемой, с которой пришлось столкнуться Ф.П.Врангелю после прибытия в Русскую Америку, было наличие там значительного числа старых и дряхлых служащих компании, которые по тем или иным причинам продолжали оставаться на службе несмотря на то, что уже не были в состоянии выполнять обычные работы. Многие из них женились на креолках или туземках, имели большие семейства и не желали возвращаться в Россию. Врангель предлагал решить эту проблему путем организации поселений престарелых колонистов на п-ве Кенай. Однако ГП РАК, хотя и признавало справедливость предложения Врангеля,

---

[71] **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 179.

[72] **[Ф.П.Врангель]** Кадьякский отдел... — С. 247.

отнеслось к его идее достаточно сдержанно, поскольку от организации «инвалидных поселений» предвидело одни убытки. «Поселение колонистов, — писали директора Врангелю, — не только не принесет никакой пользы, но послужит к одному отягощению Компании...»[73].

Тем не менее Врангель настаивал на решении этой проблемы и ГП РАК, не видя иного выхода из создавшейся ситуации, решило пойти ему навстречу. В феврале 1835 г. оно через министра финансов[74] подняло перед правительством вопрос о дозволении уволенным от службы старым и больным работникам, обремененным большими семействами, оставаться навсегда в Америке. Санкция царя и правительства была дана довольно скоро: 2 апреля 1835 г. последовало «высочайшее повеление» разрешить вольнонаемным русским мещанам и крестьянам селиться на п-ве Кенай или в местах, избранных самой РАК. При этом новые поселенцы избавлялись от всех государственных платежей и налогов, кроме подушной подати, платить которую за них обязывалась компания. Вместе с ними «на таковом же основании» было предписано селить и уволенных от службы креолов. На компанию возлагалась обязанность снабдить поселенцев жильем, инструментами, скотом и семенами, а также продовольствием на один год и в дальнейшем поддерживать их благосостояние на приемлемом уровне. При этом колониальное начальство должно было строго следить, чтобы при наделении своих бывших работников участками земли не страдали бы интересы туземцев, которых поселенцы также не должны были обременять в вопросах пропитания, а добывать его своими собственными силами[75].

Все эти меры социального характера, предпринятые Ф.П.Врангелем, имели безусловно положительный эффект, но, с другой стороны, они делали более дорогим «содержание» колоний и тем самым уменьшали прибыли РАК. Особенно болезненно на них сказалось падение добычи морских котиков, начавшееся еще при П.Е.Чистякове. Главное правление писало Врангелю, что если в 1825 г. только за счет продажи котиков американцам компания могла полностью обеспечить колонии и еще оставалось 75 429 руб. чистой прибыли, то в 1831 г. убытки конторы в Ново-Архангельске составили 391 097 руб.[76]

---

[73] **ГП — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1833 г.** // NARS. — RRAC. — R. 8. — P. 325.

[74] **ГП РАК — Е.Ф.Канкрину, 28 февраля 1835 г.** // NARS. — RRAC. — R. 10. — P. 258–259.

[75] **Е.Ф.Канкрин — министру внутренних дел от 11 апреля 1835 г.** // РГИА. — Ф. 1285. — Оп. 1. — Д. 611. — Л. 1–3.

[76] **ГП — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1833 г.** // NARS. — RRAC. — R. 8. — P. 336.

Уменьшение добычи котиков привело к дефициту их шкурок в России и, как следствие, к резкому росту цен на этот мех в метрополии. Поэтому уже в 1830 г. ГП РАК специально предписало максимально сократить обмен котиковых шкур американским морским торговцам за поставляемые ими товары, а направлять все меха в Россию, обещая, со своей стороны, обеспечить снабжение колоний всем необходимым[77]. В свою очередь, Врангель также был весьма обеспокоен падением промысла котиков и дал предписание соблюдать в этом деле величайшую осторожность. В 1834 г. директора РАК согласились с мнением главного правителя ввести ежегодную квоту в 4000 шкур котиков вместо 12 000, поставлявшихся ранее с о-ва Св.Павла[78].

Пытаясь компенсировать уменьшение добычи котиков, ГП РАК предприняло шаги к развитию промысла на новых территориях, и в частности на Курильских о-вах. Еще в 1830 г. руководство компании просило Ф.П.Врангеля учредить специальную контору для управления новым отделом колоний на о-ве Симусир, «прибавить на Курилы алеут» и активизировать торговые отношения с местными жителями — айнами[79]. Однако успехи промысла на Курилах были непродолжительны, и уже в 1831 г. отправленный туда на бриге «Чичагов» лейтенант Д.Ф.Зарембо доносил о невозможности без парусного судна вести добычу калана к северу от о-ва Уруп, где располагалась главная промысловая артель РАК[80]. Чтобы улучшить ситуацию в Курильском отделе, ГП РАК в 1833 г. рекомендовало Ф.П.Врангелю перебросить туда еще один отряд алеутов, поскольку имеющихся в отделе 20 двухлючных байдарок явно не хватало для ведения обширного промысла на большом пространстве Курильской гряды[81]. Впрочем, Курильский отдел так и не стал в дальнейшем сколько-нибудь важным источником доходов компании: пушные ресурсы здесь были уже основательно истощены еще в XVIII в., а рассчитывать на развитие торговли с айнами не приходилось из-за их крайней малочисленности и примитивного хозяйства. Неудачей закончились также попытки РАК начать в 1830–1833 гг. промысел на Шантарских о-вах в восточной части Охотского моря[82].

Малоуспешным оказалось и возобновление промысла калана на северо-западном побережье Америки. В 1832 г. Ф.П.Врангель отправил партию из 30 байдарок под прикрытием брига «Полифем»

---

[77] **ГП — Ф.П.Врангелю, 21 марта 1830 г.** // Ibid. — R. 7. — P. 12.

[78] **Вениаминов И.Е.** Записки об островах Уналашкинского отдела. — СПб., 1840. — Ч. 2. — С. 369–370.

[79] **ГП — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1831 г.** // NARS. — RRAC. — R. 7. — P. 227–228.

[80] **ГП — Ф.П.Врангелю, 24 марта 1832 г.** // Ibid. — R. 8. — P. 131.

[81] **ГП — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1833 г.** // Ibid. — P. 287.

[82] См. **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 289–294.

в зал.Якутат и Льтуа. Добыча была невелика — всего 145 каланьих шкур[83]. Поэтому главные надежды сам Врангель и директора РАК связывали с расширением торговой деятельности компании на Севере. В 1831 г. Главное правление рекомендовало Ф.П.Врангелю учредить факторию на морском побережье в районе Берингова пролива: в этом случае корабли РАК могли бы посещать чукчей на противолежащем берегу Азии с целью развития торговли[84].

Руководствуясь этими соображениями, Ф.П.Врангель распорядился послать в 1832 г. судно под начальством лейтенанта М.Д.Тебенькова к Берингову проливу для выбора подходящего места под поселение и для торговли с туземцами. Хотя Тебеньков так и не заложил здесь русскую факторию, однако собрал довольно много важных сведений о географии зал.Нортон и скупил немало пушнины у местных эскимосов.

В это же время из Ново-Александровского редута в глубь материка был послан отряд опытного байдарщика Ф.Л.Колмакова для основания там небольшой фактории (одиночки), призванной стать перевалочным пунктом при путешествиях из поселения в зал.Нортон в Ново-Александровский редут у устья р.Нушагак[85]. Колмаков устроил одиночку на р.Кускоквим при впадении в нее р.Холитны, где оставил своего заместителя — креола-толмача С.И.Лукина с тремя нанятыми в Ново-Александровском редуте эскимосами[86]. В январе 1833 г. Колмаков послал Лукина вверх по Кускоквиму для дальнейшего изучения бассейна реки и скупки бобровых шкурок у туземцев[87]. Поход Лукина оказался весьма успешным: ему удалось выменять у индейцев Кускоквима и его притоков несколько сот бобровых шкур.

Весной 1833 г. Ф.П.Врангель вновь отправил в район Берингова пролива два судна — «Квихпак» и «Уруп» под командованием лейтенантов Розенберга и Тебенькова. На последнего главный правитель возложил задание выстроить там торговый пост компании. Тебеньков успешно справился с поручением Ф.П.Врангеля и летом 1833 г. основал новую укрепленную факторию в зал.Нортон. Она была заложена на юго-восточной стороне маленького острова, рядом с более крупным о-вом Стюарт и побережьем материка невдалеке от устья Юкона. Устроить здесь поселение намеревался еще П.Е.Чистяков, о чем он писал в 1829 г. прапорщику И.Я.Васильеву перед

---

[83] **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 113.

[84] **ГП — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1831 г.** // NARS. — RRAC. — R. 7. — P. 178.

[85] **Сведения о состоянии дел РАК в 1832–1833 гг.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1.

[86] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 283.

[87] **Pierce R.A.** Op. cit. — P. 249.

его отправкой в глубинные районы Аляски[88]. Новая фактория была названа по имени его основателя М.Д.Тебенькова «редутом Св.Михаила». Первоначально здесь разместилось 25 служащих компании.

Одновременно с освоением побережья Берингова моря РАК продолжала свои операции в бассейне р.Кускоквим. Обстоятельно исследовав эту территорию, байдарщик Ф.Л.Колмаков в 1834 г. перенес Хулитнакскую одиночку от устья р.Холитны (Хулитнак) вниз по течению Кускоквима в более удобное место — к устью р.Квыгым. В 1841 г. эта фактория была преобразована в редут, названный в честь Колмакова, умершего в 1840 г., «Колмаковским». Его начальником стал креол С.И.Лукин, успешно продолживший дело своего бывшего начальника. Хорошо разбираясь в психологии местных жителей и зная их обычаи, Лукин сделал очень много для распространения русского влияния в этом крае и даже окрестил несколько десятков туземцев в окрестностях редута. «На Кускоквиме, — свидетельствовал Л.А.Загоскин, — мы видели пляску новокрещенных, которой содержание было благодарность *тяте*, как зовут туземцы управляющего редутом Колмакова, ...С.Лукина, за озарение их светом христианства, за прекращение между ними несогласий и за услуги, которые он оказывает им, продавая по сходным ценам табак, котлы и другие товары...»[89].

Другой базой для торговой экспансии РАК в глубь материка в начале 1830-х гг. служил Николаевский редут на п-ве Кенай. Ф.П.Врангель, получив указание Главного правления усилить вымен речных бобров у туземцев Аляски, переадресовал это распоряжение Кадьякской конторе РАК. Он писал: «Но главнейше должно стараться из Кенайского (Кука. — *А.Г.*) залива простираться далее к Северо-Востоку во внутренность Америки, где водятся речные бобры в изобилии. Колмаков из Александровского редута достиг до колчан кенайских (индейцев танана. — *А.Г.*), следовательно, необходимо Кенайскому (Николаевскому. — *А.Г.*) редуту искать себе новых источников промыслов далее к востоку и северо-востоку»[90].

С 1830-х гг. РАК начала особенно широко привлекать индейцев танаина (кенайцев) к скупке мехов у внутриматериковых племен. Для этого каждый сентябрь из Николаевского редута отправлялся на байдаре с товарами «доверенный кенаец» в селение Кнык, находившееся в северо-восточной части зал.Кука, где он зимовал у своих земляков и выменивал пушнину у них и приходивших туда индейцев атна и танана, для чего он также нередко посещал селения на р.Су-

---

[88] **Федорова С.Г.** Штурманы Иваны Васильевы и их роль в изучении Аляски (первая половина XIX в.) // Л.С. — М., 1979. — Т. IX.

[89] **Загоскин Л.А.** Указ. соч. — С. 46–47, 202, 211, 230, 257–259.

[90] **Ф.П.Врангель — Кадьякской конторе РАК, 11 марта 1834 г.** // NARS. — RRAC. — R. 36. — P. 17.

шитне (Суситне). Весной этот агент РАК отправлялся на байдаре, нагруженной мехами, обратно в Николаевский редут, причем индейцы-гребцы из тех селений, где он вел торговлю, оставались при редуте для работ на компанию (ловля рыбы, сенокос, заготовка леса и т.п.). Для подобных же работ, по данным Ф.П.Врангеля, каждый из 20 вождей танаина должен был отрядить летом по одному мужчине и женщине от своего селения, хотя реально эта цифра оказывалась вдвое меньше. Эти временные работники получали плату товарами по 7 руб. в месяц[91]. И хотя они трудились только в летний сезон (с апреля по сентябрь) и за плату, этот факт был свидетельством зависимости танаина от Российско-американской компании.

Привлечение танаина в качестве постоянных служащих позволило РАК значительно сократить гарнизон Николаевского редута. Если в 1820-х гг. в нем состояло 12 русских, 12 индейцев и 4 индеанки (при редуте жил еще один русский с семейством, уволенный от службы), то в 1834 г. гарнизон уже состоял всего из 6 русских, 5 индейцев и одной индеанки, не считая временных работников-туземцев. Служащие в нем разводили картофель и репу, при этом часть урожая выгодно сбывалась танаина. К этому времени при редуте имелось небольшое стадо коров, но увеличить их число не представлялось возможным. Ф.П.Врангель с сожалением писал, что помимо слабых навыков ухода за скотом у индейцев, для умножения поголовья не хватает рабочих рук, а набирать дополнительных работников из местных было невозможно без принуждения[92].

Торговые операции Николаевского редута распространялись и на район оз. Илиамна, куда каждое лето посылался на байдаре еще один «доверенный кенаец» с товарами для скупки пушнины у его сородичей. За зиму он выменивал иногда до 600 бобровых шкур. В апреле-мае пушнина доставлялись в редут. Эта практика продолжалась до 1833 г., пока по распоряжению Врангеля на озере была возобновлена одиночка, байдарщиком и работником которой стали два лояльных к компании танаина, получавшие от РАК ежегодное жалование в размере 470 руб. и пайки на 60 руб. Как отмечал главный правитель, с устройством указанной одиночки количество получаемых из того района мехов почти удвоилось. По его данным, за одно одеяло стоимостью в 15 руб. индейцы должны были отдавать компании 6 больших или 10 малых бобровых шкур (по рыночной цене — около 240 руб.); один фунт бисера стоил 2 больших бобра, за четверть фунта пороха или табака приказчики РАК требовали целую бобровую шкуру[93].

---

[91] **Ф.П.Врангель.** Примечания к части второй «Записок об Америке» К.Т.Хлебникова // Хлебников К.Т. 1979. — С. 50, 80–82.

[92] **Там же.** — С. 82.

[93] **Там же.** — С. 81–83.

Усиление активности РАК в глубинных районах Аляски в первой половине 1830-х гг. было обусловлено не только уменьшением добычи морских котиков, но и все более усиливавшимся торговым влиянием англичан из сопредельных с Юго-Восточной Аляской территорий. Так, у индейцев атна, проживавших в бассейне р.Коппер (Медной), помимо обычных английских товаров появилось даже огнестрельное оружие. Оно попадало к ним из факторий компании Гудзонова залива, расположенных за Скалистыми горами, и частично от тлинкитов с побережья. Ф.П.Врангель сообщал, что атна даже продавали английские ружья своим соседям кенайцам[94]. Неудивительно, что главный правитель распорядился расширить торговлю компании в долине р.Коппер (Медной). «Меры эти, — отмечалось позднее в отчете ГП РАК, — увенчались успехом. Увеличенное число речных бобров, получаемых с наших, а отчасти и Английских владений, с избытком заменило в оборотах Компании уменьшившееся число котовых шкур»[95].

Одновременно с операциями на севере колониальная администрация обратила пристальное внимание на южные рубежи Русской Америки, к которым с востока и юга неумолимо придвигались фактории компании Гудзонова залива. Кроме того, приближение окончания срока конвенций о свободе мореплавания и торговли в водах Русской Америки, заключенных Россией с США и Великобританией в 1824–1825 гг., заставило Ф.П.Врангеля загодя принимать необходимые меры с целью вытеснения иностранных конкурентов из Юго-Восточной Аляски. Здесь они на протяжении целых десятилетий вели выгодную торговлю с независимыми индейцами колошами — тлинкитами и хайда-кайгани, населявшими арх.Александра и прилегающий берег материка. Для этого следовало перехватить торговлю с колошами у иностранцев и выстроить несколько укрепленных факторий в устье наиболее крупных рек, чтобы пресечь поступление пушнины из глубин материка на побережье, где она попадала в руки иностранных купцов. «Предприятию сему, — писало Главное правление РАК в 1833 г., — в особенности благоприятствует теперешнее расположение к нам Колош, которые сами предлагают поселить к ним Русских и ручаются за безопасность сих поселений, как о том в прошлогоднем сведении было упомянуто. Главному Правителю колонии предписано было, на счет водворения на Колошенском берегу и самой торговли с Колошами, употребить все зависящие от него способы не теряя времени, тем более, что и срок, определенный конвенциями, приближается»[96].

---

[94] **Врангель Ф.П.** Обитатели северо-западных берегов Америки // СО. — 1839. — Т. VII. — С. 56.

[95] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — С. 52.

[96] **Сведения о состоянии дел РАК в 1832 г. в колониях и в 1833 г. в России** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 57. — Л. 12–13.

Однако выполнить распоряжение Главного правления о расширении торговли с тлинкитами и кайгани было далеко не просто. Ф.П.Врангель писал по этому поводу: «Приученные торговцами Соединенных Штатов, колоши в проливах (арх.Александра. — *А.Г.*) не отдают пушной промысел по тем ценам, которые платим им в Ситхе и которые кажутся нам чрез меру высоки: они требуют и того еще более и с великим трудом могли склонить их сделать уступку такую, что платежом нашими товарами обходится нам речной бобр большой величины в 15 рублей, средний в 10, малый в 7... Таковые высокие цены становятся нам менее тягостны тем только, что с разрешения Главного правления платим колошам частью и ромом, ибо на ром накладывается здесь 180% на покупную цену, так что платя за речного бобра большой величины $^1/_8$ ведра или по счетам 20 рублей, в самом деле обходится оный нам около 7 рублей»[97].

Весной 1833 г., получив дополнительные инструкции Главного правления, Ф.П.Врангель направил в южные проливы арх. Александра бриг «Чичагов» под командованием своего помощника капитан-лейтенанта А.К.Этолина. Он должен был начать торговлю с местными индейцами и определить места, удобные для сооружения редутов[98]. Как раз в это время директора РАК отправили Ф.П.Врангелю депешу, в которой рекомендовали ему при удобном случае учредить укрепленные фактории в «Колошенских проливах», и в частности, у тлинкитского селения Хуцнуву на о-ве Адмиралти[99].

В конце мая Этолин возвратился в Ново-Архангельск. Во время путешествия он посетил селение хайда-кайгани на южной оконечности о-ва Долл, а затем побывал в устье довольно крупной р.Стикин (Стахин), в верховьях которой англичане намеревались основать свою торговую факторию. Налаживание отношений с воинственными тлинкитами в проливах арх. Александра было нелегким делом. В связи с этим директора РАК сообщали в Министерство финансов: «По возвращении г[-на] Этолина, то же поручение было возложено на лейтенанта Зарембо, и, как видно из представлений тех офицеров, что они с великим трудом, постоянным терпением и значительными издержками едва успели привести в исполнение предписание Главного Правителя. Обитатели тех мест Колоши, народ многочисленный, военнолюбивый, суеверный и до дерзости наглый, быв

---

[97] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 28 апреля 1834 г.** // NARS. — RRAC. — R. 36. — P. 175–176.

[98] **Сведения о состоянии дел РАК...** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Л. 13об.; АВПРИ. — Ф.РАК. — Д. 995. — Л. 49.

[99] **ГП — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1833 г.** // NARS. — RRAC. — R. 8. — P. 332.

подстрекаем внушениями завистливых соперников в торговле (иностранными конкурентами. — *А.Г.*) о правах России на те места и что они будут порабощены Русскими, напитались сильным подозрением и негодованием к Русским. Одно только постоянно справедливое обращение помянутых гг. офицеров, пожертвование капиталом для подарков начальникам диких (индейцев. — *А.Г.*) и неизменная честность в меновой торговле, сперва смягчили и наконец привели их в необходимость просить, чтобы Главный Правитель сделал между ними Русское поселение»[100].

С этой просьбой обратились к Ф.П.Врангелю жившие в устье Стикина тлинкиты, хотя они были не прочь иметь здесь и английскую факторию: опытные торговцы стикинцы умели извлекать максимальную выгоду для себя от торгового соперничества между европейскими скупщиками пушнины. Просьба стикинцев, которую передал Врангелю Этолин, а еще более желание не дать англичанам закрепиться в верховьях реки, побудили главного правителя ускорить устройство новой русской фактории. Для ее основания в конце августа 1833 г. был вновь отправлен бриг «Чичагов» с необходимыми материалами и людьми под начальством лейтенанта Д.Ф.Зарембо. Вскоре по прибытии его на место в устье Стикина был заложен укрепленный торговый пост, названный в честь его основателя «редутом Св.Дионисия» (Дионисиевский редут). А в мае 1834 г. русский гарнизон окончательно занял его и воспрепятствовал попыткам английских торговцев продвинуться вверх по реке для основания на британской территории новой фактории компании Гудзонова залива (см. подробнее гл. 5).

Последовавшее за этим обострение англо-русских отношений привело к тому, что руководство РАК сочло необходимым иметь во главе российских владений в Америке опытного боевого офицера, который в случае возникновения открытого конфликта с британцами мог бы успешно организовать оборону Русской Америки. Это было тем более актуально, что в 1835 г. заканчивался контракт Ф.П.Врангеля. В целом пятилетие его правления охарактеризовалось быстрым освоением РАК района Берингова пролива, устья Юкона и бассейна Кускоквима, активным противодействием торговой экспансии англичан на юге российских колоний, широким строительством в Ново-Архангельске и попытками проведения некоторых социально-экономических реформ, направленных на облегчение жизни населения колоний. Именно благодаря усилиям Ф.П.Врангеля правительство, наконец, разрешило простым русским людям на законных основаниях постоянно селиться в Новом Свете.

---

[100] **ГП РАК — Министерству финансов, 26 ноября 1835 г.** // Ibid. — R. 10. — P. 408–409.

4. Русская Америка в период правления И.А.Купреянова (1835–1840)

В качестве главного правителя колоний директора РАК пригласили заслуженного морского офицера, капитана 1-го ранга Ивана Антоновича Купреянова, имевшего большой военный опыт и награжденного несколькими орденами, медалями и золотой саблей за храбрость в войнах с поляками, турками и персами. Ему уже доводилось бывать в Русской Америке в 1823–1824 гг., когда он служил на фрегате «Крейсер» под командованием капитана М.П.Лазарева. По прибытии в Ново-Архангельск 25 октября 1835 г. на корабле РАК «Ситха» Купреянов принял у Врангеля бразды правления Русской Америкой.

Одной из задач, вставших перед новым главным правителем, стала отправка на родину четырех японцев, спасенных с потерпевшей крушение джонки и доставленных в 1835 г. в Охотск. В этом же году они были переправлены в Ново-Архангельск: царское правительство надеялось с их помощью при посредничестве Российско-американской компании наладить взаимовыгодные отношения с Японией[101]. Сама компания также была заинтересована в товарообмене с Японией, так как это сулило ей в перспективе большие выгоды. Поэтому уже летом 1836 г. И.А.Купреянов дал предписание возвратить японцев на родину. Бот РАК «Уналашка» под командованием подпоручика Орлова должен был доставить их на о-в Хоккайдо. 30 сентября 1836 г. Орлов доносил Главному правлению РАК из Охотска, что ему не без труда удалось выполнить поставленную перед ним задачу, так как враждебно настроенные к русским японцы обстреляли судно со своих укреплений[102]. Поэтому Орлов был вынужден высадить спасенных на о-ве Итуруп, где находились самые северные японские поселения на Курильской гряде. На обратном пути он собрал промыслы с Курильских о-вов, принадлежавших русским, и привез их в Охотск[103].

---

[101] Эта страна оставалась традиционно «закрытой» для иностранцев, и в первую очередь для русских, из-за набегов, совершенных в 1807–1808 гг. лейтенантом Хвостовым и мичманом Давыдовым (они действовали под флагом РАК — см. том 2), на японские поселения на Южных Курилах и Сахалине. В отместку японцы в 1811 г. пленили капитана В.М.Головнина и несколько членов его команды во время кругосветного путешествия на военном шлюпе «Диана». После освобождения Головнина из плена правительство России в 1815 г. во избежание подобных инцидентов в будущем строжайше запретило судам РАК подходить к берегам Японии. Лишь спустя 20 лет этот запрет был частично снят.

[102] **NARS.** — RRAC. — R. 10. — P. 448–488.

[103] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 179.

Попытка РАК наладить добрососедские отношения с Японией оказалась, таким образом, безуспешной. Аналогичные результаты имел позднее — в июне 1843 г. — визит брига «Промысел» на Итуруп с другой группой спасенных японских моряков, доставленных туда из Ново-Архангельска, куда они были перевезены из Охотска[104].

Не лучше складывались в это время и взаимоотношения между русскими и британцами в Америке (см. главу 5). Активизация торгового соперничества между РАК и КГЗ в Юго-Восточной Аляске требовала укрепления колониальной флотилии. Еще в мае 1836 г. И.А.Купреянов в донесении Главному правлению РАК настаивал на постройке в колониях парохода. При этом он указывал на соседей — англичан, которые уже обзавелись своим пароходом «Бивер» на северо-западном побережье. Его преимущества при плавании среди островов и фьордов были настолько очевидны в сравнении с русскими парусными судами, что Купреянов опасался полного перехода торговли с индейцами арх.Александра в руки конкурентов[105].

Главное правление согласилось с мнением И.А.Купреянова о необходимости иметь в колониях пароход и заказало для него в США паровой двигатель. 29 апреля 1838 г. в Ново-Архангельск прибыл из Бостона американский корабль «Суффолк» с машиной в 60 лошадиных сил для будущего парохода и специалистом — машинистом Эдуардом Муром для обучения русских моряков[106]. 5 июня 1838 г. на ново-архангельской верфи был заложен первенец российского парового флота в Америке — «Николай I»[107]. Корпус для него был выстроен корабельным мастером креолом Осипом Нецветовым. Летом 1839 г. пароход был спущен на воду, и сам главный правитель колоний решил добраться на нем до Кадьяка. Но судно было предназначено для каботажного, а не океанского плавания, и не имело достаточных мореходных качеств. Поэтому Купреянов вынужден был прервать свое путешествие и возвратиться с полдороги (от зал. Якутат)[108]. В дальнейшем пароход использовался исключительно для плаваний по внутренним проливам арх. Александра — в основном для торговли с местными индейцами. Кроме того, он нередко занимался буксировкой парусных судов в гавань Ново-Архангельска или ходил со снабжением в Озерский редут и на Горячие Ключи, где продолжало действовать лечебное заведение компании.

Колониальная флотилия нуждалась также в замене старых, обветшавших парусников. В этих целях в 1837 г. в финском городе

---

[104] **ОГП РАК за 1842 г.** — С. 46; **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 182–183.

[105] **NARS.** — RRAC. — R. 38. — P. 171.

[106] **И.А.Купреянов — ГП РАК, 1 мая 1838 г.** // NARS. — RRAC. — R. 41. — P. 5.

[107] **И.А.Купреянов — ГП РАК, 4 ноября 1838 г.** // Ibid. — P. 205.

[108] **Ibid.** — R. 42. — P. 78, 438.

Або были построены для РАК два корабля для кругосветных плаваний — «Николай I» (400 т водоизмещения) и «Наследник Александр» (300 т), а в 1839 г. в чилийском порту Вальпараисо был куплен американский бриг, получивший имя «Великий князь Константин» (или просто «Константин») в 170 т водоизмещения[109].

Во время правления И.А.Купреянова не обошлось и без потерь судов. В 1837 г. при возвращении из Охотска на Ситху погибла шхуна РАК «Чилькат» под командованием штабс-капитана Корпуса флотских штурманов В.К.Воронковского. Из экипажа не спасся никто, а материальные потери составили 22 205 руб.сер. (включая стоимость судна и находившийся на нем груз мехов с Курильских о-вов и продовольственных припасов из Охотска)[110]. Спустя два года — в декабре 1839 г. — бот «Алеут», зимовавший на Кадьяке, был выброшен бурей на берег. К счастью, при этом никто не пострадал. После ремонта бот был опять спущен на воду и отправлен на Ситху, где с того времени использовался только для сообщений с Озерским редутом[111].

Заметно продвинулось при И.А.Купреянове школьное образование в колониях. В 1838 г. в Ново-Архангельске была учреждена первая школа для девочек под патронажем супруги главного правителя колоний. Ее официальное открытие состоялось 2 января 1839 г. В ней обучались дочери служащих компании и сироты, находившиеся на иждивении РАК. Вскоре маленькие женские школы появились и в других отделах колоний. В них обучали грамоте, различным рукоделиям и ведению домашнего хозяйства.

К началу 1840-х гг. в главных селениях четырех отделов колонии имелись: в Ново-Архангельске — мужская школа на 40 мальчиков и женская на 10 учениц; на о-ве Кадьяк в Павловской Гавани две школы соответственно на 20 мальчиков и 10 девочек; на о-вах Уналашка и Атха в маленьких местных школах обучалось по 5 учеников и столько же учениц. К 1 января 1840 г. в этих восьми начальных школах находилось 59 мальчиков и 24 девочки, а к 1 января 1842 г. их число возросло соответственно до 67 и 28-ми. Обучались в колониальных школах в первую очередь дети русских рабочих и креолы. Туземцев же было совсем немного: их образованием были заняты в основном священники в своих приходах. Сыновья и дочери чиновников администрации обучались частным образом на дому. В учебные заведения принимались дети не моложе 8 лет. Они проходили чтение, письмо, закон Божий и основы арифметики. После окончания курса большая часть из них поступала на службу ком-

---

[109] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 331.

[110] **Общая ведомость по оборотам РАК за последнее десятилетие, с 1835 по 1844 гг.** // АВПРИ. — Ф.Гл.Архив II-3, 1835 г. — Оп. 77. — Д. 7. — Л. 48.

[111] **ОГП РАК за 1840–1842 гг.** — С. 44.

пании в колониях — матросами на суда, мастеровыми и рабочими, а девушки выходили замуж. Несколько наиболее одаренных подростков ежегодно посылалось для продолжения учебы в С.-Петербург, где они обычно зачислялись в Училище торгового мореплавания или постигали секреты ремесленного производства у известных мастеров на Адмиралтейских ижорских заводах. Некоторые даже заканчивали Технологический институт и Кронштадтское штурманское училище. Обучившиеся в России воспитанники компании обязаны были прослужить ей в колониях 10 лет. «Учреждение колониальных школ, писало по этому поводу Главное правление РАК, — не говоря уже о благодетельном влиянии на детей постоянного надзора и начатках просвещения, которое постепенно разливается в низших сословиях, дает Компании возможность оказывать благодеяния сиротам и старым усердным служителям, обремененным большими семействами; а с другой стороны, приносить и ту пользу, что воспитанники Компании, занимая в колониях разные должности, избавляют Главное Правление от необходимости приискивать для колониальной службы вольнонаемных»[112].

Объемы благотворительной деятельности компании определялись в первую очередь развитием ее пушного промысла и торговли. Усиление в середине 1830-х гг. торговой конкуренции англичан из компании Гудзонова залива (КГЗ) на Юго-Востоке Аляски заставила И.А.Купреянова обратить особое внимание на развитие товарообмена с населявшими этот район племенами. Русские, стремясь не допустить утечки мехов из своих владений к англичанам, пользовались любой возможностью для вымена пушнины. Причем в ход шел даже запрещенный к продаже туземцам ром и огнестрельное оружие[113].

Особое место в противоборстве с англичанами занимали тлинкиты, жившие в устье Стикина. Купреянов отдал специальное распоряжение Игнатию Андреянову, начальнику находящегося там редута Св. Дионисия поднять расценки на пушнину на 25%. Для поощрения индейцев было разрешено делать прибавку за меха различными товарами: сухарями, патокой, ромом, жилетами и фуражками. Специально для продажи в редут были отправлены ружья с красными прикладами (индейцы превыше всего ценили вещи красного цвета). Особую милость Купреянова заслужил вождь Танахку за обещание не ездить со своими людьми в английские фактории, а променивать всю пушнину русским[114].

Такая политика в отношении стикинцев приносила свои плоды, что наглядно продемонстрировал трагический эпизод, произошед-

---

[112] **Там же.** — С. 47.

[113] См. **И.А.Купреянов — Д.Ф.Зарембо, 5 октября 1836 г.** // NARS. — RRAC. — R. 38. — P. 319.

[114] **Гринёв А.В.** — С. 151.

ший весной 1838 г. В конце апреля из Ново-Архангельска бежало трое служащих РАК: Никита Караулов, Николай Иванов и креол Ипполион Солтанов. Первые двое пытались дезертировать еще летом 1837 г. из Дионисиевского редута в британские владения, но были схвачены и доставлены обратно в редут нанятыми его начальником тлинкитами. Высланные в Ново-Архангельск, беглецы были наказаны розгами и оставлены для работ при порте. Однако наказание не сломило их. Сговорившись с креолом Солтановым, они украли у живших по соседству с Ново-Архангельском тлинкитов-ситкинцев каноэ и, прихватив с собой двух индеанок, бежали в проливы. Хотя местным индейцам была обещана награда за поимку беглецов, тем удалось благополучно скрыться[115].

Почти два месяца дезертиры плутали среди поросших густым лесом островов и заливов арх.Александра. В пути они занимались грабежом и разбоем: сначала они убили двух тлинкитов-ситкинцев, а затем вырезали еще две индейские семьи (всего от их рук погибло 11 человек). Оставшихся в живых двух тлинкиток из этих семей они насильно увезли с собой. Наконец, в июне дезертиры вступили в перестрелку с семью индейцами, во время которой был смертельно ранен Караулов. Ранены были и двое других беглецов. Со стороны индейцев тлинкитов погиб их вождь, а остальные разбежались (большинство из них получили ранения). После этого дезертиры вынуждены были отправиться в Дионисиевский редут, где и сдались его начальнику Игнатию Андреянову.

Главному правителю, а также его помощнику Д.Ф.Зарембо пришлось принимать срочные меры, чтобы не допустить эскалации конфликта. Дело в том, что к Дионисиевскому редуту вскоре прибыл отряд вооруженных индейцев с намерением убить его начальника в отместку за смерть их вождя. Им не удалось совершить задуманное только потому, что дружески настроенные к русским местные тлинкиты-стикинцы силой остановили их. К этому времени к редуту подошел бриг «Чичагов» под командованием Д.Ф.Зарембо, и начались переговоры об уплате компенсации индейцам за смерть их убитых сородичей. Всего они получили от РАК товаров на сумму 1 237 руб. Оставшиеся в живых дезертиры (Иванов и Солтанов) после излечения от ранений, полученных в стычках с индейцами, были отправлены в Охотск, чтобы предстать перед судом, поскольку, как писал И.А.Купреянов, «вина их великой важности»[116].

---

[115] **И.А.Купреянов — ГП РАК, 19 мая 1838 г.** // NARS. — RRAC. — R. 41. — P. 84. В этом же донесении Купреянов сообщает еще об одной попытке дезертирства: 2 русских и 2 «финляндских уроженца» пытались бежать с брига «Акция», зимовавшего в 1837/38 г. у Дионисиевского редута (**Ibid.** — P. 85.).

[116] **И.А.Купреянов — ГП РАК, 30 апреля 1839 г.** // Ibid. — R. 42. — P. 222–228.

Русские также стремились всячески примирить тлинкитские роды, враждовавшие между собой, поскольку тем самым укрепляли свое влияние на независимых индейцев, а главное — способствовали расширению и безопасности торговли. Например, в предписании командиру брига «Чичагов» Д.Ф.Зарембо от 23 марта 1838 г. И.А.Купреянов специально указывал на необходимость заключения мира между чилкатскими и стикинскими тлинкитами, для чего следовало употребить «всевозможные средства»[117].

Однако когда дело касалось экономических интересов туземных торговцев-посредников, миротворческая деятельность служащих РАК была не всегда успешной. Так, основание в зал.Нортон редута Св.Михаила на одном из наиболее оживленных торговых путей вызвало недовольство эскимосов малеймютов и азиякмютов (кауверак), игравших видную роль в товарообмене между туземцами бассейна Юкона и Чукотки. Уменьшение притока пушнины побудило их попытаться уничтожить Михайловский редут в 1836 г. Для этого они послали 200 воинов на десяти больших байдарах и через запуганных ими местных эскимосов следили за каждым шагом гарнизона крепости. Напасть на нее открыто пришельцы не решались и хотели дождаться рассылки служащих РАК по делам из крепости, чтобы путем внезапной атаки покончить с ними по частям, а затем уже захватить и само укрепление. Их план едва не удался, когда 10 августа 9 человек из гарнизона были посланы на баркасе для сбора леса на морское побережье. На обратном пути они подверглись внезапному нападению эскимосов: один из служащих был тут же убит, а все остальные ранены, хотя и пытались отстреливаться из ружей. Русским удалось избежать гибели только благодаря мужеству и физической силе промышленника Курепанова, который, увлекая за собой раненых товарищей, топором проложил дорогу к неприятельской байдаре на берегу и, захватив ее, отчалил в море. Вскоре спасшиеся достигли Михайловского редута и подняли тревогу. Нападавшие, увидев, что внезапная атака не удалась, вернулись в свои селения, потеряв несколько человек ранеными и убитыми, в том числе одного влиятельного вождя. После этого они уже не смели появляться на южном берегу зал. Нортон, опасаясь мести русских за совершенное на них нападение[118].

Не без трудностей шло при И.А.Купреянове и дальнейшее освоение глубинных районов Аляски. В 1836 г., после похода А.К.Глазунова в район нижнего Юкона, при эскимосском селении Икогмют поселилась артель служащих РАК, занимавшаяся выменом пушнины у местных жителей. Однако спустя три года, в 1839 г., она была вырезана эскимосами с низовьев Кускоквима. Главным виновником

---

[117] **NARS.** — RRAC. — R. 40. — P. 166.

[118] **Загоскин Л.А.** Указ. соч. — С. 68–69, 109.

трагедии был, вероятно, сам управляющий Икогмютской одиночки, часто обманывавший и обсчитывавший туземцев. Дополнительным стимулом к нападению было, возможно, желание устранить торговых конкурентов, нарушавших товарообмен кускоквимцев с туземцами долины Юкона, а равно и месть русским за эпидемию оспы, которую, по представлениям местных жителей, те напустили на них. После разорения Икогмютской одиночки, где погибло трое русских промышленников, враждебные эскимосы намеревались уничтожить и Колмаковскую одиночку на Кускоквиме, которой заведовал креол С.И.Лукин. Но тот вовремя заметил опасность и сумел разогнать нападавших. Шедший в это время в Икогмют после торговли на р.Инноко (левый приток нижнего Юкона) креол Петр Колмаков (сын Ф.Л.Колмакова) был предупрежден дружественными индейцами о нападении на Икогмют и повернул на Кускоквим к Лукину. Из своего похода на Инноко Колмаков привез более 800 бобровых шкур и представил колониальному начальству журнал своего путешествия[119].

За год до этих событий штурман (помощник мореходства) креол П.В.Малахов исследовал Юкон до р.Коюкук. В ноябре того же 1838 г. он вновь отправился туда с людьми и товарами для основания постоянной фактории в глубинах материка. 28 марта Малахов достиг устья р.Нулато, впадавшей в Юкон, и вблизи индейского селения, жители которого почти поголовно погибли от оспы, заложил новую факторию РАК, известную как «Нулатовская одиночка» или просто «Нулато». Весной 1839 г. Малахов вернулся в Михайловский редут, доставив туда около 350 бобровых шкурок. Приказчиком при новом поселении на зиму 1839/40 г. был оставлен финский швед Карл Нордстрем, которому удалось выменять у местных индейцев еще до 500 шкур бобров. Весной 1840 г. он возвратился за товарами в Михайловский редут, а в августе опять отправился в Нулато, но заблудился в низовьях Юкона. Зазимовав в одном туземном селении, Нордстрем в течение нескольких месяцев скупил здесь более 700 бобров[120].

Появление русских в районе среднего Юкона вызвало недовольство местных торговцев-посредников. В 1839 г. несколько враждебных индейцев инкаликов, явившись якобы для торговли, едва не зарезали совершавшего путешествие байдарщика Дерябина, которого спасло только то, что он вовремя заметил опасность и успел кинуть несколько патронов в костер: разрывы патронов заставили туземцев разбежаться. А в 1840 г. исключительно благодаря силе и отваге промышленника Дмитриева индейцам не удалось ограбить

---

[119] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — С. 54–55; **Загоскин Л.А.** Указ. соч. — С. 202, 204, 241, 243, 259, 286.

[120] **Загоскин Л.А.** Указ. соч. — С. 136, 181, 184–186.

караван с товарами, шедший из Михайловского редута в Нулато. Эскимосы малеймюты, посредническая торговля которых особенно пострадала после основания фактории РАК в Нулато, неоднократно подстрекали своих соседей — индейцев коюкон — выжечь это русское поселение[121]. Весьма способствовала росту враждебности к русским со стороны туземцев и эпидемия оспы, поразившая Русскую Америку во второй половине 1830-х гг.

5. Великая эпидемия оспы 1835–1840 гг.

Эта эпидемия стала, пожалуй, наиболее страшным потрясением для коренного населения Русской Америки в XIX в. Зародившись на юге, в английских владениях, болезнь подобно степному пожару распространилась на север и вскоре достигла территории Аляски. В ноябре 1835 г. оспа появилась в селении тлинкитов у стен Ново-Архангельска и за три месяца болезнь унесла 400 жизней, т.е. около трети всего туземного населения. В самом городе ею переболело большинство живших здесь креолов (из них погибло около 10 человек), в то время как из русских на короткое время заболел только один человек[122]. Болезнь свирепствовала на Ситхе до середины ноября 1836 г., а в индейских селениях в проливах Архипелага Александра не утихала вплоть до лета 1837 г.

Поначалу борьбу с эпидемией очень затрудняло отсутствие в колониях надежных вакцин. И только с 1841 г., после доставки из британских владений «оспенной материи» хорошего качества эта проблема была решена. Сама эпидемия практически не затронула европейское и метисное население колоний (т.е. русских и креолов). В то же время зависимые туземцы жестоко пострадали от нее. Так, согласно колониальной статистике, в 1836 г. насчитывалось 6991 алеут и кадьяк, 1606 танаина и 471 эскимос чугач, а в 1841 г., после окончания эпидемии, в живых осталось соответственно 4163, 967 и 284 человека[123]. И если потери алеутов были относительно невелики вследствие своевременной вакцинации, то кадьякцы, упорно отвергавшие прививки, сотнями гибли от оспы. Их бедствия усиливались еще и оттого, что с октября 1836 г. до весны 1837 г. на Кадьяке свирепствовал грипп, а в июле 1837 г. здесь появилась оспа и со страшной быстротой распространилась по всему острову. Только на самом Кадьяке умерло 736 человек, не считая погибших

---

[121] **Там же.** — С. 130, 143, 146.

[122] **И.А.Купреянов — ГП РАК, 4 мая 1836 г.** // NARS. — RRAC. — R. 38. — P. 103.

[123] **Ведомость о народонаселении в Российско-Американских колониях** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 48. — Л. 1.

от болезни на близлежащих островах. Потери от эпидемии были столь велики, что РАК сочла необходимым вернуть на остров всех кадьякцев, находившихся до того в калифорнийском селении Росс (около 60 человек обоего пола)[124]. Этому, правда, способствовала и продажа самого селения швейцарцу Дж.Суттеру.

К счастью, на соседнем с Кадьяком п-ове Аляска благодаря оперативным действиям байдарщика Костылева, который еще до прибытия фельдшера привил оспу 243 местным жителям, умерло только 27 человек. В 1838 г. оспа была занесена в Уналашкинский отдел и продолжалась там до 1840 г. Однако доктор Эдуард Блашке, командированный в этот отдел из Ново-Архангельска, успел привить оспу более 1000 алеутам, и потери от эпидемии составили только 130 человек. Одновременно проводилась вакцинация туземцев в окрестностях русских поселений в заливах Кука и Принс-Вильям и на севере у Ново-Александровского и Михайловского редутов. Всего в те годы в колониях оспа была привита не менее 4000 туземцам[125].

Вакцинацию русские медики проводили и среди независимых индейцев Юго-Восточной Аляски: к 1838 г. оспа была привита более 300 колошам (тлинкитам и хайда-кайгани). Некоторые из них специально приезжали в Ново-Архангельск из отдаленных селений и привозили с собой детей для прививок оспы. Болезнь нанесла воинственным колошам серьезный урон: по данным И.Е.Вениаминова, из 10 000 человек, населявших российские владения в Америке до 1835 г., уцелело только 6 000 колошей[126]. Особенно пострадали тлинкиты Якутата, о чем летом 1839 г. И.А.Купреянов доносил в Главное правление РАК[127]. Не меньшие потери оспа нанесла и индейцам соседних британских владений: по мнению директора КГЗ Дж.Симпсона, эпидемия уничтожила треть индейцев северо-западного побережья[128]. Правда, очевидец эпидемии И.А.Купреянов называл более скромную цифру — около четверти туземного населения этого региона[129].

Не менее жестоко болезнь обошлась и с туземцами Северного отдела российских колоний. Как свидетельствовал Л.А.Загоскин, оспа произвела страшные опустошения среди эскимосов Берингова моря и индейцев долины Юкона. Многие их селения совершенно обезлюдели и были заброшены. Поэтому вполне понятно, что даже

---

[124] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — С. 61.

[125] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 312.

[126] **Вениаминов И.Е.** Указ. соч. — Ч. 3. — С. 29–30.

[127] **NARS.** — RRAC. — R. 42. — P. 406.

[128] **Simpson G.** Narrative of a Journey round the World, during the Years 1841 and 1842. — London, 1847. — V. 1. — P. 207.

[129] **И.А.Купреянов — ГП РАК, 3 мая 1837 г.** // NARS. — RRAC. — R. 39. — P. 235.

спустя почти пять лет после эпидемии во время встречи с экспедицией Загоскина индейцы молили своего главного духа о защите от русских, которые, по их убеждению, напустили на них оспу. С другой стороны, Загоскин писал, явно противореча сам себе, что от эпидемии 1835–1840 гг. на берегах Берингова моря погибло не более пятой части местных жителей, хотя реально таковых было, видимо, не менее трети[130]. Например, по сведениям П.А.Тихменева, опиравшегося, очевидно, на колониальную статистику, из числа заболевших 550 туземцев, живших у Ново-Александровского и Михайловского редутов и на р.Кускоквим, умерло 200 человек[131]. По данным же современных американских исследователей, эпидемия унесла жизни примерно 50% эскимосов в низовьях Кускоквима[132]. Крупные потери понесли и другие племена Восточной и Центральной Аляски.

Страшное заболевание спровоцировало ряд межплеменных столкновений (некоторые туземцы верили, что оспа явилась результатом колдовства соседей) и, с другой стороны, существенно усилило враждебность туземцев к русским, поскольку болезнь приходила к ним со стороны факторий РАК на морском побережье. Об этом говорилось в одном из официальных отчетов РАК: «Оспа, свирепствовавшая в колониях и на материке Америки с 1837 по 1839 год, и распространившееся среди туземцев мнение, что болезнь эта наслана на них русскими, была причиною, что дикие начали избегать сношения с нами и иногда, особенно в Северном отделе, оказывали неприязненные намерения. Благодаря Бога, до кровопролития не доходило, кроме одиночки Икогмютской близь Михайловского редута, где в 1839 году трое русских были умерщвлены дикарями с реки Кускоквима»[133].

В 1836 г. волнения начались даже среди давно «замиренных» кенайцев — танаина, угрожавших напасть на Николаевский редут. Летом 1837 г. главный правитель И.А.Купреянов приказал в случае возобновления «буйства» схватить зачинщиков беспорядков и выслать в Ново-Архангельск[134]. А в 1838 г. Кадьякская контора РАК приостановила отправку на Медную реку (р. Коппер) фельдшера Калугина для вакцинации местных индейцев из-за столкновений между самими туземцами: верховые атна совершили набег на своих сородичей в низовьях реки, считая их, видимо, виновными в эпидемии оспы, опустошившей их селения[135].

---

[130] **Загоскин Л.А.** Указ. соч. — С. 76, 188, 254, 301.

[131] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 312.

[132] **Snow J.H.** Ingalik // Handbook of North American Indians. — Vol. 5. (Subarctic). — Washington., 1981. — P. 611.

[133] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — С. 54.

[134] **NARS.** — RRAC. — R. 39. — P. 415–416.

[135] **И.А.Купреянов — ГП РАК, 4 ноября 1838 г.** // Ibid. — R. 41. — P. 225.

Для преодоления неприязни танаина к русским, возникшей вследствие эпидемии оспы, и для налаживания дружеских контактов, к ним в 1840 г. был отправлен с товарами опытный приказчик А.И.Климовский. Он успешно справился со своей задачей, пройдя 400 верст по внутренним районам Аляски от зал.Кука до р.Нушагак[136].

В целом эпидемия оспы 1835–1840 гг. явилась наиболее жестоким бедствием для всего туземного населения Аляски и привела к резкому сокращению его численности. Именно эпидемические заболевания, завезенные европейцами в Новый Свет, стали главной причиной вымирания американских аборигенов, поскольку те не имели против них иммунитета. Не стала исключением и Русская Америка. Тяжелые демографические последствия эпидемии оспы заставили колониальную администрацию обратить более пристальное внимание на сохранение коренного населения Кадьяка, особенно сильно пострадавшего от болезни. Большие людские потери ослабили независимых и воинственных индейцев Юго-Восточной Аляски, уменьшив их открытое и пассивное сопротивление российской колонизации: уже после эпидемии оспы среди тлинкитов начинается активное распространение христианства. С другой стороны, оспа породила отчуждение северных индейских и эскимосских племен и групп, дружеские отношения с которыми русские смогли восстановить только в 1840-х гг.

---

[136] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** Ibid. — С. 54.

Глава

2

РАСЦВЕТ РУССКОЙ АМЕРИКИ в 1840-е гг.

1. Продление монопольных привилегий и принятие нового Устава Российско-американской компании

Начало 1840-х гг. стало важным рубежом в истории российских колоний в Новом Свете и управлявшей ими Российско-американской компании. Так, в 1840 г. в аренду английской компании Гудзонова залива была передана значительная полоса материкового берега Юго-Восточной Аляски, а в 1841 г. российский анклав в Калифорнии — крепость Росс — продан мексиканскому гражданину швейцарцу Суттеру. Да и сама Российско-американская компания в начале 1840-х гг. переживала ответственный период своего существования: в 1842 г. заканчивался срок ее 20-летних привилегий, дарованных императором Александром I в 1821 г.

Заинтересованное в продлении монопольных привилегий, Главное правление РАК предприняло ряд шагов для создания, как сказали бы сейчас, положительного имиджа компании в глазах царского правительства и российской общественности. Поскольку компанию традиционно обвиняли в жестоком угнетении коренного населения колоний, она постаралась опровергнуть эти негативные представления путем публикации в 1840 г. широко известной трехтомной работы священника-миссионера Ивана Евсеевича Вениаминова, около 15 лет прожившего на Уналашке и в Ново-Архангельске. Издание этого солидного труда обошлось в немалую сумму — 857 руб. 14 коп.сер.[1] Но цель оправдывала затраты — жизнь алеутов под контролем РАК была изображена И.Е.Вениаминовым вполне сносной. Неслучайно он вопрошал на страницах своего труда: «Теперь спрашивается: хорошо ли нынешнее управление алеутами и хорошо ли их состояние? Отвечаю: хорошо. Потому, что алеуты, кроме служения компании, пользуются совершенною свободою, а служение их

[1] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — С. 15.

бывает временное и всегда за плату... и всякая другая перемена их управления для них будет вредна и даже гибельна». Другими словами, деятельность РАК представлялась благотворной для коренных жителей и изменение существовавших в то время порядков было бы нежелательным. Правда, И.Е.Вениаминов все же осторожно указывал на необходимость увеличения платы туземцам за добываемую ими пушнину, снабжения их полезными вещами, а не безделушками, и обеспечения им свободного доступа к конторским книгам для контроля над правильностью ведения расчетов[2].

Издание многотомного труда И.Е.Вениаминова, видимо, сыграло положительную роль в продлении привилегий компании на новый срок. Не в меньшей степени этому способствовали поданные правительству обзорно-аналитические записки Главного правления РАК, в которых компания всячески подчеркивала свои заслуги в деле освоения Русской Америки к началу 1840-х гг.[3]

В целом же продление привилегий РАК на новый 20-летний период прошло удивительно гладко, особенно если учесть предыдущие правительственные баталии по этому вопросу, связанные с ревизией капитана В.М.Головнина и принятием «Правил» Российско-американской компании в 1821 г. И на это были свои причины. Консервативная политика правительства Николая I не предполагала в начале 1840-х гг. каких-либо радикальных общественных изменений. Функционирование компании вполне удовлетворяло царские власти: внешнеполитический конфликт с Компанией Гудзонова залива к этому времени был уже полюбовно улажен, да и торгово-промысловая деятельность РАК отличалась стабильностью и неплохими результатами. Радикально менять что-либо в сложившейся ситуации правительство сочло нецелесообразным. «Изменение сего порядка, — отмечалось в Журнале Государственного совета от 7 марта 1841 г., — едва ли бы принесло пользу и, во всяком случае, успех оного был бы весьма гадателен»[4].

Поэтому правительство практически единодушно выступило за продление монопольных привилегий РАК на новый срок. Министры пришли к следующему выводу: «Из сего очевидно, что если привилегия непременно нужна в видах частной пользы Компании, то она, конечно, столько же нужна и в общих видах государственных, а потому нельзя [не] согласиться, что, до устроения торговли и промыслов в Американских наших владениях на ином основании,

---

[2] **Вениаминов И.Е.** Записки об островах Уналашкинского отдела. — СПб., 1840. — Ч. 2. — С. 172–174.

[3] См. **Записка о результатах, достигнутых РАК в общих видах владычества России над Американскими нашими владениями...**// АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 79.

[4] Цит. по: **Доклад Комитета** — Ч. 1. — С. 46.

действие упомянутой привилегии продолжить необходимо»[5]. 5 марта 1842 г. император подписал Указ о продолжении существования РАК еще на 20 лет «с теми правами и преимуществами, которые были присвоены ей в 1821 г.»[6]

Одновременно с продлением привилегий правительство предложило Главному правлению РАК в течение пяти лет разработать новый Устав компании. Действительно, с момента принятия «Правил» 1821 г. прошло уже 20 лет, и основополагающий документ компании явно нуждался в корректировке и доработке с учетом изменений, произошедших за истекший период.

Работа над новым Уставом Российско-американской компании началась еще в 1840 г., а 7 марта 1841 г. его проект был предварительно утвержден царем после обсуждения Государственным советом империи. Затем документ был передан министру финансов, который непосредственно курировал РАК со стороны правительства, а от него направлен в Главное правление компании для более детальной проработки отдельных положений[7]. 24 февраля 1842 г. переработанный Устав был представлен в Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов. Однако в ноябре того же года он был опять возвращен руководству компании с дополнительными замечаниями от министра юстиции, начальника Главного Морского штаба и министра Государственных имуществ[8].

Доработка текста продолжалась более года и, наконец, 24 марта 1844 г. согласованный проект был подан на окончательное рассмотрение управляющему Министерством финансов, контролирующему РАК, а 10 октября этого же года он был утвержден царем[9]. Новый Устав компании в целом повторял «Правила» РАК 1821 г., хотя существенно дополнял и детализировал некоторые аспекты. Так, например, в нем появились статьи и параграфы об обязательной ежегодной отчетности Новоархангельской конторы РАК (§ 215), о новом сословии колониальных граждан (§ 227–235), о правах и обязанностях тоенов (старшин) среди зависимых от РАК «инородцев» (§ 252–259) и даже раздел о ликвидации при необходимости самой Российско-американской компании (см.: глава VI. «О закрытии компании»)[10].

---

[5] **Там же.** — С. 47.

[6] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — С. 33.

[7] **Записка по проекту Устава РАК, 1841 г.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 82. — Л. 1.

[8] См. **Замечания Министерства финансов по поводу нового устава РАК, 1842 г.** // Там же. — Д. 125; **ОГП РАК за 1842 г.** — С. 21.

[9] **ОГП РАК за 1843 г.** — С. 17; **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 189–190.

[10] См. **Устав РАК 1844 г.** // Тихменев П.А. — Ч. 2. — Прилож. — С. 11–63.

Главное же состояло в существенно большем «огосударствлении» компании, в окончательном превращении ее в фактический придаток административного аппарата империи по управлению заокеанскими колониями. Эту мысль достаточно четко высказал министр финансов еще до принятия окончательного текста нового Устава: компания является не просто коммерческой организацией, а структурой, связанной с управлением заморскими владениями России. Как и прежде, именно на министра финансов был возложен контроль («бдительный надзор») за деятельностью РАК в метрополии и колониях (§ 26). Правда, в отличие от «Правил» 1821 г., Главное правление компании получило право при необходимости доносить о своих проблемах лично императору, минуя министра финансов (§ 25).

Хотя новый Устав был гораздо подробнее и лучше проработан, чем «Правила» 1821 г., тем не менее, он не был лишен некоторых юридических изъянов. Так, ревизор деятельности компании С.С.Костливцов указывал, что ряд параграфов Устава противоречат друг другу. Например, в § 5 говорилось о праве компании заводить новые поселения на территории российских владений в Америке, а § 281 и 282 того же Устава запрещали колониальному начальству основывать фактории на американском материке без согласия их жителей[11].

Совершенно неудовлетворительно, с точки зрения Костливцова, обстояли дела с судебной властью в колониях — в Уставе об этой важной сфере управления было сказано весьма неопределенно. Проанализировав соответствующие параграфы Устава 1844 г., он пришел к выводу о фактически бесправном положении жителей Русской Америки, ведь согласно § 149 русские, креолы и «инородцы» могли обжаловать действия колониального начальства в Правительствующем Сенате только в течение 6 месяцев по прибытии в метрополию. Но поскольку туземцы и креолы почти никогда не покидали колоний, то реально они были лишены права подать жалобу или предъявить иск к колоникальной администрации. В этом плане положение русских рабочих-контрактников было немногим лучше, так как, согласно заключенному с РАК соглашению, они могли покинуть колонии только через 7 лет после истечения срока контракта. «Следовательно, — писал С.С.Костливцов, — обиженный только через 7 лет может жаловаться на распоряжение главного правителя, но в этот период времени проситель может совершенно разориться, а главного правителя и в колониях уже не будет, потому что каждый из них служит не более пяти лет»[12]. В целом Костливцов

---

[11] **Костливцов С.С.** Отчет по обозрению Российско-Американских колоний Действительного Статского Советника Костливцова // Доклад Комитета ... — Ч. 2. — С. 10–11.

[12] **Там же.** — С. 84.

пришел к выводу, что Устав РАК предоставляет широчайшее поле для произвола и беззакония, и лишь порядочность колониального начальства, назначаемого из лучших морских офицеров, предотвращала возможные злоупотребления.

В отличие от сферы судебной власти власть исполнительная была прописана в новом Уставе весьма основательно. Некоторые изменения произошли в административном аппарате: состав Главного правления компании был расширен. Вместо четырех директоров теперь избиралось пять, причем один из них становился председателем правления компании (§ 68–70). Но особенно подробно были изложены права и полномочия главного правителя колоний, при котором учреждался специальный совет из морских офицеров и чиновников. Отныне занимать должность главы администрации мог лишь морской офицер в чине не ниже капитана 1-го ранга, утверждавшийся на этот пост лично самим императором (§ 143). Главный правитель обязан был не только направлять и контролировать экономическую жизнь колоний, следить за обеспечением их необходимой обороноспособности, ведать назначением и смещением служащих на соответствующие посты, но даже заботиться о воспитании детей в колониях «в благочестии и послушании» (см. § 143–178). Впрочем, Устав определенным образом ограничивал попечение главного правителя о благосостоянии жителей Русской Америки. В § 162 и 176 ему предписывалось «употреблять внимание» на то, чтобы в колониях не «ввелась роскошь». Статус главного правителя был четко определен в § 189 — он приравнивался к гражданскому губернатору, хотя и управлял делами формально независимой торговой компании.

2. А.К.Этолин — выдающийся руководитель российских колоний в Новом Свете (1840–1845)

В 1840 г. истекал срок пятилетнего контракта с РАК И.А.Купреянова. Еще за полтора года до окончания контракта директора компании предложили занять его пост капитану 2-го ранга Адольфу Карловичу Этолину. Выбор Главного правления был на редкость удачен. Среди череды главных правителей Русской Америки со времен А.А.Баранова не было ни одного, кто так же хорошо был знаком с жизнью и проблемами колоний, как А.К.Этолин. Ко времени своего назначения он уже прослужил РАК более 15 лет: впервые Этолин прибыл в Русскую Америку еще в 1818 г. на борту военного шлюпа «Камчатка» под командованием капитана В.М.Головнина. В Ново-Архангельске ему довелось встретиться с легендарным

А.А.Барановым и произвести на престарелого первого правителя Аляски самое благоприятное впечаление[13]. Почти вся дальнейшая служба Этолина была связана с Русской Америкой, где он командовал различными судами РАК, а в 1832 г. как наиболее достойный морской офицер был утвержден царем помощником главного правителя колоний Ф.П.Врангеля.

20 августа 1839 г. Этолин отправился из Кронштадта в Новый Свет на корабле РАК «Николай I». Благополучно достигнув Ново-Архангельска, 1 июня 1840 г. он вступил в должность. И.А.Купреянов на том же судне отбыл в Кронштадт, куда добрался в июле 1841 г. с грузом пушнины на 130 000 руб.асс.

Встав во главе Русской Америки, Этолин как бы вдохнул вторую жизнь в ее экономику. В Ново-Архангельске развернулось бурное строительство. Уже в 1840–1841 гг. здесь помимо нескольких домов были возведены новая мукомольная водяная мельница, мост через р.Малышевку, плотина, помещение у крепостной стены для торгующих тлинкитов, а сама стена, отделявшая Ново-Архангельск от индейского селения, была продолжена еще почти на сотню метров. В Озерском редуте вблизи колониальной столицы были вновь построены часовня, баня и лавка для торговли с индейцами, а также были отремонтированы старые здания редута. В это же время на Кадьяке появилась новая церковь и 16 барабор — больших полуземлянок для местных туземцев[14].

В 1841 г. на п-ве Кенай вблизи Николаевского редута был учрежден кирпичный завод. Доставленные оттуда в Ново-Архангельск 6000 штук кирпича оказались отличного качества. Это было весьма существенно, так как кирпичные заводы в Россе и в Дионисиевском редуте были упразднены в силу известных обстоятельств, кирпич же, производившийся в Ново-Александровском редуте на р.Нушагак, был низкого качества[15]. В дальнейшем завод при Николаевском редуте производил ежегодно до 50 000 кирпичей, большая часть которых поставлялась в Ново-Архангельск, а незначительная часть шла на Кадьяк[16].

В 1842 г. в Ново-Архангельске был введен в строй лесопильный завод, была усилена плотина на р.Малышевке, а при находившейся тут же мукомольной мельнице выстроена большая кладовая. Тогда же были возведены и другие жилые и служебные постройки, начато сооружение подземного порохового погреба у крепостной стены и каменной пристани. На следующий год пристань была достроена и введена в строй, что очень облегчило разгрузку кораблей, приходив-

---

[13] **Pierce R.A.** — P. 136–137.
[14] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — С. 45–46.
[15] **Там же.** — С. 65.
[16] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 323.

ших в порт. Кроме того, в 1843 г. здесь появилась деревянная набережная на каменном фундаменте, на которой располагался бруствер для орудий. На скале, где находился дом главного правителя колоний, была построена новая батарея и деревянная башня. Еще несколько зданий было возведено в самом Ново-Архангельске, в том числе двухэтажный склад и архиерейский дом[17].

Успешное хозяйственное строительство продолжалось и в 1845 г., когда были заложены новые мукомольный и лесопильный заводы вблизи Ново-Архангельска в бухте Серебренникова на р.Киренка (Медвежья). Здесь же была выстроена плотина высотой в 5 м, шириной в 14 м и длиной более чем в 23 м. Все это было весьма важно, поскольку лесопильный завод, действовавший при Озерском редуте с 1832 г., уже обветшал, а лес в его окрестностях, пригодный для распилки, был вырублен. Сам Озерский редут сохранялся лишь как инвалидное поселение для престарелых служащих компании и удобное место для заготовления больших запасов рыбы во время нереста лосося[18].

Успешно продолжалось и кораблестроение. Весной 1840 г. со стапелей Ново-Архангельска сошел новый бриг «Промысел» (75 т). В том же году здесь был построен и маленький пароход «Мур» (названный так в честь механика-американца Мура), машина которого была полностью изготовлена в мастерских Ново-Архангельска. В 1842 г. в новоархангельской верфи был спущен на воду бот «Камчадал» (58 т), выстроенный здесь по заказу Петропавловского порта на Камчатке. 22 октября 1844 г. в Ново-Архангельске был заложен маленький бриг «Тунгус» (66 т), а уже 10 апреля 1845 г. он был введен в строй вместе с тремя баркасами[19]. Одновременно со строительством новых судов ряд старых и обветшавших выводился из состава колониальной флотилии. Так, в 1843 г. были разобраны на дрова трехмачтовый корабль «Уруп» в Ново-Архангельске, бот «Бобр» на Кадьяке и бот «Уналашка» в Охотске.

Не обошлось в период правления Этолина и без морских происшествий. В сентябре 1842 г. во время жестокого шторма едва не затонул возвращавшийся из Калифорнии в Ново-Архангельск корабль «Наследник Александр» под командованием капитан-лейтенанта Кадникова. Лишь благодаря присутствию духа штурмана креола Иллариона Архимандритова судно было спасено, хотя погибли его командир, штурман Красильников, двое рулевых, юнга и матрос-тлинкит. Пропал, затопленный морской водой, и весь груз корабля, состоявший из продовольствия, закупленного для русских

---

[17] **ОГП РАК за 1843 г.** — С. 25.

[18] **ОГП РАК за 1845 г.** — С. 39.

[19] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — С. 43, 46; **ОГП РАК за 1842 г.** — С. 33–34; **ОГП РАК за 1844 г.** — С. 31.

колоний в Сан-Франциско. И все же 5 октября судно, ведомое Архимандритовым, смогло, хотя и с большим трудом, достичь Ново-Архангельска. По представлению главного правителя Архимандритов был награжден императором золотой медалью на ленте ордена Св.Анны, а несколько матросов получили серебряные медали для ношения в петлице. Матерям погибших офицеров — Кадникова и Красильникова — РАК назначила пенсии[20].

Еще одно морское происшествие, закончившееся, к счастью, без жертв, произошло в 1845 г. Бриг «Чичагов» под командованием шкипера М.Ф.Клинковстрема 7 апреля отправился из Ново-Архангельска в Атхинский отдел со снабжением и для вывоза оттуда мехов, скопившихся за промысловый сезон. Однако 14 мая, находясь на якорной стоянке у о-ва Медный, во время жестокой бури бриг был выброшен на берег. Морякам повезло: все они и даже большая часть груза были спасены. Весной 1846 г. экипаж «Чичагова» был снят с острова бригом «Великий Князь Константин» и доставлен в Ново-Архангельск. Гибель этого судна, как отмечалось в официальном отчете Главного правления РАК, «не составляет чувствительной для Компании потери, ибо судно построено в Соединенных Штатах в 1824 году и куплено компанией в 1827 году, а с 1 января 1845 года считалось в капитале компании только в 2 946 руб. 64 коп. серебром. Кроме этой потери, в 1845 г. бот «Алеут» был разобран на дрова из-за ветхости»[21].

Подобные утраты с лихвой покрывались доходами от аляскинской пушнины, доставлявшейся из колоний на кораблях РАК. Только в 1840 г. два брига компании — «Охотск» и «Константин» — привезли в Охотск мехов на огромную сумму в 1 870 000 руб.асс.[22] Стабильности в добыче пушнины в немалой степени способствовала система природоохранных мер, практиковавшаяся РАК, и в первую очередь система так называемых «запусков», т.е. запретов на промысел различных видов животных на определенных территориях в течение ряда лет. Благодаря этой системе компании смогла добиться того, что за 10 лет (с 1830 по 1840 гг.) добыча калана в ее владениях оставалась стабильной. Чтобы усилить природоохранные меры, директора РАК предписали колониальному начальству «строго наблюдать», чтобы алеуты, кадьякцы и чугачи не охотились на беременных самок, и прекратить им выплату за шкурки молодых неполовозрелых животных, которые компания вынуждена была

---

[20] **NARS.** — RRAC. — R. 47. — P. 216–217; **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 227–229.

[21] **ОГП РАК за 1845 г.** — С. 36, 38; **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 223–225.

[22] **Отчет ГП РАК за 1840–1841 гг.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 1–2об.

продавать почти за бесценок. Эти меры должны были способствовать сохранению популяции калана в российских владениях в Америке. А в 1842 г. на о-ве Кадьяк на пару лет был введен запрет на добычу каланов, тюленей и лис[23].

Стремясь усилить добычу калана, Этолин распорядился возобновить промысел в заливе Якутат. Еще при его предшественнике И.А.Купреянове весной 1840 г. сюда была послана небольшая промысловая партия. В 1841 г. Этолин приказал продолжить эту практику и снарядить 40 байдарок с охотниками чугачами, кадьякцами и танаина под прикрытием брига «Полифем» во главе со шкипером И.В.Линденбергом. Хотя в Якутате промысловиков должны были встретить дружески настроенные вожди местных тлинкитов, тем не менее Этолин на всякий случай приказал выдать на каждую байдарку по карабину и раздать дополнительно пистолеты и копья. Впрочем, он особенно не опасался нападения воинственных индейцев — их осталось слишком мало после эпидемии оспы, особенно жестоко опустошившей Якутат. Однако промысел калана здесь в 1841 г. оказался неудачен — было добыто всего 28 шкур и еще 8 было выменяно у тлинкитов[24].

Поэтому в дальнейшем компания приобретала каланов в основном на Алеутских и Курильских о-вах, а также в окрестностях Кадьяка. Например, в Курильском отделе, куда была послана дополнительная партия алеутов, промысел в 1844 г. оказался на редкость удачен. В это же время на ряде островов Уналашкинского отдела был сделан «запуск» калана, а на некоторых островах выпущены для разведения лисицы и песцы высших сортов. Эта практика получила развитие еще в начальный период правления Этолина: в 1841 г. на о-ва Адах, Канага, а позднее и на Амчитку были доставлены чернобурые лисы, ранее никогда здесь не водившиеся[25].

Система природоохранных мер оказалась особенно эффективна при добыче морских котиков. Благодаря регулярным «запускам» на о-вах Прибылова стало возможным уже в 1841 г. увеличить ежегодный промысел котиков с 4000 до 8000 животных, а в 1844 г. поднять квоту до 10 000 без видимого ущерба для популяции этого ценного морского зверя. Поскольку «емкость» китайского рынка в Кяхте была ограниченной, то решено было пересылать часть добытых котиков в Лондон, а в будущем и в Нью-Йорк[26].

Не менее успешно при А.К.Этолине развивалась пушная торговля на Севере, где Главное правление РАК в который уже раз пред-

---

[23] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — С. 53.

[24] **А.К.Этолин — И.В.Линденбергу, 22 марта 1841 г.; А.К.Этолин — ГП РАК, 18 сентября 1841 г.** // NARS. — RRAC. — R. 45. — P. 64–69, 361.

[25] **ОГП РАК за 1843 г.** — С. 28; **ОГП РАК за 1844 г.** — С. 36.

[26] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — С. 51–52.

писало активизировать добычу и вымен бобровых шкурок от внутриматериковых племен[27]. Летом 1842 г. главный правитель лично побывал в Кадьякском отделе на бриге «Промысел». Здесь он убедился в распорядительности правителя местной конторы РАК Иннокентия Костромитинова. Как отмечалось в официальном отчете ГП РАК, именно благодаря его деятельности в 1842–1843 гг. из колоний были доставлены в Охотск особенно крупные грузы пушнины[28]. Для увеличения добычи мехов А.К.Этолин предложил Кадьякской конторе РАК учредить при Николаевском редуте временные подвижные промысловые партии из индейцев танаина под руководством опытных креолов. Компания должна была снабдить такие партии ружьями, боеприпасами и железными капканами за собственный счет[29].

Правление Этолина было отмечено также организацией многочисленных исследовательских экспедиций в глубинные районы Аляски, наиболее крупной из которых была экспедиция лейтенанта Лаврентия Загоскина, продолжавшаяся более полутора лет (1842–1844 гг.). Одной из ее главных целей было изучение маршрута, по которому пушнина из долины Юкона попадала на побережье материка, а затем доставлялась на Чукотку, где ее скупали колымские купцы. Для пресечения утечки мехов с Аляски в Азию колониальная администрация и ГП РАК предполагали даже отстроить еще один редут компании около залива Коцебу. Но от этого проекта пришлось отказаться из-за чрезвычайно сурового климата к северу от Берингова пролива и тяжелых льдов, часто преграждавших путь и делавших невозможным прохождение судов, а, следовательно, и снабжение предполагаемого торгового поста[30].

Помимо туземных посредников-торговцев, конкурентами РАК с конца 1830-х гг. становятся иностранные, преимущественно американские китобои и даже суда самой РАК, направлявшиеся в район Берингова пролива для скупки пушнины у местных эскимосов с целью недопущения утечки мехов через пролив на Чукотку. Например, в 1838–1840 гг. здесь побывал бриг «Полифем», а в 1842–1843 гг. ту же миссию выполнял бриг «Охотск», команда которого променивала туземцам табак, бисер, металлические изделия на пушнину. При этом, по свидетельству Л.А.Загоскина, экипажи судов платили береговым эскимосам и чукчам за моржовую кость и пуш-

---

[27] **Там же.**

[28] **ОГП РАК за 1842 г.** — С. 36.

[29] **А.К.Этолин — Кадьякской конторе РАК, 11 июля 1842 г.** // NARS. — RRAC. — R. 46. — P. 437.

[30] **Мамышев В.Н.** Американские владения России // Библиотека для чтения. — 1855. — Т. CXXX. — № 2. — С. 250; **ОГП РАК за 1844 г.** — С. 41.

нину табаком и другими европейскими товарами в 4–6 раз больше, чем служащие РАК давали туземцам в Михайловском редуте[31].

В самом же Михайловском редуте в начале 1840-х гг. ежегодно выменивалось у туземцев по 350–500 бобровых, более 100 выдровых и около 150 лисьих шкур. Пушнина приобреталась по следующим эквивалентам: бобровая шкурка приравнивалась к фунту табака, а за две шкурки русские давали полфунта красного (белого) бисера или топор. Существовали некоторые различия в снабжении отдельных редутов и одиночек РАК на Севере. Так, в Михайловский редут и Нулато поставлялся белый и красный бисер, цукли, табак, медные кружки, зеркальца, топоры, ножи и другие железные изделия, а в Колмаковский редут на р.Кускоквим — бисер черного и белого цвета, маленькие, так называемые «алеутские» топорики, медная и чугунная посуда, байковые одеяла, немного европейской одежды и купленные у тлинкитов «колошенские накидки» — большие четырехугольные куски темного сукна с цветными узорами и аппликациями. Последние стоили очень дорого (около 15 бобровых шкурок), и далеко не всякий индеец мог позволить себе иметь подобную накидку. Вообще следует сказать, что из-за трудностей доставки в Колмаковский редут европейских товаров гораздо большую роль здесь играли предметы традиционной туземной торговли: оленьи шкуры поставлялись с верховьев Кускоквима для сбыта береговым эскимосам, а дубленая тюленья кожа и жир приобретались у туземцев в низовьях реки для продажи индейцам верхнего течения[32].

Такое участие служащих РАК в туземной посреднической торговле в Колмаковском редуте диктовалось не только тем, что товаров сюда присылалось меньше, чем в Михайловский редут, но и их качеством. Это происходило, видимо, вследствие того, что на Кускоквиме конкуренция со стороны туземных торговцев была невелика, а иностранцев не было вовсе. Поэтому туземцам и служащим РАК можно было сбывать здесь гораздо больше залежалых, негодных товаров. «Нам, — писал Л.А.Загоскин в 1844 г., — к удивлению, привелось видеть на работниках редута тюменские мерлушковые шапки, вроде зимних кучерских, завезенные в колонии с уничтожения конторы в Камчатке в 1817 году»[33].

Колмаковский редут занимал очень выгодное положение в плане пушной торговли в бассейне Кускоквима, находясь как раз на границе проживания двух крупных этнических общностей: вниз по течению жили эскимосы, а берега реки выше редута занимали

---

[31] **Загоскин Л.А.** Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. — М., 1956. — С. 58, 182.

[32] **Там же.** — С. 78, 120, 183, 253, 263, 280.

[33] **Там же.** — С. 259–261, 287.

племена индейцев атапасков. До 1841 г. это был крупнейший центр вымена бобровых шкурок у туземцев внутренней Аляски: служащие РАК приобретали здесь ежегодно более 2000 бобров. Однако в 1842 г. кенайцам — атапаскам танаина с побережья зал. Кука — были даны указания перейти горы в верховьях Кускоквима для увеличения количества приобретаемой для РАК пушнины. Их конкуренция привела к тому, что начальствующий в Колмаковском редуте креол Семен Лукин начал получать ежегодно не более 1200 бобровых шкур. Загоскин указывал на отрицательные стороны проникновения кенайцев на Кускоквим, так как последние нередко притесняли местных индейцев, а сами в случае голода во время похода просто съедали вымененные для компании бобровые шкуры, предварительно опарив с них шерсть[34].

Активизация пушной торговли во внутренних районах Аляски в начале 1840-х гг. способствовала восстановлению торговой одиночки в Икогмюте, истребленной туземцами в 1839 г. Уже спустя год ее возродил здесь в виде временного торгового поста байдарщик Василий Дерябин. Но первое время пушнины у местных эскимосов выменивалось совсем немного, так как они опасались мести русских за предыдущее разорение фактории. Ситуация улучшилась в 1842 г., когда опытный креол А.К.Глазунов был назначен старостой икогмютской артели, оставаясь в этой должности до своей смерти в 1846 г.[35]

После того как Карл Нордстрем, заведовавший временной одиночкой в Нулато, заблудился на пути туда из Михайловского редута и зазимовал (1840/41 г.) в одном из туземных селений, вместо него в августе 1841 г. в Нулато был послан байдарщик Василий Дерябин, который 8 сентября добрался до оставленной одиночки и нашел все строения сожженными, а соседнее туземное селение полностью разоренным, очевидно, враждебными индейцами с верховьев Коюкука во время отсутствия здесь русских. Дерябину пришлось заново восстанавливать одиночку в Нулато. Торговля тут шла весьма успешно, и весной 1842 г. он вывез в Михайловский редут более тысячи одних только бобровых шкур. Этолин, убедившись в важности нового поселения в торговом отношении, решил учредить здесь постоянный пост. Он не ошибся в своих расчетах. Дерябину, назначенному постоянным байдарщиком Нулато, с 8 сентября 1842 г. по 1 августа 1843 г. удалось скупить здесь 3125 бобровых шкур — рекордное количество, как писал Л.А.Загоскин, «не доставляемое доселе не только которым либо отдельным редутом, ниже полным отделом или округом». Одного бисера в 1843 г. было затрачено на покупку мехов 7 пудов. В команду одиночки помимо самого Дерябина входило еще четверо русских промышленников и кадьякский

---

[34] **Там же.** — С. 262.

[35] **Там же.** — С. 287; **Pierce R.A.** — P. 169.

креол, родившийся в Калифорнии, а сама она была неплохо укреплена от возможного нападения индейцев и имела на вооружении большой медный мушкетон[36].

В то время как РАК строила или восстанавливала фактории на новых территориях, некоторые старые торговые посты теряли свое былое значение. Так, в 1844 г. Ново-Александровский редут на р.Нушагак был упразднен и преобразован в Нушагакскую одиночку в связи с истощением пушного зверя в окрестностях и «за приисканием удобнейших путей для доставки товаров и припасов во внутренние части материка Америки»[37].

Торговля с русскими, по свидетельству Л.А.Загоскина, заметно улучшила быт туземцев Севера. Всего через десять лет после основания Михайловского редута они совершенно оставили каменные топоры, ножи и костяные иглы, заменив их металлическими как более прочными и удобными. Некоторые туземцы, особенно богатые торговцы, быстро осваивали предметы европейской культуры. Так, Загоскин описал жилище одного из них по имени Кантельнук, из племени инкаликов, который имел не только русские котлы, кружки, ножи и топоры, но и скамейки, стулья и даже своеобразную люстру из таловых обручей с шестью лампами-жирниками. Сам Кантельнук был одет в рубаху, штаны и картуз, приобретенные в русских факториях. А у танана в верховьях Кускоквима с 1840-х гг. появились кремниевые ружья, полученные от кенайцев (танаина), проникавших сюда из Николаевского редута[38].

Положительным аспектом российской колонизации было и то, что, осваивая новые территории, русские всячески стремились примирить часто враждовавших между собой туземцев, так как война сильно мешала торговле. Например, в 1842 г. индейцы коюконы совершили набег на живших в низовьях Юкона инкаликов и убили несколько десятков человек. На следующий год они намеревались повторить свой набег, но были остановлены русскими у Нулато и вынуждены были возвратиться назад в свои селения на р.Коюкук. Пострадавшие от коюконов инкалики просили служащих РАК устроить на их землях поселение, чтобы предотвратить нападения воинственных северных соседей[39].

Не менее успешно развивались в начале 1840-х гг. и взаимоотношения между русскими и независимыми жителями Юго-Восточной Аляски — тлинкитами и хайда-кайгани. Именно при А.К.Этолине наблюдалось наиболее тесное за всю историю Русской Америки

---

[36] **Загоскин Л.А.** Указ. соч. — С. 136, 181, 184–186.

[37] **Исторический очерк деятельности РАК, 1860 г.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 99. — Л. 7.

[38] **Загоскин Л.А.** Указ. соч. — С. 197, 236–237, 254, 278–280.

[39] **Там же.** — С. 174–175, 183, 190–191.

сближение между ними и РАК[40]. Первым шагом главного правителя в этом направлении была резкая активизация торговли компании в проливах арх.Александра, куда главный правитель направил пароход «Николай I» с необходимыми индейцам товарами. Только за лето 1840 г. у них было выменяно пушнины на 8 026 руб., при этом чистая прибыль РАК составила 2 078 руб.асс.[41] В 1841–1842 гг. пароход «Николай I» пять раз ходил в проливы арх.Александра для торговли с тлинкитами и хайда-кайгани, скупая у них картофель и репу для нужд населения Ново-Архангельска. При Этолине тлинкитов стали часто нанимать для работ в порту, а некоторые из них ходили матросами на судах РАК. Такая практика была весьма выгодна для компании, так как жившие в Ново-Архангельске алеуты и кадьякцы, которые высвобождались благодаря использованию на работах тлинкитов, могли с большей пользой для РАК участвовать в промысловых партиях по добыче калана. Кроме того, содержание работника-тлинкита обходилось компании в два раза дешевле, чем русского, не считая затрат на доставку последнего из метрополии и обратно[42]. В отчете компании за 1843 г. отмечалось, что тлинкиты «с охотою занимаются поденными работами, за выгодную для Компании плату, и тем дают возможность с успехом производить в Ново-Архангельске встречающиеся необходимые и спешные постройки и занятия. Сверх того, Колоши с изобилием снабжают новоархангельский рынок съестными припасами и дровами, что дает колониальному начальству средство оказывать более пособий служащим и служителям Компании, а саму жизнь в Ново-Архангельске делает дешевою»[43].

Среди безусловных заслуг Этолина следует отметить также его попытки искоренить ритуальные убийства рабов, бытовавшие среди тлинкитов-ситкинцев, живших под стенами Ново-Архангельска. В июле 1840 г. ему удалось уговорить двух индейских вождей отказаться от жертвоприношений: они обменяли предназначавшихся на заклание рабов другим тлинкитам за пушнину, которую затем продали русским[44]. А в 1841 г. главный правитель устроил для индейцев у стен Ново-Архангельска празднество с угощением (что обошлось РАК в 1 200 руб.). Это мероприятие еще более сблизило индейцев и русских[45].

Для усиления влияния РАК на независимых индейцев Главное правление ходатайствовало об учреждении в колониях поста «глав-

---

[40] **Гринёв А.В.** — С. 154.

[41] **А.К.Этолин — ГП РАК, 27 сентября 1840 г.** // NARS. — RRAC. — R. 44. — P. 157.

[42] **ОГП РАК за 1842 г.** — С. 40.

[43] **ОГП РАК за 1843 г.** — С. 30.

[44] **А.К.Этолин — ГП РАК, 27 сентября 1840 г.** // NARS. — RRAC. — R. 44. — P. 169–170.

[45] **Мамышев В.Н.** Указ. соч. — С. 247.

ного колошенского тоена» (т.е. вождя). Эта должность была санкционирована императором 6 декабря 1842 г., и по представлению главного правителя колоний 10 октября 1843 г. в это звание был возведен один из лояльных к русским крещеных тлинкитских вождей — Михаил Кухкан[46]. Торжественная церемония, включавшая и вручение Кухкану царских подарков (парчового кафтана и кушака с бахромой и треуголки с перьями на сумму 1056 руб.50 коп.), состоялась в новоархангельском соборе в присутствии всего колониального начальства, а также наиболее знатных индейских вождей. Однако эта помпезная акция не привела к желаемым результатам, так как авторитет Кухкана среди местных тлинкитов-ситкинцев был невелик, а индейцы других общин вообще не признавали его власти. Сам А.К.Этолин отмечал, что Кухкан и не мог иметь большого влияния, поскольку был небогат. Чтобы как-то поддержать своего ставленника, главный правитель приказал в 1844 г. выдать ему «взаимообразно» товаров на 2327 руб.асс.[47]

Здесь уместно заметить, что вообще ни один главный правитель Русской Америки не сделал столько для сближения с индейцами колошами, как Этолин. При нем торговля развивалась не только с живущими у Ситхи тлинкитами, но даже с хайда, обитавшими на о-вах Королевы Шарлотты в британских владениях. Так, в 1844 г. эти индейцы после приглашения Этолина доставили в Ново-Архангельск картофеля на 300 бочонков, а в октябре 1845 г. — свыше 1000[48].

3. Социально-административные реформы А.К.Этолина

Не меньшего внимания Этолина, чем «независимые инородцы» (как именовались в новом Уставе РАК тлинкиты, хайда-кайгани и другие фактически самостоятельные племена Русской Америки), требовало и зависимое туземное население колоний. В первую очередь это касалось кадьякцев, незадолго до этого жестоко пострадавших от эпидемии оспы. Причиной их необычайно высокой смертности, по мнению руководства РАК, был слабый контроль со стороны колониального начальства и сам образ жизни туземцев, рассеянных по многочисленным мелким селениям Кадьяка. Поэтому для усиления надзора и попечения о туземных жителях острова со стороны местных контор РАК и духовенства Главное правление

---

[46] См. **«Свидетельство» Михаилу Кухкану от 10 октября 1843 г.** // NARS. — RRAC. — R. 47. — P. 539–541.

[47] **А.К.Этолин — ГП РАК, 8 мая 1844 г.** // NARS. — RRAC. — R. 48. — P. 213; **Гринёв А.В.** — С. 155.

[48] **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 5 мая 1846 г.** // NARS. — RRAC. — R. 51. — P. 187–188.

компании предписало соединить их в несколько относительно крупные, так называемые «общие селения». При этом компанией двигал не столько альтруизм, сколько практические соображения: от оспы погибло много туземных работников, что повергло весь Кадьякский отдел в бедственное положение, оставив на попечение РАК множество малолетних сирот и стариков, требовавших поддержки и помощи. Уже в 1840 г. компанией было устроено за ее счет два «общих селения» для 300 человек. Первоначально кадьякцы отрицательно отнеслись к переселению, но затем были вынуждены покориться воле русского начальства[49].

В 1842–1843 гг. процесс переселения кадьякцев достиг своего апогея: из 65 мелких туземных селений на самом Кадьяке и близлежащих островах было выселено в общей сложности 1375 человек, которых разместили в семи общих селениях (кроме 100 человек, составивших постоянную артель на о-ве Укамоке). В каждом из новых селений были избраны тоены, утвержденные в должности колониальным начальством, давшим им подробные наставления по управлению вверенным населением. Этой мерой русская администрация устанавливала более жесткий контроль за рабочей силой, поредевшей в результате эпидемии оспы. Для смягчения недовольства переселяемых компания раздавала им специально выписанные из Охотска и Камчатки оленьи парки и кухлянки по ценам, по которым сама покупала их у эвенков и коряков. А чтобы привязать туземное население к новым местам жительства, ему раздали немного скота и семена овощей для занятия огородничеством. Кроме того, путем развития новых отраслей хозяйства колониальное начальство стремилось смягчить угрозу голода среди туземцев, которая была вполне реальна в результате их чрезмерной концентрации в общих селениях и резкого обеднения флоры и фауны в округе. Впоследствии кадьякцы жаловались ревизорам РАК, что собраны в селения в слишком большом числе и поэтому испытывают трудности с заготовкой продовольствия на зиму[50]. Позднее, уже в 1860-х гг., колониальные власти вынуждены были признать справедливость этих жалоб: некоторые крупные «общие селения» было признано целесообразным поделить на две части, так как их жителям не хватало пищевых ресурсов в окрестностях их поселений[51].

Для самой же компании выселение туземцев было выгодно, так как содействовало размножению пушного зверя в оставленных ими

---

[49] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — С. 50; см. подробнее: **Истомин А.А.** Начало создания «общих селений» на острове Кадьяк в Русской Америке (1839–1842 гг.) // ЭО. — 1998. — № 5.

[50] **ОГП РАК за 1842 г.** — С. 38; **ОГП РАК за 1843 г.** — С. 29; **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 195.

[51] **Мамышев В.Н.** Указ. соч. — С. 240–241; **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 316–318; **Доклад Комитета** — Ч. 1. — С. 108.

районах Кадьяка, что сулило в будущем увеличение доходов РАК. Об этом прямо говорилось в официальном отчете ГП РАК за 1842 г.: «От менее рассеянного по всему острову жительства алеут (эскимосов конягмиутов или кадьякцев. — *А.Г.*) пушные звери, в отдалении от учреждаемых селений, получат больше простору и будут размножаться более прежнего»[52].

Впрочем, представители РАК склонны были объяснять политику переселения в первую очередь «отеческой заботой» компании о самих туземцах. А.К.Этолин, под руководством которого проводилась вся эта акция, писал: «Алеуты (кадьякцы. — *А.Г.*) до 1841 года могли свободно селиться на своих островах, где хотят, но чрез эту свободу, не считая вреда, который причиняем был промышленности вообще, Алеуты весьма часто пропадали без вести и погибали прежде, нежели было возможно подать им помощь. Было несколько примеров, что после долгого искания, находили целыя семейства, поселившиеся где либо на отдаленных кекурах (утесах. — *А.Г.*), до последняго в своих бараборах, отравленными от неосторожного употребления в пищу ядовитого мертваго кита или ядовитых ракушек. Подобных произшествий не случалось после того, как Алеуты, по моему предложению, соединены были в постоянные селения, под присмотром собственного своего Тоёна...»[53].

Надо сказать, что практика принудительного перемещения туземцев в Русской Америке была не нова: еще в начале 1830-х гг. состоялось переселение и соединение алеутов Атхинского и Уналашкинского отделов в общие селения совершенно по тем же причинам, что имели место спустя десять лет на Кадьяке[54].

Для усиления контроля над туземцами был поднят статус их старейшин. Они начали получать от компании регулярное жалованье, а их деятельность стала регламентироваться специальными «Правилами», разработанными А.К.Этолиным[55]. Таким образом, РАК перешла на непрямое управление кадьякцами, создав низовую ячейку туземной администрации. «Не подлежит сомнению, — отмечалось в документах РАК, — что административныя обязанности компанейских служителей много упрощаются ныне существующим между инородцами своего рода самоуправлением через посредство Тоёнов или старшин, из их среды избираемых»[56].

---

[52] **ОГП РАК за 1842 г.** — С. 38.

[53] **Отдельная записка...контр-адмирала Этолина 18(30) апреля 1863 г.** // Доклад Комитета. — Ч. 1. — С. 380–381.

[54] См. **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 315.

[55] См. **Правила для тоенов, избираемых в старшины над общими селениями алеутов в кадьякском отделе** // Тихменев П.А. — Ч. 2. — Прилож. — С. 74–79.

[56] **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 179.

Социальные и административные реформы, проведенные А.К.Этолиным в колониях, затронули не только зависимое туземное население, но и выходцев из метрополии. Необходимость этого была продиктована ростом издержек на содержание колоний: в 1830-х гг. затраты Главного правления возросли на 100 000 руб.сер. в сравнении с периодом 1820-х гг.[57] Выход из этой ситуации директора РАК усматривали в сокращении фонда заработной платы путем уменьшения служащих компании, получающих жалование. Еще в 1839 г. главному правителю было предложено составить «положительный штат колониальному управлению, а вместе с тем озаботиться о сокращении издержек на содержание колоний, избегая, во всяком случае, малейшего стеснения в распространении пушного промысла»[58].

Руководствуясь этим распоряжением, А.К.Этолин составил соответствующий штат служащих в колониях людей, по которому на жаловании компании должны были состоять 949 человек, из них 613 выходцев из России и креолов, 237 туземцев и 99 туземок-работниц[59]. Весной 1845 г. Этолин специально предписывал правителю Кадьякской конторы: «Отнюдь не увеличивать, без особенной надобности, числа рабочих людей и вообще служащих компании, — а по возможности стараться уменьшить оное, — что служит к несомненной выгоде компании»[60].

Озабоченное сокращением расходов на содержание колоний в Америке руководство компании форсировало перевод недееспособных служащих в разряд колониальных граждан (поселенцев). Основы для этого, заложенные еще при Ф.П.Врангеле в середине 1830-х гг., начали реально воплощаться в жизнь только при правлении А.К.Этолина, который избрал для расселения колонистов о-ва Еловый и Афогнак вблизи Кадьяка, чтобы те могли находиться под постоянным надзором правителя Кадьякской конторы. С 1841 по 1844 гг. около 25 престарелых служащих РАК, многие с довольно многочисленными семействами, отправились на новые места жительства. Часть пожилых, но одиноких стариков и инвалидов — выходцев из метрополии — также пожелала остаться в колониях, получая небольшие пенсии от РАК. Однако право на такие пенсии имели только те из русских, кто прослужил компании не менее 15 лет «с постоянным усердием и при безукоризненном поведении». Для креолов срок выслуги пенсии равнялся 20 годам. Остальных стариков, не способных к работам, компания высылала в Россию, выплачивая

---

[57] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 371–372.

[58] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — С. 56.

[59] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 191–194.

[60] **Инструкция правителю Кадьякской конторы, 9 марта 1845 г.** // Там же. — С. 74.

им единовременное пособие. К 1 января 1844 г. число служащих русских во всех отделах колоний составляло 401 человек, а к 1 января 1845 г. из них уволено было до 80 человек, т.е. почти пятая часть. Для изыскания средств на выплату пенсий и поддержки остающихся в колониях пенсионеров компании Этолин поднял «приценки» на завозившиеся в колонии чай и водку. Для пополнения колониального штата в том же году из России было отправлено в колонии 16 военных матросов и 27 вольнонаемных рабочих[61].

Значительным изменениям подверглась и система образования в колониях. Едва приняв бразды правления, Этолин уже летом 1841 г. во время личного посещения Атхи и Уналашки распорядился упразднить имеющиеся здесь школы, так как тут не было средств к воспитанию надлежащим образом поступающих на иждивение РАК креолов. Решено было переводить их для получения образования в новоархангельскую школу. Что же касается детей алеутов, то компания отмечала, что для нее выгоднее оставление их в «первобытном состоянии» для пополнения контингента туземных промысловиков, количество которых заметно уменьшилось от эпидемии оспы. Впрочем, компания не препятствовала частному обучению и созданию церковно-приходских школ[62].

Истинная причина упразднения школ в Атхинском и Уналашкинском отделах заключалась все же не в заботе об улучшении качества образования, а в финансовых трудностях, с которыми столкнулась РАК в начале 1840-х гг. В соответствии с утвержденным в 1844 г. штатом было решено слить все существующие в колониях школы (кроме приходских при церквах) в две общие — мужскую и женскую в Ново-Архангельске. Для первой предполагалось набирать до 50 воспитанников и 10 юнг для будущей службы на кораблях РАК, а во второй иметь до 40 учениц. Впрочем, количество учащихся в обеих было почти постоянно ниже определенной квоты на 20–30%. Компания тратила на содержание обоих учебных заведений до 3600 руб. сер. в год, не считая расходов на отопление, освещение и ремонт помещений[63]. Кроме того, РАК продолжала регулярно посылать по 8–10 подростков-креолов для обучения в С.-Петербург. Многие из них впоследствии заняли должности в среднем управленческом звене колоний или служили командирами судов РАК или их помощниками.

Финансовые затруднения, постигшие РАК в начале 1840-х гг., заставили ее реформировать собственную управленческую структу-

---

[61] **ОГП РАК за 1843 г.** — С. 32–33; **ОГП РАК за 1844 г.** — С. 45–46; **ОГП РАК за 1845 г.** — С. 22; **Мамышев В.Н.** Указ. соч. — С. 236.

[62] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — С. 49.

[63] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 272–273.

ру в колониях. Экономии средств предполагалось достичь за счет большей концентрации власти и упрощения аппарата управления путем ликвидации посреднических звеньев. В 1842 г. было предписано упразднить самостоятельные конторы в Уналашкинском и Атхинском отделах и вместо них ввести должности управляющих для заведования каждым отдельным островом. Свои отчеты они обязаны были посылать непосредственно либо в Кадьякскую, либо в Новоархангельскую контору[64].

В это же время ГП РАК инициировало перевод конторы компании из Охотска в зал.Аян. Еще в 1840 г. такое поручение было дано Главным правлением начальнику Охотской конторы лейтенанту В.С.Завойко. В августе 1843 г. он прибыл в зал.Аян на бриге «Промысел» с необходимыми материалами и людьми, а уже к декабрю основные постройки новой фактории РАК были завершены. Летом 1845 г. РАК окончательно оставила Охотск и перевела контору на новое место. В конце 1849 г. Охотский порт был упразднен и военно-морское управление было перебазировано в Петропавловск-Камчатский. Аян же превратился в главный перевалочный порт РАК на азиатском побережье Тихого океана: в 1845–1862 гг. через него было перевезено различных грузов для колоний на 450 тыс. руб., а в Россию доставлено пушнины на 5 млн. руб.сер.[65]

В 1844 г. Этолин уведомил Главное правление о своем решении возвратиться в Россию на следующий год, когда истекал срок его контракта с РАК. Директора компании выразили по этому поводу свое искреннее сожаление и занялись подбором замены. Их выбор пал на опытного морского офицера, капитан-лейтенанта Михаила Дмитриевича Тебенькова, который до того 14 лет прослужил в колониях. В апреле 1844 г. его кандидатура была одобрена царем, который присвоил Тебенькову звание капитана 2-го ранга[66].

Что касается его предшественника, то в целом его правление можно признать наиболее благоприятным периодом развития Русской Америки. При А.К.Этолине особенно успешно развивались различные отрасли колониального хозяйства, были проведены важные социально-экономические и административные реформы, плодотворно шло сотрудничество с компанией Гудзонова залива и независимыми туземцами Юго-Восточной Аляски, были организованы многочисленные исследовательские экспедиции в долину Юкона и р.Коппер, способствовавшие освоению новых территорий Аляски.

---

[64] **Статистические сведения о владениях РАК, 1860 г.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 101. — Л. 24.

[65] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 6, 9, 20, 28, 37; **ОГП РАК за 1842 г.** — С. 27; **ОГП РАК за 1844 г.** — С. 20; **ОГП РАК за 1845 г.** — С. 22–29.

[66] **ОГП РАК за 1843 г.** — С. 17–18.

4. М.Д.Тебеньков во главе администрации колоний (1845–1850)

Новый главный правитель вполне успешно продолжил основные начинания А.К.Этолина. На несколько более скромные результаты его деятельности повлияло, видимо, неблагоприятное стечение ряда обстоятельств и, в частности, нарастание экономических трудностей РАК. В середине 1840-х гг. финансовое положение компании было достаточно напряженным: увеличились ее расходы на содержание колоний, при том, что начиная с 1843 г. стали заметно уменьшаться ее доходы от чайной торговли в Кяхте. Последнее объяснялось, во-первых, возросшей конкуренцией на китайском рынке со стороны американских добытчиков, завозивших сюда шкурки котиков с островов Южных морей, а во-вторых, — большими затратами на страховку грузов и кораблей РАК в Англии[67]. Кроме этого, был также ряд дополнительных факторов, осложнивших деятельность компании в тот период. Так, например, рост окладов офицеров и чиновников в метрополии вынудил РАК пойти на соответствующий шаг в отношении своих служащих, а открытие золотых приисков в Сибири существенно затруднило наем приказчиков и привело к росту цен на все привозимые сюда товары. Перечисляя эти факторы в письме министру финансов, руководство компании делало вывод, что если не облегчить финансовые обязательства РАК по отношению к государству, то «капиталы Компании могут прийти в такое истощение, что не только прекратятся выдачи дивидендов Акционерам, но и встретится затруднение в содержании Колоний, соответственно прямой их потребности и достоинству Империи»[68].

В жалобах правительству Главное правление указывало, что только содержание колоний обходится компании ежегодно в 300 000 руб. серебром и просило в связи с этим о снижении пошлинных тарифов на вывозимый из Китая чай. Власти пошли на определенные уступки, и царским указом от 20 июля 1845 г. пошлина для РАК была снижена на одну треть. Но компании от этого не стало легче, так как льгота касалась только дешевых сортов чая, а РАК приобретала в основном дорогой цветочный чай, пошлины на который увеличились в 1846 г. с 60 до 80 коп. с фунта[69].

Не добившись реального снижения пошлинных платежей, руководство компании начало ходатайствовать перед правительством о

---

[67] **ГП РАК — Ф.П.Вронченко, 30 апреля 1845 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив II-3, 1835. — Оп. 77. — Д. 7. — Л. 3–4 об.

[68] **ГП РАК — Ф.П.Вронченко, 21 сентября 1845 г.** // Там же. — Л. 6 об.

[69] **Записка о положении РАК и оборотах ее, по случаю испрашиваемых ею некоторых льгот по торговле ее в Кяхте, 1 мая 1846 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив II-3, 1835. — Оп. 77. — Д. 7. — Л. 21 об.

разрешении импортировать чай из китайских портов морем в Петербург. Это могло помочь РАК снизить транспортные издержки и избежать конкуренции кяхтинских купцов. Разрешение компании было дано: она получила право в течение двух лет (на два года) завозить из Шанхая в Петербург 4000 ящиков чая (8000 пудов). В соответствии с этим в апреле 1847 г. директора РАК направили в Русскую Америку предписание снарядить в следующем году судно с пушниной для торговли в китайские порты. Выполняя это предписание, М.Д.Тебеньков послал 11 мая 1848 г. барк «Князь Меньшиков» под командованием шкипера И.В.Линденберга в Шанхай с большим грузом мехов (до 6200 шкур). Хотя китайские власти и не дали санкции на торговлю, Линденбергу через посредничество британского консула и одной из английских фирм удалось все-таки обменять меха на чай, и 12 октября 1848 г. он благополучно возвратился в Ново-Архангельск[70]. Часть вывезенного им чая была впоследствии доставлена в Петербург. В дальнейшем эта практика успешно продолжалась, и РАК сумела таким способом несколько поправить свои пошатнувшиеся финансовые дела (хотя царское правительство и запрещало компании завозить китайский чай морем сверх оговоренного лимита и требовало соблюдения определенных правил его продажи).

Довольно напряженная ситуация с финансовыми ресурсами компании и неопределенная конъюнктура рынка не позволяли РАК в должной мере содействовать развитию российских колоний в Америке. Именно в это непростое для компании время их возглавил М.Д.Тебеньков. Приняв 6 июля 1845 г. от Этолина должность главного правителя в Охотске, куда тот прибыл, направляясь в Петербург, Тебеньков затем посетил новый порт РАК на Тихом океане — Аян. Оттуда он отправился в начале августа в Ново-Архангельск на корабле «Наследник Александр» и спустя почти месяц, 1 сентября 1845 г., достиг столицы русских владений в Америке[71].

Здесь Тебеньков решил продолжить политику своего предшественника, в частности, в деле сближения с независимыми индейцами Юго-Восточной Аляски. Для этого он в апреле 1846 г. устроил для них праздник у стен Ново-Архангельска, на который съехалось не менее 1500 «почетных колош», не считая рабов. Это мероприятие обошлось РАК в 1 389 руб. 91 коп. И хотя пушнины у индейцев выменять почти не удалось, однако, по словам Тебенькова, «во время этого съезда колош рынок завален был съестными припа-

---

[70] **ГП РАК — Азиатскому департаменту МИД, 17 ноября 1848 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив II-3, 1848–1858 гг. — Оп. 34. — Д. 2. — Л. 11 об.–12; **ГП РАК — К.В.Нессельроде от 20 августа 1849 г.** // Там же. — Л.15–17 об.

[71] **Pierce R.A.** — P. 501.

сами»[72]. А в 1847 г. в результате меновой торговли у индейцев было приобретено рекордное количество пушнины — на 10 398 руб. 50 коп. (чистая прибыль РАК составила почти 3 000 руб.)[73].

Весьма способствовало дружелюбному настрою некогда непримиримых соседей Ново-Архангельска и появление у русских парохода, которого они откровенно побаивались, так как он мог ходить против ветра и течения, появляясь неожиданно у индейских селений в проливах арх. Александра. Кроме того, многие тлинкиты сами нанимались на парусные суда РАК, в чем М.Д.Тебеньков усматривал дополнительные гарантии их лояльности к русским. В письме к своему помощнику капитану 2-го ранга Д.Ф.Зарембо он отмечал: «Нападения от колош в настоящее время кажется ожидать нельзя, потому что колоши служат почти на всех наших судах матросами, — следовательно верными заложниками нашей безопасности здесь»[74].

Укреплялись в эти годы и торговые связи РАК с туземцами на Севере. В 1846 г. новый начальник Нулатовской одиночки Иван Захаров отправился вверх по Юкону и поднялся по нему выше того места, до которого удалось проникнуть экспедиции лейтенанта Л.А.Загоскина в 1843 г. В пути он выменял немало пушнины у туземцев и благополучно возвратился в русскую факторию. М.Д.Тебеньков выразил ему благодарность за удачный поход и предписал сделать еще одну экспедицию к верховьям Юкона[75].

Весьма беспокоила колониальную администрацию продолжавшаяся утечка мехов с Аляски через Берингов пролив на Чукотку, где они попадали в руки колымских и якутских купцов. Для пресечения этого транзита пушнины РАК намеревалась даже устроить редут на о-вах Гвоздева в районе Берингова пролива. В торговую орбиту нового поста должны были попасть американские и азиатские эскимосы, равно как и колымские чукчи. Однако осмотр о-вов Гвоздева в 1846 г. показал, что природа их настолько скудна, что на содержание здесь фактории потребуются чрезмерные издержки[76].

В этот период начинает проявляться тенденция к перемещению интересов РАК в Азию. Этому также способствовала политика царского кабинета. Так, в 1846 г. по предложению правительства М.Д.Тебеньков отправил бриг «Константин» под командованием поручика Корпуса флотских штурманов А.М.Гаврилова на исследо-

---

[72] **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 5 мая 1846 г.** // NARS. — RRAC. — R. 51. — P. 206–207, 317.

[73] **Ibid.** — P. 354–354 об.

[74] **М.Д.Тебеньков — Д.Ф.Зарембо, 18 мая 1846 г. // Ibid.** — P. 398–398 об.

[75] **М.Д.Тебеньков — И.Захарову, 21 мая 1847 г. // Ibid.** — R. 53. — P. 120–120 об.

[76] **Мамышев В.Н.** Указ. соч. — С. 252.

вание устья Амура, где в дальнейшем компания основала несколько своих факторий[77]. Одновременно главный правитель послал в район устья р.Анадырь бриг «Промысел» под начальством шкипера Леонтия Гардера. Направить сюда судно русских заставили слухи о якобы поселившихся там иностранцах (в то время этот район активно посещали американские китобои)[78].

Сам же М.Д.Тебеньков летом 1846 г. совершил длительную инспекционную поездку на бриге «Байкал» из Ново-Архангельска по Уналашкинскому и Атхинскому отделам и даже посетил Камчатку. Чтобы избежать необходимости постоянно завозить лес для построек на Уналашку, главный правитель при посещении острова распорядился заняться здесь выделкой кирпича, из которого уже в 1847 г. был сооружен первый дом. Особенно приятное впечатление произвели на главного правителя быт и нравы алеутов о-вов Прибылова. Почти все они умели читать и писать, а их благосостояние было заметно выше, чем у сородичей на Алеутских о-вах[79]. Это объяснялось их более высокими заработками на котиковых промыслах. Во время пребывания в Уналашкинском и Атхинском отделах Тебеньков учредил здесь поселения для престарелых служащих компании с семействами по типу селений колониальных граждан в Кадьякском отделе. Их дети от смешанных браков — креолы — со временем должны были, по замыслу руководства РАК, заменить медленно вымирающее алеутское население. Для поселения первых семейств колониальных граждан в Уналашкинском отделе были избраны Шумагинские о-ва и п-ов Аляска, а в Атхинском отделе — о-в Беринга[80].

В эти годы окончательно оформляется новое административное устройство колоний: в 1846 г. была упразднена в полном соответствии с принятым ранее решением ГП РАК контора РАК в Атхинском отделе. Ее функции были распределены между четырьмя управляющими, находившимися на о-вах Атхе, Атту, Медном и Беринга, которые были напрямую подчинены Новоархангельской конторе. Это дало видимый результат. Если раньше на содержание управляющих и служащих в Атхинском отделе РАК тратила 9400 руб. серебром, то теперь штат обходился всего в 4400 руб.[81]

Аналогичной реорганизации подверглось в 1847 г. также управление Уналашкинского отдела. Местная контора была разделена на две самостоятельные части во главе со своими управляющими. Один из них руководил служащими РАК на о-вах Лисьей гряды с центром

---

[77] **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 12 мая 1847 г.** // NARS. — RRAC. — R. 53. — P. 96–97 об.; **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 47–62.

[78] **ОГП РАК за 1846 г.** — С. 29–30.

[79] **Там же.** — С. 36–37.

[80] **Мамышев В.Н.** Указ. соч. — С. 236.

[81] **ОГП РАК за 1846 г.** — С. 40.

на Уналашке, а другой управлял Шумагинскими о-вами (с центром на о-ве Унга). Ему же были подчинены селения на п-ове Аляска. В целом сокращение административного аппарата при упразднении Уналашкинской конторы дало РАК дополнительную экономию средств в размере 3 300 руб.серебром[82].

Достаточно успешно в первый год правления М.Д.Тебенькова шли дела и в колониальном центре: в 1846 г. была построена мельница на р.Малышевке у Ново-Архангельска, а с вводом мельницы на р.Киренке, заложенной годом раньше, обе они смогли снабжать мукой не только всю Русскую Америку, но даже Камчатку. На новоархангельской верфи были отремонтированы несколько судов колониальной флотилии, а также два иностранных китобойных корабля — немецкий «Йозеф Гайдн» из Бремена и американский «Кориоланус», что принесло РАК немалую прибыль[83].

Летом следующего 1847 г. М.Д.Тебеньков ходил на бриге «Байкал» осматривать Кадьякский отдел. Здесь он должен был проверить жалобы вождей танаина на грубое обращение с ними начальника Николаевского редута Ивана Комкова[84] и посетить селения колониальных граждан и креолов. Главный правитель остался вполне удовлетворен успехами хозяйствования последних: многие из поселенцев не только перестали нуждаться в помощи компании, но даже стали продавать ей излишки выращиваемых ими овощей. Утвердив старшину креольского селения и наметив места для основания новых поселений, Тебеньков отбыл в Ново-Архангельск[85].

В это же время бриги «Константин» («Великий Князь Константин») под начальством помощника Тебенькова капитана 2-го ранга Д.Ф.Зарембо и «Охотск» (командир — шкипер В.Г.Павлов) посетили устье р. Анадырь для проверки сведения о поселившихся там иностранцах, которые якобы уже построили там небольшую крепость, куда к ним ежегодно приходил корабль для снабжения. Однако подробное исследование устья и частично течения реки экипажами двух судов РАК полностью опровергло ходившие в Северо-Восточной Сибири слухи об иностраном проникновении. Однако рассчитывать на выгодную торговлю с местными чукчами РАК не приходилось: слишком сильна была здесь конкуренция сибирских купцов,

---

[82] **Там же.**

[83] **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 5 мая 1846 г.; Д.Ф.Зарембо — М.Д.Тебенькову, 7 августа 1846 г.** // NARS. — RRAC. — R. 51. — P. 245–246, 461; **ОГП РАК за 1846 г.** — С. 32–33.

[84] **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 5 мая 1846 г.** // NARS. — RRAC. — R. 51. — Л. 209. В 1845 г. в результате аналогичных жалоб чугачей и танаина был отстранен от должности начальник Константиновского редута Наумов (**Ibid.** — P. 208.).

[85] **Краткий отчет о действиях РАК за 1847 г.** // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1329. — Л. 56–60; **ОГП РАК за 1847 г.** — С. 36–38.

в изобилии снабжавших туземцев водкой, продажа которой компанией была запрещена[86].

В том же году Тебеньков организовал масштабную экспедицию штурмана креола Руфа Серебренникова в долину р.Коппер для дальнейшего изучения внутренних районов Аляски. Однако после трагической гибели ее членов в 1848 г. от рук индейцев атна пришлось надолго отказаться от дальнейших попыток в этом направлении, а находившаяся в среднем течении р.Коппер Медновская одиночка была эвакуирована зимой 1849/50 г. после того, как голодавшие туземцы разграбили хранящиеся там запасы продовольствия, и русский приказчик с семьей вынужден был уйти в Константиновский редут[87].

В 1847 г. по распоряжению Тебенькова был сделан «запуск» калана на Андреяновских о-вах и после трехлетнего перерыва возобновилась его добыча на Ближних о-вах. На Курилах использовалась аналогичная практика: промысел сохранился лишь на южных островах гряды, а на северных был прекращен. Кроме того, в окрестностях Ситхи опять появились каланы, и Тебеньков с согласия вождей местных тлинкитов отправил небольшую партию алеутов промышлять зверя в те места, которые указывали нанятые русскими индейцы[88].

Как и в предыдущий период, благодаря продуманной системе «запусков» добыча пушнины в российских колониях оставалась в целом достаточно стабильной. А для увеличения животных ценных пород в годы правления Тебенькова русские на Кадьяке попытались разводить речных бобров и горных баранов, но, к сожалению, без успеха. Помимо этого, на о-в Атту из группы Ближних Алеутских о-вов были выпущены суслики-еврашки, чьи шкурки служили для производства туземной одежды — парок[89].

В августе 1847 г. введен в строй лесопильный завод на р. Киренке близ Ново-Архангельска, который стал производить ежегодно тысячи досок разной величины, часть из которых РАК затем экспортировала на Гавайи и в Сан-Франциско. В самом Ново-Архангельске в том же году было построено несколько домов и хозяйственных строений, а также продолжено сооружение крепостной стены. Капитальной реконструкции подверглась обветшавшая «Колошенская батарея» — деревянная башня, пушки которой были направлены на селение тлинкитов у стен города. А на о-ве Кадьяк была

---

[86] **Мамышев В.Н.** Указ. соч. — С. 253; **ОГП РАК за 1847 г.** — С. 31–32, 42.

[87] **Дорошин П.П.** Из записок, веденых в Русской Америке // Горный журнал. — 1866. — Ч. 1. — № 3. — С. 385, 389–390.

[88] **ОГП РАК за 1847 г.** — С. 39–40.

[89] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 220.

проложена дорога длиной в пять верст от Павловской Гавани до мельницы, что очень облегчило транспортировку зерна и муки[90].

В 1847 г. шхуна «Квихпак» была превращена в плавучий склад — блокшив, а маленький пароход «Мур» был выгодно продан в Калифорнии. Вместо него в Ново-Архангельске был заложен новый пароход, названный в честь первого главного правителя Русской Америки А.А.Баранова. В том же году в Гонолулу на Гавайских о-вах был куплен небольшой американский барк (293 т), загружен продовольствием и приведен в Ново-Архангельск 20 апреля 1848 г. Новый корабль был назван «Князь Меньшиков»[91]. Он стал одним из лучших кораблей колониальной флотилии.

В начале 1848 г. в Русской Америке началась новая эпидемия, на этот раз — кори. Она зародилась во владениях компании Гудзонова залива и, распространяясь с юго-востока на северо-запад, вскоре достигла Ново-Архангельска, где продолжалась до середины лета. Корью переболели практически все туземцы и креолы, а из русских — только дети. И если жившие под стенами крепости тлинкиты почти не пострадали от этой эпидемии, то среди алеутов, и особенно креолов, смертность была достаточно высока — умерло 57 человек, т.е. более 10% от числа заболевших, несмотря на то, что колониальное начальство распорядилось открыть в столице Русской Америки помимо постоянной больницы еще три временных. Затем корь была занесена на острова Уналашкинского отдела, где от нее и сопутствующих болезней скончалось до 100 человек, преимущественно женщин и детей[92].

В Кадьякском отделе корью переболели в 1849 г. только чугачи. Однако благодаря мерам, предпринятым управляющим Константиновским редутом С.Григорьевым, ни один из них не умер. А вот у соседей чугачей — индейцев атна и эяков — смертность была весьма значительной[93]. Всего, по данным П.А.Тихменева, от эпидемии умерло на Ситхе, Уналашке, о-вах Прибылова и п-ве Аляска до 300 туземцев и креолов[94].

В 1848 г. был окончен заложенный годом раньше специальный крытый «колошенский рынок» для торговли с жившими у стен Ново-Архангельска тлинкитами, продолжена крепостная стена, а дома внутри города соединены заборами и разбиты на кварталы[95]. В результате столица Русской Америки приобрела черты типичного сибирского городка.

---

[90] **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 10 мая 1848 г.** // NARS. — RRAC. — R. 54. — P. 215, 248–255; **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 246.

[91] **ОГП РАК за 1847 г.** — С. 28, 33, 44.

[92] **ОГП РАК за 1848 г.** — С. 30–31.

[93] **ОГП РАК за 1849 г.** — С. 28.

[94] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 243.

[95] **ОГП РАК за 1848 г.** — С. 28.

В том же году корабль «Наследник Александр» из-за ветхости был выведен из штата колониальной флотилии, а вместо него компания получила заказанный в Германии бриг «Шелихов»[96]. Тогда же в Ново-Архангельске был окончательно достроен маленький пароход «Баранов», предназначенный в основном для буксировки судов в гавань и сообщений с Озерским редутом и Горячими Ключами. Кроме того, на местной верфи была заложена маленькая шхуна «Клинкит» (искаженное название племени «тлинкит»), и уже 30 декабря 1848 г. она была спущена на воду и отправилась в Калифорнию, где в 1849 г. была выгодно продана агентами РАК[97].

В то время в Калифорнии разразилась «золотая лихорадка», приведшая к резкому росту цен на все продукты и товары в данном регионе. Этим решило воспользоваться колониальное начальство и послало туда судно с залежалыми товарами: там они были большей частью быстро распроданы, а РАК получила от успешной операции прибыль в 33 000 пиастров или 43 890 руб.сер.[98] Однако повышение цен в Калифорнии имело и свои негативные последствия, поскольку закупка там продовольствия для колоний стала компании невыгодной. Это обстоятельство вынудило РАК опять перейти к снабжению колоний преимущественно из балтийских портов и Европы путем организации кругосветных экспедиций.

Помимо торговли в Калифорнии РАК решила попытать счастья и на разработке золотых приисков, послав туда маленький отряд старателей из четырех русских и шести тлинкитов под начальством поручика Корпуса горных инженеров П.П.Дорошина. С 26 февраля по 16 апреля 1849 г. отряд смог добыть там 11 фунтов 53 золотника чистого золота. Вообще торгово-старательские операции компании в Калифорнии в 1848–1849 гг. были весьма успешны. Из добытого золота и денег, вырученных за товары, РАК купила за 110 000 руб. асс. трехмачтовое судно, оплатила все расходы калифорнийской экспедиции, получила 39 300 руб.асс. золотой и серебряной монетой и сверх того еще 3 пуда 37 фунтов 85 с половиной золотников золотого песка. В 1850 г. на корабле «Ситха» золото было доставлено в Главное правление в Петербург и сдано на Монетный двор для переплавки и очистки. За сданное в казну золото компании было выдано 44 220 руб. 54 коп. серебряной монетой[99].

Летом 1849 г. Тебеньков отправился на барке «Князь Меньшиков» в свою последнюю инспекционную поездку по отделам колоний и посетил тогда Уналашку, о-ва Прибылова и Кадьяк. Во всех

---

[96] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 156, 221.

[97] **ОГП РАК за 1848 г.** — С. 24, 28–29.

[98] **Там же.** — С. 35.

[99] **ГП РАК — Ф.П.Вронченко, 20 июня 1850 г.** // РГИА. — Ф. 37. — Оп. 24. — Д. 8. — Л. 1–1 об.; **ОГП РАК за 1849 г.** — С. 32–33.

местах, где побывал главный правитель, дела компании шли вполне благополучно. А осенью того же года пароход РАК «Николай I» под командованием шкипера И.В.Линденберга ходил из Ново-Архангельска в проливы арх.Александра для торговли с тлинкитами, у которых было приобретено много мехов — на сумму в 10 284 руб. 70 коп.[100]

В апреле следующего 1850 г. пароход был вновь отправлен в проливы, на сей раз для обследования найденных на о-ве Адмиралти (Хуцнуву) пластов каменного угля, который оказался, к сожалению, довольно низкого качества. Геологическую разведку производил поручик П.П.Дорошин, которого Тебеньков затем откомандировал на п-ов Кенай на р.Какну во главе партии из 6 русских и 4 нанятых тлинкитов. Здесь горный инженер должен был исследовать возможные месторождения золота, признаки которого он обнаружил там еще в 1848 г., когда определял местонахождение и размеры каменноугольных отложений на Кенайском п-ове[101]. И хотя Дорошин нашел драгоценный металл, однако в таких ничтожных количествах, что русским пришлось прекратить дальнейшие его поиски в этом регионе.

Результаты своих изысканий Дорошин опубликовал позднее в открытой печати[102]. Об этом же сообщал на страницах своего фундаментального труда П.А.Тихменев[103]. Поэтому следует признать ошибочными утверждения некоторых авторов о том, что РАК якобы опасалась, как бы правительство не узнало о наличии в недрах колоний золота и не отняло бы у компании ее монопольные привилегии. То же самое можно сказать и о мнении, будто само царское правительство либо вообще не знало о признаках месторождений золота на Аляске, либо тщательно скрывало информацию об этом, опасаясь наплыва иностранных старателей в российские владения на Аляске[104].

В поисках все новых источников дохода РАК в эти годы пыталась наладить постоянную торговлю лесом и простыми пиломатериалами в Калифорнии и на Гавайях. А в 1850 г. в Ново-Архангельске специально для продажи было построено четыре разборных дома.

---

[100] **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 19 мая 1850 г.** // NARS. — RRAC. — R. 56. — P. 129.

[101] **М.Д.Тебеньков — Кадьякской конторе РАК, 12 мая 1850 г.** // NARS. — RRAC. — R. 56. — P. 93–94; **ОГП РАК за 1849 г.** — С. 25, 27.

[102] См. **Дорошин П.П.** Несколько подробностей о распространении золота в русских Северо-Американских владениях // Горный журнал. — 1866. — № 1. — С. 279–280.

[103] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 249, 322.

[104] См. **Окунь С.Б.** — С. 231; **он же.** К истории продажи русских колоний в Америке // Исторические записки. — 1938. — Т. II. — С. 218; **Алексеев А.И.** Судьба Русской Америки. — Магадан, 1975. — С. 202.

Три из них были отправлены в Сан-Франциско, а один — на Камчатку. Чтобы расширить поставки древесины в Калифорнию, Главное правление компании прислало лесопильную паровую машину для ее установки на плавучем блокшиве: таким образом у РАК появился подвижной лесопильный завод, который мог перемещаться от вырубки к вырубке вдоль морского побережья[105].

В 1850 г. на новоархангельской верфи был заложен корпус нового парохода, призванного заменить обветшавший «Николай I». Кроме того, по ходатайству руководства компании Гудзонова залива там же был произведен капитальный ремонт английского парохода «Бивер». Директора РАК смогли с удовлетворением записать в отчете: «Таковое исправление иностранного судна в нашем порте, равняющееся почти постройке онаго вновь, может свидетельствовать о хорошем состоянии колониального Адмиралтейства»[106].

То же самое можно было сказать и о состоянии колоний в целом. Поэтому М.Д.Тебеньков с чистой совестью сдал свою должность в октябре 1850 г. новому главному правителю капитану 2-го ранга Н.Я.Розенбергу: во время его правления пушной промысел и торговля были вполне удовлетворительны, в Русской Америке появилось еще несколько небольших заводов, строились корабли и пароходы, все большее значение приобретали внешнеторговые связи. Уже после отъезда Тебенькова колонии вступают в бурную эпоху 1850-х гг., которые были отмечены многочисленными конфликтами с туземцами, Крымской войной и постепенно нарастающими экономическими трудностями РАК.

В целом период 1840-х гг. был, пожалуй, наиболее благоприятным в истории российских колоний в Новом Свете. Благодаря распространению торговых операций РАК на новые территории и продуманной политике природоохранных мер в районах традиционного промысла количество получаемой компанией пушнины оставалось достаточно стабильным. Успешно развивались различные секторы экономики, включая пароходостроение, производство пиломатериалов, жилищное строительство и т.д. В связи с этим возрастает экспортный потенциал колоний, которые перестают быть простым поставщиком дешевой пушнины. В Америке наконец-то появилось санкционированное правительством постоянное русское население, хотя его численность была крайне невелика. На протяжении всего десятилетия поддерживаются мирные отношения с местными независимыми племенами. Золотыми буквами вписаны в историю российской колонизации исследовательские экспедиции по изучению внутренних районов Аляски, организованные компанией в 1840-х гг.

---

[105] **ОГП РАК за 1850 г.** — С. 28, 36.
[106] **Там же.** — С. 21.

Глава

3

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ в 1825–1860-х гг.

1. Морская экспедиция Станюковича—Литке. Исследование прапорщиком И.Я.Васильевым бассейнов рек Нушагак и Кускоквим

Изучение Тихоокеанского Севера, Аляски и российского Дальнего Востока в первой половине XIX в. неразрывно связано с именем Российско-американской компании. И это неслучайно: многие географические исследования данного района земного шара проходили под эгидой этой крупнейшей отечественной пушной монополии. Участвовать в снаряжении экспедиций РАК заставляли экономические интересы: компании важно было найти новые источники и ресурсы пушнины на неизведанных территориях, выяснить торговые пути туземцев, наметить оптимальные места сооружения факторий, опередив при этом иностранных конкурентов. Соперничество последних в северной части Тихого океана иногда стимулировало и правительственную активность в организации географических изысканий. Причем руководство Российской империи обычно предпочитало действовать в этом районе опять-таки через посредничество РАК, возлагая на нее различные миссии по освоению спорных или малоизученных территорий, оставляя за собой лишь планирование и общее руководство географическими проектами.

Сами географические исследования проводились в основном двумя методами. Первый состоял в организации морских экспедиций, занимавшихся главным образом гидрографией побережья. Второй заключался в снаряжении сухопутных экспедиций, изучавших внутренние районы американского и азиатского материков.

В целом нужно отметить, что осуществлялись подобные экспедиции довольно неравномерно — периоды относительной активности сменялись временами «застоя», когда географических изысканий не велось вовсе. Важную роль при этом играли, как уже было сказано выше, факторы «большой» политики, а конкретно — англо-русское соперничество на севере Тихого океана. Так, после заключения в 1825 г. Конвенции о разграничении владений России и Великобри-

тании в Новом Свете, разрешившей спорные территориальные вопросы, обе державы резко свернули свою деятельность по поиску северо-западного прохода между Атлантическим и Тихим океаном. Они на многие годы прекратили правительственное субсидирование морских исследовательских путешествий. Правда, англичане напоследок отправили в 1826 г. капитана Ф.Бичи на судне «Блоссом» в район Берингова пролива. Своеобразным «ответом» России стало снаряжение в том же году на Тихоокеанский Север отряда из двух военных шлюпов. Первым из них — «Моллером» — командовал капитан-лейтенант Михаил Николаевич Станюкович (он был главой экспедиции). Вторым — «Сенявиным» — известный мореплаватель капитан-лейтенант Федор Петрович Литке. Главной целью похода была доставка различных грузов из Кронштадта на Камчатку и в Русскую Америку, а также географическая опись их берегов[1].

Экспедиция началась в конце августа 1826 г., когда оба шлюпа покинули Кронштадт. Спустя почти год «Сенявин» бросил якорь в гавани Ново-Архангельска. Сдав здесь груз РАК, корабль отправился на Уналашку, где принял на борт пару байдарок с алеутами, а затем взял курс на север к о-ву Св.Матвея для составления его географической описи. Успешно справившись с порученным делом, Литке в конце августа увел шлюп в Петропавловск-Камчатский, зайдя по пути туда на о-в Беринга. На следующий год, переждав зиму в южных широтах, Литке исследовал и составил карты восточного берега Камчатки, о-ва Карагинский и побережья Чукотки[2].

Маршрут шлюпа «Моллер» был несколько иным. Прибыв на Камчатку в июне 1827 г., он ушел оттуда на Уналашку, где взял на борт байдару для исследования мелководных берегов Аляски. Однако встречные ветры воспрепятствовали Станюковичу начать в том же году производство гидрографической съемки восточного побережья Берингова моря, и он привел шлюп в Ново-Архангельск. Здесь корабль простоял в порту с 21 сентября и до конца октября 1827 г., а потом отплыл зимовать на Гавайи. На следующий год Станюкович производил опись аляскинских берегов на востоке Берингова моря, после чего отправился в обратный путь в Кронштадт. В порту Манилы на Филиппинских о-вах «Моллер» дождался шлюпа «Сенявин», который прибыл туда 1 января 1829 г. А затем оба корабля продолжили совместное плавание на родину. Участники экспедиции привезли с собой большое количество ценных научных материалов и составили несколько десятков географических карт[3].

---

[1] **Пасецкий В.М.** Арктические путешествия россиян. — М., 1974. — С. 117, 120, 124.

[2] **Литке Ф.П.** 1948. — С. 44–95, 190–227.

[3] **Литке Ф.П.** Указ. соч. — С. 7–10; **Магидович И.П., Магидович В.И.** Очерки по истории географических открытий. — М., 1985. — Т. IV. — С. 25; **Pierce R.A.** — P. 482–483.

Плавание М.Н.Станюковича и Ф.П.Литке явилось, по словам В.М.Пасецкого, «заключительным звеном научных кругосветных путешествий русских военных судов в первые 30 лет XIX в.». Политические интересы империи заставили правительство отодвинуть на задний план изучение Тихоокеанского Севера и отдать приоритет проблемам Кавказа, Балкан и Центральной Европы. Продолжение географических исследований на Аляске и Дальнем Востоке было целиком передано Российско-американской компании[4].

Сама компания во второй половине 1820-х гг. уже окончательно сменила направление своей экспансии в Америке с южного на северное. Этот процесс, начавшийся лет за десять до того, был продиктован целым комплексом экономических и политических причин. После заключения Конвенции 1825 г. с англичанами продвигаться на юг РАК уже не могла: граница Русской Америки была четко зафиксирована по 54°40' с.ш., и переступать ее без серьезного международного скандала было немыслимо. Кроме того, населявшие Юго-Восточную Аляску воинственные и независимые индейцы тлинкиты и хайда-кайгани, как и прочие племена северо-западного побережья Америки, издавна вели активную торговлю с американскими и английскими морскими торговцами. Поэтому у РАК не было надежд на получение значительного количества мехов от туземцев юга российских владений в Америке: выдержать иностранную конкуренцию она не могла, равно как и заставить индейцев Юго-Восточной Аляски продавать свои меха только русским. Однако самое существенное состояло в том, что основа экономики российских колоний — калан, обитавший по северо-западному побережью, оказался к этому времени уже почти полностью истреблен — компании приходилось изыскивать новые источники пушнины.

Единственный выход заключался в усиленной скупке шкурок речного бобра и выдры у эскимосов на берегах Берингова моря и у индейских племен в глубинных районах Аляски. Но прежде чем приступить к развитию пушной торговли на севере, необходимо было хорошо изучить маршруты будущих торговых путей и мест, пригодных для строительства факторий компании, ознакомиться с запросами местного населения.

Таким образом, кризис пушного промысла на юге и в местах, уже освоенных РАК на территории Русской Америки, привел к усилению исследовательской активности компании на севере во второй половине 1820-х гг. В послании директоров РАК главному правителю российских колоний П.Е.Чистякову от 13 апреля 1828 г. прямо говорилось о необходимости максимально развивать торговлю речным бобром, так как добыча калана и морского котика приходила в упадок из-за истребления зверя, а цены на лисий мех заметно

---

[4] **Пасецкий В.М.** Указ. соч. — С. 123–124.

упали. Директора РАК указывали, что приобретение бобров и выдр весьма выгодно для компании, поскольку ее зарубежные конкуренты не имели права ввозить их шкурки в Россию. Получить же требуемые руководством компании меха было возможно только в глубинных районах Аляски, куда до этого почти не ступала нога русского промышленника[5].

Выполняя задание Главного правления РАК, П.Е.Чистяков направил на разведку пушных богатств Севера поручика Корпуса флотских штурманов (КФШ) Ивана Яковлевича Васильева. В инструкции, данной главе будущей экспедиции в марте 1829 г., неоднократно подчеркивалась важность отыскания мест, богатых речным бобром. Экспедиции предстояло, выйдя из Ново-Александровского редута в устье р.Нушагак, подняться вверх по реке, а затем весной 1830 г. перебраться на Юкон и спуститься вниз по его течению до устья, откуда возвратиться обратно в редут. Особое внимание следовало уделять описанию туземного населения, составляя в ходе своего пути подробные этнографические заметки, а также изучать характер и масштабы местной торговли. С туземцами предписывалось поддерживать дружеские отношения, а наиболее лояльным из них раздавать серебряные медали с надписью «Союзные России». Кроме того, Васильев должен был выяснить вопрос о целесообразности основания новых русских поселений в пройденных им районах, где ему надлежало зарыть особые медные «знаки», утверждавшие, видимо, принадлежность исследованных территорий России[6].

Но не только чисто экономические причины способствовали организации экспедиции на север. Определенное беспокойство колониальной администрации и Главного правления РАК в Петербурге вызывала деятельность англичан, которые в 1825–1827 гг. снарядили сухопутную экспедицию под начальством Дж.Франклина и морскую — капитана Ф.Бичи на корабле «Блоссом». Последнему удалось исследовать западное побережье Аляски от Берингова пролива до мыса Барроу, т.е. северо-западное побережье Русской Америки, куда еще не доходили сами русские. С другой стороны, от устья р.Маккензи навстречу морякам капитана Бичи двигался на двух лодках отряд Джона Франклина, также пересекший англо-русскую границу на крайнем северо-востоке Аляски и открывший крупный горный хребет Брукса, который Франклин назвал именем Н.П.Румянцева — председателя Государственного совета Российской империи. У местных эскимосов английские путешественники

---

[5] **Федорова С.Г.** Штурманы Иваны Васильевы и их роль в изучении Аляски (первая половина XIX в. // ЛС. — М., 1979. — Т. IX.

[6] См. **Северная сухопутная экспедиция. Инструкция, данная от г[-на] главного правителя [П.Е.Чистякова] г[-ну] Васильеву, март 1829 г.** // Хлебников К.Т. 1979. — С. 68–76; Федорова С.Г. Штурманы Иваны Васильевы... — С. 181–182.

видели немало товаров русского происхождения, проникавших к ним с Чукотки через Берингов пролив[7].

Вполне естественно, что эти британские экспедиции на российской территории привлекли к себе внимание со стороны руководства РАК. Настораживала русское колониальное начальство и активизация Компании Гудзонова залива, все ближе придвигавшая свои торговые фактории к российским владениям в Америке. Поэтому экспедиция прапорщика И.Я.Васильева была логическим, хотя и несколько запоздалым ответом на британский «вызов».

Экспедиция Васильева началась 31 марта 1829 г., когда он отправился на боте «Карлук» из Павловской Гавани на Кадьяке в Катмайскую одиночку на материковом берегу прол. Шелихова. Покинув одиночку 18 апреля, путешественник перешел п-ов Аляска, а затем пересек на байдарке Бристольский залив и 1 мая достиг устья р. Нушагак, где располагался Ново-Александровский редут, ставший в дальнейшем его базой в походах в глубь материка. Здесь в 1829 г. окончательно сформировался основной состав экспедиции Васильева. В нее входили, помимо самого начальника, его заместитель — «помощник мореходства» (штурман) креол Петр Федорович Колмаков (сын управляющего Ново-Александровским редутом Ф.Л.Колмакова), двое русских промышленников, толмач — креол Семен Иванович Лукин, два стрелка кадьякца и восемь местных эскимосов: аглегмютов, с низовьев р. Нушагак, кускоквигмютов с устья р.Кускоквим и, очевидно, еще несколько киатагмютов (киятенцев). Правда, к концу похода под начальством Васильева осталось только 9 человек, так как большинство туземцев было либо отправлено обратно в редут, либо дезертировало. Для передвижения по рекам и озерам отряд Васильева располагал 5 трехлючными и 10 однолючными байдарками[8].

Отправившись 31 мая из Ново-Александровского редута, Васильев составил опись реки Нушагак и его правых притоков, но проникнуть на Кускоквим не сумел. Отсутствие проводников и опасность нападения местных эскимосов, которые не желали терять свои позиции в посреднической торговле после прихода русских, вынудили прапорщика возвратиться обратно в Ново-Александровский редут. Здесь он встретился с шестью эскимосами, прибывшими в редут с низовьев Юкона, у которых служащие редута выменяли несколько русских монет и медный портрет императрицы Екатерины II, до-

---

[7] **Хлебников К.Т.** 1979. — С. 73, 228; **Магидович И.П., Магидович В.И.** Указ. соч. — С. 195–197.

[8] **Путешествие по рекам и озерам в N-й Америке г[-на] прапорщика Васильева. 1829-го года.** Опубл. Федорова С.Г. Штурманы Иваны Васильевы и их роль в изучении Аляски (первая половина XIX в.) // ЛС. — М., 1979. — Т. X. — С. 146–153; Федорова С.Г. Штурманы Иваны Васильевы... — Т. IX. — С. 185–186.

ставшиеся им, очевидно, от чукчей посредством межплеменного обмена через Берингов пролив[9].

В августе—сентябре 1829 г. Васильев совершил еще одну, хотя и более короткую, экспедицию на четырех байдарках для описи системы озер и рек к северу от Ново-Александровского редута. Во время этого похода он видел у одного местного старика-эскимоса крест, а его сородичи имели множество медных образов, доставшихся им от миссионера Ювеналия, убитого здесь тогиакмютами в 1796 г. у селения Квингы[10].

После зимовки 1829/30 г. в Павловской Гавани на Кадьяке Васильев в конце весны вновь прибыл в Ново-Александровский редут. Отсюда он опять поднялся по р.Нушагак и, перейдя водораздел, спустился по р.Холитне до второй по величине реки Аляски — Кускоквима и по ее течению достиг океана, а затем вдоль морского побережья возвратился в Ново-Александровский редут. Во время трудного путешествия маленькому отряду неоднократно угрожало нападение туземцев. К сожалению, как отмечал позднее Л.А.Загоскин, Васильев смог выполнить только половину из возложенных на него задач: ему так и не удалось достичь величайшей реки Аляски — Юкона. Кроме того, описание некоторых пройденных им районов было недостаточно точно, а сведения о местных жителях — не всегда достоверны[11]. Тем не менее, собранная смелым офицером информация о пушном богатстве бассейна Кускоквима побудила колониальное начальство к планированию основания новых факторий на этих территориях. За свои походы 1829–1830 гг. И.Я.Васильев по ходатайству ГП РАК был награжден царем орденом Св.Владимира 4-й степени. О его экспедиции можно говорить как о первой действительно научной, в ходе которой были исследованы бассейны рек Нушагак и Кускоквим[12].

2. Гидрографические исследования РАК на Тихом океане в 1830-е гг.

В 1829 г., когда Васильев начал свой поход в глубь Аляски, генерал-гидрограф Г.А.Сарычев — сам в прошлом участник исследовательских экспедиций в Русской Америке — просил Главное правление РАК содействовать созданию более точной описи Алеут-

---

[9] См. **Путешествие по рекам и озерам...** — С. 152–153.

[10] **Там же.** — С. 153–155.

[11] **Загоскин Л.А.** Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. — М., 1956. — С. 45, 273.

[12] **Федорова С.Г.** Штурманы Иваны Васильевы... — Т. IX. — С. 178, 195.

ских о-вов. По его данным, не только к северу, но и к югу от этой гряды островов могли располагаться неизведанные до сих пор земли. С еще большей уверенностью Сарычев высказался относительно существования к югу от о-ва Кадьяк неизвестного географам острова[13].

Директора РАК, получив просьбу Г.А.Сарычева, обещали ему всяческое содействие со стороны компании в географических изысканиях и поручили новому главному правителю Русской Америки Ф.П.Врангелю снарядить специальную экспедицию для обнаружения загадочного острова, признаки которого видели якобы в 1829 и в 1830 гг. два американских капитана[14]. Ссылаясь на мнение по этому вопросу видного историка военного флота В.М.Берха (который сам побывал в Русской Америке во время первой русской кругосветной экспедиции 1803–1806 гг.), директора РАК писали Врангелю: «Господин Берх по соображениям своим полагает, что остров сей тот самый, к которому в старые годы подходил корабль купца Киселева и от него поворотил к Северу (на Кадьяк. — *А.Г.*), как о том сказано в истории открытия Алеутских островов (В.Н.Берха. — *А.Г.*), стр.122»[15]. При этом директора РАК забыли отметить, что почти за 40 лет до этого А.А.Баранов на протяжении нескольких лет предпринимал попытки найти землю к югу от Кадьяка. Однако все снаряженные им экспедиции кончились совершенно безрезультатно.

В ответном послании директорам РАК Ф.П.Врангель раздраженно заметил, что поскольку исследовательские экспедиции следует посылать летом, а как раз в это время все суда колониальной флотилии находятся в плаваниях, доставляя снабжение отдаленным факториям и вывозя оттуда накопившуюся пушнину, то выполнить задание Главного правления и Гидрографического департамента он просто не в состоянии. Перечислив около десятка годных к вояжам судов и их задания в летнюю навигацию, Ф.П.Врангель сделал неутешительный вывод: «Из сего Гл.Прав. усмотрит, что при всем моем желании исполнить желание онаго, я ныне не имею к тому средств и возможностей, хоть в № 13 "Русского Инвалида" за 1831-й год и сказано, будто компания имеет 18 судов!»[16].

Тем не менее, Главное правление продолжало проявлять настойчивость в организации поиска мифических островов[17]. Сталкиваясь с упорным нежеланием Врангеля отправить такую экспедицию, ГП РАК вынуждено было поставить ему на вид невыполнение своих распоряжений. Ведь в конце концов для компании были важны не

---

[13] См. **Г.А.Сарычев — ГП РАК, 16 января 1829 г.; 5 июля 1829 г.** // NARS. — RRAC. — R. 7. — P. 71, 73.

[14] **ГП — Ф.П.Врангелю, 28 марта 1830 г.; 31 марта 1831 г.** // Ibid. — P. 75, 221.

[15] **Ibid.** — P. 221.

[16] **Ibid.** — P. 222.

[17] **ГП — Ф.П.Врангелю, 24 марта 1832 г.** // Ibid. — R. 8. — P. 177.

географические открытия как таковые, а экономическая выгода, которую можно было из них извлечь. «При теперешнем видимом оскудевании промышленности (пушной добычи. — *А.Г.*) надобно стараться об открытии новых источников оной, а старые как можно беречь...» — писали директора РАК Ф.П.Врангелю в депеше от 31 марта 1833 г.[18]

Получив столь прозрачный намек на необходимость следовать рекомендациям Главного правления, Ф.П.Врангель сдался и дважды — в 1834 и 1835 гг. направлял морские экспедиции для исследования акватории Тихого океана к югу от о-ва Кадьяк. Вполне понятно, что, несмотря на продолжительное крейсерство, в указанном районе никакой земли обнаружено не было, и Главное правление само распорядилось отменить дальнейшие поиски, хотя и предписало командирам кораблей, следующих южнее Алеутских о-вов, «иметь предосторожность и записывать в журналах все те явления, кои могут показаться признаками земли»[19].

Это было совершенно излишнее распоряжение, поскольку находившиеся на службе РАК военные моряки и гражданские шкиперы и без указаний Главного правления компании выполняли свой долг в деле описания и составления планов и карт островов, заливов и берегов Русской Америки. Эти географические планы и описи, как и прежде, регулярно поступали в Гидрографический департамент Морского министерства. Так, например, департамент получил карты с планами Командорских о-вов и о-вов Атха и Амля, сделанных в 1829 г. шкипером РАК А.И.Ингстремом, карты зал.Кука и Нучек, составленные И.А.Черновым в 1830 г., план гавани Врангеля по описи подпоручика И.Я.Васильева 1832 г., «Меркаторскую карту Восточного океана с северо-западным берегом Америки и прилегающим к нему Колошенским архипелагом» и др. На последней из отмеченных карт были сделаны врезки планов отдельных островов и бухт арх. Александра, снятых морскими офицерами А.К.Этолиным и Д.Ф.Зарембо во время их плаваний по южным проливам архипелага в 1833–1834 гг.[20] Об отсылке этих планов в Главное правление РАК сообщал в свое время Ф.П.Врангель[21].

В 1836 г. по заданию капитана 1-го ранга И.А.Купреянова, сменившего барона Врангеля на посту главного правителя Русской Америки, поручик Корпуса флотских штурманов В.К.Воронковский должен был сделать подробную опись берегов Южной Аляски — той ее части, которую не успел снять М.Н.Станюкович на

---

[18] **Ibid.** — P. 312.

[19] **ГП — И.А.Купреянову, 12 марта 1837 г.** // Ibid. — P. 97.

[20] **Алексеев А.И.** Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. — М., 1982. — С. 188–189.

[21] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 28 апреля 1834 г.** // NARS. — RRAC. — R. 36. — P. 175.

шлюпе «Моллер» в 1828 г. Весной 1836 г. Воронковский отправился из Ново-Архангельска на Кадьяк, а оттуда — к Сутхумской одиночке для начала гидрографической съемки п-ова Аляска и Шумагинских о-вов. Хотя эти исследования проходили в районе, уже давно освоенном РАК и хорошо известном старожилам, тем не менее экспедиция проходила не без трудностей, а один трагический эпизод едва не привел к ее срыву: 24 апреля байдара, на которой находился Воронковский, внезапно опрокинулась в водоворотах у берега от внезапного порыва ветра, причем погибло трое сопровождавших его туземцев, а сам начальник экспедиции уцелел только чудом. Лишь в конце августа Воронковский возвратился в Ново-Архангельск и сдал материалы своих описей главному правителю Русской Америки. За свой самоотверженный труд он был произведен в чин штабс-капитана КФШ[22].

Еще более известным гидрографическим исследованием, организованным РАК в конце 1830-х гг., стала арктическая экспедиция креола Александра Филипповича Кашеварова в 1838 г. К этому времени он уже был искусным моряком и картографом, носил звание подпоручика КФШ и имел за плечами многолетний опыт командования различными судами в суровых субарктических водах Русской Америки.

Снаряжение экспедиции Кашеварова, как в свое время и И.Я.Васильева, было напрямую связано с усилением исследовательской активности англичан на Канадском Севере. С российской стороны инициаторами похода для изучения последнего «белого пятна» на карте побережья Американской Арктики, располагавшегося между мысом Барроу (159°12' з.д.) и 149° з.д. к западу от устья р.Маккензи, выступили такие известные путешественники, как И.Ф. Крузенштерн и Ф.П.Врангель. Последний подал 10 ноября 1836 г. в ГП РАК записку об организации байдарочной экспедиции для окончательной описи северного берега Америки. Правда, он предлагал сделать начальником экспедиции не Александра Кашеварова, а его брата — помощника мореходства (штурмана) Ивана Кашеварова[23]. Спустя несколько месяцев с аналогичным предложением к руководству РАК обратился и И.Ф.Крузенштерн[24].

Директора компании не могли игнорировать предложения столь известных и влиятельных людей. Они послали подробнейший проект полярной экспедиции главному правителю Русской Америки И.А.Купреянову. Причем руководство компании особо подчеркивало важность сохранения строжайшей секретности в ходе подготовки

---

[22] **Алексеев А.И.** Указ. соч. — С. 165.

[23] **NARS.** — RRAC. — R. 10. — P. 400.

[24] **И.Ф.Крузенштерн — ГП РАК, 6 февраля 1837 г.** // Ibid. — P. 396–399.

и реализации проекта: «Приготовление экспедиции и цель оной содержать в тайне до благополучного возвращения, а наипаче от иностранцев, заходящих в Ново-Архангельск по торговым сношениям»[25]. Особые подозрения у руководства РАК вызывали, несомненно, англичане.

Уже осенью 1837 г. в Ново-Архангельск пришло предписание ГП РАК снарядить весной бриг «Полифем» в поход к востоку за Берингов пролив. На нем и отправился Кашеваров для похода вдоль северного побережья Аляски. 5 июля 1838 г. он со своими спутниками оставил бриг у мыса Лисбурн и вышел в самостоятельное путешествие на нескольких байдарах и байдарках. Ему удалось описать материковый берег от мыса Лисбурн до мыса Врангеля, проплыв около 1,5 тыс. км. Однако своей цели — устья р.Маккензи — экспедиции достичь не удалось из-за враждебности местных эскимосов, подозревавших Кашеварова и его спутников в распространении эпидемии оспы, опустошившей их селения. Опасаясь нападения туземцев, вынужден был повернуть назад, когда до цели оставался всего недельный переход. «Полифем», ожидавший подпоручика у мыса Лисбурн, доставил его в Ново-Архангельск, он сдал отчет и составил ряд гидрографических карт, вошедших позднее в несколько атласов[26]. Впрочем, экспедиция Кашеварова, несмотря на определенный успех в сборе важных географических данных, опоздала на год: в 1837 г. британцы Питер Диз и Томас Симпсон уже исследовали неизвестную до сих пор часть арктического побережья Северной Канады и Аляски от устья р.Маккензи до мыса Барроу[27]. Поход А.Ф.Кашеварова фактически завершил эпоху гидрографических исследований русских в Американской Арктике.

3. Сухопутные экспедиции по изучению внутренней Аляски в 1830-е гг.: походы Ф.Л.Колмакова и А.К.Глазунова

Экспедиции 1829–1830 гг. послужили прологом для дальнейшего освоения русскими внутренних районов Аляски. В 1832 г. изучение р.Кускоквим продолжил сам начальник Ново-Александровского редута Федор Лаврентьевич Колмаков. Опытный бай-

---

[25] **Ibid.** — P. 405.

[26] **Кашеваров А.Ф.** Обозрение берегов Северной Америки до мыса Баррова, совершенное русской экспедицией в 1838 г.// СО. — 1840. — Ч. 1. — С. 127–144; **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 279–281; **Пасецкий В.М.** Указ.соч. — С. 127–129.

[27] **Окончательное обозрение северных берегов Америки П.В.Дизом и Т.Симпсоном летом и осенью 1837 г.** // СО. — 1839. — Т. VII. — С. 89.

дарщик, он еще в 1818 г. принимал участие в северной экспедиции Петра Корсаковского на р. Нушагак, а затем в строительстве Ново-Александровского редута в устье этой реки[28].

Сначала Колмаков прошел маршрутом И.Я.Васильева на Кускоквим, где основал при впадении в него притока Холитны (Хулитнак) одноименную Хулитнакскую одиночку. Оставив тут байдарщиком своего спутника — креола Семена Лукина, уже побывавшего здесь вместе с экспедицией Васильева в 1830 г., а также трех эскимосов аглегмютов, нанятых на службу РАК в Нушагаке, Колмаков двинулся в сентябре 1832 г. вверх по Кускоквиму. Ему удалось подняться по течению реки более чем на 200 км. Встретив довольно дружественное отношение местных индейцев атапасков, путешественник наградил одного из них серебряной медалью «Союзные России». Это были представители племени танана, которые, как и остальные внутриматериковые индейцы, нередко обозначались русскими термином «колчане» или «гольцане» (на языках атапасков: «чужаки», «гости»). Колмакову удалось не только установить дружеский контакт с танана, но и примирить их с жителями среднего течения Кускоквима. В комментариях к журналу путешествия А.К.Глазунова об этом сказано следующим образом: «При сем свидании с Колчанами, которых он описывает похожими на Колош (индейцев тлинкитов. — *А.Г.*), Колмаков примирил сие поколение с Кускоквимцами, между коими с давних времен существовала наследственная вражда. Народонаселение в верховьях Кускоквима весьма малочисленно, а изобилие в речных бобрах довольно значительно»[29].

Возвратившись из своего похода вверх по Кускоквиму, Колмаков исследовал и нижнее течение реки. Позднее байдарщик Хулитнакской одиночки (перенесенной на другое место и преобразованной в редут) С.И.Лукин самостоятельно изучил район верхних притоков Кускоквима и начал активную торговлю с обитавшими там индейцами[30].

Проникновение русских в глубинные районы Аляски шло не только с юго-запада, от устья р. Нушагак, но и с запада — от зал. Нортон. Еще в 1830 г. П.Е.Чистяков направил в район Берингова пролива бриг «Чичагов» под командованием лейтенанта А.К.Этолина. Целью экспедиции были не столько географические изыскания, сколько торговля и разведка пушных богатств региона. Этолин побывал у о-вов Св.Матвея, Св.Лаврентия и в зал.Нортон на Аляске, а также в Мечигменской бухте на Чукотке. В середине сентября 1830 г. он возвратился в Ново-Архангельск, где доложил о резуль-

---

[28] **Pierce R.A.** — P. 248.

[29] **АРГО.** — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 61. — Л. 24об.– 25; **Загоскин Л.А.** Указ. соч. — С. 46–47, 258, 278, 281–282.

[30] **Загоскин Л.А.** Указ. соч. — С. 46–47, 258, 278, 281–282.

татах своего путешествия и представил журналы описей осмотренных им районов. Кроме того, Этолин высказался за учреждение русской фактории на небольшом о-ве Стюард в зал. Нортон рядом с побережьем материка[31].

Ф.П.Врангель благосклонно отнесся к предложению Этолина заложить новый торговый редут в районе Берингова пролива. Сравнительно недалеко от о-ва Стюард находилось устье Юкона, который мог стать важнейшим средством коммуникации с внутренними частями Аляски. Со своей стороны Главное правление РАК в Петербурге всячески поощряло подобные начинания и рекомендовало Врангелю после учреждения нового русского поселения отправить вверх по Юкону небольшую байдарочную экспедицию для знакомства с территорией и установления торговых контактов с местными жителями[32].

Согласно этим планам, вскоре после основания в 1833 г. Михайловского редута на о-ве Стюард в нем была снаряжена экспедиция во главе со штурманом Андреем Кондратьевичем Глазуновым. Это был грамотный, получивший образование в колониях креол, свободно говоривший на местном эскимосском языке. Вместе с ним в поход добровольно отправились еще четверо служащих РАК — трое русских и один финский швед. Кроме того, первоначально Глазунова сопровождало еще три человека из гарнизона редута: они были посланы их начальником с товарами для вымена мехов у индейцев Юкона. Перед экспедицией ставилась нелегкая задача: из Михайловского редута сначала проникнуть на Юкон, а затем пройти через горы и реки глубинной Аляски до Кенайского залива (зал. Кука) и завершить свой маршрут в Николаевском редуте[33].

С самого начала экспедиция столкнулась с трудностями: узнав о намерении Глазунова проникнуть на Юкон по р. Пастоль, жившие у Михайловского редута эскимосы категорически отказывались наниматься проводниками якобы из страха перед населявшими ту реку туземцами (пастолигмютами), которые были настроены враждебно к русским как к торговым конкурентам[34]. Поэтому Глазунов был вынужден отклониться от первоначального маршрута к северо-востоку. Лишь после этого трое местных жителей согласились проводить экспедицию до Юкона, где обитали индейцы атапаски[35].

---

[31] **Пасецкий В.М.** Указ. соч. — С. 124; **Pierce R.A.** — P. 137.

[32] **ГП — Ф.П.Врангелю, 24 марта 1832 г.** // NARS. — RRAC. — R. 8. — P. 30.

[33] **Извлечение из путевого журнала помощника мореходства Андрея Глазунова, с 30 декабря 1833 г. по 13 апреля 1834 г.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 61. — Л. 2–2об.

[34] **[А.Ф.Кашеваров.] Первоначальные сведения о состоянии и действиях редута Св.Михаила** // Хлебников К.Т. 1979. — С. 229–232.

[35] **Извлечение из путевого журнала ...** — Л. 3–3об.

30 декабря Глазунов выступил со своими людьми в поход по льду зал. Нортон. Переночевав в гостеприимном эскимосском селении на морском берегу, путешественники отправились в глубь материка. Борясь с морозами и метелями, они упорно продвигались вдоль р.Анвик. Однако вскоре трудности пути (голод, усталость и обморожение) заставили Глазунова отослать трех служащих РАК, посланных на Юкон с товарами, обратно в Михайловский редут. С остальными спутниками он достиг 26 января 1834 г. крупного эскимосского селения Анвик (Анвигмют), жители которого после некоторого замешательства, вызванного неожиданным появлением русских, радушно приняли путников. Глазунов одарил туземцев табаком и пригласил посетить только что основанный Михайловский редут для торговли. В свою очередь благодарные эскимосы снабдили путешественников дровами и продуктами и сообщили места удобных переходов с Юкона на Кускоквим. Правда, местные жители предупреждали Глазунова о свирепых туземцах, обитавших далее в глубинах материка, называя их «инкалихмют» или «кылчан»[36]. Здесь речь шла, несомненно, об индейцах инкаликах, населявших низовье Юкона. Подобные рассказы туземцев Аляски часто имели цель запугать путешественников, чтобы не допустить их прямого контакта со своими соседями, который мог закончиться потерей дохода от торгового посредничества. Сами жители селения Анвик, судя по их описанию в журнале Глазунова, представляли собой смешанное индейско-эскимосское население, в культурно-языковом отношении стоявшее ближе к прибрежным эскимосам[37].

Рассказы о враждебных индейцах, которые якобы убивают всякого чужого человека, не испугали Глазунова, и лишь пурга задержала его в селении Анвик до 30 января. Купив у местных эскимосов двое нарт, загрузив их продовольствием и получив двух проводников, он вместе со своими спутниками двинулся на юго-восток. Достигнув в начале февраля Юкона, Глазунов побывал в нескольких индейских и эскимосских селениях, повсюду встречая теплый прием. Одаривая в ответ туземцев, Глазунов рассказывал о себе и о русских и приглашал всех посетить для торговли Михайловский редут. Его выступления встречали благожелательный отклик. Во время одной из подобных встреч старик-эскимос обратился с речью к путешественнику от лица своих сородичей: «Теперь мы не поверим слухам про русских, будто у них зубы и ногти железные, огнем дышут и имеют самый свирепый нрав; с мала до велика мы видим теперь русского и благодарим, что ты открыл нам всю истину; мы будем ходить к вам в редут и желаем торговаться с вами мирно»[38].

---

[36] **Там же.** — Л. 7–14.
[37] **Там же.** — Л. 12об.–13об., 19.
[38] **Там же.** — Л. 17об.

В низовьях Юкона в одном из селений Глазунов повстречал пять кускоквимцев, окрещенных Федором Колмаковым в 1832 г., когда тот побывал на р. Кускоквим для вымена мехов у местных туземцев. 14 февраля экспедиция покинула Юкон и направилась к этой реке. 18 февраля путники достигли водораздела, с которого открывался широкий вид на бассейн обеих рек; на юге хорошо просматривались снежные хребты высочайших гор, преграждавших путь к зал. Кука. На следующий день маленький отряд спустился к Кускоквиму, а уже 21 февраля в селении Квыгым Глазунов встретился с толмачем-креолом Семеном Лукиным, оставленным Колмаковым управлять основанной в 1832 г. одиночкой. Здесь начальник экспедиции безуспешно искал проводников на реку Тхальхук, с которой, по рассказам туземцев, имелся путь в зал. Кука. Местные индейцы всячески отговаривали Глазунова от продолжения похода, суля гибель от голода или рук живших в верховьях Кускоквима враждебных «колчан» — индейцев танана. Лукин подтверждал слова туземцев. Он сам ходил в начале зимы на Тхальхук, но вынужден был возвратиться из-за непроходимого пути и едва не погиб от голода[39].

Но упорный Глазунов со своими товарищами выступил в поход вверх по Кускоквиму без проводников. Два индейца, встретившиеся в пути, согласились сопровождать путников, но предупредили, «что с вершины реки Кускоквима не может быть переноса к востоку, к Кенайскому заливу, по причине высоких непроходимых гор в сей стороне». Тем не менее связь с зал. Кука существовала, и этим путем обитатели р. Тхальхук получали от «кенайцев» (индейцев танаина, населявших берега зал. Кука) русский табак в обмен на бобровые шкуры. Но торговля эта была невелика из-за больших расстояний и трудностей пути[40].

На стоянках и в селениях индейцев, попадавшихся в пути, отряд Глазунова встречал радушный прием. Многие из местных жителей были уже окрещены побывавшим здесь Колмаковым. Экспедиция настойчиво продвигалась вверх по реке, которая становилась все уже, а окружающие горы — все круче. 7 марта на подходе к устью р.Тхальхук, у впадения в Кускоквим, путники увидели в 70–80 верстах гигантскую гору «Тенада» (Денали или Мак-Кинли — высочайшая вершина Северной Америки). По словам проводников, истоки р.Тхальхук находятся на этой горе, а за ней уже живут кенайцы[41].

У устья Тхальхука индейцы-проводники оставили Глазунова. Они не соглашались идти дальше ни за какую плату и предупреждали русских о неминуемой гибели в случае продолжения путешествия. Их слова едва не стали пророческими. Четыре дня маленький

---

[39] **Там же.** — Л. 22–24.
[40] **Там же.** — Л. 25–25об.
[41] **Там же.** — Л. 26.

отряд Глазунова углублялся в горы. Вечные снега и ледники окружали отважных путников, у которых скоро закончилось продовольствие. Жестокий мороз и ветер усугубляли страдания. Перед лицом смерти от холода и голода отряд вынужден был повернуть назад. 17 марта путешественники с трудом достигли р. Кускоквим, едва живые от усталости и истощения. Через два дня начальник экспедиции ослабел настолько, что товарищи вынуждены были волоком тащить его на нартах. К счастью, еще через два дня им повстречались индейцы, которые и спасли их от неминуемой гибели. Немного поправившись, Глазунов со своими спутниками двинулся вниз по реке, а 24 марта повстречал Лукина, направлявшегося с тремя большими нартами для торговли на р. Холитну. Дальнейшее путешествие прошло без особых приключений, и 13 апреля Глазунов благополучно возвратился в Михайловский редут[42].

Хотя выполнить цель экспедиции — пройти с Юкона в зал. Кука не удалось, однако она внесла заметный вклад в исследование русскими внутренних районов Аляски. За 104 дня было пройдено (по подсчетам самого Глазунова) около 2080 верст, обнаружен до того неизвестный русским путь из Михайловского редута на Юкон и изучена часть его нижнего течения, открыт один из переносов из бассейна Юкона на Кускоквим[43]. В то же время экспедиция показала практическую невозможность коммуникации между Николаевским редутом в зал. Кука и русскими поселениями в долине Кускоквима: мощный Аляскинский хребет был почти непреодолимой преградой.

В 1835 и 1836–1837 гг. Глазунов опять ходил из Михайловского редута на Юкон и Кускоквим, изучая места переносов и низовье Юкона[44]. Несколько лет туземцы этого района, опасаясь торгового соперничества русских, скрывали наиболее короткий и удобный путь на Юкон, пугая служащих РАК рассказами о кровожадности живших там туземцев, а последних — об ужасных белых пришельцах. Лишь в феврале 1838 г. штурману креолу Петру Васильевичу Малахову (сыну сподвижника А.А.Баранова — Василия Малахова) удалось узнать маршрут кратчайшего переноса из зал. Нортон на Юкон.

---

[42] **Там же.** — Л. 27–29; **[А.Ф.Кашеваров.] Первоначальные сведения...** — С. 231–232.

[43] Удивительно, но эта экспедиция А.К.Глазунова к истокам Кускоквима почти не получила отражения в современной отечественной литературе. Например, о ней даже не упоминается в пятитомном издании очерков географических открытий — см. **Магидович И.П., Магидович В.И.** Указ. соч. — С. 232. И наоборот, американские исследователи очень высоко оценивают экспедицию Глазунова по исследованию глубинных районов Аляски (**Pierce R.A.** — P. 168).

[44] **Загоскин Л.А.** Указ. соч. — С. 47, 63–64, 121; **Pierce R.A.** — P. 336–337.

Прибыв весной 1837 г. в Михайловский редут, где он сменил управляющего факторией А.К.Глазунова, Малахов продолжил дело освоения бассейна Юкона. Здесь было решено основать новую торговую одиночку. Оставив 8 февраля Михайловский редут, Малахов вместе с четырьмя спутниками в конце месяца достиг Юкона. Отсюда он отправился вверх по течению реки, не обращая серьезного внимания на рассказы туземцев о враждебности живших выше по Юкону племен. 11 марта Малахов со своими товарищами достиг маленького индейского селения Нулагито в устье р. Нулато. Обустроив тут временный лагерь, глава экспедиции совершил весной 1838 г. еще один короткий поход вверх по Юкону до устья его крупного правого притока Коюкук, по берегам которого жили коюконы, а затем вернулся на побережье и 3 мая возвратился в Михайловский редут[45].

Так было положено начало изучению русскими среднего течения Юкона. Покинув осенью 1838 г. Михайловский редут, Малахов в марте следующего года вновь прибыл к устью р.Нулато, где была заложена одиночка РАК. В 1839 г. креол Петр Федорович Колмаков — сын Ф.Л.Колмакова — исследовал бассейн левого притока Юкона — р.Инноко. Он хотел спуститься по Юкону до расположенной в его низовьях Икогмютской одиночки, но, узнав от дружественных индейцев о ее уничтожении эскимосами, повернул на Кускоквим к Лукину в Колмаковскую одиночку.

Враждебность туземцев все же иногда заставляла служащих РАК и колониальное начальство отказываться от планов по исследованию внутренних районов Аляски. Так, в депеше от 4 мая 1836 г. И.А.Купреянов сообщал ГП РАК, что он отправит креола Якушева из Николаевского редута в глубины материка для исследования территорий и знакомства с местными племенами. Директора компании полностью одобрили это распоряжение главного правителя колоний[46]. Однако летом 1838 г. Купреянов сам предписал Кадьякской конторе РАК приостановить поход Якушева из Николаевского редута, вероятно, из-за опасений возможных инцидентов с индейцами[47]. Последние в то время враждебно относились к русским, полагая, что именно они виноваты в страшной эпидемии оспы, погубившей сотни их сородичей.

Тем не менее в этот период продолжались исследовательские и одновременно торговые экспедиции креола С.И.Лукина в верховья Кускоквима. Как доносил И.А.Купреянов Главному правлению РАК в Петербурге в мае 1837 г., Лукину удалось установить контакт не только с частью жившего здесь племени атапасков танана, но и с

---

[45] **Загоскин Л.А.** Указ. соч. — С. 123, 135–136.

[46] **ГП РАК — И.А.Купреянову, 12 марта 1837 г.** // NARS. — RRAC. — R. 10. — P. 309.

[47] **Ibid.** — R. 41. — P. 147, 225.

индейцами, которых он называл «тутовцами»[48]. Не исключено, что речь шла об атапасках тутчен (тутчон), а сам Лукин смог побывать в верховьях р.Коппер или на крупном левом притоке Юкона — Танане.

К сожалению, Семен Лукин не обладал достаточным образованием и географическими познаниями. Поэтому многие его открытия, как и походы других, подобных ему простых служащих РАК, так и остались не признанными или вовсе неизвестными современной науке. Об этом прямо говорилось в документах компании: «Топографические исследования внутренности стран, подлежащих ведению Компании, составляют предмет чрезвычайно трудный. Пустынные и суровые места с населением скитающимся, ничтожным (по числу), бедным и во многих местах враждебным, не представляют никаких пособий и средств для их обозрения; все нужно нести с собой и на себе. Это лишает даже самых предприимчивых, в особенности людей образованных, охоты странствовать по подобным местам. На такие предприятия часто вызываются люди малограмотные и даже вовсе безграмотные (и таких путевых журналов у Компании весьма много), но польза от них приобретается весьма небольшая и состоит в одном лишь беглом ознакомлении со страною. По сим причинам Компания может представить топографию немногих стран, исследованных математически, и то по водным сообщениям»[49].

4. Русские географические исследования внутренних районов Аляски в первой половине 1840-х гг.

Новый всплеск исследовательской активности русских на Аляске приходится на первую половину 1840-х гг., когда колониями управлял финский швед Адольф Карлович (Арвид Адольф) Этолин — умелый администратор, известный путешественник, являвшийся, пожалуй, самым крупным организатором исследовательских экспедиций в истории Русской Америки. Этолин выделил два основных направления географических изысканий РАК в первой половине 1840-х гг.: верховья рек Коппер — Суситны и бассейн Юкона. Внимание главного правителя к этим районам было обусловлено в первую очередь проникновением англичан из Компании Гудзонова залива на сопредельные территории и опасностью роста торговой конкуренции с их стороны.

---

[48] **Ibid.** — R. 39. — P. 228–230.

[49] **Статистические сведения о владениях РАК, 1860 г.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 101. — Л. 8–9.

Заняв пост главы российских колоний в июне 1840 г., Этолин уже в октябре дал специальное предписание Кадьякской конторе РАК отправить на р.Коппер (р.Медная или Атна в русских источниках) отряд из 8–9 служащих РАК во главе с опытным креолом Андреем Ильичем Климовским, бывавшем на этой реке 20 лет назад во время своей экспедиции 1819 г.[50] На этот раз перед Климовским было поставлено две цели: добраться до «ближних колчан» (т.е. верховых атна) и подыскать подходящее место для основания на индейских землях нового торгового поста, помимо Медновской одиночки, располагавшейся у устья р.Читины (левый приток Коппер). Помощником начальника экспедиции стал приказчик Спиридон Григорьев, сам впоследствии возглавивший экспедицию на р. Коппер, а затем много лет руководивший Константиновским редутом на о-ве Нучек (Хинчинбрук)[51].

Однако новый (и последний) поход Климовского на р. Коппер оказался неудачным. Из-за болезни он не смог выполнить ни одной из поставленных перед ним задач и был вынужден повернуть назад из района Медновской одиночки, не добравшись даже до оз. Тазлина (Плавежное). Летом 1841 г. путешественник возвратился в Константиновский редут, располагая лишь собранными у атна сведениями о районе Плавежного озера, где Этолин намеревался заложить новый редут. Активное содействие экспедиции Климовского оказали два вождя верховых атна и крещеный вождь танаина Василий Кистахин, за что в феврале 1842 г. А.К.Этолин наградил их серебряными медалями «Союзные России» и товарами на сумму в 175 руб.[52]

Результаты экспедиции Климовского явно не устроили главного правителя, хотя он и распорядился выдать участникам похода небольшие награды (по 60–100 руб.). Подводя итоги экспедиции, Этолин писал: «На донесение Кадьякской конторы от 26-го сентября минувшего (1841. — *А.Г.*) года за № 172 об экспедиции приказчика Климовского прошедшего лета на Медную реку уведомляю: что разобрав со вниманием журнал Климовского, я даю ему полную справедливость на счет перенесенных им трудов, но между тем должен сказать, что ожидал от сей экспедиции более удовлетворительного результата. Климовский очень недалеко проник во внутренность той страны, в чем, конечно, приключившаяся с ним болезнь была причиною. Весьма жаль, что ни он, ни Григорьев или кто-либо из подчиненных им людей не были на так называемом Плавежном

---

[50] См. **Извлечение из журнала [А.И.]Климовского при походе на реку Атну [в 1819 г.]** // Хлебников К.Т. 1979. — С. 63–65.

[51] **А.К.Этолин — Кадьякской конторе РАК, 18 октября 1840 г.** // NARS. — RRAC. — R. 44. — P. 267–269; **А.К.Этолин — ГП РАК, 15 февраля 1841 г.** // Ibid. — R. 45. — P. 16.

[52] **А.К.Этолин — Кадьякской конторе РАК, 11 февраля 1842 г.** // Ibid. — R. 46. — P. 27–29.

озере, для узнания покороче тамошних местностей; однако ж что об этом озере рассказывали им туземцы и что можно судить из представленной мне Климовским карты, я нахожу очень полезным и необходимым для будущих моих соображений, основать у восточных берегов сего озера твердую оседлость или редут»[53].

Эта фактория должна была стать базой для дальнейшего проникновения русских в глубь материка вплоть до «английских границ». Основать новый редут на оз. Тазлина было поручено начальнику Николаевского редута Ивану Комкову, который в конце августа 1842 г. обязан был отправиться с 10 служащими РАК для возведения необходимых построек. Еще раньше, в июне, до озера должен был добраться приказчик Григорьев с людьми из Константиновского редута для заготовки рыбы на зимовку в новом поселении. Он же и был назначен байдарщиком еще не построенного редута. Для его вооружения главный правитель послал на шхуне «Квихпак» из Ново-Архангельска две легкие чугунные пушки и два мушкетона[54]. Медновскую одиночку у устья р. Читины Этолин планировал со временем ликвидировать и перенести далее в глубь материка.

Лично побывав летом 1842 г. в зал. Кука, А.К.Этолин собрал у вождей местных атапасков танаина важные географические данные о внутренних районах Аляски — пути по р. Суситне до оз. Тазлина и из зал. Кука к верховьям Кускоквима. Один из индейцев — тоен по прозвищу «Кислой» — сам несколько раз бывал на Кускоквиме и гостил у Лукина в Колмаковском редуте. Не менее интересная информация была получена и о верховьях р.Суситны. Главный правитель писал директорам РАК в Петербург, что старейшины танаина «добровольно и со всею откровенностью сообщили мне доселе неизвестные нам сведения об удобном сообщении со внутренностью той страны посредством реки Сушитны прямо к Плавежному озеру, к имеющему быть построенному там новому редуту Святителя Иннокентия»[55].

Однако планы по строительству редута на оз. Тазлина разбились о суровую реальность. Экспедиция Ивана Комкова отправилась из Николаевского редута вверх по Суситне только зимой 1842/43 г. и окончилась полной неудачей. Лесные дебри, каменные завалы и осыпи, глубокие снега и жестокие морозы вынудили Комкова и его людей возвратиться в Николаевский редут с половины пути. Этолин с сожалением признавал: «Из донесения Кадьякской конторы за № 132 я усматриваю, что экспедиция Комкова к Плавежному озеру не имела никакого успеха, да и вообще вижу, что нынешний отзыв конторы о сем предмете вовсе не соответствует тем выгодным ожиданиям, о коих она мне представляла, с мнением построить на

---

[53] **А.К.Этолин — Кадьякской конторе РАК, 11 февраля 1842 г.** // Ibid. — P. 26–27.

[54] **Ibid.** — P. 27–28, 40.

[55] **А.К.Этолин — ГП РАК, 10 мая 1843 г.** // Ibid. — R. 47. — P. 235.

том озере редут, что решительно ныне опровергается донесением Комкова, как по совершенному в той стране безлюдству, так и другим весьма важным затруднениям при предпринятии постройки редута в столь отдаленной, пустынной стороне...»[56].

Однако главный правитель хотел окончательно удостовериться в справедливости заверений Комкова о бесперспективности сооружения русской фактории на оз. Тазлина и для этого решил направить в этот район еще две исследовательские экспедиции: одну по Суситне во главе со штурманом креолом Петром Малаховым из Николаевского редута, а другую по р. Коппер из Константиновского редута под начальством приказчика Спиридона Григорьева. Малахов должен был изучить все течение Суситны от устья до истоков и обратить особое внимание на встречающиеся на этой реке пороги как важнейшее препятствие для связи с глубинными районами Аляски. Кроме того, надлежало точно определить тот пункт, от которого индейцы танаина переходят через водораздел Суситны в бассейн Кускоквима. Григорьеву же было предписано исследовать р. Тазлина, вытекающую из одноименного озера и впадающую в р. Коппер, а затем подняться вверх по последней насколько будет возможно. Здесь следовало наладить дружеские отношения с верховыми атна, которые считались в русских колониях свирепыми людоедами, и собрать сведения о пушных богатствах края[57].

В 1844 г. оба отряда отправились по намеченным Этолиным маршрутам. Поход Малахова, как и его предшественника Комкова, был неудачен: он не смог преодолеть бурное течение реки и многочисленные пороги и добрался только до среднего бассейна Суситны. «Первая экспедиция не имела успеха, — отмечалось в документах РАК, — ибо оказалось, что беспрерывные пороги по реке Сушитне и непомерно быстрое течение делали невозможным поднятие по ней даже и в байдарках»[58]. Поэтому Малахов вынужден был повернуть назад. Этолин, проанализировав журнал его путешествия, пришел к неутешительному выводу: «Из сего ясно видно, что путь к Плавежному озеру по этому направлению из Николаевского редута совершенно неудобен, а потому должно пока еще оставить предположение построить на том озере Иннокентиевский редут»[59].

Экспедиции Григорьева сопутствовал больший успех. Перезимовав в Медновской одиночке у устья р. Читины, его отряд поднялся

---

[56] **А.К.Этолин — Кадьякской конторе РАК, 18 октября 1843 г.** // Ibid. — P. 550; **А.К.Этолин — ГП РАК, 8 мая 1844 г.** // Ibid. — R. 48. — P. 282—283.

[57] **Ibid.** — P. 550–551.

[58] **Статистические сведения о владениях РАК, 1860 г.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 101. — Л. 20.

[59] **А.К.Этолин — Кадьякской конторе РАК, 11 октября 1844 г.** // NARS. — RRAC. — R. 48. — P. 490.

вверх по р. Коппер до устья впадавшей в нее р. Тазлины (Тышлины), откуда, двигаясь вдоль берега реки, добрался до ее истоков в одноименном озере. Местные индейцы относились благожелательно к русским путешественникам. Участники экспедиции собрали определенную информацию о пушных ресурсах и торговле в окрестностях оз. Тазлина и бассейна р. Коппер. Хотя этот район оказался достаточно богат пушным зверем, однако туземцы, как говорилось в отчете РАК 1844 г., «по незнанию и нерадению промышляют звериных шкур гораздо менее того количества, которое оттуда получать можно»[60].

С оз. Тазлина Григорьев со своим отрядом возвратился на р. Коппер и, спустившись по ее течению до морского побережья, завершил поход в Константиновском редуте, сделав переходов и переездов по собственному счислению до 1250 верст. Очевидно, Григорьев и его спутники были первыми из европейцев, проникших в район оз. Тазлина спустя 40 лет после похода сюда промышленника Семена Баженова[61].

К сожалению, из-за недостатка географических и математических познаний Григорьев так и не смог точно определить координаты оз. Тазлина и пройденных им мест. Однако все эти походы по рекам Коппер и Суситне отходят на второй план перед наиболее крупной и известной экспедицией, совершенной русскими в глубинных районах Аляски в первой половине XIX в. Речь идет об экспедиции морского офицера — лейтенанта Лаврентия Александровича Загоскина, продолжавшейся около полутора лет. Ее этапы, ход и результаты хорошо известны благодаря как изданным путевым дневникам самого Загоскина, так и многочисленным работам, в которых она освещалась[62].

---

[60] **ОГП РАК за 1845 г.** — С. 46; **Тихменев П.А.** 1863. — Ч. 2. — С. 204.

[61] См. **Гринёв А.В.** На берегах Медной реки: индейцы атна и русские в 1783–1867 гг. // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. — М., 1992. — С. 54, 58.

[62] См. **Загоскин Л.А.** Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах. — СПб., 1847 (Ч.1.), 1848 (Ч.2.); работа переиздана: **Загоскин Л.А.** Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. (под ред. М.Б.Черненко, Г.А.Аграната, Е.Э.Бломквист). — М., 1956; англ. перевод **Zagoskin L.A.** Lietenant Zagoskin's Travels in Russian America, 1842–1844 / Arctic Institute of North America: Translations from Russian sources. — N 7 (ed. by H.N.Michael). — Toronto, 1967; **Адамов А.** Первые исследователи Аляски. — М., 1950. — С. 73–104; **Черненко М.Б., Агранат Г.А.** Экспедиция лейтенанта Л.А.Загоскина по Русской Америке // Природа. — 1954. — № 9. — С. 56–62; **Постников А.В.** Экспедиция Л.А.Загоскина 1842–1844 гг., ее назначение и результаты (к 150-летию публикации материала) // Вопросы института естествознания и техники. — 1998. — № 1. — С. 47–72 и др. работы.

Идея крупного путешествия по глубинным районам Аляски принадлежала, видимо, самому Загоскину, который набросал его план в письме к Ф.П.Врангелю еще в 1840 г. Этот план был одобрен директорами РАК, и в начале марта 1842 г. уже А.К.Этолин предложил лейтенанту возглавить небольшой отряд служащих РАК для исследования Севера, поставив две основные задачи. Во-первых, предписывалось изучить путь от зал. Коцебу по р. Бакланд до р.Коюкук (правый приток Юкона), по которому пушнина из глубин Аляски попадала в руки береговых эскимосов в районе Берингова пролива, а оттуда переходила к чукчам на азиатский берег, где ее скупали колымские купцы, что весьма беспокоило Главное правление в Петербурге. «Для обращения этой торговли в пользу Компании, — писало руководство РАК, — следует приискать на месте действительные (действенные. — *А.Г.*) меры и, если будет нужно, определить удобнейшее место для учреждения в Коцебу-зунде нового редута». Во-вторых, нужно было, базируясь в Михайловском редуте, исследовать верховья рек Юкона и Кускоквима и определить наиболее удобные переносы с одной реки на другую: компанию весьма интересовали новые районы, богатые речным бобром, и улучшение коммуникации между главными реками Аляски[63].

Экспедиция, в которую помимо самого Загоскина и его матросаденщика, вошло пятеро креолов-добровольцев, началась 4 мая 1842 г., когда лейтенант, получив снаряжение, продовольствие и инструкции, покинул Ново-Архангельск на бриге «Охотск». Только спустя два месяца, совершив по пути заходы на Шумагинские о-ва, Уналашку и о-ва Прибылова, судно прибыло в Михайловский редут.

Находясь там, Загоскин решил не тратить время и силы на выполнение своей первой задачи — похода на р. Коюкук из зал. Коцебу, а, сделав необходимые приготовления, сосредоточиться исключительно на изучении бассейна Юкона и Кускоквима. Через четыре месяца 4 декабря 1842 г. экспедиция направилась по морскому побережью к устью р. Уналаклит, вдоль русла которой отряд проник в долину Юкона и по его течению поднялся до Нулатовской одиночки, куда пришел 15 января нового, 1843 г., преодолев около 227 верст[64].

Отсюда отважный путешественник уже в конце февраля совершил свой поход на север по Юкону и Коюкуку, а затем — по одному из правых притоков последнего для выяснения кратчайшего пути в зал. Коцебу. Не имея ни достаточных запасов продовольствия, ни времени для исследований (так как приближалась весенняя распутица), а возможно, и опасаясь враждебности живших на побережье

---

[63] **Загоскин Л.А.** Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. — М., 1956. — С. 48, 51, 377.

[64] **Там же.** — С. 110–119.

эскимосов малеймютов, отряд возвратился в середине марта в Нулато. Во время этой экспедиции ему удалось частично разведать туземный торговый путь к побережью Берингова моря и собрать сведения о бассейне р.Коюкук от встречных индейцев[65].

В начале июня начался уже новый поход — к верховьям Юкона. Он был довольно тяжелым из-за встречного течения и огромного количества гнуса, доставлявшего немалые неприятности. Большую тяжелую лодку с припасами нередко приходилось тянуть бечевой вдоль берега. Спустя почти месяц Загоскин со своими товарищами достиг каменистых порогов, примерно в 180 км выше Нулато, от которых он повернул назад и возвратился в русскую факторию[66].

Едва отдохнув месяц от предыдущего похода, Загоскин отправляется в новый: спустившись на лодке вниз по Юкону, он 23 августа 1843 г. прибывает в эскимосское селение Икогмют, описав Юкон на протяжении более чем 700 верст. Отсюда путешественник с 23 ноября по 3 декабря сделал короткое обследование верхнего перехода с Юкона на Кускоквим (через селение Паймют) и побывал в Колмаковском редуте, откуда совершил зимний переход на один из левых притоков Юкона — Инноко — и возвратился обратно на свою базу в Икогмют[67].

Последний маршрут Загоскина в глубинах Аляски пролегал из Икогмюта через Колмаковский редут в верховья Кускоквима. Еще в августе 1843 г. А.К.Этолин предложил ему перейти из Колмаковского редута в верховья Кускоквима, а оттуда добраться до зал. Кука. Другими словами, главный правитель поставил задачу, с которой десять лет назад не смог справиться Андрей Глазунов, указав на принципиальную возможность прохождения этого маршрута, ссылаясь на свои беседы с индейскими вождями летом 1842 г., во время визита в Николаевский редут в зал. Кука[68].

Стремясь выполнить это поручение, лейтенант 19 мая 1844 г. в сопровождении начальника редута С.И.Лукина и нескольких спутников отправился вверх по течению реки на двух трехлючных байдарках и небольшой байдаре, груженной товарами для торговли с индейцами. Бегло исследовав верхний бассейн Кускоквима, путешественники и торговцы 5 июня возвратились в Колмаковский редут. Отсюда Загоскин на трех байдарках без промедления отплыл в Икогмют, куда прибыл 10-го числа. Однако выполнить до конца поручение Этолина и добраться с верховьев Кускоквима в зал.Кука он не сумел: вероятно, сказалась усталость от предыдущих много-

---

[65] **Там же.** — С. 137–148.

[66] **Там же.** — С. 154–173.

[67] **Там же.** — С. 186–245.

[68] **А.К.Этолин — Л.А.Загоскину, 10 августа 1843 г.** // NARS. — RRAC. — R. 47. — P. 462.

месячных походов и недостаток снаряжения. Да, собственно, идти предложенным Этолиным маршрутом и не имело большого смысла: трудность пути исключала его практическое использование в будущем.

После этого Загоскин вместе с икогмютской артелью сплавился вниз по Юкону до моря, а 21 июня он достиг Михайловского редута. Знаменитый поход был завершен. Экспедиция прошла пешком и на кожаных лодках около 5000 верст. 5 августа 1844 г. Загоскин покинул Михайловский редут на бриге «Охотск» и 26 сентября прибыл в Ново-Архангельск, где доложил о результатах своих походов в глубины Аляски[69].

Позднее Загоскин суммировал географические итоги экспедиции на страницах собственной книги: ему удалось описать южную и западную часть зал. Нортон, устье р. Уналаклик, все нижнее течение Юкона на протяжении более 1100 км, ряд его притоков, два переноса с Юкона на Кускоквим и один с Юкона в зал. Коцебу. Была еще раз изучена р. Кускоквим на расстоянии более 450 км, причем положение многих пунктов как на этой реке, так и на Юконе было точно определено с помощью астрономических инструментов. Кроме того, были собраны многочисленные материалы по биологии, геологии и этнографии Аляски[70].

Поход Загоскина имел также немалое практическое значение. Главное правление РАК отмечало в своем официальном отчете за 1844 г.: «Собранные г-ном Загоскиным сведения послужили колониальному начальству основанием к новому разделению всей страны между учрежденным там редутом и двумя одиночками, которые перенесены в удобнейшие места, с отстранением всех замеченных недостатков и взаимных столкновений в круге действий»[71].

5. Заключительный этап географических исследований РАК в Новом Свете и Приамурье

Путешествия Загоскина 1842–1844 гг. безусловно являются венцом русских географических экспедиций по исследованию Аляски. Однако при всех его заслугах Загоскин так и не сумел добраться до истоков Юкона, что было одной из основных целей его путешествия. Поэтому администрация Русской Америки решила предпринять еще одну масштабную попытку в этом направлении. Полагая, что верховьев Юкона можно достичь не только двигаясь вверх по его

---

[69] **Загоскин Л.А.** Путешествия и исследования... — С. 273–295.
[70] **Там же.** — С. 50, 297–321.
[71] **ОГП РАК за 1844 г.** — С. 41.

течению, но и через бассейн р. Коппер, колониальное начальство решило действовать одновременно с двух сторон. Кроме того, следовало лучше исследовать верховья самой р. Коппер, о которых у русских были довольно смутные представления. Поэтому в 1847 г. новый главный правитель М.Д.Тебеньков отправил из Константиновского редута вверх по р. Коппер небольшой отряд штурмана креола Руфа Серебренникова. Предполагалось, что его экспедиция поднимется по течению реки до ее истоков, а затем, перейдя водораздел, спустится в долину Юкона. Далее следовало сплавиться вниз по течению реки до устья, откуда он мог легко добраться до Михайловского редута[72].

Одновременно навстречу Серебренникову вверх по течению Юкона должен был отправиться байдарщик Андреевской одиночки Иван Захаров. В 1846 г. он уже совершил путешествие по Юкону (Квихпаку), причем ему удалось подняться по течению реки дальше того пункта, до которого в 1843 г. смог добраться лейтенант Л.А.Загоскин (видимо, до устья р. Тананы). За этот поход Захаров удостоился благодарности со стороны главного правителя колоний М.Д.Тебенькова, который писал ему: «Ознакомление наше с внутренностью этой страны есть дело великой важности. Ты видишь на деле: чем дальше, тем лучше и успешнее идет промысел. А потому я возлагаю на тебя, как на человека расторопного и благоразумного: поезжай ты вверх по Квихпаку, доколе можно, и проберись на реку Медную протоками, и разузнай и разведай — нет ли там удобного сообщения, если вздумалось основать там между Квихпаком и Медною рекой редут или артель»[73].

Начальнику Михайловского редута Петру Епифанову было предписано снабдить Захарова всем необходимым для похода. В случае успеха тот должен был, добравшись до истоков Юкона, перейти водораздел и попасть в верховья р. Коппер, по течению которой спуститься вниз до морского побережья, а оттуда добраться до Константиновского редута на о. Нучек. «С реки Медной навстречу тебе, — писал М.Д.Тебеньков И.Захарову, — я устраиваю экспедицию к вам на Квихпак под начальством Руфа Серебренникова. Дай Бог, чтоб вы сошлись и рассказали друг другу про дорогу и доставили бы мне удовольствие благодарить вас и быть признательным»[74].

Однако благодарить никого не пришлось. Экспедиция Ивана Захарова так и не достигла поставленной цели и состоялась ли она

---

[72] См. **Подробную инструкцию М.Д.Тебенькова Р.Серебренникову** // NARS. — RRAC. — R. 53. — P. 120–122. В 1885 г. эту задачу блестяще выполнила экспедиция лейтенанта армии США Генри Т.Аллена.

[73] **М.Д.Тебеньков — И.Захарову, 21 мая 1847 г.** // Ibid. — P. 108–109.

[74] **Ibid.** — P. 109.

вообще — данные об этом пока отсутствуют. Что касается встречной экспедиции Руфа Серебренникова, то ее судьба сложилась очень трагично.

Отряд Серебренникова, отправлявшийся на р. Коппер, был небольшим: в поход его сопровождал креол Алексей Пестряков, уже бывавший на р. Коппер в 1840 г. вместе с Климовским, два русских промышленника и несколько нанятых проводниками и носильщиками индейцев атна и эяков. Отплыв из Константиновского редута на трех байдарах, Серебренников вместе со своими спутниками 14 августа 1847 г. достиг эякского селения Алаганик в устье р. Коппер. На другой день путешественники отправились вверх по реке и 4 сентября достигли Медновской одиночки, располагавшейся неподалеку от впадения в р.Коппер ее левого притока р. Читины. Здесь решили перезимовать: местные атна (медновцы) в один голос уверяли их в невозможности продолжения похода из-за глубоких снегов и бескормицы[75].

В середине мая 1848 г. Серебренников, взяв проводников, со своими товарищами на одной байдаре отправился вверх по р. Коппер и 24 мая добрался до устья реки «Тлышитны» (р. Тазлина, впадающая в р. Коппер с правой стороны). Оставив здесь троих спутников и байдару, Серебренников с остальными восьмью поднялся по течению Тазлины до ее истоков и достиг оз. Тазлина 30-го мая. «Жители, встреченные нами на Плавежном озере, — записал он в своем путевом дневнике, — те же медновцы, тот же язык, та же нищета и то же постоянное страдание — голод, почти без исключения начинающийся с половины зимы, как бы не был обилен летний лов. Леность и беззаботность губят здесь целые семейства»[76].

Построив при помощи местных индейцев байдару, Серебренников 3 июня решил осмотреть озеро, которое объехал кругом за два дня. Ему удалось выяснить, что по течению маленькой речки Нельчан, впадающей в озеро с запада, начинается тропа в зал. Кука, до которого туземцы добираются за 12 дней. Расспросив их и обследовав оз. Тазлину, Серебренников сделал вывод о бесперспективности сооружения здесь торговой фактории РАК: «Чрезвычайно бедное население страны около Плавежного озера ведет к заключению, что значительного количества пушных промыслов здесь не может быть, и все, что добывается здесь, поступает в Медновскую одиночку и в Кенайский залив»[77].

5 июля, тепло простившись с гостеприимными атна, помогавшими экспедиции, путешественники по уже пройденному маршруту

---

[75] См. отрывки из дневника Р.Серебренникова, опубликованные в прошлом веке А.Соколовым: **Река Медная по описи Серебренникова, 1847–1848** // Зап. Гидрограф. департамента. — СПб., 1852. — Ч. X. — С. 167–177.

[76] **Там же.** — С. 175.

[77] **Там же.** — С. 176.

возвратились на р.Коппер и вновь двинулись вверх по ее течению. 25 июня Серебренников достиг широты 62°48'43", после чего записи в его дневнике прерываются: автор вместе с двумя русскими погиб от рук верховых атна в первом же селении, встреченном на пути (креола Пестрякова индейцы только ранили, и он был убит позднее при возвращении в Медновскую одиночку). Трагедия произошла, видимо, по нескольким причинам. Во-первых, Серебренников оскорбил дружески встретившего его Китажильта — одного из двух вождей «колчан», которого наградил в 1842 г. серебряной медалью А.К.Этолин за содействие экспедиции Климовского. Во-вторых, верховые атна могли опасаться за свою посредническую торговлю между Медновской одиночкой и жившими в верховьях реки индейцами. Совершенно очевидно, что экспедиция была уничтожена не для грабежа, так как почти все имущество ее членов (включая «Журнал» начальника экспедиции) индейцы доставили в сохранности в Константиновский редут[78].

Главный правитель был немедленно извещен об убийстве Серебренникова и его людей Кадьякской конторой РАК, приславшей соответствующее донесение. «Рассматривая его и сводя все слухи, — сообщал в свою очередь Тебеньков директорам РАК, — находишь, что экспедиция погибла от бессмысленной дерзости начальника ее, Серебренникова. Происшествие это, надо полагать, случилось верстах в 200 от одиночки (Медновской. — *А.Г.*) к северу — в селении первых колчан (верховых атна. — *А.Г.*)»[79].

Поход Серебренникова был, очевидно, последней русской экспедицией, посланной для исследования р. Коппер. Ее печальный исход заставил колониальную администрацию отказаться от попыток проникнуть в долину Юкона через бассейн р. Коппер. Кроме того, со второй половины 1840-х гг. приоритетом в географических изысканиях РАК начинает пользоваться не Америка, а Азия: в этот период компания сосредоточивает основное внимание и силы на освоении устья Амура и о-ва Сахалин. Еще в 1843 г. в недрах царского правительства рождается проект присоединения этих территорий к России. Однако реализовывать его собственными силами правительство считало нецелесообразным, поскольку формально на Приамурье и Сахалин претендовали Китай и Япония, а царизм в это время не желал обострять отношения с этими державами. Выходом

---

[78] **Тебеньков М.Д.** Гидрографические замечания к Атласу северо-западных берегов Америки, островов Алеутских и некоторых других мест Северного Тихого океана капитана 1 ранга Тебенькова. — СПб., 1852. — С. 24; **Дорошин П.П.** Из записок, веденных в Русской Америке // Горный журнал. — 1866. — Ч. 1. — № 3. — С. 379–381, 389–391; **Гринёв А.В.** Указ. соч. — С. 58.

[79] **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 29 октября 1848 г.** // NARS. — RRAC. — R. 54. — P. 415.

из щекотливой ситуации стало использование в этих целях Российско-американской компании, считавшейся формально торговой негосударственной организацией. РАК служила удобной ширмой для воплощения в жизнь экспансионистских проектов правительства, и в 1844 г. император «предложил» ей отправить одно из своих судов к Сахалину для гидрографических исследований, «с соблюдением возможных предосторожностей, дабы не потревожить китайцев»[80].

Со своей стороны возглавлявший тогда Главное правление РАК барон Ф.П.Врангель отвечал, «что компания почтет священным долгом принять на себя выполнение ВЫСОЧАЙШЕЙ воли и незамедлит снарядить с этой целью из колоний судно с нужным числом гребных судов и байдарок». В соответствии с инструкцией, полученной от директоров РАК, главный правитель М.Д.Тебеньков в 1846 г. назначил главой экспедиции подпоручика КФШ Александра Михайловича Гаврилова, который на бриге «Константин» должен был изучить устье р. Амур, неизвестное до сих пор европейским географам и мореплавателям. Для соблюдения секретности Тебеньков в своей инструкции Гаврилову советовал выдавать себя за иностранное судно, с местными жителями торговать только американским табаком и зарубежными товарами и всячески избегать контактов с китайцами[81]. Главной целью экспедиции было нахождение судоходного фарватера в устье Амура, а также осмотр северных берегов о-ва Сахалин.

21 апреля 1846 г. бриг под командованием А.М.Гаврилова покинул Ново-Архангельск и направился в Аян, откуда вышел 11 июля для выполнения своего главного задания. В начале августа было проведено гидрографическое изучение устья реки, а 20 августа «Константин» благополучно возвратился в Аян[82]. Это было первое относительно подробное описание дельты Амура. Император, получив известия о результатах экспедиции, остался ею доволен и повелел возместить РАК все расходы по ее организации и наградить М.Д.Тебенькова, А.М.Гаврилова и его команду за успешное выполнение государственного задания[83].

После похода Гаврилова 1846 г. правительство в 1849 г. поручило РАК послать сухопутную торговую экспедицию из Аяна к

---

[80] **Тихменев П.А.** — Ч.2. — С. 46–47.

[81] См. **Предписание М.Д.Тебенькова А.М.Гаврилову, 17 апреля 1846 г.** // Там же. — С. 49–52.

[82] См. **Вахтенный журнал брига «Константин» во время исследования устья р. Амур** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив II-5, 1844–1860 гг. — Оп. 38. — Д. 3. — Л. 48–76.

[83] **Невельской Г.И.** Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. — СПб., 1878. — С. 52; **Алексеев А.И.** Освоение русскими людьми... — С. 52–53.

устью Амура. Она состоялась летом того же года под начальством Д.И.Орлова на двух трехлючных байдарках, следовавших вдоль морского побережья. Помимо торговли и географических изысканий Орлов занимался агитацией среди приамурских народов, склоняя их к признанию власти русского царя[84]. Эта экспедиция вместе с экспедицией Невельского на военном транспорте «Байкал» послужила прологом для основания в устье Амура русских поселений, а в конечном счете — для присоединения этих территорий к России. Таким образом, РАК внесла свой вклад в географические исследования не только Америки, но и Азии. Причем этот вклад имел очень важные политические последствия.

Перемещение интересов компании в Азию во второй половине 1840-х гг. вовсе не означало, что географические изыскания на Аляске были прекращены вовсе, хотя, конечно, они не имели такого значения, как в Приамурье: речь шла не столько о новых открытиях, сколько о более детальном картографировании уже исследованных мест. Так, во время управления колониями М.Д.Тебенькова шкипер креол И.А.Архимандритов описал побережье п-ва Кенай, о-ва Кадьяк, Монтагью, Тугидак и др., штурман В.Н.Курицын — о-ва Умнак, Уналашка, Акун и ряд прочих. Шкиперы Павлов, Гарднер, Клинковстрем вели гидрографические наблюдения во время своих путешествий по различным отделам колоний. Летом 1847 г. прапорщик Корпуса флотских штурманов креол Николай Христофорович Бенземан сделал тщательную опись о-ва Ситха (Баранова)[85]. Подобные гидрографические съемки, как и прежде, достаточно регулярно производились в российских колониях в Америке.

Своеобразным обобщением этих географических исследований стал «Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до м.Корриэнтес и островов Алеутских с присовокуплением нескольких мест северо-восточного берега Азии», составленный бывшим главным правителем Русской Америки М.Д.Тебеньковым. Карты к этому атласу — 39 листов — были гравированы в Ново-Архангельске креолом Кузьмой Терентьевым, который за свой труд был награжден золотой медалью на ленте ордена Св.Анны[86]. К своему атласу М.Д.Тебеньков сделал специальное приложение в виде небольшой книги[87]. А сам атлас в течение десятилетий после издания исправно служил отечественным и иностранным мореплавателям в северных водах Тихого океана[88].

---

[84] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 62–75; **Алексеев А.И.** Освоение русскими людьми... — С. 53.

[85] **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 3 июня 1847 г.** // NARS. — RRAC. — R. 53. — P. 116–118.

[86] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 247.

[87] См. **Тебеньков М.Д.** Указ. соч.

[88] **Алексеев А.И.** Освоение русскими людьми... — С. 190–191.

Несмотря на определенные успехи в географическом изучении Аляски и прилегающих островов, ее внутренние части во многих местах продолжали оставаться «белыми пятнами». Руководство РАК было вынуждено признать: «Сколь богаты по-видимому колонии определениями и описаниями гидрографическими, столько напротив топография материка наших владений далеко неудовлетворительна... Гидрография составляет обязанность службы, топография же требует предприимчивости, часто сопряженной с самопожертвованием; но и в этом случае находятся по временам охотники, к сожалению только, большей частью малограмотные или совершенно безграмотные, а потому журналы таких путешественников, как вышеупомянуто, могут лишь способствовать предварительному ознакомлению с местностью, числом населения, нравами и обычаями онаго, а также удобством пути — без необходимой математической точности. Отчетливых и по объему и по времени описаний значительных путешествий во внутренность материка мы имеем только два: Васильева в 1829–1830 гг. и Загоскина в 1842–1844 гг.»[89]

Попытки в 1850-х гг. активизировать изучение внутренних частей Аляски были малоуспешны. Так, в 1852 г., новый главный правитель Н.Я.Розенберг в секретном послании прапорщику Н.Х.Бенземану предписывал отправиться из Нулато вверх по Юкону до принадлежавшего компании Гудзонова залива Форт-Юкон и выяснить, не находится ли эта британская фактория на территории Русской Америки[90]. Однако эта экспедиция так и не состоялась. Конфликты с тлинкитами и племенами долины Юкона в первой половине 1850-х гг., надвигавшаяся Крымская война отодвинули на второй план продолжение географических исследований Русской Америки.

Лишь в 1860 г. очередной главный правитель колоний И.В.Фуругельм дал предписание управляющему Михайловским редутом Максиму Вахрамееву отправить креола Ивана Семеновича Лукина (сменившего своего отца на посту начальника Колмаковского редута) вверх по Юкону до одноименного английского форта. Ему поручалось тщательно разведать местоположение и масштабы торговли британской фактории, устроить в том же районе одиночку РАК, а затем постараться дойти по Юкону до истоков р. Коппер и, спустившись вниз по ее течению, добраться до Константиновского редута на о-ве Нучек в зал. Принс-Уильям[91]. Другими словами, И.С.Лукин

---

[89] **Статистические сведения о владениях РАК, 1860 г.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 101. — Л. 19.

[90] **Н.Я.Розенберг — Н.Х.Бенземану, 16 июня 1852 г.** // NARS. — RRAC. — R. 58. — P. 346–352.

[91] **И.В.Фуругельм — М.Вахрамееву, 14 июля 1860 г.** // Ibid. — R. 63. — P. 135–136.

должен был пройти маршрутом, который в свое время предназначался для байдарщика Андреевской одиночки Ивана Захарова.

Справиться с этим поручением удалось лишь частично весной 1863 г., когда Лукин вместе с группой индейских торговцев поднялся из Нулато вверх по Юкону до английской фактории Форт-Юкон, а затем возвратился назад. Впрочем, этот поход имел целью не столько географические исследования, сколько сбор разведывательной информации об англичанах и исследование пушных богатств пройденных мест[92]. Пробраться на р. Коппер по долине Юкона Лукин так и не смог. Тем не менее он был первым служащим РАК, которому удалось подняться столь высоко вверх по Юкону от российских факторий в его нижнем течении. Позднее, весной 1866 г. Лукин смог опять побывать в Форт-Юконе вместе с партией топографов, занимавшихся прокладкой маршрута для предполагаемой линии телеграфа, которая должна была соединить Старый и Новый Свет в районе Берингова пролива[93]. Это были фактически последние известные нам экспедиции РАК внутрь Аляски.

Итак, русские географические исследования в период 1825–1867 гг. сыграли заметную роль в изучении Аляски. Правда, почти вся слава от открытий еще неизведанных участков ее морских берегов в этот период досталась англичанам. Однако именно российские моряки смогли наиболее детально картографировать побережье Русской Америки. Еще более весомый вклад в географическую науку внесли сухопутные экспедиции РАК, обследовавшие глубинные территории Аляски. Имена таких путешественников, как И.Я.Васильев, Ф.Л.Колмаков, А.К.Глазунов, Л.А.Загоскин, остались навсегда вписанными в славную летопись географических открытий в Новом Свете.

---

[92] **И.В.Фуругельм — М.Вахрамееву, 14 июля 1860 г.** // Ibid. — R. 63. — P. 135–136.

[93] **Arndt K.L.** Russian Exploration and Trade in Alaska's Interior // Russian America: The Forgotten Frontier. — Tacoma, 1990. — P. 106.

Глава

4

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

В 1794 г. на о-в Кадьяк была отправлена Духовная миссия во главе с архимандритом Валаамского монастыря о.Иоасафом (Болотовым)[1] из числа насельников Валаамской (6 чел.) и Коневецкой (2 чел.) обителей[2]. Прибыв на место в сентябре 1794 г., они приступили к проповеди среди местных народностей и массовому крещению аборигенов. На протяжении первых двух лет миссионеры обратили в православие около 12 тысяч туземцев и построили несколько часовен[3].

Русская Духовная миссия сыграла значительную роль в распространении христианства в Северной Америке[4]. Но, к сожалению, судьба большей части ее членов сложилась трагично. Иеромонах Ювеналий в 1796 г. принял кончину от рук язычников. В 1799 г. погибли при кораблекрушении архимандрит Иоасаф и иеромонахи Стефан и Макарий. Иеродиакон Нектарий скончался в 1808 г. в Вятской епархии по возвращении в С.-Петербург[5]. Дольше других

---

[1] **Историческая справка о первом русско-американском епископе Преосвященном Кадьякском Иоасафе и сохранившееся письмо его к ректору Ярославской семинарии Иерониму Понятовскому** // АПВ. — 1912. — № 8. — С. 150–153.

[2] **Львов А.** Краткие исторические сведения об учреждении в Северной Америке Православной миссии, об основании Кадьякской епархии и о деятельности там первых миссионеров // Церковные ведомости. — 1894. — № 38. — С. 1320–1321.

[3] **Григорьев Д., прот.** Русская Православная миссия в Северной Америке // Бежин луг. — 1996. — № 4. — С. 108.

[4] **Шаламов Т., свящ.** Краткое церковно-историческое описание Кадьякского прихода. (По архиву Кадьякской церкви) // АПВ. — 1897–1898. — № 7–11.

[5] **Львов А.** Указ. соч. — № 39. — С. 1369. По другим, менее достоверным сведениям, Нектарий скончался в сане иеромонаха в Киренском монастыре близ Иркутска в 1814 г. См. **Очерк из истории Американской православной духовной миссии.** — СПб., 1894. — С. 103.

исполняли свои обязанности в Новом Свете иеромонах Афанасий и монах Иоасаф: первый служил в сане священника при кадьякской церкви до своего возвращения на родину в 1824 г., второй заведовал церковным имуществом вплоть до своей смерти в 1823 г.[6]

1. Миссионерская деятельность священника Иоанна Вениаминова. Остров Уналашка (1824–1833)

После оскудения Кадьякской миссии духовное просвещение местных жителей в течение ряда лет находилось в неблагополучном состоянии. Как отмечал в середине XIX в. один из русских исследователей, «до 1816 г. во всей Русской Америке находился один только священник на Кадьяке, иеромонах Афанасий, который, отправляя требы и служение в главном селении Кадьяка, почти никуда не странствовал для назидания новокрещенных»[7]. Что же касается Ново-Архангельска, то с 1808 по 1816 г. там не было вообще богослужений и «все церковные требы, возможные без участия духовного лица, как-то: таинство св. крещения, обряд погребения и т.д., исполнял служитель (Российско-Американской) компании Беляев»[8].

В составе Кадьякской миссии находился также монах Валаамского монастыря Герман, который в последние годы жизни удалился от мира и вплоть до своей кончины в 1837 г. жил на о-ве Еловом, близ Кадьяка. По своему смирению Герман отказался от сана иеромонаха и архимандрита, оставшись простым монахом. На этом острове, названном им «Новым Валаамом», он построил небольшую часовню, а также основал школу для алеутских сирот. Он сам учил их Закону Божию и церковному пению. В часовне, близ его кельи, в воскресные и праздничные дни он собирал алеутов для молитвы[9]. Преподобный Герман посещал и Кадьяк, помогая местным жителям во время эпидемий, стихийных бедствий и других испытаний, став для кадьякцев духовным отцом и наставником[10].

---

[6] **Очерк из истории Американской православной духовной миссии.** — С. 106.

[7] **Мамышев В.Н.** Американские владения в России // Библиотека для чтения. — Т. 130. — № 2. — 1855. — С. 255.

[8] **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 228.

[9] **Жизнь валаамского монаха Германа, американского миссионера** // Странник. — 1868. — Январь. — С. 61.

[10] В архиве Кадьякской миссии сохранилось несколько писем монаха Германа к разным лицам и их ответы старцу. См. **АПВ.** — 1899. — № 17. — С. 467–470; № 18. — С. 492–495.

«Предстательствовал он всегда перед начальством за провинившихся, заступал обижаемых, помогал нуждающимся, чем только мог, — и алеуты обоего пола и дети их часто посещали его, — отмечается в его житии. — Кто просил совета, кто жаловался на притеснение, кто искал защиты, кто желал помощи: каждый получал от старца возможное удовлетворение»[11]. Этот праведник почил 13 декабря 1837 г. на 81 году жизни. Память о нем благоговейно почитается до наших дней. В августе 1970 г. он был канонизирован как преподобный Герман Аляскинский, став первым американским святым в православном календаре[12].

В 1816 г. в Ново-Архангельск прибыл священник Алексей Соколов. Как сообщается в одном из документов РАК, «в 1816 г. компания испросила белого (женатого. — *Авт.*) священника в лице Алексея Соколова и отправила его из Охотска с семейством на о-в Баранов (Ситху) , куда он уже и прибыл, где построена церковь во имя Михаила Архангела, как патрона тамошнего порта, названного Новоархангельским; утварь же и иконостас и все принадлежащее послано на корабле "Кутузов"»[13]. Вместе со священником был прислан богато украшенный образ св.архистратига Божия Михаила. По прибытии священника из бывшей там часовни была устроена временная церковь. Храмовый иконостас был составлен из образов, выброшенных на берег с корабля «Нева» при его крушении. «Хвала Вседержителю, — писал А.А.Баранов, — другая и у нас в Америке, и мною совершилась Божия церковь»[14].

С 1818 г. правителем Новоархангельской конторы Российско-Американской компании стал К.Т.Хлебников (1784–1838) , деятельность которого продолжалась здесь до 1832 года[15]. В эту эпоху происходило все большее сближение между Россией и Соединенными Штатами. В 1824 г. в доме графини Гурьевой на Невском проспекте в С.-Петербурге, где жил министр иностранных дел граф К.В.Нессельроде, была проведена дипломатическая конференция, в ходе которой был заключен договор о разграничении владений России и Соединенных Штатов на севере Американского континента[16].

За истекшее столетие Россия добилась небывалых успехов в освоении Американского Севера. Для сравнения можно привести

---

[11] **Жизнь валаамского монаха Германа...** — С. 59.

[12] **Григорьев Д., прот.** Указ. соч. — С. 109.

[13] **КИ РАК.** — С. 36.

[14] Цит. по: **Тихменев П.А.** — С. 228.

[15] К.Т.Хлебников вернулся в Петербург в 1833 г.; с 1835 г. он стал одним из директоров Главного правления Российско-Американской компании. В 1837 г. Хлебников был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. См. **Хлебников К.Т.** 1979. — С. 5.

[16] **Гордин А.М., Гордин М.А.** Путешествие в пушкинский Петербург. — Л., 1983. — С. 87.

отрывок из трактата Чарльза Вильямса, «бывшего в России полномочным посланником от Великобританского двора при императрице Елисавете Петровне и в первые годы царствования Екатерины II». В своей книге «Записки о Петре Великом» английский дипломат отмечал: «Петр желал основать несколько колоний своих в Америке и найти средства сообщаться с оною в короткое время чрез Север; он предпринимал, по сему случаю, многие экспедиции: двое из кораблей его отправились из Архангельска; но один был удержан льдами, а другой погиб. Хотя бы России и удалось наконец открыть проход в сию часть света чрез Северо-Восток или Северо-Запад, то и тогда бы путь сей никогда не был удобопроходим во все времена года; и она должна непременно отказаться от всех видов своих на Америку»[17]. При К.Т.Хлебникове произошло существенное улучшение церковных дел. В 1825 г. он смог уже сделать следующую запись об о-ве Кадьяк: «Церковь, вновь отстроенная, с колокольней из елового леса; очень хороша и довольно обширна, во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Дом, занимаемый священником, о шести комнатах, построен правителем Баннером»[18].

Миссионерская деятельность продолжалась и на о-ве Уналашка. По отзыву английского путешественника Г.П.Корнея, посетившего этот остров в 1816 г., «кроме 12-ти русских живут на Уналашке жители все греческого (здесь: православного. — *Авт.*) исповедания»[19]. В 1823 г. по указу Св.Синода была учреждена особая миссия на Уналашке и Алеутских островах. Уже на следующий год туда прибыл 25-летний священник иркутской Благовещенской церкви о.Иоанн Евсеевич Попов-Вениаминов[20]. «На «Константине» пришел священник для Уналашки», — писал из Ново-Архангельска в Калифорнию служащий РАК Григорий Сунгуров 25 октября 1824 г.[21]

О.Иоанн родился недалеко от Иркутска 26 августа 1797 г. в семье бедного сельского псаломщика[22], был принят в Иркутскую духовную семинарию, которую он успешно закончил, получив там свою вторую фамилию — Вениаминов — в память о только что скончавшем-

---

[17] **Вильямс Ч.** Записки о Петре Великом. — СПб., 1835. — С. 227.

[18] **Хлебников К.Т.** — С. 34–35.

[19] **Путешествие Г.П.Корнея к северо-западным берегам Америки и в Китай в 1813–1818 гг.** // Северный архив. — 1822. — Ч. 4. — С. 71.

[20] **Из «Иннокентьевского» архива:** 1) Дело о назначении священника Иоанна Вениаминова в Америку на о-в Уналашку (С. 377–381); 2) Первое 8-месячное пребывание в Ситхе о.Вениаминова (октябрь 1823 до июля 1824 г.) // АПВ. — 1901. — № 18. Сообщил епископ Тихон.

[21] **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 14.

[22] В целом ряде статей, посвященных деятельности этого выдающегося миссионера, приводится неверная дата его рождения — 11 сентября. По уточненным сведениям, о.Иоанн родился именно 26 августа 1797 г. — в день памяти мчч. Адриана и Наталии. **Странник.** — 1868. — Февраль. — С. 49.

ся Иркутском епископе Вениамине (ум. 1814 г.)[23]. После нескольких лет усердного пастырского служения Иоанн покинул родные места и весной 1823 г. отправился в Америку.

Уналашку — большой остров вулканического происхождения Алеутской гряды в то время населяли около 500 местных алеутов. Еще 1000 человек, разбросанных по соседним островам, относились к тому же приходу[24]. Молодой миссионер работал много и энергично. 2 июля 1825 г. в селении Гавань на Уналашке была основана небольшая церковь, освященная 29 июля 1826 г. во имя Вознесения Господня. Храм был выстроен из доставленного из Ситхи елового леса[25]. Постоянно путешествуя по своему приходу и выезжая за его пределы, о.Иоанн изучал обычаи и нравы коренных жителей, их предания и легенды. Так возникали наброски его будущего сочинения об островах Уналашкинского отдела[26].

Служение о.Иоанна было облегчено предшествовавшими трудами членов Кадьякской миссии. Во многих местах, куда прибывали для проповеди священник и его сподвижники, они встречали христиан, крещенных иеромонахами Ювеналием и Макарием. Интересно описание храма в селе Гаванском на Уналашке, где чаще всего приходилось служить о.Иоанну. По его словам, церковь была «внутри украшена довольно порядочным иконостасом с колоннами и резными позолоченными рамами, работы самих алеутов»[27].

Большое значение в деле христианизации жителей Уналашки имела переводческая деятельность о.Иоанна Вениаминова. «Основательное изучение им туземного языка, чем он резко отличался от других духовных лиц, благовествовавших в том краю, перевод им на этот язык Катехизиса, Священной истории, Евангелия от Матфея, частью от Луки и Деяний Апостольских, и составление им на том же языке поучений об обязанностях христианина вообще значительно выдвинули вперед в сравнении с прочими туземцами жителей Уналашки и ее окрестностей в деле религиозного образования и нравственного усовершенствования»[28], — писал об этом П.Тихменев.

---

[23] Подробнее см. **Сведения о жизни Высокопреосвященнейшего Иннокентия, митрополита Московского** // Странник. — 1868. — Февраль. — Отд. IV. Хроника. — С. 46–47.

[24] **Григорьев Д., прот.** Апостол Аляски. Митрополит Иннокентий (Вениаминов) // Бежин луг. — 1996. — № 1(14). — С. 148.

[25] **Хлебников К.Т.** — С. 116.

[26] **Вениаминов И.Е., прот.** Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. I–III. — СПб. 1840.

[27] **Вениаминов И.Е., прот.** Указ. соч. — С. 174. См. также: **Кедровский Александр, свящ. Историко-статистическое описание Уналашкинского Вознесенского прихода** // АПВ. — 1896. — № 20. — С. 418–420; № 21. — С. 439–442; № 22. — С. 465–466; № 23. — С. 494–496.

[28] **Тихменев П.А.** — С. 301.

Как вспоминал сам о.Иоанн, «когда они (алеуты) увидели книжки на своем языке, т.е. Катехизис, переведенный мною и напечатанный первым изданием, то даже старики начали учиться грамоте для того, чтобы читать по своему»[29]. Плодам переводческих трудов о.Иоанна суждено было возрастать и за пределами Уналашки. Священнослужитель атхинской церкви о.Иаков Нецветов к переводам священных книг на «уналашкинский язык» сделал пояснения на диалекте своих прихожан, так как он, несмотря на единые корни, отличался от «наречия уналашкинского»[30].

Известный русский ученый-географ А.И.Воейков, в 1872–1875 гг. совершивший путешествие по Соединенным Штатам Америки,подчеркивал: «Заслуга о.Вениаминова состояла в том, что до 1829 года, то есть до первого перевода Катехизиса, русские не имели даже понятия об алеутском языке. С появлением же о.Вениаминова в Америке в качестве миссионера русская литература получила алеутский букварь, с полным переводом важнейших молитв. Вот почему о.Вениаминов стоял неизмеримо выше всех прочих миссионеров, подвизавшихся в Сибири, распространяя семена веры и цивилизации именно знанием природного, туземного языка просвещаемых дикарей, глубоким ознакомлением с их бытом, обычаями, нравами и преданиями, одним словом, той беспредельной любовью и ревностью к своему назначению и призванию, которые составляют душу миссионерства»[31].

Результаты миссионерской деятельности о.Иоанна были весьма значительными, и это отмечали русские мореплаватели, посещавшие острова, которые входили в его миссионерский округ. Об этом писал, например Ф.П.Литке, в 1826–1829 гг. совершивший плавание к американским берегам на шлюпе «Сенявин». «Состояние жителей Уналашки, и вообще(островов) Лисьей гряды, как описывают оное прежние путешественники, во многом теперь изменилось. Они все христиане, но только со времени о.Иоанна стали получать некоторое понятие об истинном значении сего слова, хотя впрочем усердны к исполнению обрядов веры, церковь посещают прилежно <...> Они показывают большую наклонность к образованию себя, и многие охотно посылают детей своих в учрежденную попечением о.Иоанна школу, где при нас было более 20 мальчиков»[32].

Пастырь постоянно заносил в свои тетради наблюдения за языком аборигенов, составил грамматику алеутского языка и словарь в 1200 слов. К 1830 г. он мог уже преподавать без помощи переводчика.

---

[29] **Там же.**

[30] **Там же.** — С. 303.

[31] **Московские университетские известия.** — 1868. — № 5. Цит. по: **Барсуков И.П.** Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. — М., 1883. — С. 45.

[32] **МИРЗ.** — Вып. 4. — 1861. — С. 171.

Зимой 1832/33 г. о.Иоанн сочинил «Указание пути в Царствие Небесное». Это просто написанная книга, предназначенная автором для объяснения основных христианских истин о спасении, новокрещенным алеутам на их наречии. Она стала широко известной и много раз издавалась на алеутском, русском и славянском языках[33].

О.Иоанн часто бывал в отдаленных приходах своего округа. Вот некоторые отрывки из его повествований: «Жители островов Прибылова, в отношении религиозных обязанностей, принадлежат к уналашкинской церкви; и поэтому уналашкинский священник обязан посещать их. Таковые посещения, начавшиеся с 1827 года, продолжаются и поныне; но обстоятельства не позволяют ездить на эти острова чаще как только через два года... мне весьма приятно вспомнить то время, когда я гостил на здешних островах. Обстоятельства доставили мне случай быть на них три раза. На острове св.Павла я жил во все эти три раза от двух до пяти недель и потому я вполне видел приязнь и усердие тамошних жителей»[34].

В большинстве случаев ему приходилось пользоваться для своих передвижений между островами маленькими лодочками аборигенов — байдарками или каяками. Иногда приходилось сидеть в такой утлой посудине почти без движения более пятнадцати часов при очень низкой температуре. За десять лет таких путешествий ноги отважного миссионера были покалечены на всю жизнь, причиняя ему постоянные боли[35].

По его запискам можно составить представление о состоянии тех часовен, которые были возведены на островах к этому времени. О.Иоанн пишет об о-ве св.Павла из группы о-вов Прибылова, где в главном селении — Гаванском находилась «деревянная часовня, построенная в 1821 году и внутри украшенная очень хорошим иконостасом и образами (иждивением живущих там алеутов) »; об о-ве св.Георгия из той же группы островов, где была деревянная часовня во имя св.Георгия[36], он сообщает и о селе Никольском на о-ве Умнак, где была «деревянная часовня, построенная в 1826 году (на месте старой уже согнившей) , наподобие церкви, с алтарем и куполом. Все это здание, довольно большое, выстроено из выкидного леса и самими алеутами под смотрением креола Крюкова»[37].

В 1829 г. о.Иоанн Вениаминов совершил свое первое путешествие на р.Нушагак, где крестил первых 13 жителей-аборигенов. В 1832 г. при вторичном посещении Нушагака он миропомазал и приобщил Св.Таин еще 70 человек, крещенных в его отсутствие

---

[33] **Григорьев Д., прот.** Указ. соч. — С. 149.

[34] **Вениаминов И., прот.** Записки об островах Уналашкинского отдела. — Ч. I. — С. 292. Примечание.

[35] **Григорьев Д., прот.** Указ. соч. — С. 148.

[36] **Вениаминов И., прот.** Указ. соч. — С. 282, 289.

[37] **Там же.** — С. 151.

Калмыковым — управляющим Александровским редутом в устье р.Нушагак[38]. К этому времени в Русской Америке было уже три училища для мальчиков: в Ново-Архангельске, Кадьяке и на Уналашке. На Кадьяке гудел пятипудовый колокол, отлитый из аляскинской меди мастеровым Шапошниковым.

За десять лет все обитатели огромной территории прихода о.Иоанна на Уналашке стали христианами. Этот усердный труд был по достоинству оценен как церковными, так и светскими властями. Епископ Иркутский наградил священника золотым наперсным крестом, а его друг и почитатель, главный правитель в Америке барон Фердинанд Петрович Врангель, уговорил его остаться в Русской Америке и перебраться на Ситху — один из больших Ванкуверских островов у юго-западного берега Аляски[39].

2. Миссионерская деятельность о.Иоанна Вениаминова. Остров Ситха (1834–1839)

В 1834 г. о.Иоанн Вениаминов переселился на Ситху и прожил там до 1839 г. Расположенный в западной части острова Ново-Архангельск был административным центром Русской Америки. Свято-Михайловская церковь и дом главного правителя доминировали над русским поселком. Из 1200 христиан, проживавших в городе, лишь 80 были аборигены[40].

К этому времени в Ново-Архангельске поддерживалась торговля с разными странами. Священник ситхинской церкви служил обедню в облачении из китайских тканей, церковные сосуды и паникадила были изготовлены из испанского серебра[41]. Поле миссионерской деятельности о.Иоанна было обширным: к началу 1837 г. в Русской Америке жили 11053 русских, креолов, алеутов, эскимосов, курильцев и 50 тысяч индейцев[42].

Интересное упоминание о Ситхе оставил один из членов команды корабля «Америка» — лейтенант Василий Степанович Завойко. Совершив долгое плавание из Кронштадта по Атлантике, вокруг Южной Америки и по Тихому океану под командованием капитан-лейтенанта Ивана Ивановича Шанца, этот трехмачтовый парусник прибыл в Ситху 14 сентября 1835 г. «Мы явились к главному правителю русских колоний в Америке барону Фердинанду Петровичу

---

[38] **Тихменев П.А.** — С. 304. См. также: **Модестов В., свящ.** Церковно-историческое описание Нушагакской миссии, Алеутской епархии // АПВ. — 1896. — № 14. — С. 287–288; № 15. — С. 303–305.

[39] **Григорьев Д., прот.** Указ. соч. — С. 150.

[40] **Там же.**

[41] **Марков С.Н.** Летопись Аляски. — М., 1948. — С. 84.

[42] **Там же.** — С. 119.

Врангелю», — сообщает В.С.Завойко, после чего упоминает про училище, «преобразованное в 1832 году для воспитания юношества». «Комплект его состоит из 45 человек. В училище принимаются дети здешних служителей, креолы[43] и преимущественно сироты. Курс, здесь преподаваемый, заключается в нравственном образовании, в познании православной веры, русского языка и математических наук»[44].

Еще одно замечание В.С.Завойко касается встречи с о.Иоанном Вениаминовым. «В это время приходил к нам священник, — очень хороший человек, сведущий во всем, и у нас велся разговор беспрерывный»[45], — так завершает отечественный мореплаватель свое краткое повествование.

Осенью 1837 г. Ситху посетил английский корабль «Sulphur». Его командир капитан Эдвард Белчер (Belcher) посетил местную церковь и присутствовал при богослужении о.Иоанна. «Внутренность храма великолепна, чего нельзя было ожидать в таком месте, — сообщает британец. — Священник был мужественный мужчина, лет сорока пяти, умный человек, он мне понравился. Получив позволение посмотреть его мастерскую, я увидел в ней довольно порядочный орган, барометр и многие другие предметы его собственного производства. Он был так любезен, что предложил свои услуги поправить два наших барометра, и поправил их весьма удовлетворительно. Несмотря на то, что он говорил только по-русски, мы успели сделаться хорошими друзьями»[46]. Отсюда следует, что о.Иоанн находил время и для применения своих практических талантов. Так, он сделал часы-куранты на колокольне Свято-Михайловской церкви.

На Ситхе о.Иоанн Вениаминов уделял внимание и просвещению тлинкитов, живших по соседству. Это были воинственные индейцы, весьма приверженные своим языческим обычаям. Обращение их, особенно вначале, проходило очень трудно и медленно. О.Иоанн приступил к своей задаче с благоразумием и осторожностью, избегая какого бы то ни было давления на аборигенов. Прежде всего он начал изучать их язык и обычаи, что впоследствии было отражено им на страницах российской печати[47].

---

[43] «Под именем креолов в наших колониях разумеют детей, рожденных от европейца и туземки», — уточняет В.С.Завойко (С. 102, примеч.).

[44] **Впечатления моряка. Сочинение лейтенанта В.З.** — Ч. I. — СПб., 1840. — С. 102–103.

[45] **Там же.** — С. 109.

[46] **Из записок капитана Эдварда Белчера во время плавания на корабле «Сулфур» (1836–1842)** // МИРЗ. — Ч. 4. — С. 203–204.

[47] **Вениаминов И., свящ.** Мифологические предания и суеверия колошей, обитающих на северо-западном берегу Америки // Сын Отечества. — 1839. — Т. II. — Отд. 3.

Благодаря усилиям о.Иоанна тлинкиты «начали слушать проповедующих слово Божие, и на совершение наших обрядов смотрят со вниманием и не без уважения; всякому, желающему креститься, они не возбраняют и не препятствуют, а крестившихся не только не презирают, или не чуждаются ими, но смотрят на них как на людей, более их знающих и близких к европейцам»[48]. В результате своего общения с аборигенами талантливый лингвист написал еще один труд — «Замечания о колошенском и кадьякском языках и отчасти о прочих российско-американских с присовокуплением российско-колошенского словаря» (СПб., 1846). Эта работа, включавшая грамматический анализ и первую попытку лингвистической классификации местных языков в русских Северо-Американских владениях, была замечательным научным достижением[49].

3. Визит в Петербург (1838–1841). Возведение во епископа (1840)

Осенью 1838 г. о.Иоанн отбыл в Россию для подготовки к изданию своих трудов по алеутскому языку. В своем письме к К.Т.Хлебникову от 25 апреля 1836 г. он пишет: «Если не будет позволено идти мне вокруг света, я непременно во что бы то ни стало из Иркутска поеду в С.-Петербург, потому что я намерен досовершить по возможности то, что я сделал для лисьевцев, т.е. снова перепечатать Катехизис. Вот самая побудительнейшая и единственная причина быть мне в Петербурге»[50].

Были и другие причины, по которым о.Иоанн решил посетить столицу Российской империи. За те несколько лет, что он пробыл в Ситхе, о.Иоанн убедился в том, что без содействия Св.Синода и РАК дальнейшая миссионерская деятельность на Аляске может испытывать серьезные трудности. Именно поэтому, как пишет один из его биографов, о.Иоанн «решился плыть кругом света, на компанейском судне, в северную столицу, отправив предварительно жену и детей в родной ему Иркутск»[51].

8 ноября 1838 г. о.Иоанн взошел на борт корабля «Св.Николай». Началось его кругосветное путешествие. Вот что сообщает об этом уже упоминавшийся выше лейтенант В.Завойко. «Мы направили свой путь к Сандвичевым островам. Общество наше на корабле увеличилось священником, отцом Иоанном, — пишет Василий Завойко. —

---

[48] Цит. по: **Барсуков И.П.** Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. — С. 87.

[49] **Григорьев Д., прот.** Указ. соч. — С. 150.

[50] **И.Вениаминов — К.Т.Хлебникову, 25 апреля 1836 г.** // РА. — С. 188.

[51] **Сведения о жизни Высокопреосвященнейшего Иннокентия, митрополита Московского** // Странник. — 1868. — Февраль. — Отд. IV. — С. 56.

Он прожил в колониях 15 лет и ныне возвращается... он еще хочет объехать свет и видеть Петербург, где намерен напечатать свои полезные сочинения, составленные им для того края и для нас о том крае. Он перевел на алеутский язык краткую Священную историю, Катехизис, Евангелие от Матфея, и составил поучение на алеутском и русском языках касательно христианских обязанностей человека. Сверх того у него есть обстоятельные записки об Уналашкинском отделе островов, о колошах, колошском и алеутском языках, нравах, обычаях и происхождении этого народа. Это будет первая книга в своем роде, которая разольет большой свет для ученых и вообще образованных людей на тот отдаленный край наших владений»[52].

После 43-дневного трудного перехода, 22 декабря 1838 г. «Св.Николай» под командованием капитан-лейтенанта Евгения Андреевича Беренса прибыл в гавань Гонолулу. Здесь парусник простоял на рейде 12 дней «для освежения команды», и за это время о.Иоанн смог ознакомиться с деятельностью своих коллег-проповедников, прибывших на Гавайские о-ва из разных стран и обосновавшихся здесь[53].

Столицы империи о.Иоанн достиг 25 июня 1839 г. «Небогатый, неизвестный, без связей, без поддержки, из дальней Америки священник церкви в порте Ново-Архангельском на Алеутском острове Ситха (владение Российско-Американской компании) прибыл в Петербург в надежде обратить внимание Св.Синода на жалкое положение своей полудикой паствы, — вспоминал один из его современников. — Никем не знаемый, всем чуждый иерей у многих порогов постоял, в многие двери постучался; но везде его встретила холодная вежливость и совершенное равнодушие к его пустынной стороне»[54].

Отец Иоанн представил обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову обстоятельный доклад — «Обозрение Православной Церкви в Российской Америке» с рекомендациями для улучшения существующего положения. Но Синод был на летних вакациях, и о.Иоанн поехал в Москву, где встретился со знаменитым иерархом-митрополитом Филаретом (Дроздовым). Владыка Филарет принял близко к сердцу миссионерские заботы о.Иоанна и оказал ему столь необходимое покровительство[55].

«Он приходит к Московскому митрополиту и уже не знает, как выразить свои чувства признательности и благоговения к нему за его

---

[52] **Впечатления моряка. Сочинение лейтенанта В.З.** — Ч. II. — СПб., 1840. — С. 106–107.

[53] **Барсуков И.П.** Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. — С. 105.

[54] **Сушков Н.В.** Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. — М., 1868. — С. 154.

[55] **Два слова в защиту добрых отношений митрополита Филарета к митрополиту Иннокентию** // АПВ. — 1901. — № 18. — С. 381–383.

участие к своей судьбе на чужбине, за внимание к объяснениям о положении церкви, за любопытство, с каким он расспрашивал во всей подробности о мало занимающем столицу крае, о природе и средствах его, о местных нравах и обычаях, о промыслах, торговле, населенности, набожности, воинственности и т.д., — сообщает биограф митрополита Филарета. — Главной целью плавания кругом света было намерение иерея издать Св.Писание на алеутском языке. Напечатав свой перевод, он собирался не к алеутам уже, а в Иркутск, куда жена его перебралась для воспитания своих детей — 12 мальчиков и девочек. Найдя своего гостя человеком разумным, благочестивым, образованным и даровитым, прозорливый пастырь обратил на него внимание членов Синода — и вскоре признано было необходимым возвратить его в Ситху и поставить в более самостоятельное положение в звании благочинного»[56].

По предложению митрополита Филарета о.Иоанн был возведен в сан протоиерея и назначен начальником Духовной миссии. Вот что сообщалось по этому поводу в церковной печати: «1839 года в день Рождества Христова в С.-Петербурге, на Троицком подворье, что у Аничкова моста, Высокопреосвященный Филарет, митрополит Московский, совершил Божественную литургию. На так именуемом малом входе подведен был к нему один из сослуживших иереев, и святитель, после молитвы о нем, по чиноположению, знаменовал по главе его крестовидно, глаголя: благословен Господь, се бысть раб Божий Иоанн протопресвитер Святейшия Божия церкве св.архистратига Михаила, яже на острове Ситхе, во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Грамота на протоиерейство выдана о.Иоанну из Московской консистории»[57].

Вскоре после этого, по словам влиятельного сотрудника Св.Синода А.Н.Муравьева, познакомившегося с отважным миссионером, тот «посетил Москву, чтобы привести в исполнение желание — напечатать Евангелие от Матфея на алеутском языке, и имел утешение видеть оное исполненным[58]. Он посетил Лавру Сергиеву, Лавру (Киево) Печерскую и Воронеж, пользуясь временем своего пребывания в России, ибо не надеялся более возвратиться из Америки и хотел познакомиться с отечественною святынею. Протекаемые им пространства казались ему ничтожными в сравнении с американскими»[59].

---

[56] **Сушков Н.В.** Указ. соч. — С. 155.

[57] **Сведения о жизни Высокопреосвященнейшего Иннокентия, митрополита Московского** // Странник. — 1868. — Февраль. — Отд. IV. — С. 59.

[58] **Вениаминов И., прот.** Евангелие от Матфея. На алеутско-лисьевском и русском языках. — М., 1840.

[59] **Из записки А.Н.Муравьева о Преосвященном Иннокентии, архиепископе Камчатском. (Сообщил А.В.Муравьев)** // Старина и новизна. — Пг., 1915. — Кн. 19. — С. 95.

Во время паломничества прот.Иоанна по святым местам из Иркутска пришла печальная весть: 24 ноября 1839 г. умерла его жена. Тем временем у митрополита Московского Филарета «возникла в Петербурге мысль об учреждении в Сибири новой отдельной от Иркутской, епархии III класса. В состав ее вошли Камчатка и острова Курильские и Алеутские. Из трех лиц, удостоиваемых Синодом занять новую епископскую кафедру, император избрал американского пришельца»[60].

После кончины супруги прот.Иоанн не мог больше отказываться от монашества и высшего церковного служения. О том, как решалась его дальнейшая судьба, повествует А.Н.Муравьев. По его словам, прот.Иоанн после посещения святых мест «возвратился в столицу и собирался зимою ехать опять в любимую им Америку; уже приготовлялось ему наставление письменное, как продолжать дело своей миссии, когда внезапно все члены Св.Синода единодушно пожелали послать его епископом в просвещенный им край. Отнеслись о том в компанию (Российско-) Американскую, и она с радостью приняла на свой счет все издержки по устройству новой епархии, отзываясь с любовью о предназначенном епископе. Все совершилось внезапно и скоро, как бы по данному свыше знаку. Камчатская и Охотская области присоединены к его новой епархии в двух частях света, простирающейся по морям на 7000 верст, вдоль длинной гряды островов Курильских и Алеутских, и хотя в ней считалось мало церквей настоящих, зато какое обширное поприще открывалось в будущем!»[61].

Тот же автор сообщает интересные подробности о чине пострижения прот.Иоанна и о поставлении его в архимандриты. «Оба действия поручены были Высокопреосвященнейшему Филарету, митрополиту Московскому. Отец Иоанн пожелал принять или имя Иннокентия, первого епископа Иркутского, от мощей коего он сам пошел проповедовать Евангелие в дикую пустыню, или имя Иоасафа, первого ее просветителя, бедственно погибшего в море. Митрополит предпочел первое, и пострижение совершено было за всенощным бдением на день св.апостола Андрея Первозванного, в домовой Троицкой церкви»[62].

Вскоре после этого архимандрит Иннокентий был рукоположен во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. Его епископская хиротония имела место в Казанском соборе 14 декабря 1840 г. Накануне рукоположения, обращаясь с речью к членам Св.Синода, о.Иннокентий сказал: «Господи Иисусе Христе! Новый свет благодати святительския, который Ты благоволишь пролить в те отдален-

---

[60] **Сушков Н.В.** Указ. соч. — С. 155.

[61] **Из записки А.Н.Муравьева...** — С. 95–96.

[62] **Там же.** — С. 96. Далее следует описание обряда пострига.

ные страны, да будет знамением и зарею просвещения православною нашею верою всех живущих там язычников»[63].

10 января 1841 г. новый епископ отправился в Русскую Америку с несколькими иеромонахами и клириками, которые последовали за ним на миссионерское служение. Накануне отъезда из С.-Петербурга владыка Иннокентий посетил Зимний дворец, «где милостиво был принят государем императором»[64]. «Он был успокоен и размещением своих детей. Заботы о воспитании их с него сняты — и он посвятил всего себя служению Церкви»[65].

Возвращение в Ново-Архангельск было сопряжено со многими опасностями. «Страшная буря едва не разбила его корабль близ берегов Кадьяка, где погибла от кораблекрушения и первая Духовная миссия в начале нынешнего (XIX. — *Авт.*) столетия, — сообщалось в жизнеописании святителя. — Но он благополучно достиг своего кафедрального города Ново-Архангельска на Ситхе, в день преподобного Сергия (Радонежского. — *Авт.*). С утешением встретила русская колония нового своего пастыря на материке Америки»[66].

4. Миссионерская деятельность владыки Иннокентия (Вениаминова) (1841–1858)

Деятельность епископа Иннокентия распространялась теперь из Ситхи на Азиатский и Американский континенты. В 1841 г. Св.Синод предписал для новообразованной епархии особые правила, в числе которых было следующее: «Михайло-Архангельской церкви на о.Ситхе быть кафедральным собором Преосвященного (Иннокентия. — *Авт.*); в управлении же епархией действовать ему на основании общих, изданных на этот предмет законов, с правом разрешать самому построение церквей и определять к ним причты, когда найдет к тому способы»[67].

Вот как описывал владыка Иннокентий свои первые дни пребывания в епископском сане на ставшей родной ему земле. Отбыв из Охотска 20 августа 1841 г. на бриге «Охотск», в субботу 27 сен-

---

[63] **Из речи архимандрита Иннокентия по наречении его епископом Камчатским, Курильским и Алеутским, говоренная Святейшему Синоду 13 декабря 1840 г.** // Странник. — 1868. — Январь. — С. 55.

[64] **Из записки А.Н.Муравьева...** — С. 97.

[65] **Сушков Н.В.** Указ. соч. — С. 155.

[66] **Сведения о жизни Высокопреосвященнейшего Иннокентия, митрополита Московского** // Странник. — 1868. — Февраль. — Отд. IV. — С. 57. См. также: **Путешествие преосвященного Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, к месту своего назначения** // АПВ. — 1901. — № 18. — С. 374–376.

[67] **Мамышев В.Н.** Указ. соч. — С. 226.

тября «сошел я на берег (в Ново-Архангельске. — *Авт.*), где был встречен главным правителем, всеми чиновниками и всеми православными. В малом облачении я пошел в церковь, где приветствовал свою новую паству краткой речью, отправлял благодарственный молебен Господу Богу. 28 сентября отправлял я Божественную литургию в первый раз»[68].

Об архипастырской деятельности епископа Иннокентия сообщал и Джордж Симпсон, директор английской компании Гудзонова залива (КГЗ). Он прибыл в Ново-Архангельск 16 апреля 1842 г.; «в следующую за тем пятницу возвратился ситхинский епископ из Кадьяка, отстоящего от Ситхи на 600 миль, которые были переплыты в четыре дня. Епархию здешнего епископа можно назвать самой обширнейшей из всех существующих в мире епархий: она заключает в себе не только Американскую Россию, но моря: Охотское, Камчатское и Алеутские острова»[69].

Джордж Симпсон мог не знать о том, какие опасности подстерегали владыку Иннокентия во время его миссионерского путешествия от Ситхи до Кадьяка. Сведения об этом были опубликованы в церковной печати через четверть века после этих драматических событий. В 1842 г., через 5 лет после кончины старца Германа, «плывя морем в Кадьяк и находясь в крайней опасности, Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Камчатский и Алеутский, воззрев на Еловый остров, сказал в уме своем: «если ты, отец Герман, угодил Господу, то пусть переменится ветер!» И точно, не прошло, кажется, и четверти часа, говорит Высокопреосвященный, как ветер им сделался попутный, и они благополучно пристали к берегу. В благодарность за избавление архиепископ Иннокентий служил сам на могиле блаженного панихиду»[70].

Директор КГЗ имел возможность встретиться с владыкой Иннокентием и иметь с ним беседу, о которой он также сообщает в своих записках. «В первое воскресенье после Пасхи ситхинский епископ, отправляясь на двухгодичную визитацию азиатской половины своей епархии, говорил накануне отъезда прощальную проповедь. Простившись с этим достойным пастырем, я не могу не выразить похвалы его характеру и качествам. Одна его наружность уже внушает особенное к нему уважение; между тем как кротость, характеризующая каждое его слово и дело, незаметно превращает это уважение в любовь; в то же время ум и дарование делают его вполне достойным того высоко-

---

[68] **Письмо митрополиту Филарету (Дроздову) из Ново-Архангельска от 30 апреля 1842 г.** // Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. 1828–1835. (Собрал И.П.Барсуков). — СПб., 1897. — Кн. I. — С. 74.

[69] **МИРЗ.** — Вып.4. — С. 225.

[70] **Сведения о жизни Высокопреосвященнейшего Иннокентия, митрополита Московского** // Странник. — 1868. — Январь. — Отд. IV. — С. 72.

го поста, который он занимает. Его беседа бывает полна юмора и вместе с тем назидательности; все, кто только имел честь быть знакомым с ним, высоко ценили его общество»[71], — пишет Дж.Симпсон.

Сведения о дальнейшей миссионерской деятельности епископа Иннокентия можно почерпнуть из записок лейтенанта флота Лаврентия Алексеевича Загоскина (1808–1890), которому было поручено исследовать обширные территории бассейна р.Квихпак (Юкон). 19 мая 1842 г. он повел бриг «Охотск» из Ново-Архангельска на Уналашку. Пассажиром на корабле был владыка Иннокентий, отправлявшийся впервые в новом сане для окормления своей паствы.

На пути брига лежал о-в Унга, один из восточных островов Шумагинской группы. Здесь местные жители устроили архипастырю горячий прием. «Нет слов для выражения тех чувств, которыми были преисполнены туземные жители при встрече своего владыки, — сообщал Л.А.Загоскин. — Управляющий Гомзяков, с 1815 г. находящийся в колониях, видал архиереев; прочие знали этот сан только понаслышке. Преосвященный Иннокентий в 1836 г. оставил священником свое стадо и, казалось, навсегда, и вдруг ныне является посреди его, облаченный высшей духовной властью. Все народонаселение острова жаждало принести благодарение Всевышнему, и вот на другой день, также неожиданно, приезжает священник этого отдела с походной церковью. Преосвященный служил обедню и молебен. Не было слушателя, который бы не прослезился от умиления и радости, при кратком приветственном слове святителя»[72].

Так же радушно он был принят и жителями о-ва Уналашка, где 27 мая 1842 г. они «отслушали всенощное бдение, а в восемь часов утра, 28 мая, колокольный звон огласил шествие Преосвященного в основанную и освященную им церковь. Удивление и потом восторг туземцев были невыразимы»[73]. Л.А.Загоскин пишет также и о других вещественных знаках пребывания выдающегося миссионера в Русской Америке. Говоря о Ново-Архангельске, он упоминает о «часах, устроенных на колокольне, под смотрением почтенного отца Иоанна Вениаминова, оставившего по себе память изданием Катехизиса на алеутском языке»[74]. В те годы в Ново-Архангельске имелась школа и для девочек, переведенная сюда в 1839 г.: «священник занимается со всеми два раза в неделю, обучая молитвам и разъясняя главнейшие догматы веры»[75], — сообщал Л.А.Загоскин.

---

[71] **МИРЗ.** — Вып. 4. — С. 226–227.

[72] **Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л.Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах.** — СПб., 1847. — Ч. I. — С. 11.

[73] **Там же.** — С. 13.

[74] **Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг.** — М., 1956. — С. 372.

[75] **Там же.**

Занимаясь топографическим описанием бассейна р.Квихпак в 1842–1844 гг., Л.А.Загоскин сообщал сведения и о положении православия на Аляске. «В редуте св.Михаила, основанном в 1833 г., находится часовня, основанная в 1842 году, при посещении священника в 1843 и 1844 гг. все туземцы острова св.Михаила беспрекословно приняли христианство»; «при посылке в 1845 г. священника для христиан-туземцев при редуте св.Михаила определена церковь»[76].

Об обстоятельствах крещения аборигенов, живших близ Михайловского редута, Загоскин приводит более подробные сведения. Он имел неоднократные встречи со многими жителями селения Улукатмют. В 1844 г., сообщает автор, «все их племя, узнав о моем возвращении в редут и о приходе туда священника, явилось для принятия святого крещения, без всякого с нашей стороны убеждения, и 30 июня Промыслу Всевышнего угодно было, чтобы я был восприемником их в жизнь вечную»[77]. И хотя русский лейтенант скромно замечает, что местные жители приняли крещение «без всякого с нашей стороны убеждения», его личный пример играл большую роль в этих обстоятельствах.

Зимой 1842/43 г. Л.А.Загоскин совершил переход из Михайловского редута на Квихпак, и, как видно из его записей, «с начала похода я положил правилом отправлять ежедневно краткую общественную молитву как для поддержания духа благочестия и бодрости, так и для показания туземцам, что мало того, что мы исповедуем правую веру во имя Сына Божия, но, что через молитву имеем к Нему доступ и получаем от Него все требуемое во благое». По свидетельству русского путешественника, «более пяти тысяч туземцев, считая проживающих по низовью Кускоквима и рукавами Квихпака, готовы принять преобразование (крещение. — *Авт.*) и 500 человек из них приобщены уже к лону христианства»[78].

В одном из жизнеописаний владыки Иннокентия читаем: «Как только устроил Иннокентий свою кафедру и училище при соборной церкви, немедленно стал помышлять об учреждении нескольких духовных миссий, близ устья рек, впадающих в океан, чтобы там постепенно обращать к христианству инородцев, спускающихся в известные времена года на поморье для рыбных промыслов и торговли»[79]. С именем владыки был связан подлинный расцвет церков-

---

[76] **Пешеходная опись...** — Ч. I. — С. 29, 36.

[77] **Там же.** — С. 89.

[78] **Там же.** — С. 40, 78. См. также: **Орлов И., свящ.** Кускоквимская Православная миссия (Историко-статистические сведения) // АПВ. — 1898. — № 24. — С. 685–686.

[79] **Сведения о жизни Высокопреосвященнейшего Иннокентия, митрополита Московского** // Странник. — 1868. — Январь. — Отд. IV. — С. 57.

ной жизни на Аляске. По его инициативе в 1840-х гг. был основан целый ряд миссий: Нушагакская, Квихпакская и Кенайская[80]. Нушагакская миссия начала действовать в 1841–1842 гг. под руководством священника Ильи Петелина; с 1842 по 1845 г. численность ее прихожан возросла с 200 до 600 человек, а в 1851 г. их число уже составило 1448 человек[81].

Квихпакская миссия находилась в ведении священника-креола Иакова Нецветова (ок. 1804–1863), который ранее служил на о-ве Атха (1829–1845). Ее местопребыванием было избрано селение Икогмют, отстоявшее от редута св.Михаила на 200 верст вверх по Квихпаку. Отец Иаков миссионерствовал там с 1845 по 1857 г. Во время своего двухлетнего путешествия по реке и морскому побережью летом на байдарках, а зимой пешком он присоединил к Православной церкви 437 человек[82]. В середине 1852 г. число обращенных в Православие в Квихпакской миссии насчитывало 1720 человек. Построенная там церковь была освящена в конце 1851 г.[83]

В 1841 г. в Никольском редуте, находящемся в Кенайском заливе, была построена небольшая часовня; богослужения в ней совершались по мирскому чину служащим РАК А.Комковым. В 1845 г. в Кенай был послан иеромонах Николай, состоявший с 1841 г. в должности эконома при архиерейском доме в Ново-Архангельске[84]. В течение двух лет этим миссионером было крещено около 400 человек[85]. С 1849 г. Кенайская миссия стала вести регулярную деятельность, и ее подопечные смогли приобщиться к полнокровной церковной жизни. Отец Николай возглавлял Кенайскую миссию вплоть до своей кончины 31 июля 1867 г.[86]

---

[80] Об этих миссиях см.: **Барсуков И.П.** Иннокентий, митрополит Московский. — М., 1883. — С. 278–281, 304–309, 313–317, 331–334. См. также: **Извлечения из Писем Преосвященнейшего Иннокентия, архиепископа Камчатского, к Высокопреосвященнейшему Филарету, митрополиту Московскому. 1842–1853** // Памятник трудов православных благовестников русских с 1793 до 1853 года. — М., 1857. — С. 243–296.

[81] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 255.

[82] **Извлечение из дневника квихпакского миссионера, протоиерея Иакова Нецветова. Год 1853. Путешествие из Икогмюта в Колмаковский редут** // Памятник трудов православных благовестников... — С. 356–368; см. также **Письмо Преосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского, к митрополиту Московскому от 31 июля 1851 г.** // Памятник трудов... — С. 348–355.

[83] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 258, 260.

[84] **Бортновский И., свящ.** Кенайская миссия (Историко-статистическое описание) // АПВ. — 1898. — № 18. — С. 529–533; № 19. — С. 558–559.

[85] **Тихменев П.А.** — С. 260.

[86] **АПВ.** — 1898. — № 19. — С. 530.

В 1840-х гг. в русских колониях действовали 4 церкви: в Ново-Архангельске с приходом в 1230 человек, Кадьяке (6338 человек), Уналашке (1751 человек) и Атхе (994 человека)[87]. На восьми островах были устроены часовни, где богослужение совершалось посылаемыми туда священниками. Так, в 1843 г. на о-ве Афогнак была воздвигнута часовня во имя Рождества Пресвятой Богородицы[88].

К этому времени в Русской Америке находилось 4 священника. А за весь 19-летний период пребывания владыки Иннокентия в Русской Америке было построено: в 1848 г. кафедральный собор в Ново-Архангельске, трехпрестольный, с колокольней[89]; три церкви — на Кадьяке, Уналашке, у р.Нушагак, а также 30 часовен, из которых не менее 12 были построены при помощи РАК, «да и прочие все, хотя построены усердием прихожан, но при пособии компании»[90].

Постоянным источником тревог епископа была трудность получения священников, особенно образованных, для миссионерской работы в Русской Америке. Единственным решением этой проблемы владыка считал подготовку к священству кандидатов из местных жителей. С этой целью в 1843 г. он основал миссионерскую школу в Ново-Архангельске, и в 1845 г. туда же была переведена семинария с Камчатки. Эти меры послужили укреплению Православия среди алеутов, тлинкитов и креолов, населявших Аляску и примыкавшие к ней острова. До той поры указанные области не имели духовных лиц из местных уроженцев, теперь же их дети получили возможность быть учителями своих соотечественников и, конечно, могли с большим успехом способствовать распространению среди них христианского учения.

В 1850 г. по истечении первого десятилетия своего назначения епископ Иннокентий сделал подробный доклад Св.Синоду о состоянии Северо-Американской и Алеутской епархий. К Камчатской, Курильской и Алеутской епархиям принадлежали 23 130 человек; около 15 тысяч из них жили в североамериканской части епархии. Там имелось уже 9 церквей; пять из них были построены после назначения епископа Иннокентия. Храмы были расположены таким образом: три в Ново-Архангельске на Ситхе — Св.Михайловский кафедральный собор, церковь в архиерейском доме и новая церковь для индейцев-тлинкитов. Кроме уже существовавших церквей на

---

[87] **Мамышев В.Н.** Указ. соч. — С. 255.

[88] **Кашеваров Николай, свящ.** Афогнакская Рождество-Богородичная церковь (Историко-статистическое описание) // АПВ. — 1898. — № 17. — С. 509.

[89] **Антоний, иеромонах.** Архангело-Михайловский православный собор в Ситхе // АПВ. — 1899. — № 10. — С. 277–286; № 11. — С. 296–305.

[90] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 268.

Кадьяке, Уналашке и Атхе, новые церкви были воздвигнуты в Кенае, Нушагаке и Квихпаке[91].

На американской территории было также 37 часовен, 9 священников при двух диаконах и полном составе причетников[92]. В заключительной части отчета отмечалось, что священники-миссионеры совершают свое апостольское служение с полной самоотверженностью и что под влиянием их местное население постепенно оставляет свои языческие верования и обычаи и становится в большинстве своем грамотным.

Святитель Иннокентий оставил о себе добрую память и в научных кругах как выдающийся просветитель. Большой известностью пользовались его сочинения — такие, как «Состояние Православной Церкви в Российской Америке» (СПб., 1840)[93], и целый ряд других. Об этом свидетельствует красноречивый эпизод, относящийся к паломничеству Н.В.Гоголя в Святую Землю в 1848 г. В пасмурный, необычный для Палестины день, писатель сидел в Назарете, пережидая дождь и перечитывая записи в своей книжке, в частности список книг, которые он надеялся достать по возвращении на родину. Среди них значились и «Записки об Алеутских островах свящ. Вениамина»[94].

Владыка Иннокентий был известен как составитель грамматики алеутского языка, переводчик на алеутский язык Священного Писания Нового Завета, автор фундаментального труда по истории и этнографии алеутов и тлинкитов[95]. В своей книге «Русские на Восточном океане» А.Марков сообщает о том, что владыка Иннокентий послал в Кадьяк одного из студентов духовной семинарии для того, чтобы тот выучил алеутский язык и составил алеутскую азбуку. Студент потратил на это пять лет и преуспел в своих знаниях. В 1846 г. было решено печатать книги на алеутском языке и рассылать их потом по селениям. «Евангелие уже переведено на алеут-

---

[91] **Григорьев Д., прот.** Указ. соч. — С. 153. См. также **Из отчета обер-прокурора Свят.Синода за 1852 год; раздел: Распространение православной веры в Иркутской и Камчатской епархиях** // Памятник трудов православных благовестников... — С. 325–326; см. также **Корчинский Иаков, свящ.** Квихпакская Крестовоздвиженская миссия на реке Юконе // АПВ. — 1899. — № 13. — С. 359–362.

[92] **Иванов А.** Православие в Америке // Журнал Московской патриархии. — 1955. — № 1. — С. 51.

[93] Перепечатана в: **Памятник трудов православных благовестников...** — С. 200–242.

[94] **Марков С.** Юконский ворон. — М., 1977. — С. 318.

[95] **Вениаминов И., свящ.** Алеутский букварь. — М., 1836; **Вениаминов И., свящ.** Способности и браки алеутов // Журнал МВД. — 1840. — № 5. — С. 36 и др.; **Вениаминов И., свящ.** Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. — СПб., 1846.

ский язык преосвященным Иннокентием, в то время, когда еще он был священником, и теперь читается иногда в колониальных церквах, — пишет А.Марков. — Алеуты всегда со вниманием слушают чтение Евангелия и ревностно исполняют закон Божий, особливо уналашкинские алеуты. Как они почтительны к христианской религии, сколько делают пожертвований в уналашскую церковь лучшими пушными промыслами, как богобоязливы и смиренны во время совершения божественной службы! Это самые набожные и трудолюбивые алеуты из всех своих единоплеменников <...> Уналашкинские алеуты чрезвычайно искусно выткали из тонких древесных корней и различных трав орлецы, служащие для подножия во время отправления божественной службы архиереем, и принесли их в дар преосвященному Иннокентию, который переслал эту редкость Московскому митрополиту Филарету»[96].

Один из правительственных чиновников — С.А.Костливцев в своем отчете по обозрению русских колоний в Америке за 1860/1861 гг. писал: «Если между алеутами так быстро распространился свет христианского учения, то это прямо должно отнести к переводу священных книг на алеутский язык и к изучению этого наречия алеутским духовенством»[97]. Результаты духовного просвещения сказывались довольно быстро; «прежде сотый из кадьякцев бывал когда-либо в церкви, а о говении они и не знали, — писал епископ Иннокентий в 1842 г. — Ныне полны церкви во всякий праздник и в один Великий пост было говельщиков (постящихся. — *Авт.*) более 400»[98].

В своей архипастырской деятельности владыка опирался на преданных ему местных священников-миссионеров. Один из них — Петр Литвицкий в эти годы трудился на о-ве Кадьяк; в 1843 г. он, приобщая к вере алеутов, обошел «с проповедью слова Божия остров Кадьяк, вверенный архипастырем его попечению»[99]. С миссионерскими целями объезжал вверенные ему приходы священник Иаков Нецветов, окормлявший в те годы жителей острова Атха. В «Журнале», который вел отважный миссионер, повествуется о его трудах на ниве евангелизации[100]. До нас дошли записки и другого атхинского проповедника — о.Григория Головина, относящиеся к 1842 году[101].

---

[96] **Марков А.** Русские на Восточном океане. — М., 1849. — С. 59.

[97] Цит. по: **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 271.

[98] **Там же.** — С. 254.

[99] **Из путевого журнала Кадьякского Священника Петра Литвицкого** // ХЧ. — 1845. — Ч.I. — С. 448.

[100] **Из журнала Атхинского Священника Иакова Нецветова (1842 г.)** // ХЧ. — 1845. — Ч. I. — С. 465–470.

[101] **Из журнала Атхинского Священника Григория Головина (1842 г.)** // ХЧ. — 1845. — Ч. I. — С. 470–479.

Владыка Иннокентий сознавал, что основой духовного просвещения местных народностей является воспитание в христианском духе подрастающего поколения. Начало занятий с детьми местных жителей было положено им самим. С января 1844 г. он собирал в домовой церкви детей и учил их закону Божиему. Примеру этому следовали и другие приходские священники, так что вскоре во всей епархии обучалось более 400 детей. Впоследствии при всех церквах и многих часовнях были устроены школы, в которых детям преподавались наставления об их христианских обязанностях и, вместе с тем, они обучались грамоте. «Учить всех детей простого народа, — писал владыка Иннокентий митрополиту Филарету в 1845 г., — вот мысль, которая давно меня занимает и которую мне отчасти удалось приводить в исполнение и даже, благодарение Господу! — видеть от того некоторые плоды <...> И если алеуты любили и любят меня, то единственно за то, что я их учил»[102].

Русский исследователь А.Марков, побывавший в Ново-Архангельске в середине 1840-х гг., так описывает результаты служения владыки Иннокентия, опиравшегося в своих трудах на местное духовенство. «Давно ли те, которые приняли веру христианскую, были язычниками; давно ли сожигали они трупы отцов своих и варварски умерщвляли своих единоплеменников? <...> Посмотрите на них теперь, посмотрите на этих младенцев веры в то время, когда звук колокола известит их о начале божественной службы! С каким рвением спешат они в Божий храм, как тихо, как смиренно стоят в нем! Они не понимают еще таинственного смысла наших церковных обрядов, но по окончании божественной службы владыка приглашает их к себе и через переводчика, сообразуясь в выражениях своих с их понятиями, объясняет им закон Божий <...> В семинарии, учрежденной в Ново-Архангельске, учат мальчиков (тлинкитов. — *Авт.*) калюжскому языку, и владыка положил твердое намерение выстроить в калюжском селении церковь для богослужения на туземном языке»[103].

5. Ново-Архангельское викариатство (1858–1867)

За свои выдающиеся заслуги владыка Иннокентий в 1850 г. был возведен в сан архиепископа. В 1852 г. к Камчатской епархии была присоединена Якутская область. В связи с этим архиепископ Иннокентий переехал из Ново-Архангельска сначала в Аянский порт, а затем в Якутск (1858 г.). После того, как Россия приобрела у Китая Приамурский край, архиепископская кафедра была перенесена в

---

[102] **Барсуков И.П.** Указ. соч. — С. 223–224.

[103] **Марков А.** Русские на Восточном океане. — С. 49.

Благовещенск (1860 г.). В помощь архипастырю были учреждены два викариатства: в Якутске и в Ново-Архангельске.

«Понятно, что ему нелегко обозревать свои разнородные паствы, странствуя от Амурской страны, Якутска и Камчатки до Курильских и Алеутских островов, — писал Н.В.Сушков о владыке Иннокентии. — Поэтому-то его викарии Алеутский и Якутский распоряжаются в своих участках на особых правах, и оставаясь под отчетностью епархиальному начальнику, только в важнейших случаях обращаются к нему за советами и приказаниями»[104].

Однако архиепископ Иннокентий по-прежнему предпринимал миссионерские объезды своей обширной епархии. Об одном таком путешествии повествует отечественный мореплаватель Андрей Карлович Деливрон, совершивший кругосветное плавание (1860–1865) на корвете «Калевала». Как отмечал он в своих записках, архиепископ Иннокентий поднялся на борт парусника в порту Хакодате (Япония), чтобы следовать на Камчатку. Российское консульство в Хакодате находилось тогда на краю города. «Там жили консул Гошкевич и морской агент, — пишет А.К.Деливрон, — затем еще молодой монах о.Николай, тогда только что окончивший (Петербургскую) Духовную Академию, а теперь архиепископ и начальник Духовной миссии в Японии, прославившийся обращением в христианство нескольких десятков тысяч язычников»[105]. Так российский мореход в своих записках зафиксировал для истории важное событие: встречу двух знаменитых миссионеров — Иннокентия (Вениаминова) и Николая (Касаткина), впоследствии причисленных к лику святых русской православной церкви.

Вот еще несколько слов того же автора о святителе Иннокентии: «Архиепископ Иннокентий был известен как неустрашимый мореход, совершивший еще в молодости множество морских кампаний в Охотском и Беринговом морях; ему на раз приходилось плавать и на байдарках среди гряды Курильских островов. Он вообще видывал виды на своем веку, и море с его штормами и невзгодами было ему слишком хорошо знакомо. Он знал компас и умел править рулем и считался хорошим часовым мастером. Это был человек большого ума и с золотым сердцем»[106].

В 1858 г. в Русской Америке было образовано викариатство, и в сан епископа Ново-Архангельского был рукоположен ректор Ново-Архангельской семинарии архимандрит Петр (1858–1866). Его хиротония во епископа состоялась в Иркутске 29 марта 1858 г.[107]

---

[104] **Сушков Н.В.** Указ. соч. — С. 155–156.

[105] **Деливрон А.К.** Корвет «Калевала». Воспоминания старого моряка. — СПб., 1909. — С. 44.

[106] **Там же.**

[107] **Ф.П.** Прошлое Православной миссии в Аляске // АПВ. — 1904. — № 2. — С. 28.

С перемещением архиепископа Иннокентия из Ново-Архангельска была перенесена в Якутск и семинария. Но в то же время в Ново-Архангельске было учреждено училище для детей служащих РАК. Курс обучения устанавливался как в трехклассных уездных училищах с дополнением программы для поступающих туда детей духовного звания, предназначенных для поступления в семинарию, предметами, преподававшимися в уездных духовных училищах[108].

Находясь вдали от Русской Америки, владыка Иннокентий, тем не менее, постоянно заботился о духовном образовании ее жителей. Вот что, например, сообщалось на страницах церковной печати в 1867 г.: «Преосвященный Иннокентий, архиепископ Камчатский, пожертвовал 3 тысячи рублей серебром на содержание, из процентов с этого капитала, в духовно-учебных заведениях двух воспитанников духовного звания из уроженцев Приамурского края или Америки»[109].

Владыка Иннокентий постоянно наставлял тех проводников, которые трудились в Русской Америке; он посылал письма священнику И.Шаяшникову, жившему на Уналашке[110], нушагакскому миссионеру иеромонаху Феофилу[111] и другим православным пастырям. Получив архипастырское благословение, отважные миссионеры отправлялись в опасные путешествия, целью которых было духовное просвещение аборигенов. В дневниках о. Феофила за 1862–1864 гг. повествуется о тех испытаниях, которые доводилось переносить проповедникам во время их нелегкой работы. Вот что отмечалось в его «Журнале» за 1863 г.: «До половины Великого поста дела мои по ежедневному богослужению, исповеди и причащению туземцев шли обычным чередом, а с половины поста труды мои умножились почти до отягощения: в селениях туземцев открылось сильное поветрие — воспаление легких, колотье в боках, кашель, и мне часто приходилось ходить по селениям для напутствия больных, случалось иногда погребать человека по три в один раз. Но, благодарение Богу, смертность была не очень большая, а поветрие почти никого не пощадило; я едва мог продолжать богослужение, но

---

[108] **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 274.

[109] **Православное обозрение.** — 1867. — Июнь. — Отд. VIII. — С. 95–96.

[110] **Письма Высокопреосвященного Иннокентия, епископа Алеутского, к о.Иннокентию Шаяшникову, бывшему с 1848 по 1883 г. священником на Уналашке** // АПВ. — 1900. — № 1. — С. 11–16 (письма 1849–1853 гг.); № 2. — С. 33–36 (письма 1858–1864 гг.).

[111] **Наставление Высокопреосвященного Иннокентия, бывшего архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского, нушагакскому миссионеру иеромонаху Феофилу** // АПВ. — 1899. — № 20. — С. 534–543; № 21. — С. 564–574.

к Св. Пасхе Господь обрадовал нас выздоровлением моего причетника и толмача, и у нас во всю пасхальную неделю была служба»[112].

Несмотря на тяжелые испытания, выпадавшие на долю как пастыря, так и паствы, о.Феофил продолжал трудиться на ниве христианского просвещения, и его усилия приносили ощутимый успех. Так, в «Журнале» за 1864 г. иеромонах пишет: «6 августа я пригласил туземцев в 9 часов собраться на молитву, служил часы и преподал поучение. Оказалось, что между ними 9 человек давно были крещены дьячком, но доселе оставались немиропомазанными и 11 младенцев нужно было окрестить. 6, 7 и 8-го числа августа каждодневно собирались в походную церковь по два и по три раза, говорены были поучения, применительные к немиропомазанным, и общия для всех желающих исповедаться и приобщиться»[113].

Одно явление о.Феофил решил выделить особо. Вот что он отмечает: «К общему удивлению, толмач из креолов говорил с таким воодушевлением, такое внимание поддерживая в слушателях, что мне казалось, будто он переродился. Когда я 8 августа призвал его в свою палатку и стал благодарить его и поощрять, чтобы он дома и в церкви так же говорил, то он сказал: «Я сам себе удивляюсь, откуда у меня брались слова. Какое слово мудреное Вы ни скажете, мне как будто кто-то подсказывал, и на все ваши русские слова я скоро находил соответственные кускоквимские»[114].

В 1860 г. в Русской Америке находилось 11 священнослужителей (епископ и священники) и 16 церковнослужителей (дьячки, причетники, псаломщики). Для совершения богослужения привлекались прошедшие курс обучения креолы. При учреждении епархии РАК обязалась отпускать ежегодно около 25 тысяч рублей ассигнациями на содержание причтов четырех церквей. Кроме того, Св.Синод отпускал более трех тысяч рублей ежегодно на содержание Кенайской миссии[115].

РАК помогала миссионерам и в их практической деятельности. «Все вещи, нужные для церквей, как-то: книги, свечи, ризничные и пр., а частью и для духовенства, компания доставляет на кругосветных кораблях даром, — сообщалось в одном из документов РАК. — Кроме того, сколько делается таких пожертвований или пособий со стороны компании, которых невозможно определить ценою денег, как, например, ежегодные пособия священникам и миссионерам в их путешествиях по приходам и в их домашнем быту

---

[112] **Сведения о миссионерских действиях нушагакского миссионера в 1862 и 1863 гг.** // РА. — С. 247.

[113] **Из Журнала нушагакского миссионера иеромонаха Феофила за 1864 г.** // Там же. — С. 253.

[114] **Там же.**

[115] **Федорова С.Г.** — С. 237.

и пр. <...> Наконец, без содействия компании едва ли можно было бы выстроить дом для семинарии в Ситхе»[116].

Поскольку священник каждое лето должен был объезжать свой приход для посещения жителей отдаленных от церкви мест, то «пособия, нужные для таковых путешествий, как-то: байдарки с гребцами и пр., получаются также от (Российско-) американской компании»[117]. Кроме того, с конца 1830-х — начала 1840-х гг. РАК предпринимала на свои средства печатание церковной и светской литературы для местного населения на алеутском языке[118].

Но, несмотря на постоянное улучшение внешних условий, в которых действовали российские миссионеры, они по-прежнему испытывали серьезные тяготы. Тяжелое положение усугубляли трудности сообщения между островами и с отдаленными редутами. В путь отправлялись на судах, байдарах или небольших байдарках (по внутренним рекам), зимой на нартах, запряженных собаками. «Миссионеры, — пишет С.А.Костливцев, — вынуждены бывают делать большие переходы пешком по горам, тундрам и лесам; проводники их, проходя эти волоки, носят на себе байдарки, съестные припасы и другие путевые вещи с большими затруднениями, терпят часто голод и холод, долгое время проводят под дождем, без всякого приюта и прикрываются лишь полотняными палатками. Устранить все эти неудобства, по безлюдности страны и суровости климата, невозможно»[119].

Лишения и опасности подстерегали не только простых священников, но и архиереев, объезжавших свои церковные владения. Сохранились записки епископа Ново-Архангельского Петра, в которых он повествует о своих злоключениях во время поездки на Алеутские острова. Отбыв из Аяна на «железном пароходе» 11 ноября 1859 г., он намеревался достичь Ситхи, однако в то лето «Восточный океан как-то особенно был сердит». После того, как пароход миновал Курильские острова, «подули сильные противные (встречные. — *Авт.*) ветры, при которых волны сильно разбивали корабль»[120]. «Наш пароход от большой качки и ударов волн расшатался, открылась большая течь в среднем трюме, в котором положены были вместе с компанейскою кладью и все мои вещи и архиерейская ризница, — пишет епископ Петр. — Когда вода залила весь трюм,

---

[116] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 269.

[117] **Там же.** — Ч. 1. — С. 297.

[118] **Баскаков Э.Г. и др.** Документы Российско-Американской компании в Национальном архиве США // История СССР. — 1963. — № 5. — С. 215.

[119] Цит. по: **Федорова С.Г.** — С. 239.

[120] **Миссионерские известия (Из письма преосвященного Петра, епископа Ново-Архангельского)** // Странник. — 1861. — Январь. Отд. IV. Хроника. — С. 17.

все привела в движение; открыли и увидели, что бочки с краскою и китовым жиром разбились, мои вещи и ризница потонули, — достать из воды уже нельзя было»[121]. Капитан, видя неизбежную гибель судна, решил идти на Атту (Атху) — ближайший остров Алеутской гряды. Пять суток продолжался этот переход, и наконец епископ Петр сошел на берег, где нашел прибежище в доме служащего РАК. Это была «хижина, построенная из досок, обложенная дерном; в ней были комнаты — зал и спальня, каждая в одну квадратную сажень, если не меньше, — сообщал владыка Петр. — На нашу беду дождь ливнем лил каждый день до декабря; чрез дерн вода протекала до стен клети, которые от того были всегда мокры, покрылись плесенью»[122].

О продолжении плавания по бурному океану не могло быть и речи. Епископ Петр вынужден был зазимовать на о-ве Атту. Холод и голод были постоянными его спутниками: «Утонуть страшно, а жить на острове до лета тоже горе, потому что кроме неудобств жилища, и провизии съестной мало было, а рыбу и вовсе почти нельзя было ловить при постоянном волнении»[123], — повествует владыка Петр. Все книги, взятые им с собой в плавание, погибли во время шторма. Пришлось утешаться чтением Библии, «найденной у одной старухи».

В то время на о-ве Атту не было постоянного священника, хотя часовня здесь уже имелась. Так что епископ всю зиму духовно окормлял местных жителей. «В каюте моей уцелела священническая риза с епитрахилью. В ней я служил в часовне всенощные, обедницы, молебны, — пишет он. — Алеуты усердно ходили к богослужению, особенно много бывало детей всех возрастов. Несмотря ни на какой ветер, дождь или вьюгу, все бегом бегут в часовню»[124].

Особенно запомнилось местным жителям богослужение, совершенное епископом Петром в праздник Рождества Христова (25 декабря ст. ст.). При этом ему помогали некоторые из них, уже воцерковленные трудами русских миссионеров. «Один алеут-писарь довольно хорошо знает церковное пение и чтение; он читает и поет в часовне, как может мирянин. От него научаются и другие алеуты, на память знают многие стихиры, ирмосы и поют довольно хорошо, — продолжает епископ Петр свое повествование. — На Рождество Христово почти все перебывали у меня, — славили Христа на алеутском и славянском языках, пели хором мастерски, а некоторые даже говорили речи»[125].

---

[121] **Там же.** — С. 18.
[122] **Там же.**
[123] **Там же.** — С. 19.
[124] **Там же.**
[125] **Там же.**

На о-ве Атту выпало прожить около трех месяцев. За это время пароходная команда устранила те повреждения, которые судно получило во время шторма. 24 января 1860 г. пассажиры и члены экипажа «со страхом пустились в море», а 8-го февраля без особых приключений пришли в Ситху. Завершая свой рассказ о пережитом, владыка Петр пишет: «Господь для того, может быть, и привел меня на остров видеть, как живут бедные алеуты, чтобы поучиться у них терпению и преданности воле и провидению Божию и чтобы после не малодушествовать среди встречающихся трудностей, в которых не будет недостатка в Америке»[126].

Архиерей претерпел суровые испытания волей случая, а разъездные священники осознанно шли навстречу опасностям, подстерегавшим их на нелегких путях. Прибывший в Ново-Архангельск в 1860 г. на службу РАК морской офицер Д.И.Неделькович записал в дневнике свои впечатления о встрече в Михайловском редуте в мае 1863 г. с иеромонахом Иларионом, который на байдарке спустился в редут по Квихпаку: «Он рассказал мне, какая опасная и скудная жизнь в болотистых тундрах, между дикарями, которые большей частью и до сих пор враждебны русским, несмотря, что многие из них обращены в христианство <...> Этот несчастный монах, — писал далее Д.И.Неделькович, — за один год тамошней жизни, при его еще слабой комплекции, так исхудал и поседел от трудных путешествий по одиночкам во время ужасных северных морозов и пурги, при недостатках при этом в продовольствии и других лишениях, что я едва мог его узнать»[127].

Забираясь в самые глухие места, миссионеры близко наблюдали быт и нравы местного населения, вели путевые записи, имеющие большую научную ценность. К их числу относится дневник иеромонаха Илариона, посетившего в 1861–1864 гг. глубинные районы Западной Аляски[128], а также Журнал кенайского миссионера игумена Николая за 1862–1864 гг.[129]

При этом о тяготах своей кочевой жизни они лишь скупо упоминают. Так, иеромонах Иларион в записи от 24 апреля 1863 г. отмечает: «Пока я совершал богослужение, вода, приготовленная для

---

[126] **Там же.** — С. 20.

[127] Воспоминания о путешествии из Кронштадта в Ново-Архангельск Д.И.Недельковича. Цит. по: **Федорова С.Г.** — С. 239.

[128] **Иларион Иеромонах.** Из журнала миссионера на реке Кускоквиме (1861–1862) // Православное обозрение. — 1867. — Июль. — С. 219–241. Переиздано в: **РА.** — С. 203–211. См. там же, **Из Журнала иеромонаха Илариона за 1863–1864 гг.** (С. 211–229).

[129] **Игумен Николай.** Из Журнала кенайского миссионера // Православное обозрение. — 1867. — Сентябрь. — Отд. 2. — С. 1–10. Переиздано в: **РА.** — С. 229–234. См. там же, **Из Журнала кенайского миссионера игумена Николая... за 1863–1864 гг.** (С. 234–245).

[illegible] селения, он шел на лапках (широких лыжах) по глубокому снегу так долго, что у него стали отказывать ноги, и, как пишет о.Иларион, «вовсе не мог я идти дальше и принужден был нанять одного дикаря отвезти меня на своих собаках обратно в миссию, а наши четыре собаки едва могли везти на нартах нашу провизию, одежду и церковные вещи. Долго болели у меня ноги»[131].

Холод был постоянным спутником православных подвижников на Аляске. Кенайский игумен Николай, пытавшийся отслужить литургию в день Богоявления, пишет в «Журнале» за 1862 г.: «Для праздника отслужил я вечерню и утреню и, прочитавши правило, хотел отслужить Литургию, но мороз был так жесток, что совершенно невозможно было литургисать в холодной церкви, и потому совершил только освящение воды в церкви, и то с большим трудом, так что занемог от простуды»[132].

Другим бедствием были различные эпидемии среди местных жителей. Тот же о.Николай в 1862 г. сообщал о подобной напасти. «В сентябре начальник Горной Экспедиции компании писал мне, что где-то на юге между колошами в английских владениях появилась натуральная оспа, и просил привить оспу, кому она еще не была привита. Я велел дьячку обойти недальние селения для прививки оспы. Он почти весь октябрь проходил, был в 4 селениях, привил оспу всем — большим и малым, кому нужно было. В первых числах ноября пришли кенайцы из дальнего селения Скиляхи и, услышав об угрожающей эпидемии, убедительно просили меня послать в их селение прививать оспу. Хотя дьячку и очень трудно идти пешком без дороги в такую даль — за 150 верст, да и расход немалый на уплату и прокормление проводников в оба конца — вперед и взад, но делать нечего, надобно было уважить просьбу кенайцев. 12 ноября с благословением Божиим пошел дьячок в дальний путь, привил оспу в двух селениях ста человекам с лишком, 3 декабря возвратился, едва дошел, устал до изнеможения; погода была ненастная — то сырая, то морозная с метелью»[133].

Однако миссионеры продолжали самоотверженно трудиться на вверенных им землях, духовно окормляя местных жителей. Главное, что было необходимо для христианизации аборигенов, — это проповедь слова Божия. И лишь после того, как местные жители принимали крещение и воцерковление, можно было приступать к

---

[130] **Из Журнала квихпакского миссионера иеромонаха Илариона за 1863 г.** // РА. — С. 211.

[131] **Там же.** — С. 212.

[132] **Из Журнала кенайского миссионера игумена Николая. Николаевский редут. 1862 г.** // РА. — С. 229.

[133] **Там же.** — С. 232–233.

1861 г. читаем: «16 сентября рано утром <...> мы медленно потянулись вверх по реке и к вечеру приплыли в селение Ухагмют. Здесь поутру я отслужил утреню и часы с обедницею, при которых были и некоторые из жителей этого селения; после службы я поговорил с ними о духовных предметах»[134].

А в записи под 20 сентября, будучи уже в Михайловском редуте, о.Иларион продолжил свой рассказ: «По общему желанию моих спутников я отслужил в часовне Господу Богу благодарственный молебен с водоосвящением; при молебне находились все жители редута, даже дети; потом святою водою окропил я все жилища редутские»[135].

Совершение литургии является главным элементом в круге православных богослужений; накануне вечером, по церковному уставу, полагается всенощная. В дневнике о.Илариона (июнь 1862 г.) сообщается о визите в селение Келеджичигат, где местные жители ожидали его приезда. «7-го числа совершал богослужение, за которым предлагал поучение, пред вечером исповедовал, а 8-го числа за литургиею, совершавшеюся на открытом месте, приобщил св.Таин; после литургии поучал их, как надобно вести себя после причащения и вообще как следует жить христианам. Все они остались очень довольны тем, что им привелось поговеть; иные из них уже много лет не приобщались. После службы поставили крест на том месте, где устроен был престол, и огородили его»[136].

Следует отметить что многие аборигены принимали крещение добровольно и сознательно. О.Иларион пишет об одном таком типичном эпизоде: «По временам приходили из дальних селений туземцы для покупки каких-нибудь вещей; я всегда говорил с ними о предметах веры; они слушали со вниманием, некрещеные изъявляли желание креститься, и я крестил с ноября 1861 по май 1862 года 4 туземцев, 1 женщину и 10 детей, которых родители иногда нарочно приводили или приносили из ближних селений для крещения»[137].

Что же касается крещеных аборигенов, то они сами стремились присутствовать на богослужениях, совершавшихся разъездными священниками. «4 июня к вечеру дошли мы до селения Келеджичигат, в котором ожидали нас 25 человек обоего пола из кускоквимцев, ингиликов и кольчан, — продолжает о.Иларион, — Все они крещеные; они раньше узнали, что я поплыву вверх по Кускоквиму, и из разных мест приехали в это селение для того, чтобы поговеть и приобщиться св.Таин»[138].

---

[134] **Из Журнала иеромонаха Илариона, миссионера на реке Кускоквим (1861–1862)** // Там же. — С. 204.

[135] **Там же.**

[136] **Там же.** — С. 207.

[137] **Там же.** — С. 205–206.

[138] **Там же.** — С. 206.

Сердца местных жителей были открыты к евангельской проповеди, и православные миссионеры неустанно воцерковляли желавших приобщиться к Православию. «Приведу здесь один пример их общей набожности, — пишет о.Иларион. — Один молодой некрещеный кольчанин лет 25, возвратившись домой с тундры, на которой промышлял оленей, как только узнал, что многие спустились на устье Хулитнака как для разторжки, так и для говения, а иные для крещения, тотчас собрался в путь с намерением креститься, плыл на лодочке трое суток безостановочно день и ночь, и когда приплыл к нашему стану и узнал, что он еще не опоздал, то чрезвычайно рад был»[139].

Однако не следует полагать, что в своей деятельности православные миссионеры никогда не сталкивались с упорством аборигенов, не желавших расставаться с языческими верованиями. Так, по сообщению о.Илариона, мужчины, как правило, охотнее принимали крещение, в то время как женщины иногда «отказывались от крещения под разными предлогами, а главное, потому, что они сильно привязаны к шаманству, от которого никак не хотят отстать»[140]. Так что приходилось обращаться с увещеваниями и к шаманам; в записках игумена Николая как раз сообщается о таком случае: «Два дня служил для говевших, пожурил одного шамана, который тихонько все еще иногда шаманит, обманывает и поддерживает суеверие. При всех туземцах я пригрозил поставить его на поклоны, если он еще будет шаманить. Поклоны для них составляют чувствительное наказание. Народ дикий, не подчинен никакой власти, никого не боится, не знает никаких штрафов, пользуясь неограниченной свободою, что хочет, то и делает; и вдруг заставить его класть поклоны — это несносно для самолюбия, тщеславия, гордости, сильно развитых почти во всех дикарях. А противиться мне они не смеют, по крайней мере не было еще примера непослушания; я у них слыву выше обыкновенного человека»[141].

Это свидетельство «рядового» священника, а если речь шла о визите архиерея, то о таком событии аборигены помнили и говорили долгие годы. Об этом пишет игумен Николай; в его записках сообщалось о посещении Николаевского редута викарием Камчатской епархии. Осенью 1864 г. сюда прибыл епископ Петр: «18 августа к вечеру пришел к нам пароход, на котором приплыл Преосвященный. 19-го числа он посетил нашу церковь и мою квартиру. Когда кенайцы узнали, что Преосвященный будет служить в нашей церкви 23-го числа, то дали повестку об этом во все ближние селения, и к

---

[139] **Там же.** — С. 208.

[140] **Там же.** — С. 209.

[141] **Из Журнала кенайского миссионера игумена Николая... за 1863 г.** // РА. — С. 235–236.

дню службы кто пешком пришел, и на байдарках по заливу приплыли очень многие и с детьми»[142].

«В день службы не могли все вмещаться в церкви, многие стояли на паперти и около церкви у всех окон. Все смотрели на обряды богослужения с напряженным вниманием, за этою Литургиею приобщали всех своих малых детей. После обедни все до одного подходили на благословение к Преосвященному. После службы сколько у них было говора! Друг другу повторяли виденное с особенным удовольствием: кто как был облачен, кто как действовал. Например, как диакон (которого они еще не видывали) выходил из алтаря на амвон, говорил ектении или пел и т.п. Все это было им в диковинку, все остались очень довольны. На другой день пароход ушел в море, разошлись и кенайцы, и у нас в редуте наступала тишина, однообразие в течение дел»[143].

В записках просветителей часто упоминается о добровольном приобщении к Православию местных жителей. Вот еще одна запись такого рода. «После обеда почти до вечера я занимался беседою с некрещеными туземцами, — сообщал о.Иларион в 1863 г. — 30-го июня по их желанию окрестил 12 мужчин и 3 женщины. Поучив их еще после крещения, мы отправились дальше. По пути заходили в селение Икаливигмют. Тут во время моей беседы с туземцами оказалось, что они все крещеные, а только дети их от 6 до 14 лет оставались некрещеными. Предложение мое крестить их туземцы приняли с удовольствием, и я окрестил 7 мальчиков, 4 девочки и 1 женщину»[144].

Личный пример, сила убеждения, — это те факторы, которые способствовали успеху православных миссионеров. Однако сами они скромно умалчивали о своих заслугах и на первый план выдвигали сопутствующие обстоятельства. 19 июня 1863 г. о.Иларион записал: «После богослужения приплыли еще 35 человек койюкакцев обоего пола также для крещения. Из крещеных некоторые отправились по домам, а иные остались, пришли к вечернему богослужению, молились очень усердно, смотря на русских, старались правильно изображать на себе крестное знамение и друг друга учили этому, и готовящиеся к крещению тут же стояли»[145]. Таким образом, пример русских православных христиан также помогал миссионерам убеждать аборигенов приобщаться к Церкви.

Вот еще несколько строк, повествующих об этом. В 1864 г., в праздник Св.Пасхи, — пишет о.Иларион, — все жители селения —

---

[142] **Из Журнала кенайского миссионера игумена Николая за 1864 г...** // Там же. — С. 243.

[143] **Там же.**

[144] **Из Журнала квихпакского миссионера иеромонаха Илариона за 1863 г.** // Там же. — С. 216.

[145] **Там же.** — С. 214.

и русские, и аборигены «собрались в церковную палатку к богослужению. Приятно было видеть, как новокрещенные, соревнуясь с русскими в духовном торжестве, с радостными лицами молились и вместе наблюдали за каждым движением русских в отношении религиозных обрядов, как-то: правильного изображения на себе крестного знамения, целования св.Креста, Евангелия, икон и проч.»[146].

Подводя итог сказанному, приведем слова игумена Николая, записанные им в 1863 г. «При поступлении моем на службу в Кенай везде была страшная дичь, жалкое невежество, мрачное суеверие, а теперь во всех ближних и дальних селениях кенайских, где только возможно было мне бывать, все уже окрещены, знают и почитают истинного Бога, больше мягкости в характере, остается только уяснять им небесные истины и утверждать во правилах христианской жизни»[147].

Неустанные труды русских миссионеров привели к тому, что все алеуты были крещены, чему, несомненно, способствовало и развитие среди них грамотности. Затем в Православие постепенно были обращены и племена, жившие вблизи Нушагакского прихода (аглемюты, угаленцы), а также кенайцы. Наиболее трудным оказалось обратить в Православие колошей (тлинкитов)[148], хотя для них в Ново-Архангельске была построена специальная «колошинская» церковь, которая была приписана к собору Св.Михаила. «В Ново-Архангельске обращением и крещением колош занимается соборный священник, который в каждое воскресенье совершает богослужение в церкви, построенной собственно для колош, — сообщал в 1863 г. о.Иларион. — За богослужением вместо поучения читает по одной и по две главы из Евангелия от Св.Матфея, переведенного на колошенский язык. По окончании службы в простой беседе через толмача объясняет колошам разные христианские истины, иногда ходит в их селение для поучения; только в селении трудно поучать их поодиночке, а в одну барабару невозможно многих созвать для поучения по их необузданному своеволию, по которому не хотят подчиняться ничьей воле ни в каких случаях»[149].

Тот же квихпакский миссионер с горечью повествует о тех причинах, которые препятствовали успешной христианизации этого индейского племени: «Особенно ситхинские колоши очень испор-

---

[146] **Из Журнала квихпакского миссионера иеромонаха Илариона... за 1864 г.** // РА. — С. 223.

[147] **Из Журнала кенайского миссионера игумена Николая... за 1863 г.** // Там же. — С. 235.

[148] **Анатолий, архимандрит.** Древняя религия Тлинхита. Характер древней религии аляскинских индиан // АПВ. — 1900. — №№ 2, 3, 6; 1901. — №№ 5, 6; 1902. — №№ 7–9.

[149] **Из Журнала квихпакского миссионера иеромонаха Илариона за 1863 г.** // РА. — С. 220–221.

чены и в деле обращения в христианскую веру стараются поживиться чем-нибудь: при изъявлении согласия креститься договариваются с миссионером, чтобы он нашел богатых восприемников, которые должны дать рубашку и другие вещи, а женщинам кроме рубашки платье, платок, после крещения угостить их и после еще по временам угощать»[150].

Всего по ведомости 1860 г. в Русской Америке насчитывалось 12 007 христиан, из них русских 784 (576 мужчин и 208 женщин), креолов 1676 (соответственно 853 и 823), алеутов 4391, кускоквигмютов — 1395 и т.д.[151]

6. Переходный период (1867–1870)

6/18 октября 1867 г. в столице Русской Америки, согласно договору об уступке Россией Аляски Соединенным Штатам Америки, при залпах русской береговой батареи и американской судовой артиллерии, был спущен триколор РАК и взвился звездно-полосатый флаг США.

Русское духовенство, жившее в Ново-Архангельске, было свидетелем этого исторического события. «Стоящий за Барановской горкой крейсерок начал спускать свой флаг. Со стремниною быстротою сбежал также и флаг над комендантским домом <...> Один только восьмиконечный крест Архангелова храма отчетливо вырисовывался в своей царственной выси над городом, предгорьем и взморьем, — пишет иеромонах Антоний. — Подходя к Миссии, я услыхал, как дети — иннокентьевские приютяне пели вечернюю песнь Софрония Иерусалимского Свету Тихому («Свете тихий» — *авт.*), милостиво еще охраняющему на далечайшем отоке тихого моря великое знамя нашего Православия»[152].

После 1867 г. уступленная Россией США часть Северо-Американского материка получила статус «территория Аляска». При этом Русская православная церковь сохраняла за собой право продолжать там свою деятельность. По настоянию архиепископа Иннокентия, во второй статье «Договора об уступке Российских северо-американских колоний» говорилось: «Храмы, воздвигнутые Российским правительством на уступленной территории, остаются собственностью членов Православной Церкви, проживающих на этой территории и принадлежащих к этой Церкви»[153]. Вместе с тем, по решению

---

[150] **Там же.** — С. 221.

[151] **Федорова С.Г.** — С. 240.

[152] **Антоний, иеромонах.** Из воспоминаний и впечатлений // АПВ. — 1899. — № 19. — С. 512.

[153] **ПСЗРИ.** — Собр. 2. — Т. 42. — № 44518. — С. 421–424.

Св. Синода, на содержание Аляскинской епархии ежегодно отчислялся один процент от суммы, полученной от продажи Аляски (7 200 000 долларов), т.е. 72 000 долларов. Эта сумма и была финансовым базисом существования русской православной церкви в Америке в дальнейшем[154].

После 1867 г. православные на Аляске и в Калифорнии объединялись вокруг своих храмов. Церковные общины, приходы сплачивали русских, креолов, алеутов и индейцев. Благодаря этому уклад жизни на Аляске, особенно быт потомков первых русских поселенцев Нового Света изменялся мало и индеец, повторяющий молитву на церковно-славянском языке, не редкостью был на Аляске не только в конце XIX, но и в XX в. Особой приверженностью к русским обычаям и верованиям отличались аляскинские креолы. Из их среды вышло много священников, диаконов, церковнослужителей.

До 1867 г. епископ Ново-Архангельский состоял в подчинении Камчатской епархии. Резиденция архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия находилась в г.Благовещенске на Амуре. В 1868 г. владыка Иннокентий стал митрополитом Московским и Коломенским и пребывал на этой кафедре вплоть до своей кончины в 1879 г. (В 1977 г. по прошению Св.Синода православной церкви в Америке он был канонизирован Св.Синодом русской православной церкви)[155].

В 1867 г. последний правитель Русской Америки, капитан 1-го ранга, князь Д.П.Максутов, сдал дела американскому генералу Дэвису[156]. Однако наряду с упраздненной светской властью, в русских селениях имелась еще власть духовная. На окраине Ново-Архангельска, на берегу Тихого океана, в двухэтажном деревянном доме находилась резиденция епископа Ново-Архангельского Павла. (В год передачи Аляски он прибыл сюда для управления Камчатско-Алеутской епархией). Тут же помещалось духовное правление и жил благочинный американских церквей и миссий, протоиерей о.Павел Кедроливанский, два священника и причт. «Положение духовной миссии было еще более затруднительнее, чем светской власти, — отмечал один из очевидцев «переходного периода». — Средства миссии были незначительными, и хотя алеуты все номинально были православные и религиозные, но в сущности столь неразвиты, бедны, дики, разбросаны незначительными селениями по островам обширной территории, что продолжать миссию распространения Православия на алеутских островах стало невозможным»[157].

---

[154] **Иванов А.** Православие в Америке // Журнал Московской Патриархии. — 1955. — № 1. — С. 51.

[155] **Журнал Московской Патриархии.** — 1977. — № 12. — С. 3.

[156] **Вавилов М.И.** Последние дни в Русской Америке, 1867–1868 гг. Из записок очевидца // Русская старина. — 1886. — Т. 50. — № 6. — С. 595.

[157] **Там же.** — С. 598.

Так что прибывший на Аляску в 1867 г. епископ Павел должен был возвратиться обратно в Сибирь, а духовенство перенесло свой центр духовной деятельности в Сан-Франциско(Калифорния), где последний из благочинных русских колоний, о.Павел Кедроливанский трагически погиб. Его нашли на улице с проломленной головой...[158].

Важным свидетельством о положении Православия в утраченных землях являются записки С.Н.Буйницкого, который летом 1870 г. по поручению секретаря казначейства Соединенных Штатов посетил Уналашку, а также о-ва св.Павла и св.Георгия. К тому времени население насчитывало 600 человек на Уналашке, 240 на о-ве св.Павла и 125 на о-ве св.Георгия. «Все взрослые, как креолы, так и алеуты, хорошо говорят по-русски, многие читают церковную грамоту весьма удовлетворительно, а некоторые сведущи также и в гражданской грамоте, — писал С.Н.Буйницкий. — По свидетельству уналашкинского священника (из алеутов) отца Иннокентия Шаишникова, к приходу которого принадлежат и жители островов св.Павла и св.Георгия, прихожане его искренне привязаны к Православию и усердно посещают храм Божий. В справедливости сего я имел случай убедиться личным наблюдением на о.св.Георгия, где я пробыл, по обязанностям службы, с лишком три месяца. Каждое воскресенье и каждый праздник все население от мала до велика отправляется в церковь, где, за неимением священника, пономарь, с участием весьма изрядного клира из алеутов и креолов, одаренных приятным голосом и верным слухом, исполняет все те отделы литургии, исполнение которых не предоставлено исключительно иерею. Во всякий бараборе (избе) находятся святые иконы, и ни один алеут, по входе, не сядет, не совершив предварительно крестного знамения и поклонения иконам. В ежедневных моих сношениях с жителями о-ва св.Георгия, я вполне убедился, что православное образование имело самое лучшее влияние на их нравственное развитие и сделало их истинными христианами — людьми кроткими, добродушными и милосердными. Православие — такой след русской цивилизации на Алеутском архипелаге, которым справедливо может гордиться русская национальность»[159].

В 1870 г. была учреждена отдельная епархия Алеутских островов и Аляски, включившая в себя все православные приходы на территории Америки, и в истории православия в США была открыта новая страница.

---

[158] **Там же.**

[159] Цит. по: **Барсуков И.П.** Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. — С. 713.

Глава

5

РОССИЯ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И США НА ТИХООКЕАНСКОМ СЕВЕРЕ В СЕРЕДИНЕ XIX в.: СОПЕРНИЧЕСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО

1. Первые контакты РАК с Компанией Гудзонова залива

В начале XIX в. две могущественные монопольные компании — Российско-американская и британская Компания Гудзонова залива (КГЗ) активно осваивали северные районы североамериканского материка, двигаясь навстречу друг другу с запада и с востока. Еще до непосредственного контакта агенты обеих компаний начали обнаруживать у приходивших к ним для торговли туземных охотников предметы и вещи европейского происхождения, попадавших к ним из факторий потенциальных конкурентов. Так, уже в середине 1810-х гг. индейцы атна стали доставлять в Николаевский редут на п-ве Кенай мелкие вещи английского производства[1]. А у эскимосов низовьев Юкона служащие РАК в те же годы обнаружили несколько мелких английских монет и листовую медь, которые посредством межплеменного обмена попадали к ним из торговых факторий КГЗ к востоку от Скалистых гор[2].

В самом начале 1820-х гг. обе монополии даже не войдя в непосредственное соприкосновение начали активное соперничество между собой за источники пушнины. Спор разгорелся по поводу царского указа 1821 г., резко расширявшего территориальные притязания Российской империи на северо-западном побережье Америки и ограничивавшего для иностранцев свободу торговли и мореплавания в этом регионе. Нельзя не сказать, что документ был принят при активном лоббировании со стороны РАК и ее сторонников в правительственных кругах[3]. И хотя он был направлен в первую очередь против американских морских торговцев, однако задевал и интересы КГЗ. Последняя стала оказывать давление на

---

[1] **Хлебников К.Т.** 1979. — С. 50.

[2] **Федорова С.Г.** — С. 66, 72, 75–76, 126–129.

[3] См. подробнее **Болховитинов Н.Н.** 1975. — С. 244–307.

британский МИД, добиваясь его отмены. Как отмечал американский историк Дж.С.Гэлбрайт, дипломатическая борьба, развернувшаяся вокруг указа 1821 г., велась не просто вокруг границ и свободы мореплавания у берегов Северо-Западной Америки, но фактически отражала конфликт между двумя великими монополиями за потенциальные пушные ресурсы еще неосвоенных территорий[4]. Действительно, дележ спорных территорий велся исключительно «на перспективу», так как ни англичане, ни русские не имели никаких поселений на спорных землях, многие из которых представляли собой еще «белые пятна» на географических картах того времени.

Для подкрепления своих притязаний директора КГЗ уже в феврале 1822 г. послали в Канаду инструкции, в которых требовали от служащих компании расширить свои операции в северо-западном направлении и соорудить там торговые посты. Однако выполнение этой экспансионистской программы натолкнулось на ряд объективных трудностей (дикая природа, противодействие воинственных индейцев, недостаток служащих и т.д.). Тем не менее, летом 1822 г. в северной части оз.Бэбайн (55° с.ш.) был заложен Форт-Килмаурс, а в 1824 г. агент КГЗ Сэмюэл Блэк был послан в экспедицию с р.Пис на северо-запад для выяснения степени присутствия русских в этом регионе. Ему удалось проникнуть в самое сердце Скалистых гор до широты 58°40'. У местных индейцев он обнаружил русские товары, которые проникали сюда по долине р.Стикин (Стахин) благодаря посредничеству береговых тлинкитов[5].

В это же время русский морской офицер В.П.Романов предложил Главному правлению Российско-американской компании в Петербурге установить связь российских колоний с факториями КГЗ посредством экспедиции через долину р. Медной (Коппер) до Гудзонова залива[6]. Однако Главное правление РАК отклонило этот проект, а позднее сам император Александр I наложил строгое вето на планы компании расширить свое влияние в бассейне Медной реки[7]. Видимо, он больше не хотел ввязываться в серьезные дипломатические осложнения с Великобританией ради интересов РАК. Этим, очевидно, и была продиктована та серия значительных уступок, на

---

[4] **Galbraith J.S.** The Hudson's Bay Company as an Imperial Factor, 1821–1869. — Berkeley and Los-Angeles, 1957. — P. 120.

[5] **Rich E.E.** The Fur Trade and the Northwest to 1857. — Toronto, 1967. — P. 274; **Galbraith J.S.** Op.cit. — P. 123–124.

[6] Впервые подобную экспедицию пытался организовать еще в 1796 г. А.А.Баранов, отправив на Медную реку унтер-офицера Корпуса горных инженеров Д.Тарханова — см. **Гринёв А.В.** Забытая экспедиция Дмитрия Тарханова на Медную реку // СЭ. — 1987. — № 4. — С. 93.

[7] **Алексеев А.И.** Судьба Русской Америки. — Магадан, 1975. — С. 190; **Пасецкий В.М.** Русские открытия и исследования в Арктике: Первая половина XIX в. — М., 1984. — С. 93–96, С.116–117.

которые пошла Россия во время англо-русских переговоров о границах в Северной Америке. Подписанная по этому вопросу 16/28 февраля 1825 г. Конвенция между Англией и Россией была тяжелым ударом для РАК. На результат переговоров, несомненно, повлияла энергичная поддержка позиции и интересов компании Гудзонова залива со стороны британского министра иностранных дел Дж.Каннинга. Англичанам удалось добиться почти всех своих целей: южная граница российских владений окончательно определена по 54°40' с.ш. (вместо 51°), а северо-восточная — по 141° з.д., что оставляло богатый пушниной бассейн р.Маккензи полностью британским владением; подданные ангийской королевы получали право на 10 лет беспрепятственно плавать и торговать с индейцами Русской Америки (ст.7 конвенции 1825 г.), правда, торговля спиртным и огнестрельным оружием попадала под запрет (ст.9), а суда обеих сторон имели право приставать в районе поселений другой державы только с разрешения ее колониальной администрации (ст.2). Кроме того, англичанам навечно гарантировалась свобода плавания по всем рекам Аляски, имеющим исток в британских владениях (ст.6). Наконец, особо оговаривалось, что при нарушении той или иной статьи конвенции или при возникновении каких-либо спорных проблем исключается любое самоуправство и вооруженное насилие со стороны местного колониального начальства (ст. 11)[8].

Ратификация договора 1825 г. окончательно оформила территорию Русской Америки и на некоторое время притупила остроту англо-русского соперничества в северной части Тихого океана, в частности, заметно снизилась интенсивность российских и британских исследований в полярных районах и в поисках Северо-Западного прохода из Атлантического океана в Тихий и обратно[9].

Первый непосредственный контакт между представителями компаний обеих стран состоялся, видимо, в 1827 г., когда главный правитель Компании Гудзонова залива Джордж Симпсон посетил русскую крепость Росс в Калифорнии, изучая пушные ресурсы и знакомясь с торговлей края[10]. Прознав о затруднении русских в снабжении собственных колоний, он в 1829 г. послал на судне «Кэдборо» своего родственника лейтенанта Эмилиуса Симпсона, в столицу русских владений в Америке — Ново-Архангельск. Лейтенант должен был от лица КГЗ предложить российской администрации снабжать русские колонии продовольствием и товарами

---

[8] **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — Прилож. — С. 63–66; **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 127.

[9] **Пасецкий В.М.** Арктические путешествия россиян. — М., 1974. — С. 117, 124.

[10] **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 137–138.

в обмен на меха и векселя, выдаваемые на Главное правление в Петербурге[11].

Джордж Симпсон не был альтруистом. Просто помимо определенных чисто коммерческих выгод заключение соглашения с русскими помогло бы вытеснить с Северо-Западного побережья главных конкурентов КГЗ — морских торговцев США, доставлявших на своих кораблях продовольствие и товары в российские колонии и заодно приобретавших пушнину у береговых индейцев. Симпсон надеялся, что, перехватив инициативу у предприимчивых американских капитанов, он таким образом лишит их повода посещать берега Северо-Западной Америки. Однако главный правитель российских колоний П.Е.Чистяков учтиво отклонил его предложения, так как заключение подобного контракта с компанией Гудзонова залива было вне его компетенции. Правда, в своем донесении в Петербург Чистяков писал, что предложения англичан выгодны для Российско-американской компании не только по экономическим соображениям, но и в политическом плане, поскольку заключение договора могло стать известной гарантией неприкосновенности Русской Америки в случае войны между Великобританией и Россией. Кроме того, он, как и Дж.Симпсон, считал, что союз российской и английской компаний сулит обеим сторонам большие выгоды во взаимоотношениях с независимыми, воинственными индейцами северо-западного побережья[12].

Проанализировав это донесение и пересланные с ним письма от Дж.Симпсона[13], Главное правление РАК отметило, что хотя предложения КГЗ по снабжению русских колоний достаточно выгодны, однако полностью положиться на британскую сторону в этом вопросе достаточно рискованно. Поэтому директора РАК рекомендовали новому правителю Русской Америки барону Фердинанду Петровичу Врангелю проявить в этом деле максимум осторожности, не отказываясь в то же время от выгодных контрактов с англичанами. Для уточнения позиций последних ГП намеревалось наладить прямой контакт со штаб-квартирой КГЗ в Лондоне[14].

Однако эти попытки Главного правления не принесли желаемого успеха. Его переписка с КГЗ по поводу снабжения русских ко-

---

[11] **Перевод письма Дж.Симпсона Главному правлению РАК от 20 марта 1829 г.** хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА). — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1291. — Л. 2–3 об.

[12] **Гринёв А.В.** Взаимоотношения Российско-американской компании и компании Гудзонова залива: проблема англо-русских контактов в Северной Америке (1821–1867) // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. — Барнаул, 1996. — С. 68.

[13] См. **копии писем Дж.Симпсона на английском языке от 20 марта и 16 декабря 1829 г. и их переводы** // NARS. — RRAC. — R. 7. — P. 25–30.

[14] **ГП — Ф.П.Врангелю, 21 марта 1830 г.** // Ibid. — P. 20–22.

лоний товарами и продовольствием зашла фактически в тупик, так как англичане отказывались от поставок главной продовольственной статьи — хлеба, а за доставку мануфактурных товаров предлагали расплачиваться мехами по колониальным (т.е. заниженным) ценам. Пойти на такой невыгодный товарообмен РАК не могла. «А из сего следует, — писали директора Врангелю, — что из предложения Гудзонской Компании на первый случай мы не можем извлечь никакой пользы»[15]. Впрочем, добавляли директора РАК, если у самого Врангеля возникнет потребность в приобретении каких-либо товаров у англичан, то он может это сделать, но не иначе, как на векселя с переводом на Главное правление в Петербурге.

Со своей стороны, Ф.П.Врангель выражал осторожный оптимизм относительно возможностей сотрудничества с англичанами, по крайней мере в сфере торговли с независимыми индейскими племенами северо-западного побережья. По этому поводу он писал директорам РАК в донесении от 30 апреля 1831 г.: «Чрез новое заселение Гудзонской Компании в Observatory Inlet (Форт-Насс. — *А.Г.*), может быть, действуя в одном духе с Российско-Американской компанией, несколько ограничится продажа огнестрельных снарядов (индейцам. — *А.Г.*), и я почитаю весьма не лишним войти с оною Компанией в дружеские связи, как ею предложено было»[16].

Однако уже через год директора уведомляли главного правителя Русской Америки, что всякая связь со штаб-квартирой КГЗ окончательно утеряна, «и нет надежды, чрез переписку отсель войти с тою Компанией в какие-либо полезные связи по видам торговым»[17]. С другой стороны, руководство РАК предупреждало Врангеля, что англичане будут всемерно стараться захватить в свои руки всю торговлю с туземцами на территории Юго-Восточной Аляски. И если ГП в принципе не возражало против покупки у КГЗ продовольствия на векселя, то было категорически против закупок у нее товаров для торговли с индейцами. «Это значило бы, — писали директора РАК, — попасть по торговле с Колошами в совершенную зависимость от Англичан, а тогда самое соперничество с нашей стороны в сей торговле послужило бы к их же пользе, а для нас к одному только вреду»[18].

Подобные послания Главного правления РАК, а еще более — быстрое продвижение англичан к границам Русской Америки и появление их торговых судов в проливах архипелага Александра не на шутку встревожили колониальное начальство. В такой ситуации даже соблазнительное предложение англичан совместными усили-

---

[15] **ГП — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1831 г.** // Ibid. — P. 252–253.
[16] **Ibid.** — R. 33. — P. 138.
[17] **ГП — Ф.П.Врангелю, 24 марта 1832 г.** // Ibid. — R. 8. — P. 125.
[18] **ГП — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1833 г.** // Ibid. — P. 307.

ями вытеснить с северо-западного побережья американских торговцев-конкурентов не находило должного отклика у руководства РАК. Для русских, по меткому выражению Дж.С.Гэлбрайта, привлекать Компанию Гудзонова залива для вытеснения американцев было равносильно «приглашать тигра для расправы с волками»[19].

Заветной мечтой руководства КГЗ была монополизация пушной торговли на всем северо-западном побережье от Калифорнии на юге до горы Св.Ильи (60° с.ш.) на севере, уже на территории Русской Америки. Для успешной борьбы с конкурентами агенты КГЗ разработали специальный гибкий тариф за индейскую пушнину и приступили к строительству факторий на тихоокеанском побережье. Последние в комбинации с судами компании смогли бы пресечь утечку мехов из глубин материка на побережье в руки американцев и русских. Еще в 1827 г. в устье р. Фрейзер был основан Форт-Лэнгли, в 1831 г. англичане соорудили Форт-Насс в устье одноименной реки, а в 1833 г. — Форт-Мак-Логлин и Форт-Нисквалли[20]. В 1831 г. лейтенант Э.Симпсон исследовал на судне КГЗ «Кэдборо» район впадения в океан р.Стикин (в русских документах — Стахин), верховья которой находились в британских владениях, а устье — на территории Русской Америки. Согласно собранным Э.Симпсоном сведениям, американские морские торговцы ежегодно выменивали у местных индейцев от трех до четырех тысяч бобровых шкурок. Для того, чтобы лишить американцев и русских одного из богатых источников пушнины, Симпсон решил основать торговый пост в верховьях реки. Этим планом он неосторожно поделился с Ф.П.Врангелем, когда на обратном пути зашел в Ново-Архангельск[21].

Барон был встревожен такими перспективами, тем более, что Российско-американская компания не могла успешно конкурировать с КГЗ в торговле с независимыми индейскими племенами северо-западного побережья. Ее товары были более низкого качества, а транспортные издержки — в 2–3 раза выше, чем у англичан[22]. В связи с этим главный правитель Русской Америки запрашивал разрешения директоров РАК продавать индейцам спиртные напитки для снижения торговых расходов и более действенной конкуренции с англичанами, которые не брезговали спаивать туземцев, несмотря на прямое нарушение Конвенции 1825 г., заключенной между Россией и Великобританией. Однако директора РАК не дали на это своей санкции до истечения срока Конвенции в 1835 г., хотя и соглашались во многом с мнением Врангеля. «Вы справедливо замечаете, — писали директора РАК, — что Компания не должна оставаться страдательной свидетельницей действия Англичан, кло-

---

[19] **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 142–143.
[20] **Ormsby M.A.** British Columbia: A History. — Vancouver, 1958. — P. 68.
[21] **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 143–144.
[22] **Gibson J.R.** Imperial Russia in Frontier America. — N.Y., 1976. — P. 200.

нящегося к явному возобладанию всей Колошенской торговлей в границах наших и почти пред нашими глазами, что непременно должно принять меры дабы противостать им и что, наконец, для достижения сего необходимо нужно иметь в колониях достаточный запас товаров на Колошенскую руку»[23].

С другой стороны, считали директора РАК, сами англичане скоро будут не в состоянии поддерживать явно убыточный для них завышенный тариф за индейскую пушнину. Кроме того, приближалось окончание срока свободной торговли в Юго-Восточной Аляске, введенной на 10 лет по англо-русской Конвенции 1825 г. А после этого ГП готово было дать Ф.П.Врангелю полную свободу рук в торговых операциях с независимыми тлинкитами. Директора советовали Врангелю немного потерпеть: «Срок Конвенции кончается скоро и, в случае торговли с Колошами, Вам предоставляется полное право продавать Колошам не только крепкие напитки, но и самое огнестрельное оружие и снаряды...»[24].

Однако подобные увещевания не могли оказать на Врангеля существенного воздействия, поскольку он непосредственно и весьма конкретно ощущал усиление торговой экспансии компании Гудзонова залива на сопредельных территориях, а то и прямо в прибрежных водах Русской Америки. Еще более усилились опасения главного правителя в 1832 г., когда агент КГЗ Питер Скин Огден с отрядом англичан прибыл к устью р.Стикин и поднимался по ее течению вверх на гребных судах. Побывав затем в Ново-Архангельске, Огден во время своих переговоров с Врангелем сообщил ему о том, что для успешного соперничества с американскими торговцами он разрешил своим людям продавать местным индейцам ром, порох и оружие, как писал позднее Врангель в Петербург «к великому убытку нашей Российско-Американской компании»[25]. Наконец, осенью 1833 г. Огден с партией служащих КГЗ вновь поднимался вверх по Стикину, где присмотрел удобное для поселения место в черте британских владений.

Русским необходимо было срочно принимать какие-то меры, но до 1833 г. у них почти не было возможности противодействовать напору англичан. «Послать судно к Колошам я не решился в 1832 г., — сообщал Ф.П.Врангель в Главное правление, — потому что решительно не имелось товаров на колошенскую руку в здешних магазинах»[26]. Однако получив осенью 1832 г. товары, доставленные

---

[23] **ГП — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1833 г.** // NARS. — RRAC. — R. 8. — P. 327.

[24] **Ibid.** — P. 329.

[25] **ГП — Е.Ф.Канкрину, 27 ноября 1834 г.** // АВПРИ. — Ф.РАК. — Д. 351. — Л. 6.

[26] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 10 апреля 1834 г.** // NARS. — RRAC. — R. 36. — P. 35.

в Ново-Архангельск на военном транспорте «Америка», а также закупив их у американских торговцев с корабля «Корнарвон», Врангель смог в 1833 г. отправить бриг «Чичагов» для торговли с тлинкитами в проливы арх. Александра. Командовал бригом помощник Врангеля капитан-лейтенант А.К.Этолин. 3 апреля судно оставило порт, а 26 мая возвратилось благополучно в Ново-Архангельск. Этолин с успехом справился с возложенным на него поручением. Ему удалось даже предварительно договориться с вождями тлинкитов, живших в устье р.Стикина (Стахина) об основании у них русского поселения. Впрочем, стикинцы не возражали и против присутствия здесь и английской фактории компании Гудзонова залива[27].

Эти новости побудили Врангеля ускорить события. В устье Стикина 28 августа 1833 г. был вновь отправлен бриг «Чичагов» с необходимыми материалами и людьми под начальством лейтенанта Д.Ф.Зарембо. Вскоре по его прибытии на место там был заложен редут, введение которого продолжалось всю осень и зиму. 8 марта 1834 г. бриг возвратился в Ново-Архангельск. Зарембо доложил Врангелю, что основные постройки фактории закончены и сданы на сохранение лояльным стикинским вождям. Кроме того, корабль доставил более 1000 бобровых шкурок, купленных у индейцев во время зимовки[28].

2. Стикинский инцидент и его последствия

Новое укрепление в устье Стикина было названо редутом Св.Дионисия (Дионисиевским) и в мае 1834 г. под командованием Д.Ф.Зарембо туда был направлен гарнизон (22 человека) на бриге «Чичагов», а также пушки для вооружения деревянных башен укрепления. В своем предписании Д.Ф.Зарембо и служащим редута Ф.П.Врангель специально указывал на необходимость поддержания с местными тлинкитами мирных и дружественных отношений. В случае появления англичан в районе устья Стикина главный правитель высказался достаточно однозначно: «Буде же Англичане захотят поселиться вверх по реке Стахин, то старайтесь сему воспрепятствовать, не позволяя им въезжать в устье»[29].

Вслед за бригом «Чичагов» в проливы арх. Александра для торговли с тлинкитами Врангель послал только что построенную в Ново-Архангельске шхуну «Чилькат» под командованием прапорщика Корпуса флотских штурманов Кузнецова. «Начав теперь торговлю в проливах, состязательную с Гудзонской компанией, — писал

---

[27] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 28 апреля 1834 г.** // Ibid. — P. 173–174.
[28] **Ibid.** — P. 174.
[29] **Ф.П.Врангель — Д.Ф.Зарембо, 16 мая 1834 г.** // Ibid. — P. 306.

Врангель Главному правлению РАК, — нам должно непременно ее некоторое время выдержать, чтобы не повредить успешному начинанию, и потому Главное правление поступит согласно с выгодами Компании, если снабдит колонии товарами на Колошенскую руку, прибавя к прежним моим требованиям для колоний именно на предмет торговли в проливах тысяч на 40 рублей (по колониальным ценам) полосатых или пестрых одеял, выбоек, охотничьих легких ружей, чугунных котлов, горностаев (коих мною чрез Охотскую контору ныне требуется тысячи две) и разного платья с толкучего рынка»[30].

Плавание прапорщика Кузнецова на шхуне «Чилькат» преследовало не только торговые цели. Он должен был специально побывать в районе зал. Линн-Ченнел у лояльного к русским вождя тлинкитов-чилкатцев Анахуца. У индейского старейшины следовало выяснить, каким образом к береговым тлинкитам попадает пушнина от внутриматериковых племен. Вслед за тем Кузнецов должен был обследовать лежащий южнее зал. Таку, где также начинался торговый путь в глубины материка[31]. А уже после этого Кузнецову было предписано отправиться на юг и сменить Зарембо в Дионисиевском редуте. Здесь экипаж шхуны обязан был остаться на зимовку для подкрепления гарнизона[32].

Экспедиции прапорщика Кузнецова руководство РАК придавало большое значение. В перспективе предполагалось выстроить к северу от Дионисиевского редута еще несколько укрепленных русских факторий при устьях относительно крупных рек Юго-Восточной Аляски — Чилката и Таку. Возведение этих торговых постов должно было послужить как для противодействия возможным попыткам англичан продвинуться по их течению в британские владения, так и для приобретения мехов, поступающих на побережье от внутриматериковых охотничьих племен[33].

Занятие же Дионисиевского редута произошло весьма своевременно. Уже 18 июня 1834 г. у русского укрепления появилось судно компании Гудзонова залива «Дриад», на котором находился П.С.Огден с отрядом англичан, целью которых было основание в верховьях Стикина британской фактории. Находившийся в это время у редута на 14-пушечном бриге «Чичагов» Д.Ф.Зарембо запретил, однако, англичанам плыть вверх по реке, ссылаясь на инструкцию Врангеля и 2-ю статью англо-русской Конвенции 1825 г. Агенты КГЗ впоследствии утверждали, что лейтенант Зарембо угрожал в случае непо-

---

[30] **Ibid.** — P. 176–177.

[31] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 28 апреля 1834 г.** // NARS. — RRAC. — R. 26. — P. 172–174.

[32] **Ф.П.Врангель — Кузнецову, 16 мая 1834 г.** // Ibid. — P. 294–301.

[33] **ГП РАК — Департаменту мануфактур и внутренней торговли, 26 ноября 1835 г.** // АВПРИ. — Ф.РАК. — Д. 351. — Л. 30 об.–31; **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 264–267.

виновения силой остановить их продвижение по Стикину. Переговоры осложнялись тем, что никто из русских не знал английского языка, а из англичан — русского, и диалог велся большей частью через случайных переводчиков на ломаном испанском[34].

Переговоры ни к чему не привели, и в Ново-Архангельск была послана лодка с донесением Зарембо и письменным протестом Огдена главному правителю Русской Америки по поводу самоуправства его подчиненных[35]. Между тем англичане чувствовали себя неуютно у Дионисиевского редута: неприязнь русских дополнялась открытой враждебностью тлинкитов-стикинцев, хорошо вооруженных русскими и американскими ружьями. Англичане полагали, что лейтенант Зарембо специально настраивал против них воинственных индейцев[36]. На самом деле, в этом не было большой нужды: тлинкиты хорошо понимали, что устройство британской фактории в верховьях реки подорвет их торговую монополию на вымен пушнины у внутриматериковых племен. Полученные таким образом меха сами стикинцы в свою очередь выгодно перепродавали затем американским морским торговцам и приказчикам Российско-американской компании. Поэтому неслучайно стикинские вожди Шекс (Шейкс, Шекж) и Анакаджо, явившись на переговоры с Огденом, в резких выражениях потребовали от англичан очистить р.Стикин. «Лишая нас нашей торговли, — заявили индейцы, — вы хотите довести нас до положения рабов»[37].

Объективное совпадение интересов стикинцев и русских в вопросе противодействия попыткам англичан закрепиться в верховьях Стикина не было секретом и для колониального начальства. Помощник главного правителя Русской Америки А.К.Этолин писал по этому поводу Д.Ф.Зарембо 19 июня 1834 г: «Известие ваше о хорошем расположении к нам стахинских тоенов и мысли их насчет заселения англичан несколько утешительны; они, конечно, имеют полное право воспрепятствовать англичанам водворяться вверх по реке Стахин, ибо это отнимет от них всю их промышленность и выгоды, от того происходящие»[38]. Позднее стикинцы настоятельно просили главного правителя Ф.П.Врангеля не пропускать британцев вверх по реке[39].

---

[34] **P.S.Ogden — J.Palmerston, 24 October 1835** // АВПРИ. — Ф.РАК. — Д. 351. — Л. 46–47.

[35] **P.S.Ogden — F.von Wrangell, 20 June 1834** // Там же. — Л. 54–55.

[36] **Barratt G.** Russian Shadows on the British Northwest Coast of North America, 1810–1890. — Vancouver, 1983. — P. 26–27.

[37] **Fisher R.** Contact and Conflict: Indian-European Relations in British Columbia, 1774–1890. — Vancouver, 1977. — P. 32.

[38] **NARS.** — RRAC. — R. 36. — P. 427.

[39] **ГП РАК — Е.Ф.Канкрину, 14 ноября 1835 г.** // NARS. — RRAC. — R. 10. — P. 61; **Гринёв А.В.** Товарообмен между индейцами тлинкитами и атапасками Скалистых гор в XIX в. // СЭ. — 1986. — № 5. — С. 119.

без каких-либо новых инструкций для Д.Ф.Зарембо и с отказом П.С.Огдену в его протесте — в возникшем инциденте барон Врангель встал полностью на сторону своего помощника. Долгие дни напряженного ожидания деморализовали англичан: Огден решил не искушать судьбу и вернуться назад на британскую территорию. Отправившись на юг, он вместе с подчиненными ему людьми заложил у самой русской границы новый торговый пост — Форт-Симпсон. Служащие РАК внимательно следили за всеми действиями британцев. Когда Огден 30 июля послал маленькую партию своих людей на заготовку бревен для форта на русский берег пограничного зал. Портленд-Ченнел, они вынудили англичан убраться на свою территорию[40].

В сентябре 1834 г. Огден опять прибыл в Ново-Архангельск, где вел переговоры с Ф.П.Врангелем относительно стикинского инцидента, обвиняя русских в нарушении статей 6, 7 и 11 англо-русской конвенции 1825 г., т.е. о свободе торговли в российских колониальных владениях для британских подданых до 1835 г. (срок действия этой статьи в 1834 г. еще не истек), о свободном плавании для них по всем рекам Русской Америки, имеющим свой исток на британской территории и, наконец, об отказе применения силы в случае нарушений конвенции со стороны подданных любой из заключивших ее держав[41].

Барон Врангель, хотя и принял гостеприимно Огдена, однако вновь отклонил все его претензии на основании 2-й статьи конвенции. Напомним, что в ней оговаривалось право судов другой державы приставать в районах поселений соседних колоний только с разрешения местного начальства. В письменном ответе Огдену от 19 сентября Врангель сообщал своему британскому оппоненту, «что решительно не дозволяет он иностранным судам приставать к Стахинскому редуту, ниже входить в сию реку (Стикин. — *А.Г.*), присовокупляя однако, что он во всяком случае будет действовать на основании XI статьи вышеозначенной конвенции»[42].

После этой вторичной неудачи на переговорах с русскими агенты Компании Гудзонова залива направили жалобу в Лондон на противоправные действия служащих Российско-американской компании, одновременно требуя возмещения своих убытков от срыва экспедиции на Стикин в размере 22 150 фунтов стерлингов (около 135 тыс.руб.). Директора КГЗ тут же обратились за поддержкой в британское министерство иностранных дел, а оно, в свою очередь,

---

[40] **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 146; **Barratt G.** Op. cit. — P. 28.

[41] **P.S.Ogden — F.von Wrangell, 30 September 1834** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 351. — Л. 56 об.–57.

[42] **Там же.** — Л. 61 об.

выразило свой протест Петербургу по поводу стикинского инцидента. В результате весьма непростые в те годы англо-русские отношения обострились еще больше, что сопровождалось довольно бурной русофобской компанией в британской прессе. Американский посланник в Лондоне даже доносил в Вашингтон, что инцидент в далекой Северо-Западной Америке может стать поводом для войны между двумя державами из-за Босфора и турецких владений. Однако английское правительство не хотело еще в то время идти на риск войны с Россией и предпочло жесткий дипломатический нажим на российский МИД с целью добиться от Российско-американской компании денежной компенсации Компании Гудзонова залива за понесенные ею убытки и принятия мер для предотвращения инцидентов, подобных стикинскому, на будущее время[43].

Переговоры по этому вопросу продолжались несколько лет. Как отмечал Н.Н.Болховитинов, с самого начала британский протест поставил царское правительство в затруднительное положение. Российский министр иностранных дел К.В.Нессельроде доносил императору Николаю I в 1835 г., что при беспристрастном рассмотрении сущности вопроса жалоба Компании Гудзонова залива представляется вполне справедливой. Однако сразу признать правоту англичан Нессельроде не желал и, чтобы затянуть время и сгладить остроту проблемы, занялся многолетней перепиской с представителями британской дипломатии. Одной из целей этой бюрократической процедуры, по признанию самого министра, было желание избавить Российско-американскую компанию от выплат по иску КГЗ. В качестве аргумента Нессельроде ссылался на то обстоятельство, что русские на Стикине выразили только письменный протест и запретили Огдену подниматься вверх по реке, но вовсе не пытались при этом воздействовать на него силой. Со своей стороны российский МИД обещал принять все необходимые меры для предотвращения повторения подобных инцидентов[44].

Что же касается Российско-американской компании, то она с самого начала дипломатических баталий категорически отвергала все обвинения своей британской конкурентки, и прежде всего в имевших якобы место угрозах применить силу против англичан во время стикинского инцидента. Действительно, в письменной декларации Д.Ф.Зарембо П.С.Огдену от 18 июня 1834 г. отсутствуют какие-либо намеки на вооруженные санкции со стороны русских[45]. По мнению руководства РАК, не мнимая русская угроза остановила Огдена, а враждебные намерения стикинских индейцев, хорошо осознаю-

---

[43] **Barratt G.** Op. cit. — P. 30–31, 35.

[44] **Болховитинов Н.Н.** 1990. — С. 29.

[45] См. опубликованную на английском языке декларацию Д.Ф.Зарембо в кн. **Barratt G.** Op. cit. — P. 145.

щих свои экономические интересы[46]. И в этом была доля истины. Неслучайно, как отмечает английский историк Э.Э.Рич, в переданном министру иностранных дел лорду Палмерстону рапорте П.С.Огдена с жалобой на неправомерные действия РАК, британская компания вычеркнула ту часть, в которой речь шла о противостоянии с индейцами. Таким образом, КГЗ гарантировала себе правительственную поддержку, ведь виновными во всем случившемся становились одни русские[47].

Необходимо подчеркнуть, что «индейский фактор» играл весьма заметную роль в англо-русских отношениях в Америке. Ведь именно от местных жителей обе меховые монополии получали свой главный товар — пушнину, за счет продажи которой они и существовали. Кроме того, при малочисленности европейского населения индейцы могли легко склонить чашу весов на ту или иную сторону в случае открытого противоборства. Поэтому и русские и англичане стремились сделать их своими союзниками. Так, например, уже весной 1835 г. стикинские тлинкиты стали проявлять недовольство русскими из Дионисиевского редута. Причинами этого, как удалось выяснить колониальному начальству, были подстрекательства Огдена через посредничество живших у Форт-Симпсона индейцев цимшиан и подкуп англичанами стикинских вождей. Русские отреагировали быстро: в редут были переброшены дополнительные подкрепления, и стараниями Д.Ф.Зарембо назревающий конфликт был улажен[48].

Эти происки англичан не могли добавить дружелюбия руководству Российско-американской компании. Ф.П.Врангель отмечал, что хотя обострение отношений с индейцами осложнит деятельность компании, но не принесет британской стороне однозначных выгод, «ибо необходимость в собственной защите понудит наше колониальное начальство прибегать со временем к таким средствам, от коих оно доселе удерживалось и платить агентам Гудзонбайской компании той же монетою»[49].

Вызывала протесты РАК и незаконная продажа англичанами оружия и спиртного индейцам российских владений, что являлось прямым нарушением Конвенции 1825 г. При этом, как говорилось в документах РАК, компания понесла не только материальный, но и моральный урон, так как «туземцы озлобились противу нас, упрекая в притеснении в противность поступкам Англичан, наделяющих

---

[46] **К.В.Нессельроде — Е.Ф.Канкрину, 19 марта 1837 г.** // АВПРИ. — Ф.РАК. — Д. 351. — Л. 108–109; **Записка Ф.П.Врангеля от 25 марта 1838 г.** // Там же. — Л. 131.

[47] **Rich E.E.** The History of the Hudson's Bay Company, 1670–1870. — London, 1959. — Vol. 2. — P. 637.

[48] **Обзор деятельности РАК в 1834–1835 гг.** // РГИА. — Ф. 994. — Оп. 2. — Д. 859. — Л. 10–10 об.

[49] **АВПРИ.** — Ф.РАК. — Д. 351. — Л. 7.

их всем, что дикари ни пожелают»[50]. Указывая на эти обстоятельства, РАК считала, что если признать законность иска КГЗ по поводу стикинского инцидента, то и ей самой причитается возмещение за ущерб, нанесенный в результате нелегальной торговли англичан[51]. Справедливости ради надо отметить, что позиция самой Российско-американской компании в этом вопросе была не совсем безупречна: еще в своем апрельском донесении за 1834 г. в Главное правление Ф.П.Врангель, жалуясь на высокую стоимость индейской пушнины, писал, что вынужден продавать туземцам ром с целью уменьшения торговых расходов[52].

Для противоборства британской экспансии и для пресечения иностранной торговли в южных проливах архипелага Александра колониальное руководство во время летней навигации ежегодно посылало в этот район хорошо вооруженные суда РАК. Во время своего «дежурства» в проливах они базировались в Дионисиевском редуте или во временном посту в зал. Тонгасс у самых южных рубежей Русской Америки. В 1836 г. оттуда после настоятельных требований русских было выдворено судно компании Гудзонова залива «Лама»[53]. В то же время Главное правление РАК в Петербурге предписало колониальным властям более не препятствовать англичанам в их попытках подняться вверх по р. Стикин, но внимательно следить за ними на предмет незаконной продажи местным индейцам огнестрельного оружия[54].

Русские, стремясь не допустить утечки мехов к англичанам из своих владений, пользовались любой возможностью для вымена пушнины у тлинкитов. Причем в ход шел даже ранее запрещенный к продаже индейцам ром. Так, И.А.Купреянов в 1836 г. приказывал лейтенанту Д.Ф.Зарембо после захода в Дионисиевский редут на бриге «Чичагов» посетить еще два тлинкитских селения в надежде, что тут можно будет перехватить пушнину с р. Чилкат, перевозимую на юг к англичанам. «В случае необходимости, — предписывал Купреянов Зарембо, — можете давать и небольшой лишек против таксы ромом»[55].

Со своей стороны британцы, несмотря на неудачу у Стикина в 1834 г., не отказывались заполучить пушнину береговых тлинкитов и индейских племен Скалистых гор. Один из агентов Компании

---

[50] **Записка о спорном деле между Российско-американской и английской Гудзонской компаниями (около 1838 г.)** // Там же. — Л. 141–141 об.

[51] **Болховитинов Н.Н.** 1990. — С. 30.

[52] **NARS.** — RRAC. — R. 38. — P. 173.

[53] **Rich E.E.** The History of the Hudson's Bay Company... — P. 642.

[54] **ГП РАК — И.А.Купреянову, 12 марта 1836 г.** // NARS. — RRAC. — R. 10. — P. 42.

[55] **И.А.Купреянов — Д.Ф.Зарембо, 5 октября 1836 г.** // Ibid. — R. 38. — P. 319.

Гудзонова залива Джон Уорк писал в 1835 г., что будет давать приезжающим к нему стикинцам и другим индейцам из русских владений по три галлона ликера за одну шкурку речного бобра вместо двух, а управляющий Форт-Симпсон доктор Дж.Кеннеди покупал у индейцев кайгани каланью шкуру за 10 одеял, лишь бы она не досталась приказчикам РАК или американским торговцам[56]. И такая политика КГЗ приносила свои плоды. Главный правитель Русской Америки И.А.Купреянов отмечал в 1839 г.: «Год от году вижу более и более привлекаются Колоши (тлинкиты и кайгани. — *А.Г.*) из наших мест на Английскую границу, и чтобы наконец не было поздно, должно и ныне с нашей стороны поддержаться товарами»[57].

Перспектива сооружения британской фактории в верховьях Стикина беспокоила директоров РАК. Это грозило компании не только потерей пушнины, но и обнищанием проживавших на русской территории стикинских торговцев-посредников. Хорошо вооруженные тлинкиты, как опасалось руководство РАК, лишившись дохода от товарообмена с внутриматериковыми племенами, могли решиться компенсировать свои потери за счет грабежа и разбоя, что непременно сказалось бы на безопасности европейских поселений в том регионе[58]. Стремясь заручиться поддержкой индейцев, колониальное начальство одаривало стикинских вождей, наиболее лояльных из них награждало серебряными медалями и грамотами, поощряло развитие индейской торговли, выдавая стикинцам русские товары под залог. Некоторых тлинкитов русские использовали в качестве тайных осведомителей, которые во время своих морских путешествий на юг вдоль северо-западного побережья в британские торговые фактории должны были вызнавать о намерениях англичан и их политике в отношении местных индейцев[59].

Главным форпостом противодействия английской экспансии продолжал оставаться в 1830-е гг. Дионисиевский редут. С легкой руки ревизора деятельности РАК П.Н.Головина, в литературе утвердилось мнение об его убыточности для компании[60]. Это, однако, не совсем верно. Хотя содержание редута и гарнизона обходилось РАК

---

[56] **Gibson J.R.** Bostonians and Muscovites on the Northwest Coast, 1788–1841 // The Western Shore: Oregon Country Essays (ed. by T.Vaughan). — Portland, 1975. — P. 114; **Fisher R.** Op. cit. — P. 28–29.

[57] **NARS.** — RRAC. — R. 42. — P. 403.

[58] **ГП РАК — Е.Ф.Канкрину, 14 ноября 1835 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 351. — Л. 25 об.

[59] **Гринёв А.В.** — С. 148, 151, 270–273.

[60] **Головин П.Н.** Обзор русских колоний в Северной Америке // МС. — 1862. — Т. LVI. — Ч. III. — С. 140; **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 269; **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 157; **Gibson J.R.** Furs and Food: Russian America and the Hudson's Bay Company // Russian America: The Forgotten Frontier (ed. by B.S.Smith and R.J.Barnett). — Tacoma, 1990. — P. 45.

в среднем по 20 тыс.руб. ассигнациями в год (около 12 тыс. руб. серебром), тем не менее приказчики компании приобретали здесь мехов ежегодно на 70 тыс.руб.(ассигнациями). Именно из Дионисиевского редута русские получали особо ценные шкурки «стахинских выдр», которые, по отзыву Кяхтинской конторы РАК, были «отменной доброты против обыкновенных» и шли в торговлю по 78 руб. вместо 45 руб., соответственно[61]. Но особенно много выменивалось у стикинцев речных бобров, причем по большей части с английской территории, из чего компания, как говорилось в официальном отчете РАК, «извлекала немаловажную выгоду»[62]. Кроме того, при Дионисиевском редуте была налажена выделка кирпича, поставлявшегося затем в Ново-Архангельск.

Между тем директора Компании Гудзонова залива, наряду с усилиями на дипломатическом фронте в Европе, не оставляли надежд достичь приватного соглашения с Российско-американской компанией на Аляске и инструктировали своих агентов избегать столкновений с русскими. Появление летом 1836 г. на северо-западном побережье двух американских судов, экипажи которых принялись алчно скупать пушнину у береговых индейцев, еще более усилило желание руководства КГЗ прийти к соглашению с РАК. Агент КГЗ Дункан Финлайзон тут же отправился на пароходе «Бивер» в Ново-Архангельск для возобновления переговоров и повторил старые предложения Симпсона о взаимной кооперации двух компаний ради изгнания опасных конкурентов — американских торговцев[63].

Однако руководство РАК продолжало относиться с подозрениям к англичанам и полностью разделяло мнение главного правителя И.А.Купреянова о нежелательности торговых контактов с ними. «Главное Правление совершенно согласно с Вами, — писали директора Купреянову, — что не должно вступать в связи с Англичанами относительно доставки нам товаров. Если бы для отстранения Американцев они и доставили на первый раз исправно груза два, то в последствии они вероятно захотят содержать нас в своих руках и когда не сочтут за нужное дать, то могут и отговориться разными предлогами»[64].

Однако англичане проявляли редкую настойчивость. Причем в ход пошли не только дипломатия и торговые посулы, но и более весомые аргументы. В 1836 г. на северо-западное побережье для гидрографических исследований и сбора данных о русских колониях в Америке отправился британский военный шлюп «Сальфур» под

---

[61] **И.А.Купреянов — Д.Ф.Зарембо, 25 марта 1836 г.** // NARS. — RRAC. — R. 38. — P. 35.

[62] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — С. 62.

[63] **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 148; **Barratt G.** Op. cit. — P. 35.

[64] **ГП РАК — И.А.Купреянову, 5 августа 1837 г.** // NARS. — RRAC. — R. 1. — P. 481.

командованием капитана Эдварда Бельчера в сопровождении шхуны «Стерлинг». Изучая побережье Аляски, Бельчер дважды побывал в Ново-Архангельске (в 1837 и 1839 гг.), а также посетил другие российские поселения в Америке, включая и селение Росс в Калифорнии. Хотя он и не заметил никаких военных приготовлений в Русской Америке, но и не развеял полностью невероятный слух о том, что русские, несмотря на Конвенцию 1825 г., возобновили свою экспансию вдоль побережья на юг из огромного поселения в зал.Нутка на о-ве Ванкувер. Эта фальшивка циркулировала в британских владениях вплоть до 1841 г.[65]

Соответствующая информация наполняла в те годы и английскую прессу. В ней российские колонии на Аляске представлялись военизированными поселениями, а Ново-Архангельск — мощной крепостью, гнездом русского милитаризма на северо-западном побережье. В британских газетах упоминалось даже о намерении русских захватить зал. Сан-Франциско в Калифорнии[66]. На самом же деле находившийся в 40 милях к северу от этого залива маленький анклав РАК в виде крепости Росс не представлял никакой военной угрозы. В этом мог лишний раз убедиться агент КГЗ Мак-Леод, побывавший там на судне «Кэдборо» в 1838 г. для снабжения товарами и продовольствием трапперов и торговцев своей компании, ведущих добычу пушнины в Калифорнии. Здесь он повстречал совершавшего инспекционную поездку главного правителя Русской Америки И.А.Купреянова, который сообщил Мак-Леоду, что получил указания из Петербурга открыть для навигации р. Стикин, и теперь англичане в любой момент могут основать там свой торговый пост[67].

Обострение англо-русского соперничества в Северной Америке во второй половине 1830-х гг. активизировало географические изыскания Российско-американской компании и Компании Гудзонова залива. Агенты последней — Питер Диз и Томас Симпсон — в 1837 г. исследовали побережье Ледовитого океана, дойдя на западе до мыса Барроу на территории Русской Америки. Почти одновременно, в 1838 г., РАК отправила в байдарочную экспедицию под начальством А.Ф.Кашеварова для изучения и картографирования арктических берегов Аляски, а П.В.Малахов достиг устья р. Нулато, впадавшей в Юкон более чем в 600 км от его устья. В этом же году агент КГЗ Роберт Кэмпбелл, стремясь попасть в бассейн Стикина с востока (с запада, со стороны устья реки, район блокировали русские и тлин-

---

[65] **Barratt G.** Op. cit. — P. 32.

[66] См., например: **Окончательное обозрение северных берегов Америки П.В.Дизом и Т.Симпсоном летом и осенью 1837 г.** // СО. — 1839. — Т. VII. — С. 104–105.

[67] **Rich E.E.** Op. cit. — P. 647.

киты), основал маленькую факторию на оз.Диз. Правда, через несколько месяцев англичане были изгнаны оттуда местными индейцами из-за подстрекательств тлинкитских торговцев — стикинцев, справедливо опасавшихся за свою монополию на товарообмен с внутриматериковыми племенами. Покинув факторию на оз.Диз, Кэмпбелл и его люди несколько дней блуждали в верховьях Стикина, пока напрямую не столкнулись со стикинцами во главе с их вождем Шексом, менявшим русские товары на пушнину. Тлинкиты были настроены столь враждебно, что от резни англичан спасло только дружеское расположение к ним женщины-вождя местных индейцев талтан[68].

3. Заключение соглашения 1839 г. и начало эры сотрудничества

Между тем переговоры по поводу стикинского инцидента входили в свою заключительную фазу. Тактика проволочек и встречных претензий, которую избрал глава российского МИД К.В.Нессельроде, разбивалась об упорство британской дипломатии. Столь же непримиримой была и позиция Российско-американской компании, не желавшей идти ни на какие уступки и компромиссы. Ф.П.Врангель писал весной 1838 г.: «... Согласие с нашей стороны на нахальное требование Гудзонской компании было бы не токмо тягостно для Российско-Американской компании до разорения, но и несправедливо против ее в высочайшей степени»[69]. Правда, уже в это время Нессельроде, который устал от бесплодных объяснений с британским посланником, сообщил Главному правлению РАК, что не только он сам, но и император склоняются к выплате по иску Компании Гудзонова залива[70].

Однако Российско-американской компании повезло. К лету 1838 г. терпение иссякло не только у царя и его министра, но и у руководства КГЗ, которое решило договориться напрямую с Главным правлением РАК, минуя неповоротливую официальную дипломатию. С этой целью в августе в Санкт-Петербург прибыли с частным визитом директора КГЗ Дж.Симпсон и Дж.Х.Пелли для переговоров по всему комплексу вопросов: раздел сфер влияния, ликвидация взаимных претензий, вытеснение американских конкурентов и налаживание взаимовыгодной торговли. Во время бесед с представи-

---

[68] **Simpson G.** Narrative of a Journey round the World during the Years 1841 and 1842. — London, 1847. — Vol. 2. — P. 211; **Andrews C.L.** The Story of Alaska. — Caldwell, 1947. — P. 103.

[69] **АВПРИ.** — Ф.РАК. — Д. 351. — Л. 131.

[70] **Болховитинов Н.Н.** 1990. — С. 36.

телями РАК баронет Пелли, в частности, утверждал, что достижение соглашения между компаниями позволит им сэкономить значительные средства, уменьшив до необходимого минимума количество факторий, судов и служащих[71]. Переговоры успешно завершились в ноябре 1838 г., а их результат был полностью одобрен Нессельроде[72] и утвержден царем 6 января 1839 г.

Окончательно соглашение между РАК и КГЗ было заключено в Гамбурге 25 января (6 февраля) 1839 г. По иронии судьбы с российской стороны его подписал ярый противник английской экспансии в Америке — барон Ф.П.Врангель, а с британской — Дж.Симпсон. Документ включал в себя следующие положения: Компания Гудзонова залива получала от Российско-американской компании в аренду на 10-летний срок (начиная с 1 июня 1840 г.) всю материковую полосу российских владений в Америке от зал. Портленд-Ченнел (54°40' с.ш.) на юге до мыса Спенсер (58° с.ш.) на севере вместе с Дионисиевским редутом за ежегодную плату в 2000 выдровых шкурок, что составляло приблизительно 118 000 руб. (ст.1). При этом РАК должна была воздерживаться от торговли с индейцами британских владений и арендной полосы, а КГЗ, в свою очередь, — от приобретения мехов у туземцев русских территорий (ст.2). В 4-й статье соглашения говорилось о поставках в Русскую Америку продовольствия (пшеницы, муки, масла и т.д.) со стороны Компании Гудзонова залива по твердо фиксированным ценам. Была также оговорена доставка британских продуктов и товаров в российские колонии на кораблях КГЗ с платой по 13 фунтов стерлингов за тонну груза (ст.5). Особые условия были зафиксированы в 7-й и 8-й статьях соглашения, а именно: если в течение срока действия контракта началась бы война между Великобританией и Россией, то обе компании продолжили бы свои сделки «точно так, как бы оба народа находились в дружественных отношениях» (как говорится, «бизнес превыше всего»). При этом российская сторона брала на себя обязательство «протежировать и покровительствовать» англичанам в районе арендуемой полосы материка, а в случае войны ручалась за безопасность служащих и имущества КГЗ — давалось три месяца для их эвакуации с арендной территории. В 9-й статье указывалось, что Компания Гудзонова залива в результате заключения этого соглашения отказывалась от своего иска к РАК по поводу стикинского инцидента 1834 г.[73] Британская компания могла себе это позволить: в этот период она находилась на вершине своего могущества, ее

---

[71] **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 150; **Gibson J.R.** Imperial Russia in Frontier... — P. 201.

[72] **К.В.Нессельроде — Е.Ф.Канкрину, 4 января 1839 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 351. — Л. 192–193 об.

[73] **Контракт между РАК и КГЗ, 6 февраля 1839 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 351. — Л. 215–221 об.

монопольные привилегии продлевались в 1838 г. еще на 21 год, а прибыли были велики как никогда[74]. Кроме того, как справедливо указывал Дж.Р.Гибсон, противоречия между компаниями не были антагонистичными, поскольку доходы РАК базировались в основном на добыче калана и котика, в то время как для КГЗ главную ценность представляли шкурки речного бобра. Да и рынки сбыта у них были различны: РАК традиционно ориентировалась на Китай и Россию, в то время как КГЗ поставляла меха главным образом в Западную Европу[75].

Нельзя не отметить, что обе стороны остались весьма довольны заключенным контрактом, что отмечалось как в документах РАК, так и в работах историков, изучавших деятельность компании Гудзонова залива[76]. Правда, некоторые отечественные исследователи отрицали этот факт и считали, что соглашение 1839 г. было невыгодно для России, а, кроме того, что оно было продиктовано чисто политическими соображениями, поскольку в это время в Лондоне шли англо-русские переговоры о режиме Черноморских проливов[77]. На самом деле, как справедливо указывал Дж.С.Гэлбрайт, эти переговоры продолжались с августа 1839 по июль 1840 г., а компании достигли принципиального согласия в достижении взаимного компромисса еще в ноябре 1838 г., да и сам текст договора между РАК и КГЗ демонстрирует прежде всего коммерческий, а не политический характер сделки[78].

Соглашение 1839 г. оказало заметное влияние на дальнейшую историю Русской Америки. Контракт с КГЗ о поставках продовольствия позволил РАК отказаться от сотрудничества с американскими морскими торговцами и от своего селения Росс в Калифорнии, которое не оправдало возлагавшихся на него надежд в обеспечении сельскохозяйственными продуктами русских колоний на Аляске[79].

Начало новой эры сотрудничества двух мощных пушных компаний было весьма благоприятным. 10 июля 1840 г. корабль КГЗ

---

[74] **Newman P.C.** Company of Adventurers. — N.Y., 1985. — Vol. 2. — P. 252.

[75] **Gibson J.R.** Furs and Food... — P. 41.

[76] **ГП РАК — Е.Ф.Канкрину, 3 марта 1839 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 351. — Л. 212–213; **Davidson D.C.** Relating of the Hudson's Bay Company with the Russian American Company on the Northwest Coast, 1829–1867 // CHQ. — 1941. — Vol.V. — N 1. — P. 48; **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 157; **Gibson J.R.** Furs and Food... — P. 45.

[77] **Окунь С.Б.** — С. 204; **Макарова Р.В.** Внешняя политика России на Дальнем Востоке: вторая половина XVIII в. — 60-е годы XIX в. — М., 1974. — С. 62; **Алексеев А.И.** Указ. соч. — С. 203; к этому мнению склонялся и британский историк Э.Э.Рич (**Rich E.E.** Op. cit. — P. 653–654).

[78] **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 154–155, 450.

[79] **Gibson J.R.** Imperia Russia in Frontier... — P. 201–202.

«Ванкувер» доставил в Ново-Архангельск первую крупную партию продовольствия, почти 900 кг пороха и 200 одеял для тороговли с тлинкитами. В дальнейшем на протяжении ряда лет такие поставки носили регулярный характер[80]. Англичане предупредительно, 8 (20) февраля 1841 г., т.е. за четыре месяца до оговоренного срока внесли установленную арендную плату. Кроме того, Российско-американская компания, с санкции императора, получила право покупать у британской стороны ежегодно до 5 тыс. выдровых шкурок, первую партию которых РАК приобрела у КГЗ в 1841 г., а затем выгодно перепродала китайцам в Кяхте. Позднее, в 1843 г. представители РАК по соглашению с директорами КГЗ обменяли несколько сот шкурок речных бобров на шкурки речных выдр, добытых в британских владениях. Развивалось сотрудничество даже в медицинской сфере: в 1841 г. из владений Компании Гудзонова залива на Аляску была доставлена «оспенная материя» (ослабленные штаммы вируса оспы) для прививок против этого страшного заболевания, незадолго до того опустошившего Русскую Америку[81].

Заключив взаимовыгодное соглашение, обе компании старались придерживаться его статей, касающихся порядка приобретения пушнины у индейцев Юго-Восточной Аляски. Так, едва заняв пост главного правителя Русской Америки, капитан 2-го ранга А.К.Этолин дал строгое указание Ново-Архангельской конторе не выменивать меха у тлинкитов, населявших полосу материка, отданную а аренду КГЗ. Если такое все же случится, писал Этолин, контора обязана была открыть им отдельный счет для дальнейшей передачи англичанам, «поелику по сделанному мною условию, с уполномоченным Гудзонбайской компании г-ном Дугласом, Англичане на этом же точно основании будут всякий раз доставлять нам промысла, купленные ими от Колош, обитающих острова проливов в российских границах лежащих, например: Хуцновских, Генавских, Кайганских, Кекавских, Тамгазских и проч.»[82]. Аналогичное предписание было дано и командиру парохода «Николай I» И.В.Линденбергу, отправленному для скупки пушнины у индейцев в проливы арх. Александра в 1840 и 1841 гг.[83]

Однако эти торговые вояжи русского парохода вызвали подозрения у англичан в том, что представители РАК продолжают, как и

---

[80] **А.К.Этолин — ГП РАК, 19 июля 1840 г.** // NARS. — RRAC. — R. 44. — P. 89; **Gibson J.R.** Imperial Russia... — P. 202.

[81] **ОГП РАК за 1840–1841 гг.** — СПб., 1842. — С. 62; **ОГП РАК за 1843 г.** — СПб., 1844. — С. 28–29.

[82] **А.К.Этолин — Ново-Архангельской конторе, 18 июня 1840 г.** // NARS. — RRAC. — R. 44. — P. 55–56.

[83] **А.К.Этолин — И.В.Линденбергу, 23 июля 1840 г.** // Ibid. — P. 93; **А.К.Этолин — И.В.Линденбергу, 29 сентября 1841 г.** // Ibid. — R. 45. — P. 374.

прежде, скупку пушнины у индейцев британских владений, включая и арендованную территорию. А.К.Этолину пришлось писать специальное письмо Дж.Дугласу, в котором он подробно изложил нелепость подобных обвинений[84]. Взаимные претензии были окончательно исчерпаны, когда в начале 1841 г. в Ново-Архангельск прибыл пароход КГЗ «Бивер» и привез, помимо английских товаров и выдровых шкур за аренду, также меха, купленные британцами в Форт-Таку и Форт-Симпсон у тлинкитов и кайгани, населявших русские владения. Этолин дал предписание Ново-Архангельской конторе принять у англичан 51 шкурку калана и другие меха, приобретенные теми у «наших Колош» и выдать им, в свою очередь, 306 шкурок речных бобров, которые попали в руки русских из британских владений при посредничестве тлинкитов[85].

Установив почти полную монополию на торговлю мехами на всем северо-западном побережье, компании смогли договориться в 1840 г. об одновременном снижении расценок за приобретаемую у индейцев пушнину, а спустя два года стороны решили полностью изъять из торговли с туземцами спиртные напитки. Это произошло после визита Джорджа Симпсона в Ново-Архангельск в апреле 1842 г., где он стал свидетелем убийства одного местного тлинкита захмелевшим вождем во время пьяной ссоры. Этот инцидент едва не привел к крупному кровопролитию в индейском селении под стенами Ново-Архангельска и лишь решительное вмешательство русской администрации предотвратило готовую вспыхнуть резню: дело кончилось тем, что сторона вождя была вынуждена была «откупиться» от сородичей убитого жизнями двух рабов. Находясь под впечатлением этих событий (а аналогичные инциденты случались время от времени и в британских владениях), Дж.Симпсон и А.К.Этолин пришли к соглашению полностью отказаться от продажи индейцам водки, ликера и рома, несмотря на некоторое неизбежное вследствие этого падение прибыли при торговле с туземцами[86]. Согласно с этим решением А.К.Этолин дал соответствующее указание Новоархангельской конторе РАК: «Вместе с сим поставляю на вид Ново-Архангельской конторе о совершенном прекращении отныне выдачи нами рома Колошам, как здешним, так и приезжающим сюда: чтобы впредь решительно ни одному Колоше не было даваемо от нас рому, ни за промыслы, ни в виде подарка, ни в угощение; каковые меры по условию с г-ном Симпсоном будут строго соблюдаться и со стороны Англичан»[87].

---

[84] **А.К.Этолин — Дж.Дугласу, 12 ноября 1840 г.** // Ibid. — R. 44. — P. 310–317.

[85] **А.К.Этолин — Ново-Архангельской конторе, 10 февраля 1841 г.** // Ibid. — R. 45. — P. 7–9.

[86] **Simpson G.** Op. cit. — P. 204–206.

[87] **А.К.Этолин — Ново-Архангельской конторе, 11 мая 1842 г.** // Ibid. R. 46. — P. 280.

Для выполнения своих обязательств по поставкам продовольствия в российские колонии Компания Гудзонова залива расширила количество принадлежащих ей ферм в долине р. Колумбия и, кроме того, еще в 1839 г. учредила специальную «Сельскохозяйственную компанию залива Пьюджет». Деятельность КГЗ в этой сфере была достаточно успешна и в отдельные годы наблюдался даже некоторый избыток зерна в Русской Америке, так что РАК была в состоянии поддержать Камчатку и Охотск британской пшеницей и мукой[88]. Соглашение с Российско-американской компанией было выгодно и КГЗ: торговля с русскими приносила ей стабильный доход, а арендная территория — до 10 тыс. бобровых шкурок ежегодно[89].

После занятия, согласно договоренности, Дионисиевского редута в июне 1840 г., он стал именоваться Форт-Стикин (реже — Форт-Хайфилд). Кроме него, британцы намеревались основать еще несколько факторий к северу вдоль побережья арендной полосы, чтобы наглухо перекрыть поток из глубин материка индейской пушнины, часть из которой все-таки попадала в руки русских. Однако построенный в 1840 г. и хорошо укрепленный бастионами Форт-Таку (официальное название — Форт-Дарем) вблизи устья р. Таку просуществовал относительно недолго: весной 1843 г. англичанам пришлось эвакуировать эту факторию после нескольких столкновений с местными воинственными тлинкитами[90]. Впрочем, руководство КГЗ еще раньше пришло к решению упразднить Форт-Таку, а в будущем — и Форт-Стикин. Об этом сообщили главному правителю Русской Америки А.К.Этолину прибывшие к нему 15 сентября 1841 г. для переговоров в Ново-Архангельск на пароходе «Бивер» Дж.Симпсон и Дж.Дуглас[91].

Таким образом, руководство Компании Гудзонова залива отказалось от первоначальных планов по строительству цепи фортов вдоль тихоокеанского побережья материка и сочла более выгодным использовать для торговли с индейцами этого района свои суда. Вместо Форт-Таку на далеком «русском» севере англичане основали в 1843 г. Форт-Виктория (который был назван так в честь британской королевы) на южной оконечности о-ва Ванкувер. Место под новое поселение было выбрано достаточно удачно и в 1846 г. сюда была переведена штаб-квартира КГЗ. Вскоре Виктория превратилась в один из наиболее оживленных торговых центров Британской Колумбии.

---

[88] См. подробнее об этом **Gibson J.R.** Imperial Russia in Frontier... — P. 202–206.

[89] **Болховитинов Н.Н.** 1990. — С. 41; **Gibson J.R.** Furs and Food... — P. 47.

[90] **Simpson G.** Op. cit. — P. 215; **Galbrait J.S.** Op. cit. — P. 158–159.

[91] **А.К.Этолин — ГП РАК, 18 сентября 1841 г.** // NARS. — RRAC. — R. 44. — P. 364.

Что касается Форт-Стикина, то его положение в течение ряда лет было очень ненадежным. Когда русские оставляли Дионисиевский редут, стикинцы выражали по этому поводу искреннее сожаление и откровенно враждебно встретили англичан. Современник событий, приказчик РАК Александр Марков писал по этому поводу: «Несколько раз Стахинские Колюжи покушались сжечь всю крепость, в которой поселились Англичане; но тщательные и строгие караулы не допустили дикарей к совершению этого гибельного замысла. Англичане находились в это время в таком положении в отношении к диким, как некогда Русские во времена Баранова. Однако потребность в товарах, которые сделались почти необходимыми в домашнем быту диких, заставила последних постепенно сближаться с Англичанами и производить с ними торговлю пушными товарами»[92].

Тем не менее, несмотря на установившиеся в конце концов мирные торговые отношения, время от времени проявлялась враждебность тлинкитов к новым пришельцам. В апреле 1842 г. Форт-Стикин был осажден индейскими воинами: они пытались захватить его, воспользовавшись временным безначалием и распрями среди служащих фактории после убийства во время пьяной ссоры коменданта форта Дж.Мак-Логлина Мл. Лишь своевременное прибытие английского парохода и вооруженного русского судна спасло укрепление от полного уничтожения. Тогда же убийцы коменданта были схвачены и высланы к русским по распоряжению Дж.Симпсона и с согласия колониального начальства посажены под стражу в Озерском редуте[93]. Спустя почти два года — 2(14) февраля 1844 г. — трое преступников (Урбан Херу, Пьер Канагнас и Франсуа Прессе) были переданы британской стороне на пароход КГЗ «Бивер», о чем сообщал А.К.Этолин директорам РАК в Петербург[94].

В то же время русские пытались осуществлять патерналистскую политику «покровительства» в отношении тлинкитов, населявших арендованную англичанами полосу материка. Так, они время от времени посылали пароход в Форт-Стикин, чтобы выяснить, «не терпят ли туземцы какого-либо притеснения или обид от англичан». Последние, однако, вели себя вполне корректно и до поры до времени не давали туземцам повода для недовольства. Побывавший в феврале 1845 г. на пароходе РАК «Николай I» в Форт-Стикине Д.Ф.Зарембо доносил главному правителю русских колоний, что, по словам вождей стикинцев, англичане «обращаются с ними очень хорошо и до крайности ласковы»[95].

---

[92] **Марков А.** Русские на Восточном океане. — СПб., 1856. — С. 90.

[93] **Simpson G.** Op. cit. — P. 181; **Klein L.F.** Demystifying the Opposition: The Hudson's Bay Company and the Tlingit // Arctic Anthropologist. — 1987. — Vol. 24. — № 1. — P. 101–115.

[94] **NARS.** — RRAC. — RG. 261. — R. 48. — P. 106 об.

[95] **Ibid.** — R. 50. — P. 28.

Хотя соглашение 1839 г. и сняло значительную часть противоречий между Компанией Гудзонова залива и Российско-американской компанией, оно не смогло ликвидировать их полностью. Скрытое противоборство проявлялось, в частности, в «географическом соперничестве» между двумя компаниями в северных районах материка. Обе они стремились проникнуть на новые, неизведанные территории и приступить к эксплуатации их пушных ресурсов. Еще в сентябре 1839 г. Дж.Симпсон послал Р.Кэмпбелла на исследование бассейна верхнего Юкона, где тот в 1842 г. основал факторию на Френчиз-Лэйк. В 1846 г. Кэмпбелл сооружает торговый пост на р.Пелли, а в 1848 г. у слияния рек Пелли и Льюис — Форт-Селкирк. Одновременно Компания Гудзонова залива распространила свои торговые операции в бассейне р.Поркьюпайн и в районе среднего Юкона, где в 1847 г. англичане строят Форт-Юкон, причем уже на землях Русской Америки к западу от 141° з.д. Основатель этой фактории Александр Мюррей сознавал, что находится на чужой территории, но решил не отступать, пока русские сами не заявят официального протеста. Русские так и не сделали этого, и Форт-Юкон оставался на землях Аляски вплоть до ее продажи США в 1867 г.[96]

К активной экспансии в северо-западном направлении КГЗ подталкивало истощение пушных богатств бассейна р.Колумбия и массовое проникновение в эту область американских трапперов и поселенцев. В свою очередь РАК с начала 1840-х гг. активизировала свои исследования в бассейнах рек Коппер (Медной) и Суситны (Сушитны), а в 1842–1844 гг. нижнее и среднее течение Юкона было основательно изучено уже упоминавшейся экспедицией лейтенанта Лаврентия Загоскина. Однако гибель на Медной реке от рук индейцев экспедиции Руфа Серебренникова в 1848 г. надолго парализовала усилия русских по исследованию глубинных районов Аляски (см. главу 3).

4. Российско-американская компания и Компания Гудзонова залива во второй половине 1840–1850-х гг.

Вторая половина 1840-х гг. была уже гораздо менее благоприятна для деятельности Российско-американской компании и Компании Гудзонова залива, особенно последней. Ее доходы от реализации пушнины значительно упали, а по Орегонскому договору между Великобританией и США, подписанному 15 июня 1846 г., КГЗ уступила свои владения к югу от 49° с.ш. Соединенным Штатам и была вынуждена расстаться с принадлежавшими ей до этого факториями

[96] **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 159–160.

и фермами в бассейне р. Колумбия. Их утрата заставила КГЗ отказаться от обязательств поставлять продовольствие в русские колонии на Аляске. Открытие золота в Калифорнии (1848) привело к тому, что треть служащих компании бросили свои дела и устремились на прииски, а это существенно ослабило Компанию Гудзонова залива. Наконец, после нескольких лет относительного спокойствия вновь обострились отношения агентов КГЗ с воинственными стикинцами. В июне 1846 г. управляющий Форт-Стикина обратился за помощью в Ново-Архангельск, так как индейцы фактически осадили британскую факторию. Приход в устье Стикина вооруженного русского парохода и посредничество служащих РАК способствовали преодолению разногласий между тлинкитами и англичанами[97].

Тогдашнему главному правителю Русской Америки М.Д.Тебенькову пришлось всерьез заняться выяснением причин этого конфликта, поскольку в его разжигании начальник Форт-Стикина К.Дж.Мак-Нилл обвинил русских. По мнению британца, причина враждебности индейцев крылась в русском празднике-ярмарке, устроенном Тебеньковым для тлинкитов в апреле 1846 г. у стен Ново-Архангельска. И вот теперь стикинцы требовали от англичан проведения подобного мероприятия в Форт-Стикине. Кроме того, начальник британской фактории выразил протест администрации русских колоний по поводу якобы имевшей место продажи индейцам рома, что нарушало соглашение 1842 г. Тебеньков же в своем донесении Главному правлению РАК (аналогичное послание было направлено также руководству КГЗ) оправдывался тем, что проведение праздника для тлинкитов было необходимо ему для установления более дружеских контактов с индейцами, а на самом празднике никакой продажи спиртного не производилось: ром индейцы получили только в виде угощения всего по половине чарки два раза. Истинная причина «несогласия» между стикинцами и англичанами, как считал Тебеньков, заключалась в том, что последние не взяли на свой пароход одного из влиятельных местных вождей, который хотел проехаться на нем до Форт-Симпсона. Отказ оскорбил его, и он запретил своим сородичам торговать с англичанами и снабжать их продовольствием. Помимо этого, малочисленность гарнизона Форт-Стикина (16 человек, в том числе 9 больных полинезийцев-гавайцев) давала тлинкитам определенные надежды на легкий захват фактории и ее разграбление[98]. Конфликт едва не привел в 1846 г. к эвакуации гарнизона Форт-Стикина, на чем настаивал его управляющий Мак-Нилл.

---

[97] **Гринёв А.В.** Взаимоотношения Российско-американской компании... — С. 80; **Gibson J.R.** Imperial Russia ... — P. 207.

[98] **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 16 мая 1846 г.** // NARS. — RRAC. — R. 52. — P. 8–10; **Гринёв А.В.** — С. 177.

В 1847 г. Форт-Стикин опять попал в осаду и англичане вновь запросили помощи из Ново-Архангельска. Посланному в октябре на пароходе Д.Ф.Зарембо удалось и на этот раз примирить конфликтующие стороны. Инцидент повторился весной 1848 г., и в мае в который уже раз Зарембо выступил как мирный посредник между англичанами и тлинкитами. Индейцы фактически осадили редут и три месяца не поддерживали с ним никаких связей. Они не доставляли англичанам свежей провизии, не разрешали рубить дрова и даже угрожали убить любого, кто покинет стены форта[99].

В конце концов, англичане были вынуждены оставить Форт-Стикин в 1849 г. Его постройки были переданы на сохранение стикинским вождям, лояльным к русским. Компания Гудзонова залива после эвакуации своих служащих из Форт-Стикина окончательно перешла к торговле с береговыми тлинкитами с использованием своих пароходов и парусных судов. Для вывоза людей и имущества из Форт-Стикина в британские владения КГЗ зафрахтовала бриг РАК «Константин» под командованием шкипера Леонтия Гардера. Во время сборов и погрузки на судно вокруг оставляемого англичанами форта собралось около двух тысяч тлинкитов. Заметив, что агенты КГЗ демонтируют некоторые постройки, индейцы подняли возмущенный крик, протестуя против этого. По их мнению, англичане не имели права разрушать имущество русских. Лишь присутствие и уговоры Гардера смогли успокоить разбушевавшихся стикинцев[100].

Несмотря на все эти трудности, директора КГЗ предложили Главному правлению РАК в 1849 г. вновь продлить контракт 1839 г. с незначительными изменениями еще на 9 лет (начиная с 1 июня 1850 г.). Руководство Российско-американской компании охотно откликнулось на это предложение, и 22 января 1849 г. царь утвердил новый контракт между РАК и КГЗ. Обе компании не хотели возобновления соперничества, так как прекрасно понимали, что торговля в этом случае, как говорилось в документах РАК, «сделается от действий туземцев опасною и невыгодною»[101]. Справедливость этого замечания полностью подтвердилась в 1852 г., когда отряд чилкатских тлинкитов разорил британскую факторию Форт-Селкирк, находившуюся на одном из притоков верхнего Юкона. Попавших в плен служащих Компании Гудзонова залива индейцы отпустили с предупреждением, чтобы они не появлялись впредь на торговой

---

[99] **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 10 мая 1848 г.** // NARS. — RRAC. — R. 54. — P. 213; **Arndt K.L.** Russian Relation with the Stikine Tlingit, 1833–1867 // AH. — 1988. — Vol. 3. — № 1. — P. 35.

[100] **ОГПРАК за 1849 г.** — С. 25; **Arndt K.L.** Op. cit. — P. 36, 102.

[101] См. **Копию Контракта между РАК и КГЗ, заключенного 22 марта 1849 г.** // АВПРИ. — Ф.Гл.Архив 1–9, 1859–1867 гг. — Оп. 8. — Д. 3. — Л. 9–11, 53.

территории тлинкитов. Дж.Дуглас, британский губернатор о-ва Ванкувер, хотел наказать индейцев и просил в этом деле содействия русских, поскольку формально тлинкиты считались российскими подданными. Однако администрация Русской Америки отнеслась к просьбе губернатора весьма прохладно, указывая, что не может отрядить вооруженный пароход на поиски виновных, так как присутствие этого судна было необходимо в самом Ново-Архангельске. Колониальное начальство со своей стороны лишь обещало не препятствовать англичанам в поиске и наказании индейцев[102]. У него не было большого резона вмешиваться в это дело, так как преступление было совершено на британской территории. С другой стороны, главный правитель не хотел портить отношений с чилкатцами, традиционно дружественно настроенными по отношению к русским.

Падение доходов от пушного промысла и стремление извлечь из аренды максимальную прибыль заставили Компанию Гудзонова залива заключить в 1853 г. шестилетний контракт с американской Калифорнийской Северо-Западной компанией на поставку льда с арендной территории в Сан-Франциско при ежегодной плате КГЗ 14 тыс. долларов, что было в 2 раза выше, чем сама британская компания платила за аренду русским (1500 фунтов стерлингов или 7200 долларов ежегодно)[103]. Эта, по сути дела, «субаренда» вызвала резкие протесты со стороны Российско-американской компании, поскольку заметно подрывала ее собственные доходы от продажи льда в Калифорнии начиная с 1855 г.[104] О первых попытках добывать лед с арендованной полосы администрация Русской Америки узнала от тлинкитов и кайгани, посетивших Ново-Архангельск в феврале 1854 г. По словам индейцев, еще летом 1853 г. команда парохода КГЗ обследовала ледники, сползавшие с гор между устьями рек Стикин и Таку. При этом англичане пытались нанять самих туземцев для добычи льда, но получили отказ: в это время среди тлинкитов Стикина, Чилката и Таку опять обострилась межродовая борьба, и отлучаться от своих селений они опасались[105].

Между тем на международном горизонте стали сгущаться тучи: надвигалась Крымская война. Визит в августе 1853 г. в Ново-Архангельск британского военного фрегата «Триконмали» и воинственные статьи в английской прессе не могли не насторожить колониальную администрацию и Главное правление РАК в Петербурге. Прекрасно понимая, что русские колонии на Аляске могут быть

---

[102] **А.И.Рудаков — Дж.Дугласу, 22(3) августа 1853 г.** // NARS. — RRAC. — R. 59. — P. 189.

[103] **Gibson J.R.** Furs and Food... — P. 50.

[104] **ОГП РАК за 1854–1855 гг.** — С. 18–19.

[105] **А.И.Рудаков — ГП РАК, 12 марта 1854 г.** // NARS. — RRAC. — R. 59. — P. 430–431.

подвергнуты разгрому британским флотом в случае войны, директора РАК предложили руководству Компании Гудзонова залива заключить пакт о взаимном нейтралитете владений обеих компаний, если военный конфликт все же разразится, тем более, что соответствующая статья по этому вопросу (о взаимном нейтралитете) была включена в текст нового арендного соглашения 1849 г. между РАК и КГЗ. Россияне надеялись, что их предложение найдет отклик у руководства КГЗ. Дело в том, что фактории и суда Компании Гудзонова залива на северо-западном побережье в целом заметно уступали в военном отношении потенциалу русских колоний на Аляске. Поэтому у директоров британской компании было не меньше оснований опасаться за сохранность своих владений, чем у руководства РАК за судьбу Русской Америки перед лицом британского флота. И действительно, Дж.Симпсон, например, считал безумием втягивание в войну обеих компаний. Он опасался, что хорошо вооруженные суда РАК уничтожат пароходы и форты Компании Гудзонова залива на тихоокеанском побережье. Кроме того, в боевые действия могли быть втянуты воинственные индейские племена, в результате чего пушная торговля надолго пришла бы в упадок[106]. А это сказалось бы самым отрицательным образом на экономическом положении КГЗ, и без того переживавшей далеко не лучшие времена.

Поэтому руководство компании Гудзонова залива с неменьшим энтузиазмом, чем РАК, стала отстаивать идею о нейтралитете обеих компаний в надвигавшейся войне. Неудивительно, что под их давлением правительства Великобритании и России быстро согласились утвердить пакт о взаимном нейтралитете владений РАК и КГЗ, тем более что он не затрагивал стратегических интересов обеих держав на Балканах и Ближнем Востоке.

В соответствии с заключенным в марте 1854 г. соглашением Русская Америка оставалась нейтральной и только формально находилась в блокаде со стороны британского флота (установить фактическую блокаду тот был не в состоянии из-за огромного протяжения морских границ российских колоний). Но при этом суда РАК могли захватываться в открытом море. Кроме того, нейтралитет не распространялся на фактории Российско-американской компании на азиатском побережье Тихого океана.

Сообщение о заключении пакта о нейтралитете достигло русских и британских колоний с опозданием на несколько месяцев, когда там уже знали о начале военных действий между двумя державами. Весть о войне вызвала глубокую тревогу в английских владениях: губернатор Дж.Дуглас на о-ве Ванкувер предлагал даже вооружить наиболее лояльных из местных индейцев для отражения предполагаемого десанта русских. Нервозность англичан усиливали

---

[106] **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 163–165.

слухи о русских крейсерах-рейдерах, появившихся якобы у берегов Калифорнии[107].

С другой стороны, администрация Русской Америки и вице-консул России в Сан-Франциско, ничего не зная о пакте между РАК и КГЗ о взаимном нейтралитете и опасаясь нападения эскадры союзников на российские колонии в Америке, пошли на заключение фиктивного соглашения о продаже имущества и владений РАК одной из калифорнийских компаний в Сан-Франциско за 7,2 миллиона долларов[108]. Однако вскоре, после получения достоверных сведений о заключении пакта о взаимном нейтралитете владений РАК и КГЗ, соглашение с американскими бизнесменами было аннулировано. Излишне говорить, что обе компании остались довольны соглашением о нейтралитете, особенно РАК, что отмечалось как в документах компаний, так и современными историками[109].

Послевоенный период ознаменовался новыми осложнениями в деятельности русской и английской пушных монополий. Падали доходы от добычи пушнины, как и само количество приобретаемых шкурок, и прежде всего — у Компании Гудзонова залива[110]. Уже в мае 1856 г. она вынуждена была заменить арендную плату РАК (2000 выдровых шкур) денежной компенсацией в 1500 фунтов стерлингов. Открытие в 1858 г. золотых россыпей в долине р.Фрейзер в Британской Колумбии привело к наплыву старателей и подорвало пушную торговлю Компании Гудзонова залива в этом регионе. Тем не менее, она пошла на продление контракта об аренде материковой полосы Русской Америки до 1 января 1862 г., т.е. до истечения третьего срока монопольных привилегий РАК. В письме от 28 декабря 1858 г. Главному правлению РАК в Петербурге дирекция КГЗ объяснила, что решилась на этот шаг «единственно из желания поддержать доброе соглашение, столь долго существующее между обеими компаниями»[111]. Такая мотивировка полностью устроила РАК и она стала ходатайствовать перед правительством о новом продлении контракта. Глава МИД и министр финансов России дали свое согласие соответственно 26 февраля и 3 марта, а 14 марта 1859 г. была получена санкция самого императора.

---

[107] **Barratt G.** Op. cit. — P. 44–46.

[108] См.подробнее **Болховитинов Н.Н.** — 1990. — С. 96–104.

[109] **Там же.** — С. 103; **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 169; **Barratt G.** Op. cit. — P. 41 и др.

[110] В документах РАК отмечалось, что пушной промысел во владениях Компании Гудзонова залива уменьшался год от года и если в 1839 г. КГЗ выручила от продажи бобровых шкурок 72 312 фунтов стерлингов, то в 1846 г. — только 7 856 (**Сведения о Гудсонбайской компании в Северной Америке. 1670–1863 гг.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1859–1867 гг. — Оп. 8. — Д. 3. — Л. 196 об.).

[111] **ГП РАК — А.М.Горчакову, 26 января 1859 г.** // Там же. — Л. 3 об.

В своих принципиальных статьях новый вариант контракта полностью повторял предыдущий, однако в нем имелись и некоторые изменения. В частности, КГЗ снимала с себя обязанность продавать РАК выдровые шкурки по фиксированной цене и снабжать продовольствием российские колонии в Америке. Плата за аренду выплачивалась деньгами, а не пушниной. Специальный пункт оговаривал запрет для англичан экспортировать с арендной полосы лес, рыбу, лед, уголь и другие природные богатства. Для КГЗ на этой территории допускалась только добыча мехов или приобретение их от туземцев[112].

Агенты британской компании настолько успешно выполняли последний пункт соглашения, что главный правитель Русской Америки И.В.Фуругельм в 1860 г. жаловался в Петербург на существенный упадок торговли с тлинкитами. По словам Фуругельма, индейцы все реже посещают Ново-Архангельск со своей пушниной и съестными припасами, а предпочитают продавать их англичанам. Хайда-кайгани, жившие на самом юге российских владений, с 1857 г. вообще перестали торговать на Ситхе, а сбывали свои продукты и меха в Виктории[113]. Чтобы выдержать конкуренцию, Фуругельм уже через год просил Главное правление разрешить ему повысить «колошенскую таксу», т.е. прейскурант, по которому приказчики РАК приобретали меха у независимых индейцев[114].

Озабоченность Российско-американской компании вызывала и возросшая конкуренция агентов Компании Гудзонова залива на Севере. Форт-Юкон, расположенный невдалеке от англо-русской границы по 141° з.д., словно гигантский магнит притягивал меха индейцев долины Юкона, в том числе и с российской территории. Для сбора более достоверных сведений о британском форпосте колониальное начальство в 1862–1863 гг. посылало на разведку в эту факторию КГЗ креола И.С.Лукина, который вторично побывал там и в 1865–1866 гг.[115] Однако эти походы, совершенные «под занавес» существования Русской Америки, не помогли установить тот факт, что сам Форт-Юкон находился в российских владениях — фактория была перенесена на территорию Канады только в 1869 г. после продажи Аляски США.

---

[112] **ГП РАК — М.Х.Рейтерну, 14 января 1863 г.** // Там же. — Л. 31. См. также л. 34.

[113] **И.В.Фуругельм — ГП РАК, 13 мая 1860 г.** // NARS. — RRAC. — R. 63. — P. 81.

[114] **И.В.Фуругельм — ГП РАК, 25 марта 1861 г.** // Ibid. — P. 56.

[115] **Arndt K.L.** Russian Exploration and Trade in Alaska's Interior // Russian America: The Forgotten Frontier / Ed. by Smith B.S., Barnett R.J. — Tacoma, 1990. — P. 105–106; **Pierce R.A.** — P. 318–319.

5. РАК и КГЗ в заключительный период существования Русской Америки

В начале 1860-х гг. положение обеих компаний в Юго-Восточной Аляске продолжало ухудшаться. Дело в том, что вместе с золотоискателями, наводнившими долину р.Фрейзер, появилась и масса мелких торговцев, обслуживающих прииски и заодно скупавших у индейцев меха за ром и огнестрельное оружие. Эти торговцы вскоре проникли на побережье, а с лета 1861 г. агенты КГЗ стали докладывать руководству о появлении их на арендной территории и прилегающих островах арх. Александра, находящихся формально под российским контролем. Мелкие независимые торговцы не только подрывали монополию обеих компаний, продавая индейцам товары по более низким ценам, но и снабжали их спиртными напитками, что в силу взаимного соглашения РАК и КГЗ старались официально избегать[116].

Столкнувшись с новыми опасными конкурентами, руководство британской компании стало направлять протест за протестом администрации Русской Америки, так как согласно договору об аренде РАК обязана была защищать торговую монополию КГЗ на арендной территории[117]. Так, например, капитан парохода КГЗ «Лябоншер», прибывшего 7 сентября 1864 г. в Ново-Архангельск, жаловался главе российских колоний на контрабандистов, осевших в южной части арх. Александра, находящегося под юрисдикцией РАК. Однако все претензии англичан были отклонены: во-первых, речь шла о британских подданных, разбираться с которыми должно было их собственное правительство; во-вторых, по статье 11 Конвенции 1825 г. применение силы против них было исключено; в-третьих, русские не имели достаточных сил и средств для эффективной борьбы с контрабандистами и, наконец, сами агенты КГЗ без согласования с партнерами резко подняли расценки за индейскую пушнину и вновь ввели в торговлю ром[118].

Общее ухудшение торговых дел РАК к середине 1860-х гг. в Юго-Восточной Аляске, в том числе и по вине КГЗ, констатировал последний главный правитель Русской Америки князь Дмитрий Петрович Максутов. Он писал в Главное правление компании, что «торговля в Колошенских проливах в настоящее время идет очень неудовлетворительно. Причина тому как непомерно высокие цены, платимые Гудзонбайской компанией за все меха, так и множество мелких торгошей, шныряющих по разным проливам и скупающих

---

[116] **И.В.Фуругельм — ГП РАК, 7 мая 1863 г.** // NARS. — RRAC. — R. 64. — P. 48.

[117] **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 169–170.

[118] **Jackson C.I.** The Stikine Territory Lease and Its Relevance the Alaska Purchase // PHR. — 1967. — Vol. 3. — № 3. — P. 293.

промысла большей частью на водку»[119]. По его мнению, с ними будет не в состоянии справиться даже патрульный крейсер. А потому Максутов предлагал либо вообще отказаться от аренды и 1500 фунтов стерлингов в год, либо заключать новое соглашение с КГЗ, согласно которому РАК не обязана была бы защищать торговые интересы британской соседки в пределах Русской Америки.

В самом начале 1862 г. в Британской Колумбии разнесся слух о золотых россыпях, обнаруженных в верховьях Стикина, и уже весной у устья реки скопилось около 20 шхун, на которых прибыло несколько сот старателей. Появление этих непрошеных гостей встревожило администрацию Русской Америки, тем более что в газетах британских колоний появились весьма воинственные и экспансионистские статьи, авторы которых недвусмысленно заявляли о необходимости аннексировать арендованную у Российско-американской компании полосу материка[120].

Администрация Русской Америки, скованная предписанием царского правительства избегать каких-либо открытых столкновений с иностранцами, просила прислать на Аляску военное судно для возможной защиты интересов РАК. С другой стороны, компания сама была не прочь заняться добычей золота, пусть и на британской территории. С этой целью в верховья Стикина была отправлена маленькая партия старателей под руководством инженера-технолога П.А.Андреева. Она поднялась на 165 миль от устья реки (135 миль от русской границы на Стикине) и приступила к пробной промывке золота. Вскоре, однако, обнаружилось, что прииски на Стикине были очень бедны: удалось намыть только 11 золотников благородного металла. Кроме того, сообщение с приисками было весьма затруднительно[121]. Поэтому РАК пришлось отказаться от разработки месторождения.

В то же время ситуация у устья Стикина требовала пристального внимания администрации Русской Америки, поскольку между местными тлинкитами и золотоискателями вспыхивали порой серьезные конфликты. Имевшие место грабежи и убийства иностранных старателей индейцы, умудренные опытом негласного англо-русского соперничества, нимало не смущаясь объясняли приказом, исходившим якобы от главного правителя российских колоний[122]. Для предот-

---

[119] **Д.П.Максутов — ГП РАК, 1 ноября 1865 г.** // NARS. — RRAC. — R. 65. — P. 108.

[120] **Записка М.Х.Рейтерна от 31 августа 1862 г.; Выписки из газет, издаваемых на острове Ванкувер, в порте Виктория** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1862–1863 гг. — Оп. 8. — Д. 9. — Л. 4–4 об.; 14–15 об.

[121] **Справка Министерства финансов, 25 января 1863 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1859–1867 гг. — Оп. 8. — Д. 3. — Л. 41; **ОГП РАК за 1862 г.** — С. 50.

[122] **Гринёв А.В.** — С. 179.

вращения новых беспорядков к устью Стикина по согласованию между русскими и британскими властями был направлен вооруженный пароход РАК «Александр II» под начальством капитан-лейтенанта В.С.Хохлова и английский военный шлюп «Девостэйшн» под командованием капитана Пайка[123]. Главный правитель Русской Америки даже предлагал директорам РАК восстановить торговый пост компании на Стикине, хотя эта территория и продолжала находиться в аренде у КГЗ[124].

Стикинские события 1862 г. вызвали серьезную озабоченность у царского правительства и его дипломатического ведомства. Российский посланник в Лондоне барон Бруннов, извещенный обо всех обстоятельствах дела, в секретном письме от 14(26) ноября 1862 г. главе МИД князю Горчакову писал, что для Российско-американской компании лучше добровольно уступить территорию, на которую претендуют англичане. Оптимальным вариантом он считал продажу спорной земли Компании Гудзонова залива, т.е. территории, арендованной британской компанией у РАК[125]. Это мнение влиятельного царского дипломата не могло не сказаться в дальнейшем на позиции правительства и Российско-американской компании в вопросе о будущем Русской Америки.

В это время сама Компания Гудзонова залива испытывала значительные трудности в пушной торговле из-за притока золотоискателей в бассейн Стикина. В июне 1862 г. директора КГЗ сообщили Главному правлению РАК, что они вынуждены отказаться от продолжения арендного контракта, срок которого после продления в 1862 г. истекал 1 июня 1863 г. Однако вскоре после окончания эфемерной «золотой лихорадки» на Стикине британцы решили вновь возобновить аренду на прежних условиях до 1 июня 1865 г.[126] Новое открытие золота в горах Карибу (1862) отвлекло туда старателей и мелких торговцев из бассейна Стикина, и торговля в этом районе стала вновь прибыльной для КГЗ[127]. Царское правительство охотно пошло на продление контракта, тем более что российский посол в Лондоне считал новое соглашение с КГЗ «полезным для отклонения всякого усложнения Стахинского вопроса». После до-

---

[123] **И.В.Фуругельм — ГП РАК, 24 августа 1862 г.** // NARS. — RRAC. — R. 64. — P. 91–92; **Barratt G.** Op. cit. — P. 65.

[124] **И.В.Фуругельм — ГП РАК, 31 августа 1862 г.** // NARS. — RRAC. — R. 64. — P. 94.

[125] **Ф.И.Бруннов — А.М.Горчакову, 14(26) ноября 1862 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1862–1863 гг. — Оп. 8. — Д. 9. — Л. 38–40; **Гринёв А.В.** Взаимоотношения Российско-американской... — С. 85.

[126] **ГП РАК — М.Х.Рейтерну, 9 января 1863 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1859–1867 гг. — Оп. 8. — Д. 3. — Л. 29 об.–30.

[127] **Jackson C.I.** Op. cit. — P. 171–173.

клада министра финансов царь утвердил продление контракта с КГЗ 22 февраля 1863 г.[128]

Для самой же Российско-американской компании ее взаимоотношения с КГЗ в начале 1860-х гг. явно отступили на второй план: в этот период решалась судьба ее монопольного господства в Русской Америке. Под влиянием внутри- и внешнеполитических перемен, а также резкой критики деятельности компании (в том числе и в правительственных кругах) Государственный совет Российской империи при пересмотре устава РАК в 1865 г. рекомендовал вообще изъять из сферы ее монополии всю материковую часть Аляски и прежде всего — район арх. Александра[129]. Не дожидаясь окончательного решения по поводу продления своих привилегий, руководство РАК сочло необходимым подстраховать себя на случай неудачи с продлением монополии, а заодно приступить к выполнению рекомендации российского посла в Лондоне об аренде или уступке части своих владений Великобритании в лице Компании Гудзонова залива.

Для этого в январе 1865 г. в Лондон явился представитель РАК А.Я.Рутковский и предложил директорам КГЗ заключить сделку о длительной аренде (не менее 5 лет) не только полосы материкового берега, но и всей территории Юго-Восточной Аляски до г.Св.Ильи на севере с ежегодной платой в 3000 фунтов стерлингов. Российско-американская компания сохраняла бы за собой только Ново-Архангельск и монополию на добычу льда и леса в этом регионе. Во время переговоров с британской стороной Рутковский дал явно понять, что РАК при посредничестве правительства могла бы вообще продать эти территории КГЗ[130]. Руководство британской компании колебалось: его смущали неуверенность в получении достаточных прибылей с арендных территорий и в продлении срока ее собственной торговой монополии в Канаде. Не желая, однако, прерывать переговоры, директора КГЗ решили поторговаться и предложили снизить арендную плату с 3000 до 2000 фунтов стерлингов. Рутковский, не имевший полномочий заключать подобную сделку, а тем более на новых условиях, отбыл в Петербург. Как пишет Дж.Р.Гибсон, если бы Компания Гудзонова залива проявила тогда меньшую осторожность, тихоокеанское побережье Канады могло бы удвоиться в результате приобретения у РАК значительной части Юго-Восточной Аляски[131]. Мне уже приходилось отмечать, что в отечественной

---

[128] **М.Х.Рейтерн — А.М.Горчакову, 31 января и 23 февраля 1863 г.** // АВПРИ. — Ф.Гл.Архив 1–9, 1859–1867 гг. — Оп. 8. — Д. 3. — Л. 36–37; 46–46об.

[129] **«Мнение» Государственного Совета от 14 июня 1865 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 181. — Л. 108–108 об.

[130] **Galbraith J.S.** Op. cit. — P. 171–173.

[131] **Gibson J.R.** Furs and Food... — P. 51.

же историографии этот сюжет практически не нашел своего отражения[132].

Неудача миссии Рутковского привела к простому продлению уже имеющегося контракта между КГЗ и РАК еще на два года до 1 июня 1867 г. Осторожность британской компании в вопросе территориальных приращений была вполне понятна. Ее монополия подходила не только к юридическому (срок дарованных английской королевой привилегий истекал в 1869 г.), но и к фактическому концу из-за возросшей конкуренции со стороны мелких торговцев из Британской Колумбии. Кроме того, приобретение района, населенного воинственными и независимыми индейцами, только добавило бы проблем компании, и без того переживавшей далеко не лучший этап своей истории. Поэтому вторичное предложение уже со стороны главного правителя Русской Америки князя Д.П.Максутова продать Британии Юго-Восточную Аляску было учтиво отклонено представителем КГЗ[133]. Это опровергает сложившийся в ряде отечественных работ образ Компании Гудзонова залива как оголтелого империалистического хищника, стремящегося к безудержной экспансии на территорию Русской Америки[134].

Несмотря на снижение доходов с арендной полосы материка, КГЗ стремилась все же не терять своих стратегических позиций в этом районе и в начале 1867 г. предложила РАК продлить арендное соглашение еще на три года[135]. К такому решению ее, возможно, подтолкнули общее падение пушного промысла и торговли в британских владениях и возросшая активность американцев в результате тесного сближения России и США в середине 1860-х гг. Дело в том, что почти одновременно с КГЗ американский посланник в Петербурге К.Клей выступил с инициативой заключения договора между группой калифорнийских бизнесменов и РАК о долгосрочной аренде (25 лет) всей Юго-Восточной Аляски. При этом российской стороне была предложена арендная плата более высокая, чем со стороны КГЗ. Предприимчивый американец был не прочь вообще приобрести эту территорию у РАК[136].

Однако все эти предложения уже опоздали: еще в декабре 1866 г. царское правительство пришло к окончательному решению продать

---

[132] **Гринёв А.В.** Взаимоотношения Российско-американской компании... — С. 87.

[133] **Jackson C.I.** Op. cit. — P. 304.

[134] **Нарочницкий А.Л.** Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860–1895. — М., 1956; **Золотаревская И.А., Бломквист Е.Э., Липшиц Б.А.** Русская Америка // Народы Америки. — М., 1959. — Т.1. — С.101; **Алексеев А.И.** Указ. соч. — С. 203.

[135] **Рейтерн — А.М.Горчакову, 16 марта 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1859–1867 гг. — Оп. 8. — Д. 3. — Л. 48–49.

[136] **Записка ГП РАК, предположительно 1867 г.** // Там же. — Л. 55–57об.

свои американские колонии Соединенным Штатам. 18 декабря 1867 г. русский флаг был спущен в Ново-Архангельске и вся Аляска перешла в руки американцев. Кстати, одним из положительных моментов ее приобретения руководство США считало подрыв позиций своего старого соперника — Компании Гудзонова залива, о чем недвусмысленно заявили члены палаты представителей американского Конгресса в 1868 г.[137] Уже через год монополия КГЗ на пушную торговлю в Западной Канаде была отменена британским правительством, хотя компания продолжила свое существование и действует до сих пор.

Итак, взаимоотношения Российско-американской компании и Компании Гудзонова залива оказали заметное влияние на развитие англо-русских отношений в бассейне Тихого океана. В отличие от острого соперничества Российской и Британской империй в Европе, на Ближнем Востоке и Средней Азии, ситуация в Северной Америке была достаточно стабильной: пограничные вопросы были в основном урегулированы еще в 1825 г., а после Соглашения 1839 г. РАК и КГЗ старались поддерживать взаимовыгодные торговые связи. Тем не менее упадок к концу 1850-х гг. великих пушных монополий, на взаимоотношениях которых строился баланс сил в регионе, стимулировал царское правительство на поиск альтернативных путей решения судьбы российских колоний на Аляске. Хотя умеренная позиция Великобританиии в лице КГЗ явно контрастировала с экспансионистскими устремлениями США в отношении Русской Америки, правительство Российской империи продало Аляску именно американцам. За этим решением стояло желание обострить англо-американские противоречия в Северной Америке и тем самым обеспечить себе относительную свободу в других регионах мира и прежде всего на Дальнем Востоке и в Средней Азии.

6. Экспансия США на Тихоокеанском Севере

Апогей экспансионистской политики США в Северной Америке приходится на 1840-е гг. Напомним, что в это десятилетие обострилась борьба за Орегон (в начале 1846 г. в сенате экстремисты выдвинули лозунг: «54°40' с.ш. или война»), еще раньше, в 1845 г., был аннексирован Техас, а затем началась война с Мексикой (1846–1848 гг.), завершившаяся присоединением Калифорнии и установлением границы по Рио-Гранде. Неудивительно, что именно в это время появилась теория «предопределения судьбы» (manifest destiny), означавшая, что само провидение предназначило Соеди-

---

[137] **Батуева Т.М.** Экспансия США на севере Тихого океана и покупка Аляски в 1867 г. // Американский экспансионизм. — М., 1985. — С. 131.

ненным Штатам господствовать на всем Американском континенте[138].

Впервые эти слова появились на страницах «Демократик ревью» летом 1845 г. в статье в защиту аннексии Техаса, когда его редактор прямо ссылался на «предопределение судьбы» Соединенных Штатов распространиться по всему континенту, «предназначенному провидением для свободного развития ежегодно возрастающих миллионов американцев». 27 декабря 1845 г. газета «Нью-Йорк морнинг ньюс» ссылалась на «предопределение судьбы» уже в редакционной статье в связи с обоснованием неоспоримых «прав» США на Орегон[139]. Именно эту статью, вероятно, и имел в виду член палаты представителей Роберт Уинтроп, когда, опираясь на мнение «ведущей газеты администрации», говорил в конгрессе 3 января 1846 г. «о праве североамериканцев распространиться по всему континенту». Пылкий конгрессмен не сомневался в том, что право на всю Северную Америку не предназначено ни для кого, «кроме всеобщей нации янки»[140].

Хотя слова о «предопределении судьбы» действительно появились в политическом лексиконе лишь в 40-х гг., сама идея о «неизбежности» распространения североамериканцев по всему континенту восходит еще к XVII в., когда в Новом Свете были основаны первые английские колонии. В дальнейшем и в самом названии нового государства, возникшего в 1776 г., — Соединенные Штаты Америки — была отражена идея охвата молодой республикой всего континента. Кстати, сторонниками такого толкования стали и многие ее руководители, включая Т.Джефферсона, Дж.Мэдисона и др.[141]

---

[138] Как в свое время установил профессор Джулиус У. Пратт, автором этого примечательного словосочетания был Джон Л. О'Салливан, редактор журнала «Democratic Review» и нью-йоркской газеты «Morning News», на протяжении многих лет занимавшийся пропагандой экспансионистских идей. **Pratt J.W.** The Origin of «Manifest Destiny» // AHR. — 1927. — July. — Vol. 32. — № 4. — P. 793–798. Напомним, что в статье «Будущее великой нации» (Democratic Review. — Nov. 1839. — Vol. 6. — P. 426–430) Соединенные Штаты характеризовались в следующих выражениях: «Их полом станет полушарие, крышей — небесный свод, усыпанный сверкающими звездами, их конгрегацией — Союз многих республик, населенных сотнями миллионов счастливых людей... управляемых божественными, естественными и моральными законами равенства» (**Pratt J.W.** The Ideology of American Expansion // Essays in Honor of William E. Dodd / Ed. by A.Craven. — Chicago, 1935. — P. 341).

[139] **Democratic Review.** — July—Aug. 1845. — Vol. 17. — P. 5; **New York Morning News.** — 1845. — Dec. 27 (The True Title); **Weinberg A.K.** Manifest Destiny: A Study of Nationalist Expansionism in American History. — Chicago, 1963. — P. 112, 144–145 (1st print.: Baltimore, 1935).

[140] **CG.** — 29th Congress. — 1st Session. — App. — P. 99.

[141] Подробнее см. **Болховитинов Н.Н.** Доктрина Монро (происхождение и характер). — М., 1959. — С. 68–69.

Приведу в этой связи лишь один пример. На заседании кабинета в ноябре 1819 г. тогдашний руководитель внешней политики США Дж.К.Адамс заявил, что мир должен освоиться с мыслью считать законным владением Соединенных Штатов континент Северной Америки: «С того времени, как мы стали независимым народом, то, что это стало нашей претензией, является в такой же мере законом природы, как то, что Миссисипи течет в море. Испания имеет владения к югу, а Англия — к северу от наших границ. Было бы невероятно, чтобы прошли столетия, а они (владения. — *Н.Б.*) не были бы нами аннексированы». По мнению государственного секретаря, было бы противоестественным и абсурдным, «если бы подобные разрозненные территории, владельцы которых находятся за морем на расстоянии 15 сотен миль и которые являются для них обременительными и ничего не стоящими, существовали бы постоянно, соприкасаясь с великой, могучей, предприимчивой и быстро растущей нацией»[142].

Значение взглядов Дж.К.Адамса на будущее континента Северной Америки и судьбу владений европейских стран особенно возрастает, если учесть, что Уильям Г. Сьюард, губернатор штата Нью-Йорк (1838–1842), сенатор (1849–1861) и государственный секретарь (1861–1869), подписавший впоследствии договор о покупке Аляски, считал себя прямым последователем маститого государственного деятеля Новой Англии. Когда в феврале 1848 г. Дж.К.Адамс скончался, Сьюард заявил: «Я потерял патрона, учителя, советника и друга — того, кого любил не меньше, чем самого близкого родственника и чтил выше всех смертных среди людей»[143].

Претендуя на обладание всем континентом, американцы не забывали и о его самой отдаленной части — Русской Америке. Так, в феврале 1849 г. влиятельный вигский орган «Найлс нэшнл реджи-

---

[142] **Adams J.Q.** Memoirs of John Quincy Adams. — Vol. 1–12 / Ed. by Ch.F.Adams. — Philadelphia, 1874–1877. — Vol. 4. — P. 438–439 (запись от 16 ноября 1819 г.). Об экспансионистских взглядах Дж.К.Адамса см. также: **John Quincy Adams and American Continental Empire** / Ed. by W. Lafeber. — Chicago, 1965.

[143] **Eulogy of John Quincy Adams, Albany, Febr. 25, 1848** //Seward W.H. The Works of William H. Seward. — Vol. 1–5 /Ed. by G.E.Baker. — N.Y.,1972. — Vol. 3. — P. 281. Надо сказать, что во многих отношениях Дж.К.Адамс действительно заслуживал восхищения. Он отличался редкими для политического деятеля моральными качествами, честностью и последовательностью в отстаивании своих взглядов. На протяжении многих лет он выступал против рабства и войны с Мексикой. Его последним словом было твердое «нет» в конгрессе при голосовании 21 февраля 1848 г. резолюции о награждении отличившихся в войне с Мексикой американских генералов. См.: **CG.** — 30th Congress. — 1st Session. — P. 380–381 (1848. Febr. 21); **Bemis S.E.** John Quincy Adams and the Union. — N.Y., 1965. — P. 534–535 (1st print: 1956).

стер» перепечатал статью из «Ньюарк сентинел» под любопытным названием «Русская Америка — наши тихоокеанские владения». Ново-Архангельск и русские поселения в Америке рассматривались в качестве привлекательного места для американской колонизации и распространения цивилизации. Отмечая, что РАК «не поощряет миграцию, так как она грозит подорвать ее монополию на меховую торговлю», газета тем не менее утверждала, что «перемена должна произойти в результате общего увеличения населения». Компания уже наняла американского техника для того, чтобы обучить русских строительству паровых судов, и вскоре «у него будет много товарищей, говорящих на его собственном языке»[144]. Хотя пророчество автора статьи свершилось не сразу, появление подобной статьи оказалось симптоматичным.

Позднее, выступая в Сент-Поле (штат Миннесота) с политической речью, Сьюард утверждал, что латиноамериканцы, англичане и русские своей деятельностью на Американском континенте лишь закладывают основы для будущих Соединенных Штатов, столицей которых станет город Мехико. «Стоя здесь и обращая взор к Северо-Западу, — говорил оратор, — я вижу русского, который озабочен строительством гаваней, поселений и укреплений на оконечности этого континента как аванпостов С.-Петербурга, и я могу сказать: «Продолжай и строй свои аванпосты вдоль всего побережья вплоть даже до Ледовитого океана — они тем не менее станут аванпостами моей собственной страны — монументами цивилизации Соединенных Штатов на Северо-Западе»[145].

В последнее время, однако, в литературе стали обращать внимание на то, что Сьюард был не столько сторонником неограниченного территориального расширения Соединенных Штатов в Западном полушарии, сколько выступал за их мировую торговую гегемонию. Поскольку же империя Соединенных Штатов мыслилась им в основном как торговая, то для нее требовалось присоединение таких стратегически важных районов, «которые способствовали бы господству американцев на морских путях»[146]. Именно в этом плане Сьюард смотрел на Калифорнию, Орегон и Русскую Америку. Соединенным Штатам необходимо иметь «больше места в Индии и Китае», поэтому конфликт из-за Орегона и Северо-Запада Америки ассоциировался в его представлении с борьбой за Азию[147].

---

[144] **Niles' National Register.** — 1849. — Febr. 21; **Kushner H.I.** Op. cit. — P. 104–105.

[145] **Political Equality and the National Idea, Saint Paul. 1860. Sept. 18** // Seward W.H. Op. cit. — Vol. 4. — P. 333.

[146] **Paolino E.N.** The Foundations of the American Empire: William Henry Seward and U.S. Foreign Policy. — Ithaca; L., 1973. — P. X.

[147] **У.Сьюард — Т.Виду, 20 декабря 1845 г.** //RRL. — UR. — Th.Weed Papers; **Kushner H.I.** Op. cit. — P. 10.

Как подчеркивал Сьюард, выступая в сенате 29 июля 1852 г., «Тихий океан, его берега, острова и обширные внутренние районы станут основным театром событий великого будущего мира». Торговля, по словам сенатора, станет главным действующим лицом «в новом театре человеческой активности». И та нация, которая добьется того, что «эта торговля получит полное развитие», неизбежно станет «величайшей из существующих стран; более великой, чем любая из когда-либо существовавших»[148].

Сказочные богатства Востока манили и других законодателей США. Сошлемся в этой связи на примечательное выступление конгрессмена от Калифорнии М.Лейтэма: «Оккупация и заселение Калифорнии... — заявил он в январе 1855 г., — произведут на Востоке коренной переворот в торговле, промышленности и мореплавании, за которым последует полнейшее изменение моральных, религиозных и политических свойств азиатов... Я полагаю, что Калифорнии и Орегону суждено повторить в еще более крупных и величественных масштабах ту роль, которую Египет сыграл в истории цивилизации Старого Света, что Сан-Франциско станет современной Александрией, через которую богатства Индии будут сыпаться в наш подол. Подобно тому, как Старый Свет получил свою цивилизацию из Египта, так новая цивилизация, наука и доктрина живого бога будут перенесены с западных берегов Американского континента, чтобы оживить инертные расы Китая, Японии и Индийского архипелага». Лейтэм полагал, что все это в будущем изменит «политические очертания» Азии[149].

Следует особо подчеркнуть, что в проведении экспансионистской политики в бассейне Тихого океана и на Северо-Западе Америки были заинтересованы влиятельные и весьма разнородные круги как Востока, так и Дальнего Запада США. На этой основе тесные связи установились, в частности, между такими непохожими друг на друга людьми, как У.Г.Сьюард и У.М.Гвин, которые и сыграли в будущем главную роль в приобретении Соединенными Штатами Аляски[150].

---

[148] **Seward W.H.** Op. cit. — Vol. 1. — P. 250.

[149] **Тумаркин Д.Д.** Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820–1865. — М., 1971. — С. 287; **CG.** — 32nd Congress. — 2nd Session. — P. 224, 227.

[150] Если о Сьюарде существует огромная литература, включая авторитетные биографические работы (**Van Deusen G.G.** William Henry Seward. — N.Y., 1967), то о Гвине известно гораздо меньше. Правда, еще в 1931 г. Х.Макферсон подготовила специальную диссертацию об экспансионистских взглядах сенатора от Калифорнии (**McPherson H.M.** William McKendree Gwin, Expansionist. — Ph.D. University of California. — Berkeley, 1931. — VII, 358 p.), но эта серьезная работа осталась в рукописи. В Бэнкрофтской библиотеке сохранились мемуары У.Гвина. См. **Memoirs on History of the**

Оба сенатора явились, в частности, инициаторами билля об организации экспедиции для обозрения и исследования Тихоокеанского севера, что содействовало бы развитию китобойного промысла в водах, омывавших владения России в Америке и Азии. Они выступали с проектами аннексии Гавайских островов и выдвигали весьма изощренные экспансионистские идеи[151]. Как отметила Х.Макферсон, «Гвин вынашивал идею всемирной империи, центром которой должны были стать Соединенные Штаты. Его планы предусматривали соединение Тихого и Атлантического океанов через Панаму», строительство трансконтинентальной железной дороги, телеграфа и т.д. По примеру Сьюарда, Гвин призывал обратить внимание на «сотни миллионов жителей, населяющих Китай и Японию», а также на русские владения вдоль Амура как на рынок для американских товаров, который даст США «контроль над мировой торговлей и обменами»[152].

Не ускользнула от внимания сенатора от Калифорнии и Аляска, которую он считал «прекрасной морской и стратегической базой». По отзыву той же Х.Макферсон, Гвин отлично понимал и «экономическую ценность этой территории»[153].

Усиленное внимание к Русской Америке У.Сьюарда и У.Гвина, других американских политиков, конечно, не было случайным и определялось не только выгодами торговли в Азии или общими экспансионистскими взглядами. Ему во многом способствовали также конкретные деловые интересы, связанные в первую очередь с бурным развитием китобойного промысла, о чем необходимо сказать подробнее. По официальным (преуменьшенным) данным, общий зарегистрированный тоннаж китобойного флота США составлял[154]:

Год	Тыс. т	Год	Тыс. т
1825	35	1850	146
1830	40	1855	187
1835	98	1860	167
1840	137	1865	84
1845	191		

United States, Mexico and California of Ex. Senator W.M. Gwin. Dictated by Himself for Bancroft Library, 1878; см. также **Memoirs of Hon. William M. Gwin** / Ed. by W.H.Ellison // CHSQ. — 1940. — March. — Vol. 19. — № 1. — P. 1–26; June. — № 2. — P. 157–184; Sept. — № 3. — P. 256–277; Dec. — № 4. — P. 344–367.

[151] **Kushner H.I.** Op. cit. — P. 110–111.

[152] **McPherson H.M.** The Interest of William McKendree Gwin in the Purchase of Alaska, 1854–1861 // PHR. — 1934. — March. — Vol. 3. — № 1. — P. 31–32.

[153] **McPherson H.M.** William McKendree Gwin, Expansionist. — P. 296.

[154] **Historical Statistics of The United States.** — Wash., 1960. — P. 445.

Как видим, наивысшего расцвета китобойный промысел достиг в середине 40-х гг. и продолжал держаться на высоком уровне вплоть до конца 50-х гг. В 1846 г. китобойный флот США состоял из 600 кораблей и барков (barks), 34 бригов и 22 шхун, т.е. насчитывал 736 судов общим водоизмещением 233 тыс. т. В «китовую индустрию» было вложено более 70 млн долл., и с ней прямо или косвенно было связано 70 тыс. человек[155]. Главной базой китобойного флота на Тихом океане во второй четверти XIX в. стали Гавайские о-ва. В 1853 г. из 533 посещений китобойных судов, зарегистрированных в гавайских портах, 500 приходилось на американские корабли[156]. Следует иметь в виду, что в середине XIX в. китобойные суда обычно оставались в Тихом океане по 2–3 года. Летом они плавали в северных широтах, зимой уходили к экватору, а весной и осенью сотнями собирались в Гонолулу, Лахаине и других гавайских портах.

Хищническое истребление китов приводило к тому, что приходилось постоянно заниматься поисками новых районов их обитания. К началу 40-х гг. Берингово море «осталось, можно сказать, единственным на земном шаре, где промышленность китобойца не нарушила спокойного убежища китов», что являлось «как бы залогом будущих ее польз и выгод»[157]. Этому «вековому спокойствию», однако, быстро наступил конец. В 1835 г. капитан Б.Т.Фолджерс на корабле «Ганджес» из Нантакета обнаружил в районе о-ва Кадьяк огромные «китовые пастбища», а с начала 40-х гг. к берегам Русской Америки устремились многие десятки китобойных судов США.

По сообщению капитана Уилкокса (корабль «Парашют» из Нью-Бедфорда), «в 1841 г. он производил промысел... в числе не менее 50 судов, принадлежащих Соединенным же Штатам, и упромыслил своим судном 13 китов, из которых было вытоплено 1600 бочек жиру». В следующем, 1842 г. «по обе стороны западной оконечности полуострова Аляски и восточной части Алеутской гряды» побывало уже до 200 американских китобойных судов, «т.е. все те, которые прежде ходили для китового промысла в Южное полярное море»[158]. В 1843 г. два капитана из Нью-Бедфорда (Рикетсон и Тернер) занимались ловлей ценной разновидности китов (bow-head whales) у берегов Камчатки, «а еще через три года американские китобои появились в Охотском море». Наконец, в 1848 г. капитан Ройс на барке «Сьюпириор» прошел через Берингов пролив и положил

---

[155] **Tower W.S.** A History of American Whale Fishery. — Philadelphia, 1907. — P. 51; **Starbuck A.** History of American Whale Fishery. — Vol. 1–2. — Wash., 1878. — Vol. 1. — P. 98 (repr.: N.Y., 1964).

[156] **Тумаркин Д.Д.** Указ. соч. — С.60.

[157] **Список с рапорта начальника Камчатки г. капитана 2-го ранга Машина к г. губернатору Восточной Сибири от 9 января 1846 г. за № 48** // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1321. — Л. 26 об.

[158] **Там же.** — Д. 1313. — Л. 2.

начало промыслу китов в Северном Ледовитом океане, где уже в следующем году побывало 154 китобойных судна[159].

Как сообщал начальник Камчатки, у берегов полуострова в 40-х гг. начался «изобильный промысел китов». Летом 1845 г. «известие о богатствах нашего моря» привлекло «к берегам Камчатки до пятисот китобойных судов разных наций. Все они, легко приобретя полные грузы, отправились в Европу и на Сандвичевы острова в главный притон китобойных судов, а сорок четыре заходили в Петропавловский порт». Местные власти на Камчатке и в Русской Америке не сомневались, что в дальнейшем деятельность иностранных китобоев еще более расширится. Они опасались также, что иностранцы заведут торговые связи с чукчами, выменивая у них в ущерб русскому купечеству «ценных пушных зверей и моржовый зуб»[160].

Успех китобойного промысла Соединенных Штатов у берегов Русской Америки и Восточной Сибири превзошел все ожидания. Общее число американских китобойных судов в середине XIX в. в водах Тихого океана к северу от 50° с.ш., а также объем китового жира виден из приводимых данных[161]:

Год	Число судов	Добыча китового жира (*баррели*)	Год	Число судов	Добыча китового жира (*баррели*)
1840	3	1 760	1851	138	86 360
1841	20	28 200	1852	278	373 450
1842	29	47 200	1853	238	217 056
1843	108	146 800	1854	232	184 063
1844	170	259 570	1855	217	189 579
1845	263	250 600	1856	178	146 410
1846	292	253 800	1857	143	113 900
1847	177	187 443	1858	196	121 650
1848	159	185 253	1859	176	94 160
1849	155	206 850	1860	121	62 678
1850	144	243 648	1861	76	55 624
			1862	32	19 525

Таким образом, уже к середине 40-х гг. воды Тихого океана, омывавшие берега русских владений в Северной Америке и Восточной Азии, стали одним из важнейших, если не главным районом китобойного промысла предприимчивых американцев. В 1845 г. 263 из 690 китобойных судов Соединенных Штатов промышляли

---

[159] **Starbuck A.** Op. cit. — Vol. 1. — P. 98; **Tower W.S.** Op. cit. — P. 59 etc.; **Тумаркин Д.Д.** Указ. соч. — С. 53; **Сбигнев А.** Исторический очерк главнейших событий в Камчатке, 1816–1856 // МС. — Авг. 1869. — Т. 103. — № 8. — С. 81–82.

[160] **РГИА.** — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1321. — Л. 26–27.

[161] **Starbuck A.** Op. cit. — P. 104.

«исключительно в водах, находящихся под юрисдикцией Российско-американской компании»[162]. Только в Охотском море ежегодно действовали около 200 американских судов. На протяжении 14 лет (с 1848 по 1861 г.) они вывезли китового жира и уса на 130 млн. долл., или 200 млн. руб. серебром. «В Шантарских водах нынче, — сообщал русский морской офицер В.Збышевский, — американцы распоряжаются, если не так, как дома, то так, как в покоренной ими стране: жгут и рубят леса, бьют дичь и китов, торгуют с тунгузами мехами, оленями и оставляют после себя следы, напоминающие если не древних варваров, то по крайней мере татарские и запорожские пожоги»[163].

В Соединенных Штатах вполне отдавали себе отчет в значении китобойного промысла. Показательна в этом смысле записка, адресованная советником Верховного суда и корреспондентом Национального института в Вашингтоне А.Пальмером президенту Дж.Полку 10 января 1848 г. Ссылаясь на официальные данные, он сообщал, в частности, что «в настоящее время в Тихом океане ходит более 700 американских китобойных судов, вмещающих 240 000 тонн и на которых занято более 20 000 человек командиров и матросов. На снаряжение этой флотилии употреблено более 40 000 000 долларов, а ежегодно прибыль от китоловства ценится в 10 000 000 долларов». Именно учитывая практические интересы торговцев и мореплавателей США, Пальмер ставил вопрос о допуске американского флага «в порты Сибири, Камчатки, Курильских и Алеутских островов, равно как и в порты российских владений на северо-западном берегу Америки, что открыло бы новое поле нашей торговли к взаимной выгоде обеих наций»[164].

Выступая в сенате в июле 1852 г., У.Сьюард обратил внимание своих коллег, что Охотское и Анадырское моря, воды к северу и югу от Берингова пролива стали посещать сотни китобойных судов США, а приносимый ими доход превысил стоимость американского импорта из Китая[165]. Именно учитывая важность этих поступлений, Сьюард и Гвин внесли в сенат упоминавшийся законопроект о

---

[162] **Kushner H.I.** Op. cit. — P. 82.

[163] **Збышевский В.** Замечания о китоловном промысле в Охотском море // МС. — Авг. 1863. — Т.65. — № 4. — С. 229, 231; **Слюнин Н.** Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. — СПб., 1895. — С. 94.

[164] **Пальмер А.** Записка о Сибири, Манчжурии и об островах северной части Тихого океана. — СПб., 1906. — С. 2 (оттиск из журн. Старина и новизна. — 1906. — С. 164–242). В свое время записка Пальмера была опубликована в материалах конгресса США. См. **30th Congress.** — 1st Session. — Senate Misc. Doc. № 80. — 1848. March. 8.

[165] **Survey of the Arctic and Pacific Oceans, July 29, 1852** // Seward W.H. Op. cit. — Vol. 1. — P. 244–245.

необходимости «исследования и разведки» Ледовитого и Тихого океанов.

Совсем иной, естественно, была реакция русских властей. «...Жители Алеутских и других островов, лежащих в Беринговом, или Камчатском море, — писали директора РАК министру финансов Е.Ф.Канкрину в конце 1842 г., — существуют и питаются исключительно, можно сказать, добываемыми в том море китами. А потому американские суда, промышляющие китов в российско-американских морях, не только нарушают тем неприкосновенность российских владений, но и угрожают, по мере истребления китов, лишить туземцев того края империи главного и почти единственного средства пропитания. Уже ныне отмечается в Кадьякском отделе большое уменьшение китов, вероятно, именно потому, что китоловные суда отгоняют их от берегов»[166].

Царское правительство не было склонно принимать действенные меры для защиты интересов РАК. И хотя Е.Ф.Канкрин поддержал просьбу Главного правления компании, К.В.Нессельроде, по существу, ответил отказом. Министр иностранных дел отмечал, что «право на закрытое море (mare clausum) в отношении северной части Тихого океана не может быть теоретически доказано». И по истечении условий ст.4 конвенции 1824 г. Россия может лишь «воспретить американским судам посещать внутренние моря, заливы, гавани и бухты для производства рыбной ловли и торговли с местными жителями», но не имеет права воспрепятствовать американским судам «производить китовый лов в открытом море»[167].

Между тем активность американцев на Тихоокеанском севере все росла, и российское колониальное начальство считало необходимым принять действенные меры «к обузданию своевольства китоловов» и защите «туземцев, вверенных управлению компании». Главный правитель А.К.Этолин, в частности, упоминал в своих рапортах в Петербург суда «Генри Ли» (капитан Льюис) и «Энн Мэри Энн» (капитан Уинтерс) из Нью-Йорка. Корабль «Гамильтон» (капитан Джон Коул) был пойман в Ново-Архангельске в 1843 г. и уличен «в запрещенной торговле мехами с колошами». Все это побудило местные власти «вооружить одно из компанейских судов... и послать оное в крейсерство около островов, бухт и заливов по южную сторону Кадьяка и в Шелиховском проливе»[168].

---

[166] **ГП РАК — Е.Ф.Канкрину, 19 ноября (1 декабря) 1842 г., № 1483** // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1313. — Л. 3.

[167] **Е.Ф.Канкрин — К.В.Нессельроде, 30 ноября (12 декабря) 1842 г., № 4893; К.В.Нессельроде — Е.Ф.Канкрину, 9(12) декабря 1842 г.** // Там же. — Л. 5–6, 7–8.

[168] **ГП РАК — Ф.П.Вронченко, 12(24) января 1845 г., № 62** // Там же. — Л. 12.

Руководство РАК не только поддержало действия Этолина, но и считало необходимым сделать такое крейсерство ежегодным, предоставив одному из «лучших компанейских судов» военный флаг. «Вид русского военного флага в морях, посещаемых китоловами, будет действенным средством к обузданию их дерзости». Право же китового промысла иностранцев, по мнению директоров компании, следовало «ограничить чертою на расстоянии трех лигов или 9 итальянских миль от берегов, основываясь на том, что сим расстоянием всеми просвещенными нациями принято определять границы со стороны моря»[169].

Как и Е.Ф.Канкрин, новый руководитель министерства финансов Ф.П.Вронченко нашел представление компании справедливым и обратился с соответствующей просьбой в МИД и Главный морской штаб[170]. В мае 1845 г. К.В.Нессельроде сообщил, что российскому посланнику в Вашингтоне «поручено предварить» Соединенные Штаты «об учреждении колониальным нашим начальством крейсерства для наблюдения за тем, чтобы иностранные суда не нарушали в принадлежащих нам внутренних морях, заливах, гаванях и бухтах постановленных в конвенции 1824 г. условий»[171].

Российский посланник в Вашингтоне А.А.Бодиско 14 июля 1845 г. передал государственному секретарю Дж.Бьюкенену ноту, в которой подробно изложил жалобы на действия американских китоловов и сообщил об учреждении крейсерства РАК[172]. В условиях резкого обострения англо-американских отношений из-за Орегона Дж.Бьюкенен не хотел новых осложнений еще и с Россией. По согласованию с А.А.Бодиско государственный секретарь официально информировал общественность страны об учреждении русского крейсерства у северо-западных берегов Америки и рекомендовал судам США «не нарушать существующих договоров между обеими странами», не приставать у берегов Русской Америки, где есть поселения, без разрешения местного начальства и, что особенно важно, не посещать «внутренние моря, заливы, гавани и бухты в любых местах севернее 54°40' с.ш.»[173]. В России с удовлетворением

---

[169] **Там же.** — Л. 13–14.

[170] См. **Письма Ф.П.Вронченко К.В.Нессельроде и А.С.Меншикову, 23 января (4 февраля) 1845 г.,** а также **Повторное обращение 28 апреля (10 мая) 1845 г.** // Там же. — Л. 23–24, 25–28, 30.

[171] Полный текст депеши К.В.Нессельроде А.А.Бодиско от 12(24) мая 1845 г. см.: **Там же.** — Л. 37–41; Extrait см. **АВПРИ.** — Ф. К., 1845 г. — Д. 171. — Л. 322.

[172] **А.А.Бодиско — К.В.Нессельроде, 16(28) июля 1845 г., № 55; А.А.Бодиско — Дж.Бьюкенену, 14 июля 1845 г.** // АВПРИ. — Ф. Пос-ва в Вашингтоне. — Оп. 512/2. — Журнал копий донесений. — Л. 108–109, 109–111.

[173] **Washington Daily Union.** — 1845. — Sept. 26; **PABT.** — Vol. 2. — P. 250.

восприняли известие об этом, и К.В.Нессельроде выразил надежду, что «вследствие этого объявления и с появлением крейсерства американские суда не будут более нарушать конвенцию»[174].

На практике, однако, американские китобои мало считались с предупреждениями, которые к тому же редко подкреплялись практическими действиями. Согласившись на учреждение крейсерства, Николай I не дал своего «соизволения на употребление военного флага». Кроме того, К.В.Нессельроде счел необходимым поставить «в непременную обязанность», чтобы при организации крейсерства командиру соответствующего судна было предписано соблюдать крайнюю осмотрительность «и по возможности избегать всего того, что могло бы подать повод к справедливым жалобам иностранцев». Сама организация крейсерства ограничивалась наблюдательной целью и должна была строго следовать духу конвенций 1824–1825 гг., «которые имели одним из главных предметов предупреждение всяких столкновений между обоюдными местными начальствами». Что же касается до определения территориальных вод русских владений, то К.В.Нессельроде вообще высказался против этого предложения, так как «назначение в море границ берегового ведомства доселе не имеет между народами ясного и единообразного постановления»[175].

Между тем продолжали поступать предложения по ограничению промысла китов вдоль берегов Берингова и Охотского морей от начальника Камчатки капитана Машина и генерал-губернатора Восточной Сибири генерал-лейтенанта Руперта, которые были озабочены тем, что из-за нещадного истребления китов и рыбы алеуты и коряки лишались своего единственного пропитания[176]. Серию писем по этому поводу в течение 1846 г. направил в МИД России и министр финансов Ф.П.Вронченко[177].

Карл Васильевич явно не торопился с конкретным рассмотрением новых жалоб и лишь 4(16) июня 1847 г. удостоил Вронченко своим ответом, который был выдержан в обычном для главы ино-

---

[174] **К.В.Нессельроде — Ф.П.Вронченко, 4(16) июня 1847 г.** // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1321. — Л. 48–53; **Ф.П.Вронченко — А.С.Меншикову, 10(22) июня 1848 г.** // РГА ВМФ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Д. 131. — Л. 1–3.

[175] **К.В.Нессельроде — Ф.П.Вронченко, 16(28) мая 1845 г.** // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1313. — Л. 32–36; **Ф.П.Вронченко — ГП РАК, 26 мая (7 июня) 1845 г., № 2518** // Там же. — Л. 45.

[176] См.: **ГП РАК — Ф.П.Вронченко, 1(13) марта 1846 г., № 408** // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1321. — Л. 1–4; **Рапорт начальника Камчатки капитана Машина от 9(21) января 1846 г., № 48** //Там же. — Л. 26–29; **Записка генерал-лейтенанта Руперта от 7(19) марта 1846 г.** // Там же. — Л. 8; и др.

[177] **Ф.П.Вронченко — К.В.Нессельроде, 11(23) марта 1846 г., № 1185; (20 мая, № 308; 20 июля, № 3189; 2 ноября (ст.ст.) 1846 г., № 4856)** // Там же. — Л. 5–6; и др.

странного ведомства легитимистском духе. «Части Великого, или Тихого океана, окруженные русскими владениями, — подчеркивал К.В.Нессельроде, — не могут считаться внутренними морями», и правительство не имеет права «воспретить иностранцам плавание в сих водах» или «не допустить их к китоловству». Что касается предложения сибирских властей о запрещении «иностранным судам подходить к нашим берегам на расстояние 40 итальянских миль», то министр иностранных дел напоминал, что «в народном праве не определено, как далеко может государство, владеющее морским берегом, простирать свою власть на прилегающем море. Никакому оспариванию не подлежит только то пространство, которое ограничивается пушечным выстрелом, то есть расстояние около трех итальянских миль». Если бы, однако, правительство «России вознамерилось запретить иностранцам производить китовый лов в Беринговом или в Охотском море, то сие запрещение не только было бы противно трактатам... но нарушило бы с тем вместе общепринятые правила народного права. Сверх того... надлежало бы снарядить несколько военных судов, а потребные на сие издержки не вознаграждались ожидаемыми от этой меры выгодами»[178].

Учитывая мнение главы ведомства иностранных дел, РАК трудно было рассчитывать на реальную защиту правительства от проникновения в Русскую Америку иностранных конкурентов. Жалобы на действия американских китобоев, однако, продолжались[179]. В мае 1848 г. руководство РАК вновь обратило внимание правительства, что иностранные китоловы, «посылая вельботы свои на берег, вредят всякой промышленности» и «самому существованию туземцев». Кроме того, носимые морем и выбрасываемые на берег остовы китов производят смрад, который отгоняет зверей, «отчего теперь нет бобров ни на острове Атту, ни на Самнахе». Поскольку учреждение крейсерства под флагом компании оказалось недостаточным «для обуздания своеволия иностранных китоловов и для предохранения неприкосновенности границ империи», Главное правление РАК просило «об учреждении в северной части Тихого океана постоянного крейсерства из судов императорского флота».

Не надеясь, по всей видимости, на поддержку К.В.Нессельроде, РАК просила министра финансов обратиться непосредственно к Николаю I[180]. Ф.П.Вронченко поддержал просьбу компании об ис-

---

[178] **К.В.Нессельроде — Ф.П.Вронченко, 4(16) июня 1847 г., № 4575 (подлинник)** // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1321. — Л. 48–53.

[179] См., в частности, **ГП РАК — Ф.П.Вронченко, 4(16) июля 1847 г., № 1044; 8(20) октября 1847 г., № 419** // Там же. — Л. 73–77, 82–83; **генерал-лейтенант Руперт — Ф.П.Вронченко, 11(23) августа 1847 г.** //Там же. — Л. 80–81 и др.

[180] **ГП РАК — Ф.П.Вронченко, 12(24) мая 1848 г., № 709** // Там же. — Л. 93–95.

ходатайствовании высочайшего «повеления на отправление в колонии достаточной силы судна для охранения российских владений... ибо появление в тамошних водах судна под военным флагом есть единственное средство к удержанию иностранных китоловов от своевольства»[181].

Хотя царь не возражал против предложений министра финансов и «повелел сообщить об этом генерал-адъютанту князю Меншикову»[182], реальное снаряжение корабля сильно затянулось. Сначала светлейший отсутствовал в С.-Петербурге, а затем с ответом не торопился. Лишь в ноябре 1848 г. он сообщил, что с его стороны назначение «военного судна для крейсерства» особенного затруднения не встречает, если «все издержки... будут приняты на счет Российской американской компании» или морскому министерству будут ассигнованы дополнительные средства из казны[183].

Предполагаемые расходы явно превосходили возможности компании, и она отказалась взять их на себя. Большие трудности возникли и с составлением инструкции, которой надлежало снабдить капитана военного фрегата. Даже в принципе было не вполне ясно, «какие именно внутренние моря на северо-западном берегу Америки запрещено иностранцам посещать» и «какие меры может принимать колониальное начальство против нарушителей»[184].

Новая переписка по поводу постоянного крейсерства в прибрежных водах Русской Америки возникла летом 1853 г. Учреждая его по просьбе РАК, генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев вновь запрашивал по этому поводу подробную инструкцию, подготовка которой, как видно из письма управляющего МИД России Л.Г.Сенявина, опять оказалась связанной со многими трудностями[185]. Хотя в конечном итоге 9(21) декабря 1853 г. император и утвердил злополучную инструкцию, она так и осталась на бумаге[186]. В условиях начавшейся войны с Турцией, а затем с Англией и Францией России стало уже не до защиты владений РАК от американских китобоев.

---

[181] **Ф.П.Врончeнко — Николаю I, 21 мая (2 июня) 1848 г.** // Там же. — Л. 96–98; Ф. 40. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 380–383.

[182] **РГИА.** — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1321. — Л. 96; **Ф.П.Врончeнко — А.С.Меншикову, 10(22) июня 1848 г., № 2752 с приложением выписок из донесений РАК за 1846–1848 гг.** // РГА ВМФ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Д. 131. — Л. 1–3, 4–5.

[183] **А.С.Меншиков — Ф.П.Врончeнко, 1(13) ноября 1848 г., № 8244** // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1321. — Л. 105–106.

[184] **РГИА.** — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1321. — Л. 125.

[185] См. **Н.Н.Муравьев — вел. кн. Константину, 26 мая (7 июня) 1853 г.; Л.Г.Сенявин — вел. кн. Константину, 7(19) июня 1853 г.** // РГА ВМФ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Д. 313. — Л. 1–2, 4–7; и др.

[186] **Доклад Комитета...** — Ч. 2. — С. 187.

Не дали сколько-нибудь серьезных результатов и попытки РАК наладить собственный китовый промысел. Еще в 1833 г. компания пригласила опытного американского моряка «гарпуньера Томаса Бартона для введения в колониях китоловства»[187]. В течение пяти лет он довольно успешно охотился у берегов русских владений. Однако из-за недостатка судов и средств «производство этого промысла в колониях по необходимости должно было ограничиться весьма малыми размерами и единственно для собственного употребления»[188].

В 1846 г. в пользу учреждения «русского китоловства» высказался генерал-губернатор Восточной Сибири Руперт[189]. В свою очередь, группа финских судовладельцев выразила желание создать специальную китоловную компанию, если РАК и царское правительство предоставят ей дополнительные средства и привилегии. Созданию российско-финляндского совместного предприятия способствовал и новый генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев, который осенью 1849 г. решительно выступил в пользу организации самостоятельного промысла китов на Дальнем Востоке. 13(25) декабря 1850 г. Николай I утвердил устав новой компании «для производства в Восточном океане ловли китов и с целью распространения торговли и развития мореплавания», предоставив ей определенные денежные «пособия и преимущества»[190]. Основной капитал компании состоял из 200 тыс. руб., причем половина этой суммы была предоставлена РАК. Но, хотя и удалось снарядить несколько китобойных судов, недостаток опыта и начавшаяся в 1853 г. Крымская война помешали успеху нового дела.

---

[187] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 28 апреля (10 мая) 1834 г., № 208** // NARS. — RRAC. — R. 36. — P. 194.

[188] **Доклад Комитета...** — Ч. 1. — С. 96.

[189] **Генерал-лейтенант Руперт — Ф.П.Вронченко, 7(19) марта 1846 г.** // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1321. — Л. 8.

[190] См. **Устав Российско-финляндской китоловной компании, утвержденный 13(25) декабря 1850 г.** // Тихменев П.А. — Ч. 2. — Прилож. — С. I–II.

Глава

6

ПЕЧАЛЬНАЯ СУДЬБА КОЛОНИИ РОСС (1825–1841)

Подписание конвенций 1824–1825 гг. о разграничении и торговле на Северо-Западе Америки, а затем восстание декабристов серьезно осложнили будущее колонии Росс. О выполнении планов Д.И.Завалишина нечего было и думать. Сам принцип заселения колонии освобожденными от крепостной зависимости земледельцами противоречил общей политике царского правительства. Такая идея могла возникнуть у Завалишина, ее мог приветствовать правитель канцелярии РАК К.Ф.Рылеев, ее могли поддержать даже директоры Главного правления компании и государственные деятели вроде Н.С.Мордвинова и М.М.Сперанского, но для правительства Аракчеева и Нессельроде она была явно неприемлема. Население колонии состояло из четырех основных групп: русских, креолов, т.н. «алеутов» (кадьякцев и других туземцев Аляски) и местных индейцев[1]. Сама колония, как и прежде, представляла собой небольшую деревянную крепость «с 17-ю орудиями малого калибра». В ней находился «дом для начальника, контора, казармы, двухэтажный магазин и некоторые другие здания». Служащих компании, кроме алеутов, занимавшихся морским промыслом, насчитывалось до 50 человек, из которых «едва 12» занимались собственно сельским хозяйством, засевая «около 200 пудов пшеницы и до 40 пудов ячменю», используя туземцев в качестве батраков. Кроме того, в Россе находилось «лошадей — 46, быков и коров — 2139, свиней — 81 и овец — 842». С 1826 по 1833 г. из колонии было вывезено всего около 6 тыс. пудов пшеницы, или примерно 850 пудов в год. После того как К.Т.Хлебников получил разрешение калифорнийских властей на ловлю каланов,

---

[1] **Lightfoot K.G., Wake T.A., Schift A.M.** The Archaeology and Ethnohistory of Fort Ross, California. — Vol.1. Introduction. — Berkeley, 1991. — P. 21–22.

ею в течение ряда лет занимались на берегах Калифорнии «алеуты». Постепенно, однако, этот промысел давал все меньшие результаты, а впоследствии прекратился совсем. Если в 1824–1825 гг. было добыто 975 морских бобров, то в 1832–1833 гг. — всего 188. Промысел морских котиков сократился с 1050 штук в 1825 г. до 54 штук в 1833 г. и т.д. В целом колония Росс оказалась для компании убыточной. На ее содержание в 1825–1830 гг. тратилось примерно 45 тыс. рублей в год, а доход в среднем составлял всего 12 883 рубля[2].

1. Колония Росс в 1820-х и 1830-х гг.

Важным и наиболее перспективным направлением развития колонии считалось земледелие. Однако оно не могло быть здесь эффективным из-за топографических и климатических условий[3]. Земля, пригодная для возделывания (ее количество было весьма ограничено), располагалась по склонам гор, то ровным, то изрезанным, и лишь примерно на милю вглубь до границы густого секвойевого леса, покрывавшего хребет. Небольшие, порой труднодоступные участки возделанной земли были разбросаны по этим склонам. Приходящие с океана туманы поражали пшеницу т.н. ржавчиной. Рабочей силы не хватало, знающих земледелие почти не было.

Вторая половина 1820-х в истории Росса связана с именем Павла Ивановича Шелехова, правителя конторы селения Росс с ноября 1824 г. по ноябрь 1830 г. При нем продолжалось начатое при его предшественнике К.Шмидте развитие зернового земледелия. По предписанию М.И.Муравьева, с прекращением кораблестроения (1824) Шелехов направил все людские ресурсы на расширение земледелия и скотоводства. Объемы производства зерна резко возросли. Если за 7 лет при Кускове (1815–1821) было снято всего лишь около 673 пудов пшеницы и 148 пудов ячменя, а за 3 года при Шмидте (1822–1824) собрано 4823 с половиной пуда пшеницы и 619 пудов ячменя (в среднем около 1814 пудов зерна в год), то при Шелехове

---

[2] См. **Записка о колонии РАК, именуемой Росс** // АГМ. — Т. VI. — С. 666–674; **РГИА.** — Ф. 904. — Оп. 2. — Д. 834. — Л. 1–6; **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 353–359; **Essig.E.O.** The Russian Settlement at Ross // Quarterly of the California Historical Society. — Vol. 12. — N. 3 (September 1933). — P. 191–216.

[3] О проблемах сельского хозяйства в Россе см. **Gibson J.R.** Imperial Russia in Frontier America. — N.Y., 1976. — P. 112–140; **Черных Е.** Письмо из Калифорнии от г.Черных о земледелии в с. Росс // Русский земледелец. — М., 1838. — Ч. 1. — Январь. — С. 116–117; **его же.** О состоянии земледелия в селении Росс, в Калифорнии // Земледельческий журнал. — 1837. — № 6. — С. 343–345; **Gibson J.R.** Two New Chernych Letters // The Pacific Historian. — Vol. 12. — 1968. — № 3. — P. 48–56; № 4. — P. 54–60.

за пять лет было собрано 19601 пуд пшеницы и 2913 пудов ячменя, что в среднем в год составляло около 4503 пудов[4]. Но земледелие в Россе не соответствовало ожиданиям РАК. Шелехов дважды удваивал посев в 1824–1826 гг., но урожай 1825 г. был посредственным, а следующие два года были неурожайными из-за ненастья и ржавчины. Впрочем, от недородов страдала вся Калифорния. В начале 1828 г. Росс вообще не смог прислать хлеба в Ново-Архангельск. Только в 1828 г. урожайность несколько возросла, что позволяло вывезти на Ситху до 3 тыс.пудов. Однако в следующем, 1829 г., был снова неурожай[5].

Исходя из среднестатистического соотношения показателей земли и посева, Хлебников вычислил для 1828 г. пространство возделанной земли в 88 десятин. К этому времени Шелехов расширил посевные площади до предела. «Ни одного клочка способной земли не осталось невозделанной поблизости селения и даже некоторые участки отдалены до 3-х верст от оного»[6]. Это был максимум сельскохозяйственного освоения прилегающей территории: дальше следовало думать о расширении колонии. В 1830-е годы эти земли уже были истощены, зарастали сорными травами, главным образом диким овсом[7].

Пахота и сев производились в Россе, как и во всей Калифорнии, после первых дождей, поздней осенью — зимой, жатва — в июле. Агротехника была достаточно примитивной. Земля не удобрялась из-за вольного выпаса скота и невозможности накапливать навоз. Пахали сохой, жали серпами. Что касается пахотных орудий, то, как пишет Хлебников, — «в селении бывали работники из всех мест пространной России, и потому каждый делал на свой вкус». Он отмечает «сохи финляндские, малороссийские, русские, сибирские и калифорнские, коих сошники ничто иное как заостренный кусок толстаго полосового железа». Для последних употребляли быков; а под остальные — лошадей; однако «на местах более гористых неудобно обработывать обоими средствами и употребляют к возделанию индейцев, которые лопатами взрывают землю»[8]. Первые агротехнические нововведения представляли скорее адаптацию к местным условиям. Так, в 1825 г. молотьба хлеба впервые производилась лошадьми на устроенном для этого току, что дало хороший эффект (прежде молотили цепами, что требовало значительного количества

---

[4] Подсчитано по: **Хлебников К.Т.** 1861а. — С. 151–152.

[5] **П.Е.Чистяков — ГП РАК, 16 марта 1829 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 340. — Л. 1–1об; **Хлебников К.Т.** 1861а. — С. 152.

[6] **Хлебников К.Т.** 1861а. — С. 150, 152.

[7] **Черных Е.** Письмо из Калифорнии... — С. 117; **его же.** О состоянии земледелия... — С. 344–345.

[8] **Хлебников К.Т.** 1861а. — С. 153.

работников, а также постройки больших сараев и овинов)[9]. Впоследствии Врангелю и Черных, знакомым с передовыми методами сельского хозяйства, эта молотьба казалась жалким средством и даже «вредительством», но она соответствовала тем ресурсам рабочей силы, которой располагал Росс.

Подсобную роль в земледелии играли садоводство и огородничество, успешное начало которым было положено во времена Кускова. К середине 1820-х из ввезенных саженцев уже плодоносили персики и виноград. В 1828 г. дали первые плоды яблони, груши и вишни, завезенные Хлебниковым в 1820 г. В 1825 г. при Шелехове площадь сада была расширена, он был обнесен забором, деревья были рассажены в правильном порядке. Предметом вывоза стала и одичавшая горчица. К началу 1830-х, по свидетельству Хлебникова, горчица росла «в диком состоянии и без присмотра». Любопытно, что, наряду с другими лексическими заимствованиями из русского, в языке индейцев кашайа имеется слово «кулучитча» (дикая горчица), где соединено «кулу» («дикая» на кашайа) и «читча» — производное от русского «горчица»[10].

Относительно успешно развивалось и скотоводство. Однако по мере расширения пахотных участков для выгона скота поблизости селения оставалось все меньше пространства. Скот начал разбредаться далеко в горы и порой пропадать. Тем не менее при Шелехове отмечается значительный рост поголовья. Так, при вступлении Шелехова в должность в наличии имелись 80 лошадей, 192 головы крупного рогатого скота, 543 овцы и 17 свиней. За пять последующих лет поголовье увеличилось: крупного рогатого скота — до 521 (более чем в 2,5 раза), лошадей — до 253 (более чем в 3 раза), овец — до 614, свиней — до 106 (в 6 раз). В 1825–1828 гг. увеличилось и производство сливочного масла, примерно две трети которого пересылалось на Ситху[11].

Незначительный рост числа овец объяснялся их высоким расходом — в пищу на месте и отправкой на Ситху. В 1826–1828 гг. ежегодно забивалось около 300 голов овец и до четырех десятков крупного рогатого скота, мясо которого засаливалось, а солонина (100–200 пудов) посылалась на Ситху. Мясо свиней вызывало отвращение, т.к., бродя по берегу, они питались выброшенными морскими животными и водорослями. (Врангель в 1833 г. приказал их всех

---

[9] **П.И.Шелехов — ГП РАК «О производстве дел конторы», 27 ноября 1825 г.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 1–4.

[10] **Хлебников К.Т.** 1861а. — С. 155; **Oswalt R.L.** Russian loanwords in Southwestern Pomo // International Journal of American Linguistics. — Vol. 24. — № 3, 1958. — P. 245–247.

[11] **Хлебников К.Т.** 1861а. — С. 153, 154, 156; **П.И.Шелехов — ГП РАК «О производстве дел конторы», 27 ноября 1825 г.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 1–4.

перебить.) Часть скота употреблялась на месте: людям за определенную плату выдавали баранов, а в праздничные дни забивали быков, мясо которых варили для команды[12]. Наряду с земледелием и скотоводством важное значение в самообеспечении колонии белками играла промысловая охота, а также в некоторой степени морское и речное рыболовство. Постоянные стрелки из алеутов вели регулярный промысел оленей. С Фараллонских о-вов доставляли мясо сивучей и морских птиц—ар.

Таким образом во второй половине 1820-х годов в сельском хозяйстве Росса был достигнут определенный прогресс, и оно по числу занятых превращается в ведущую отрасль его экономики, однако возможность селения снабжать продовольствием другие колонии оставалась ограниченной. Одним из противоречий социально-экономического развития колонии было противодействие РАК развитию автономного крестьянского хозяйствования; предпочтение было отдано типу крупного, централизованного в рамках колонии сельскохозяйственного предприятия, находящегося в собственности Компании. Земледелием в 1820-х — 1830-х гг. приватно занимались сам правитель конторы, приказчики, русские и другие промышленные, служащие из креолов и даже некоторые из «алеутов». Однако в сельском хозяйстве Росса уже с 1820-х гг. обозначилась конкуренция частно-индивидуальной и «компанейской» форм собственности, и последняя стремилась поглотить или жестко ограничивать первую.

С развитием зернового земледелия в 1820-е годы появились новые моменты в отношениях с индейцами. При недостатке рабочих рук индейцы стали источником неквалифицированной рабочей силы для сельского хозяйства. Главный правитель М.И.Муравьев после издания новых привилегий РАК предписывал, не подчиняя индейцев политически и не стремясь к их аккультурации, «без принуждения пользоваться их трудами, так, что, не навлекая на себя упреку в насилии, извлекать из них пользу для Компании»[13]. Если первоначально индейцы были представлены в селении Росс только женщинами, жившими с поселенцами, главным образом кадьякцами и креолами[14], то в начале 1820-х годов индейцы начинают приходить в селение для работы и селиться там семьями, хотя и в небольшом количестве. Для их приюта была сооружена небольшая постройка. В конце 1825 г. контора селения Росс доносила: «Индейцы расположены были к русским очень дружелюбно; из них семейств до 20-ти жили безотлучно в селении, а многие приходили времянно и

---

[12] **Хлебников К.Т.** 1861а. — С. 153–154.

[13] **М.И.Муравьев — К.И.Шмидту, 11 июля 1823 г.** // NARS. — RRAC. — R. 28. — P. 341–346.

[14] **Istomin A.A.** The Indians at the Ross Settlement: According to the Censuses by Kuskov in 1820 and 1821. — Fort Ross, Calif., — 1992.

всегда с охотой работали»[15]. Приход сезонных работников становится обычным. Как сообщал в 1825 г. К.Т.Хлебников, обработка «пашен производится всегда с помощью окрестных индейцев. По первой повестке в горы является до 100 человек дюжих мущин и все с охотою, а привычные и с великой ловкостью принимаются за все работы. За труды их надобно накормить, прилежнейшим же и смышленным выдается иногда рубашка из холстинки и одеяло, или пара платья из равендуку»[16]. Вероятно, в этот период формируется прослойка толмачей и бакеров (пастухов, от испанского vaquero) — более или менее аккультурированных индейцев, через которых в основном осуществлялись контакты с живущими вдали группами туземцев.

В колонии получили распространение различные ремесла и подсобные промыслы, ориентированные главным образом на вывоз — в Ново-Архангельск и испано-мексиканскую Калифорнию. На Аляску вывозились, в частности, глина (в сухом виде) и сделанные из нее кирпичи, бочонки для засолки мяса, изготовленные из мягкой пористой древесины секвойи («чаги») (позднее Врангель приказал их делать из дуба), деревянная («чажная») черепица и древесина местного лавра, пользовавшиеся спросом в Ново-Архангельске, а также сосновая смола[17]. Среди статей вывоза в Ново-Архангельск мы встречаем в источниках также выделанные кожи различного вида и назначения, включая сивучьи и оленьи, «перья арьи», лошади для Кадьяка. Эта номенклатура товаров в основных чертах оставалась неизменной до начала 1840-х гг.

Развивались кожевенное производство, ремесленная обработка железа и меди. Выделкой кож занимался мастер, кадьякский «алеут», научившийся у русского; он же выделывал из оленьих кож замшу, которую рабочие использовали «для нижнего платья». Однако гончарное ремесло, несмотря на наличие глины, развития в Россе не получило. Не употреблялась и шерсть из-за недостатка станков и подходящей рабочей силы. Часть ремесленной продукции поставлялась испанцам Калифорнии (несмотря на принадлежность Калифорнии к Мексике, старожильческое население края не отождествляло себя с мексиканцами). Постоянные торговые контакты поддерживались с соседними миссиями. Было распространено ремесленное производство на заказ (испанцы платили продовольствием). Особенным спросом пользовались плавательные средства, в частности баркасы: монахи испытывали потребность в гребных судах для переездов через обширный залив Сан-Франциско. Среди предметов, из-

---

[15] **П.И.Шелехов — ГП РАК «О производстве дел конторы», 27 ноября 1825 г.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 1–4.

[16] **К.Т.Хлебников — ГП РАК «О обозрении дел по конторе в Россе», 15 декабря 1825 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 323. — Л. 2.

[17] **Хлебников К.Т.** 1861а. — С. 156.

готовленных для испано-калифорнийцев или заказанных ими в Россе в первой половине 1830-х гг., мы встречаем также «коляски о двух колесах», телеги, колеса, бочки, «разную мебель», двери и рамы, «медные кубы», «фуражки красного сукна», сумки для патронов, жернова, точила и прочее. Но уже в это время подобные сделки становятся, по замечанию Ф.П.Врангеля, «редки и ничтожны» из-за конкуренции с дешевыми иностранными товарами, хлынувшими в Калифорнию[18].

В Россе продолжалось строительство. К середине 1820-х постройки внутри и вне крепости, относящиеся к началу заселения (крепостная стена, казармы, дома для служащих, скотные сараи и прочие), пришли в ветхость. После зимних сильных ветров и разлива воды, принесших значительные разрушения, Шелехов в 1825 г. произвел необходимый ремонт укреплений, заново перекрыл дом правителя, магазины и жилые дома. Была выстроена новая, бо́льшая по размерам казарма[19].

В апреле 1828 г. селение Росс подверглось эпидемии некоей болезни, которая вызывала кровавый понос и которую Шелехов называл «корью» (скорее всего это была дизентерия или тиф). Русских эта болезнь не коснулась, но все креолы и «алеуты» были ею больны, и в течение трех недель умерли 29 человек (в большинстве «алеуты»)[20]. Для предотвращения возможных эпидемий — по крайней мере оспы, против которой РАК имела материал для прививок, часть последнего была прислана в Росс и к середине декабря 1828 г. была привита более чем 20 жителям колонии.

Преемником Шелехова в Россе стал присланный для этого в 1829 г. Петр Степанович Костромитинов. Как и Шелехов, он происходил из купеческой среды, но был несколько более образован. Шелехов же сменил Хлебникова на посту правителя Новоархангельской конторы, хотя и не заменил в калифорнийских делах. 16 ноября 1830 г. П.С.Костромитинов «принял должность правителя» Росса, в которой пребывал до августа 1838 г.

Страшный шторм 12 декабря 1830 г., невиданный со времени основания крепости, в двух местах обрушил обветшавшую крепост-

---

[18] **Хлебников К.Т.** 1861а. — С. 148–149, 156, 165; **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 6 мая, 10 ноября 1832 г., 30 апреля 1835 г.** // NARS. — RRAC. — R. 34. — P. 194–197, 430–434 v.; R. 37. — P. 186 v.–189; **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 10 апреля 1834 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 349. — Л. 1–20; NARS. — RRAC. — R.36. — P. 59–78.

[19] **К.Т.Хлебников — ГП РАК «О обозрении дел по конторе в Россе», 15 декабря 1825 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 323. — Л. 1–2 об.; **П.И.Шелехов — ГП РАК «О производстве дел конторы», 27 ноября 1825 г.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 23. — Л. 1–4.

[20] **П.Е.Чистяков — ГП РАК, 16 марта 1829 г.** // NARS. — RRAC. — R. 31. — P. 291.

ную стену, поломал крылья у ветряной мельницы и причинил другие повреждения. Однако усилиями россинцев большая часть из них была исправлена за двое суток[21].

Став главным правителем колоний, Ф.П.Врангель пытался решить проблему повышения доходности Росса. Он посылал туда инструмент для массового изготовления «чажной» черепицы, а также мастера для производства войлоков, предписывал увеличить производство солонины на месте и подключил Росс (посылкой людей и бочек) к ежегодной заготовке в Калифорнии солонины для Русской Америки. Урожай пшеницы 1832 г., «несмотря на туманы, поздние дожди и необыкновенное множество мышей», был значительно лучше прежних лет. В связи с истощением земли контора предполагала на будущий год многие пашни оставить на несколько лет под пар. Это было нововведением в агротехнике Росса. На Ситху удалось выслать 1,5 тыс.пудов зерна[22]. Урожай 1833 г. был несколько ниже; тогда же впервые «для опыту» было посеяно немного конопли.

Продолжалось строительство. К 1831–1832 гг. относится отделка нового дома внутри крепости, недостроенного при Шелехове, постройка небольшой водяной мельницы «об одном поставе на ближней к селению речке» и другие работы. По предписанию Врангеля в Бодегу в 1832 г. был перенесен кирпичный завод и построен большой сарай для складки кирпичей и других «колониальных товаров, следующих к отсылке в Ситху». Ко времени визита Врангеля (1833) крепость Росс окружали два обширных скотных двора, домик «для хранения молока и делания масла, сарай для индейцев, молотильня, и два ряда компанейских и частных мелких домов с огородами и садиками, занятых служителями Компании». Далее стояла ветряная мельница. «Под горою у пристани байдарок построен обширный сарай и купорная, кузница, кожевенный завод и баня». Кроме домов «служителей» (русских и креолов), между крепостью и морем располагались «алеутские» жилища, а рядом с крепостью к концу 1830-х гг. сложилось индейское поселение, пополняемое каждое лето пригнанными аборигенами, с численностью жителей в несколько сот человек[23]. Современные археологи выделяют в связи

---

[21] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 30 апреля 1831 г.** // Ibid. — R. 33. — P. 162.

[22] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 6 мая 1832 г.** // Ibid. — R. 34. — P. 194–197; **Ф.П.Врангель — А.К.Этолину, 18 октября 1832 г.** // Ibid. — R. 34. — P. 301–308; **Ф.П.Врангель — К.Т.Хлебникову, 27 сентября 1831 г.** // ГАПО. — Ф. 445. — Оп. 1. — Д. 27. — Л. 1–4; **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 10 ноября 1832 г.** // NARS. — RRAC. — R. 34. — P. 430; **он же — П.С.Костромитинову. 20 сентября 1833 г.** //Ibid. — R. 35. — P. 210–213.

[23] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 6 мая, 10 ноября 1832 г., 10 апреля 1834 г.** // NARS. — RRAC. — R. 34. — P. 194–197, 430–434; R. 36. — P. 59–78; **Ф.П.Врангель — ГП РАК «О обозрении селения Росс», 10 апреля 1834 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 349. — Л. 1–20; **Gibson J.R.** Russia

с этим четыре этнических жилых района, образующих Росс (включая крепость)[24].

В документах этот населенный пункт обозначался формулировкой «Селение и крепость Росс»; широко в ходу было прилагательное «россинский» (например, «россинские индейцы» или «Россинская контора», хотя сам Врангель предпочитал называть ее «Росской»). На середину 1833 г. при селении числилось 293 человека, из них 199 взрослых (128 мужчин и 71 женщина), остальные — дети до 16 лет. Из числа взрослых 45 чел. составляли русские (в большинстве мужчины), 25 чел. — креолы (в т.ч. 15 женщин), 57 чел. — «алеуты» (среди них мужчины преобладали) и 72 чел. — индейцы (примерно равное соотношение мужчин и женщин)[25].

В июле — сентябре 1833 г. Врангель с семьей лично посетил Росс. Осмотрев селение и его окрестности (с отрядом в 20 человек он 11–14 сентября совершил экспедицию в долину р. Славянки) и оценив обстановку, главный правитель пришел к выводу о необходимости расширения территории колонии в глубь материка (допуская даже упразднение Росса и перенос селения в долину Славянки), а также предпринял ряд мер по повышению жизненного уровня всех слоев жителей — от русских промышленных до приходящих сезонников-индейцев. Были введены дополнительные пайки для детей всех служащих, льготы служащим, в т.ч. частным землепользователям и скотовладельцам, включая возможность дополнительного заработка (изготовление «чажной» черепицы), при этом оговаривался ряд условий, например, запрет брать в долг сверх жалования. Было увеличено довольствие и не состоящих на жалованье алеут и индейцев в период работы на Компанию; в частности, сезонных работников-индейцев предписывалось «довольствовать... по два раза в неделю мясом...» Врангель просил контору «стараться улучшить состояние» индейцев, «сколько это возможно при теперешних обстоятельствах»[26].

---

in California, 1833: Report of Governor Wrangel // Pacific Northwest Quarterly. — 1969. — Vol. 60. — № 4. — P. 205–215; **Laplace C.P.T.** Campagne de Circumnavigation de la Fregate L'Artemise, pendant les années 1837, 1838, 1839 et 1840, sous le commandement de M.Laplace, capitaine de la vaisseau. — Paris, 1854. — T. 6. — P. 144–163.

[24] **Lightfoot K.G., Wake T.A., Schift A.M.** Op. cit. — P. 22. См. также **The Archaeology and Ethnohistory of Fort Ross, California.** Vol. 2. **The Native Alaskan Neighborhood** / Ed. Lightfoot K.G., Schift A.M., Wake T.A. — Berkeley, 1997. — P. 30.

[25] **Ф.П.Врангель — ГП РАК. «О обозрении селения Росс», 10 апреля 1834 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 349. — Л. 1–20.

[26] **Ф.П.Врангель — конторе селения Росс, 20 июля 1833 г.** // NARS. — RRAC. — R. 35. — P. 194–196; см. также **Врангель Ф. Американцы Верхней Калифорнии** // Телескоп. — 1835. — Ч. 26. — С. 441, 443, 444.

Политика Врангеля по отношению к населению Росса определялась как личным гуманизмом, так и стремлением решить некоторые экономические проблемы и разрядить социальные противоречия в колонии. Большинство русских промышленных (и даже порой правители конторы) были должниками РАК. Они жаловались, что не могут жить и кормить семейства одним жалованьем и пайками; «от чего и в самом деле Контора никак не может долгов уменьшать, напротив они год от году умножаются». Так, промышленный Василий Пермитин (5 детей, жена) за 1832 год получил в счет жалованья товаров (Врангель, приводя их список, отмечает, что лишнего ничего не взято) по компанейским ценам на сумму в 728 руб. 17 коп. при его годовом жалованьи 350 рублей[27].

Не было случайным и особое внимание главного правителя к индейцам, которые к этому времени стали самым массовым (сезонным) компонентом рабочей силы в колонии. В бытность Врангеля в Россе из 210 чел., разводимых по работам («алеуты» в это время находились на промысле морских бобров), 49 чел. были русские и креолы (часовые, «мастеровые», плотники, повара и проч.), 161 чел. — индейцы («для жнитвы, таски снопов, при молотильнях, у таски глины на кирпичи и проч.»). «Из сего очевидно бросается в глаза необходимость пособия индейцев», без чьей помощи, пишет Врангель, «не было бы никакой возможности сожнать и стаскивать пшеницу с пашен в молотильны». Однако, в отличие от состоящих на жалованье или поденной плате русских, креолов и алеутов, индейцы-сезонники получали только пищу и иногда одежду. В пищу им отпускалась «одна мука для кашицы: от этой скудной пищи при усиленных работах индейцы приходят под конец в крайнее истощение!»[28].

Между тем в отношениях колонии с индейцами обозначились серьезные проблемы. Где-то между 1827 и 1832 гг. в этих отношениях появился элемент насилия: туземцев начали пригонять на сезонные полевые работы силой, что уже в 1833 г. наблюдал Ф.П.Врангель. «От худой пищи и ничтожного платежа индейцы перестали сами приходить в селение для работы, от чего контора нашлась принужденною отыскивать их в тундрах, врасплох нападать, связывать руки и пригонять в селение как скот на работу: таковая партия в 75 человек мужчин, жен и детей приведена была при мне в селение с разстояния около 65 верст отсюда.... Само собою разумеется каковы со временем должны быть последствия подобных поступков с индейцами и друзей ли мы в них себе наживаем?». Врангель считал, что «не токмо человеколюбие, но и самое благоразумие требуют, чтобы индейцев приласкать более»[29].

---

[27] **Ф.П.Врангель — ГП РАК. «О обозрении селения Росс», 10 апреля 1834 г. // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 349. — Л. 1–20.**

[28] **Там же.**

[29] **Там же.**

Для подобной озабоченности были основания. До начала 1830-х годов случавшиеся конфликты между индейцами и колонистами (убийство «алеутов» и лошадей) представляли собой мелкие, единичные и сугубо частные инциденты. Однако в 1832 г. обстановка в окрестностях Росса впервые серьезно обострилась. Разгром весною того года католической миссии Сан-Рафаэль восставшими индейцами произвел «впечатление также и на наших индейцев, — сообщает Врангель по донесению Костромитинова. — Они говорят, что ежели испанцы им не могли ничего сделать, то русские еще менее в состоянии, почитая кроткое обхождение с ними за трусость». Беглые миссионные индейцы рассказывали индейцам, живущим близ селения Росс, о планах разгрома всех миссий на северном берегу залива Сан-Франциско, «а потом попробовать счастье, не могут ли и с русскими сделать то же». Случившееся в это время убийство топором индейца-караульного и его жены еще более обострило обстановку. Не дожидаясь результатов расследования, «родники убитой женщины, узнав, что по сему делу замешан алеут, начали стрелять наших лошадей... в горах.., из коих убито и ранено до 18 штук». Последовали поиски и арест виновных. По мнению Костромитинова, этим, «вероятно все неприятности прекратятся». Прогноз правителя Росса оправдался. Но аборигенов становилось все труднее рассматривать как союзников[30].

По отбытии из колонии Врангель поставил перед Костромитиновым задачу: компенсировать истощение прежних пахотных земель и сделанное увеличение расходов на содержание колонии поиском новых пахотных мест.

К 1833 г. русские фактически колонизовали только территорию, непосредственно прилегающую к Россу и Порту Румянцева (т.н. Малой Бодеге). Кроме того, как территория, занятая русскими и подконтрольная им, фактически рассматривались Фараллонские о-ва (Фараллоны), где находилась промысловая артель, состоявшая к началу 1830-х годов из одного русского (начальника) и 6–10 человек алеутов и индейцев. Здесь добывали котиков, сивучей и морских птиц, а также птичьи яйца. В 1834 г. добыча котиков была настолько мала, что Врангель предписал Росской конторе: «Если не потребуется быть отряду на тех островах для лафтаков и сиучьего мяса, то промысел котов вовсе оставить, до лучших времен»[31].

---

[30] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 10 ноября 1832 г.** // NARS. — RRAC. — R. 34. — P. 432–432v. Частично опубл.: **Терихов О.Н.** По дороге из Сан-Франциско в Форт Росс // Русская жизнь. — Сан-Франциско. — 23 декабря 1992 г.; см. **Истомин А.А.** Русско-индейские контакты в Калифорнии в свете новых данных // Американские индейцы: новые факты и интерпретации. — М., 1996. — С. 31–32.

[31] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 30 апреля 1835 г.** // NARS. — RRAC. — R. 37. — P. 186–189; **Хлебников К.Т.** 1861а. — С. 157–158.

Зимой 1833/34 г., несмотря на значительные трудности (включая нехватку рабочей силы), под руководством П.С.Костромитинова были засеяны дополнительные площади к югу от Славянки, здесь было основано земледельческое поселение. Это сразу дало резкий прирост сбора пшеницы и ячменя. Врангель с восторгом воспринял освоение новой территории, наградив всех отличившихся. Построенное там селение он приказал назвать именем Костромитинова: «селение Костромитиновское».

В 1835 г. посев был увеличен, и хотя этот год был неурожайным по всей Калифорнии, «новые пашни... доставили пшеницы достаточно прокормить селение и выслать в Ново-Архангельск от 2 до 3 тысяч пудов»[32].

Тогда же, летом 1835 г., РАК предприняла последнюю попытку промысла каланов к северу от Росса. Промысловая партия (21 байдарка) под присмотром приказчика Гольцына была отправлена в сопровождении шхуны «Квихпак» под командой прапорщика Кашеварова, но эта экспедиция не имела никакого успеха. Партия достигла только м. Мендосино; удерживаемая ветрами и бурунами, она не смогла следовать далее; шхуна же «Квихпак» достигла залива Тринидад. За время экспедиции «ни на шкуне, ни сама партия не видала во все время более двух морских бобров, из коих добыли одного»[33].

Меры по увеличению довольствия индейцев, принятые Врангелем, в 1835 г. дали кратковременный эффект. От Костромитинова в Ново-Архангельск пришло известие о том, что ко времени уборки с полей хлеба в селение добровольно явились до 200 чел. индейцев-работников. Врангель, а затем в Петербурге Хлебников с энтузиазмом восприняли это известие. На новых пашнях Врангель рассчитывал именно на эту рабочую силу[34].

Но идиллия была недолгой. Уже в конце правления П.С.Костромитинова и при правителе А.Г.Ротчеве (т.е. не позднее 1837–1838 гг.) ежегодная «охота» на индейцев в период жатвы вновь становится нормой. Она подробно описана Ротчевым: к индейцам за несколько недель до жатвы посылали толмачей-разведчиков с приглашением, когда же индейцы отказывались идти добровольно, толмачи, запомнив место стоянки, быстро возвращались, и конный отряд во главе с правителем глубокой ночью, стреляя в воздух, внезапно нападал на спящих индейцев и вязал женщин; мужчины присоединялись сами по пути. За работу, помимо пищи, индейцам давали по не-

---

[32] **Ф.П.Врангель — конторе селения Росс, 19 ноября 1834 г.** // Ibid. — R. 36. — P. 371–372 v.; **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 5 октября 1835 г.** // Ibid. — R. 37. — P. 324–326.

[33] **Там же.**

[34] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 5 октября 1835 г.** // NARS. — RRAC. — R. 37. — P. 321–322.

сколько ниток бисера, рубашку, а «примерным» — одеяло. Несмотря на примененное насилие, индейцы не пытались бежать. Так, в селе Костромитиновском, в летний сезон, по сообщению В.Завойко, под надзором четырех русских «250 индейцев... отправляют все работы земледелия.., и хотя им иногда не очень нравится работа, однакож они не смеют ни удалиться, ни отказываться от работ»[35].

Возобновление пригона индейцев можно объяснить опережающим ростом сельского хозяйства Росса, требовавшего с созданием новых сельскохозяйственных поселений и ферм большего количества рабочей силы.

Во второй половине 1830-х гг. главным правителем И.А.Купреяновым был предпринят второй (после Врангеля) в рассматриваемый период комплекс мер по укреплению Росса. В сущности это было продолжение политики Врангеля — курс на расширение посевных площадей с созданием новых поселений и на повышение эффективности сельского хозяйства путем использования прогрессивных методов земледелия, в т.ч. частичной механизации и использования новых сортов и культур. Начиная с осени неурожайного 1836 г. (в Ново-Архангельск не было вывезено ни зерна пшеницы) русская администрация проводит курс на аграрную колонизацию новых территорий к югу от Росса: южнее р.Славянки (Русской) и близ залива Бодега. К этому времени колонию Росс уже начинали постепенно теснить американцы и испано-калифорнийцы. Так, в 30 верстах вверх по р.Славянке было создано ранчо американцем Купером, предполагалось устроить ранчо и на мысе Дрейка. «...Заведение заселений ближе и ближе к Россу, — писал в Петербург Купреянов, — лишает нас понемногу выгод существенных и стесняет круг действий; равнины реки Славянки могут быть заняты прежде нашего...». Он отмечал, что «в настоящих обстоятельствах должно опасаться излишней скромности с нашей стороны; они не умедлят нас более и более стеснять...»[36].

В результате мер, принятых Купреяновым и Костромитиновым, в 1838 г. произошло расширение колонии на юго-восток, на более плодородные земли. Оно производилось осторожно, чтобы не допустить конфликта с испано-калифорнийцами. При занятии колонией равнин около залива Бодега командующий войсками на северной границе Калифорнии генерал-комендант М.Г.Вальехо просил русских отменить это распоряжение, однако от переговоров лично с Купреяновым вежливо уклонился, что дало основание продолжать

---

[35] **Ротчев А.Г.** Воспоминания русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост-Индии // Пантеон. — СПб., 1854. — Т. 13. — № 2. — С. 103–105; см. также **В.З[авойко].** Впечатления моряка во время двух путешествий кругом света. — Ч. 2. — СПб., 1840. — С. 97–99.

[36] **И.А.Купреянов — ГП РАК. «О нынешнем состоянии селения Росс», 15 июня 1837 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 340. — Л. 29–31 об.

занятие равнин. В дальнейшем Вальехо отказался от своих претензий. К югу от р. Славянки в 1838 г. были созданы в дополнение к селению Костромитиновскому еще два поселения. Купреянов предложил дать новые имена недавно освоенным сельскохозяйственным угодьям и основанным усадьбам: «равнинам» близ Бодеги — «Хлебниковские равнины» в память незадолго до этого умершего К.Т.Хлебникова, а т.н. «Новой ранче» — трудившегося там ее основателя Е.Л.Черных: «Равнина Черных». (Впрочем, более известны были эти места как «ранчи» (от rancho), и сам Черных в 1841 г. предпочитал именовать свою ферму «Ранча Черных»[37].)

Посевы на этих «равнинах» включали новые для Росса культуры (кукуруза, бобовые и пр.) с целью заменить их урожаем закупки соответствующих продуктов в Калифорнии, и широкомасштабное возделывание зерновых, что позволило резко увеличить вывоз зерна в Ново-Архангельск до рекордной цифры 9,5 тыс. пудов[38].

Развитие земледелия в Россе в эти годы связано прежде всего с именем Егора Леонтьевича Черных (ум.в 1843). Уроженец Камчатки, он получил специальное образование в школе Московского общества сельского хозяйства и, возвратившись на Камчатку, успешно применял там свои знания. По инициативе Врангеля Черных был приглашен на службу в РАК и направлен в Росс. Ему вверялось все, что в Россе «относится к улучшению и распространению сельского хозяйства». Он был назначен помощником Костромитинова, с функциями его заместителя. Врангель рассчитывал, что Черных заменит на посту правителя Росса Костромитинова, контрактный срок которого минул в сентябре 1832 г. и который просил Врангеля об увольнении, не имея желания продолжать службу в колониях[39].

Черных, прибыв в Росс в январе 1835 г., уже в следующем году удостоился благодарности главного правителя. У Костромитинова сложились хорошие отношения со своим помощником: их объединяло стремление к максимальному раскрытию и развитию хозяйственного потенциала колонии. Свою деятельность в Россе Черных начал с устройства деревянной молотильной машины по образу чугунной (которая была прислана впоследствии) — для машины Черных были изготовлены железные шипы и подшипники, в то время как «кулаки в колесах и цевки в шестернях, увлекательные цилиндры — сделаны из твердого лаврового дерева»: таким образом, по использованным материалам машина Черных была почти чисто

---

[37] **И.А.Купреянов — ГП РАК, 20 апреля 1839 г.** // NARS. — RRAC. — R. 42. — P. 92–96; см. **Черных Е.Л.** О земледелии... — С. 265.

[38] **И.А.Купреянов — ГП РАК, 20 апреля 1839 г.** // NARS. — RRAC. — R. 42. — P. 92–96.

[39] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 31 октября, 10 ноября 1832 г.** // Ibid. — R. 34. — P. 430–434, 412–413; **он же — П.С.Костромитинову, 20 ноября 1835 г.** // Ibid. — R. 37. — P. 436–437.

«российским» изделием. Она хорошо себя показала в 1836 г., хотя в ее работе и были некоторые дефекты[40].

Земледельческие работы в это время уже производились не на лошадях, а на быках, которые были крепче лошадей и удобнее для использования на гористых участках. Для быков были «устроены особые орала». Купреянов разрешил покупку и 17 мулов для замены лошадей при тяжелых работах, особенно при машинном обмолоте хлеба. В Росс в 1837 г. для улучшения качества посевов были отправлены на семена полученные из Чили 400 пудов желтой и 150 пудов белой чилийской пшеницы. К этому времени здесь уже успешно выращивался гималайский ячмень, который в Россе родился сам-40 «и даже там, где худо родилась пшеница», давая при этом хорошие сухари[41].

Костромитинов задержался в Америке на долгие годы. Высоко ценя его, Врангель не находил ему замены в колониях. Костромитинов шел навстречу просьбам Хлебникова и Врангеля, и срок его контракта продлевался вновь. П.С.Костромитинову (выполнявшему, очевидно, заказ Ф.П.Врангеля) принадлежит первое систематизированное и подробное этнографическое описание индейцев этого района Калифорнии, с приложением лингвистических данных[42].

Его преемник, А.Г.Ротчев был образован, писал стихи. Женившись на княжне Е.П.Гагариной вопреки воле ее родителей, Ротчев искал средства к существованию на службе РАК[43]. В апреле 1836 г. он прибыл в Ново-Архангельск на должность помощника (чиновника по особым поручениям) главного правителя колоний, а позднее переведен в Росс.

В инструкции Ротчеву от 7 декабря 1837 г. Купреянов еще питал надежды на промысел калана, предписывая ему интересоваться этим предметом и держать алеутов постоянно готовыми к выезду в партии[44].

---

[40] **Черных Е.** Письмо из Калифорнии... — С. 116; **Черных Е.** О состоянии земледелия... — С. 349.

[41] **И.А.Купреянов — ГП РАК. «О нынешнем состоянии селения Росс», 15 июня 1837 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 340. — Л. 29–31 об.; **он же — конторе селения Росс, 16 июня 1837 г.** // NARS. — RRAC. — R. 39. — P. 406–407.

[42] Опубликовано в переводе на немецкий: **Kostromitonow [P.S.].** Bemerkungen über die Indianer in Ober-Kalifornien. Worter aus zwei Sprachen Neu-Kaliforniens // Wrangell F. Statistische und ethnographische Nachrichten über die Russischen Besitzungen an der Nordwestküste von Amerika. — St.Petersburg, 1839. — S. 80–96, 233–254.

[43] См. **В.И.Безъязычный.** «Он был человек...» (по страницам одной необыкновенной биографии) // Волга. — Саратов, 1970. — № 12. — С. 177–187; **М. Файнштейн.** «Он был человек...» (вместо предисловия) // Ротчев А.Г. Воспоминания русского путешественника. — М., 1991. — С. 3–10.

[44] **И.А.Купреянов — А.Г.Ротчеву, 7 декабря 1837 г.** // NARS. — RRAC. — R. 40. — P. 72–73.

Однако уже в начале апреля 1838 г. Купреянов пришел к решению перевести из Росса всех «алеутов» на Кадьяк, поскольку в Россе они используются лишь для таких занятий, которые могут делать и русские, и поскольку в Калифорнии надежды на промысел в пользу РАК больше не остается.

Не миновала Росс и эпидемия оспы, охватившая в конце 1830-х годов западные области Северной Америки, включая русские колонии. Получив в конце 1837 г. присланную из Ново-Архангельска вакцину, контора Росса немедленно распорядилась сделать прививки оспы поголовно всем жителям Росса, которым она не была привита. Было вакцинировано 83 креола, 56 алеутов, 139 индейцев и 2 калифорнийца: всего 280 чел. В результате смертность в Россе от оспы была меньше, чем в других местах Калифорнии: из числа этих 280 чел. умерли лишь две женщины («алеутка» и индеанка). Но распространившаяся по внутренним районам эпидемия в 1838 г. продолжала уносить значительное число «диких». Контора Росса во время эпидемии оказывала, как сообщает Купреянов, «всевозможныя пособия не токмо нашим людям, но и индейцам». В Россе Купреянов наблюдал у большей части туземцев «знаки оспы, которою многие еще из работающих на пашнях были одержимы, но без большой смертности...». Купреянов рекомендовал конторе продолжать оказывать «по возможности помощь индейцам прививанием предохранительной оспы»[45].

Летом 1838 г. И.А.Купреянов лично посетил Росс, где в течение 15 дней, с 30 июля по 14 августа, осматривал хозяйство колонии. Вскоре после этого Костромитинов 30 августа 1838 г. сдал Ротчеву все дела и управление селением Росс.

Ко времени приезда Купреянова отношения с индейцами ухудшились. В первой половине 1838 г. на пастбищах в горах около Росса индейцы истребили до 100 голов крупного рогатого скота. Купреянов приказал стараться всеми мерами не упускать виновных, «избегая напрасно только пролития крови, но без послабления, дабы впоследствии не быть ими же вынужденным к крутым средствам противу таковых врагов», и разрешил высылать преступников в Ново-Архангельск[46]. В результате принятых мер были пойманы семеро «из первых виновников», которые содержались под стражею в Россе. (Пятерым из них удалось бежать, двое были вывезены на Ситху.) Купреянов «предписал конторе Росс и впредь высылать сюда индейцев, пойманных в каких-либо подобных вредных иску-

---

[45] **И.А.Купреянов — ГП РАК. 20 октября 1838 г.** // Ibid. — R. 41. — P. 249–256; **И.А.Купреянов — конторе селения Росс, 10 августа 1838 г.** // Ibid. — R. 41. — P. 339–342.

[46] **И.А.Купреянов — ГП РАК, 20 октября 1838 г.** // NARS. — RRAC. — R. 41. — P. 249–256.

шениях. Вывоз из Росса необходим для разглашения между индейцами, что за такие шалости противу русских люди пропадают. Чрез послабление же не ввести бы их в большие проступки, каковые предпринять могут индейцы и противу людей наших», напоминая, что испано-калифорнийцы действуют в подобных случаях гораздо более жестоко (включая массовые расстрелы)[47].

При поддержке Купреянова создавалось заведение для детей, что-то среднее между детским садом и школой, с целью надзора за мальчиками, а для начинающих обучаться грамоте предписывалось срочно выслать из Ново-Архангельска книги. Купреянов видел в этой мере и экономический эффект — освободить родителей от заботы о детях во время работы[48]. Купреянов считал, что «полевые работы следует постепенно усиливать», но, расширив колонизованную территорию, он решил пока остановиться на достигнутом и не распространять далее сельхозугодья колонии до тех пор, пока земледелие не будет облегчено присланными машинами с инструктором-механизатором. Таким образом, дальнейшая аграрная колонизация при недостатке рабочей силы виделась возможной лишь за счет механизации труда. Не исключено, что в случае такой механизации Росс довольно скоро мог бы преодолеть свою убыточность.

2. Ликвидация крепости и селения Росс в 1839–1841 гг.

На протяжении всего периода существования русской колонии в Калифорнии ее положение оставалось неопределенным. О протестах испанских властей подробно писалось в соответствующих разделах II тома. Успешный ход войны за независимость Латинской Америки (1810–1826 гг.) привел в конечном итоге к образованию на месте бывших испанских колоний новых государств, в частности Мексики, которые проявляли большую заинтересованность в признании их со стороны ведущих европейских держав. Показательно, что в речи президента Мексики генерала Гуадалупе Викториа на открытии сессии Генерального конгресса 19 января 1826 г. указывалось, что в поведении России в отношении революции в Америке «не отмечается враждебных намерений», и поскольку «Мексика из всех новых ближе всего расположена к русским владениям, будут рано или поздно установлены связи с правительством Санкт-Петер-

---

[47] **Там же.**

[48] **И.А.Купреянов — конторе селения Росс, 10 августа 1838 г.** // NARS. — RRAC. — R. 41. — P. 339–342.

бурга»[49]. В дальнейшем на протяжении ряда лет Мексика предпринимала попытки установить связи с русскими дипломатами в Лондоне[50], а в начале 1832 г. министр иностранных дел республики Лукас Алеман направил К.В.Нессельроде письмо, в котором сообщал, что уполномочил «г-на Мануэля Эдуардо де Горостиса, нашего посла при английском дворе, подписать договоры о дружбе, торговле и мореплавании с правительством России»[51]. В свою очередь новый военный губернатор Верхней Калифорнии генерал Хосе Фигероа от имени правительства Мексики предложил через посредство главного правителя русских колоний в Америке Ф.П.Врангеля «войти в дружеские сношения» с С.-Петербургом и сообщить, что «Мексиканская Нация, утвердив свою независимость, следует правилам благоразумной политики» и хотела бы узнать, признает ли Россия «независимость сей Республики». «Соседство, в котором мы находимся, — добавил губернатор Верхней Калифорнии, — доставляет нам случай постоянной переписки»[52].

Последняя попытка укрепить и расширить русские владения в Калифорнии относится к середине 30-х годов, когда заинтересованный в установлении дружественных отношений с Россией губернатор Верхней Калифорнии Хосе Фигероа от имени мексиканского правительства предложил Ф.П.Врангелю свое содействие в ходе поездки барона через Мексику в С.-Петербург[53]. К сожалению, возможности для переговоров Врангеля в Мехико оказались довольно ограниченными. «Государь император, — сообщало Главное правление РАК Ф.П.Врангелю весной 1835 г., — не изволил еще возможным решиться на признание нового порядка вещей в прежних испанских колониях, но изъявил всемилостивейшее согласие на поддержание торговых сношений с мексиканским правительством от компании, дозволив Вам на обратном пути посетить Мехико». В соответствии с инструкцией МИД посетить Мексику Врангелю разрешалось лишь как уполномоченному РАК, но вместе с тем ему поручалось «разведать, каково там расположение умов в отношении к селению Росс и именно узнать, до какой степени акт нашего

---

[49] **Россия и Мексика** в первой половине XIX в. — М. ИЛА, 1989. — С. 46; **Un siglo de relaciones internationales de Mexico**. — México, 1935. — P. 8.

[50] **Россия и Мексика.** — №№ 31–46.

[51] См. **Л.Алеман — К.В.Нессельроде, Мехико, 21 января 1832 г.** // Россия и Мексика. — С. 68.

[52] **Х.Фигероа — Ф.П.Врангелю, Монтерей, 11 апреля 1833 г.** // Там же. — С. 63–64.

[53] **ГП РАК — Е.Ф.Канкрину, 11 (23) октября 1834 г., № 985** // NARS. — RRAC — R. 9 — P. 163–164; **Окунь С.Б.** — С. 138–139; **Völkl E.** Rußland und Lateinamerika, 1741–1841. — Wiesbaden, 1968. — S. 141.

признания мог бы склонить мексиканское правительство к формальной уступке занятых нами в Калифорнии земель»[54].

Тем не менее в ходе своих переговоров в Мехико весной 1836 г. Ф.П.Врангелю удалось наметить пути расширения деловых связей РАК с Калифорнией. Он получил, в частности, заверение и.о.министра иностранных дел Мексиканской республики Х.Монастерио о том, что его правительство «с удовлетворением смотрит на желание администрации русских владений в Америке расширить и активизировать торговые отношения с Калифорнией» и что оно имеет намерение укрепить эти отношения «путем заключения официального соглашения». В записке о своих переговорах Ф.П.Врангель летом 1836 г. отмечал: «Дипломатическому агенту России в Мексике по заключению торгового трактата будет нетрудно... утвердить за Россией колонию Росс, и, определяя границы сей колонии, можно оные отодвинуть на два десятка миль к востоку, югу и северу, чему не встретится затруднений. Необходимо польстить тщеславию молодой республики, и тогда только, а не прежде, доводы будут убедительны и может возродиться симпатия к России»[55].

Следуя принципу легитимизма, царское правительство в то время не было склонно идти на официальное признание республиканского правительства Мексики, и переговоры не получили дальнейшего развития. Положение небольшой колонии в Калифорнии становилось все более затруднительным. Если во второй половине 20-х годов содержание селения Росс обходилось компании в среднем в 45 тыс. руб., а от пушного промысла ежегодно поступало 22 тыс. руб., то за 1837 г. торговые расходы возросли до 72 тыс. руб. «Промысел бобров с каждым днем уменьшается, хлебопашество далеко не вознаграждало трудов земледельца». В результате в 1838 г. все алеуты были переведены на о-в Кадьяк. РАК, однако, все еще продолжала удерживать колонию в Калифорнии за собой в надежде будущих выгод и приобретений[56].

Между тем Компания Гудзонова залива серьезно отнеслась к соглашению с РАК, заключенному в начале 1839 г. Для того чтобы

---

[54] **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 9 (21) марта 1835 г., № 235** // NARS. RRAC — R. 9. — P. 159–160 (подлинник): **Проект записки, долженствующей служить инструкцией правителю РАК** // Ibid. — P. 167–171; **Е.Ф.Канкрин — ГП РАК,** 10 (22) января 1835 г. // РГИА. — Ф. 994. — Оп. 2. — Д. 864. — Л. 1; **Окунь С.Б.** — С. 139 со ссылкой на: **АВПРИ.** — Ф. К., 1834 г. — Д. 61. — Л. 54.

[55] **Х.Монастерио — Ф.П.Врангелю, 12 марта 1836 г.; Записка Ф.П.Врангеля, 7 (19) июня 1836 г.** // Шур Л.А. (сост.). К берегам Нового Света. — М., 1971. — С. 242, 248.

[56] **Потехин В.А.** Селение Росс. — СПб., 1859. — С. 37–38 (перепечатка из **Журнала мануфактур и торговли.** — 1859, Окт. — Кн. 10. — Отд. 5. — С. 1–42).

выполнить свои продовольственные поставки в Русскую Америку, она использовала сельскохозяйственные фермы в Орегоне у фортов Ванкувер, Виктория и Лангли, а также создала в 1839 г. специальный филиал «Сельскохозяйственную компанию залива Пьюджет» (Puget's Sound Agricultural Company). С 1840 г. в Русскую Америку из Орегона стали регулярно поступать зерно, мука, мясо, масло, другие пищевые товары, для чего использовались корабли «Ванкувер», «Колумбия» и «Коулиц» («Cowlitz»)[57]. Уже к 1842 г. обе компании практически контролировали все северо-западное побережье, вытеснив оттуда своих американских конкурентов. В результате Колумбийский департамент компании Гудзонова залива ежегодно приносил от 8 тыс. до 10 тыс. долл. дохода[58].

Сближение с Великобританией не могло не вызвать недовольство «традиционного союзника» России. Соответственно противником такой переориентации выступил А.А.Бодиско, занимавший пост российского посланника в Вашингтоне с 1837 г. вплоть до своей смерти в 1854 г. По его мнению, американцы убеждены в том, что русские являются «действительными и единственными политическими друзьями, на которых можно положиться»[59]. Дружественные чувства к России сочетаются у них со стремлением вытеснить англичан с Американского континента, оккупировать Орегон и уничтожить компанию Гудзонова залива. Политические деятели США хотели бы поделить с Россией территории, которые отделяют американские и российские владения. «Авантюристический и спекулятивный дух американцев» заставляет их также страстно желать присоединения «Верхней Калифорнии и особенно залива Сан-Франциско». А.А.Бодиско полагал, что в этой связи России следует подумать о своих интересах и попытаться обеспечить приобретение такого важного залива для себя. «Обе Калифорнии ускользают из рук слабеющего мексиканского правительства, которое за его признание Россией в свою очередь признало бы наши права на Бодегу и Росс, а возможно будет расположено расширить район нашей возникающей колонии». Для достижения удовлетворительного результата А.А.Бодиско считал полезным направить в Мек-

---

[57] **Gibson J.R.** Imperial Russia ... — P. 202–203; **Idem.** Farming and Frontier: The Agricultural Opening of the Oregon Country, 1786–1846. — Vancouver, 1985. — P. 104–108 etc.; **Wrinch L.A.** The Formation of the Puget's Sound Agricultural Company // WHQ. — 1933. — Vol. 24. — № 1. — P. 3–8; **Davidson D.C.** Relations of the Hudson's Bay Company with the Russian-American Company on the Northwest Coast, 1829–1867 // BCHQ. — 1941. Jan. — Vol. 5. № 1. — P. 47.

[58] **Davidson D.C.** Op. cit. — P. 47–49.

[59] Здесь и далее цитируется донесение **А.А.Бодиско к К.В.Нессельроде, 23 февраля (7 марта) 1839 г., № 15** // АВПРИ. — Ф.К., 1839 г. — Д. 217. — Л. 124–125 (подлинник, шифр); Л. 122–123 (расшифровка).

сику «доверенное лицо» и предлагал кандидатуру Кремера (Krehmer)[60].

Смелые предложения российского посланника в Вашингтоне уже не могли быть одобрены ни императорским правительством, ни РАК. Получив в результате соглашения с компанией Гудзонова залива новый источник снабжения продовольствием, Главное правление РАК еще 31 марта (12 апреля) 1839 г. обратилось к правительству с ходатайством об упразднении колонии в Калифорнии, на которую в свое время возлагали столько надежд. Правление отмечало, в частности, что оно рассчитывало «на расширение своих владений и на занятие мест, удобных для разведения хлебопашества и скотоводства в таком объеме, чтобы, сверх содержания гарнизона, можно бы было снабжать и прочие отделы пшеницей, солониной и маслом. При нынешних же обстоятельствах надежда сия совершенно рушилась, и Главное правление совершенно не находит никакого основания и не усматривает уважительной цели для дальнейшего занятия селения Росс. Даже в политическом отношении обладание Россом сопряжено с неудобствами: оно не подкреплено никаким актом, ни признанием других держав ... Занятие Росса какою бы ни было нацией не может иметь влияния на безопасность наших колоний: англичане имеют свои гавани у самых наших границ; мексиканцы и калифорнийцы владеют превосходным заливом С.-Франциско возле Росса, граждане Соединенных Штатов толпами заселяют берега этого залива и не имеют надобности в недоступной скале Росс». Исходя из этих соображений, совет РАК «согласно с мнением Главного правителя» постановил «упразднить селение Росс, распределив находящихся в оном служащих и имущество по другим отделам»[61].

Получив «высочайшее соизволение», РАК могла приступить к ликвидации своей колонии в Калифорнии. В секретном предписании Главному правителю Русской Америки директора РАК писали: «Принимая во внимание изложенные Вами в донесении от 12 апреля 1838 г. за № 97 причины, что польза, извлеченная из селения Росс для колоний и Российско-американской компании вообще совершенно ничтожна и далеко не соизмерима тем жертвам, которые приносятся для поддержания заселения... Главное правление находит, что это селение не доставляет никакой существенной пользы компании, обращается, напротив, ей в тягость». Исходя из этого, «Главное правление признало за нужное оставить селение Росс, упразднить контору, снять гарнизон, вывезти промышлен-

---

[60] **Там же.** — Л. 123.

[61] **ГП РАК — Е.Ф.Канкрину, 31 марта 1839 г.** // Потехин В.А. Указ. соч. — С. 39–40; **Окунь С.Б.** — С. 142 (со ссылкой на АНХ. — Ф. ДМВТ. — 2 отд. — 2 ст. — 1839 г. — Д. 1305. — Л. 1–6).

ных, орудия и снаряды, а остальное продать жителям С.-Франциско»[62].

Хотя в качестве причины ликвидации селения Росс правление РАК в первую очередь выдвигало экономические факторы, более важными, по всей видимости, были общеполитические мотивы. Кстати, в донесении И.А.Купреянова № 97 хотя и содержались жалобы на необходимость отправки дополнительной партии служащих в селение Росс при общем недостатке жителей в Русской Америке, тем не менее прямо ничего о целесообразности ликвидации колонии в Калифорнии не говорилось. Более того, когда после личного обозрения селения Росс летом 1838 г. Купреянов направил в С.-Петербург вполне благоприятное донесение, директора РАК продолжали настаивать на необходимости ликвидации колонии в Калифорнии, «несмотря на случайный урожай пшеницы и на вновь занятую поляну, удобную для посева бобов и пр.»[63]

Весьма знаменательно, что, сообщая о решении ликвидировать русскую колонию в Калифорнии, К.В.Нессельроде писал А.А.Бодиско в апреле 1839 г.: «Российско-американская компания недавно сдала в аренду компании Гудзонова залива эксплуатацию северо-западного побережья Америки. С другой стороны, она все более признавала, что владение Россом и Бодегой является для нее только бременем и что от этого невозможно извлечь какой-либо пользы. Она предложила их ликвидировать»[64]. Как видим, К.В.Нессельроде прямо связывал соглашение РАК с компанией Гудзонова залива и ликвидацию колонии Росс.

Обе эти новости не могли не произвести на А.А.Бодиско самого удручающего впечатления. Ведь совсем недавно он выдвинул план совершенно иного решения этого вопроса. По мнению посланника в Вашингтоне, намерение РАК передать в аренду английской компании свои владения на северо-западном берегу Америки вызовет в США отрицательное отношение. Будут говорить, что Россия изгнала американцев, чтобы пустить туда англичан. «Один весьма осведомленный американец» сказал русскому дипломату, что вопрос об Орегоне и компании Гудзонова залива «имеет для США огромное значение». С каждым годом число американских авантюристов в этом районе возрастает. Бодиско полагал, что, отказываясь от своих владений в Калифорнии, РАК поступает неправильно и что

---

[62] **ГП РАК — И.А.Купреянову, 7(19) апреля 1839 г., № 144 (секретно)** // NARS. — RRAC — R. 12. — P. 185–186 (подлинник).

[63] **И.А.Купреянов — ГП РАК, 12(24) апреля 1839 г. № 144 (секретно)** // NARS. — RRAC — R. 40. — P. 188–192; **ГП РАК — И.А.Купреянову, 17(29) августа 1839 г. № 407** // Ibid. — R. 12. — P. 314.

[64] **К.В.Нессельроде — А.А.Бодиско, 17(29) апреля 1839 г.** // АВПРИ. — Ф. К., 1839 г. — Д. 217. — Л. 363 (шифр).

«оставление Бодеги и Росса» произведет на умы «неблагоприятное впечатление»[65].

В дальнейшем у А.А.Бодиско состоялись по этому поводу не очень приятные объяснения с государственным секретарем, который получил информацию об активности британской компании в Орегоне и об аренде ею прибрежной полосы у РАК[66]. По словам российского посланника, известие об аренде оказалось для Форсайта «большим сюрпризом». Глава дипломатического ведомства Штатов считал, что подобный договор равносилен отказу от права владения и что если допускаются английские суда, то право доступа должны получить и американцы. Сам Бодиско также полагал, что суда США должны получить разрешение посещать русские владения, арендованные англичанами. Он приходил также к заключению, что если будет решено оставить Бодегу и Росс, то их следовало бы «предложить американскому правительству»[67].

Мнению посланника в Вашингтоне ни РАК, ни царское правительство решающего значения уже не придавали: сближение с англичанами открыло для Русской Америки новый источник снабжения, а к кому перейдет владение Россом, принципиального значения для РАК не имело.

Первое предложение о продаже колонии Росс за 30 тыс. долл. было сделано весной 1840 г. представителю компании Гудзонова залива Джеймсу Дугласу, но никаких практических результатов оно не дало[68]. Конкретно приготовления к ликвидации колонии Росс начались с лета 1840 г. после прибытия в Бодего корабля «Елена» с секретными предписаниями главного правителя Русской Америки

---

[65] **А.А.Бодиско — К.В.Нессельроде, 10(22) августа 1839 г.** // Там же. — Л. 240–241 (подлинник, шифр); Л. 238–239 (расшифровка).

[66] **Дж.Форсайт — А.А.Бодиско. 7 мая 1840 г.** // Там же. — Л. 145.

[67] **А.А.Бодиско — К.В.Нессельроде. 18(30) мая 1840 г. № 19** // Там же. — 1840 г. — Д. 180. — Л. 143–144.

[68] **Du Four C.J.** The Russian Withdrawal from California // CHSQ. — 1933. — Sept. — Vol. 12. — № 3. — Doc. 1. — P. 249. О деятельности Дж.Дугласа и его связях с РАК см. **Ireland W.E.** James Douglas and the Russian-American Company, 1840 // BCHQ. — 1941. — Jan. — Vol. 5. — № 1. — P. 53–66. Статья К.Дж.Дю Фура, сопровождавшаяся обширным документальным приложением по материалам Бэнкрофтской библиотеки, дает в целом достаточно полное представление о конкретной истории продажи колонии Росс. Одна из немногих поправок должна быть сделана в отношении мотивов ликвидации колонии. Основываясь на труде П.А.Тихменева, Дю Фур отмечал, что царь санкционировал ликвидацию Росса 15(27) апреля 1839 г., а соглашение с компанией Гудзонова залива было подписано лишь в конце 1839 г. или начале 1840 г. В действительности же это соглашение было подписано 25 января (6 февраля) 1839 г., и именно оно явилось непосредственным поводом к предложению РАК ликвидировать колонию в Калифорнии.

А.К.Этолина[69]. В дальнейшем на протяжении почти всего 1841 г. велись переговоры с мексиканскими властями. 16 февраля 1841 г. представитель РАК Петр Костромитинов официально предложил коменданту Сономы М.Вальехо продать Росс за 30 тыс. песо и составил затем подробный перечень движимого и недвижимого имущества[70].

Наконец, в сентябре 1841 г. комендант крепости Росс А.Г.Ротчев[71] договорился о продаже колонии Джону А.Суттеру[72] за 30 тыс. долл. с рассрочкой на четыре года начиная с 1842 г. Соглашение было окончательно оформлено и подписано П.С.Костромитиновым и Дж.А.Суттером в Сан-Франциско 13 декабря 1841 г.[73]

На заключительном этапе существования русской колонии в Калифорнии огромную работу по сбору научных экспонатов провел препаратор Зоологического музея Академии наук Илья Гаврилович Вознесенский. Опираясь на помощь А.Г.Ротчева и местных жителей, он сумел собрать ценнейшие этнографические коллекции, ставшие впоследствии украшением петербургской Кунсткамеры. И можно, в частности, пожалеть, что его цветная акварель крепости Росс не стала основой восстановления форта после пожара 1970 г.

Информируя губернатора Верхней Калифорнии Х.Б.Алварадо о завершении дел по продаже селения Росс, П.Костромитинов сообщал из Сан-Франциско 19 декабря 1841 г.: «В настоящем письме я имею удовольствие объявить, что Росс продан капитану Дж.Суттеру, проживающему здесь и натурализированному гражданину Мексики, в соответствии с контрактом, подписанным им и зарегистрированным в этом округе... Завершая мое письмо, я имею честь заявить, что служащие и жители селения Росс отправились на борту бригантины Российско-американской компании «Константин» в Ситху»[74].

Эпилог этой печальной для России истории относится уже ко второй половине 40-х годов. Поскольку из-за ряда неурожаев владелец «Новой Гельвеции» Дж.А.Суттер не выплатил своего долга за Росс в установленные сроки, помощник главного правителя Русской

---

[69] **А.К.Этолин — в контору селения Росс, 6 июля 1840 г.** // NARS. — RRAC. — R. 44. — P. 66–67.

[70] **Du Four C.J.** Op. cit. — Doc. 4. — P. 251; Doc. 10. — P. 255–260.

[71] **Безъязычный В.И.** «Он был человек ...»: (По страницам одной необыкновенной биографии) // Волга. — 1970. — № 12. — С. 177–187.

[72] **Du Four C.J.** Op. cit. — Doc. 28, 29. — P. 274–276. Джон А.Суттер (1803–1880) (Иоганн Аугустус Суттер) родился в Бадене, в 1834 г. переехал в Америку, а в 1839 г. основал в Калифорнии поселение Новая Гельвеция и стал мексиканским гражданином.

[73] **Du Four C.J.** Op. cit. — Doc. 24. — P. 270–272. Копию соглашения на фр. яз. см.: **РГИА.** — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1326. — Л. 4–5.

[74] **Du Four C.J.** Op. cit. — Doc. 25. — P. 272–273.

Америки Д.Зарембо и префект департамента Сан-Франциско М.Кастро заключили 24 ноября 1845 г. соглашение, по которому мексиканские власти гарантировали выплату РАК причитающихся ей денег, если этого не сделает сам должник. Между тем Калифорния оказалась оккупированной войсками Соединенных Штатов, и руководство РАК обратилось к царским властям с просьбой о принятии мер к сохранению в том крае своих интересов и имущества[75].

Выполняя поручение К.В.Нессельроде, российский посланник в Вашингтоне беседовал в начале 1848 г. с командором Джонсом, назначенным командующим американским флотом в Тихом океане, полковником Дж.Фримонтом, недавно возвратившимся из Калифорнии, и, наконец, государственным секретарем Дж.Бьюкененом. А.А.Бодиско даже намекнул последнему, что Российско-американская компания для спасения своего капитала может вернуться в Росс и «возобновить там свои занятия сельским хозяйством и торговлей». Российский посланник добавил с улыбкой: «Вы когда-то немного завидовали этому маленькому поселению, и вот представляется случай заплатить 30 тыс. долларов, чтобы лишить компанию всякого повода для возвращения... Конечно, ответил мне г-н Бьюкенен в том же тоне, но начнем с получения информации и затем мы сможем решить, на каких условиях можно договориться»[76].

Открытие в январе 1848 г. золота во владениях Дж.А.Суттера показало всю символичность платы за покупку крепости Росс. Робкую попытку принять участие в «золотой лихорадке» предприняла и РАК. На корабле «Ситха» из Калифорнии было доставлено девять банок с золотым песком — всего «сто пятьдесят семь фунтов восемьдесят пять и три четверти золотников». Добытое золото было сдано в казну, а РАК получила за это 45 537 руб. 84 коп. серебром. 17 февраля (1 марта) 1850 г. по докладу о золотом производстве Николай I «повелеть соизволили: объявить Российско-американской компании, что полезно бы оной заняться по примеру других

---

[75] См. **ГП РАК — Ф.П.Вронченко, 4(16) апреля 1847 г. и копию акта, подписанного Д.Зарембо и М.Кастро, 24 ноября 1845 г.** // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1326. — Л. 1–2, 3. Министр финансов, естественно, обратился по этому поводу к К.В.Нессельроде, а последний 13(25) июня направил соответствующее предписание А.А.Бодиско // **АВПРИ.** — Ф. К., 1847 г. — Д. 126. — Л. 263–266, 267.

[76] **А.А.Бодиско — К.В.Нессельроде, 12(24) февраля 1848 г.** // АВПРИ. — Ф.К., 1848 г. — Д. 184. — Л. 54; **РГИА.** — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1326. — Л. 26–27. Из письма В.Г.Политковского А.А.Бодиско от 15 (27) августа 1852 г. видно, что расчеты с Суттером все еще урегулированы не были. **АВПРИ.** — Ф. Пос-ва в Вашингтоне. — Оп. 512/3, 1852 г. — Д. 54. — Л. 222–223; **Петров В.П.** Русские в истории Америки. — Вашингтон, 1988. — С. 64.

частных лиц добыванием золота в Калифорнии»[77]. Крупных разработок золота, по-видимому, не проводилось, поскольку РАК «не могла употреблять для того людей, ею нанимаемых, во избежание ответственности за побеги, столь обыкновенные на приисках»[78]. Тем не менее летом 1851 г. РАК сдала в казну 1 пуд 23 фунта 92 золотника и получила за это 16 787 руб. 51 коп.[79]

Компании и царскому правительству оставалось только печалиться о слишком поспешной ликвидации своей колонии в Калифорнии. Горечь потери сохранилась в памяти народной, и время от времени по этому поводу высказывались запоздалые сетования. После открытия золота, указывал В.Потехин, «родились сожаления об утрате нашей колонии.., которой до той поры не придавали никакого значения» и «которая, кроме членов Российско-американской компании, едва ли удостаивалась чьего-либо внимания»[80].

Впрочем, удержать Росс в российских руках после присоединения Калифорнии к США и открытия там богатейших запасов золота вряд ли было реально. Максимум, на что можно было рассчитывать, — это на получение несколько большего вознаграждения.

---

[77] **ГП РАК — Ф.П.Вронченко, 20 июля (1 августа) 1850 г. № 797** // РГИА. — Ф.37. — Оп. 24. — Д. 8. — Л. 1; **Ф.П.Вронченко — Николаю I, 27 сентября (9 октября) 1850 г.** // Там же. — Л. 15–16.

[78] **РГИА.** — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1347. — Л. 485–486.

[79] **П.Ф.Брок — Николаю I, 20 июля (1 августа) 1851 г.** // РГИА. — Ф. 40. — Оп. 2. — Д. 32. — Л. 126–127.

[80] **Потехин В.А.** Указ. соч. — С. 41.

Глава

7

ПРОБЛЕМА СНАБЖЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ РУССКОЙ АМЕРИКИ*

Командир шлюпа «Благонамеренный» лейтенант А.П.Лазарев справедливо отмечал, что «содержание сих колоний стоит компании весьма дорого...»[1] и если бы не очень высокая стоимость «превосходного», или «роскошного» каланьего меха на китайском рынке, добыча которого была смыслом существования *(raison d'être)* как РАК, так и колонии в целом — этого единственного заморского владения царской России, промыслы приносили бы убытки и от Русской Америки отказались бы задолго до 1867 г. Огромные расходы возникали в связи с необходимостью создания инфраструктуры в обширном регионе (простиравшемся на Тихоокеанском Севере от Курил до Калифорнии) и отправки туда служащих компании и различных товаров кругосветным путем из С.-Петербурга, являвшегося одновременно и столицей империи и штаб-квартирой РАК.

Проблемы перевозок и снабжения Русской Америки обостряли такие абсолютные и относительные факторы, как суровость окружающей природы и крайняя удаленность от отчизны. Со времени дарования Правил и Привилегий РАК, которые первоначально должны были действовать в течение 20 лет (1799–1818), быстрая и экономичная доставка как промышленных товаров, так и продуктов питания была важна для успешного ведения дел компании. В 1863 г. в докладе официального Комитета говорилось, что «снабжение колоний продовольствием и необходимыми предметами составляло уже в это время одну из важнейших забот колониального управления»[2]. Как писал главный правитель Ф.П. Врангель, в 1832 г. в

---

* Глава печатается в авторском варианте без сокращений и редактирования.

[1] **Лазарев А.П.** 1950. — С. 234.

[2] **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 21.

Русской Америке на приобретение всех товаров (продовольствия, тканей, изделий из кожы и бумаги, посуды, скобяных товаров, инструментов, корабельных припасов, краски и т.д.) было израсходовано 617 590 руб., причем наибольшая часть из этой суммы — 228 446 руб., или 37%, т.е. 3 из каждых 8 руб., — шла на покупку продовольствия[3]. По крайней мере три четверти поступавшего провианта продавалось в Ново-Архангельске, где, по сообщению Ф.П.Врангеля, весной 1835 г. проживало 900 душ[4].

Если продукты питания и не стоили дороже промышленных товаров, они, очевидно, были важнее для жизнедеятельности, хотя и подвергались большей порче, утечке и разграблению. Чтобы жить, служащие РАК, чиновники и работные люди должны были питаться. Более того, ожидая доставки продуктов, они предпочитали те из них, которые были характерны для традиционной русской кухни первой половины XIX в., а именно: зерно (для выпечки хлеба, изготовления водки и кваса), животный жир, овощи (главным образом грибы, капусту, репу и во все увеличивавшихся количествах картофель), соль, сахар, все большее количество чая — это все компания называла «русскими жизненными припасами» в противоположность «колониальным произведениям» (рыбе, дичи, кореньям, ягодам). Ввозилось много муки (для выпечки хлеба), овсяной крупы (для приготовления каши), риса, соли, солонины, рома, чая и животного жира; расходы на фрахт (42%) и наценка на стоимость товаров (35%) увеличивали в колонии цену на импорт и за каждый рубль жители должны были платить уже по 1 руб. 77 коп.[5]

Более того, РАК обязана была кормить имевшуюся в ее распоряжении рабочую силу. По утверждению Ф.П.Врангеля, одной из обязанностей главного правителя было «пещись о благосостоянии, пище и здоровье Служителей Компании и жителей владений ее»[6]. В ст. 3 в третьих по счету Правилах и Привилегиях компании (1842–1861) было зафиксировано обязательство РАК обеспечивать «продовольствием всех ее служащих, команд и рабочих...»[7] В конце 1810-х гг. завершился первый срок действия Привилегий РАК, согласно которым большинство промышленников получали свою долю от добытых мехов и должны были покупать продовольствие у

---

[3] См. **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 207.

[4] См. **Там же.** — С. 192; **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 30 апреля 1835 г. № 197** // NARS.— RRAC. — R. 37. — P. 196.

[5] См. **Доклад Комитета.** — Ч.2. — 1864. — С. 92–99, 211–212, 213.

[6] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 1 мая 1833 г., № 132** // NARS. — RRAC. — R. 35. — P. 64.

[7] **Государственный Совет в Департамент Государственной экономии Министерства финансов «О пересмотре Устава Российско-Американской Компании и устройстве Русских-Американских колоний, 15 января и 2 марта 1866 г., № 86** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 411. — Л. 39.

Компании. Позднее (начиная с 1819 г.) всех работных людей стали нанимать по контракту на 7 лет в качестве «служащих» и выплачивали им жалование как деньгами, так и натурой, включая продовольствие, чтобы стабилизировать уровень получаемых ими доходов и гарантировать минимум пропитания. В 1820 г. в Ново-Архангельске лейтенант А.П.Лазарев обнаружил, что каждому из проживавших тогда в столице колоний 200 русских выплачивалось в год по 300 руб., а также выдавалось по одному пуду пшеничной муки в месяц; и если этого количества семейному человеку не хватало, то он мог купить за 5 руб. еще один пуд (в Калифорнии, откуда привозили муку, она обходилась компании по 3 руб. 75 коп. за пуд)[8]. В каждом селении служащие получали и готовили пищу один раз в день из «общего котла»; после 1841 г. с целью укрепления здоровья и душевного состояния главный правитель А.К.Этолин приказал кормить людей дважды в день[9]. К концу 1850-х гг., когда число служащих достигло в целом около 1200 человек (половину из которых составляли русские), их рабочий день увеличился летом с 10 до 12 часов, а ежемесячное потребление муки выросло с 1 до $1^1/_2$ пудов (к этому добавились 12 чарок водки)[10].

Следовательно, ежегодные потребности Русской Америки в продовольствии были ощутимыми и со временем еще более возросли. Например, в 1805 г. съестные припасы состояли из 4230 пуд. муки, в конце 1820-х гг. соответственно — 10 000 пуд., в середине 1830-х гг. — 15 000 пуд., в начале 1860-х гг. — 27 500 пуд.; в конце 1820-х гг. компании требовалось 300–400 пуд. солонины, в начале 1860-х гг. — уже 1500–2000 пуд.; в конце 1820-х гг. в колонию поставили 1500 пуд. соли, в начале 1840-х гг. — 6000 пуд., а в начале 1860-х гг. уже 10 000 — 20 000 пуд.; в конце 1820-х гг. туда доставили 200 пуд. чая, в начале 1860-х гг. — 365 пуд.[11]

Для насыщения продовольствием своих владений РАК пыталась использовать три способа его доставки: морем непосредственно из метрополии, путем развития сельского хозяйства в колонии и через внешнеторговую деятельность. Каждый из этих способов имел по два и более вариантов. Съестные припасы привозили из азиатской части России через Охотск или Аян, из европейской части России через Кронштадт или из Западной Европы через Лондон или какое-либо другое место на зафрахтованных кораблях; фермерство пытались развивать непосредственно в колонии (на Аляске) и в иных

---

[8] См. **Лазарев А.П.** 1950 — С. 234.

[9] См. **NARS. — RRAC.** — R. 45. — P. 274 v. — 275.

[10] См. **Доклад Комитета.** — Ч. 2. — С. 503; **ОГП РАК** за 1859 г. — С. 51, 51-я сноска.

[11] См. **Gibson J.R.** Imperial Russia in Frontier America: The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867. — New York, 1976. — P. 50 (Table 5).

регионах (в Калифорнии и на Гавайях); вели торговлю с колониями других держав (Калифорнией) и компаниями-конкурентами (американскими судовладельцами и британской КГЗ). В Русской Америке все это дополнялось еще рыболовством и охотой, которыми занимались как русские, так и порабощенные ими алеуты и коняги; особенно много добывалось лосося и палтуса. В Ново-Архангельске, главным образом в 1840-е гг., россияне покупали в больших количествах оленину и палтусину и даже картофель как у колошей (в целом у индейцев северной части северо-западного побережья Америки, и в частности у тлинкитов), так и у индейцев хайда. Например, осенью 1844 г. в так называемых «колошенских проливах» (в этих мириадах проток между островами арх. Александра) у колошей было приобретено 130 бочек картофеля, и до 300 бочек индейцы-хайда привезли на 160 каноэ в Ново-Архангельск, зимой же 1844–1845 гг. в столице колоний колоши продали до 400 пуд. свежей оленины[12]. Однако рыба и дичь не могли полностью заменить традиционные продукты, часть из которых русские желали иметь и в которых они нуждались. Сначала россияне получали съестные припасы в виде прямых поставок с родины.

1. Заокеанские поставки продовольствия

Из азиатской части России. Первоначально проблему снабжения провиантом колоний решали за счет транспортировки его из Восточной Сибири по суше до главного русского порта Охотска и далее морем до колониального пакгауза — Ново-Архангельска. Это была старая система «сибирских поставок» продовольствия с севера европейской части России, осуществлявшихся в XVII в. через Урал на телегах или лодках. В XVIII в. такая система снабжения охватила территории вплоть до Аляски и стала своеобразной «американской поставкой». В «Реестре 1-м товарам для колоний, отправляемым чрез Сибирь в 1839-м году» значились ткани, одежда, утварь, инструменты, табак, специи и лекарства из С.-Петербурга; ткани, одежда, обувь, бусы, табак и сахар из Москвы; кожи из Казани; ткани и одежда из Тюмени; крупы, чай, свечи и мыло из Иркутска; сливочное масло из Якутска[13]. Почти вся провизия поступала из Восточной Сибири. Русские поселенцы и буряты выращивали зерновые и разводили крупный рогатый скот в лесостепной зоне возле оз.Байкал, а в Якутии в долине среднего течения р. Лены на аллювиальных

---

[12] См. **NARS. — RRAC.** — R. 50. — P. 204–204 v.,344; R. 51. — P. 187v. См. также **Gibson J.R.** Russian Dependence upon the Natives of Alaska // Russia's American Colony. — P. 77–104.

[13] См. **NARS. — RRAC.** — R. 12. — P. 233–238.

почвах якуты пасли стада коров и лошадей задолго до покорения в 1630-х гг. этих мест русскими.

Зимой в Иркутске, где находились склады РАК, продовольствие упаковывалось в обернутые сыромятной кожей емкости, чтобы их содержимое оставалось сухим и весило не более $2^1/_2$ пуд., поскольку груз перевозился из Якутска в Охотск конными караванами. Весной, обычно в начале мая, емкости — сумы, ящики и фляги — везли 100 км на телегах по Якутскому тракту через Братскую степь до Качугской пристани, откуда начиналось судоходство по Лене — этой, по словам А.Бестужева, «Волги Восточной Сибири». Тракт тянулся вдоль реки до Якутска, но быстрее и дешевле было перегружать припасы на деревянные речные лодки различной конструкции, главным образом дощенки — однопалубные плоскодонки с остроконечными носом и кормой, которые плавали при помощи длинных, доходящих до 10 штук, весел и квадратного паруса; обычно они перевозили груз весом до 8000–10 000 пуд. Эти суда, построенные зимой на верхнеленских пристанях, собирались во время весеннего паводка в караваны, состоявшие из 2–4 лодок, на каждой из которых находился лоцман, знавший изменявшийся фарватер. Гребцы должны были не только работать веслами, но и разгружать лодки в любом месте, куда они причаливали к берегу. В зависимости от уровня воды, скорости течения, состояния плавсредства и мастерства лодочников для того, чтобы проплыть вниз по реке 2400 км до Якутска, требовалось от двух до шести недель (но на возвращение затрачивалось два месяца).

Якутск, где имелась контора РАК, стоял на левом берегу «большой излучины» р.Лены. Там провиант проверяли и сортировали, а затем лихтерным способом перевозили через реку туда, где устраивалась ярмарка, находились несколько сотен стойбищ и покрытые густой травой обширные луга, на которых паслись лошади, предназначенные для караванов, и стада крупного рогатого скота. В середине июня и те и другие отправлялись в Охотск по пользовавшемуся дурной славой тракту, соединявшему Якутск с этим портом, и проходили в юго-восточном направлении до Тихого океана более 1000 км через труднодоступные места. Путь пролегал по пересеченной местности, представляя собой плохо различимую тропу, и изменялся в зависимости от капризов погоды, памяти якутских проводников и шедших на поводах лошадей. Маршрут приобрел свое значение со времени Второй Камчатской экспедиции В.Беринга и А.И.Чирикова (1733–1742); эта дорога продолжала действовать до 1846 г., пока не была заменена более протяженным, но легко проходимым трактом между Якутском и Аяном, т.е. это произошло через год после переноса фактории РАК, находившейся ранее в Охотске, на 300 км южнее в новый (и более пригодный) Аянский порт. По обеим дорогам можно было доехать по суше быстрее и дешевле, чем двигаться окольным путем, большая часть которого от Якутска до Охотска

предполагала плавание вверх по реке. В середине 1850-х гг. рассматривался вопрос о снабжении колонии зерном и мясом из района Забайкалья по реке Амур; конечно, в связи с тем, что река вновь отошла России, некоторые поставки, особенно продовольственные, осуществлялись в 1856 г. этим путем. Однако Якутско-охотский тракт снабжал Русскую Америку из Сибири дольше и большим количеством съестных припасов, чем какой-либо иной маршрут.

Нанятым погонщикам-якутам требовалось около четырех месяцев, чтобы пригнать в Охотск стадо крупного рогатого скота, который там забивали, мясо солили и укладывали в бочки. Другое продовольствие упаковывали в кули из сыромятной кожи (мука), берестяные туеса (сливочное масло) и деревянные ящики (чай); каждый весил по $2^3/_4$ пуд., и их грузили на лохматых якутских лошадок. Хотя эти сильные, выносливые животные имели в Сибири репутацию лучших, тракт был настолько болотистым, холмистым и узким, что каждая вьючная лошадь могла переносить не более двух таких емкостей. Собранные якутскими вождями и арендованные государственными властями, а также частными торговцами, караваны насчитывали по 100–150 животных; в свою очередь они двигались в связках по 10–12 лошадей, 6 из которых были груженые, 1 или 2 — запасные, а на 1 или 2 ведущих лошадях ехали верхом проводники-якуты (таким же образом последние ездили на быках, перегоняя гурты крупного рогатого скота). В зависимости от здоровья лошадей, подготовки проводников и состояния самой тропы караваны доходили до Охотска примерно за два месяца. Там продовольствие разгружалось, взвешивалось и вновь грузилось на корабли РАК, отправлявшиеся в Ново-Архангельск. Одну или две недели лошади отдыхали и паслись, а затем караваны возвращались в Якутск порожними или с пушниной (каждый тюк или ящик весил по 2 пуд.). В первой четверти 1800-х гг. ежегодно по тракту проходило до 15 000 лошадей: до 3000 из них нанимались РАК, остальные — другими купцами и особенно государственными чиновниками[14]. Допуская, что 1800 этих животных были груженые (остальные — запасные и ведущие), что каждая лошадь могла нести на себе шестипудовый вес, можно прийти к заключению, что караваны ежегодно перевозили в Охотск в тот период 10 800 пуд. грузов компании.

До перевода в 1844 г. фактории РАК в Аян и перемещения туда же и в Петропавловск в 1850–1851 гг. оборудования из государственного Охотского порта именно последний являлся для России важнейшим местом на побережье «Восточного океана». Епископ Иннокентий (И.Е.Вениаминов) посетил Охотск в 1843 г. и насчитал там

---

[14] См. Gibson J.R. Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula 1639 — 1856. — Madison, 1969. — P. 97–100.

907 жителей (тогда как в предыдущем году население Петропавловска составляло 852 человека)[15]. Приход из Якутска груженых караванов и гуртов крупного рогатого скота означал открытие Охотской летней ярмарки, продолжавшейся с конца июля до середины сентября, а в 1820 г. на ней побывало до 1500 покупателей; главными товарами там являлись продовольствие, крупный рогатый скот и пушнина[16]. Но в первую очередь Охотск был перевалочным пунктом. В 1820 г. основными предметами экспорта, по мере их значимости в стоимостном выражении, были табак, чай, сахар, провиант, скобяные товары, свечи и одежда; табак, чай и сахар обычно составляли одну треть, а иногда и половину от общей стоимости вывоза. Главной статьей импорта была пушнина[17].

В Охотске, куда караваны приходили с середины июня по середину августа, съестные припасы перегружались на одно или два корабля «охотского транспорта» РАК. Ежегодно эти суда курсировали между Ново-Архангельском и Охотском, покидая первый в середине мая и приходя во второй в конце июня — начале июля; однако если они делали в пути остановку на о-ве Атха (Алеутские о-ва) или на о-ве Уруп (Курилы), то достигали Охотска настолько поздно, что привезенные ими грузы уже следовало направлять в Иркутск осенью по цене 25–40 руб. за пуд веса, тогда как летом это стоило лишь 7 руб. и пушнина попадала на кяхтинский и московский рынки так поздно, что ее приходилось продавать по более низким ценам[18]. Корабли РАК находились в Охотске до конца августа, т.е. до тех пор, когда из Якутска прибывали последние караваны и гурты крупного рогатого скота. На берег выгружалась «ежегодная колониальная прибыль» мехов, уложенных в обитые изнутри сыромятной кожей (чтобы не промокали) ящики каждый весом по $2^1/_2$ пуд., донесения из колонии, высаживались уволенные служащие РАК. Например, летом 1807 г. бриг «Мария» привез всего 76 134 шкуры животных (в том числе 61 814 шкур котиков), оцененных в колонии в 357 704 руб.[19]; летом 1838 г. бриг «Охотск» вывез 10 400 шкурок речных бобров, 2050 — лисиц и 1280 — речной выдры стоимостью

---

[15] См. **Творения Иннокентия, митрополита Московского** / Сост. И.Барсуков. Кн. 1–3. — М., 1887. — Кн. 2. — С. 76, 157.

[16] См. **О ярмонках и торжках, существующих в трех Сибирских Губерниях.** — Отд. III. — Разд. III. — № 1 // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 125. — Л. 104 об.–105.

[17] См. **Товары, идущие в Охотск и Камчатку (к Записке о торговле Охотского и Камчатского края), 12 февраля 1820 г.** // Там же. — Л. 151–151 об.

[18] См. **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 8 апреля 1831 г., № 406** // NARS. — RRAC. — R. 7. — P. 293–293 v.

[19] См. **ГП РАК — Александру I, 28 октября (9 ноября) 1807 г.** // ВПР. — Т. 4. — С. 107.

303 854 руб.[20] Припасы, предписания и нанятые новые работники из России и Сибири брались в Охотске на борт кораблей, которые поднимали якоря в конце августа или начале сентября, до того как на Тихоокеанском Севере начинались осенние штормы. При попутных северо-западных ветрах суда пересекали Охотское море, проходили через пролив между первым островом Курильской гряды и южной оконечностью Камчатки — мысом Лопаткой, шли с южной стороны вдоль Алеутских о-вов до Кадьяка, пересекали залив Аляска и иногда возвращались в Ново-Архангельск в октябре. Большая часть продовольствия, в том числе половина зерна, привезенного в 1825 и 1860 гг., раскупалась в Новоархангельской конторе[21]. Осенью и весной остальное доставлялось из столицы колонии в другие районы, главным образом на Кадьяк и Уналашку.

Для изучения проблемы доступны лишь фрагментарные данные об объемах поставок как в целом, так и продовольствия в частности, поступавших в Русскую Америку из Сибири, но этих сведений вполне достаточно, чтобы показать, насколько значительной была такая торговля. Так, в 1787 г. компания И.Л.Голикова — Г.И.Шелихова отправила из Охотска на Кадьяк, где находилась в те годы база для дальнейшего расширения деятельности этих предпринимателей, судно с припасами, состоявшими из ржаной муки (до 500 пуд.) и такелажа (300 пуд.)[22]; в 1799 г. для Соединенной Американской компании из Якутска в Охотск на 1496 лошадях и 118 быках было перевезено 3080 пуд. зерна, 550 пуд. сахара, 112 пуд. сливочного масла, 52 пуд. жира и 509 пуд. табака[23]; летом 1843 г. бриг РАК «Константин» покинул Охотск и взял курс на Ново-Архангельск, имея на борту 32 пассажира (включая епископа Иннокентия Вениаминова и 15 работных людей), а также 1761 пуд различных товаров (в том числе 782 пуд. овсяной крупы, 527 пуд. сливочного масла, 300 пуд. табака, 100 пуд. свечей и 40 пуд. ружей)[24]. В 1858 г. иркутская контора РАК переправила по р. Амур из Прибайкалья в Ново-Архангельск 25 000 пуд. ржаной муки, 2000 пуд. солонины и 1500 пуд. сливочного масла[25].

---

[20] См. **NARS. — RRAC.** — R. 40. — P. 170 v.–171.

[21] См. **Доклад Комитета.** — Ч. 2. — С. 92; **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 107; **NARS. — RRAC.** — R. 61. — Pt. 2. — P. 113.

[22] См. **Всеподданейший рапорт иркутского генерал-губернатора И.В. Якоби о деятельности компании Голикова и Шелихова на островах Тихого океана, 30 ноября 1787 г.** // РО. — 1948. — С. 264.

[23] См. **АВПРИ.** — РАК. — Д. 133. — Л. 6–10, 12–19.

[24] См. **Ведомость Пассажирам, отправляющимся на Бриге «Константин» в Колонии** // Там же. — Д. 377. — Л. 9 об.; **Ведомость груза, следующего на Бриге «Константин»** // Там же. — Л. 10.

[25] См. **ОГП РАК** за 1858 г. — С. 8; **ОГП РАК** за 1859 г. — С. 7–8; **NARS. — RRAC.** — R. 22. — P. 16; P. 159; R. 62. — Pt. 1. — P. 103 v.

Цена была высокой. Долгий и трудный путь доставки вел к тому, что в 1842 г. РАК уплатила в Якутске за масло по 14 руб. за пуд, а в Ново-Архангельске оно стоило уже по 25 руб. 20 коп.[26] Пятью годами раньше Главное правление заявило в С.-Петербурге, что по двум причинам «почти невозможно» посылать через Охотск необходимую для колонии муку: 1) власти Якутска запрещали продажу зерна в больших количествах и поэтому его надо было покупать в Иркутске; 2) цена транспортировки, не говоря уже о порче зерна и обнищании якутов, «очень дорога»[27]. В 1842 г. компания заплатила только за сухопутную перевозку товаров до Охотска 514 руб. сер. (1800 руб. асс.) и лишь 71 $^1/_2$ руб. сер. (250 руб. асс.) за каждый пуд груза, доставленного морем в Ново-Архангельск из Лондона[28]. В «официальной» истории РАК, написанной П.А.Тихменевым, утверждалось, будто компания платила в 2–3$^1/_2$ раза больше за провоз припасов через Сибирь в Охотск по сравнению со стоимостью морского маршрута между Кронштадтом и Ново-Архангельском[29]. Не следует особенно удивляться тому, что еще в 1813 г. Главное правление жаловалось, что «снабжение колоний всеми потребностями чрез Охотск, сверх затруднений, представляемых охотскою дорогою, требовало непомерных с силами компании издержек». По мнению руководства РАК, в этом была одна из причин, почему «в начале нынешнего достославного царствования [Александра I] ... компания находилась в чрезмерно расстроенном и затруднительном положении»[30].

Высокая цена образовывалась главным образом за счет трудностей транспортировки грузов из Якутска в Охотск и в середине 1810-х гг. РАК платила по 40 руб. хозяевам-якутам за каждую вьючную лошадь, которая перетаскивала на себе не более пяти пудов и затем возвращалась обратно[31]. При гужевой перевозке из Иркутска до Качугской пристани и далее на лодках вниз по р.Лене до Якутска не возникало особых проблем. Однако передвижение караванов вьючных лошадей и гуртов крупного рогатого скота по якутско-

---

[26] См. **А.К.Этолин — Охотской конторе РАК, 9 мая 1842 г., № 220** // Ibid. — R. 46. — P. 153 v.

[27] **ГП РАК — И.А.Купреянову, 12 марта 1837 г., № 435** // Ibid. — R. 10. — P. 328–328 v.

[28] См. **ГП РАК — А.К.Этолину, 3 апреля 1842 г., № 439** // Ibid. — R. 14. — P. 192–192 v.

[29] См. **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 372.

[30] **Краткая историческая записка о состоянии Российско-Американской компании. 1824 г.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 1–1 об.

[31] См. **ГП РАК — Департаменту мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, 22 ноября (4 декабря) 1819 г., № 723** // ВПР. — Т. 11. — С. 182.

охотскому тракту было равносильно сплошному преодолению ими препятствий. Животные увязали в трясине или тонули в болотных плывунах, протянувшихся вдоль Лены и Алдана; поверхность проложенных гатей становилась скользкой и неровной. На пространстве между реками Алданом и Охотой находилось более тысячи бродов, которые требовалось преодолеть; этих переправ было слишком много, чтобы строить через них мосты, их все равно разрушили бы зимний лед и весенний паводок. Так как груженые караваны и стада скота должны были покидать Якутск ранней весной, чтобы успеть попасть в Охотск до отплытия оттуда в Ново-Архангельск судна РАК, на тропе животных ожидали лишь скудные пастбища и молодая листва; лошади ослабевали и погибали, а крупный рогатый скот тощал. Кроме того, к востоку от Алдана густой кустарник и лес, каменистая, в выбоинах земля замедляли движение и калечили животных так же, как крутые склоны и заснеженные, обледенелые вершины. Хищники — медведи, волки и собаки — нападали на конные караваны и гурты крупного рогатого скота, что усугубляло мучения, которые доставлял им гнус. Болезни, особенно сибирская язва, также приводили к падежу истощенных животных. Ежегодно по всевозможным причинам погибало до половины вьючных лошадей; дождливыми же летами или из-за вспышек сибирской язвы потери даже возрастали. Они были настолько велики, что на тропе валялись гниющие туши и белели кости. В результате этого якутских лошадей становилось все меньше, они дорожали и обедневшие якуты с неохотой сдавали животных в аренду. Губернатор М.М.Сперанский был так встревожен большим уроном, что примерно в 1820 г. в целях сохранения поголовья рекомендовал РАК использовать не дорогу через Охотск, а морской путь, бравший свое начало в Кронштадте[32].

Селения вдоль тракта встречались редко и поэтому не следовало ожидать большой помощи израненным караванам и гуртам. На транспорт нападали беглые каторжники с расположенных недалеко от Охотска соляных промыслов; ненадежные проводники-якуты воровали и бросали грузы; продажные русские чиновники и подрядчики обманывали поставщиков-якутов и присваивали припасы, а дорогу ремонтировали равнодушные и неквалифицированные работники. Путешественники неизменно считали тракт между Якутском и Охотском наихудшим в Российской империи, если не во всем мире. Проехавший там в 1830 г. вместе с женой главный правитель Русской Америки Ф.П.Врангель отметил, что «трудности пути почти обратились в пословицу: «Охотская дорога значит в Сибири то же,

---

[32] См.[**Вагин В.**] Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год / Собраны В. Вагиным. — СПб., 1872. — Т. 2. — С. 5–7. — Прилож. — С. 404.

что самое утомительнейшее, опаснейшее путешествие»[33]. Неудивительно, что много животных и съестных припасов, покидавших Якутск, не доходило до Охотска и многое из того, что все-таки попадало туда, оказывалось поврежденным и испорченным. Зачастую караваны приходили слишком поздно и не успевали на «охотский транспорт». Иногда при переходах тюки надо было припрятывать и их нельзя было отыскать до следующего года; тем временем грузы окончательно разлагались и растаскивались зверями-падальщиками.

Самым восточным пунктом тракта являлся очень плохой Охотский порт. Лейтенант Н.А.Хвостов писал, что «можно местоположение города сего назвать одним из несчастнейших на свете»[34], поскольку поселение располагалось на открытой, пропитанной водой отмели в устье рек Охоты и Кухтуя. Почти ежегодно разрушались строения и жители тонули в речных и морских волнах. Осенью 1830 г. все здания этой фактории РАК были затоплены во время «полной воды» с сильным ветром[35]. Наводнения и эрозия почвы постепенно ухудшали местоположение поселения. В 1827–1838 гг. расстояние от забора фактории до моря сократилось с 240 до 32 футов, а между пакгаузом и рекой Кухтуй соответственно — со 160 до 108 футов[36]. В начале 1842 г. на совещании директоров РАК рассматривалось состояние поселения: «Долголетним опытом дознано, что место, на котором ныне находится Охотская Фактория, чрезвычайно неудобно. Вход в реку узок, мелок и окружен отмелями, а потому компанейские суда, привозя драгоценные грузы из Колоний, ежегодно подвергаются бесчисленным опасностям при входе в порт; а при выходе, который так же соединен с немаловажными затруднениями, теряют много времени в ожидании ветра, с которым выход из порта возможен. Снабжение Фактории лесом, а особливо пресною водою, которая должна быть привозима на кошку ежедневно, сопряжено также с большими затруднениями и часто с опасностью для людей по сильному течению и волнению воды при убыли и прибыли воды. Кроме того, здания Фактории, Контора, пакгаузы и [т.д.] расположены на узкой кошке, омываемой рекою и морем. Грунт кошки состоит из голыша или [мелкой ?] дресвы, а потому за безопасность и сохранность зданий и имущества ком-

---

[33] **Врангель Ф.** Путевые записки адмирала барона Ф.П.Врангеля // Исторический вестник. — 1884. — Т. XVIII. — Октябрь. — С. 172.

[34] **Российско-американская компания. Мнение лейтенанта** // АГМ. — Т. 3. — 1902. — С. 577.

[35] См. **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1831 г., № 353** // NARS. — RRAC. — R. 7. — P. 223.

[36] См. **Справка из архива дел Охотской конторы. [Прилож. к донесению правителя Охотской конторы Грибанова и помощника правителя Уличанинова (Уличанинова)] в ГП РАК, 5 октября 1838 г., № 841** // Ibid. — R. 12. — P. 247.

пании, состоящих в конторе, поручиться нельзя, потому что кошке угрожают наводнения и размыв берегов. При каждом сильном ветре с моря, особенно осенью, часть берега отрывается и пространство кошки уменьшается с устрашающею быстротою. В одиннадцать лет с 1827 по 1838 год ширина кошки уменьшилась на $32^1/_2$ сажени, а теперь от забора фактории до берега моря остается всего от $5^2/_3$ до 3 саженей. Опасность, угрожающая фактории тем неизбежнее, что при сильном шторме сообщения с городом прекращаются потому, что примыкающая к нему часть кошки заливается водою, а следовательно спасение людей и имущества Компании, в случае размыва берегов кошки, делается совершенно невозможным»[37].

Гавань была небольшой и неглубокой, а пролив, отделявший ее от океана, — узким, мелким и изменялся. В начале 1820-х гг. Правление РАК извещало министра финансов, что «большим судном невозможно стоять ни на рейде Охотском, ни входить в устье реки Охоты по мелководию и мелям»[38]. В этот порт могли заходить суда малого размера, особенно бриги водоизмещением 150–200 тонн, но они не были в состоянии взять на борт большой груз и много людей. Кораблям РАК угрожали также песчаные отмели, встречные ветры и сильные приливы. Иногда плавания откладывались на месяц и более. Время от времени суда садились на мель или тонули при входе в порт или при выходе из него. В 1794 г. Г.И.Шелихов жаловался, что, по существу, для его кораблей время, затраченное на выход из Охотска, составляло половину срока всего вояжа до Кадьяка[39].

По крайней мере до окончания периода правления А.А.Баранова в 1818 г. отправку транспортов из Охотского порта тормозили также плохое качество кораблей и низкий уровень подготовки матросов. В 1804 г. лейтенант Н.А.Хвостов заявлял, что для безопасного российского мореплавания между Сибирью и Аляской требовались прочные, хорошо построенные суда, надлежащее вооружение, опытные морские офицеры и наличие «исправных служителей»[40]. Сначала суда были грубой работы и недолговечными, так как в захолустном Охотске не хватало корабельных мастеров и матросов. Со временем корабли стали строить быстрее и дешевле в самой Русской Америке, а те, что превосходили их по качеству, — покупать у иностранцев. С 1799 по 1821 г. РАК построила 14 судов в

---

[37] **Выписка из совещательного журнала ГП РАК, 3 января 1842 г., № 29** // Ibid. — R. 14. — P. 179–180.

[38] **Записка [РАК] относительно доставления хлеба и соли в Камчатку и Охотск, 21 июня 1822 г.** // Ibid. — R. 3. — P. 165.

[39] См. **Г.И.Шелихов — И.А.Пилю, 18 ноября 1794 г.** // РО. — 1948. — С. 365.

[40] **Российско-американская компания. Мнение лейтенанта Хвостова** // АГМ. — Т. 3. — С. 571.

Охотске, 15 — в Русской Америке и приобрела 13 иностранных кораблей (8 из них предназначались для плавания в водах колоний, 5 — для кругосветных вояжей)[41]. Качество судостроения и выучка моряков улучшались по мере подготовки и найма на службу множества корабелов, укрепления экипажей флотилии РАК русскими военно-морскими офицерами, а также, начиная с 1818 г., назначением последних на должность правителей колоний и командирами кораблей компании. Будучи в 1827 г. в Ново-Архангельске, капитан-лейтенант Ф.П. Литке обнаружил, что на всех кораблях командирами были офицеры императорского ВМФ, а лучшие суда РАК покупала у американских судовладельцев[42]. К 1835 г. главный правитель Ф.П. Врангель смог доложить, что все 12 судов компании построены и оснащены надлежащим образом и хорошо укомплектованы экипажами[43].

Однако оставались такие неблагоприятные условия для плаваний парусников на Тихоокеанском Севере, как мелководья, сильные приливы и отливы, мощные и изменчивые течения, густые туманы, низкая облачность, проливные дожди и сильные ветры. Безопасная навигация осуществлялась только с мая по сентябрь из-за появлявшихся в начале весны плавучих льдов и налетавших ранней осенью сильных штормов. В начале и середине 1800-х гг. улучшенная конструкция кораблей, более искусные моряки и уточненные меркаторские карты способствовали в конце концов ослаблению физических бедствий, сокращая продолжительность вояжей туда и обратно между Охотском и Ново-Архангельском с шести до трех месяцев. Но опасности, подстерегавшие мореплавателей, взимали свою дань с кораблей. В 1790-е гг. все 7 судов компании И.Л.Голикова — Г.И.Шелихова разбились, а в среднем каждое из них совершило лишь два рейса в оба конца между Сибирью и Аляской и просуществовало только шесть лет[44]. К моменту истечения в 1819 г. первого срока действия Правил и Привилегий РАК компания лишилась 18 своих судов[45]. Затем обстановка заметно улучшилась, хотя и не настолько, чтобы помешать компании с трудом гарантировать доставку своих грузов в Охотск, как это стало происходить начиная с 1843 г.

---

[41] См. **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 235; **Rear Admiral Ferdinand Petrovich Wrangell.** Russian America: Statistical and Ethnographical Information / Transl. by Mary Sadouski. — Kingston, ON., 1980. — P. 9–10. (далее — **Wrangell F.P.** Op.cit.)

[42] См. **Литке Ф.П.** 1948. — С. 48–49.

[43] См. **Wrangell F.P.** Op. cit. — P. 10.

[44] См. **Исторический календарь Российско-Американской компании (1817 год)** // КИРАК. — С. 20–21.

[45] См. **Wrangell F.P.** Op. cit. — P. 10.

Трудности перевозок между Охотском и Ново-Архангельском, особенно по якутско-охотскому тракту, а также по морю приводили к уничтожению продовольствия и задержке сроков его доставки. Обычным делом была порча от чередовавшихся сырости и сухости, тепла и холода. Во время ливней кули пропитывались влагой и мука в них затвердевала и покрывалась плесенью, становясь горькой и пригодной лишь на корм лошадям. Весной 1832 г. главный правитель Ф.П.Врангель сетовал на то, что недалеко от Озерского редута в связи с низким уровнем воды более чем на два месяца закрылась мельница, поэтому новоархангельский гарнизон должен был употреблять в пищу ржаную муку, присланную из Охотска, и причину возникших резей в животе (колик) приписывали «дурному качеству ржаного хлеба» (по крайней мере частично, поскольку сумы с мукой датировались 1826 г.). Он писал: «... я надеюсь, что ни сего года ни будущего не потребую из Охотска ни одного фунта дорогой ржаной муки» (вместо этого Ф.П.Врангель намеревался кормить людей превосходной по качеству и более дешевой калифорнийской пшеничной мукой)[46].

Еще сильнее, чем зерно, портились солонина и топленое сливочное масло. Чтобы вовремя прибыть в Охотск (или Аян) и застать там отправлявшийся в Ново-Архангельск не позднее августа корабль РАК, стада крупного рогатого скота должны были покидать Якутск еще до таяния снега и поэтому в пути было мало корма. На морском побережье отощавшие животные не успевали отдохнуть и набрать вес; более того, их сразу же забивали, в спешке солили мясо в бочках и грузили на ожидавший отплытия корабль. В результате солонина было постной, жесткой и дорогой. Кроме того, из-за плохого качества засолки к моменту прибытия в Ново-Архангельск солонина часто оказывалась гнилой. В 1832 г. Ф.П.Врангель жаловался, что получаемая из Охотска солонина всегда была испорченной[47]. Не лучшее мясо поступало и из Аяна. В 1850–1851 гг. недоброкачественными оказались все 300 пуд. солонины, присланные из этого порта, в 1853 г. такими оказались 90 из 96 бочек данного продукта[48]. Зачастую привезенный из Охотска провиант был так испорчен, что им нельзя было питаться. В 1843 г. правитель А.К.Этолин сообщал, что многие охотские припасы «совершенно негодные» и соответственно в столице колоний скопилось столько «негодных и ломанных вещей и инструментов», что для их хранения трудно отыскать место[49].

---

[46] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 6 мая 1832 г., № 114** // NARS. — RRAC. — R. 34. — P. 80 v.–81 v.

[47] См. **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 6 мая 1832 г., № 196** // Ibid. — P. 196 v.

[48] См. **Ibid.** — R. 58. — P. 517–517 v.; **Ibid.** — R. 59. — P. 215 v.

[49] **А.К.Этолин — Охотской конторе РАК, 10 мая 1843 г., № 263** // Ibid. — R. 47. — P. 205.

Трудности доставки припасов через Охотск в конце концов побудили РАК искать более надежную дорогу от Якутска до Охотского моря, а также более удобную гавань на побережье. Нельзя было улучшить морскую часть пути, пролегавшего до Ново-Архангельска, однако суда могли быть добротнее, а экипажи — искуснее, что и стало наблюдаться в течение второго срока действия Правил и Привилегий компании. Тогда было обращено внимание на основные «узкие места» транспортировки, а именно: на тракт между Якутском и Охотском и на сам Охотский порт. Их периодически ремонтировали и перестраивали, но в целом они продолжали оставаться в неудовлетворительном состоянии. В 1828–1829 гг. компания предприняла исследование в устье р. Уды, оказавшееся удобной гаванью, а также трассу, соединявшую Якутск с Удском, которая, однако, была непроходимой. Более того, частично по р. Уде пролегала еще окончательно не установленная русско-китайская граница. В начале 1840-х гг. были исследованы Аянский залив и путь между Якутском и Аяном. И тот и другой получили очень высокую оценку; Аянская гавань была глубже Охотской, а корабли могли входить в нее несмотря на ветер, тогда как в Охотскй порт они могли входить при попутном ветре, которого дожидались, подвергаясь опасностям на рейде[50]. В 1843 г. правитель А.К.Этолин убеждал Главное правление, что Аянский залив глубже Охотского, что там нет быстрых переменчивых течений и сильного колебания уровня моря во время приливов и отливов и, следовательно, «без сомнения вход и выход судов из залива Аян будет иметь несравненно больше преимущества пред Охотским...»[51]. Он пришел к заключению, что во всех случаях как для удобства проживания в Аяне, так и для военно-морского флота Аянский залив совершенно нельзя было сравнить с Охотским портом, который можно было назвать гробом и для людей и для кораблей[52].

Летом 1845 г. Охотская фактория с ее 135 жителями была переведена в Аян[53] и на тракте между Якутском и Аяном (почти половина пути проходила по р.Мае) появились поселенцы, возводились дорожные станции, строились гати, лодки и переправы.

Однако новые маршрут и порт оказались ненамного лучше прежних. В 1846 г. транспортные расходы все еще составляли 35% от стоимости ввозимых через Аян в Русскую Америку припасов[54]. Кроме того, в 1847 г. новый генерал-губернатор Восточной Сибири

---

[50] См. **ОГП РАК** за 1843. — С. 19.

[51] **А.К.Этолин — ГП РАК, 10 мая 1843 г., № 283** // NARS. — RRAC. — R. 47. — P. 227.

[52] См. **Ibid.** — R. 50. — P. 251.

[53] См. **ОГП РАК** за 1845 г. — Ч. III. — С. 22.

[54] См. **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 12 мая 1847 г., № 242** // NARS. — RRAC. — R. 52. — P.360.

Н.Н.Муравьев переместил центр русского присутствия на Дальнем Востоке с побережья Охотского моря и Камчатки в более перспективный район долины р. Амур, которую в 1850-е гг. он сумел силой вырвать у ослабевшего в результате внешнего давления и внутренних раздоров Китая. Тогда РАК, игравшая в С.-Петербурге активную роль в борьбе за присоединение к России Амурского края и о-ва Сахалин, попыталась организовать снабжение продовольствием своих колоний через Амур. Хотя при этом перевозка осуществлялась легче и дешевле, чем по пути между Якутском и Аяном, ей все еще мешали летние паводки; «слепые» протоки; отмели, менявшие свою конфигурацию; мели; бревна топляки и валуны; плавающие льдины; встречные ветры и стремнины. Таким образом, сибирское направление снабжения припасами оставалось неподходящим. Например, зимой 1805–1806 гг., т.е. сразу после восстановления Ново-Архангельска, это селение было опустошено голодом, несмотря на покупку компанией американского судна вместе с находившимся на нем грузом продовольствия (хотя Г.Г. фон Лангсдорф утверждал, будто проблема заключалась в плохом распределении припасов, а не в плохой пище); к концу февраля из 192 русских там умерло 8 человек, еще 60 — болели цингой; положение спасла, да и то лишь на время, отчаянная поездка в Верхнюю Калифорнию за продовольствием, предпринятая Н.П.Резановым (но до его возвращения погибло еще 10 человек)[55]. Посетив впервые в 1810 г. столицу Русской Америки, капитан-лейтенант В.М.Головнин писал, что «совершенный недостаток в хлебной пище и в прошлом году был причиною разных болезней, похитивших немалое число компанейских служащих». Более того, по его словам: «На одном из их судов почти половина экипажа, состоявшая из матросов императорской морской службы, лишилась жизни по недостатку в съестных припасах...», а в Ново-Архангельске голод стал одной из причин, давших повод «промышленным сделать заговор к бунту» против А.А.Баранова[56]. Неудивительно, что в 1824 г. чиновник РАК граф Н.С.Мордвинов, заявил, будто снабжение Русской Америки продовольствием по так называемым «континентальному» пути или «каботажному» маршруту из Охотска на деле означало почти полное отсутствие таких поставок[57].

Последней каплей была ненадежность ввоза зерна из Восточной Сибири. Компания перешла к доставке продовольствия из России морем через Кронштадт вместо использования сибирского пути

---

[55] См. **Langsdorff G.H. von.** Remarks and Observations on a Voyage Around the World from 1803 to 1807 / Transl. by V. J. Moessner. — Kingston, ON., 1993. — Vol. 2. — P. 48–54, 78, 131.

[56] **Головнин В.М.** 1961. — С. 327.

[57] См. **Колония Росс, 1824** // АГМ. — 1902. — Т. 6. — С. 673.

через Охотск. В 1819 г. директора РАК писали Александру I, «Российско-Американская Компания, четырехкратно повторенными опытами убедившись в том, что гораздо полезнее и удобнее отправлять в Американские ее колонии все вещи, потребные тамо как для кораблестроения и мореплавания, так и для содержания людей и охранения крепостей, на кораблях из Кронштата кругом света, чем посылать туда грузы чрез Охотск, куда доставление вещей, и особенно тяжелых, по неудобности дорог, и особенно тяжелых, по неудобности дорог, сопряжено с чрезвычайными затруднениями и большими убытками...»[58]. В 1810-е гг. компания пришла к выводу, что отправка тяжелых грузов (якорей, пушек, железа, меди, такелажа, парусов и даже съестных припасов) из Кронштадта обходилась в четыре раза дешевле; более того, по морю можно было посылать товары в бо́льших количествах и они лучше сохранялись. В отличие от этого, по мнению РАК, транспортировка через Охотск означала отсрочку поставок, порчу и потерю грузов[59]. Вероятно, доставка припасов с помощью кругосветных экспедиций была для компании предпочтительнее.

Из европейской части России. Капитан Ю.Ф.Лисянский, командир корабля «Нева», участвовавшего вместе с флагманом «Надежда» в первой русской кругосветной экспедиции, так объяснял решение снабжать продовольствием Русскую Америку через столицу империи С.-Петербург и военно-морскую базу Кронштадт: «Российско-Американская компания, управляющая всеми заведенными в Америке селениями, по причине величайшей отдаленности, всегда встречала почти непреодолимые затруднения в снабжении их жизненными припасами и другими необходимыми вещами, отчего цены на все эти предметы возвысились до крайности. Это обстоятельство заставило ее помышлять о средствах, могущих отвратить чрезвычайную дороговизну и доставить безопасный и удобный путь к пересылке разных вещей в ее селения, где, вместе с умножением промыслов, умножались и нужды, ранее не существовавшие»[60]. Такой способ намеревались использовать и для снабжения продовольствием побережья Охотского моря и Камчатки, поскольку эти регионы тоже страдали из-за недопоставок товаров через Сибирь.

Доставка грузов была главной, но не единственной целью океанских плаваний между Балтикой и Беринговым морем. После того

---

[58] **ГПРАК — Александру I, 20 сентября 1819 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 291. — Л. 2.

[59] См. **Обозрение состояния действий Российско-Американской Компании с 1797 по 1819 год** // Журнал мануфактур и торговли. — СПб., 1835. — № 3. — Отд. IV. — С. 102–104.

[60] **Лисянский Ю.Ф.** 1947. — С. 33. См. также: **Lisiansky U.** A Voyage Round the World in the Years 1803, 4, 5, & 6 / Transl. by the author. — L., 1814. — P. xiii.

как корабли привозили припасы, они могли бы брать на борт ценную пушнину вместо ничего не стоящего балласта; так, осенью 1820 г. на шлюп «Благонамеренный» в течение тридцати трех дней сорок человек под командой офицера погрузили 3500 пуд. камней и за это время из-за сырости при перевозке балласта на баркасах с побережья на корабль в день заболевало по 2–3, а иногда и до 12 членов экипажа[61]. Выражалась надежда, что на обратном пути суда стали бы быстрее и дешевле доставлять принадлежавшие компании меха на кантонский рынок и возвращаться с «китайскими товарами» (чаем, тканями, фарфором) так же, как это делали британские и американские «каботажные суда», которые участвовали в торговле пушниной на северо-западном побережье Америки. Этот маршрут позволил бы избежать перевозок по более длинному и занимавшему больше времени пути по суше, пролегавшему между Охотском или Аяном до Кяхты, этого центра русско-китайской торговли на монгольской границе во внутренних районах Азии. Доставка туда принадлежавшей РАК пушнины занимала два года и немало шкур терялось в дороге из-за несчастных случаев, порчи товара или воровства, тогда как торговые суда достигали Кантона всего за пару месяцев, включая время, затраченное экипажами на поправку здоровья на целительных Гавайских о-вах. Для русских морской маршрут означал бы также возможность обойти любой временный запрет китайцев на кяхтинский торг, что произошло в 1785–1792 гг., когда в результате закрытия рынка к большому удовольствию и выгоде британских и американских купцов цены на меха возросли в Кантоне на 20%[62]. Но даже когда Кяхта не была закрыта для русской торговли, прямая доставка больших партий пушнины конкурентами ставила РАК явно в невыгодное положение на китайском рынке.

Другим фактором являлось желание продемонстрировать российский флаг на имперской арене Тихоокеанского Севера и защитить колонии РАК от неумолимой враждебности со стороны колошей и безжалостной конкуренции британских и американских торговцев. Особое беспокойство причиняли последние. На рубеже XVIII–XIX вв. они вытеснили британцев из прибрежной торговли и расчистили это поле деятельности для себя, исключая русских. Американцы начали нагло вторгаться в те районы, которые, по мнению РАК, были ее владениями, продавая там колошам огнестрельное оружие и спиртные напитки и даже подстрекая индейцев к действиям, направленным против компании. Конечно, с такой помощью колоши захватили в 1802 г. саму будущую столицу колоний. Русские вновь завладели поселением лишь в 1804 г. во многом

---

[61] См. **Лазарев А.П.** 1950. — С.232–233.

[62] См. **А.А.Баранов — Е.Г.Ларионову, 24 июля 1800 г.** // Тихменев П.А. — Ч. 2. — Прилож. — С.148–149.

благодаря поддержке корабля «Нева» под командованием Ю.Ф.Лисянского.

Существовали еще два фактора, отражавшие заинтересованность правительства России в создании новой системы снабжения. Государство рассматривало кругосветные экспедиции как прекрасную возможность тренировки матросов для прохождения ими дальнейшей службы в военно-морском флоте. В стране имелся большой опыт речного и каботажного, но не океанского судоходства; даже молодое государство — Соединенные Штаты Америки — преуспело в организации кругосветного плавания, прежде чем такую экспедицию предприняла Россия. Кроме того, такие походы, как считали правительственные круги, укрепляли международный престиж страны за счет совершенных открытий и проведенных исследований в водах, еще не отмеченных в лоциях и не нанесенных на карты прибрежных районов и островов, а также благодаря изучению экзотических туземных культур и природных объектов по примеру того, как Великобритания грелась в лучах славы трех экспедиций Дж.Кука, Франция — путешествий Ж.Ф.Лаперуза, а Испания — А.Маласпины. Такой мотив звучал в кругосветном плавании капитана Ф.Ф.Беллинсгаузена и лейтенанта М.П.Лазарева, предпринятом в 1820 г., в результате которого была открыта Антарктида.

В связи с организацией Второй Камчатской экспедиции (1733–1742) еще в 1732 г. русские предполагали пройти на кораблях из северной Атлантики на север Тихого океана. Однако этого не произошло вплоть до начала следующего столетия (хотя в 1787 г. снаряжалась экспедиция под командованием капитана Г.И.Муловского, но она так и не состоялась из-за разразившейся войны России с Турцией и Швецией). Совершение подвига было отложено отчасти потому, что балтийские и черноморские проливы (соответственно Зунд, Босфор и Дарданеллы) контролировались другими, зачастую враждебными державами, которые могли запереть русский флот; отчасти это было связано с тем, что Россия к тому времени уже вышла к Тихому океану и, следовательно, была в состоянии проводить там исследования, опираясь на свои сибирские базы и не нуждаясь ради вышеназванной цели в плавании вокруг м. Доброй Надежды или м. Горн, о чем свидетельствовали экспедиции В.Беринга — А.И.Чирикова и И.И.Биллингса — Г.А.Сарычева. Наконец, в результате настойчивой поддержки в 1790-е гг. со стороны Г.И.Шелихова, Г.А.Сарычева и других, первое русское кругосветное путешествие было совершено в 1803–1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева», чтобы обеспечить большую безопасность и доставить больше припасов (корабли были приобретены в Англии и командовали ими два офицера, прошедшие выучку в британском королевском военно-морском флоте). Типичным было то, что экспедиция преследовала различные цели: доставку съестных припасов в Русскую Аме-

рику и на Русский Дальний Восток, продажу мехов РАК в Кантоне, охрану российской территории, установление отношений с Японией, открытие и исследование новых земель и водных пространств.

Таким образом, началась целая серия плаваний между Финским заливом и заливом Аляска, продолжавшихся с 1803 по 1868 гг. (см. табл. 1). Лишь меньшая их часть представляла собой собственно кругосветные путешествия, тогда как многие корабли плавали по этому маршруту туда и обратно, обычно идя в обход м. Горн, а не вокруг м. Доброй Надежды, поскольку первый путь был короче, несмотря на сильные западные ветры в проливе Дрейка; например, в 1807 г. эти ветры вынудили «Диану» изменить курс и пройти мимо м. Доброй Надежды. Но в целом, как заявлял в 1838 г. главный правитель Русской Америки И.А.Купреянов, корабли огибали м. Горн, «чтоб выиграть время по возможности...»[63]. В ходе плаваний для закупки промышленных товаров суда останавливались иногда в Англии (позднее они стали заходить в Гамбург); в 1834 г. в Англии на «Америку» было погружено 3000 одеял, 3583$^1/_2$ ярдов ткани, 5000 рыболовных крючков, 5000 парусных игл, 60 банок с супами, 24 «иллюминатора» и 3 хронометра — всего товаров на сумму 80 417 руб.[64] Изредка корабли посещали также Бразилию (Рио-де-Жанейро) или Чили (Вальпараисо или Сантьяго), чтобы приобрести там тропические и субтропические продукты (сахар, мелассу, ром, табак, кофе).

С целью снабжения своих владений РАК организовала более пятидесяти плаваний; русское правительство снарядило свыше тридцати экспедиций. Припасы перевозились в Русскую Америку на судах, принадлежавших самой компании; на кораблях императорского военно-морского флота; на зафрахтованных иностранных судах и даже на китобойцах Российско-финляндской китоловной компании. До 1850-х гг. экипажи судов РАК состояли главным образом из военных моряков. В связи с приобретением компанией таких судов, как «Император Николай I» (1850), «Цесаревич» (1851), «Ситха» (1852), «Камчатка» (1853) и, наконец, клиппера «Царица» (1858), она переключилась на комплектование команд из гражданских лиц (офицеров морского торгового флота) и сократила состав экипажей[65].

---

[63] **И.А.Купреянов — ГП РАК, 4 ноября 1838 г., № 516** // NARS.— RRAC. — R. 41. — P. 268 v.

[64] См. **Счет поступивших на транспорте «Америка» в Англии шерстяных и других товаров со счета Гг. Фрича, Муттера и Компании, 10 октября 1834 г.** // Ibid. — R. 9. — P. 383. Однако согласно более раннему документу в Англии были приобретены 3000 одеял, 2000 ярдов фланели, 1600 ярдов фланелетта и 1200 ярдов байки. См. **ГП РАК — Ф.П. Врангелю, 31 июля 1834 г., № 765** // Ibid. — R. 9. — P. 384 v.

[65] См. **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 222. См. также: **Там же.** — Примеч. 2. — С. 156.

На такой строго коммерческой основе доставка припасов морем осуществлялась во много раз быстрее и дешевле; плавание в оба конца занимало отныне восемнадцать месяцев, а не тридцать шесть — как раньше, и нанятые капитаны и матросы (главным образом финны, русских же было мало) получали лишь половину жалования, причитавшегося второстепенным военно-морским чинам[66].

Ранее РАК изредка фрахтовала военные корабли для доставки припасов в колонии; так, в 1809 г. с Камчатки отплыл шлюп «Диана» (за каждый пуд груза было уплачено по 4 руб. асс.); в 1818 г. из Кронштадта вышел шлюп «Камчатка», имевший на борту 2800 пуд. груза; в 1826 г. в Русскую Америку ушел транспорт «Кроткий»; в 1827 г. — шлюпы «Сенявин» и «Моллер» (стоимость каждого пуда груза составляла 10 руб. асс.); в 1831 г. транспорт «Америка» перевез 17 450 пуд.; он же вновь побывал в колониях в 1834 г. (оба плавания «Америки» обошлись РАК за фрахт по 5–15 руб асс. за пуд груза)[67]. Стоимость фрахта корабля ВМФ «Америка» в 1831 г. составляла 25% от стоимости доставленного на нем груза компании, а в 1834 г. предусматривалось «защет фракта налагать со щета Главного Правления по 30%»[68]. Однако бо́льшая часть грузов, находившихся на борту военных судов, представляла собой тяжелые предметы, а не продовольствие.

Тогда РАК предпочла более дешевую и быструю транспортировку товаров в Ново-Архангельск на нанятых иностранных купеческих судах. Первым в рейс отправился британский корабль «Сернарвон», прибытие которого с грузом из Лондона и Рио-де-Жанейро ожидали ранней весной 1831 г. Но судно не приходило вплоть до конца лета 1832 г., задержавшись «без всякой нужды» на шесть недель в Рио и было вынуждено огибать м. Горн в самое опасное время года (зимой, царившей в южном полушарии), где корабль едва не погиб в крушении, «однакож груз подвергся немаловажным повреждениям»[69]. Кроме того, транспорт был перегружен; виргинский табак «куплен лежалый, вероятно, бракованный»; бразильское пшено — упаковано в рваные мешки из травяной рогожки; бо́льшая часть зерна оказалась недозрелой[70]. Несмотря на такое плохое начало, вторая попытка была предпринята в 1838 г., когда американ-

---

[66] См. **Головин П.Н.** Обзор русских колоний в Северной Америке // МС. — 1862. — T.LVII. — № 1. — Январь. — Часть неофиц. — С. 66–68.

[67] См. **Ивашинцов Н.А.** Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 год. — СПб., 1872; **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 203, 347–348.

[68] **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 31 июля 1834 г., № 765** // NARS. — RRAC. — R. 9. — P. 386–386 v.; Тихменев П.А. — Ч. 1. — С. 348.

[69] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 31 октября 1832 г., № 463** // Ibid. — R. 34. — P. 360 v.–361.

[70] **Ф.П.Врангель — ГП РАК (секретно), 31 октября 1832 г., № 464** // Ibid. — P. 363 v.–364 v.

ский корабль «Суффолк» достиг Ново-Архангельска, перевозя для РАК груз на сумму 26 950 пиастров (испанских серебряных долларов), а также паровую машину, предназначенную для парохода «Николай I»; на борту находился и заключивший с компанией контракт машинист по фамилии Мур[71].

В следующем году было подписано соглашение между РАК и КГЗ, предусматривавшее среди прочих мер застрахованную перевозку грузов российской компании в Ново-Архангельск из Лондона на зафрахтованных британской компанией судах первоначально через Форт Ванкувер, расположенный в самом низовье р. Колумбия, но иногда и через Гонолулу с целью снижения суммы страховки и сокращения срока плавания. В виде эксперимента данный канал снабжения был открыт в 1842 г., когда удалось завезти различных товаров общим весом до 1 350 пуд. при стоимости фрахта 113 руб. сер. 64 коп. за тонну (1 тонна = 63 пудам)[72]. Это соглашение было выгодно КГЗ, которой русские платили за фрахт по 13 ф.ст. за тонну груза, что, в свою очередь в три раза превосходило цену, которую запрашивали с них владельцы зафрахтованных судов[73]. Соглашение приносило пользу и РАК; для сравнения, в 1842 г. доставка русских товаров наземным путем по Охотским расценкам обходилась по 540–630 руб. сер. за тонну груза, из Кронштадта в Ново-Архангельск транспортировка на судах компании стоила ей по 195–252 руб. сер. за тонну, тогда как цена фрахта кораблей военно-морского флота доходила соответственно до 180 руб. сер. Таким образом, перевозки, осуществлявшиеся с помощью британской компании, экономили ее российскому партнеру по 6600–51 600 руб. сер. на каждые 100 т груза, который к тому же был застрахован, тогда как до 1850-х гг. суда, шедшие в колонии через Охотск или Кронштадт, не страховались[74].

Хотя чартерная доставка промышленных товаров при участии КГЗ являлась относительно экономичной, все же этого было мало и потому в 1845 г. такое плавание состоялось в последний раз. РАК не могла позволить себе покупку достаточного количества судов,

---

[71] См. **И.А.Купреянов — ГП РАК, 3 июня 1838 г., № 386** // Ibid. — R. 41. — P. 113 v.

[72] См. **ОГП РАК** за 1842 г. — С. 23–24.

[73] См. **Gibson J.R.** Farming the Frontier: The Agricultural Opening of the Oregon Country 1786–1846. — Vancouver, B.C., 1985. — P. 105.

[74] См. **ОГП РАК** за 1842 г. — С. 23. РАК не страховала кругосветные вояжи из-за дальности расстояния, неопределенности сроков пребывания корабля в колониях, а также отсутствия в Русской Америке правительственного учреждения, которое могло бы официально засвидетельствовать какое-либо несчастье, случившееся с судном. См. **Обозрение состояния действий Российско-Американской Компании с 1797 по 1819 год.** — С. 104.

предназначенных для регулярных рейсов между Кронштадтом и Ново-Архангельском; в результате «с гораздо меньшими издержками» компания стала нанимать иностранные купеческие суда и первый такой фрахт был опробован в 1846 г.[75] Этот способ должен был наладить более прямую связь по морю между Главным правлением РАК и столицей колоний на кораблях, которые контролировались бы исключительно самой компанией; кроме того, фрахт предполагал прекращение «всех весьма дорого стоющих и неудобных сухопутных перевозок людей и товаров до Аяна» в Русскую Америку, чтобы увеличить частоту плаваний колониальных судов и сократить время их нахождения в пути между Ново-Архангельском и С.-Петербургом туда и обратно с семнадцати до одиннадцати месяцев[76]. В Або (Турку) было нанято два финских корабля — «Ситха» и «Атха». Система фрахта «оказалась не только выгодною, но вместе с тем и полезною», поскольку за найм судна водоизмещением не менее 500 т ежегодная плата составляла 20 000 руб. сер. и «представляла значительно меньший расход» по сравнению с фрахтом судна КГЗ: в первом случае провоз товаров в колонии обходился не дороже 5–6 ф.ст. за тонну груза, а во втором — соответственно по 10–13 ф.ст.; кроме того, нанятое РАК на два года судно находилось в полном распоряжении компании и по четыре или пять месяцев могло плавать в «колониальных водах»[77]. С 1850 г. большинство, если не все, грузы — главным образом промышленные изделия — стали доставляться на зафрахтованных судах не из Лондона, а после сделанных закупок в Гамбурге; количество немецких товаров было сопоставимо с британскими, а все виды расходов, связанных с покупкой, упаковкой, хранением и погрузкой, были в Гамбурге на 50% ниже, чем в Англии[78].

В конце 1840-х — начале 1850-х гг. найм судов оказался особенно выгодным делом, поскольку из-за «золотой лихорадки» сельское хозяйство в Калифорнии пришло в упадок и в Орегоне, Калифорнии и Чили цены на продовольствие возросли; вследствие этого КГЗ была не в состоянии возобновить действие пункта о поставке провианта как это предусматривалось Соглашением 1839 г., а Калифорния и Чили больше не могли в изобилии и по выгодным ценам снабжать съестными припасами Русскую Америку, ибо все больше продуктов, особенно муки и круп, стало завозиться туда на

---

[75] **ОГП РАК** за 1845 г. — Ч. III. — С. 19.

[76] **Там же.** — С. 20–21.

[77] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 155.

[78] См. **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 85; **ОГП РАК** за 1850 г. — С. 8; **Там же.** — 1851. — С. 9–11; **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 156–157. РАК отправила в Гамбург своего агента (бывшего в течение нескольких лет главным правителем колоний А.К.Этолина), чтобы тот лично проверял припасы и поэтому контроль за их качеством усилился.

зафрахтованных судах[79]. Объем поставок продовольствия фактически начал расти в 1847 г., когда РАК откликнулась на просьбу русского правительства снабжать Камчатку съестными припасами[80].

Плавания нанятых кораблей показали возможность транспортировки продовольствия «по такому протяженному маршруту» и при этом не слишком портить продукты[81]. Кроме того, оказалось, что вояжи могли быть «достаточно быстрыми», т.е. в промежутке между прибытием весной и возвращением осенью в Кронштадт суда могли плавать в водах колоний по четыре или пять месяцев, разгружаясь и вновь беря грузы на борт в течение навигационного сезона (когда воды были свободны ото льдов)[82]. Однако в 1853 г. необходимость посылать в Ново-Архангельск, Петропавловск и Аян значительное количество различных товаров и припасов с целью создания там запасов на случай войны и поддержки все возрастающей деятельности русских экспедиций на Русском Дальнем Востоке привела РАК к осознанию того, что очень выгодно использовать собственные суда[83]. Цены на фрахт стали «очень высокими»[84]. Поэтому компания начала покупать корабли в Германии, Англии и США. В 1850 г. построенный в Нью-Йорке «Император Николай I» заменил «Ситху», а в 1852 г. в Гамбурге был куплен «Цесаревич». В 1853 г. РАК приобрела судно «Камчатку» и еще один новый корабль «Ситха». Последнее было захвачено англо-французской эскадрой на Камчатке в 1854 г. и продано во Франции (во время Крымской войны превосходящий флот союзников прервал череду кругосветных экспедиций, снабжавших припасами Русскую Америку, и она стала покупать продовольствие в Калифорнии и Чили, где вновь стало развиваться сельское хозяйство, и привозить провиант на кораблях нейтральных государств, главным образом США)[85]. В 1857 г., когда «Император Николай I» был временно передан военно-морскому министерству, в Гамбурге купили американский клиппер «Львиное сердце», переименованный затем в «Царицу». К 1860 г. флотилия РАК состояла из 14 кораблей: 4 — предназначались для кругосветных плаваний и 10 для колониального судоходства. В том же году они совершили 25 вояжей: 8 — в различные районы колоний, 7 — в Аян и обратно, 6 — в Калифорнию, 3 — вокруг света и 1 — в Шанхай и обратно[86].

---

[79] См. **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 84; **ОГП РАК** за 1848 г. — С. 36–39.

[80] См. **ОГП РАК** за 1846 г. — С. 47–48; **Там же.** — 1847. — С. 45–47.

[81] **Там же** за 1850 г. — С. 7.

[82] **Там же.** — С. 9.

[83] См. **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 84.

[84] **ОГП РАК** за 1853 г. — С. 8.

[85] См. **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 85; **ОРАК** за 1854–1855 гг. — С. 11, 23, 47.

[86] См. **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 85.

Но кругосветные экспедиции были выгодными лишь в случае, если суда возвращались в Россию полностью загруженными и потому компания все еще иногда фрахтовала иностранные корабли, поскольку грузов для Ново-Архангельска хватало, чтобы наполнить трюмы двух и более судов, тогда как только одного корабля было достаточно для отправки товаров назад в Кронштадт[87]. Более того, в 1852–1853 гг. РАК перевезла в Ново-Архангельск припасы на китобойцах «Турку» и «Аян», принадлежавших Российско-финляндской китоловной компании (в 1855 г. «Аян» был сожжен у берегов Камчатки эскадрой союзников)[88]. Конечно, в течение всего третьего срока действия Правил и Привилегий РАК наибольшая часть поставок товаров и продовольствия в Русскую Америку (по крайней мере в стоимостном выражении) осуществлялась из Европы на зафрахтованных судах (см. табл. 2).

Корабли перевозили в Ново-Архангельск съестные припасы и промышленные изделия (включая те, что предназначались для продажи), а также пассажиров (в основном вновь нанятых РАК служащих); оттуда же в С.-Петербург доставлялась пушнина, товары (главным образом тропические и субтропические), балласт и пассажиры (среди которых преобладали бывшие служащие компании). Однако основная часть завозившихся в колонии грузов состояла из крупногабаритных, массивных промышленных изделий (прежде всего корабельных снастей [канатов, парусины, смолы], металлических, холщовых и кожевенных изделий, стеклянной и глиняной посуды, инструментов и многих других предметов[89]), а не из продовольствия, которое в 1810-е гг. можно было дешевле приобрести у американских «корабельщиков»; в начале 1820-х гг. и вплоть до конца 1830-х гг. — в калифорнийских миссиях или на фермах КГЗ в Орегоне, как это практиковалось в 1840-х гг. Например, судно «Елена» (1828) перевезло в колонии главным образом изделия из хлопка, холста, шерсти, кожи, металла, инструменты, посуду, изделия из стекла, корабельные припасы и бумагу, а также некоторое количество продовольствия (прежде всего муку, сахар и уксус) и другие товары (табак, мыло, олифу, свечи)[90]. В 1832 г. военно-морской транспорт «Америка» достиг столицы колоний, имея на борту 17 450 пуд. грузов РАК (стоимость фрахта составляла 5–15 руб. асс. за тонну), который состоял в подавляющем большинстве из метал-

---

[87] См. **ОГП РАК** за 1850 г. — С. 9–10.

[88] См. **Там же** за 1852г. — С. 19; **Там же** за 1853 г. — С. 25; **Там же** за 1856 г. — С. 36.

[89] См. **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 21 марта 1830 г., № 239** // NARS. — RRAC. — R. 7. — P. 16.

[90] См. **Реестр Товарам, назначаемым в груз корабля «Елена», который имеет быть отправлен в Российско-Американские Колонии в навигацию 1828 года** // Ibid. — R. 6. — P. 92–93 v.

лических изделий (меди, железа, гвоздей), краски, мыла, свечей, посуды, инструментов, снастей, кожевенных изделий и текстиля (изделий из холста, хлопка и шерсти) — на них приходилось 85% стоимости всего корабельного груза; на борту оказалось лишь 300 пуд. крупчатки. «Америка» покинула Ново-Архангельск, увозя с собой 485 1/3 каланьих шкур, 507 каланьих хвостов, шкуры 6451 речного бобра, 772 выдр, 3865 1/2 лисиц, 2990 разных соболей, 65 рысей, 10 1/2 волка, 97 россомах, 222 норок, 463 выхухолей, 634 медведей, 16 234 морских котиков, а также 1142 пуд. 23 фунта моржовых бивней, 7 пуд. 8 фунтов бобровой струи и 250 пуд. китового уса (фрахт стоил 15 и 7 руб. асс. за пуд, соответственно, пушнины и моржовых бивней, бобровой струи, китового уса); кроме того, на борту находилось 8 пассажиров (в том числе К.Т.Хлебников)[91]. В 1821 г. РАК отправила на «Елисавете» и «Рюрике» 11 000 пуд. ржи (в виде зерна и муки), но большая часть этого груза (9000 пуд.) предназначалась для Охотска, а не для Ново-Архангельска[92]. До 1850-х гг., когда перевозки стали безопаснее и дешевле, а сборы зерна на тихоокеанском побережье Северной и Южной Америки уменьшились и оно подорожало, много продовольствия доставлялось в Русскую Америку кругосветным путем. В 1851 г. «Ситха» привезла в Ново-Архангельск 20 152 пуд. пшеничной муки[93]; в 1858 г. «София-Аделаида» доставила из Финляндии 33 647 пуд. муки[94]; в 1859 г. на борту «Императора Николая I» было перевезено 24 000–25 000 пуд. ржаной муки и 400 пуд. гречихи и гороха[95]; в 1860 г. «Камчатка» доставила 19 000 пуд. крупы, пшеничной

---

[91] См. **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1831 г., № 348** // Ibid. — R. 7. — P. 189; **Товары, назначаемые в груз шлюпа Америки, для доставления в Российско-Американские колонии, февраль 1831 г.** // Ibid. — P. 191–194 v.; **Подробный счет на товары, погруженные в казенный транспорт Америку, следующие в Российско-Американские колонии, июль 1831 г.** // Ibid. — P. 312–325; **Общий Счет на товары Российско-Американской Компании, погруженные в казенный Транспорт Америку, состоящий под командою Капитан-Лейтенанта Ивана Ивановича Шанца, следующий в Российско-Американские колонии, 31 июля 1834 г.** // Ibid. — R. 9. — P. 394; **Ф.П.Врангель — Ново-Архангельской конторе 17 октября 1832 г., , № 425** // Ibid. — R. 34. — P. 298 v.–299; **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 10 ноября 1832 г., № 547** // Ibid. — P. 438 v.–439.

[92] См. **Ibid.** — R. 3. — P. 164 v.–165, 172 v. Согласно другому источнику большая часть из 10 000 пуд. ржи перевозилась в Охотск и на Камчатку. См. **ГП РАК — Д.А.[Гурьеву], 16 февраля 1823 г., № 96** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 301. — Л. 1.

[93] См. **NARS. — RRAC.** — R. 57. — P. 429, 430.

[94] См. **Ibid.** — R. 22. — P. 405; R. 62. — Pt. 2. — P. 24

[95] См. **ОГП РАК** за 1859 г. — С. 7; **NARS. — RRAC.** — R. 22. — P. 541.

муки и гороха, а также 1500 пуд. солонины (1000 пуд. — из Аяна и 500 пуд. — из Гамбурга)[96].

Кроме того, особенно в конце 1810-х — начале 1820-х гг. на организацию вояжей тратились большие деньги и в ходе экспедиций погибали люди. Примером может служить плавание судна РАК «Бородино». Оно пришло в Ново-Архангельск в октябре 1820 г., совершив переход, который «был одним из самых неудачных в истории русских кругосветных плаваний»; из-за болезни умерло 6 членов экипажа, в том числе корабельный врач, когда судно еще не достигло Русской Америки, в целом же за все время путешествия (туда и обратно) погибло 40 человек[97]. В столице колоний на привезенный груз было наложено 50% доплаты на покрытие транспортных расходов (включая 12% портовых и береговых издержек во время вооружения корабля еще в Кронштадте; к этому следовало еще прибавить 30%, потраченных на покупку «Бородино» и содержание матросов и офицеров до момента прибытия корабля в Ново-Архангельск)[98].

Затем состоялось плавание «Рюрика» и «Елисаветы», которое мало чем отличалось в лучшую сторону от предыдущего. Корабли вышли из Кронштадта летом 1821 г. Первым командовал Е.А.Клочков, вторым — И.М.Кислаковский, однако никаких военно-морских офицеров на этих судах не было (хотя оба капитана уже участвовали ранее в кругосветных экспедициях). Ветхое судно «Елисавета» дало течь и не смогло преодолеть м. Доброй Надежды, где сам корабль и часть груза были проданы с аукциона, другую же часть груза и экипаж забрал «Рюрик», а капитан и оба его помощника — иностранцы — отправились домой. В связи с нехваткой продовольствия на обратный путь «Рюрик» должен был остаться в Русской Америке[99].

Три кругосветные плавания, предпринятые в 1819, 1820 и 1821 гг., стоили дорого и обошлись РАК более чем в 2 400 000 руб. сер., тогда как ежегодная транспортировка грузов через Сибирь оценивалась в 250 000 руб.[100] Компания настолько встревожилась, что отменила в 1822 г. запланированную новую кругосветную экспедицию. Следующий подобный вояж состоялся в 1824 г., когда в море вышел корабль «Елена»; это его плавание, как и следующее, состоявшееся в 1828 г.,

---

[96] См. **ОГП РАК** за 1859 г. — С. 7; **Там же** за 1860 г. — С. 9–11.

[97] **Алексеев А.И. Судьба Русской Америки.** — Магадан, 1975. — С. 182; **NARS. — RRAC.** — R. 2. — P. 282; **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 202. По утверждению Н.А.Ивашинцова, этой болезнью могла быть холера. См. **Ивашинцов Н.А.** Указ. соч. — С. 58.

[98] См. **Лазарев А.П.** 1950. — С. 233.

[99] См. **Алексеев А.И.** Указ. соч. — С. 192; **Ивашинцов Н.А.** Указ. соч. — С. 62, 64; **Тихменев П.А.** — Ч.1. — С. 335–336.

[100] См. **Болховитинов Н.Н.** 1975. — С. 245; **Окунь С.Б.** — С. 66.

принесли РАК убытки в размере 225 000 руб.[101] Такие издержки, а также расходы вследствие нераспорядительности привели к разладу в Главном правлении компании. В начале 1824 г. капитан-командор И.Ф.Крузенштерн в письме графу Н.П.Румянцеву упомянул о недавних «ссорах» директоров РАК и сообщал, что новый директор И.Прокофьев обнаружил «большие злоупотребления в делах Компании», предположительно приписывавшиеся Бенедикту Крамеру, который долгие годы был директором, имел налаженные контакты с американскими банками и подал прошение об отставке[102]. Мало удивляет то обстоятельство, что выплата дивидендов акционерам была приостановлена на пять лет (1822–1826); в противоположность этому, в 1814–1815 гг. акционеры получали дивиденды по 100 руб. 28 коп. на каждую 500-рублевую акцию; в 1816–1817 гг. соответственно — по 150 руб., в 1818–1819 гг. — по 155 руб., а в 1820–1821 гг. — только по 82 руб.[103] Когда в 1827 г. выплаты возобновились, дивиденды на одну акцию увеличились до 147 руб.[104]

В результате понесенных убытков уменьшался оборотный капитал, и этот недостаток наличных средств, как писал в официальной истории РАК П.А.Тихменев, «не только стеснял компанию в производстве многих торговых оборотов, но иногда ставил ее в весьма затруднительное положение», и это происходило до 1841 г., когда истек второй срок действия Правил и Привилегий РАК. Он добавляет: «... к главнейшим причинам недостатка в компании наличных денег должно было отнести отправление необходимых для колоний товаров кругосветным путем, на судах, приобретаемых компанией для этой цели, независимо от доставления многих предметов снабжения через Сибирь. Таким образом компания расходовала значительные суммы в России, снабжая между тем колонии и недостаточно, и по весьма высоким ценам. Налагаемая на товар, перевозимый вышеупомянутыми путями в колонии, приценка (надбавка) в 50% едва покрывала расходы доставки, тогда как стоимость судна, употребляемого для перевозки, подвергалась ежегодной уценке и непременному ремонту. При таком положении дела каждая кругосветная экспедиция обращалась, само собою разумеется, в убыток, невознаградимый ничем для компании, поглощая между тем, на свое снаряжение и на одновременную закупку большого груза, значительное количество наличного капитала»[105].

По утверждению РАК, помимо расходов, другим главным недостатком транспортировки продовольствия кругосветным путем яв-

---

[101] См. **NARS. — RRAC.** — R. 36. — P. 48v., 52.

[102] **И.Ф.Крузенштерн — Н.П.Румянцеву, 23 декабря 1823 г.** // ВПР. — Т. 13. — С. 283.

[103] См. **Окунь С.Б.** — С. 65–66.

[104] См. **Там же.** — С. 70.

[105] **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 369–370.

лялась порча грузов[106]. В ходе длительных вояжей в тропических и субтропических водах особенно страдали продукты питания. В 1832 г. компания признала, что хлеб мог сгореть или закиснуть (по причине самовозгорания незрелого или влажного зерна) и что он мог подмокнуть из-за течей, которые корабли давали в штормовую погоду[107]. Принимавший участие в 1822–1825 гг. в кругосветной экспедиции на фрегате «Крейсер» будущий декабрист Д.И.Завалишин отмечал, что солонина, масло, ром хранились в бочках; сухари — в ларях, а сахар, рис и горох — в мешках и все эти припасы портились как от сырости, так и животными-вредителями, особенно крысами. После того как осенью 1823 г. в Ново-Архангельске корабль разгрузили и окурили с целью дезинфекции, на нем было обнаружено мертвыми более тысячи этих грызунов[108]. Конечно, промышленные товары тоже портились: металл ржавел, одежда и кожа покрывались плесенью. Не удивительно, что доставлявшиеся припасы оказывались плохого качества. В 1820 г. судно «Бородино» завезло не только «огромный груз без всякого соображения нащет потребностей колониальных», но, как позднее доносил главный правитель Ф.П.Врангель, он «дошел сюды до крайности поврежденным, множество переломано, много сгнило в судне во время вояжа»[109]. В 1837 г. другой главный правитель, И.А.Купреянов, выразил недовольство тем, что многие товары, доставленные в 1836 г. на борту «Елены», были очень низкого качества, негодны к употреблению. Особенно это касалось железа для изготовления обручей, топоров, известкового раствора для побелки, смолы, стеклянной и керамической посуды[110]. Неудивительно, что в 1827 г. главный правитель П.Е.Чистяков рекомендовал, чтобы на кораблях, отправлявшихся в кругосветные вояжи в колонии, перевозили только товары, которые портились бы менее остальных, например парусину, мешковину, канаты и такелаж[111].

По тем же причинам уязвимой оказалась и вывозившаяся из Русской Америки колониальная продукция, главным образом некоторые виды мехов, которые приходили в негодность в трюмах кораблей, шедших обратным курсом в Россию. Вредило и позднее прибытие на кяхтинский рынок. В конце 1819 г. ГП РАК сообщало министру

---

[106] См. **ГП РАК — Д.А.[Гурьеву], 8 марта 1821 г., № 144** // NARS. — RRAC. — R. 2. — P. 164.

[107] См. **Записка [РАК] относительно доставления хлеба и соли в Камчатку и Охотск, 1 июня 1822 г.** // Ibid. — R. 3. — P. 165–165 v.

[108] См. **Завалишин Д.** Кругосветное плавание фрегата «Крейсер». В 1822–1825 гг. под командою Михаила Петровича Лазарева // Древняя и новая Россия. — СПб., 1877. — Т. 3. — № 10. — Октябрь. — С. 150–151.

[109] **NARS. — RRAC.** — R. 36. — P. 47.

[110] См. **Ibid.** — R. 39. — P. 186.

[111] См. **Ibid.** — R. 30. — P. 260 v.

финансов, что посылавшаяся в Кяхту кругосветным маршрутом пушнина покидала Ново-Архангельск осенью еще до завершения охотничьего и торгового сезонов, и требовалось три года, прежде чем меха прибывали на место назначения и приносили прибыль, но цены на них падали, поскольку корабли проходили через жаркую экваториальную зону; в то же время пушнина, привозившаяся в Кяхту сухопутной дорогой через Охотск, отправлялась с Северо-Запада Америки весной по окончании там ежегодных промыслов и торгов, достигала конечного пункта следующей зимой и не обесценивалась, потому что суда плавали в средних широтах[112]. Об этом Главное правление компании извещало главного правителя Ф.П.Врангеля в 1833 г., а в 1834 г. оно вновь утверждало: «Многократные опыты доставления из колоний кругом света пушных товаров показали невыгоду с двух различных сторон, во-первых, что бобры морские, котики и лисицы черные и чернобурые от влияния жаров в знойном поясе и от влажности воздуха при переходе из жаркого в холодный климат, не смотря на сухость корабля, изменяют цвет шерсти и самая шкура, лишаясь свойственной мягкости и пересохнув чрез меру, делается ломкою, [и] теряет качество. За сими невыгодами и ценность товаров упадает. — Во-вторых: товары следующие в промен на Кяхту, как то: морские коты, речные бобры, выдры, красные лисицы и белые песцы, по получении здесь [в С.- Петербурге] в исходе лета или осенней распутице, отправляются поздно и не успевают доставляться ко времени разменов, наипаче же речные бобры, которые обыкновенно выправляются в Иркутске и каждой шкуре дается выправкою другая фигура, предпочитаемая Китайцами той, какая получается из колоний, и на сие занятие потребно много времени». Потому, «чтоб предотвратить повреждение главнейших и дорогих мехов и отклонять замедление в своевременной доставке товаров в Кяхту», компания решила вывозить на кораблях из колоний прямо в Россию шкуры черных медведей, рысей, соболей, норок, голубых песцов, половину из добытых котиков, а также моржовые бивни, китовый ус и бобровые струи; остальное же — шкуры каланов, речных бобров, выдр, красных лисиц и белых песцов, рысей — переправлять в Кяхту через Охотск[113].

---

[112] См. **ГП РАК — Департаменту мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, 22 ноября (4 декабря) 1819 г., № 723** // ВПР. — Т. 11. — С. 182.

[113] **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 6 апреля 1834 г., № 414** // NARS. — RRAC. — R. 9. — P. 125–125 v. См. также **ГП РАК — И.А.Купреянову, 5 августа 1837 г., № 1131** // Ibid. — R. 10. — P. 492; **Ф.П.Врангель — Ново-Архангельской конторе, 28 сентября 1834 г., № 363** // Ibid. — R. 36. — P. 349 v.–350 v.; **А.К.Этолин — Ново-Архангельской конторе, 13 августа 1840 г., № 82** // Ibid. — R. 44. — P. 106 v.–107 v.

Озабоченная этими проблемами, в 1826 г. РАК постановила снаряжать в кругосветное плавание корабль не чаще одного раза в три года и перевозить в Русскую Америку только такие товары, которые американские торговцы, бывавшие в Ново-Архангельске, или не имели для продажи, или запрашивали за них неразумные цены. Главное правление пришло к выводу, что «считает приличным изложить мнение свое касательно дальнейшего снабжения колоний нужными потребностями из России. Опыты прошедших лет доказали, что Компания не может еще продовольствовать своих колоний посредством доставления туда потребностей из России ни чрез Охотск, ни кругом света. Но чтобы согласить политические виды с существенными выгодами Правление Компании полагает не оставлять вовсе экспедиций, но направлять их как можно реже...»[114]

Таким образом, уже к 1826 г. РАК стала сокращать снабжение колоний по морю, хотя и не прекратила его полностью благодаря «политическим видам», т.е. необходимости демонстрировать русский флаг и защищать российские рубежи на Тихоокеанском Севере от международного соперничества. Однако следовало искать иные источники снабжения владений съестными припасами, одним из которых являлось сельское хозяйство; на него возлагалась надежда, поскольку нельзя было безопасно и дешево перевозить продукты из европейской и азиатской частей России в Русскую Америку.

2.Сельское хозяйство в колониях

Русская Америка. Сельское хозяйство начало развиваться еще со времен основания здесь первых русских постоянных поселений, которые, возможно, появились, в 1772–1775 гг. на Уналашке или, безусловно, — на Кадьяке в 1784–1786 гг. Они представляли собой базы снабжения продовольствием полдюжины частных компаний, промышлявших пушнину, особенно предприятий И.Л.Голикова — Г.И.Шелихова, а также П.С.Лебедева-Ласточкина. Побывавшие там в конце 1770-х гг. во время своей третьей экспедиции капитан Дж.Кук, а также в конце 1780-х гг. — испанская экпедиция свидетельствовали, что Алеутские о-ва, Кадьякский архипелаг, побережье Кенайского (Кука) и Чугацкого (Принс Уильям) заливов оккупированы приблизительно 500 русскими. Обычно в их селениях имелись небольшие огороды (там в основном росли корнеплоды), маленькие поля (где зрели морозостойкие злаки) и несколько голов крупного рогатого скота, коз и свиней. Особенно следует отметить деятельность амбициозного и энергичного Г.И.Шелихова, развивавшего

---

[114] **ГП РАК — М.И.Муравьеву, 24 марта 1826 г., № 287** // Ibid. — R. 5. — P. 103 v.

сельское хозяйство, главным образом на своей базе в Трехсвятительской Гавани (1784) на о-ве Кадьяк. В 1793 г. для нужд компании он выписал 10 семей ссыльных крестьян и 20 семей ссыльных мастеровых; в следующем году на о-в Уруп (Курилы) было послано 6 крестьянских семей и 32 промышленника; остальные 25 крестьян и 200 корабельных мастеров, а также промышленники и миссионеры поплыли на Кадьяк вместе с домашними животными и птицей, семенами и орудиями труда[115].

Эти начинания были поддержаны и даже продолжали развиваться после 1799 г., когда под давлением правительства частные компании слились воедино, образовав РАК, — наполовину частную акционерную монополию. Почти каждое из 16 ее поселений (1817) разбило огород внушительных размеров, завело небольшое количество крупного рогатого скота, свиней, кур, уток и, возможно, даже несколько овец и коз. Главными сельскохозяйственными центрами являлись Кадьяк, Кенайский залив, острова Баранова, Уналашка и Атха. В Ново-Архангельске тоже было несколько голов крупного рогатого скота, однако в основном там имелись огороды, протянувшиеся узкой зеленой полосой вдоль морского берега. На Кенайском п-ове в редуте св.Николая имелись «значительного размера» огороды и крупный рогатый скот. Уналашка гордилась стадом коров и огородом. На о-ве Атха, одном из Алеутских о-вов, «особое внимание» уделялось огородничеству, потому что очень трудно было снабжать продовольствием этот отдаленный остров. Но сельское хозяйство в колониях доминировало на Кадьяке, где имелись более обширные угодья и климат был менее влажным. Главным образом здесь занимались разведением крупного рогатого скота, чему отчасти способствовало наличие там относительно большего места для выпаса животных, а также то, что свежей рыбы не хватало на год для пропитания. В 1817 г. на Кадьяке насчитывалось более 500 голов крупного рогатого скота, но когда его, начиная с 1812 г., стали разводить в районе селения Росс, островное поголовье стало сокращаться и в 1834 г. составило 174 животных, а в 1835 г. — 209; после того как в 1841 г. русские оставили контору Росс, стадо на Кадьяке увеличилось по крайней мере до 250 голов[116].

Кроме сельскохозяйственного производства собственно компании, которым занимались ее служащие (как русские, так и туземцы — большей частью алеуты), в колониях существовали и частные фермы, обслуживавшиеся женами промышленников (по преимуще-

[115] См. **Хлебников К.Т.** 1835. — С. 23–25; **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 59–60.

[116] См. **Л.А.Гагемейстер — Кадьякской конторе, 28 января 1818 г., № 30** // NARS. — RRAC. — R. 26. — P. 13 v.; **Ibid.** — R. 37. — P. 177–177 v.; **А.К.Этолин — Кадьякской конторе, 10 августа 1843 г., № 477** // Ibid. — R. 47. — P. 464.

ству аборигенками) и креолами (отпрысками русских отцов и матерей-туземок), зачастую владевшими небольшим количеством скота (главным образом коров и свиней) и маленькими огородами. Хотя большая часть крупного рогатого скота в колониях принадлежала компании, хозяевами большинства огородов являлись индивидуумы; земля под домами и огородами могла использоваться частниками, но они не могли ее кому-то передавать без разрешения РАК[117]. Продукция с личных огородов потреблялась их владельцами, но все излишки покупала компания, ограничившая в середине 1830-х гг. масштабы собственного огородничества на Кадьяке, чтобы таким образом гарантировать сбыт выращенного на частных огородах.

Эта мера была направлена на стимулирование развития сельского хозяйства на острове, где его вели «колониальные граждане», занимавшие в середине XIX в. ведущие позиции в частном сельскохозяйственном производстве. В данную категорию входили уволенные со службы РАК русские, как женившиеся на туземках или креолках, так и те, кто по старости, из-за плохого здоровья, длительности проживания в колониях или по желанию близких родственников, находившихся на родине, оставались в Русской Америке. Им давали землю, дома, крупный рогатый скот, домашнюю птицу, семена зерновых, сельскохозяйственный и охотничий инвентарь, а также годовой запас продовольствия; в свою очередь они продавали компании излишки произведенной сельхозпродукции. В 1835 г. император разрешил формировать этот класс, но первые «колониальные граждане» появились лишь не ранее 1842 г. В 1858 г. их насчитывалось 240 душ и жили они, прежде всего, в пределах территории Кадьякской конторы[118].

Хотя и с опозданием, за исключением колошей, и без особого энтузиазма, туземцы тоже перенимали навыки ведения индивидуального подсобного хозяйства. Когда в 1824 г. столицу колоний посетил капитан О.Е.Коцебу, он отметил, что картофель «возделывают даже колоши, научившиеся этому от русских. Они считают его большим лакомством»[119]. С 1830-х гг. у колошей имелось достаточное количество для продажи РАК этого продукта. Поставляли они и битую дичь — уток и гусей. В 1843 г. индейцы хайда-кайгани приняли предложение главного правителя А.К. Этолина привозить каждую осень в Ново-Архангельск картофель; в 1845 г. индейцы, часть которых проживала на о-вах Королевы Шарлотты, приплыли туда почти на 250 каноэ и привезли картофель на продажу[120]. Алеуты

---

[117] См. **И.А.Купреянов — Ново-Архангельской конторе, 10 апреля 1836 г., № 87** // Ibid. — R. 38. — P. 55 v.–56.

[118] См. **ОГП РАК** за 1858 г. — С. 24; **Там же** за 1859 г. — С. 73.

[119] **Коцебу О.** 1987. — С. 208.

[120] См. **А.К.Этолин — ГП РАК, 8 мая 1844 г., № 390** // NARS. — RRAC. — R. 48. — P. 332–332v.; **Ibid.** — R. 50. — P. 344; R. 51. — P. 187 v.

медленнее приобщались к сельскому хозяйству. Не ранее 1847 г. главный правитель М.Д.Тебеньков смог сообщить, что «многие из Алеут имеют свои небольшие огороды, а некоторые взяли даже и рогатый скот». Далее он добавлял: «Хлеб, чай и сахар глубоко пускают свои корни»[121].

Сельским хозяйством занимались и миссионеры. Центр его располагался в обители о. Германа (Новый Валаам) на о-ве Еловом, находившемся на территории Кадьякской конторы; в 1825 г. он разбил там 150–180 картофельных грядок[122]. Эта ферма оказалась настолько продуктивной, произведя в 1834 г. до 120 бочек картофеля, а также репу, капусту, чеснок и морковь и вырастив 10 голов крупного рогатого скота[123], что Ф.П.Врангель верил, будто владение о. Германа «может быть рассадником огородного хозяйства для всего Кадьяка»[124]. После смерти миссионера в 1837 г. Новый Валаам пришел в упадок.

Сельское хозяйство колоний не процветало, несмотря на первоначальный оптимизм Г.И.Шелихова, чьи надежды быстро разбились о неблагоприятные природные условия и неспособность населения к такого рода деятельности. Хлебные злаки почти не росли. Иногда вызревал ячмень, но попытки возделывать пшеницу, гречиху, рожь, овес и просо постоянно терпели неудачу; злаки обычно зацветали и колосились, но редко когда появлялась завязь и вызревали колосья. Несмотря на это, по предписанию Главного правления ежегодно сеяли пшеницу и особенно ячмень. Наконец, в 1860 г. РАК призналась своим акционерам в том, что «все новые попытки посева ржи и ячменя... к сожалению, были всегда неудачными»[125].

Успешнее, нежели выращивание зерновых, развивалось огородничество. Это относилось прежде всего к корнеплодам — картофелю, репе, брюкве, моркови, редьке и свекле, которые были менее чувствительны и меньше подвергались воздействию стихий, хорошо росли, но были водянистыми на вкус. Особенно успешно возделывались картофель и репа, почти в каждом селении они вырастали крупными и вкусными. Лучше, чем где бы то ни было, картофель рос в Ново-Архангельске, давая в середине 1820-х гг. в лучшем случае урожай сам 12–14, а в худшем — соотвественно сам 6–8; тогда ежегодно количество собиравшегося картофеля доходило до 1000 бочек (более чем 4000 пуд.) и 100 из них продавалось даже на

---

[121] **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 10 мая 1848 г., № 218** // Ibid. — R. 54. — P. 253.

[122] См. **Хлебников К.Т.** 1979. — С. 46.

[123] См. **Там же.** — С. 245.

[124] **Ф.П.Врангель — Кадьякской конторе, 18 июня 1831 г., № 354** // NARS. — RRAC. — R. 33. — P. 356 v.

[125] **ОГП РАК** за 1860 г. — С. 24.

приходившие корабли[126]. Тем не менее, в 1830 г. главный правитель П.Е.Чистяков жаловался на то, с каким невероятным трудом и затратой времени обрабатывался этот клочок песчаной и каменистой земли, и ныне плоды этой неблагодатной почвы служили важным подтверждением скудости пропитания в этой стране![127]

Успешнее всего на территории Кадьякской конторы РАК развивалось животноводство. Там в 1818 г. капитан В.М.Головнин насчитал около 500 быков и коров и примерно по 100 свиней и баранов[128]. Тогда же Ново-Архангельск мог гордиться лишь тем, что там имелись 28 свиней, 24 коровы, 21 курица, 6 коз и 1 лошадь[129]. Однако во многих поселениях не содержалось больше пары коров, нескольких свиней и, возможно, коз и овец, а также кур. Откорм свиней не составлял труда: они быстро размножались, но их мясо имело рыбный запах и привкус. Из-за того что домашняя птица питалась рыбой, вкус куриного мяса тоже портился. Медленно размножались козы и крупный рогатый скот, поголовье которого сокращалось с 310 — в 1818 г. до 220 — в 1833 г. и 218 — в 1860 г. (если в 1833 г. этого количества было достаточно, поскольку тогда РАК требовалось в год 50–67 мясных туш, то в 1860 г. уже было необходимо иметь 250–333 откормленных на убой коров или быков)[130]. Коровы давали мало молока и масла, а их мясо было жирным и водянистым. Скотоводство оказалось для РАК настолько непродуктивным, что компания была вынуждена заменять в рационе питания служащих мясо рыбой и зависела от ввоза говядины и сливочного масла. У нелояльно относившихся к русским колошей в столице колоний приобретали даже яманину (оленину), пернатую дичь (куропаток, уток, гусей), палтусину и картофель. В 1830 г. главный правитель Ф.П.Врангель отмечал, что «ежегодно мы покупаем многое из нашего пропитания, несмотря на постоянный рост цен, которые ныне очень высоки»[131].

Развитию сельского хозяйства мешали как враждебность окружающей природы, так и недостаток рабочей силы. Главным физи-

---

[126] См. **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 183.

[127] См. **NARS. — RRAC.** — R. 32. — P. 60 v.

[128] См. АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 284. — Л. 3.

[129] См. **Л.А.Гагемейстер — директорам РАК, 7 марта 1818 г., № 76** // NARS. — RRAC. — R. 26. — P. 42 v.

[130] См. **Доклад Комитета.** — Ч. 2. — С. 146, 326; **Хлебников К.Т.** — 1835. — С. 203; **Wrangell F.P.** Op. cit. — P. 9.

[131] **Briefe aus Sibirien den Russischen Niederlassungen in Amerika. Sechster Brief, von dem Baron F.v.Wrangell (Sitka, den 12. November 1830)** // Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands... — Riga und Dorpat. — 1834. — Bd. 2. — Heft 4. — April. — S. 361.

ческим препятствием были краткость и влажность сезона вегетации. Тепла едва хватало для созревания морозоустойчивых злаков и корнеплодов, но не для листовых овощных растений. Особенно губительно сказывались на зерновых заморозки, случавшиеся поздней весной и ранним летом. В 1860 г. РАК подтверждала, что неоднократные попытки вырастить в колониях рожь и ячмень были безуспешными из-за позднего наступления весны, ранней осени, частых дождей и снегопадов[132].

Высокая влажность в период роста растений оказывала на них еще более негативное влияние, чем краткость самого этого сезона. В связи с тем, что колонии находились в северных широтах, что ощущались близость области пониженного давления, наблюдавшаяся на Алеутских о-вах, и соседство с районами, где происходило смешивание холодных и теплых океанических течений, большинство дней в теплое время года было облачным или туманным и прохладным и потому, несмотря на длинный световой день летом, рост злаков замедлялся. Влажная погода особенно мешала жатве. В 1818 г. капитан В.М.Головнин верно предсказывал, что «почти беспрестанные туманы и весьма частые дожди, бывающие по крайней мере по два и по три дня сряду каждую неделю, весьма будут препятствовать успехам земледелия»[133]. После сырой осени 1845 г. и такой же зимы 1845–1846 гг. в Ново-Архангельске главный правитель М.Д.Тебеньков писал, что климат в селении — это дождь, дождь и дождь[134]. Неудивительно, что овощи и ягоды были водянистыми (цветы не источали аромат), но они все же вызревали, чего нельзя сказать о зерновых. Ранней осенью 1840 г. главный правитель А.К.Этолин отмечал значение «результата сделанного в прошедшем году в Ново-Архангельске первого опыта посевов хлебных зерен, — Предместник мой [И.А.Купреянов] от 2го Мая сего года за № 216 доносил Главному правлению, что по причине бывших беспрерывных дождей и сырости половина сгнило на корню, а остальное должны были снять прежде времени по наступлении весьма ранней и холодной осени. — От сего первого посева получена только одна солома и то весьма дурная, а нынешнею весною по причине холодов и беспрерывного во все лето, до ныне, — не было возможности продолжать опыт посева хлебных зерен...»[135].

Еще одним существенным препятствием на пути развития сельского хозяйства был недостаток хорошей почвы. Ранее А.А.Баранов обнаружил в колониях мало пригодной для посевов земли, которая

---

[132] См. **ОГП РАК** за 1860 г. — С. 24–25.

[133] **Головнин В.М.** 1965. — С. 131.

[134] См. **NARS. — RRAC.** — R. 51. — P. 188.

[135] **А.К.Этолин — ГП РАК, 27 сентября 1840 г., № 143** // Ibid. — R. 44. — P. 179.

к тому же представляла собой лишь отдельные клочки[136]. Особенно это касалось Ново-Архангельска. До 1845 г. огороды тянулись там вдоль морского побережья до скал [на юго-востоке], но в том же году их урезали более чем наполовину в связи со строительством дома для епископа [Иннокентия Вениаминова. — *Прим. переводчика*], семинарии, казарм для женатых служащих компании[137]. Место, где находилось поселение, и его окрестности изобиловали пнями, скалами и болотами; по свидетельству главного правителя М.Д.Тебенькова, много земли оставалось еще не раскорчеванной, потому что каждый служащий РАК мечтал рано или поздно покинуть колонии навсегда и вернуться на родину и посему, живя в них, он не беспокоился об удобствах, необходимых постоянному жителю. В 1846–1847 гг. полоса огородов вдоль пляжа измерялась 20 саженями в ширину и 300 — в длину[138]. Даже на Кадьяке сельскохозяйственные угодья были скудны. В 1861 г. инспектор пришел к выводу, что почва на островах и в прибрежной полосе колоний, где находились почти все поселения, была «совершенно неплодородной и непригодной ни для земледелия, ни для пастбищ»[139].

Для занятия животноводством не хватало сена. Хотя для выпаса скота и сенокоса не было недостатка в лугах, прежде всего на Кадьяке, тем не менее, часто сено нельзя было заготовить. Ветреная погода препятствовала сенокосу и просушке сена. В Ново-Архангельске его заготовляли с конца июля до начала октября, но из-за частых дождей трава полегала, а скошенное сено промокало насквозь, что портило большую его часть. Так, в 1836 г. укос в столице колоний характеризовался как «ограниченный», в 1837 г. — «нормальный», в 1838 г. — «достаточный», в 1839 г. — «очень скудный», в 1840 г. — «крайне бедный» (на корм скоту пошли даже сухие стебли картофельной ботвы) и в 1841 г. запас сена был «весьма беден»[140]. Сухость климата на Кадьяке можно считать лишь относительной; лето 1826 г. на острове выдалось таким сырым, что нельзя было высушить ни сено, ни юколу (сушеная рыба)[141]. Заготовка сена требовала участия одновременно множества косцов, так как проблески солнца случались нечасто и продолжались недолго, а покосы были разбросаны. В 1860 г. главный правитель И.В.Фуругельм со-

---

[136] См. **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 122.

[137] См. **NARS. — RRAC.** — R. 51. — P. 187.

[138] См. **Ibid.** — R. 53. — P. 37–37 v.

[139] **U.S. Congress. House of Representatives. Russian America. 40-th Congr., 2-nd Sess. Executive Document N 177.** — Wash., 1868. — P. 22.

[140] См. **И.А.Купреянов — ГП РАК, 3 мая 1837 г., № 214** // NARS. — RRAC. — R. 39. — P. 246; **Ibid.** — R. 40. — P. 291 v.; **Ibid.** — R. 42. — P. 306; **Ibid.** — R. 43. — P. 220 v.; **Ibid.** — R. 45. — P. 274; **А.К.Этолин — ГП РАК, 9 мая 1842 г., № 346** // Ibid. — R. 46. — P. 266.

[141] См. **Хлебников К.Т.** 1979. — С. 21.

общал, что в дождливом климате Кадьяка сено надо было заготавливать быстро и усилиями многих людей, но они занималась более важными делами — промышляли каланов, грузили на суда озерный лед, ловили и солили рыбу или перевозили припасы в удаленные селения[142]. В 1832 г. главный правитель Ф.П.Врангель признал, что «затруднение в заготовке сена для многочисленного стада на всю зиму, будет всегда препоною размножать, чтобы можно б было на Кадьяке заготовлять солонину на Колониальные потребности...»[143]. Ощущался там даже недостаток корма для свиней; летом они паслись на просторе, а зимой — ели рыбу, придававшую свинине отвратительный привкус. Нехватка фуража была критической, ибо зимы стояли долгими и холодными.

Домашние животные страдали также от недостаточно хорошего ухода и погибали в результате несчастных случаев, нападений хищников и от болезней. Падеж приводил к сокращению поголовья рабочего скота и уменьшению объемов получамого от животных навоза, что являлось критическим, если учесть недостаток рабочих рук и неплодородие почвы в колониях. Навоза было так мало, что удобрением служили морские водоросли (особенно морская капуста); усыпанная галькой земля удобрялась в Ново-Архангельске также икрой и молоками сельдей, рыбными отходами, матовыми мидиями, нарубленными ветками и опавшими листьями. В 1848 г. главный правитель М.Д.Тебеньков подвел итог плохому состоянию животноводства на Кадьяке: «Скотоводство держать надобно на Кадьяке потому только, что без него не было бы полного хозяйства в колониях; другого же лучшего места для него нет в колониях. — При всем старании моих предместников и правителей Конторы Кадьякской скотоводство никогда не окупает тех расходов, какие требуются на его прокормление. Небольшое количество масла от него и при случаях мяса — суть как бы напоминовение что на Кадьяке есть скот... Причина кроется в климате, который слишком суров, чтобы иметь от коровы такой удой, какой бы надлежало; к этому еще надо присовокупить совершенное незнание обихода с скотом туземцов, а тем не менее и русских. Сии две суть важнейшие причины малого успеха в нашем скотоводстве... к тому надо прибавить не всегда удачную постановку сена и другие более или менее не предвидимые причины. Все это ведет к заключению, что скот на Кадьяке никогда не достигнет до той степени, чтобы хотя в мере издержек и забот об нем он окупал себя»[144].

---

[142] См. **NARS. — RRAC.** — R. 63. — Pt. 1. — P. 192; Ibid. — R. 65. — Pt. 1. — P. 113–113 v.

[143] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 6 мая 1832 г., № 188** // Ibid. — R. 34. — P. 168 v.

[144] **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 10 мая 1848 г., № 218** // Ibid. — R. 54. — P. 243 v.–244.

Дополнительной помехой развитию сельского хозяйства являлась нехватка работников. Русских в колониях проживало немного, что было связано с отдаленностью территории и различными лишениями, включая низкие заработки, высокие цены, скудное пропитание, сырой климат, высокий уровень заболеваемости и опасности, которые подстерегали людей при выполнении ими различных работ. Обычно многие из приезжавших россиян предполагали оставаться в колониях не дольше пятилетнего срока действия контракта, если они не оказывались должниками РАК и не заключали с ней нового соглашения. Такой малочисленной рабочей силе давалось слишком много заданий: трапперство, охота, рыболовство, рубка леса, перевозка грузов, строительство, ремонт — большая часть всех этих работ считалась важнее сельского хозяйства, до тех пор пока можно было без излишних трудностей закупать где-нибудь продовольствие.

Те немногочисленные русские, имевшие время на занятие сельским хозяйством, оказывались неквалифицированными в этой области людьми. Как писал главный правитель Ф.П.Врангель, промышленники нередко были не сведущи в огородничестве[145]. Священник о. Иван Вениаминов, проживший десять лет (1824–1834) на Уналашке, указывал, что первоначально «многие русские... даже не знали как сажать картофель»[146], что неудивительно, имея в виду позднее появление этой культуры в России. Некоторые «колониальные граждане» тоже не обладали опытом ведения сельского хозяйства; более того, большинство из них уже по определению были немощными людьми.

Шатким оставалось положение туземного индивидуального подсобного хозяйства. Немногие из алеутов или коняг с охотой переняли навыки земледелия, причиной чему частично, вероятно, являл собой непривлекательный пример, который подавали им русские, но, возможно, главное объяснение лежало в глубокой привязанности к традиционной пище, добывавшейся на охоте, рыбалке и путем собирательства, что вполне устраивало аборигенов. Исключение составляли колоши; особым подспорьем для РАК служили излишки выращенного ими картофеля. Но на протяжении всей истории Русской Америки колоши относились к компании враждебно и это препятствовало деятельности Ново-Архангельской конторы РАК, в том числе в области сельскохозяйственного производства.

К концу периода существования Русской Америки эта отрасль была представлена там разбросанными редкими огородами и бродившими кое-где стадами домашних животных. Как явствует из отчетного доклада секретариата Государственного Совета в начале 1860-х гг.,

---

[145] См. **Ibid.** — R. 33. — P. 200.

[146] **Вениаминов И.** Записки об островах Уналашкинского отдела. — СПб., 1840. — Т. 1. — С. 62.

«в колониях были небольшие огороды, почти не разводился скот и не выращивались хлебные злаки»[147]. Фактически такое удручающее положение в большей или меньшей степени преобладало с самого начала. Поэтому РАК потребовалось немного времени, чтобы понять, что, вероятно, благоуханные земли на юге, такие как Верхняя Калифорния или Сандвичевы о-ва (Гавайи), будут благоприятнее для ее попыток развивать там сельское хозяйство.

Русские Гавайи. В 1810-е гг. колонизация новых территорий расширилась за счет Верхней Калифорнии и Гавайских о-вов. Гавайской авантюре 1815–1817 гг. не уделяется большого внимания[148]. Это была своеобразная оперетта, где в главной роли блистал немецкий авантюрист доктор Георг Шеффер, прибывший в Ново-Архангельск на корабле «Суворов» и направленный А.А.Барановым на Гавайи для того, чтобы вернуть оттуда партию груза компании, оказавшуюся на островах в результате кораблекрушения. Снискав расположение к себе островитян благодаря врачеванию и ввязавшись во внутреннюю политику, он поддержал в конце концов короля Томари (Каумуалии) с о-ва Кауаи, боровшегося против гегемонии над архипелагом короля Камеамеа I, в обмен на уступку при покупке земли, строевого леса и проведении торговых операций. Но из-за собственного тщеславия доктор перешел границы дозволенного, убеждая Томари попроситься под протекторат России и торжественно поклясться в верности царю Александру I, после чего под давлением влиятельных американских и британских купцов немца заставили покинуть Гавайи. Однако Шеффер продолжал упорно стоять на своем, представив по возвращении в С.-Петербург в 1818 г. правительству план оккупации Россией одного из Гавайских о-вов. Его поддержала РАК, но царь отклонил проект, повелев ограничить там деятельность компании торговлей. Эскапада доктора Шеффера в очень незначительной мере, если об этом вообще можно говорить, способствовала снабжению колоний РАК продовольствием.

Русская Калифорния. Исследование и заселение русскими незанятых территорий северо-западного побережья к югу от арх. Александра осуществлялись согласно ст.2. Правил и Привилегий, дарованных РАК при учреждении компании, но в действительности в этом направлении ничего не предпринималось вплоть до инспекционной поездки в 1805–1806 гг. в голодавшие колонии камергера

---

[147] **Архив Государственного Совета.** — СПб., 1869. — Т. 1. — С. 24.

[148] О «Русских Гавайях» см. **Болховитинов Н.Н.** 1975. — Гл. 2; **ГП РАК — К.В.Нессельроде, 17 (29) августа 1817 г.** // ВПР. — Т. 9. — С. 651–653; **ГП РАК — К.В.Нессельроде, 19(31) января 1818 г., № 30** // Там же. — Т. 10. — С. 173–175; **ГП РАК — Л.А. Гагемейстеру, 12 (24) августа 1819 г., № 487** // Там же. — Т. 11. — С. 104–106; **Russia's Hawaiian Adventure, 1815–1817** / Ed. by R.A.Pierce. — Berkeley (Calif.), 1965.

Н.П.Резанова. В силу крайней необходимости он посетил Сан-Франциско, чтобы приобрести там продовольствие, но заключить торговое соглашение ему не удалось. Однако камергеру так понравились здоровый калифорнийский климат и плодородные земли, что он решил основать поселение на побережье между м. Флаттери и м. Дрейка, чтобы снабжать провиантом Русскую Америку и промышлять на южных лежбищах каланов. В 1809 г. предложение Н.П.Резанова было одобрено, и для осуществления задуманного главный правитель А.А.Баранов отправил своего помощника И. А.Кускова. Последний четырежды плавал на юг для рекогносцировки местности. Ему понравилось низовье р. Колумбии, но там его опередили люди из Тихоокеанской меховой компании (Pacific Fur Company) Дж.Дж.Астора. Таким образом, в 1812 г. в сопровождении 95 русских и 80 алеутов И.А.Кусков заложил на приморской террасе в 18 милях севернее зал. Бодега, переименованного в Порт Румянцева, крепость Росс, или Славянск. Итак, было положено начало Русской Калифорнии или конторе Росс, включавшей в себя построенную из красной древесины собственно крепость (Росс), порт (Порт Румянцева), несколько ранчо, архипелаг, где охотились на каланов, котиков и морских львов (Фараллонские о-ва), а также земли, уходившие в глубь материка между м. Мендосино и м. Дрейка.

Сельское хозяйство стало развиваться с момента основания конторы, однако до конца 1810-х гг., когда каланы были истреблены, и до прекращения в начале 1820-х гг. судостроения, фермерство еще не достигло доминирующего положения, при котором предполагалось снабжение продовольствием не только Русской Америки, но и Русского Дальнего Востока (Камчатки и побережья Охотского моря). Сменивший И.А.Кускова второй управляющий Карл Иоганн Шмидт (1821–1824) существенно расширил земледелие, прежде всего частные пахотные угодья, и преуспел в организации самообеспечения самой конторы Росс. Преемник Шмидта П.И.Шелихов (1824–1830) тоже горячо поддерживал развитие сельского хозяйства и с 1826 по 1829 гг. стоимость произведенных продуктов питания превзошла стоимость пушнины, вывезенной оттуда в Ново-Архангельск[149]. Управляющий П.С.Костромитинов (1830–1836) основал два новых ранчо во внутренних районах, отчасти для того, чтобы удалиться от покрытого туманами побережья, отчасти — чтобы компенсировать потери, вызванные проведенной в 1833 г. секуляризацией миссий в Калифорнии, которые начали экспортировать пшеницу и говядину в Ново-Архангельск. Последний комендант крепости Росс А.Г.Ротчев (1836–1841) организовал еще одно ранчо в глубине материка. В середине срока действия его полномочий

---

[149] См. **Потехин В.** Селение Росс // Журнал мануфактур и торговли. — СПб., 1859. — Т.VIII. — Кн. X. — Отд. V. — С. 30–31.

(1839) на сельское хозяйство приходилось 65% всех активов, вложенных в развитие конторы Росс[150].

Цикл земледельческих работ в Русской Калифорнии был таким же, как и в Испанской Калифорнии. Пахать (на лошадях и быках) начинали с наступлением в конце осени сезона дождей, сеяли (вручную) — в конце года, жали (серпами) — в середине лета, когда сухой сезон был в самом разгаре. Молотили с помощью лошадей, вытаптывавших зерно. При выращивании в основном озимой пшеницы и некоторого количества озимого ячменя применялась двупольная система: когда одно поле засевалось, другое — в течение трех лет использовалось под пастбище. Ежегодно снимали по два урожая овощей: один — весной, другой — осенью. Домашние животные паслись круглый год; убой скота происходил летом.

Большая часть сельскохозяйственных работ велась силами индейцев из племени помо. Делали они это первоначально добровольно, хотя встречались и такие, кто считал это повинностью. В 1835 г. число этих людей возросло до 200 человек[151]. Креолы и алеуты помогали ухаживать за скотом, частично находившимся в личной собственности, тогда как большая часть пашни была в частных руках. РАК допускала частное ведение сельского хозяйства, поскольку это не препятствовало деятельности ее собственных ферм, целью которых было увеличение производства продуктов питания и долговые сборы.

Хотя селению Росс продовольствия хватало и оно частично еще вывозилось, его все-таки было недостаточно для удовлетворения потребностей Ново-Архангельска, не говоря уже о Петропавловске и Охотске. В среднем урожай зерновых составлял примерно сам-5, что превышало показатель по России (сам-3 — сам-4), но это была лишь одна треть от того, что получали в Испанской Калифорнии, где пашня, над которой не клубился туман, представляла собой плодородные орошаемые земли. До 1826 г. селение Росс не экспортировало зерно, и в указанный год оттуда вывезли в Ново-Архангельск 1385 пуд. вместо ожидавшихся 2492 пуд[152]. В течение восьми лет с 1826 по 1833 гг. в калифорнийской конторе вырастили 40 706 пуд. зерна, но в столицу колоний привезли только 6646 пуд. или лишь 60% от ежегодных потребностей Ново-Архангельска[153].

Вероятно, поголовье домашнего скота никогда не превышало 5000 (меньше, чем имелось в отдельно взятых миссиях и ранчо Испанской Калифорнии), поэтому производилось мало говядины

---

[150] См. **По Генеральному Балансу Капитала Компании к 1 Генваря 1841 года...** // NARS. — RRAC. — R. 14. — P. 345–345 v.

[151] См. **Ibid.** — R. 37. — P.322.

[152] См. **Ibid.** — R. 30. — P. 252.

[153] См. **Gibson J.R.** Imperial Russia in Frontier America. — P. 121 (Table 8), 122, 124.

или сливочного масла, не говоря о вывозе этих продуктов. В 1833 г. главный правитель Ф.П.Врангель инспектировал Русскую Калифорнию и подсчитал, что для удовлетворения местных потребностей в солонине и осуществления поставки половины (400 пуд.) от того количества, которое было необходимо всей Русской Аляске, надо было содержать по крайней мере 1500–2000 голов крупного рогатого скота[154], но такое стадо насчитывалось в крепости Росс только в последние пять лет ее существования. Возможно, лишь в 1838 г. это селение полностью удовлетворило потребности в говядине других отделов владений РАК.

Производству продовольствия мешали различные препятствия культурного и физического характера, часть из которых не была присуща только конторе Росс. Прежде всего, следует отметить такие факторы, как: разнообразие целей, ради которых был основан данный эксклав, и где сельскому хозяйству не уделялось первостепенного внимания; конфликт между РАК и частным фермерством, поскольку русские служащие использовали любой предлог, чтобы не работать на принадлежавшей компании земле; хроническая нехватка рабочих рук в конторе Росс, приводившая к недостаточному уходу за посевами и домашними животными; неумение и нежелание сельскохозяйственных работников — русских, креолов, алеутов и особенно индейцев, выполнявших большую часть работ на фермах, трудиться; отсталая агротехника — например, обмолот производился при помощи вытаптывания зерна лошадьми; плохое качество и ограниченная площадь угодий, лежавших узкой полосой между прибрежными холмами и морским берегом, из-за чего неудобренные поля требовали дополнительного ухода и истощались; ограниченная возможность продвижения в глубь территории, что сначала было следствием нежелания царя Александра I вступать в противоречия с Испанией, а позднее — отказа Николая I признать Мексиканскую республику, а также того, что при покупке земли русских опередили католические миссии и частные владельцы ранчо; летние туманы, способствовавшие замедлению роста посевов и поражению пшеницы головней; летняя засуха, иссушавшая злаки и травы; и, наконец, различные болезни и вредители, такие как поносы у животных, стебельчатая головня, сорняки, медведки, суслики и птицы.

Таким образом, хотя производство продуктов питания в Русской Калифорнии было значительным, надежды РАК не оправдались. Безусловно, сельское хозяйство не оказалось столь же прибыльным занятием, как морские промыслы; во второй половине 1820-х гг. расходы конторы Росс составляли ежегодно в среднем 45 000 руб., а доходы — 38 000 руб. (включая 29 000 руб. от пушного промысла

---

[154] См. **NARS. — RRAC.** — R. 36. — P. 69; **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 356.

и 9000 руб. от индивидуальных подсобных хозяйств)[155]. В 1830-е гг. гроссбух фиксировал долги и, когда с 1836 г. промыслы перестали приносить прибыль, а КГЗ согласилась, начиная с 1839 г., в течение следующих десяти лет снабжать Русскую Америку продовольствием, РАК решила ликвидировать эксклав, показывая тем самым, что ее внимание привлекала скорее охота на каланов, чем производство съестных припасов. В 1841 г. контора Росс была продана генералу Джону Суттеру из Новой Гельвеции (тому самому человеку, с чьей мельницы через семь лет начнется в Калифорнии «золотая лихорадка») за 30 000 пиастров (150 000 руб.), которые он должен был выплачивать в течение четырех лет провиантом, главным образом пшеницей[156].

Итак, сельское хозяйство в Русской Америке и Русской Калифорнии не смогло удовлетворить потребности колоний в продовольствии. Эта неудача, а также неспособность РАК снабжать безопаснее и дешевле свои владения достаточным количеством съестных припасов из азиатской и европейской частей России, вынудили компанию прибегнуть к единственно доступным источникам, а именно: к иностранным поставщикам, т.е. купцам из США, чьи суда появлялись у берегов российских владений на Северо-Западе Америки; к ближайшей испанской колонии и к соседней британской компании[157].

---

[155] См. **Копия с представления ГП РАК министру финансов («секретно»), 31 марта 1839 г., № 72** // NARS. — RRAC. — R. 12. — P. 425 v.

[156] См. **А.К.Этолин — ГП РАК, 9 мая 1842 г., № 240** // Ibid. — R. 46. — P. 166 v.

[157] РАК стремилась также торговать с Гавайями, но этому помешало как то, что после фиаско доктора Шеффера короли туземцев не были дружелюбными в отношении русских, так и необходимость заготавливать таро заблаговременно. (См. **ГП РАК — М.И.Муравьеву, № 152, 8 марта 1821 г.** // Ibid. — R. 2. — P. 161 v.) С 1820 г.стали возрастать потребности американских китобоев, и это привело к резкому скачку цен на гавайское продовольствие. В 1822 г. Главное правление согласилось с главным правителем М.И.Муравьевым, что «... опыт доказал, что из продуктов сих островов не иное что можно получить для колоний, как одну соль, но и ту выгоднее и ближе приобретать в Калифорнии вместе с хлебом; следовательно, предлежит истинная необходимость все силы направить к распространению торговых связей с Калифорниею, особливо же в настоящее время, когда гишпанское владычество в Америке по обеим сторонам экватора прекращается, следовательно, и закон о недопущении иностранцев торговать в сей области потерял свою силу». [См.: **ГП РАК — М.И.Муравьеву («О невыгодной торговле с Сандвичевыми островами»), 28 февраля (15 марта) 1822 г., № 151** // ВПР. — Т. 12. — С. 453–454, см. также этот документ: **NARS. — RRAC.** — R. 3. — P. 83.] Несмотря на это, с Гавайев время от времени поступало в Русскую Америку некоторое количество соли, т.е. в 1824 г. это составляло 3000 пуд., в 1825 г. — 5000 пуд. См. **П.Е.Чистяков — ГП РАК, 18 марта 1829 г., № 53** // Ibid. — R. 31. — P. 304–304 v. Позднее, с середины 1840-х до 1850-х гг., когда выросла цена на соль из

3. Внешняя торговля

«Бостонцы». Первым из иностранных источников снабжения провизией являлись американские «каботажники» — торговые суда из Новой Англии, плававшие вблизи северо-западного побережья Америки в поисках каланьих шкур. Поскольку большинство кораблей приходили из Бостона, торговцев-янки называли «бостонцами» или «людьми из Бостона». Их суда начали бросать якоря около столицы колоний сразу же после ее основания; в 1799–1800 гг. туда зашло 8 американских и британских судов[158], но, по-видимому, они ничем не торговали. Однако в 1799 г. погибло русское судно «Феникс» вместе со всеми находившимися на борту 88–90 пассажирами, в том числе 73 промышленниками и «знатным товарным грузом» на сумму 500 000 руб. асс.[159] К 1803 г. в течение пяти лет в Ново-Архангельск не приходил ни один транспорт из Охотска, и колония столкнулась с голодом. Отчаявшийся правитель А.А.Баранов был вынужден обменять у американских шкиперов пушнину не только на продовольствие, но и на сами корабли, несмотря на существовавший запрет на продажу принадлежавших компании мехов, который оставался в силе до 1818 г., когда паевая система была заменена выплатой фиксированного жалованья: до этого времени вся добыча делилась между РАК и промышленниками. Но, по словам К.Т.Хлебникова, «нужда изменяет законы»[160]. Только случайные заходы на Кадьяк американских кораблей «Энтерпрайз» (1801), «Алерт» и британского судна «Юникорн» (1802) предотвратили несчастье; в 1805 г. 200 жителей Ново-Архангельска были спасены от голода, потому что А.А.Баранов купил американский корабль «Юнона» «из-за съестных припасов», находившихся в его трюме[161]. В 1803 г. главный правитель заключил с некоторыми шкиперами-янки пространное соглашение, формально открывшее регулярную торговлю, продолжавшуюся в течение следующих сорока лет (см. табл. 3).

Таким образом, с 1801 по 1841 гг. РАК заключила в Ново-Архангельске около сотни сделок с 97 американскими капитанами.

Нижней Калифорнии, РАК покупала ее на островах в обмен на строевой лес и рыбу. В 1865–1866 гг. накануне продажи колонии компания выменивала рыбу на провиант.

[158] См. **Alaska History Research Project. Documents Relative to the History of Alaska.** — College, AK., 1936–1938. — Vol. 3. — P. 203.

[159] См. **Хлебников К.Т.** — 1835. — С. 74, а также **Сообщение А.А.Баранова о тяжелом финансовом положении компании и предложение промышленным людям о новых условиях вступления в компанию, 15 февраля 1803 г.** // КИРАК. — С. 125; **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 78–79.

[160] **Хлебников К.Т.** 1835. — С. 64.

[161] См. **Langsdorff G. H. von.** Op. cit. — Vol. 2. — P. 48–50.

В 1801–1813 гг., в период когда «бостонцы» были основными поставщиками продовольствия для колоний, ежегодно в Русскую Америку приходило примерно по три судна и было продано товаров более чем на 80 000 руб. (включая 5 кораблей). В 1814–1825 гг., когда РАК стала приобретать провиант в Испанской и Русской Калифорниях и на несколько лет был официально запрещен «бостонский торг», в год приходило менее двух судов, которые все же выручали за свои грузы, в том числе за три корабля, более 82 000 руб. И, наконец, в 1826–1841 гг. после череды неурожаев во второй половине 1820-х гг. и проведенной в середине 1830-х гг. секуляризации миссий, подрывавших земледелие в обеих Калифорниях, вновь около трех американских судов стали ежегодно продавать товаров на 150 000–152 000 руб. (в том числе было продано только одно судно), т.е. прибыль почти удвоилась по сравнению с тем, на каком уровне находился «бостонский торг» на первом и втором этапах описанного выше процесса.

Основной статьей импорта в Ново-Архангельск на «бостонских кораблях» было продовольствие из Новой Англии (крупчатка, овсяная крупа, сухари, сливочное масло, лярд, джин, уксус и табак), Вест-Индии и Бразилии (рис, пшено, сахар, меласса, кофе, ром), Китая и Филиппин (чай, сахар, пшено); кроме того, ввозили некоторые промышленные товары, которые производили янки (посуду, ткани, мыло, деготь, ружья, порох)[162]. Во второй половине 1820-х гг. «бостонцы» ежегодно доставляли от 3000 до 6000 и более пуд.(50–100 т) грузов указанных наименований[163]. РАК размещала у американцев заказы на полтора-два года вперед, потому что товары надо было привозить издалека; например, одеяла, фризы, фланели и прочее везли из Англии, на что с момента оформления заказа до его получения уходило до двух лет; в течение года выполнялись заказы на ввоз из Кантона и Манилы чая, сахара, пшена, а также рома, джина и миткаля[164]. В контракте, подписанном в 1836 г. Главным правлением компании с бостонской фирмой Уильяма Бордмана-младшего, были указаны объем и широкий ассортимент наименований товаров, привозившихся на американских кораблях. В нем оговаривалась доставка в Ново-Архангельск следующих грузов: 10 000 гал. рома (по 1 пиастру за гал.), 10 000 гал. мелассы (по 40 центов за гал.), 20 000 фунтов виргинского листового табака (по 15 центов за фунт), 5000 фунтов мануфактурного (обработанного) табака (по 20 центов за фунт), 100 бочек крупчатой муки (по

---

[162] См. **Хлебников К.Т.** 1985. — С.56 (табл. 2); 120–121 (табл. б); 122–123 (табл. в).

[163] См. **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 21 марта 1830 г., № 240** // NARS. — RRAC. — R. 7. — P. 20 v.

[164] См. **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 10 ноября 1832 г., № 532** // Ibid. — R. 34. — P. 422 v.–423.

10 пиастров за бочонок), 25 000 фунтов риса (по 8 центов за фунт), 10 000 фунтов «корабельного хлеба» (сухарей) (по 10 центов за фунт), 18 000 фунтов белого сахарного песка (по 17 центов за фунт), 36 000 фунтов «сырого сахарного песка» (по 15 центов за фунт), 25 000 ярдов серого американского миткаля (по 15 центов за ярд) и 5000 ярдов белого американского миткаля (по 23 цента за ярд) — все это было ввезено в феврале 1837 г. на судне «Гамильтон» под командованием капитана Баркера[165].

Служащие РАК питались продуктами, доставленными американцами; большая часть промышленных изделий предназначалась для обмена в Ново-Архангельске и «проливах» с «независимыми», по терминологии компании, туземцами, прежде всего с колошами. В 1829 г. главный правитель П.Е.Чистяков рапортовал, что чиновники в колониях тратили 90% своего жалования на покупку американского продовольствия и промышленных товаров (в том числе и таких предметов роскоши, как ветчина, сыр, вино, шоколад, сигары), остальную часть — на товары из России; противоположной была пропорция расходов работных людей, которые довольствовались тем, что на одну треть заработка покупали русские изделия (одежду), на остальное — американские товары (съестные припасы). Ежемесячно каждый работный человек покупал по 5 фунтов риса, 3 фунта сахара, 2 фунта виргинского табака и 1 фунт чая; к торжественным дням они приобретали по 3–4 фунта крупчатой муки и по 1–2 чарки рома[166].

Получение провианта через «бостонцев» являлось важным условием выживания Русской Америки, особенно в период первого срока действия Правил и Привилегий РАК, когда главный правитель А.А.Баранов не имел широкого выбора по сравнению со своими преемниками. Ужасающее состояние колоний, сложившееся там после восстановления Ново-Архангельска в 1804 г., вскоре было изменено в лучшую сторону за счет торговли с американцами и, как утверждал в 1810 г. лейтенант В.М.Головнин: «Идучи в Америку [Северную], мы опасались, что найдем компанейские селения в самом жалком положении по недостатку в пище, что и действительно случилось бы, если бы не граждане Американской республики [США], которые на кораблях своих, присланных производить торги по здешним берегам, отправили столько съестных припасов, как-то: муки пшеничной, сухарей, пшена сарачинского, соленого мяса говяжьего и свиного и пр., что они променивали оные г-ну Баранову

---

[165] См. **И.А.Купреянов — Ново-Архангельской конторе, 5 февраля 1837 г., № 20** // Ibid. — R. 39. — P. 19, 20–20 v.; **И.А.Купреянов — ГП РАК, 3 мая 1837 г., № 133** // Ibid. — P.130.

[166] См. **П.Е.Чистяков — ГП РАК, 11 апреля 1829 г., № 63** // Ibid. — R. 31. — P. 326 v.–327.

на пушной товар с пребольшою для компании выгодою. И мы нашли в Ситхе все амбары наполненными жизненными потребностями...»[167]. Благодаря американским судам и транспортам из Охотска к весне 1811 г. А.А.Баранов запасся продовольствием на 3–4 года, а в Иркутске, Якутске, Охотске и Петропавловске находились «знатные запасы», предназначенные для перевозки в Ново-Архангельск[168]. Во время англо-американской войны 1812–1815 гг. шкиперы из США, плававшие на кораблях в Тихом океане и опасавшиеся британских военно-морских патрулей, заходили в столицу колоний и предлагали там товары, а также сами корабли «довольно выгодными ценами»[169]. Главный правитель М.И.Муравьев вспоминал в 1822 г., что «нехватка хлеба Ситхе при Алекс. Андреевиче [Баранове] не продолжалась более 3-х лет и затем с помощью американских торговцев он не ощущал никаких стеснений»[170]. Несомненно, совершенные Барановым сделки были выгодны РАК, так как позволяли пережить первое десятилетие XIX в., сопряженное с бедствиями, и, как впоследствии подтверждали начальники главного правителя: «Таковая торговля с иностранцами была благотворнейшим событием для компании и существенною эпохою ее поправления. Она с одной стороны избавляла компанию от необходимости доставлять в колонии с чрезмерными издержками и затруднениями все нужные потребности чрез Охотск и вокруг света; с другой — способствовала к сбыту на месте тех излишних промыслов, кои не могли расходиться в продажу по России и от долгого лежания могли бы гнить или сгорать, как то прежде нередко с котовыми шкурами и случилось. Баранов покупал у иностранцев не только все нужное для продовольствия колоний; но даже и самые корабли их, столь превосходящие во всем суда собственной тамошней постройки»[171].

Американское продовольствие было так важно, что правители колоний настаивали на его приобретении, невзирая на отговорки и даже запрет со стороны руководства РАК. Не помогли даже регламентации 1821 г., которые демонстративно запрещали торговлю «бостонцев», которая, как отмечал в 1827 г. капитан Ф.П.Литке, «часто была единственным источником снабжения колоний необходимыми товарами и даже продовольствием...»[172]. К тому времени

---

[167] **Головнин В.М.** 1961. — С. 326.

[168] См. **Отчет ГП РАК общему собранию акционеров компании, 1(13) февраля 1812 г.** // ВПР. — Т. 6. — С. 279.

[169] **Хлебников К.Т.** — 1835. — С. 153.

[170] **М.И.Муравьев — ГП РАК, 24 ноября 1822 г., № 324** // NARS. — RRAC. — R. 28. — P. 140.

[171] **Краткая историческая записка о состоянии Российско-Американской компании. 1824 г.** // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 2 об.–3.

[172] **Литке Ф.П.** 1948. — С. 53.

Ново-Архангельск приобретал большую часть провианта в Калифорнии, но «бостонцы» продолжали играть роль кормильцев. В том же 1827 г. главный правитель П.Е.Чистяков сообщал, что, покупая у американцев промышленные изделия и продовольствие, колонии не будут нуждаться вплоть до времени прихода корабля «Елена» [в 1829 г.] и компании не надо будет вовсе присылать сюда дорогие товары очень посредственного качества через Охотск. При этом он добавил, что пока ведется торговля с американцами, служащие в колониях не испытают нехватки и от нее [торговли] компания выиграет, поскольку не надо будет часто снаряжать собственные суда кругом света, что стоит дорого, и некоторые из доставленных таким образом товаров будут дороже, нежели те, что привозятся на иностранных [американских] судах. П.Е.Чистяков рекомендовал РАК организовывать кругосветные экспедиции не чаще одного раза в три года и даже реже[173]. То что главный правитель чувствовал в себе способность так действовать, говорило об успехе «бостонского торга».

В 1832 г. главный правитель Ф.П.Врангель тоже жаловался в С.-Петербург своему начальству на то, что в предыдущих своих донесениях он «должен был неоднократно упоминать о пустоте наших магазинов и невозможности продолжать покупку промыслов от Колош, и снабдить отделы достаточно», не прибегая к помощи американцев. «В сем положении, — писал он, — помогла нам частично расторжка с Американским Капитаном Баркером [бриг «Смирна»], а после него пришедшие Американцы обеспечили нас всеми почти статьями, окроме чаев»[174].

Несмотря на обоюдную выгоду от такой торговли, она всегда вызывала беспокойство Главного правления компании по нескольким причинам. Во-первых, американцы бессовестно конкурировали с русскими в приобретении пушнины, браконьерствуя и занимаясь контрабандой там, где, по мнению С.-Петербурга, находились российские владения. Русские сами добывали и выменивали меха, тогда как «бостонцы» только приобретали их по бартеру, предлагая туземцам более дешевые и лучшие по качеству товары, включая спиртные напитки, огнестрельное оружие, и даже подстрекая аборигенов к действиям, направленным против промышленников. Не имевший достаточного числа людей и хорошего снабжения А.А.Баранов был бессилен пресечь организованный янки незаконный ввоз ружей и рома.

Во-вторых, торговля «бостонцев» лишала РАК одного из важнейших объектов деятельности компании, а именно: котиковых шкур. Являясь более многочисленными и обладая менее ценным

---

[173] См. **NARS. — RRAC.** — R. 30. — P. 260–260 v.

[174] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 6 мая 1832 г., № 180** // Ibid. — R. 34. — P. 155–155 v.

мехом, чем у каланов, выдр, лис, речных бобров и других пушных зверей, — котики непосредственно обменивались на американские товары в связи с дефицитом пиастров, этой общей валюты, использовавшейся в торговых операциях на Тихом океане. Затем купцы из США наводнили европейский рынок головными уборами из котиковых шкур. Первоначально, когда этот зверь в изобилии водился на лежбищах о-вов Прибылова, такой обмен не вызывал сомнений. С 1808 по 1811 г. Баранов выменял на бостонские припасы лишь 5% пушнины от общего объема ее экспорта в Россию[175]. В 1805–1815 гг. американцам было передано 362 730 шкур котиков, а в 1818–1830 гг. — только 207 857 шкур[176]. Сделки все еще были выгодны для обеих сторон: приобретавшиеся у «бостонцев» припасы обходились РАК лишь в половину той цены, которую надо было заплатить, если бы товары привозились из Кронштадта[177], и повышение расценок при продаже их служащим компании приносило значительный годовой доход, тогда как по сделанным в 1833 г. подсчетам Главного правления в целом прибыль самих американцев от такого рода обменов составляла по крайней мере 50% благодаря низким расходам на транспортировку и страховку[178]. Однако к 1820-м гг. хищническое истребление котиков так сократило их стада, что обеим сторонам уже не стало хватать шкур этих животных. Ежегодный объем вывоза компанией котиковых шкур невероятно упал: с 80 000 шкур — в 1811 г., 53 000 — в 1816 г., 50 000 — в 1821 г. до 30 000 — в 1826 г.[179] В 1830-е гг. ежегодно в среднем промышленники РАК добывали только по 10 000–11 000 котиков[180].

Более того, РАК теряла деньги из-за разности валютного курса при расчетах за котиковые меха. В начале века А.А.Баранов установил высокий обменный курс, равный 2 руб. за 1 пиастр, тогда как в самой России реальное соотношение составляло соответственно 5 руб. к 1 пиастру, поскольку компания «потерпела значительные убытки»[181]. В 1820-х гг. в Ново-Архангельске она обменивала котиковые шкурки на бостонские товары по 2 руб. 30 коп. (1,75 долл.)

---

[175] См. **Отчет ГП РАК общему собранию акционеров компании.** — С. 278.

[176] См. **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 56, 118.

[177] См. **Краткая историческая записка...** — Л. 7.

[178] См. **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1833 г., № 267** // NARS. — RRAC. — R. 8. — P. 328.

[179] См. **Хлебников К.Т.** 1979. — С. 216.

[180] См. **ОГПРАК** за 1842 г. — С. 37.

[181] **Хлебников К.Т.** — 1985. — С. 56. Курс, установленный А.А.Барановым, мог первоначально действительно быть благоприятным, поскольку с 1800 г. 1 пиастр равнялся 1 руб. 20 коп. См. **А.А.Баранов — Е.Г.Ларионову, 24 июля 1800 г.** // Тихменев П.А. — Ч. 2. — Прилож. — С. 157–159. Однако к 1832 г. 1 пиастр стал равняться 5 руб; см. **NARS. — RRAC.** — R. 34. — P. 11.

за штуку, тогда как в России эти меха продавали соответственно по 4 руб.30 коп. — 7 руб.15 коп.[182] Поэтому в 1830 г. Главное правление РАК предписывало Ф.П. Врангелю впредь продавать «бостонцам» шкуры этих животных только в крайних случаях, ибо компания не могла удовлетворить растущие потребности в них России и Ново-Архангельска, а также из-за того, что американцы продавали товары в столице колоний по низким ценам[183]. С 1831 г. компания стала платить торговцам из США не котиковыми шкурами, а векселями для выставления счета в С.-Петербурге. Такая мера была призвана не только сохранить самих котиков, но также понизить на 50% стоимость американских припасов, хотя к тому времени «бостонцы» уже торговали менее охотно и иногда векселя представлялись к оплате тогда, когда у компании было мало наличных средств или когда они отсутствовали вовсе[184]. Для РАК такое положение стало еще выгоднее после того, как в 1834 г. она смогла получить товары от американской фирмы Уильяма Френча в Гонолулу в обмен на доски, колоды, рангоутное дерево, гребные лодки, столярные изделия и другую продукцию колоний, а также на немалые суммы денег наличными и долговые обязательства[185].

К тому же «бостонцы» не всегда были надежными партнерами. Как вольные люди, стремившиеся использовать удобный случай, они могли быстро извлечь коммерческую выгоду из возможностей, где бы и когда бы таковые им ни предоставлялись, и, действуя таким образом, американцы были способны отсрочить или даже отменить свои уже обещанные ранее визиты в Ново-Архангельск. Такая неопределенность и нерегулярность продолжались до тех пор, пока во второй половине 1830-х гг. судовладельцы из США не стали подписывать с РАК формальные контракты, но даже и тогда непредвиденные обстоятельства все еще могли нарушать графики и маршруты плаваний американских судов.

Наконец, «бостонская торговля» поставила русских в очень опасное положение, потому что они оказались зависимыми от доставки предметов первой необходимости от своих основных конкурентов, претендовавших на территории и ресурсы северо-западного побережья. В 1810 г. эту опасность осознавал лейтенант В.М.Головнин, предупреждавший директоров компании, что «не обеспечив всегдашнего продовольствия своих колоний собственными средствами, настаивали они [правители РАК], чтоб и чужие народы [«бостонцы»] не давали им пищи. Если бы американское правительство,

---

[182] См. **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 371.

[183] См. **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 21 марта 1830 г., № 239** // NARS. — RRAC. — R. 7. — P. 12–13.

[184] См. **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 24 марта 1832 г., № 327** // Ibid. — R. 8. — P. 89 v.; **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 369–371.

[185] См. **NARS. — RRAC.** — R. 37. — P. 65 v.–66.

по своей конституции, имело власть сделать требованное запрещение [этой торговли] и уважало бы представление нашего поверенного в делах, тогда бы голод произвел самые пагубные следствия в компанейских селениях...»[186]. Эта зависимость продолжалась до 1821 г., т.е. до того времени, как Новая Испания открыла двери для неограниченной иностранной торговли, и пшеница и говядина, произведенные в миссиях и на ранчо Калифорнии, стали легко доступными продуктами. Однако «бостонский торг» не прерывался, хотя его оборот снизился и уменьшились объемы импортировавшегося продовольствия. В связи с сокращением поголовья каланов и котиков все меньше американских судов участвовало в торговле на Северо-Западе Америки. Последняя сделка состоялась в апреле 1841 г.: тогда, выполняя заказ двухлетней давности правителя И.А.Купреянова, корабль «Мориа» под командованием капитана Сноу, привез в Ново-Архангельск товаров на сумму 14 099 пиастров[187]. И когда судно «Беринг» под командой того же Сноу — этого ветерана торговли, осуществлявшейся гражданами США со столицей колоний, — прибыло туда в августе 1843 г., правитель лаконично доносил, что «не было произведено никакой расторжки...»[188].

«Испанцы». Новая Испания могла быть порабощена конкистадорами во имя Бога и в поисках золота и славы, но к 1800 г. занятие сельским хозяйством, работа на рудниках и торговля стали там основными видами деятельности. Скотоводство и выращивание зерновых доминировали прежде всего в Верхней, или Новой Калифорнии, где фермерство сосредоточивалось в цепи францискианских миссий, большая часть которых располагалась на расстоянии одного дня пути на Камино Реаль вдоль побережья между президио (гарнизонами) Сан-Диего и Сан-Франциско, а также на нескольких частных ранчо. В 1818 г. испанцы или калифорнийцы сообщили капитану В.М.Головнину, будто более 80 000 индейцев на территории двадцати миссий ухаживали за стадом, состоявшим из 351 130 голов скота (главным образом овец и крупного рогатого скота), собрали 254 862 пуд. зерна (в основном пшеницы) и 10 028 пуд. бобов и гороха; урожайность зерновых составляла сам-18$^1/_2$, бобов и гороха — почти сам-25[189]. В том же году участник французской кругосветной экспедиции капитан Камиль де Рокфей подсчитал, что Верхняя Калифорния была способна экспортировать ежегодно до 111 000 пуд. зерна и 8300–11 100 пуд. говядины[190]. Неудивительно, что провинция

---

[186] **Головнин В.М.** 1961. — С. 327.

[187] См. **NARS. — RRAC.** — R. 45. — P. 185.

[188] **А.К.Этолин — ГП РАК, 18 августа 1843 г., № 487** // Ibid. — R. 47. — P. 478.

[189] См. **Головнин В.М.** 1965. — Табл. Б. (между С. 316–317).

[190] См. **Roquefeuil, Camille de.** Journal d'un voyage autour du monde, pendant les annees 1816, 1817, 1818 et 1819. — Paris, 1823. — Vol. 2. — P. 267.

прославилась продуктивностью сельского хозяйства, равно как и благоприятным климатом (и праздностью своих razones — испанских поселенцев). В 1835 г. главный правитель Ф.П.Врангель писал, что «плодородие земли и здоровый климат Верхней Калифорнии столь известны, что обратились почти в пословицу»[191].

Таким образом, находясь недалеко и достигнув определенных успехов в развитии сельского хозяйства, Калифорния логически являлась для Русской Америки источником снабжения продовольствием. Однако до 1816 г. испанские колониальные власти запрещали вести торговлю с иностранными судами. Тем не менее, хорошо укомплектованные экипажами, прекрасно оснащенные и вооруженные американские купеческие корабли, способные обгонять немногочисленные испанские суда береговой охраны, активно занимались контрабандой на тихоокеанском побережье Новой Испании. Особым спросом пользовались там промышленные изделия, и нелегально ввозившиеся товары покупались как чиновниками, так и миссионерами.

Первую попытку воспользоваться щедротами Калифорнии русские предприняли в конце зимы 1805/06 г., когда Н.П.Резанов приплыл на «Юноне» в Сан-Франциско в отчаянном стремлении купить съестные припасы для голодавших жителей Ново-Архангельска. Одарив подношениями местные власти и заключив помолвку с дочерью коменданта президио, Резанов успешно обменял привезенные с собой товары на зерно, хотя ему и не удалось подписать общее соглашение о торговле.

Надеясь нажить капитал на претворенной в жизнь инициативе камергера и произведенном им в Калифорнии благоприятном впечатлении, РАК попыталась добиться от Мадрида разрешения на торговлю. В начале 1808 г. директор компании М.М.Булдаков обратился к царю с прошением об оказании содействия в том, чтобы Его Католическое Величество испанский король позволил открыть торг[192]. Булдаков утверждал, будто из-за отсутствия рынка каждый год в Калифорнии гниет более 30 000 пуд. зерна и забивается 10 000–30 000 голов крупного рогатого скота только для того, чтобы не превращать поля в пастбища; он заявлял также, что во время пребывания там Н.П.Резанова несколько сотен голов крупного рогатого скота было забито лишь с целью изготовления кожаных кулей для зерна, которое купил россиянин. Первенствующий директор добавлял, что в противовес этому компания была вынуждена завозить хлеб из Сибири через Охотск по цене 15 руб. за пуд, а расходы на его доставку на Камчатку намного превышали 10 руб. за пуд (это озна-

---

[191] **Врангель Ф.П.** Дневник путешествия из Ситхи в Санкт-Петербург через Мексику // Шур Л.А. — С. 198.

[192] См. **М.М.Булдаков — Александру I , 28 января (9 февраля) 1808 г.** // ВПР. — Т. 4. — С. 163–164.

чало, что транспортировка между Иркутском и Охотском составляла по крайней мере две трети или, возможно, больше от стоимости сибирского зерна, ввозившегося в Ново-Архангельск). Русский посланник в Мадриде барон Г.А.Строганов выполнил просьбу РАК, но на практике этому не суждено было сбыться, ибо «возникли в Гишпании самые смутнейшие обстоятельства» — «возмущения и перемены» — и нельзя было достичь успеха, «доколе не восстановится в Европе спокойствие...»[193]. Россияне взывали также и непосредственно к жителям Калифорнии, но и это оказалось тщетным.

Тем временем возобновилась тайная торговля посредством организации русско-«бостонских» промысловых экспедиций «из половины», направлявшихся в 1809–1813 гг. к берегам Верхней Калифорнии, в ходе которых американские шкиперы приобретали иногда для Ново-Архангельска съестные припасы. Необходимость в проведении этих экспедиций отпала в 1812 г. в связи с основанием крепости Росс, ставшей вскоре местом незаконного торга, охоты на морского зверя и занятия сельским хозяйством. В 1813 г. губернатор Калифорнии Х.Арильяга разрешил открыть торговлю и осуществлять совместные промыслы при условии, если корабли РАК будут стоять на якоре в море, а товары будут перевозиться на берег и обратно на гребных лодках[194].

Жители Калифорнии очень нуждались в контрабандных товарах, так как и метрополия, и Новая Испания не могли удовлетворить их потребности. В ходе своего первого кругосветного плавания капитан О. фон Коцебу посетил в 1816 г. Сан-Франциско, где чиновники из президио жаловались ему на «нищету, в которой они, забытые и покинутые родной Мексикой, прозябали по 6–7 лет»; кроме того, ботаник этой же экспедиции А.Шамиссо отмечал, что контрабанда «является для них единственным средством приобретения жизненно важных припасов»[195]. Сменивший в 1815 г. Арильягу на посту губернатора Де Сола возмущался русским присутствием в Калифорнии, пресек торговлю и ведение совместных промыслов с обитателями селения Росс, но торговлю все же пришлось вновь разрешить под давлением такого обстоятельства, как потребности своих солдат в самом необходимом, поскольку с 1810 г. Калифорнию не посетило ни одно мексиканское торговое судно. Причиной

---

[193] **ГП РАК — Н.П.Румянцеву, 15 (27) мая 1814 г., № 204** // Там же. — Т. 7. — С. 696; **Представление Совета РАК — Александру I, 31 января (12 февраля) 1816 г.** // Там же. — Т. 9. — С. 79. Об объяснении Советом РАК причины сделанного им в начале 1816 г. представления царю см. **Представление Совета РАК...** — С. 78–80.

[194] См. **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 213.

[195] **Chamisso A. von.** A Voyage Around the World with the Romanzov Exploring Expedition in the Years 1815–1818 in the Brig «Rurik», Captain Otto von Kotzebue / Transl. and ed. by H. Kratz. — Honolulu, 1986. — P. 103.

нехваток являлись революционные беспорядки в Мексике, и метрополия больше не могла субсидировать Новую Испанию. Кроме того, в 1815 г. перестала существовать тихоокеанская торговля, которая велась с помощью манильского галеона, и для Мексики исчез источник поступления китайских и филиппинских товаров через Акапулько. В президио и миссиях Верхней Калифорнии иссякали запасы различных изделий. Для охраны северной границы требовались обученные и лояльно настроенные солдаты, а священники из католических миссий, являвшихся основой экономического развития провинции, нуждались в промышленных изделиях и рынке сбыта сельскохозяйственной продукции. Лейтенант Н.Д.Шишмарев со шлюпа «Благонамеренный» указывал в 1820 г., что миссионеры «всегда рады приходу какого бы то ни было судна, ибо по их бедности что-нибудь подарят им...»[196]. Итак, в 1816 г. запрет на внешнюю торговлю был снят, хотя товары и продолжали облагаться высокими тарифами и пошлинами.

Наконец, в 1821 г., когда Мексика завоевала независимость от Испании, порты Верхней Калифорнии были открыты для неограниченной торговли с иностранцами. Ежегодно по 2–3 корабля РАК участвовали в этой торговле, как правило, в Сан-Франциско и Монтерее, после того, как осенью завершались сезон промыслов и рыболовства на Аляске и сбор урожая в Калифорнии; они вновь возвращались в Ново-Архангельск лишь весной; корабли часто заходили также в Порт Румянцева, чтобы выгрузить припасы (сахар, соль, чай, рыбу), высадить на берег приехавших в контору Росс и забрать оттуда зерно, говядину, кожи, пушнину, кирпич и пассажиров, следовавших в столицу колоний (см. табл. 4).

Компания получала также калифорнийское продовольствие через совместно организованные промыслы каланов, которые велись сначала с «бостонцами» (1809–1813), а затем — с жителями Калифорнии (1817–1834); при этом первые иногда привозили зерно и говядину в Ново-Архангельск, а вторые обменивали пшеницу на долю, причитавшуюся русским при разделе добычи. Более того, управляющие конторой Росс торговали в Калифорнии с миссионерами и комендантами, в ходе которой русские обменивали изготовленные и отремонтированные ими орудия труда на съестные припасы, потреблявшиеся на месте или экспортировавшиеся в Ново-Архангельск. В 1834 г. главный правитель Ф.П.Врангель сообщал, что калифорнийцы покупали в крепости Росс баркасы, колеса, седла, ружья, сабли и кухонную утварь[197]. Кроме того, от случая к случаю русские военные корабли приобретали продоволь-

---

[196] Цит. по.: **Шур Л.А.** Путевые записки и дневники русских путешественников как источник по истории Калифорнии (первая половина XIX в.) // АЕ. 1971. — М., 1971. — С. 304.

[197] См. **NARS. — RRAC.** — R. 36. — P. 66v. –67, 81.

ствие в Сан-Франциско; в 1824 г. фрегат «Крейсер» взял на борт 3750 пуд. пшеницы[198].

Помимо съестных припасов, РАК импортировала иногда из Верхней и Нижней Калифорнии соль (равно как и с Гавайских о-вов), которая прежде всего применялась при засолке рыбы — одного из главных продуктов питания жителей владений компании. Основным местом соледобычи являлся о-в Кармел, или Соленый, находившийся в Калифорнийском заливе, где, по свидетельству К.Т.Хлебникова — участника большинства переговоров РАК с Калифорнией по вопросам торговли в 1820-х гг., она была «в величайшем изобилии» и «оную доставать весьма удобно и дешево»[199]. Например, в 1838 г. компания вывезла с острова 9865 пуд. соли, в 1841 г. — 6000 пуд., а в 1842 г. — 18 000 пуд.[200]

За это продовольствие компания расплачивалась прежде всего промышленными товарами: текстилем, металлическими изделиями, посудой, инструментами, веревками, нитками, холстом, воском, свечами, а также дробью, табаком, чаем, кофе, сахаром и перцем. В 1821 г. судно «Булдаков», а в 1828 г. — «Кяхта» привезли в Сан-Франциско грузы, состоявшие преимущественно из льняных и шерстяных изделий, чулок, шапок, ниток, пуговиц, фонарей, труб для дымоходов, топоров, оглоблей, бумаги и сахара[201]. В 1832 г. главный правитель Ф.П.Врангель писал в своем донесении, что на калифорнийском рынке самым большим спросом пользовались восковые свечи, широкое полосовое железо, крупная дробь, белый, черный и красный бисер, 2–3-дюймовые железные гвозди (все это ввозилось из Кронштадта); золотой позумент шириной в один дюйм, столовые ножи, гребни из рога и слоновой кости, парча и штофы (импортировались из Охотска)[202].

Потребность жителей Верхней Калифорнии в этих товарах подтверждала, в частности, факты нехватки там промышленных изде-

---

[198] См. **М.И.Муравьев — ГП РАК, 21 апреля 1824 г., № 110** // Ibid. — R. 29. — P. 55 v.

[199] **Донесение К.Хлебникова «О разторжке в Калифорнии» — Ф.П.Врангелю, 9 февраля 1832 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 346. — Л. 2 об.

[200] См. **А.К.Этолин — командиру брига «Байкал» Бартману, 26 ноября 1840 г., № 234** // NARS. — RRAC. — R. 44. — P. 325 v.; **А.К.Этолин — ГП РАК, 26 ноября 1840 г., № 237** // Ibid. — P. 332; Ibid. — R. 45. — P. 180; **А.К.Этолин — ГП РАК, № 242, 9 мая 1842 г.** // Ibid. — R. 46. — P. 172 v.

[201] См. **Bancroft Library of the University of California (Berkeley).** «Vallejo Documentos». — Vol. 1. — P. 56–56A, 155D–155H.

[202] См. **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 6 мая 1832 г., № 139** // NARS. — RRAC. — R. 34. — P. 123v. –124; **Врангель Ф.П.** Донесение о закупке пшеницы в Калифорнии в конце прошедшего года, с приложением ведомости, 6 мая 1832 г., № 139 // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 36. — Л. 4. См. также **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 202.

лий и — в целом — невнимания к этой проблеме сначала со стороны Испании, а позднее — и Мексики. Общими для наблюдателей были утверждения о малой заселенности провинции, ее слаборазвитости и плохой защищенности (и поэтому она была уязвима перед имперскими вожделениями других держав). Один из таких свидетелей будущий декабрист Д.И.Завалишин, находившийся в чине лейтенанта на борту «Крейсера» во время двухмесячного пребывания в тех местах зимой 1823/24 г., отмечал, что в Калифорнии так редко перерабатывали произведенные продукты и переработка была такой дорогостоящей, что РАК должна была платить за муку в 20–24 раза больше, чем за целое зерно (именно по этой причине компания импортировала почти только зерно). Завалишин также писал, что основная часть европейских товаров попадала в Верхнюю Калифорнию через РАК, что калифорнийцы торговали и вели морские промыслы совместно с русскими, пытаясь возместить после Мексиканской революции потерю жалованья и субсидий, выплачивавшихся ранее Испанией[203].

С середины 1810-х гг. до конца 1820-х гг. торговля с Калифорнией являлась главным источником снабжения продовольствием Русской Америки, продолжая играть заметную роль до конца 1830-х гг. Это оказалось очень своевременно, ибо производство сельскохозяйственной продукции конторой Росс не оправдало надежд РАК, а ввоз съестных припасов с Гавайских о-вов осуществлялся очень недолго. Более того, в 1821 г. всем иностранным кораблям, в том числе американским, запрещалось входить в воды Русской Америки. Между тем после 1817 г. служащие РАК имели право получать жалованье натурой, включая муку, и поэтому согласно заключенным контрактам компания обязывалась регулярно распределять значительные объемы продовольствия (а также при осуществлении коммерческих операций РАК была склонна продавать излишки продуктов питания, получая прибыли). По словам К.Т.Хлебникова, «в продолжение 14 лет [1818–1832], то есть с тех пор, как компания приняла обязанность довольствовать промышленных, а потом и других служащих хлебною провизиею, пшеница для муки и другие припасы преимущественно получались из Калифорнии, где иногда были очень выгодные урожаи, иногда скудные, но достаточные для снабжения колоний припасами, хотя в разных чертах и с потерею лишнего месяца времени сопряженные»[204]. Именно торговля с Калифорнией позволила РАК распределить по всем своим владениям в 1825 г. 14 367 пуд. зерна, муки, сухарей, гороха и бобов; компания смогла заплатить и продать в Ново-Архангельске — этом главном

---

[203] См. **Завалишин Д.** Калифорния в 1824 году // Русский вестник. — 1865. — Т. 60. — С. 347, 348, 357.

[204] **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 202.

в колониях потребителе продуктов — в 1825 г. одной только муки 5752$^1/_2$ пуд., в 1831 г. соответственно — 7300 пуд.[205] Разумеется, Русская Америка стала для Верхней Калифорнии основным, если не единственным, зерновым рынком. В 1834 г. главный правитель Ф.П.Врангель заявлял, что компания покупала у жителей Калифорнии главным образом пшеницу, которую кроме РАК у них никто не покупает[206], а в 1841 г. уполномоченный РАК в Калифорнии Е.(Г.)Л.Черных писал, «*главный сбыт* пшеницы из Калифорнии до сих пор был в наши Американские колонии, для коих ежегодно покупалось пшеницы 3–4 тыс. фонег [11 250–15 000 пуд.]»[207]. Торговля с Калифорнией и Бостоном поддерживала колонии и, как писал летом 1826 г. анонимный русский посетитель Ново-Архангельска: «Торговля с Калифорнией и Американцами (просвещенными) доставляет изобилие во всем, не только в потребностях жизни, но даже и в предметах, служащих к ее услаждению, и по ценам, сообразно обстоятельствам, весьма умеренным»[208].

Особенно с начала 1830-х гг. калифорнийские съестные припасы стоили недорого и их было много. После завоевания Мексикой независимости от Испании в 1821 г. иностранцам разрешили селиться в Калифорнии при условии принятия ими мексиканского гражданства и католичества. Многие жители США и европейцы так и поступили, получив земельные участки размером 2 × 1 лиг (5$^1/_2$ × 2$^1/_4$ миль), и в результате увеличение количества ранчо подорвало монополию миссий на производство сельскохозяйственной продукции и снизило цены на пшеницу с 3–4 пиастров за фанегу в середине 1820-х гг., соответственно, до 2 пиастров — в 1830-х гг. и 1$^1/_2$ пиастра (2 руб. за пуд) — к 1838 г.[209] С начала 1830-х гг. цена на пшеницу еще более упала, так как РАК стала предлагать меньше товаров, облагавшихся высокими пошлинами, в большей степени перейдя к оплате своих закупок пиастрами и особенно векселями; кроме того, русские товары не могли конкурировать с лучшими по качеству и дешевыми американскими и британскими изделиями.

---

[205] См. **Там же.** — С. 107, 200–201. Зерно мололи как в Ново-Архангельске, так и недалеко от оз. Редут, где также вылавливали и солили бо́льшую часть добываемой в столице колоний рыбы (лосося).

[206] См. **Ф.П.Врангель — Конторе Росс, 16 мая 1834 г., № 326** // NARS. — RRAC. — R. 36. — P. 325 v.

[207] **Черных Е.** О земледелии в верхней Калифорнии // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. — 1841. — № 9. — Сельское хозяйство. — С. 260.

[208] **Л.** Выписка из письма из Ново-Архангельска, на северо-западном берегу Америки, от 25 Июня 1826 года, полученного в Петербурге Сентября 24 дня 1828 года // Северная пчела. — СПб., 1828. — № 126. — 20 октября. — С. 3.

[209] См. **Черных Е.** Указ. соч. — С. 260–261.

Рис. 1. Ново-Архангельск. 1842 г.

Вклейка 1. Заказ № 2840

Рис. 5. Туземцы с побережья зал. Хотам. *Рис. У. Смита.* (Вторая половина 1820-х гг.)

Рис. 6. Вид селения Иллюлюк на о-ве Уналашка. 1843 г. *Рис. И. Г. Вознесенского.*

Рис. 7. Редут Св. Михаила в зал. Нортон. 1843 г.
Рис. И. Г. Вознесенского.

Рис. 8. А. К. Этолин.

Рис. 9. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский (о. И. Е. Вениаминов).

Рис. 10. Дж. Симпсон.

Рис. 11. «Карта местностей от реки Коломбии до порта Сан-Франциско». Не ранее 1833 г.

Рис. 12. Форт Юкон, фактория КГЗ. Середина 1860-х гг.
Рис. Ф. Уимпера.

Рис. 13. Пароход РАК «Николай I». 1843—1844 гг.
Рис. И. Г. Вознесенского.

Рис. 14. Карта части о-ва Кадьяк с Павловской Гаванью. 1853 г.

Рис. 15. Карта калифорнийского побережья (середина XIX в.)

Рис. 18. Индеец из Северной Калифорнии. 1840—1842 гг.
Рис. И. Г. Вознесенского.

Рис. 19. Вид ранчо Е. Л. Черных в Северной Калифорнии. 1840—1842 гг.
Рис. И. Г. Вознесенского.

Рис. 20. А. Г. Ротчев.

Рис. 21. Н. Н. Муравьев-Амурский.

Рис. 22. Э. А. Стекль.

Рис. 23. Великий князь Константин Николаевич.

Рис. 24. П. М. Коллинз.

№ 5490

150 Руб. Сер.

АКЦІЯ

РОССІЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНІИ.

НА СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Иркутскому мѣщанину Иннокентію Дмитріевичу Ширяеву.

ВЫПЛАЧЕНО СТО РУБЛЕЙ

Рис. 25. Акция РАК.

Рис. 27. С. В. Воеводский.

Рис. 28. И. В. Фуругельм.

Вклейка 2. Заказ № 2840

Рис. 29. Александр II.

Рис. 30. А. М. Горчаков.

Рис. 31. Э. Джонсон.

Рис. 32. У. Г. Сьюард.

къ намъ американцевъ будетъ пр-
являться до тѣхъ поръ, пока оно
ихъ ни къ чему не обязываетъ или
пока это для нихъ выгодно; жер-
твовать же своими интересами
для простыхъ убѣжденій, амери-
канцы никогда не будутъ

Въ заключеніе, чтобы разомъ
обрисовать личность американ-
скихъ politicians, прибавлю, что
сенаторъ Гвинъ, не успѣвшій
склонить на свою сторону изби-
рателей, оставилъ Калифорнію
и отказавшись отъ своихъ убѣжде-
ній, уѣхалъ въ южные штаты,
попытать счастія у сепаратис-
товъ.

[illegible]

20 октяб.
1861 года

Рис. 33. Фрагмент письма П. Н. Головина великому князю Константину Николаевичу, 20 октября 1861 г.

Ладно. Доложено. Весьма секретно. 15

Граничная черта между владѣніями Россіи въ Азіи и Сѣверной Америкѣ.

Основною точкою пограничной черты служитъ пересѣченіе меридіана 169° западной долготы отъ Гринвича съ параллелью 65°30' сѣверной широты. Отъ этаго пункта граница идетъ: къ сѣверу — по меридіану 169° 18' долготы, который раздѣляетъ пополамъ Беринговъ проливъ и проходитъ между островами Ратманова (онъ же Нунарбукъ или Имаклитъ) и Крузенштерна (Игналукъ), изъ группы острововъ Св. Діомида или Гвоздева;

къ югу — по румбу SW 44°, на средину пролива между сѣверо-западною оконечностью острова Св. Лаврентія (мысъ Чибуканъ) и мысомъ Чукотскимъ, на Азіятскомъ материкѣ, до пересѣченія широты 64° сѣверной меридіаномъ 172° западной долготы. Далѣе пограничная черта направляется на SW 41°, на средину пролива между Командорскими и Алеутскими островами, а именно на средину линіи, соединяющей восточную оконечность острова Мѣдный и западную

Одобрено Государемъ Императоромъ 22 декабря 66 г.

Рис. 34. Фрагмент записки Н. К. Краббе Александру II, 22 декабря 1866 г.

Рис. 35. Г. Грили.

Рис. 36. Ч. Самнер.

Treaty with Russia considered
April 1st 1867.

Mr. Sumner Mr. Cameron Mr.
Johnson Mr Harlan Fessenden

General talk on Russia
Fox and his coats
Cameron & his live fish at Court then
roasted.
Cameron on his sour milk. Milk punch.

Theodore Parker. Anglo Saxons grace of
land.
Fessenden late. Hard case in room.
Johnson "Man or woman"
Shall we wait for Morton. Rumors of sick-
ness.
Fess "What have we been buying", "Swards
Farm as he call it.
Sumner - describing. Johnson on table
First on Mass Then on Globe. Cameron
with clerk

First Hint. Communication from Washington
Legislature
Sent to Rejean. Fox
Did not want to concede anything

Рис. 38. Фрагмент Меморандума Ч. Бимона, 1—8 апреля 1867 г.

Рис. 39. Указ Александра II М. Х. Рейтерну, 13(25) декабря 1868 г.

ис. 40. Меркаторская карта владений РАК. 1860 г. Фрагмент.

Рис. 41. Д. П. Максутов.

Рис. 42. А. А. Пещуров.

Рис. 46. Фигурка, изображающая русского солдата с о-ва Ситха, выточенная из камня индейцами. Середина 1860-х гг.
Рис. Ф. Уимпера.

Рис. 47. Передача Русской Америки Соединенным Штатам, 6(18) октября 1867 г.

В связи со снижением курса пиастра и ростом стоимости векселей в 1831–1833 гг. РАК стала платить за пшеницу почти половину от прежней цены[210]. В конце 1820-х гг. в Ново-Архангельске стоимость выпеченного из калифорнийской муки хлеба составляла 40% от изготовленного из сибирской пшеницы[211].

Сначала компания получала значительную прибыль от торговли с Калифорнией, поскольку, кроме случайно появлявшихся у ее берегов американских и британских контрабандистов, только русские корабли привозили товары для жителей провинции. Однако после Мексиканской революции 1821 г. порты Верхней Калифорнии были открыты для всех иностранных судов. С этого времени перед лицом такой более жесткой конкуренции РАК должна была продавать промышленные изделия дешевле, а покупать продовольствие по более высоким ценам. Согласно сообщению главного правителя М.И.Муравьева от 1823 г., как только калифорнийские порты открылись для кораблей всех стран, американские суда стали завозить туда большие партии грузов и мы уже потеряли преимущество от высоких цен на наши товары[212]. Будучи не в состоянии состязаться с высококачественными американскими и британскими товарами, РАК должна была платить за припасы либо пиастрами, которых у нее не хватало, либо векселями, с неохотой принимавшимися жителями Калифорнии. В 1826 г. правитель П.Е.Чистяков жаловался, что торговля РАК с калифорнийцами все больше и больше вытесняется иностранцами, продающими свои товары дешевле наших [привезенных компанией], и скоро будет трудно купить пшеницу, не уплатив за нее пиастры[213]. Три года спустя он писал, что для закупки в Калифорнии зерна уже не достаточно одних только русских товаров и за хлеб приходится обязательно отдавать и иностранные (американские) изделия, что пошлины почти всегда надо платить пиастрами[214]. В отчете КГЗ за 1828 г. о калифорнийской торговле говорилось, что американские купеческие суда привозили главным образом одежду, шляпы, текстиль (изделия из хлопка и шелка, тесьму), ножевой товар, спиртные напитки и сахар, обменивавшиеся по бартеру на кожи и сало, произведенные в основном в миссиях, поскольку священники были заинтересованы в прибыли, до того как

---

[210] См. **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 1 мая 1833 г., № 133** // NARS. — RRAC. — R. 35. — P. 69 v.

[211] См. **Erman A.** Zufass-Bemerkungen über Neu Kalifornien // Annalen der Erd — Volker — und Staaten-kunde. — Ser. 2. — June 1833. — S. 251.

[212] См. **NARS. — RRAC.** — R. 28. — P. 201 v.

[213] См. **Ibid.** — R. 30. — P. 54–54 v.

[214] См. **П.Е.Чистяков — ГП РАК, № 64, 11 апреля 1829 г.** // Ibid. — R. 31. — P. 330. В 1832 г. главный правитель Ф.П.Врангель подсчитал, что ему требуется по меньшей мере 8000 пиастров в год для торговли с Калифорнией. См. **Врангель Ф.П.** Донесение о закупке пшеницы... — С. 3.

их изгнали оттуда за отказ присягнуть на верность революционным властям. Обычно за продажу своих грузов американцы получали 200–300% барыша, при условии если им удавалось ускользнуть от уплаты 25% налога с продаж и по $2^1/_2$ пиастра за каждую тонну груза, что достигалось обычно за счет подарков и дачи взяток чиновникам[215].

Тем временем таможенные пошлины, плата за якорную стоянку и налог на тоннаж судов возросли настолько, что в 1827 г. П.Е.Чистяков жаловался, будто торговля «делается хуже и хуже». Он писал, что торговле РАК с Калифорнией все больше и больше мешает установленная правительством пошлина в ужасных процентах на импортные товары и другие платежи за транспортировку; что скоро будет совершенно невозможно обменивать зерно на товары[216]. Итак, РАК стала в меньшей степени расплачиваться товарами и в большей — серебряными долларами и векселями (в 1832 г. помощник главного правителя лейтенант А.К.Этолин убеждал калифорнийцев принимать векселя) — оба эти способа не облагались пошлинами. В 1820-е гг. русские платили за якорную стоянку по 10 пиастров с каждого корабля и по $2^1/_2$ пиастра за тонну его водоизмещения, а также таможенные пошлины (которые выплачивались товарами), составлявшие 25% от цены проданных и 6% от цены купленных товаров; к 1835 г. плата за якорную стоянку была отменена, а налог на тоннаж судна давал право бросать якорь независимо от того, состоялся торговый обмен или нет, и если корабль стоял более двух суток, то его груз облагался пошлиной (частично в пиастрах), при этом было неважно, предназначался ли он для продажи или нет[217]. Дополнительную плату могли потребовать в связи с длительными ожиданиями судов в портах Калифорнии. В 1831 г. Ф.П.Врангель жаловался, что суда РАК должны были стоять по два или три месяца в Сан-Франциско, неся «огромные расходы», а к 1833 г. они проводили в ожидании до пяти месяцев[218]. Это объясняло причину роста цен на калифорнийское продовольствие и соответственно их падения — на русские товары, что делало торговлю компании с Кали-

---

[215] См. **HBCA**. — D. 4/121. — **Correspondence Inward, 1827–28. Aemelius Simpson — John McLoughlin, March 9, 1828.**

[216] **ГП РАК — П.Е.Чистякову, 13 апреля 1828 г., № 349** // NARS. — RRAC. — R. 6. — P. 123; **П.Е.Чистяков — ГП РАК, 28 апреля 1827 г., № 111** // Ibid. — R. 30. — P. 286 v.

[217] См. **Хлебников К.Т.** 1985. — С.125; **Литке Ф.П.** 1948. — С. 53; **Шур Л.А.** — С. 197–198.

[218] **Врангель Ф.П.** Донесение о плавании шлюпа Урупа в Калифорнии за покупкою пшеницы и проч. с приложением копии с рапорта Кап.-Лейт. Этолина и с контракта, заключенного с Г.Купером на промысел бобров в Калифорнии, 1 мая 1833 г., № 133 // АРГО. — Разр. 99. — Оп. 1. — Д. 36. — Л. 2 ; **Завалишин Д.** Дело о колонии Росс // Русский вестник. — 1866. — Т. 61. — С. 59.

форнией все менее выгодной: к началу 1830-х гг. покрывались лишь расходы на содержание судов, курсировавших между Сан-Франциско и Ново-Архангельском[219]. Действительно, К.Т.Хлебников утверждал, что ведение этой торговли мотивировалось не желанием извлечь прибыль, а необходимостью снабжения колоний хлебными припасами[220].

Уменьшение объемов поставок калифорнийского зерна можно объяснить не только более интенсивным, начиная с 1821 г., его экспортом из провинции, но и неурожаями 1823, 1826–1829 (непрерывно в течение четырех лет), 1835–1836, 1840 и 1845 гг. Причиной неурожая 1829 г. была особенно сильная засуха, в результате которой погибли большая часть посевов зерновых и до одной трети голов крупного рогатого скота[221]. В 1835 г. генерал-губернатор Восточной Сибири интересовался у главного правителя И.А.Купреянова, сможет ли компания снабжать зерном из Калифорнии Петропавловск и Охотск, а также Ново-Архангельск; на это последний ответил, что из-за частых неурожаев РАК с величайшим трудом приобретает в мексиканской провинции хлеб даже для удовлетворения потребностей Русской Америки (ежегодно 10 000 пуд.), не говоря уже о нуждах русского Дальнего Востока[222]. Весной 1836 г. после двух подряд неурожаев, охвативших Верхнюю Калифорнию, И.А.Купреянов сообщал о нехватке в колониях зерна и о том, что он распорядился привезти из Охотска около 3000 пуд. «свежей ржаной муки»[223].

Дальнейшее сокращение поставок продовольствия было связано с проведенной в середине 1830-х гг. секуляризацией миссий, приведшей к краху этих основных покупателей привозимых РАК товаров. Мексиканская революция была по своему характеру антиклерикальной и антиколониальной, и поэтому испанские священники стали для нее естественной мишенью. Русский путешественник писал, что в 1834 г. «старые кадры — уроженцы Испании — были заменены необразованными и корыстолюбивыми мексиканцами, хозяйственная часть управления перешла к правительству, которое для сего определило administradores гражданского ведомства; индейцам объявлена свобода...»[224]. Миссии быстро приходили в упадок. Их поки-

---

[219] См. **Литке Ф.П.** 1948. — С. 53.

[220] См. **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 130.

[221] См. **П.Е.Чистяков — ГП РАК, 4 мая 1830 г., № 70** // NARS. — RRAC. — R. 32. — P. 69.

[222] См. **И.А.Купреянов — генерал-губернатору Восточной Сибири, 3 мая 1837 г., № 53** // Ibid. — R. 39. — P. 54–54 v.; **И.А.Купреянов — ГП РАК, 3 мая 1837 г., № 129** // Ibid. — P. 126–127.

[223] См. **И.А.Купреянов — Охотской конторе, 4 мая 1836 г., № 157** // Ibid. — R. 38. — P. 85 v.

[224] **Врангель Ф.П.** Дневник путешествия из Ситхи в Санкт-Петербург через Мексику // Шур Л.А. — С. 272, сноска 12.

нули освобожденные туземцы и разграбили не гнушавшиеся ничем ранчерос (rancheros); пашни оказались заброшенными, крупный рогатый скот — забит, а мясо и шкуры — проданы иностранным купцам.

Все более неустойчивое положение в торговле с Калифорнией и ее дороговизна привели к тому, что РАК стала изыскивать иные районы, откуда можно было организовать поставки съестных припасов. После четвертого подряд неурожая, постигшего Верхнюю Калифорнию уже в 1829 г., правитель П.Е.Чистяков писал в Главное правление компании: «В Калифорнии нет никакой надежды получить 10 т. пуд хлеба, что здесь для годового содержания необходимого — четыре года я на опыте ето изведал. Причину объясняют одну и ту же, что там ныне неурожай. — И теперь я сомневаюсь, будет ли там когда-либо и урожай. И поистине я опять повторяю, что не стану посылать за хлебом в Калифорнию — где и дорого — и суда бывают по пяти месяцов — и приходят почти пустые»[225]. Не ранее 1831 г. в Ново-Архангельске удалось сделать запас калифорнийского зерна более чем на год. Этот источник стал таким ненадежным, что в 1828 г. Главное правление решило, начиная с 1829 г., посылать в колонии через Охотск ежегодно по 3000–4000 пуд. муки[226].

Тем временем Чили — другая бывшая испанская колония — стала представлять собой лучшую альтернативу в качестве поставщика продовольствия для Русской Америки. В 1830 г. из двухмесячного вояжа в эту страну вернулся шлюп «Байкал» под командованием лейтенанта А.К.Этолина, суперкарго на корабле был К.Т.Хлебников; судно доставило 9340 пуд. пшеницы, которая оказалась вдвое дешевле и в десять раз чище калифорнийской, поскольку в Калифорнии, по свидетельству П.Е.Чистякова, от всегдашнего почти неурожая, а более от несовершенного познания земледелия, мы с большим трудом, посылая туда два или три судна, не можем собрать того, что на «Байкале» привезено за один раз[227]. В 1831 г. главный правитель Ф.П.Врангель предупреждал губернатора Калифорнии Викторию, что РАК вновь закупит пшеницу в Чили и не будет больше приобретать ее в вверенной губернатору провинции до тех пор, пока не понизятся цена, пошлины и плата за якорную

---

[225] **П.Е.Чистяков — ГП РАК, 26 апреля 1829 г., № 92** // NARS. — RRAC. — R. 31. — P. 358–358v.

[226] См. **ГП РАК — П.Е.Чистякову, 13 апреля, № 358** // Ibid. — R. 6. — P. 157; **П.Е.Чистяков — ГП РАК, 26 апреля 1829 г., № 92** // Ibid. — R. 31. — P. 359; **П.Е.Чистяков — Охотской конторе, 1 мая 1829 г., № 107** // Ibid. — P. 368 v.

[227] См.**Ф.П.Врангель — ГП РАК, 26 мая 1830 г., № 140** // Ibid. — R. 32. — P. 165. В 1826 г. правитель П.Е.Чистяков докладывал, что одна десятая часть калифорнийской пшеницы содержала песок и гравий. См. **Ibid.** — R. 30. — P. 55.

стоянку[228]. Высказанная угроза, а также небывалый урожай в Калифорнии 1831 г. являлись причинами падения там цен на пшеницу до 3 руб. 30 коп. за пуд (с учетом стоимости транспортировки в Ново-Архангельск — 3 руб. 60 коп.) по сравнению с 2 руб. 60 коп. за пуд (но включая стоимость доставки — 3 руб. 46 коп.), что позволило Ф.П.Врангелю прийти к заключению, что плавание в Чили за пшеницей почти не давало преимущества[229].

Однако оно вновь возникло в связи с неурожаями в Калифорнии в 1835–1836 гг., совпавших с процессом секуляризации миссий. В начале 1836 г. в письме мексиканскому правительству Ф.П.Врангель заявил, что хлебная торговля Русской Америки с Калифорнией стала настолько дорогой и так затягивалась по времени, что предпочтительнее покупать зерно в Чили, так как русские корабли сначала должны были заходить за разрешением в Монтерей и затем ожидать погрузки пшеницы[230]. Поэтому зимой 1836/37 г. правитель И.А.Купреянов указывал на то, «сколь шатка надежда наша на постоянное продовольствие Колоний из Калифорнии, где нередко бывают совершенные неурожаи, а следствием сего и весьма высокие цены», и снарядил корабль «Елена» под командованием капитана Ильяшевича и с капитан-лейтенантом А.К.Этолиным на борту за зерном в Чили. Судно вернулось через семь месяцев «с полным грузом», обменяв рангоутный лес стоимостью 2750 пиастров на 17 287 пуд. пшеницы, муку и различные товары из Вальпараисо[231]. Таким образом, в 1837 г. в Ново-Архангельске имелось достаточное количество хлеба, что позволило И.А.Купреянову предложить к отправке в Охотск ежегодно до 500 пуд. ржаной муки[232], обратив вспять один из традиционных потоков продовольственного снабжения Русской Америки.

---

[228] См. **Ф.П.Врангель — командиру шлюпа «Уруп» лейтенанту А.К.Этолину, 28 января 1832 г., № 17** // Ibid. — R. 34. — P. 8.

[229] См. **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 6 мая 1832 г., № 139** // Ibid. — P. 121 v. Весной 1831 г. в чилийской пшенице, находившейся на складе в Ново-Архангельске, было обнаружено множество мошек (долгоносиков?). См. **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 30 апреля 1831 г., № 270** // Ibid. — R. 33. — P. 213.

[230] См. **Ф.П.Врангель — Монастерио, 28 февраля 1836 г.** // Шур Л.А. — С. 234, 235.

[231] См. **ГП РАК — И.А.Купреянову, 5 августа 1837 г., № 1127** // NARS. — RRAC. — R. 10. — P. 483–483 v.; // Ibid. — R. 11. — P. 277 v.; **И.А.Купреянов — ГП РАК, 3 мая 1837 г., № 172** // Ibid. — R. 39. — P. 185; **И.А.Купреянов — ГП РАК, 14 июня 1837 г., № 316** // Ibid. — P. 354–354 v.; **И.А.Купреянов — ГП РАК, 14 июня 1837 г., № 317** // Ibid. — P. 358–358 v.

[232] См. **И.А.Купреянов — ГП РАК, 14 июня 1837 г., № 322** // Ibid. — P. 375–375 v.

Секуляризация католических миссий в Калифорнии и отказ американцев от доставки припасов обратили взоры РАК на такой источник провианта, каким в 1840-е гг. была КГЗ. Но поскольку первая стремилась создать в Ново-Архангельске как можно бо́льшие запасы и снабжать продовольствием Камчатку, зерно продолжало ввозиться в Русскую Америку из Калифорнии. В 1844 г. правитель А.К.Этолин утверждал, что РАК надеется доставлять из этой мексиканской провинции ежегодно до 15 000 пуд. пшеницы[233]. Но в 1846 г. его преемник М.Д.Тебеньков доносил, что компания не может на это рассчитывать из-за большого притока в Калифорнию переселенцев из США[234]. И после открытия там золота в 1848 г. снабжение русских колоний съестными припасами дошло до критической отметки, так как «золотая лихорадка» привела к упадку сельского хозяйства в Калифорнии и скачку цен на продукты питания; более того, по истечении 10-летнего срока действия Соглашения, заключенного между РАК и КГЗ в 1839 г., последняя отказалась возобновить имевшийся в нем пункт, который предусматривал снабжение Русской Америки провизией, ссылаясь на потерю южной части Колумбийского отделения своих владений, перешедшей под юрисдикцию Соединенных Штатов согласно условиям англо-американского договора 1846 г. о пограничном размежевании, и отъезд многих тамошних жителей на калифорнийские золотые прииски[235].

Но «золотая лихорадка» вызвала лишь временный бум. К середине 1850-х гг. экономика, включая сельское хозяйство, вернулась к своему нормальному состоянию. В 1854 г. Ново-Архангельск еще раз обратился к Чили, купив там 11 112 пуд. муки[236], в 1858 г. оттуда же вновь было вывезено 1050 кулей (2907 1/2) пуд. муки[237], но с этого времени главными источниками продовольствия опять стали Калифорния, кругосветные вояжи как зафрахтованных кораблей, так и судов самой РАК. В 1855 г. главный правитель С.В.Воеводский писал в Главное правление компании: «При нынешнем развитии хлебопашества в Калифорнии и Орегоне /о чем впрочем подтверждает в полученном письме и Г.Сандерс [банкир компании в Сан-Франциско]/, я счел и надежнейшим и выгоднейшим во всех отношениях получать

---

[233] См. **А.К.Этолин — правителю Ново-Архангельской конторы Костромитинову, 13 сентября 1844 г., № 607** // Ibid. — R. 48. — P. 446–446 v., 447 v.; **А.К.Этолин — ГП РАК, 13 сентября 1844 г., № 610** // Ibid. — P. 455.

[234] См. **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 15 декабря 1846 г., № 728** // Ibid. — R. 52. — P. 133–133 v.

[235] См. **ОГП РАК** за 1848 г. — С. 36–37.

[236] См. **Розенберг — Ново-Архангельской конторе, 24 мая 1854 г., № 75** // NARS. — RRAC. — R. 60. — Pt. 2. — P. 48 v.

[237] См. **С.В.Воеводский — ГП РАК, 19 июля 1858 г., № 349** // Ibid. — R. 62. — Pt. 1. — P. 136.

провиант для Колоний из С.Франциско, нежели из прочих мест и даже Хили, откуда последняя полученная... мука обошлась очень дорого»[238]. Таким образом, с 1855 г. РАК продавала в Калифорнии озерный лед, соленую рыбу и лес, приобретая там муку, овощи, солонину, сливочное масло, соль и сено. В 1860 г. Главное правление предписывало правителю И.В.Фуругельму, чтобы «эти статьи продовольствия [калифорнийская белая и пшеничная мука, горох и солонина] на будущее время должны быть закупаемы в С.Франциско, и что из Европы они более не будут посылаемы в Колонии без особого от вас требования»[239]. Проще говоря, для компании было дешевле доставлять в Ново-Архангельск хлеб из Калифорнии, а не из России[240].

«Люди Короля Георга». Последним и самым коротким был период, когда иностранным источником снабжения продовольствием являлась КГЗ, монополизировавшая канадскую торговлю пушниной после своего слияния в 1821 г. с Северо-западной компанией. Это объединение распахнуло перед «Почтенной Компанией» тихоокеанские просторы, так как Северо-западная компания основала в 1800–1810-е гг. несколько факторий на р. Фрейзер и р. Колумбии. Пытаясь уменьшить расходы и увеличить годовой доход, правитель Дж.Симпсон проводил в 1820-е гг. в урезанном виде операции КГЗ на побережье Тихого океана. При этом он решил устранить конкуренцию со стороны американцев — «горцев», промышлявших речных бобров во внутренних районах, и «каботажников», т.е. судов, участвовавших в добыче каланов в прибрежных океанских водах. Таким образом, в районах р. Флэтхэд и р. Снейк на восточной и южной границах Колумбийского отделения компании (особенно в бассейне рек Фрейзер и Колумбии) речные бобры были умышленно истреблены ежегодно посылаемыми «экспедициями» траппперов, чтобы воспрепятствовать вторжению граждан США в регион. С целью подрыва «американской оппозиции» Дж.Симпсон построил на побережье фактории, создал флотилию торговых судов и понизил цены на товары. В связи с тем, что с конца 1780-х гг. было уничтожено и продано слишком много каланов, «бостонцы» уже больше не могли добывать этих животных в большом количестве, но через индейских посредников из племен, живших на побережье, они получали шкурки речных бобров, привозившиеся к Тихому океану из тех внутренних районов материка, которые не входили в состав заповедных владений КГЗ в Новой Каледонии.

Но американцы действовали умело, были жизнерадостны, и пока они снабжали Ново-Архангельск промышленными товарами и продо-

---

[238] **С.В.Воеводский — ГП РАК, 28 августа 1855 г., № 189** // Ibid. — R. 60. — P. 116.

[239] **ГП РАК — И.В.Фуругельму, 8 августа 1860 г., № 797** // Ibid. — R. 23. — P. 113.

[240] См. **ОГП РАК** за 1861 г. — С. 9–10.

вольствием, то могли извлекать прибыль из каботажной торговли[241]. Поэтому КГЗ решила ликвидировать это преимущество, заменив граждан США как снабженцев Русской Америки. С 1826 г. британская компания несколько раз безуспешно обращалась к главному правителю в Ново-Архангельске. На это имелись как политические, так и экономичесике причины. Например, в 1829 г. Дж.Симпсон предложил РАК ежегодно доставлять в российские колонии по 50–100 и более т грузов различных товаров непосредственно от английских фабрикантов по себестоимости продукции, с доплатой за фрахт и небольшую прибыль, а также привозить 4000–5000 бушелей (6645–8307 пуд.) зерна и 8000–10 000 фунтов (221–277 пуд.) соленой свинины; впоследствии предложение было видоизменено за счет исключения из его содержания вопроса о небольшой прибыли. Главное правление РАК подтвердило, что КГЗ представила «новый способ» и берется доставлять в колонии «некоторые товары, даже хлеб». В 1830 г. оно извещало Ф.П.Врангеля, что британское предложение заманчиво, ибо английские промышленные изделия «без всякого сомнения обойдутся нам гораздо дешевле покупаемых от Американцов...». Но далее утверждалось, будто британцы преувеличили ежегодные потребности Русской Америки в 10–20 раз (3000–6000 пуд. вместо 300 пуд.) и якобы «не стоит затруднять Гудсонскую Компанию такою малостию». Главное правление РАК также верило в то, что «без всякого сомнения» КГЗ могла снабжать русских более дешевым зерном, чем они покупали в Верхней Калифорнии, но Ново-Архангельску «ненадежно положиться на постоянную доставку хлеба, который составляет первую статью в Колониальном продовольствии... чрез Иностранную Компанию, с которою связи могут внезапно разрушиться», охладив англо-русские отношения. Но в качестве опыта РАК могла бы заказать 10 000 пуд. пшеницы[242]. Когда в 1832 г. над американскими и британскими судами нависла угроза

---

[241] Даже «бостонцы» привозили в Русскую Америку больше провианта, нежели промышленных изделий. Весной 1834 г. главный правитель Ф.П.Врангель заявлял, что с 1821 г. ощущалась «постоянная» нехватка товаров и он предупреждал Главное правление, что «в настоящее время наш товарный магазейн так пуст, что если не зайдет к нам Американец, то в отделы решительно ничего послать нельзя будет окроме соли, хлеба, некоторых материалов, чаю, сахару и рому». См. **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 10 апреля 1834 г., № 71** // NARS. — RRAC. — R. 36. — P. 91 v.

[242] **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 21 марта 1830 г., № 239** // Ibid. — R. 7. — P. 16 v.; **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 21 марта 1830 г., № 240** // Ibid. — P. 20 v.–22; **Дж.Симпсон — Ф.П.Врангелю, 20 марта (н.ст.) 1829 г.** // Ibid. — P. 25–26 v.; **Hudson Bay House — ГП РАК, 16 декабря (н.ст.) 1829 г.** // Ibid. — P. 27–27 v. Однако в 1832 г. Ф.П.Врангель доносил в Главное правление РАК, что предлагавшиеся КГЗ цены на товары «гораздо выше, нежели те, по каким в Колониях от Американцов покупаются те же предметы». См. **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 6 мая 1832 г., № 132** // Ibid. — R. 34. — P.103.

запрета торговли в прибрежной зоне (в связи с истечением 10-летнего срока действия русско-американской конвенции 1824 г. и русско-английской конвенции 1825 г.), хотя британские фактории продолжали существовать, Главный торговец Питер Скин Огден от имени КГЗ вновь предложил Ф.П.Врангелю разделить пополам район промыслов в «проливах», где бы действовало по одному кораблю с каждой стороны, и обе компании содержали бы их раздельно, что привело бы к вытеснению оттуда американцев и монополизации торговли. Ф.П.Врангель писал: «Это есть вернейший способ отвратить все худые последствия совместничества, чрезмерное повышение цен и старание каждой стороны вытеснить другого, — причем, конечно, мы бы остались в потере, не имея тех способов, какими гудзонская Компания хвалится, т.е. огромнейшие запасы товаров»[243]. Однако РАК отклонила это предложение, уверовав в то, что сама сможет конкурировать с фирмой-соперницей. Помимо этого, американцев уже знали и им доверяли, чего нельзя было сказать о британцах.

Но к середине 1830-х гг. КГЗ доминировала в каботажной торговле. Обладая более солидным капиталом, она была в состоянии понизить цену на товары и опередить американцев в получении мехов от индейцев. В 1834 г. истек срок действия русско-американской Конвенции 1824 г. и это влекло за собой недопущение купеческих судов граждан США в прибрежные районы, лежавшие севернее 54°40' с.ш. Видя, что прибыль упала до невероятно низкого уровня, в конце 1830-х гг. «бостонцы» отказались от ведения торговли на Северо-Западе Америки в пользу более выгодных и менее спорных предприятий, таких как китобойный промысел на Тихоокеанском Севере и торговля калифорнийскими кожами и салом.

Тем временем британцы вытесняли также и русских, предлагая индейцам товары лучшего качества и по более низким ценам. Из-за больших транспортных издержек РАК продавала товары намного дороже; эти товары присылались в Ново-Архангельск через Кронштадт или Охотск по ценам, в два раза превышавшим стоимость аналогичных изделий, привозившихся в Форт Ванкувер (штаб-квартиру Колумбийского отделения КГЗ, расположенную в низовье р. Колумбии) из Англии, и поэтому британская компания могла предложить колошам, жившим в «проливах», за пушнину в 2–3 раза больше того, что давала туземцам РАК[244]. В 1835 г. британцам тоже запретили появляться на побережье, поскольку закончился срок действия русско-английской Конвенции 1825 г., а невозможность в дальнейшем их плаваний в индейские селения привела к тому, что аборигены сами все еще посещали на каноэ фактории КГЗ.

---

[243] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 31 октября 1832 г., № 475** // Ibid. — R. 34. — P. 386 v.–387.

[244] См. **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 31 марта 1833 г., № 267** // Ibid. — R. 8. — P. 327 v.–328, 330 v.

Таким образом, к середине десятилетия Ново-Архангельск терял не только своих давних американских поставщиков. Кроме того, Русской Америке угрожала опасность прекращения прибыльной торговли с колошами. Тем временем в связи с периодически случавшимися неурожаями и секуляризацией миссий в Калифорнии доставка оттуда зерна являлась «иногда рискованной», как признался британцам главный правитель А.К.Этолин[245]. В те же годы фермы КГЗ в Колумбийском отделении, особенно Форт Ванкувер и Форт Лэнгли, стали производить излишки продуктов питания, тогда как ежегодно присылаемый компанией «лондонский корабль» легко мог привезти достаточное количество товаров и для Ново-Архангельска, и для Форта Ванкувер. И когда летом 1836 г. при посещении столицы русских колоний находившийся на борту корабля «Лама» главный комиссионер Дункан Финлейсон повторил предложение КГЗ разделить «поровну» за счет «бостонцев» прибрежную торговлю, снижая тем самым цены на пушнину и прекращая продажу индейцам огнестрельного оружия и спиртных напитков, оно должно было казаться привлекательным. И.А.Купреянов согласился с тем, что такой альянс окажется обоюдовыгодным, но оставив окончательное решение за Главным правлением РАК; кроме того, по свидетельству Д.Финлейсона, главный правитель Русской Америки уже обладал двухгодичным запасом товаров и «не считал благоразумным оказаться в полной зависимости от единственного источника снабжения, не получая взамен должной гарантии того, что на этот источник всегда можно рассчитывать». Британец также сообщал, что Купреянов подтвердил решение «отдать предпочтение английским, а не американским изделиям»; он полагал, будто снабжение российских колоний калифорнийской пшеницей было «иногда рискованным» делом и проявлял «большую заинтересованность» в ее доставке из Колумбийского отделения КГЗ, определяя ежегодные потребности Ново-Архангельска в пшенице цифрой 8000 бушелей (4000 фанег или 15 000 пуд.)[246].

Более того, второй срок действия Правил и Привилегий РАК истекал в конце десятилетия, и перед их продлением компания решила уменьшить свои издержки. Главное правление предписало колониальной администрации обратить самое пристальное внимание на постоянно и существенно возраставшие компанейские расходы в колониях и найти способы и пути их сокращения. Один из таких шагов заключался в уменьшении числа военно-морских офицеров

---

[245] **HBCA.** — B. 223/b/12. — Fort Vancouver — Correspondence Book, 1836. — **Duncan Finlayson — John McLoughlin, September 29, 1836.**

[246] См.**The Letters of John McLoughlin from Fort Vancouver to the Governor and Committee** / Ed. by E.E.Rich. First Series. — L., 1941. — P. 331–334; **И.А.Купреянов — ГП РАК, 3 мая 1837 г., № 165** // NARS. — RRAC. — R. 39. — P. 170 v.–171.

в качестве капитанов судов РАК, поскольку их жалованье год от года росло; другим шагом было сокращение числа чиновников, матросов и наемных работников в Ново-Архангельском порту и отделах колоний (в начале 1840-х гг. на работу нанимали колошей, которым платили меньше)[247]. Кроме того, понижались цены на припасы, ввозившиеся из владений КГЗ. Под давлением русского правительства, стремившегося заручиться в целом благосклонной позицией Великобритании в Восточном вопросе и особенно ее поддержкой в борьбе России за доступ в (черноморские) проливы[248], представитель РАК — бывший правитель, а к тому моменту директор компании Ф.П.Врангель и правитель КГЗ на Северо-Западе Америки Дж.Симпсон — встретились в Гамбурге и подписали соглашение сроком на десять лет, начинавшее действовать с 1 июля 1840 г.

По условиям этого соглашения (британцы называли его «Русским контрактом»), РАК должна была покинуть редут Св. Дионисия в устье р. Стикин (Стахин) и сдать в аренду побережье между м. Спенсера и зал. Креста (54°40' с.ш.) с получением ежегодной ренты в виде 2000 шкурок выдры; компания должна была также закрыть Ново-Архангельск для американских торговых судов и покупать привезенные ими товары лишь в случаях крайней необходимости. В свою очередь КГЗ отказывалась от претензий на уплату ей 22 150 ф. ст. (135 000 руб.) за причиненный в 1834 г. ущерб британскому бригу «Дриад» (так называемое «Ситкинское дело»), когда русские, находившиеся в редуте Св.Дионисия, запретили ему подняться вверх по р. Стикин, чтобы основать факторию и в ответ на это британцы потребовали разорвать англо-рускую Конвенцию 1825 г. КГЗ соглашалась продавать до 1848 г. в Ново-Архангельске ежегодно по 2000 шкурок выдр, добытых на территории западнее Скалистых гор, по цене 23 шилл. (7 руб.) за штуку и по 3000 шкурок этих зверьков, добытых восточнее Скалистых гор, соответственно — по 32 шилл. (10 руб.) за каждую, а также по 12 600 пуд. пшеницы (в 1840 г. продали 6300 пуд.) по 1 руб. за пуд., 443 пуд. пшеничной муки, 360 пуд. ячневой крупы, 360 пуд. гороха, 830 пуд. солонины, 83 пуд. ветчины и 443 пуд. сливочного масла и ежегодно привозить туда различные товары при стоимости фрахта 13 ф. ст. за тонну (1 руб. 40 коп. за пуд)[249].

---

[247] См. **А.К.Этолин — ГП РАК, 25 мая 1840 г., № 1** // Ibid. — R. 44. — P. 7v.–8.

[248] **Окунь С.Б.** — С. 204.

[249] См. **Записка Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, 10 декабря 1840 г., № 5568** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 368. — Л. 13–13 об.; **HBCA.** — F. 29/2. — **Russian American Company. — Miscellaneous Papers, 1824–1903. — «Agreement between the Hudson's Bay Company and the Russian American Company respecting certain Commercial Arrangements hereinafter noticed, signed at Hamburg, sixth day of February 1839»; Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 268–269, 351–352.

Соглашение было выгодно обеим сторонам. Оно предоставило КГЗ жизненно важную монополию в каботажной торговле, с тех пор как американцы лишались доступа на ново-архангельский рынок, без которого эта торговля не могла приносить прибыль, а русские потеряли пушнину с «арендовавшегося побережья континента», хотя все еще могли посылать свои суда в «колошские проливы». Британцы стали обладателями ценных мехов выдры, обитавшей в р. Стикин, и шкурки этого зверька в 1835 г. стоили в Кяхте — официальном центре русско-китайской торговли, по 78 руб. за штуку, тогда как выдры, добытые в других местах Аляски, продавались по 45 руб.[250] В 1843 г. КГЗ получила с арендованной территории 12 343 шкурки общей стоимостью около 8000 ф.ст. (48 000 руб.)[251]. Британская компания извлекала также прибыль из доставки и продажи припасов русским. В ее Колумбийском отделении цена пшеницы была 3 шилл. за бушель, а в Ново-Архангельске она продавалась по $5^1/_2$ шилл. при невысокой стоимости фрахта (половина шилл. за бушель); годовая сумма составляла примерно 750 ф.ст. (4500 руб.)[252]. Русские оплачивали КГЗ фрахт по 13 ф. ст. за тонну, но лишь одна треть этой суммы предназначалась судовладельцам; в 1844 г. прибыль составила приблизительно 4000 ф.ст. (24 000 руб.)[253]. Британская компания могла еще заработать на страховке, которую оформляли для РАК в Англии. В 1846–1853 гг. Российско-американская компания заплатила без компенсации за британские (преимущественно) и русские страховые полисы всего 155 000 руб. (эта сумма обычно представляла собой более трети ежегодного дохода РАК); в результате в 1854 г. были застрахованы только перевозки чая из Шанхая в Европу и доставка пушнины из Ново-Архангельска в Аян, а не грузы, отправлявшиеся на российских или зафрахтованных кораблях из Европы в колонии[254].

РАК также была удовлетворена Соглашением 1839 г.; конечно, она верила в то, что получила хороший документ, с тех пор как сданный в аренду англичанам берег стал «весьма беден речными

---

[250] См. **ГП РАК — Ф.П.Врангелю, 12 апреля 1835 г., № 491** // NARS. — RRAC. — R. 9. — P. 380.

[251] См. **HBCA.** — A. 12/2. — **Land Inward Correspondence from Governors H.B.C. Territories — George Simpson, 1836–45, Anonymous, «Remarks on the existing Agreement between the Hudson Bay Company and the Russian American Company under date 6th February 1839». October 30, 1844**; D. 4/66. — **Governor Simpson — Correspondence Book Outwards (General), 1844–45, «Remarks on existing Agreement between the Hudson Bay Company and the Russian American Company dated 6 February 1839», October 30, 1844.**

[252] См. **Ibid.**

[253] См. **Ibid.**

[254] См. **ОГП РАК** за 1854–1855 гг. — С. 25–27.

бобрами»; цены на привозные припасы были «очень умеренными», а колонии обеспечивались продовольствием «благонадежным образом» и, более того, эти поставки оплачивались векселями для представления в С.-Петербург; в случае же возникновения трещин в русско-английских отношениях, согласие между РАК и КГЗ сохранялось[255]. Русские были довольны и по некоторым иным причинам. Соглашение приглушало территориальные претензии и протесты США по поводу отказа от возобновления срока действия русско-американской Конвенции 1824 г.; ликвидировался источник конфликта с британцами в районе «проливов»; редут Св.Дионисия переносился и закрывалась контора Росс. При этом экономились большие финансовые средства и недостающие рабочие руки. Содержание редута Св. Дионисия в конце 1830-х гг. обходилось ежегодно в 12 000 руб. сер., а затраты на контору Росс в тот же период составляли 14 000–15 000 руб. в год. Продажа русских владений в Калифорнии принесла компании 42 875 руб. Ликвидация редута высвободила 23 человека, а продажа крепости Росс — 66 человек. Соглашение привело к снижению стоимости фрахта судов, доставлявших российские товары (на кораблях КГЗ цена тонны грузов составляла 65–94 руб., тогда как, соответственно, — на кораблях РАК — 194–254 руб., и на кораблях русского военного флота — 180 руб.), которые к тому же были застрахованы при перевозке только на британских судах[256].

Самым значительным в подписанном соглашении было то, что оно стабилизировало снабжение Русской Америки. В течение десяти лет РАК получала превосходные по качеству и умеренные по цене промышленные изделия и продовольствие, позволявшее компании обходиться без нерегулярного и сокращавшегося по объему снабжения из Калифорнии, а также от все более редких поставок, осуществлявшихся недобросовестными и ненадежными «бостонцами». В 1840 г. А.К.Этолин заявлял, что приняты «меры ... Главным Компании Правителем отныне снабжать Колонии товарами, припасами и провизиями: 1.,на судах, отправляемых прямо из Кронштата; 2., на судах Гудзонбайской Компании и 3., на судах, покупаемых для колониальной службы у Иностранцев...»[257]. Главное правление РАК предписывало властям колоний, «чтобы окроме как Агенту Гудзонской Компании, другим иностранцам не делать никаких заказов и не производить покупки», и Этолин заверял, что это «в точности

---

[255] См. **Список с рапорта ГП РАК — министру финансов, 3 марта 1839 г., № 40** // NARS. — RRAC. — R. 12. — P. 287 v.–289 v.

[256] См. **Окунь С.Б.** — С. 204–205; **ОГП РАК** за 1843 г. — С. 23, 25; **А.К.Этолин — ГП РАК, 9 мая 1842 г., № 289** // NARS. — RRAC. — R. 46. — P. 223 v.; **Тихменев П.А.** — Ч. 1. — С. 268–269, 365–366, 371–372.

[257] **А.К.Этолин — ГП РАК, 25 мая 1840 г., № 1** // NARS. — RRAC. — R. 44. — P. 7.

будет соблюдено»[258]. Весной 1840 г. барк «Ванкувер», принадлежавший КГЗ, впервые привез в Ново-Архангельск 5593 пуд. пшеницы, 494 пуд. чая, 112 пуд. гороха и 1000 пар одеял различных сортов и расцветок, и это обеспечило РАК запасом хлеба на два года[259]. С тех пор ежегодно согласно контракту приходили с грузами съестных припасов по 1–2 корабля КГЗ (см. табл. 5).

Хотя первоначально РАК иногда высказывала претензии по поводу неточно подобранного ассортимента, недостаточного количества или плохого качества товаров, доставлявшихся в столицу Русской Америки, или опоздания судов, что мешало транспортировке припасов в другие отделы РАК и на Камчатку, в целом же компания была очень удовлетворена и ввозившимися промышленными изделиями (из России и Англии), и продовольствием (из Колумбийского отделения КГЗ). Расписка в получении в 1840 г. первой партии грузов, прибывших на борту «Ванкувера», сопровождалась сообщением А.К.Этолина о том, что «все, вообще статьи [товары] кажутся отборными» и «хороших качеств». Далее правитель писал: «... чай доставлен в хорошем виде и доброте, свеж и крепок (что составляет большое удобство и выгодно для наших рабочих людей), не взирая на то, что он находился 10 месяцев в судне; порох сух и хорош, и совершенно соответствует пробам, равно и одеялы... Пшеница же, доставленная сей год на Ванкувере, отменно чиста и зерна довольно крупные, словом, так хороша, как нами никогда не получалась из Калифорнии». Единственное, на что он жаловался, так это на качество крашеных одеял, которые были грубы и недостаточно ярки, особенно красные, которые были необходимы для торговли с колошами[260]. Не только пшеница, но и все продовольствие из Колумбийского отделения было доброкачественнее калифорнийского провианта и приобреталось с меньшими проволочками; более того, пшеница из владений КГЗ не стоила дороже[261]. Поскольку провизию доставляли в Русскую Америку на кораблях британской компании, высвобождавшиеся при этом суда РАК могли выполнять другие

---

[258] **Ibid.**

[259] См. **А.К.Этолин — ГП РАК, 19 июля 1840 г., № 73** // Ibid. — P. 84–84 v. Цифра 5 593 пуд. (1 603 фанеги) пшеницы основана на следующем расчете: 1 фанега равна 126 английским фунтам [31½ русского фунта] (это первоначально составляло 150 испанских фунтов). См. **А.К.Этолин — ГП РАК, 13 мая 1841 г., № 248** // Ibid. — R. 45. — P. 263.

[260] **А.К.Этолин — ГП РАК, 19 июля 1840 г., № 73** // Ibid. — R. 44. — P. 84 v.–85; **А.К.Этолин — Дж.Г.Пелли, Дж.Симпсону и КГЗ, 19 июля 1840 г.** // Ibid. — P. 89; **А.К.Этолин — Дж.МакЛоглину (МакЛафлину), 19 июля 1840 г.** // Ibid. — P. 91 v.; **А.К.Этолин — Дж.Дугласу, 23 июля 1840 г.** // Ibid. — P. 98 v.

[261] См. **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 16 августа 1846 г., № 572** // Ibid. — R. 52. — P. 6 v.–7.

задания. В 1846 г. М.Д.Тебеньков подтвердил, что использование двух источников снабжения предпочтительнее, чем упование лишь на один, потому что в первом случае транспортировка надежнее и обходится дешевле[262]. Безусловно, с тех пор впервые продовольствие в изобилии регулярно стало поступать в русские владения, особенно после того, как в 1845 г. КГЗ смогла довести ежегодную продажу пшеницы в Ново-Архангельске до 33 229 пуд. Это стало возможным благодаря продуктам питания, произведенным в недавно основанной британцами дочерней Сельскохозяйственной компании залива Пьюджет (Pudget's Sound Agricultural Company) и закупкам припасов у все увеличивавшегося числа американцев, поселившихся в плодородной долине р. Уилламетт[263]. Конечно, приобретение такого большого количества съестных припасов, доставленных из Колумбийского отделения КГЗ, Калифорнии (Дж.Суттер платил натурой за покупку конторы Росс, продукты покупались также у ранчерос) позволило РАК снабжать даже Камчатку; и эта обязанность была фактически включена в условия третьих Правил и Привилегий компании 1842 г.

Ввозившиеся КГЗ промышленные товары тоже были прекрасного качества и имели умеренные цены. Согласно донесению, написанному в 1842 г., английские мануфактурные изделия были «лучших качеств и по цене несравненно дешевле той, по которой доселе доставлялись к нам статьи сии на Американских Судах...»[264].

Однако такое устойчивое положение сохранялось недолго. В 1846 г. Великобритания и США заключили Вашингтонский договор, разрешивший спор между ними об Орегоне, установив границу по 49°с.ш. от Скалистых гор до Тихого океана, это лишило британскую компанию ее самых продуктивных источников сельскохозяйственного производства в районе р. Колумбии (имеются в виду поселенцы на р. Уилламетт, Форт Ванкувер и Сельскохозяйственная компания залива Пьюджет). Начавшаяся в 1848 г. в Калифорнии «золотая лихорадка» и вызванная этим перспектива быстрого обогащения привели к оттоку туда сельского населения из Орегона. Комиссионер КГЗ Дж.Дуглас сообщал М.Д.Тебенькову, что английской компании будет очень трудно обеспечить РАК требовавшимся количеством съестных припасов, так как почти все белые поселен-

---

[262] См. **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 5 мая 1846 г., № 296** // Ibid. — R. 51. — P. 227 v.; **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 16 августа 1846 г., № 572** // Ibid. — R. 52. — P. 7–7 v.

[263] См. **НВСА.** — B. 223/z/4. — **Fort Vancouver — Miscellaneous Items, 1824–60, Henry Warre and M.Vavasour — the Secretary of State for the Colonies, November 1, 1845.**

[264] **А.К.Этолин — ГП РАК, 9 мая 1842 г., № 325** // NARS. — RRAC. — R. 46. — P. 253; **А.К.Этолин — начальнику Камчатки Н.В.Страннолюбскому, 9 мая 1842 г., № 183** // Ibid. — P. 136.

цы покинули свои фермы в Орегоне и уехали в Калифорнию[265]. В то же время РАК полагала, что сможет дешевле получать промышленные товары из России, Германии и Англии, используя при этом не суда КГЗ, а зафрахтованные корабли. Таким образом, когда в 1849 г. соглашение 1839 г. было продлено еще на десять лет, в него не вошло положение о продовольственном снабжении, и плата за фрахт была снижена с 13 ф. ст. до 10 ф. ст. за тонну[266].

4. Заключение

Долгое время и с большим трудом РАК стремилась удовлетворить потребности своих колоний в продуктах питания. Однако ее попытки практически осуществить это различными способами не имели большого успеха. Редко когда компании удавалось получить достаточное количество провизии, и зачастую скудный провиант был низкого качества. Очень сильная нехватка продовольствия ощущалась в середине 1800-х гг., в начале 1820-х гг. и в середине 1850-х гг. От голода колонии нередко спасала свежая, сушеная и соленая рыба, но даже ее не всегда было вдоволь: для сушки было мало солнца, а для засолки — иногда и соли. В 1834 г. главный правитель Ф.П.Врангель не преувеличивал, когда порицал жалкое состояние дел в колониях и их «всегдашнего оскудения в наинужнейших предметах...»[267]. Даже когда к 1860 г. Русская Америка импортировала до 30 000 пуд. зерна, 1495–1994 пуд. говядины, 1994 пуд. сливочного масла и 10 024 пуд. соли, теоретически каждый русский получал там в год меньше зерна, чем матрос военно-морского флота России за месяц[268].

Конечно, недостаточное снабжение провиантом было одной из сторон плачевного состояния колоний в целом, влиявшей на позицию русского правительства относительно этих владений. РАК всегда была осведомлена о серьезности проблемы продовольственного снабжения и энергично пыталась найти различные подходы к ее решению; она действительно исчерпала все свои возможности. Стремясь испробовать множество способов, компания по крайней мере избежала риска следовать только в одном направлении, что привело бы ее к полному краху, и, несомненно, РАК удалось пони-

---

[265] См. **М.Д.Тебеньков — ГП РАК, 14 мая 1849 г., № 216** // Ibid. — R. 55. — P. 150 v.

[266] См. **Тихменев П.А.** — Ч.2. — С. 154. — Примеч. 2.

[267] **Ф.П.Врангель — ГП РАК, 10 апреля 1834 г., № 59** // NARS. — RRAC. — R. 36. — P. 43 v.

[268] См. **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 117; **Там же.** — Ч. 2. — С. 92–94, 99, 102, 323, 326.

зить конкурентоспособную цену на продовольствие. Она убедилась, что снабжать Русскую Америку дешевле через кругосветные экспедиции, выходившие из Кронштадта, чем с помощью Охотского транспорта, но еще дешевле оказалась покупка товаров, привезенных на американских судах[269]. Единственным препятствием на пути такого многостороннего подхода являлось то, что иностранные источники, которые использовались успешнее остальных, не контролировались РАК. Но в действительности у нее был небогатый выбор, поскольку суровая окружающая среда в Русской Америке не способствовала развитию сельского хозяйства, и отдаленное географическое положение колоний затрудняло организацию быстрой доставки припасов. Эти две трудные жизненные реалии постоянно присутствовали в единственном заморском владении России, и изучение степени их влияния помогает объяснить причину того, почему в конце концов это владение было покинуто русскими[270].

---

[269] См. **ГП РАК — Ново-Архангельской конторе, 21 марта 1830 г., № 251** // NARS. — RRAC. — R. 7. — P. 56. Итак, по крайней мере теоретически одни и те же товары стоили в Ново-Архангельске по-разному. Например, в 1830 г. один аршин привезенного из Кронштадта первосортного холста стоил 60 коп., а худший по качеству холст из Охотска обходился покупателю уже в 75 коп.; ситец из Кронштадта продавали по 3 руб. 25 коп. за аршин, у «бостонцев» же его покупали по 2 руб. 50 коп.; «китайские леденцы» из Кяхты оценивались в 80 руб. за пуд, если их ввозили через Охотск, а если — через Кантон, то «бостонцы» просили за них по 52 руб.; «масло коровье», привезенное из Охотска, шло по 36 руб. за пуд, тогда как этот же продукт, изготовленный на Кадьяке и в Калифорнии, — соответственно по 20 руб. и 24 руб. См. **Ibid.** — P. 56–56 v.

[270] См. об этом: **Болховитинов Н.Н.** 1990.

Таблица 1

Плавания из Финского залива в залив Аляска, организованные РАК для снабжения колоний, 1803–1868 гг.

Годы	Название корабля	Судовладелец	Командир корабля	Экипаж	Тоннаж	Стоимость груза, вывозившегося в Русскую Америку *(в руб. асс.)*	Стоимость груза, ввезенного из Русской Америки *(в руб.асс.)*	Маршрут
1803–1806	«Надежда»	РАК	И.Ф.Крузенштерн	73	430	260 510	?	м.Горн — Петропавловск — м.Доброй Надежды
	«Нева»	РАК	Ю.Ф.Лисянский	53	370			м. Горн — Ново-Архангельск — м.Доброй Надежды
1806–1807	«Нева»	РАК	Л.А.Гагемейстер	43	370	131 593	778 526	м.Доброй Надежды — Ново-Архангельск — Петропавловск (остался в колонии)
1807–1810	«Диана»	ВМФ	В.М.Головнин	66	300	?	?	м.Доброй Надежды — Ново-Архангельск — Петропавловск (остался в колонии)
1813–1816	«Суворов»	РАК	М.П.Лазарев	47	335	246 476	1 000 000	м.Доброй Надежды — Ново-Архангельск — м.Горн
1816–1819	«Суворов»	РАК	З.И.Понафидин	41	335	184 385	900 000	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Горн
	«Кутузов»	РАК	Л.А.Гагемейстер	63	525	426 566 '.	1 000 000	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Доброй Надежды
1817–1819	«Камчатка»	ВМФ	В.М.Головнин	136	900	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Доброй Надежды
1819–1821	«Бородино»	РАК	З.И.Понафидин	124	600	798 927	800 000	м.Доброй Надежды — Ново-Архангельск — м.Горн
1820–1822	«Кутузов»	РАК	П.А.Дохтуров	84	525	441 215	1 109 368	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Горн

Продолжение таблицы 1

Годы	Название корабля	Судовладелец	Командир корабля	Экипаж	Тоннаж	Стоимость груза, вывозившегося в Русскую Америку *(в руб. асс.)*	Стоимость груза, ввезенного из Русской Америки *(в руб.асс.)*	Маршрут
1821–1822	«Рюрик»	РАК	Е.А.Клочков	34	180	142 741	?	м.Доброй Надежды — Ново-Архангельск (остался в колонии)
	«Елисавета»	РАК	И.М.Кислаковский	36	220	89 674	?	м.Доброй Надежды (продан в Кейптауне)
1824–1826	«Елена»	РАК	П.Е.Чистяков / М.И.Муравьев	51	400	462 004	?	м.Доброй Надежды — Ново-Архангельск — м.Горн
1825–1827	«Кроткий»	ВМФ	Ф.П.Врангель	50	?	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Доброй Надежды
1826–1829	«Моллер»	ВМФ	М.Н.Станюкович	88	?	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Доброй Надежды
	«Сенявин»	ВМФ	Ф.П.Литке	62	?	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Доброй Надежды
1828–1830	«Елена»	РАК	В.С.Хромченко	48	400	458 276	1 200 000	м. Доброй Надежды –Ново-Архангельск — м.Горн
1831–1832	«Сернарвон»	фрахт	Алдред	?	?	182 234	0	Лондон — м.Горн — Ново-Архангельск — ?
1831–1833	«Америка»	ВМФ	В.С.Хромченко	64	655	467 505	1 000 000	м.Доброй Надежды — Ново-Архангельск — м.Горн
1834–1836	«Америка»	ВМФ	И.И.Шанц	66	655	435 000	340 000	м.Доброй Надежды — Ново-Архангельск — м.Горн
1835–1836	«Елена»	РАК	М.Д.Тебеньков	48	400	350 000	?	м.Горн — Ново-Архангельск — (остался в колонии)
1837–1838	«Суффолк»	фрахт	Аллен	?	?	?	0	Бостон — м.Горн — Ново-Архангельск — ?

Продолжение таблицы 1

Годы	Название корабля	Судо-вла-делец	Командир корабля	Эки-паж	Тон-наж	Стоимость груза, вывозившегося в Русскую Америку *(в руб. асс.)*	Стоимость груза, ввезенного из Русской Америки *(в руб.асс.)*	Маршрут
1837–1839	«Николай I»	РАК	Е.А.Беренс	61	450	400 000	300 000	м.Горн — Ново-Архангельск — м. Горн
1839–1841	«Николай I»	РАК	Кадников С.В.Воеводский	49	450	500 000	130 000	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Горн
1840–1841	«Наследник Александр»	РАК	Д.Ф.Зарембо	36	300	122 580	?	м.Горн — Ново-Архангельск (остался в колонии)
1846–1848	«Ситха»	фрахт	И.Я.Конради	?	470	131 151	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Горн
1847–1849	«Атха»	фрахт	А.В.Ридель	?	?	часть из 147 145	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Горн
1848–1850	«Ситха»	фрахт	И.Я.Конради	?	470	часть из 95 109	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Горн
1849–1851	«Атха»	фрахт	А.В.Ридель	?	?	часть из 162 832	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Горн
1850–1852	«Ситха»	фрахт	Векман	?	470	105 448	?	м.Горн — Ново-Архангельск — ?
1850–1852	«Император Николай I»	РАК	И.Я.Конради	?	596	78 225	?	м.Горн — Ново-Архангельск — ?
1851–1853	«Атха»	фрахт	А.В.Ридель	?	?	12 123	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Доброй Надежды
1852–1854	«Мэри Рэй»	фрахт	?	?	?	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — ?
1852–1854	«Лоренсон»	фрахт	?	?	?	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — ?
1852–1854	«Цесаревич»	РАК	Б.Йорган	?	650	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Доброй Надежды

Продолжение таблицы 1

Годы	Название корабля	Судо-вла-делец	Командир корабля	Эки-паж	Тон-наж	Стоимость груза, вывозившегося в Русскую Америку *(в руб. асс.)*	Стоимость груза, ввезенного из Русской Америки *(в руб.асс.)*	Маршрут
1852–1857	«Император Николай I»	РАК	М.Ф.Клинковстрем Юзелиус	?	596	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Горн
1852–1857	«Турку»	кито-бойная компа-ния	Шил	26	500	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Горн
1853–1854	«Ситха»	РАК	И.Я.Конради	?	1200	244 691	?	м.Горн — Ново-Архангельск (захвачен неприятельским флотом)
1853–1855	«Аян»	кито-бойная компа-ния	Энберг	?	540	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск (сожжен неприятельским флотом)
1853–1857	«Камчатка»	РАК	А.В.Ридель	?	900	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Доброй Надежды
1856–1858	«Цесаревич»	РАК	Б.Йорган	?	650	75 621	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Доброй Надежды
1857–1859	«Камчатка»	РАК	Юзелиус	?	900	86 518	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Горн
1858–1861	«София Аделаида»	фрахт	?	?	?	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — ?
1858–1861	«Иоганн Кеплер»	фрахт	Янсен	?	?	100 677	?	м.Доброй Надежды — Ново-Архангельск — ?
1858–1862	«Царица»	РАК	А.В.Ридель	?	946	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Доброй Надежды

Продолжение таблицы 1

Годы	Название корабля	Судо-вла-делец	Командир корабля	Эки-паж	Тон-наж	Стоимость груза, вывозившегося в Русскую Америку *(в руб. асс.)*	Стоимость груза, ввезенного из Русской Америки *(в руб.асс.)*	Маршрут
1859–1861	«Цесаревич»	РАК	Б.Йорган	?	650	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Доброй Надежды
1859–1861	«Император Николай I»	РАК	Л.Т.Крогиус	?	596	122 473	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Горн
1859–?	«Луиза»	фрахт	?	?	?	?	?	?
1860–1863	«Камчатка»	РАК	А.В.Ридель	?	900	65 700	?	м.Горн — Ново-Архангельск — м.Доброй Надежды
1861–?	«Император Николай I»	РАК	Л.Т.Крогиус	?	596	72 105	?	м.Горн — Ново-Архангельск — ?
1862–1863	«Цесаревич»	РАК	Александров	?	650	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск (остался в колонии)
1862–1864	«Коста-Рика»	фрахт	?	?	?	76 498	?	м.Горн — Ново-Архангельск — ?
1863–1865	«София Хелена»	фрахт	Стовер	?	?	7 359	?	?
1864–1866	«Сусанна»	фрахт	Лиут	?	?	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — ?
1865–1867	«Камчатка»	РАК	?	?	900	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — ?
1866–1868	«Царица»	РАК	?	?	946	?	?	м.Горн — Ново-Архангельск — ?

Источники: **Ивашинцов Н.** Русские кругосветные путешествия // Записки гидрографического департамента. — 1849. — Кн. 7. — С. 1–116; 1850. — Кн.8. — С. 1–190; **[Хлебников К.Т.].** Статистические сведения о колониях Российско-Американской Компании // Коммерческая газета. — 1834. — № 80–81, 87, 90, 93, 96, 98–99; **ОГПРАК** за 1846–1858 гг.; **Тихменев П.А.** — Ч. 1–2; **NARS. — RRAC.** — R. 22. — P. 405; R. 34. — P. 360 v., 373 v.; R. 36. — P. 34 v.–35; R. 41. — P. 113–114 v.; R. 62. — Pt. 2. — P. 24.

Таблица 2

Заокеанские источники снабжения (в стоимостном выражении) Русской Америки, 1842–1863 гг.

Год	Через Сибирь *(руб.сер.)*	Через Европу	
		На русских судах *(руб. сер.)*	На зафрахтованных судах *(руб. сер.)*
1842	9 461	0	97 857
1843	16 233	0	120 371
1844	11 398	0	162 173
1845	23 914	0	122 909
1846	42 776	131 151	0
1847	20 327	147 145	
1848	18 837	95 109	
1849	17 291	162 832	
1850	35 690	78 225	115 379
1851	41 100	105 448	80 349
1852	23 882	12 123	155 569
1853	68 819	244 691	0
1854	?	0	0
1855	?	0	0
1856	45 376	75 621	249 580
1857	70 781 (включая поставки на 58 717 руб. по р.Амур)	86 518	125 621
1858	75 447 (включая поставки на 63 843 руб. по р.Амур)	100 677	158 818
1859	26 666	122 473	209 059
1860	37 325	65 700	148 357 (включая поставки из Сан-Франциско)
1861	56 064	72 105	140 558 (включая поставки из Сан-Франциско)
1862	49 100	76 498	222 780 (включая поставки из Сан-Франциско)
1863	56 135	7 359	163 846 (включая поставки из Сан-Франциско)

Источники: **ОГП РАК** за 1842 г. — С. 23; за 1843 г. — С. 18; за 1844 г. — С. 18; за 1845 г. — С. 18; за 1846 г. — С.18; за 1847 г. — С. 18; за 1848 г. — С. 18; за 1849 г. — С. 18; за 1850 г. — С. 7; за 1851 г. — С. 8; за 1852 г. — С.7–8; за 1853 г. — С. 9; за 1856 г. — С. 8; за 1857 г. — С. 12; за 1858 г. — С. 10; за 1859 г. — С.9, 82; за 1860 г. — С. 11; за 1861 г. — С. 10–11; за 1862 г. — С. 12; за 1863 г. — С. 13.

Таблица 3

Торговля РАК с американскими судами в Ново-Архангельске, 1801–1841 гг.

Год	Название судна	Капитан	Стоимость груза *(в руб.)*
1801	судно «Энтерпрайз»	Дж.Скотт	12 000
1802	судно «Алерт»	Дж.Эббетс	43 000
1803	судно «О'Кейн»	Дж.О'Кейн	10 000
1805	судно «Юнона»	Дж.Д'Вулф	12 320
1805	бриг «Мэри»	Трескотт	9 041
1805	судно «Юнона»	Дж.Д'Вулф	136 000 (включая стоимость судна)
1806	судно «О'Кейн»	Дж.Уиншип	9 768
1806	судно «Ванкувер»	Браун	3 530
1806	бриг «Пикок»	О.Кимболл	345
1806	судно «Эклипс»	Дж.О'Кейн	8 690
1807	бриг «Пикок»	О.Кимболл	7 921
1807	судно «О'Кейн»	Дж.Уиншип	4 049
1807	судно «Дерби»	Б.Свифт	18 036
1807	судно «Меркурий»	Дж.В.Эйрс	4 710
1808	судно «Дерби»	Б.Свифт	34 516
1809	судно «Меркурий»	Дж.В.Эйрс	1 210
1809	судно «О'Кейн»	Дж.Уиншип	40 427
1810	судно «Меркурий»	Дж.В.Эйрс	7 726
1810	судно «Энтерпрайз»	Дж.Эббетс	53 731
1810	судно «Изабелла»	У.Х.Дейвис, ст.	24 750
1811	судно «Меркурий»	Дж.В.Эйрс	25 400
1811	судно «О'Кейн»	Дж.Уиншип	10 889
1811	судно «Кэтрин»	У.Бланшард	22 050
1811	судно «Энтерпрайз»	Дж.Эббетс	94 843
1811	судно «Изабелла»	У.Х. Дейвис, ст.	19 693
1812	судно «Меркурий»	Дж.В.Эйрс	12 425
1812	бриг «Харон»	И.Уитмор	22 617
1812	судно «Бивер»	Хант	124 057
1812	судно «Аметист»	Т.Мик	35 477 (включая стоимость судна)

Год	Название судна	Капитан	Стоимость груза *(в руб.)*
1813	бриг «Харон»	И.Уитмор	6 065
1813	бриг «Атауальпа»	Дж.Сутер	27 753 (включая стоимость судна)
1813	бриг «Лидия»	Дж.Беннет	95 512 (включая стоимость кораблей «Лидия» и «Атауальпа»)
1813	бриг «Педлер»	Дж.Кларк	22 378
1813	судно «Изабелла»	У.Х.Дейвис, ст.	2 432
1814	бриг «Педлер»	У.Дж.Пигот	99 982
1815	бриг «Брутус»	Т.Мик	43 288
1817	шхуна «Лидия»	Г.Гайзлаар	33 204
1818	судно «Игл»	Т.Мик	11 730
1819	бриг «Брутус»	Д.Ней	68 340 (включая стоимость брига)
1819	судно «Игл»	Т.Мик	8 950
1819	бриг «Кларион»	Г.Гайзлаар	20 760
1819	судно «Волонтер»	Дж.Беннет	1 905
1820	бриг «Кларион»	Дж.Беннет	1 515
1820	бриг «Тадеуш»	Э.Бланшард	68 259
1820	бриг «Педлер»	У.Дж.Пигот	22 925
1821	бриг «Араб»	Т.Мик	64 695
1822	судно «Султан»	Дж.Кларк	4 495
1822	бриг «Педлер»	Дж.Мик	38 880
1822	бриг «Араб»	Т.Мик	105 890
1823	бриг «Перл»	Стивенс	3 405
1823	бриг «Араб»	Т.Мик	171 015 (включая стоимость брига)
1825	бриг «Лапуинг»	Э.Бланшард	213 275 (включая стоимость брига)
1825	судно «Парагон»	Уайлдз	6 060
1826	судно «Султан»	Хаммет	87 505

Год	Название судна	Капитан	Стоимость груза *(в руб.)*
1826	шхуна «Чинчилла»	Т.Мик	94 395
1826	бриг «Талли Хо»	У.Г.Макнилл	14 025
1827	бриг «Актив»	Коттинг	41 270
1827	бриг «Талли Хо»	У.Г.Макнилл	111 690 (включая стоимость брига)
1827	судно «Тритон»	Брайант	20 960
1827	бриг «Дайана»	Э.Бланшард	140 840
1827	шхуна «Чинчилла»	Т.Мик	116 135
1828	судно «Султан»	Аллен	47 305
1828	шхуна «Вашингтон»	Картер	28 255
1828	шхуна «Чинчилла»	Т.Мик	77 575
1829	судно «Геральд»	Хаммет	11 360
1829	судно «Волонтер»	Тейлор	1 485
1829	бриг «Плант»	Раттер	36 640
1829	шхуна «Алабама»	Де Брот	4 525
1830	судно «Султан»	Хайнцман	79 729
1830	бриг «Конвой»	Томпсон	135
1831	шхуна «Литтл»	Картер	4 540
1831	судно «Луиза»	Джонз	63 090
1831	бриг «Крусейдер»	Дж. Мик	10 615
1832	бриг «Смирна»	Баркер	73 285
1832	бриг «Лама»	У.Г.Макнилл	20 450
1832	бриг «Боливар»	Андервуд	27 915
1832	бриг «Крусейдер»	Питчер	64 440
1832	бриг «Дайана»	О.К.Литтл	70 000
1833	бриг «Дайана»	Картер	137 937
1834	шлюп «Ля Гранж»	Сноу	112 009
1834	шлюп «Европа»	Аллен	8 769
1834	бриг«Боливар-Освободитель»	Доминис	52 036
1834	бриг «Дайана»	Картер	112 231
1835	шлюп «Ля Гранж»	Сноу (?)	1 792
1835	бриг «Дайана»	Харт	60 369

Год	Название судна	Капитан	Стоимость груза *(в руб.)*
1835	бриг«Боливар-Освободитель»	Доминис	10 050
1836	бриг «Джозеф Пибоди»	Мур	33 844
1836	шлюп «Ля Гранж»	Сноу	55 074
1836 1836	бриг «Европа» бриг «Дайана»	Бентон Картер	142 822
1837	бриг «Гамильтон»	Баркер	189 350
1837	шлюп «Джоунз»	Доминис	4 515
1839	бриг «Клементайн»	Блинн	40 000–60 000
1839	бриг «Томас Перкинс»	Варни	85 535
1840	шлюп «Алсиоуп»	Клапп	41 750
1840	бриг «Джозеф Пибоди»	Доминис	44 540
1841	шлюп «Мореа»	Сноу	70 495

Источники: **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 44, 51–55 (табл.I), 115–119 (табл.а); **NARS. — RRAC.** — R.36. — P. 33, 221–221 v., 222 v.; R. 37. — P. 124 v.–125 v., 236 v., 438 v.–439, 444; R. 38. — P. 64, 106 v.–107 v., 169, 284 v.–285 v.; R 39. — P. 19, 20–20 v., 130–131 v., 360–363, 449; R. 40. — P. 181 v.; R. 41. — P. 113–113 v.; R. 42. — P. 292 v –293, 313 v.–314, 400 v., 402 v., 410–410 v., 439 v., 442, 443–443 v.; R. 43. — P. 116–117; R.44. — P.124 v.–125; R. 45. — P. 92–92 v., 184 v.–185.

Таблица 4

Продовольственный импорт РАК из Верхней Калифорнии в Ново-Архангельск, 1806–1848 гг.

Год	Название судна	Порт	Пшеница *(пуд.)*	Ячмень *(пуд.)*	Мука *(пуд.)*	Бобы и горох *(пуд.)*	Говядина *(пуд.)*	Сало и монтека *(пуд.)*
1806	«Юнона»	Сан-Франциско	2 516*	351*	«некоторое количество»*	560*	0*	«некоторое количество»*
1814	«Педлар»	Сан-Франциско	419	0	0	0	0	0
1815	«Чириков»	Сан-Франциско	1 510	0	0	0	0	0
1815	«Чириков»	Сан-Франциско	4 370	0	0	0	0	0
1816	«Ильмена»	Сан-Франциско	1 723	0	0	0	0	0
1817	«Кутузов»	Сан-Франциско	1 343	768	126	436	0	142
1818	«Кутузов»	Монтерей и Санта-Крус	11 775	1 500	80[1]	3 616	378	758
1820	«Булдаков»	Монтерей и Санта-Крус	12 660	750	169	652	182	273
1821	«Головнин»	Сан-Франциско	2 764	0	0	96	0	184
1821	«Кутузов»	Монтерей	4 350	900	0	1 226	510	336
1821	«Булдаков»	Сан-Франциско	7 050	0	11	0	0	181
1822	«Волга»	Монтерей	484	840	0	100	0	0
1822	«Булдаков»	Монтерей	3 848	600	114	608	126	223
1822	«Волга»	Санта-Крус	1 950	0	0	480	0	4
1823	«Рюрик»	Монтерей и Санта-Крус	2 783	345	71	344	119	132
1824	«Байкал»	Монтерей	4 939	1 200	0	0	0	357
1824	«Кяхта»	Монтерей и Санта-Крус	4 935	0	0	100	127	65
1824	«Булдаков»	Сан-Педро	7 069	0	0	0	0	98
1825	«Кяхта»	Монтерей и Сан-Франциско	5 663	0	0	156	0	181

Продолжение таблицы 4

Год	Название судна	Порт	Пшеница *(пуд.)*	Ячмень *(пуд.)*	Мука *(пуд.)*	Бобы и горох *(пуд.)*	Говядина *(пуд.)*	Сало и монтека *(пуд.)*
1825	«Байкал»	Сан-Педро и Сан-Франциско	1 989	18	0	0	0	15
1826	«Байкал»	Сан-Педро,Сан-Диего, Монтерей, Санта-Крус	5 511	147	кукуруза 168	650	323	185[2]
1826	«Охотск»	Сан-Франциско	3 188	0	0	0	0	0
1827	«Головнин»	Монтерей и Санта-Крус	2 584	810	280	740	11	16
1827	«Охотск»	Сан-Франциско	1 088	0	0	0	188	150
1827	«Байкал»	Сан-Педро и Сан-Диего	2 216	312	104[3]	120	0	148[4]
1828	«Кяхта»	Сан-Франциско	3 887	0	112	52	133	152[5]
1828	«Охотск»	Монтерей и Сан-Диего	2 338	0	12	294	50	40[6]
1830	«Байкал»	Монтерей и Сан-Франциско	8 288	0	200	400	340	362
1831	«Уруп»	Монтерей и Сан-Франциско	7 826	0	20	240	0	365
1832	«Уруп»	Сан-Франциско	9 158	0	0	148	0	0
1833	«Уруп»	Сан-Франциско	7 912	0	0	1 123	127	348
1834	«Полифем», «Уруп»	Монтерей, Сан-Франциско	15 538	?	?	?	«некоторое количество»	?
1835	«Полифем»	Сан-Франциско	4 652	0	0	0	?	0
1836	«Ситха»	Сан-Франциско	0	0	0	0	?	0[7]
1837	«Ситха»	Сан-Франциско	8 223	0	0	0	?	0
1838	«Ситха»	Сан-Франциско	15 008	0	0	0	?	0
1839	«Елена»	Сан-Франциско	13 956	0	0	0	?	0
1839	«Ситха» [?]	Сан-Франциско	7 920	0	0	0	?[8]	0
1840	«Байкал», «Ситха» [?]	Сан-Франциско	21 981	0	0	0	?	0

Продолжение таблицы 4

Год	Название судна	Порт	Пшеница *(пуд.)*	Ячмень *(пуд.)*	Мука *(пуд.)*	Бобы и горох *(пуд.)*	Говядина *(пуд.)*	Сало и монтека *(пуд.)*
1844	«Наследник Александр»	Сан-Франциско	7 055	0	0	0	?	0
1845	«Байкал», «Константин»	Сан-Франциско	6 636–7 327	0	0	0	?	0
1846	«Константин»	Сан-Франциско	4 536[9]	279	0	13	302	117–144
1846	«Байкал»	Сан-Франциско	6 958	0	0	0	?	0
1847	«Наследник Александр»	Сан-Франциско	7 837[10]	0	0	«некоторое количество»	130 [голов]	«некоторое количество»
1848	«Охотск»	Сан-Франциско	0	0	0	0	500	0

* До 1840 г. данные цифры основаны на соответствующих эквивалентах, заимствованных у К.Т.Хлебникова: 3 пуд. 30 фунтов равны одной фанеге пшеницы. 3 пуд. — фанеге ячменя, 4 пуд. — фанеге гороха и бобов (фриголи), а также кукурузы, 28 фунтов приравнены арробе муки, мяса,сала, лярда и сливочного масла. См. **Хлебников К.Т.** 1985. — С.126, 201. Начиная с 1840 г., подсчеты сделаны на основе новоархангельских эквивалентов: 3½ пуд. равен фанеге пшеницы и ячменя (см. **NARS. — RRAC.** — R.45. — P. 263).

Кроме того, один куль муки или сала обычно весил 9 пуд., а боченок муки или солонины — 5½ пуд.

[1] В другом месте К.Т.Хлебников отмечал, что «Кутузов» имел на борту 15 000 пуд. зерна. См. **Хлебников К.Т.** — 1835. — С. 173; Ф.П.Литке утверждал, будто «Кутузов» вез 18 000 пуд. пшеницы. См. **Шур Л.А.** — С. 140.

[2] А также 105 пуд. сливочного масла.

[3] А также 56 пуд. муки.

[4] А также 56 пуд. сливочного масла.

[5] А также 19 пуд. сливочного масла.

[6] А также 56 пуд. сливочного масла.

[7] А также 1650 пуд. муки.

[8] По сведениям врача РАК, находившегося в Ново-Архангельске, в конце 1830-х гг. ежегодно из Калифорнии импортировалось 886–1329 пуд.солонины (**Blaschke E.** Topographia Medica Portus Novi-Archangelscensis. — Petropoli, 1842. — P. 53.)

[9] Вся эта пшеница была получена от Дж.Суттера как часть оплаты за контору Росс (см. **NARS. — RRAC.** — R. 52. — P. 480 v.).

[10] В том числе 858 пуд., полученные от Дж.Суттера частично в счет выплаты за покупку конторы Росс (см. **NARS. — RRAC.** — R. 54. — P. 18, 280 v.).

Источники: **Хлебников К.Т.** 1985. — С. 50, 124 (табл. а), 125 (табл. б); **Хлебников К.Т.** — 1835. — С. 105, 169–171, 173; **NARS. — RRAC.** — R.37. — P. 137 v.; R. 38. — P. 105, 283–283 v.; R. 39. — P. 138 v.; R. 40. — P. 51; R. 41. — P. 338; R. 42. — P. 86 v.; R. 43. — P. 17, 33, 313; R. 50. — P. 51; R. 51. — P. 163, 286; R. 52. — P. 133, 338 v., 339 v., 479 v., 480 v.; R. 54. — P. 280 v., 282, 283; R. 55. — P. 123 v.

Таблица 5

Доставка продовольствия в Ново-Архангельск Компанией Гудзонова залива, 1840–1849 гг.

Год	Название судна	Пшеница *(пуд.)*	Мука *(пуд.)*	Сухари *(пуд.)*	Горох *(пуд.)*	Свинина *(пуд.)*	Говядина *(пуд.)*	Сливочное масло *(пуд.)*	Хмель *(пуд.)*
1840	«Ванкувер»	5 593	0	0	0	0	0	0	0
1841	«Колумбия»	10 799	0	0	?	0	0	?	0
1842	«Ванкувер»	?	?	0	0	0	0	?	0
1843	«Ванкувер», «Колумбия»	15 475	1 141	0	487	0	926	151	1
1844	«Колумбия», «Каулиц»	25 919	1 085	0	479	166	934	127	2[1]
1845	«Ванкувер»	13 318	1 085	0	479	0	930	127	2
1846	«Колумбия»	28 280	2 214	0	453	0	897	93	2[2]
1847	«Каулиц»	21 712	1 427	9	450	83	925	95	0
1848	«Каулиц»	14 033	1 422	9	548	125	897	93	1
1849	«Колумбия»	13 084	1 422	9	529	0	820	93	0

[1] А также 2 бочки пикулей, 7½ пуд. сушеных яблок и 578 ведер мелассы.

[2] А также 87 пуд. баранины.

Источники: **HBCA, Fort Vancouver — Account Books.** — B. 223/d/133 [1840]. — P.38 v; B. 223/d/150 [1843–1844]. — P. 35 v.; B. 223/d/158 [1844–1845]. — P. 76 v.; B. 223/d/161 [1845–1846]. — P. 39; B. 223/d/166 [1846–1847]. — P. 9 v.; B. 223/d/179 [1847–1848]. — P. 8 v.; B. 223/d/183a [1848–1849]. — P. 11 v.; B. 223/d/190 [1848–1850]. — P. 15.

Глава

8

РУССКАЯ АМЕРИКА в 1850-е гг.: РАК И КРЫМСКАЯ ВОЙНА

1. Участие РАК в освоении Приамурья и Сахалина. Хозяйственное развитие российских колоний в первой половине 1850-х гг.

Начало 1850-х гг. было ознаменовано заметными переменами в экономической деятельности Российско-американской компании, связанными в первую очередь с рядом политичееких обстоятельств и процессов на международной арене. Так, потеряв фермы в Орегоне, отошедшем по договору 1846 г. к США, англичане из компании Гудзонова залива отказались в конце 1840-х гг. обеспечивать Русскую Америку продовольствием. Это потребовало от руководства РАК изменения в стратегии снабжения колоний всем необходимым. Ставка была сделана на кругосветные экспедиции, для чего компания решила усилить свой океанский флот. В течение только четырех лет РАК приобрела четыре крупных судна: в 1850 г. корабль «Император Николай I» (598 т), в 1851 г. — «Цесаревич» (529 т), в 1852 г. — «Ситха» (1200 т) и в 1853 г. — «Камчатка» (900 т).

Покупка этих судов пришлась как нельзя кстати, поскольку начиная с 1853 г. обмен аляскинской пушнины на чай в Кяхте оказался сильно затруднен из-за восстания тайпинов в Китае. Поэтому РАК обратила серьезное внимание на экспорт чая морем из китайского порта Шанхай. Регулярная доставка чая оттуда в Петербург началась еще в 1851 г., и в течение 9 лет РАК получила от этой торговой операции чистой прибыли до 1 475 000 руб. сер. (или по 164 000 руб. в год). Государство тоже не осталось в накладе: таможенные пошлины за ввоз чая составили за эти годы более миллиона рублей серебром[1]. Всего за период 1850–1859 гг. посредством развития морской торговли РАК увеличила импорт и продажу китайского чая в три раза. Правда, и закупочные цены, как и пошлины за него, выросли за десятилетие примерно в такой же пропорции. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что именно благо-

[1] **Доклад Комитета**. — Ч. 1. — С. 389.

даря развитию новых транспортных маршрутов китайского чая в Россию РАК сумела избежать в 1850-х гг. серьезного финансового кризиса.

В начале 1850-х гг. внимание РАК в значительной мере перемещается с Аляски на Дальний Восток, а конкретнее — в Приамурье и на Сахалин. Компания приняла живейшее участие в реализации проектов царского правительства в закреплении этих территорий за империей, находясь на острие ее экспансии на Дальнем Востоке. При помощи судов РАК, сухопутных и байдарочных экспедиций еще во второй половине 1840-х гг. были описаны дельта р. Амур и прилегающие районы (см. главу 5). В 1850 г. компания при поддержке военных моряков с транспорта «Байкал» под начальством Г.Н.Невельского основала в устье Амура селение Петровское, куда вскоре прибыл бриг РАК «Охотск» с подкреплениями. Так было положено начало русской колонизации Приамурья. Идя навстречу пожеланиям правительства, РАК решила усилить свое присутствие в крае, направив в него дополнительные отряды служащих, и даже намеревалась выстроить там пароход. Охранять новые русские поселения должны были казаки якутского полка и охотской сотни, находившиеся на содержании Российско-американской компании. Правительство согласилось профинансировать РАК в ее колонизационных начинаниях и ассигновало на эти цели 50 тыс. руб. сер. В июле 1851 г. военный транспорт «Байкал» и бриг РАК «Шелихов» доставили на Амур первых русских поселенцев, товары, припасы, скот и лошадей. Однако вскоре экспедицию постигла крупная неудача: 18 июня «Шелихов» получил пробоину от удара о подводный камень и затонул в зал. Счастья. Вместе с судном погибло немало ценного груза. Впрочем, эта потеря РАК была компенсирована правительством, выдавшим компании 36 000 руб.сер.[2] Уже с 1852 г. РАК начала активную скупку пушнины у приамурских народов и торговлю с маньчжурскими купцами, посещавшими русские поселения на Амуре. Однако доходы от этих операций не перекрыли предыдущие расходы, как и текущие затраты РАК на освоение Приамурья. Ассигнованная же от казны сумма в 50 тыс. руб. также не могла восполнить все издержки. Поэтому компания была вынуждена отказаться от дальнейших планов расширения своего присутствия в низовьях Амура. Кроме того, в апреле 1853 г. император возложил на РАК задачу колонизации о-ва Сахалин, что также потребовало экстренных расходов. И хотя еще в 1854–1855 гг. компания продолжала довольно успешно торговать в трех своих амурских факториях и посылать подвижные партии для скупки пушнины у туземцев, дни ее присутствия в этом регионе были сочтены. После окончания Крымской войны ей пришлось почти полностью оста-

---

[2] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 74–78.

вить Приамурье: РАК не смогла выдержать свободной конкуренции с сибирскими купцами, объединившимися в Амурскую компанию, а также и с иностранными (главным образом американскими) капитанами, доставлявшими на своих кораблях товары из Сан-Франциско и азиатских портов прямо на Амур[3].

В целом «амурские дела» дорого обошлись Российско-американской компании. С 1849 по 1854 г. ее прямые финансовые потери составили около 72 000 руб. сер., не считая незначительного дохода от приобретения пушнины у местных жителей (около 9500 руб. сер.)[4]. Слабой моральной компенсацией для компании стало монаршее «благоволение», последовавшее 14 августа 1859 г., «за ревностное участие в исполнении предначертаний правительства в деле возвращения России Приамурского края»[5].

Сходным образом сложились дела РАК и на Сахалине. Одной из главных побудительных причин ускоренной колонизации этого острова стала резкая активизация американского военного флота на Дальнем Востоке. В 1852–1855 гг. военные корабли США крейсировали от Берингова до Китайского моря и в 1854 г. вместе с англичанами вели боевые действия против Шанхая. Чуть раньше эскадра американского коммодора Мэттью Перри принудила японцев открыть свои порты для внешней торговли[6]. Царские власти опасались, что в скором времени американцы смогут предъявить свои права и на Сахалин, начав колонизацию острова, в южной части которого имелось лишь несколько небольших японских селений[7]. Для противодействия возможной экспансии США и закрепления русских в устье Амура правительство приняло решение основать еще несколько поселений на о-ве Сахалин, также под эгидой Российско-американской компании. Находившийся в 1853 г. у берегов острова морской офицер В.А.Римский-Корсаков писал своим родителям: «Без сомнения, вам уже известно, что Сахалин отдан теперь по высочайшей воле во владение Р[оссийско]-А[мериканской] компании, и эта мера чрезвычайно полезна на первое время. Компания эта скорее всех прочих может здесь предпринять и развернуть торговлю, потому что ее средства отсюда близки, да и в море этом она более дома, нежели кто-либо в России...»[8].

---

[3] **Там же.** — С. 84, 94–95.

[4] Подсчитано по: **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 95.

[5] **ОГП РАК за 1859 г.** — С. 9–10.

[6] **Ефимов А.В.** США: пути развития капитализма. — М., 1969. — С. 505–506; История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877. — М., 1994. — С. 267–274.

[7] **Алексеев А.И.** Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. — М., 1982. — С. 78, 80.

[8] **Римский-Корсаков В.А.** Балтика — Амур. — Хабаровск, 1980. — С. 122.

Во исполнение «высочайшей воли» РАК оставалось лишь «взять под козырек» и приступить к разработке планов колонизации Сахалина, включавших строительство двух вооруженных пушками редутов на западном и южном побережье острова. Людей (около 200 человек) для новых поселений компания предполагала частью перебросить из Аяна и с устья Амура, а частью доставить на кругосветных судах РАК. В ответе правительству Главное правление компании выражало надежду, что если по прошествии трех лет с начала колонизации Сахалина ее убытки будут существенны, то казна возьмет на себя их возмещение. Более того, не располагая свободными капиталами для начала освоения острова, РАК заранее попросила правительственную субсидию на 50 000 руб. сер.[9]

Получив формальное согласие РАК, император Николай I, лично занимавшийся «сахалинским вопросом», уже в апреле 1853 г. повелел компании немедленно занять остров и «владеть им на тех же основаниях, как владеет она другими землями, упомянутыми в ее привилегиях». Для выполнения этой задачи в распоряжение РАК передавались воинские команды (солдаты и офицеры), а уже в 1854 г. Сахалином должен был руководить особый правитель, подчинявшийся «в политическом отношении» генерал-губернатору Восточной Сибири. РАК обязывалась не допускать на острове иностранных поселений и охранять его берега с помощью своих вооруженных судов. На все эти цели казна безвозмездно предоставляла компании запрашиваемую ею сумму (50 000 руб.)[10].

Выполняя распоряжение правительства, 20 сентября 1853 г. корабль РАК «Император Николай I» под командой шкипера Клинковстрёма и под общим руководством капитана Невельского прибыл в одну из бухт зал. Анива, невдалеке от главного японского селения на острове. На судне находилась воинская команда и служащие РАК вместе с товарами и припасами, необходимыми для зимовки на острове. После формальных переговоров с японцами, согласившимися «по настоянию» Невельского уступить русским место для сооружения редута, на берег был высажен десант и перевезены все необходимые грузы. Японцы поспешили удалиться от столь опасного, как они полагали, соседства, бросив свое селение и большую часть имущества на произвол пришельцев.

Основанный в зал. Анива пост был назван «Муравьевским» в честь генерал-губернатора Восточной Сибири и оснащен батареей из 8 орудий. 26 сентября «Император Николай I» ушел из зал. Анива, оставив здесь на зимовку 58 солдат под командой лейтенанта Н.В.Рудановского и майора Н.В.Буссе. Однако начавшаяся Крымская война спутала планы русской колонизации Сахалина. Вице-

---

[9] **ГП РАК — МИД, 22 марта 1853 г.** // Тихменев П.А. — Ч. 2. — С. 99–100.

[10] **Высочайшее повеление Николая I, апрель 1853 г.** // Там же. — С. 101.

адмирал Е.В.Путятин, прибывший с эскадрой к берегам Приморья, отдал распоряжение об эвакуации Муравьевского поста в 1854 г., так как его невозможно было защитить от атаки английских и французских фрегатов. А уже после окончания войны царь по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири приказал немедленно передать Сахалин из формального владения РАК в руки правительства, хотя в распоряжении компании продолжали оставаться принадлежавшие ей незначительные постройки. Так закончилась «сахалинская эпопея» РАК, принесшая ей убытки в размере 79 619 руб. сер., из которых казна покрыла только 50 тыс.[11]

В целом общие финансовые затраты Российско-американской компании на освоение Приморья и Сахалина, включая содержание корабля РАК «Князь Меньшиков», прикомандированного к тихоокеанской эскадре графа Путятина, а равно и потери судов («Шелихов», «Ситха» и «Охотск»), которых можно было избежать, отказавшись от выполнения правительственных заданий, составили весьма значительную сумму в 388 251 руб. сер. Казна же компенсировала компании всего 135 889 руб.[12] Таким образом, РАК фактически пожертвовала в пользу государства 252 362 руб. сер. Правда, председатель ГП РАК генерал-лейтенант В.Г.Политковский был награжден императором «за личное живейшее и полезное участие его в столь важном деле и за направление действий Компании в видах правительства, производством ему пожизненного пенсиона по две тысячи рублей серебром в год»[13]. Тем не менее, не подлежит сомнению, что крупные затраты компании на освоение Дальнего Востока в начале 1850-х гг. отнюдь не способствовали успехам российской колонизации в Америке.

Хозяйственная жизнь колоний в это время продолжала идти по давно заведенному порядку. Главной задачей, как и прежде, было получение максимально возможного количества ценной пушнины, и в первую очередь калана, которого промышляли байдарочные флотилии зависимых от РАК туземцев. Например, в 1851 г. «нучекская» партия[14], состоявшая в основном из эскимосов чугачей, добыла в районе между о-вом Кадьяк и зал. Якутат 149 шкурок калана, а «кадьякская» партия в окрестностях одноименного острова — 240 шкурок. В 1852 г. эти байдарочные флотилии вновь отправились на промысел[15].

---

[11] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 105–111.

[12] **Краткое историческое обозрение образования и действия Российско-Американской компании с самого начала учреждения оной и до настоящего времени.** — СПб., 1861. — С. 81.

[13] **ОГП РАК за 1859 г.** — С. 10.

[14] То есть сформированная на о-ве Нучеке (Хинчинбрук), где находился Константиновский редут.

[15] **Н.Я.Розенберг — ГП РАК, 4 июня 1852 г.** // NARS. — RRAC. — R. 58. — P. 204.

Особенно удачным оказался 1851 г., когда количество вывезенных из колоний мехов было значительно больше, чем в предыдущие годы. Правда, приобретение речных бобров у индейцев внутренних районов Аляски неуклонно падало. Причиной этого, по мнению Главного правления РАК, были участившиеся межплеменные и межобщинные столкновения туземцев, значительно осложнявшие пушную торговлю[16]. Так, 4 февраля 1851 г. индейский военный отряд с р. Коюкук напал на селение индейцев, живших у русской одиночки (фактории) Нулато на Юконе. Атаке подверглась и сама одиночка. Однако нападавшие были с уроном отбиты. Потери были и у русских: погиб начальник фактории Василий Дерябин и были смертельно ранены служащий компании (алеут) и английский лейтенант Бернард, прибывший в Нулато с британского военного шлюпа «Энтерпрайз» для поисков пропавших участников третьей полярной экспедиции Франклина[17]. По мнению руководства РАК, причиной нападения на русскую факторию стали подстрекательства эскимосов малеймютов, а также чукчей, недовольных деятельностью агентов РАК, перехватывавших на Юконе меха, поставлявшиеся ранее на побережье Берингова пролива, а оттуда на Чукотку[18].

После нападения индейцев фактория в Нулато была значительно укреплена и фактически превратилась в настоящий редут, хотя и сохранила название «Нулатовской одиночки». Она состояла из двух казарм, двухэтажного дома и других построек, окруженных деревянной стеной с двумя башнями на противоположных углах[19]. Такие укрепления были нелишни, поскольку и в 1852 г. индейцы вновь угрожали напасть на одиночку. Поэтому РАК вынуждена была перебросить туда подкрепления из Михайловского редута. Торговля была

---

[16] **ОГП РАК за 1851 г.** — С. 4.

[17] В октябре 1850 г. в Ново-Архангельск прибыл британский военный шлюп «Энтерпрайз», посланный из Англии в предыдущем году на поиски пропавшей экспедиции полярного исследователя Джона Франклина, пытавшегося в 1845–1847 гг. отыскать северо-западный проход из Атлантического океана в Тихий и бесследно исчезнувшего во льдах Арктики вместе со своими судами «Эребус» и «Террор». Команда шлюпа «Энтерпрайз» была снабжена в Ново-Архангельске всем необходимым, а главный правитель колоний по ходатайству британского правительства выделил для содействия в поисках 9 байдарок с алеутами. В начале ноября шлюп ушел на зимовку в Гонконг, намереваясь весной 1851 г. прибыть в Михайловский редут и взять там высланные байдарки и алеутов для начала поисков Франклина и его спутников (**ОГП РАК за 1851 г.** — С. 23).

[18] **Мамышев В.Н.** Американские владения России // Библиотека для чтения. — 1855. — Т. CXXX. — № 2. — С. 246; **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 202.

[19] **Фуругельм И.В.** Отчет по управлению Российско-американскими колониями с 1859 по 1864 год капитана 1 ранга Фуругельма. — СПб., 1864. — С. 51.

восстановлена, а враждебные индейцы коюконы с р. Коюкук не решились повторить нападение[20].

В ноябре 1855 г. произошел еще один инцидент, когда несколько туземцев захватили Андреевскую одиночку в нижнем течении Юкона. В это время здесь находились ее управляющий — харьковский мещанин Александр Щербаков и двое служивших в РАК работников-финнов. В результате внезапного нападения байдарщик Щербаков и один рабочий были убиты, а одиночка разграблена. Оставшемуся в живых служащему РАК Лаврентию Керянину удалось бежать и благополучно добраться до Михайловского редута. Немедленно была снаряжена карательная экспедиция, которая разыскала скрывавшихся в тундре туземцев, разоривших Андреевскую одиночку. Они засели в бараборе (эскимосской полуземлянке) и отказывались сдаваться. Русские вынуждены были открыть огонь. В результате перестрелки пятеро туземцев были убиты, а одному удалось бежать. Среди служащих РАК потерь не было[21]. Андреевская одиночка была восстановлена и укреплена. На этот раз это был уже фактически типичный редут, какие компания возводила в местностях, где туземное население представляло реальную опасность[22].

После этого трагического эпизода мирные отношения с туземцами на Севере уже не нарушались, и С.В.Воеводский, возглавлявший российские колонии во второй половине 1850-х гг., смог с удовлетворением отметить: «За сим по полученным сведениям от ноября 1858 никаких безпорядков не было и даже прекратились обыкновенные рассеиваемые слухи о их неприязненности; посылаемые из (Михайловского. — *А.Г.*) Редута и одиночек разные партии для снабжения одиночек и торговли, возвратились благополучно и спокойно»[23].

Чтобы окончательно перекрыть пути утечки мехов с Аляски на Чукотку, ГП РАК поручило колониальному начальству устроить торговую одиночку на р. Бакланд (Букланд), впадающей в зал. Коцебу. В 1854 г. туда был откомандирован на судне РАК лейтенант Ф.Ф.Коскуль. Осмотрев устье этой реки и часть ее течения, он, однако, пришел к выводу о нецелесообразности основания здесь русской фактории[24].

Стремясь увеличить добычу и вымен пушнины у туземцев Русской Америки и Курильских о-вов, Главное правление РАК пошло

---

[20] **ОГП РАК за 1851 г.** — С. 15.

[21] **С.В.Воеводский — ГП РАК, 3 мая 1856 г.** // NARS. — RRAC. — R. 61. — P. 95–96.

[22] **Фуругельм И.В.** Указ. соч. — С. 51.

[23] **Обзор управления колониями Российско-Американской компании в 1854–1859 гг.** // РГИА. — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 10 об.

[24] **Обзор управления колониями Российско-Американской компании с 1854 по 1859 год контр-адмиралом Воеводским** // ОГП РАК за 1859 г. — С. 70.

в 1852 г. на повышение таксы (расценок) за получаемые от них меха. Такое решение было не столько результатом альтруизма компании, сколько усиления торговой конкуренции со стороны чукчей и американских китобоев в районе Берингова пролива, скупавших пушнину у местных эскимосов. В неменьшей степени увеличение таксы было вызвано и возросшим торговым соперничеством англичан из Компании Гудзонова залива, приобретавших меха у индейцев Центральной и Юго-Восточной Аляски (в 1848 г. они выстроили Форт-Юкон в среднем течении одноименной реки на территории Русской Америки, см. главу 5).

Усиление пушного промысла было лишь одной из многочисленных задач, стоявших перед новым главным правителем Русской Америки — капитаном 2-го ранга Николаем Яковлевичем Розенбергом, сменившим на этом посту капитана 1-го ранга М.Д.Тебенькова в октябре 1850 г. Как и его предшественники, Розенберг уделял основное внимание строительству Ново-Архангельска, а также развитию здесь различных ремесленных производств. В 1851 г. в колониальном центре были построены новая больница, кожевенный завод, двухэтажный склад и кажим (общее жилище) для алеутов. На следующий год вошел в строй небольшой литейный завод-мастерская для производства медных и чугунных изделий для судов и паровых машин, было завершено строительство двухэтажного дома для служащих РАК, а также ледника для хранения 1500 т льда, предназначавшегося для поставок в Калифорнию. В это же время на ново-архангельской верфи шел плановый ремонт судов колониальной флотилии, а в 1851 г. здесь был отремонтирован английский купеческий бриг «Пандора». Кроме того, в 1852–1853 гг. продолжалось строительство нового парохода РАК «Николай I», паровую машину для которого сняли с его одноименного предшественника[25].

В 1853 г. (уже после отъезда Н.Я.Розенберга из колоний) в Ново-Архангельске достроили склад для хранения льда и построили еще один, более крупный, емкостью до 2000 т. Тогда же был закончен каменный сарай для хранения соленой рыбы и выстроено еще три новых дома, на местной верфи продолжено сооружение плавучего лесопильного завода[26].

В том же году на Кадьяке началась эпидемия кори (эта болезнь первый раз поразила колонии в 1848–1849 гг.), но благодаря стараниям медиков, особенно искусству присланного из Ново-Архангельска доктора Густава Безе, эпидемия не имела существенных последствий — от нее умерли всего три человека[27]. Куда более серьезной была эпидемия цинги, свирепствовавшей в январе 1853 г. в Ново-

---

[25] **ОГП РАК за 1851 г.** — С. 23, 25; **ОГП РАК за 1852 г.** — С. 20, 21.
[26] **ОГП РАК за 1853 г.** — С. 23.
[27] **Там же.** — С. 13–14.

Архангельске. Она началась в лазарете, а потом распространилась по всему городу. Число заболевших достигло 64 человек, из которых 9 умерли (в основном это были якуты и атхинские алеуты)[28].

Сам отличавшийся некрепким здоровьем Н.Я.Розенберг был отозван Главным правлением РАК по семейным обстоятельствам задолго до окончания пятилетнего срока его службы на этом посту. Возможно, что одной из главных причин, подтолкнувших директоров к отзыву Розенберга, стала и его неумелая, если не сказать — беспомощная политика в отношении независимых «колошей» — индейцев тлинкитов и хайда-кайгани, населявших Юго-Восточную Аляску.

2. Столкновения с тлинкитами в первой половине 1850-х гг.

Начало 1850-х гг. ознаменовалось резким ухудшением взаимоотношений между русскими и жившими возле стен Ново-Архангельска тлинкитами или «ситхинскими колошами» (ситкинцами). Причиной этого стало, очевидно, постепенное свертывание сотрудничества с индейцами, сокращение объемов торговли, найма на работы и т.д. Уже зимой 1850/51 г. ситкинцы устроили несколько ссор и драк с русскими на рынке и в лесу близ Ново-Архангельска. В ответ на эти провокации главный правитель Н.Я.Розенберг объявил индейцам, что в случае продолжения беспорядков он распорядится вообще закрыть «колошенский рынок» и прервет с ними всякую торговлю. Реакция ситкинцев на этот ультиматум носила беспрецедентный характер: утром следующего дня они предприняли попытку захватить Ново-Архангельск. Часть из них, вооружившись ружьями, засела в кустах у крепостной стены; другая, приставив заранее заготовленные лестницы к деревянной башне с пушками, так называемой «Колошенской батарее», едва не овладела ею. К счастью для русских, часовые были начеку и вовремя подняли тревогу. Подоспевший на помощь вооруженный отряд сбросил вниз трех уже влезших на батарею индейцев, а остальных остановил. Другой вооруженный отряд был выслан против ситкинцев, засевших у крепостных строений и домов. «Я сам, — сообщал позднее Н.Я.Розенберг, — бросился также на батарею и с большим трудом переговорился, успел возвратить колош по домам и они перестали вызывать нас на бой»[29].

---

[28] **Краткий обзор болезней во владениях Российско-Американской компании с 1851 по 1859 год** // ОГП РАК за 1860 г. — С. 89.

[29] **Н.Я.Розенберг — ГП РАК, 4 июня 1852 г.** // NARS. — RRAC. — R. 58. — P. 317–318.

После этой неудачной попытки штурма тлинкиты несколько успокоились, а Розенберг решил усилить оборону Ново-Архангельска с помощью хорошо вооруженного парохода «Николай I», который раньше регулярно посылался в проливы арх. Александра для вымена у индейцев пушнины, картофеля и репы. С 1851 г. пароход находился почти постоянно в порту, прикрывая его от возможной атаки со стороны моря. Это привело к резкому сокращению торговли с индейцами, жившими в проливах арх.Александра, а местных ситкинцев Розенберг почти прекратил нанимать на валовые работы в порту. Уже летом 1851 г. с их стороны начались новые провокации: несколько раз они нападали на русских рыбаков в окрестностях Ново-Архангельска и расхищали улов либо препятствовали добыче рыбы. Розенбергу неоднократно приходилось посылать туда вооруженный пароход и с помощью этого «аргумента» прекращать беспорядки. Дважды тлинкиты делали подкоп под крепостную стену и похитили из общественной прачечной большое количество белья; выломав стену у амбара, они украли оттуда несколько пудов соленой рыбы и хранившиеся там инструменты, а осенью 1851 г. обокрали несколько огородов, принадлежавших РАК и частным лицам. «Сверх этого, — писал в Петербург Н.Я.Розенберг, — были с их стороны предприняты и исполнены и другие противу русских пакости, о которых для сокращения донесения я умалчиваю»[30].

Помимо мелких провокаций и грабежей ситкинцы не отказывались по-прежнему от планов захвата Ново-Архангельска. В конце января — начале февраля 1852 г. один из крещеных тлинкитских вождей предупредил новоархангельского священника, что ночью индейцы собираются напасть на крепость. Розенберг успел предпринять необходимые меры к обороне и вызвал к себе вождей ситкинцев. Во время переговоров с главным правителем индейцы не отрицали своих агрессивных планов в отношении столицы Русской Америки. В качестве оправдательного аргумента вожди выдвинули слухи, полученные ими якобы от тлинкиток, живших с русскими в Ново-Архангельске. Индеанки будто бы рассказали своим сородичам, что гарнизон крепости намеревается перебить всех ситкинцев, а потому, готовясь напасть на крепость, индейцы просто хотели «упредить» русских[31]. Поскольку штурм Ново-Архангельска так и не состоялся, Розенберг был вынужден ограничиться лишь словесными выговорами и продолжать крепить оборону города.

В довершение всего в марте 1852 г. русские оказались косвенно втянутыми во внутриплеменной конфликт. У стен Ново-Архангельска произошло кровавое столкновение местных тлинкитов с прибывшими к ним для торговли стикинцами, ставшими жертвами

---

[30] **Ibid.** — P. 318–319об.
[31] **Ibid.** — P. 320.

родовой мести. Из приезжих погибло более 40 человек (включая женщин и детей), спастись же удалось лишь нескольким женщинам и трем мужчинам. Последние укрылись в Ново-Архангельске под защитой русских, а позднее возвратились к своим сородичам на Стикин. Со стороны ситкинцев погибло только двое индейцев и несколько было ранено[32].

Колониальное начальство узнало о готовившейся резне за час до ее начала, но Розенберг решил занять выжидательную позицию, мотивируя это позднее § 280 Устава РАК, который запрещал представителям компании вмешиваться в дела «независимых инородцев» без их просьбы. Кроме того, он первоначально не особенно доверился сообщению лояльного тлинкитского переводчика о готовившемся вероломном нападении ситкинцев на стикинцев, поскольку, как писал Розенберг, «не имев до сего времени ни тени подозрения и ни малейшего слуха о чем-либо подобном — трудно было принять это известие за достоверное»[33]. Впоследствии такая позиция главного правителя неоднократно подвергалась критике, в том числе и со стороны ГП РАК, которое обычно рьяно защищало «честь мундира», когда затрагивалась репутация служащих компании. Тем не менее директора возложили всю вину за случившееся на Н.Я.Розенберга, который не остановил ситкинцев, хотя узнал заранее об их намерениях[34].

Политика невмешательства колониальной администрации во внутриплеменной конфликт в 1852 г. имела серьезные последствия для русских. Сократилось число индейцев, приезжавших в Ново-Архангельск для торговли из проливов арх. Александра, так как они начали опасаться ситкинцев, нарушивших древние обычаи и нормы родового гостеприимства. Последние, в свою очередь, не решались далеко отлучаться от своего селения и практически прекратили заготовку дров и сократили промысел дичи и рыбы для жителей Ново-Архангельска. Розенберг отмечал в своем донесении в Петербург, что после резни 1852 г. «наглость колош» еще более возросла. Местные тлинкиты, опасаясь мести стикинцев, стали устраивать у стен Ново-Архангельска настоящие военные маневры со стрельбой из ружей, едва не ранив при этом нескольких служащих РАК. В конце концов Розенберг пригрозил индейцам, что если они «не уймутся», он прикажет начать в крепости и на судах в порту учения с пушечной стрельбой через их селение. Эта угроза утихомирила ситкинцев, но ненадолго. Вскоре они обстреляли шлюпку, на которой следовал командир корвета «Оливуца» лейтенант И.Ф.Лихачев, затем пароход РАК «Баранов» и дважды затевали драки с часовыми.

---

[32] **Ibid.** — P. 311–312.

[33] **Н.Я.Розенберг — ГП РАК, 4 июня 1852 г.** // Ibid. — P. 310.

[34] **Замечания ГП РАК на отчет С.С.Костливцова** // Доклад Комитета. — С. 490–491.

Терпение главного правителя иссякло и он запретил торговлю на «колошенском рынке». Только спустя месяц после настоятельных просьб индейцев и обещаний «исправиться» рынок был вновь открыт[35].

Сами ситкинцы, по свидетельству Розенберга, очень боялись набега стикинцев, и нередко по ночам в их селении у стен Ново-Архангельска вспыхивала паника, сопровождавшаяся беспорядочной стрельбой из ружей. Общими усилиями ситкинцы укрепили свое селение со стороны леса частоколом: однажды, засев за ним, они в течение нескольких часов обстреливали окружающие заросли, уверенные, что там скрываются их враги[36].

Набег стикинцев, которого так опасались жившие у Ново-Архангельска тлинкиты, действительно скоро состоялся. Однако пострадавшей стороной стали не они, а русские. 14 июня 1852 г. прибывший со Стикина отряд из более чем 150 воинов внезапно атаковал маленькое поселение РАК из трех домиков на Горячих Ключах в 20 верстах к югу от Ново-Архангельска. Из девяти служащих компании, находившихся там на лечении, один был убит, один ранен, а остальные, будучи ограблены, бежали через горы в Озерский редут. Поселение на Горячих Ключах было также полностью разграблено и сожжено. Стикинцы впоследствии оправдывали свое нападение тем, что надеялись захватить на Горячих Ключах якобы скрывавшихся там от их мести ситкинцев[37].

Русским оставалось только смириться с этим объяснением: нападавшие так и не понесли никакого наказания. Видимо, в условиях надвигавшейся Крымской войны колониальной администрации вовсе не хотелось затевать еще и войну с индейцами, тем более что последние проживали на территории, арендованной англичанами. Кроме того, в это время управление Русской Америкой начинает лихорадить: в марте 1853 г. Н.Я.Розенберга сменяет капитан 2-го ранга А.И.Рудаков, а его всего через год — капитан 1-го ранга Степан Васильевич Воеводский. Очевидно, что нерешительность Розенберга, а затем и его отставка вместе с неизбежными сопутствующими проблемами отодвинули на второй план вопрос о возмездии стикинцам за нападение на Горячие Ключи.

Любопытно отметить, что жившие возле Ново-Архангельска ситкинцы, едва узнав о разорении поселения РАК на Горячих Ключах, «были в отчаянии», как писал Розенберг, так как опасались мести русских за убийство и грабеж со стороны своих соплеменников.

---

[35] **Н.Я.Розенберг — ГП РАК, 4 июня 1852 г.** // NARS. — RRAC. — R. 58. — P. 320.

[36] **Ibid.** — P. 324–325.

[37] **Н.Я.Розенберг — ГП РАК, 14 июля и 23 ноября 1852 г.** // Ibid. — P. 411–421, 545–546; **Гринёв А.В.** — С. 166, 284–285.

Индейцы не успокоились до тех пор, пока главный правитель не принял от них трех знатных заложников-аманатов как надежную гарантию взаимного мира. 21 июня «трое негодяев» (по выражению Розенберга) поселились в Ново-Архангельске на полном иждивении РАК. Однако уже на исходе августа они запросились домой, пообещав главному правителю доносить ему в случае какого-либо заговора среди ситкинцев. Розенберг решил отпустить их, продержав в крепости до 21 сентября[38].

После этих бурных событий в русско-тлинкитских отношениях наступает непродолжительный период затишья. «С окружающими дикими народами сохранены мир и тишина», — рапортовал в мае 1853 г. недавно сменивший Розенберга капитан 2-го ранга А.И.Рудаков генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н.Муравьеву[39]. Аналогичное донесение от Рудакова получило и Главное правление РАК в декабре того же года: «С окружающими дикими сохранены мир и спокойствие»[40].

Однако это «спокойствие» было, скорее, кажущимся. Уже 12 ноября 1853 г. пропали посланные из Озерского редута на охоту креол «из калифорнийских индейцев» Малигнак и алеут Ананга. Судя по оставшимся на месте их ночевки следам, они были убиты индейцами (тела их так и не были обнаружены). Дополнительные поиски охотников ничего не дали[41]. Новый главный правитель Русской Америки С.В.Воеводский полагал, однако, что Малигнак и Ананга, возможно, бежали в Калифорнию. Первоначально он был настроен вполне благодушно по отношению к тлинкитам, в мае 1854 г. доносил в Петербург: «Вообще же самое утешительное то, что толки в Порте о намерении колош сделать нападение на Порт и тому подобное совершенно прекратились и в жителях не обнаруживается более опасений в этом отношении»[42].

Тем не менее, в отличие от Розенберга, Воеводский не собирался потакать тлинкитам. Так, он запретил индейским вождям свободный доступ в порт Ново-Архангельска и торговлю там. Это вызвало, естественно, недовольство тлинкитов и даже привело к своеобразной «забастовке»: индейцы отказались от работ по добыче и транспортировке льда в порт, а также от доставки дров и свежего продовольствия для жителей Ново-Архангельска. Возросшая враждебность ситкинцев привела к тому, что пришлось назначать для несения караульной службы только здоровых людей, тогда как прежде на постах находились обычно больные, слабые или старые служащие

---

[38] **Н.Я.Розенберг — ГП РАК, 23 ноября 1852 г.** // NARS. — RRAC. — R. 58. — P. 546–547, 548.

[39] **Ibid.** — R. 59. — P. 113.

[40] **А.И.Рудаков — ГП РАК, 2 декабря 1853 г.** // Ibid. — P. 228.

[41] **С.В.Воеводский — ГП РАК, 1 мая 1854 г.** // Ibid. — R. 60. — P. 19.

[42] **С.В.Воеводский — ГП РАК, 15 мая 1854 г.** // Ibid. — P. 50–51.

РАК[43]. Хотя весной 1854 г. вместе с Воеводским в Ново-Архангельск на корабле РАК «Ситха» прибыли 22 военных матроса, они не могли существенно усилить его гарнизон. Правда, в сентябре того же года сюда было переброшено из Аянского порта около сотни солдат с двумя офицерами из состава сибирского линейного батальона № 14. Необходимость такого шага была продиктована начавшейся Крымской войной (1853–1856) и стремлением руководства РАК и военной администрации Сибири подкрепить российские колонии на Аляске регулярными частями. Но даже присутствие солдат не стало надежной гарантией безопасности Ново-Архангельска от выступления индейцев.

К весне 1855 г. отношения между русскими и тлинкитами опять обострились: индейцы перестали поставлять в крепость дрова и продовольствие, а 10 марта несколько ситкинцев напали на военного матроса, охранявшего дровяной сарай компании, и серьезно ранили его в голову. «Поводом к этому дерзкому поступку, — писал С.В.Воеводский, — было не что иное, как только виденное ими в часовом препятствие к краже компанейских дров, от них же купленных, для перепродажи их Компании вторично, что весьма часто случалось»[44].

На другой день главный правитель призвал к себе ситкинских вождей и потребовал, чтобы их сородичи, виновные в нападении на часового, немедленно выехали из индейского селения у Ново-Архангельска и никогда не возвращались в него. В ответ тлинкиты, вооружившись ружьями, стали угрожать русским. Гарнизон крепости был поднят по тревоге и для устрашения индейцев было произведено два холостых пушечных выстрела. Выстрелы, однако, произвели обратный эффект: тлинкиты в ярости бросились к крепостным стенам и начали рубить палисад, часть из них пыталась проникнуть в порт, другие устремились вдоль крепостной стены, намереваясь обойти ее со стороны леса у озера и оттуда ворваться в город. Один из индейцев, выстрелив в упор в приказчика Федора Кузнецова, находившегося на «Колошенской батарее», смертельно ранил его. Это послужило поводом для открытия русскими огня. Индейцы отхлынули от палисада и, засев за пнями и валунами, начали обстрел крепости. Группа индейцев кинулась к так называемой «Колошенской церкви», построенной специально для обращения тлинкитов в православие, и заняла ее[45]. Церковь стояла неподалеку от стен Ново-Архангельска, и послужила индейцам удобным укрепленным пунктом при обстреле русского гарнизона из окон. Та часть ситкинцев, что намеревалась проникнуть в Ново-Архангельск со стороны леса, была встречена и рассеяна огнем трех полевых орудий русско-

---

[43] **Ibid.** — P. 51.
[44] **С.В.Воеводский — Н.Н.Муравьеву, 6 июня 1855 г.** // Ibid. — P. 73.
[45] **Ibid.** — P. 73–74.

го отряда, высланного навстречу. При этом погибло не только несколько тлинкитских воинов, но и их жены и дети, бежавшие из индейского селения в лес, спасаясь от огня крепостной артиллерии[46]. После перестрелки, продолжавшейся около двух часов, тлинкиты запросили мира и выдали в качестве заложников восемь человек.

Как в общей оценке этого столкновения, так и в указании потерь с обеих сторон в источниках и литературе существуют значительные расхождения. По данным официального отчета ГП РАК и П.А.Тихменева, русских в этом сражении было убито 2 человека и 19 было ранено; ситкинцы же потеряли до 60 человек убитыми и ранеными[47]. П.Н.Головин уточняет потери со стороны РАК: из 19 раненых четверо позднее умерли от ран; таким образом, всего погибло 6 русских[48]. В официальном «Докладе Комитета об устройстве Русских Американских колоний» указывается, что в перестрелке с тлинкитами в 1855 г. погибли 7 служащих РАК, а индейцы потеряли более 100 человек[49]. Однако согласно донесению С.В.Воеводского, последняя цифра нуждается в корректировке. «Сколько у колош убито, — писал он в Петербург, — мне не известно, они, желая поддержать мнение о себе, скрывают это, но полагать должно, что убито и ранено около 50 человек»[50]. Точные потери же со стороны русских составили 7 убитых (в том числе один креол) и 15 раненых[51].

Это было последнее крупное столкновение с тлинкитами. Правда, некоторые современные авторы стремятся приуменьшить значение этого конфликта. Они пишут: «... к счастью, больших жертв не было»[52]. Однако даже по параметрам, принятым в современной политологии и военной науке, гибель более 25 человек уже позволяет говорить о настоящем военном конфликте[53]. В результате же столк-

---

[46] **Головин П.Н.** Обзор русских колоний в Северной Америке капитана 2-го ранга Головина //Приложения к Докладу Комитета. — Ч. 2. — С. 340–341.

[47] **ОГП РАК за 1854–1855 гг.** — С. 35; **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 207–208.

[48] **Головин П.Н.** Указ. соч. — С. 341.

[49] **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 81.

[50] **С.В.Воеводский — ГП РАК, 6 июня 1855 г.** //NARS. — RRAC. — R. 60. — P. 76.

[51] См. таблицу потерь русских в столкновении с тлинкитами 12 марта 1855 г.: **Гринёв А.В.** Указ. соч. — С. 285–286.

[52] **Полевой Б.П., Окладникова Е.А.** Особенности отношений между русскими и аборигенами в Русской Америке // Открытие Америки продолжается. — Вып. 2. — СПб., 1994. — С. 76.

[53] См.: **Солленберг М., Валленштейн П.** Крупные вооруженные конфликты // Международная экономика и международные отношения. — 1996. — № 1.

новения с тлинкитами в 1855 г. эта цифра была превышена не менее чем в полтора-два раза; общее число убитых и раненых с двух сторон, по-видимому, превысило сотню человек.

По мнению ревизора деятельности РАК С.А.Костливцева, в 1855 г. Ново-Архангельску угрожала серьезная опасность, и тлинкиты захватили бы порт, если бы против них не был своевременно послан отряд с тремя полевыми орудиями и не начались переговоры о мире[54]. Близкую точку зрения высказывал и П.Н.Головин, отмечавший, что преимущества были явно на стороне нападавших индейцев, так как именно русские первыми начали переговоры о мире, и хотя тлинкиты согласились на предложенные условия, «однакож очень хорошо поняли, что перевес остался за ними и до сих пор хвалятся этим»[55]. Об этом же писали и некоторые последующие исследователи[56].

Диаметрально противоположную оценку исхода столкновения дал П.А.Тихменев, считавший, что нападение закончилось «полным поражением дикарей»[57]. Аналогичное сообщение содержится и в официальных документах РАК, например, докладе Главного правления компании Александру II: «Распорядительность и присутствие духа, как флотских, так и находящихся там команд Сибирских Линейных батальонов, по двухчасовой перестрелке остановили дальнейшие намерения Колош, которые, будучи вытеснены из всех мест и поражаемы в Церкви, просили о прекращении огня, что и было исполнено. Колоши, по своему обыкновению, скрывают число своей потери, но оные по достоверным сведениям простираются убитыми до 50, а по верным признакам до 80 человек. По заключению с ними обычного, после подобных случаев, соглашения, они выдали в знак своего повиновения 8 аманатов. Повреждения же, произведенные ими в Церкви, немедленно исправлены»[58]. Однако наиболее достоверный источник — донесение С.В.Воеводского — куда менее категорично. При анализе этого документа можно прийти к выводу, что в сражении не было ни победителей, ни побежденных, хотя некоторое преимущество осталось все-таки за русскими, которые понесли и существенно меньшие потери.

Ряд авторов считает, что слухи о шедшей в то время Крымской войне, возможно, спровоцировали тлинкитов на открытое столкно-

---

[54] **Костливцев С.А.** Отчет по обозрению Российско-Американских колоний... — С. 26.

[55] **Головин П.Н.** Указ. соч. — С. 340.

[56] См.: **Шашков С.С.** Российско-Американская компания // Шашков С.С. Собр. соч. — СПб., 1898. — Т. 2. — С. 641; **Окунь С.Б.** — С. 195–196.

[57] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 207.

[58] **ГП РАК — Александру II, 1856 г.** // РГА ВМФ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Д. 1082.

вение с русскими в 1855 г.[59] Однако это не так. Даже директора РАК, которые не упустили бы случая приписать все проискам англичан, вынуждены были в своем донесении Александру II отметить: «Рассматривая причины вышеизложенного со стороны дикарей покушения, Главное Правление убеждается, что оные не имеют никакой связи с настоящими политическими обстоятельствами (т.е. Крымской войной. — *А.Г.*) и тут нельзя подозревать никакого иностранного внушения, но причины эти заключаются в постепенно возраставшем своеволии дикарей, от слишком кроткого и снисходительного с ними обращения, которое они вероятно объясняли себе нашей слабостью в силах и положили возможным воспользоваться чрез то легким грабежом и добычею»[60]. Об этом же достаточно прямо было сказано и в опубликованном официальном отчете ГП РАК[61].

Когда о подробностях «бунта» было доложено императору, он приказал объявить свое «высочайшее благоволение» главному правителю колоний «за принятие скорых и деятельных мер к прекращению возникших беспорядков». Кроме того, царь «всемилостивейше» повелел наградить наиболее отличившихся в этом деле людей. Знак отличия военного ордена («солдатский» Георгиевский крест) получил тяжело раненый в бою матрос Михаил Васильев; еще двое военных моряков — Иван Иванов и Григорий Ларионов, а также солдат Роман Чебукин и служащий РАК Александр Нюланд — были награждены серебряными медалями с надписью «За храбрость». Раненный в сражении с тлинкитами офицер — прапорщик Алексей Баранов — удостоился ордена Св. Анны 4-й степени. Это был единственный пример назначения военных наград в колониях. Кроме того, ГП РАК со своей стороны распорядилось раздать участникам столкновения с индейцами «приличные денежные награды», а двум семьям павших в бою служащих компании — небольшие пенсии[62].

По мнению С.В.Воеводского, столкновение с тлинкитами возымело определенный положительный эффект. «Вынужденное необходимостию дело с ними в 1855 г., — писал он в своем отчете, — имело хорошее на них влияние и влияние это значительно усилено распоряжением Главного правления о командировании в колонии военного гарнизона». И хотя с того времени «никаких особенных дерзостей со стороны индейцев не испытано», тем не менее Воеводский считал, что только содержание постоянного военного отряда

---

[59] **Полевой Б.П., Окладникова Е.А.** Указ. соч. — С. 76; **Pierce R.A.** 1990. — P. 530.

[60] **ГП РАК — Александру II, 1856 г.** // РГА ВМФ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Д. 1082. — Л. 53–53 об.

[61] **ОГП РАК за 1854–1855 гг.** — С. 35–36.

[62] **С.В.Воеводский — ГП РАК, 3 мая 1856 г.** //NARS. — RRAC. — R. 61. — P. 92–93.; **ОГП РАК за 1854–1855 гг.** — С. 37.

в Ново-Архангельске способно оградить русских от «могущих возникать со стороны этих дикарей непозволительных поступков»[63].

Анализируя это столкновение с индейцами, Воеводский высказывал тревогу за судьбу Ново-Архангельска. Он писал в Главное правление РАК, что нападение произошло, когда в крепости и порту находилось до 160 военных моряков и солдат, а всего было поставлено под ружье до 400 человек. Тем не менее, ситкинцы, которых в то время было около 800, т.е. лишь в два раза больше, решились напасть на крепость, снабженную артиллерией. Воеводский опасался, что во время летней навигации, когда порт опустеет, положение города может стать небезопасным[64].

Хотя после неудачного штурма русской крепости в марте 1855 г. ситкинцы не решались на новое открытое военное выступление, тем не менее, в том же году произошел еще один инцидент, повлекший человеческие жертвы. В августе двое русских — учащихся Новоархангельской семинарии и жена служившего в РАК унтер-офицера вместе с четырехлетним креолом-воспитанником, наняв двух ситкинцев-гребцов, отправились на индейском каноэ из Ново-Архангельска в Озерский редут. В пути они были настигнуты семью боевыми каноэ стикинцев, рыскавших в окрестностях Ново-Архангельска, и почти все погибли от ружейного огня. Лишь один из тяжелораненых семинаристов попал в плен. Стикинцы, опознав в нем русского, отвезли его на Горячие Ключи, откуда он с огромным трудом смог добраться до Озерского редута. Переправленный оттуда в больницу Ново-Архангельска, раненый через некоторое время полностью выздоровел. Наказывать стикинцев Воеводский не решился: он мотивировал это жалобами, которые могли возникнуть со стороны компании Гудзонова залива, ведь стикинцы проживали на арендованной англичанами территории Русской Америки[65]. Кроме того, у него под боком находились только что «замиренные» ситкинцы, а вступать в новый конфликт с тлинкитами в условиях Крымской войны и отсутствия подкрепления из метрополии он считал, очевидно, нецелесообразным.

Со своей стороны, Главное правление РАК просило генерал-губернатора Восточной Сибири при первой возможности прислать в колонии подкрепление для усиления защиты Ново-Архангельска от возможных нападений индейцев[66]. Эта просьба была удовлетво-

---

[63] **Обзор управления колониями Российско-Американской компании в 1854–1855 гг.** //РГИА. — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 8.

[64] **Там же.**

[65] **С.В.Воеводский — ГП РАК, 30 сентября 1855 г.** // Там же. — С. 136 об.–137; **Гринёв А.В.** Указ. соч. — С. 286–287.

[66] **ГП РАК — Александру II, 1856 г.** // РГА ВМФ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Л. 53.

рена, и в 1857 г. в Ново-Архангельск была переброшена еще сотня рядовых сибирского батальона № 14 во главе с четырьмя офицерами. Несомненно, это существенно изменило соотношение сил в пользу русских и вынудило ситкинцев отказаться от каких-либо враждебных действий против них. В июне 1859 г. С.Воеводского на посту главного правителя колоний сменил капитан 1-го ранга И.В.Фуругельм. Он начал проводить политику сближения с тлинкитами, которую с успехом осуществлял в свое время А.К.Этолин: расширились закупки у них продовольствия и пушнины, русский пароход из Ново-Архангельска стал вновь ходить к индейским селениям в проливы арх. Александра для торговли. Такая политика в сочетании со всегдашней готовностью к активной обороне способствовала сохранению мирных отношений с индейцами тлинкитами и кайгани до самого конца существования русских колоний в Америке.

3. Русская Америка и Крымская война (1853–1856)

Начало Крымской войны ставило русские колонии в Северной Америке в чрезвычайно трудное положение. Напомним, что в результате серьезных дипломатических просчетов царского правительства Россия оказалась перед лицом единого фронта крупнейших европейских держав и Турции. Занятие русскими войсками территории Дунайских княжеств привело к объявлению султаном Абдул-Меджидом 4(16) октября 1853 г. войны России. 18(30) ноября 1853 г. в битве при Синопе адмирал П.С.Нахимов разгромил турецкий флот. «Синопский гром», по выражению Е.В.Тарле, прокатился по всей Европе. «С этого момента война с западными державами становится почти несомненной» и даже «абсолютно неизбежной»[67]. Традиционные союзники России — Австрия и Пруссия — не оказали Николаю I никакой поддержки, причем последняя даже заняла откровенно враждебную позицию. В этих условиях возрастало значение позиции США, отношения с которыми продолжали оставаться вполне благожелательными.

Новый американский посланник в С.-Петербурге Т.Сеймур был встречен Николаем I самым радушным образом. Уже во время первой встречи с этим дипломатом в марте 1854 г. царь выразил надежду на то, что симпатии Соединенных Штатов будут на стороне России и что торговля между обеими странами будет продолжаться[68]. По-

---

[67] **Тарле Е.В.** Крымская война. — Т. 1–2. — М., 1950. — Т. 1. — С. 366–368, 391.

[68] **Т.Сеймур — У.А.Марси, 13 апреля 1854 г.** // NARS. — RG 59. — DD. — Russia. — R. 16. О трудностях в русско-американской торговле в связи с Крымской войной см. **Mémoire sur la commerce de la Russie avec les Etats-Unis d'Amérique** // АВПРИ. — Ф. К. — 1854 г. — Д. 168. — Л. 283–294.

казательно также, что в апреле 1854 г. государственный секретарь У.А.Марси предложил российскому поверенному в делах в Вашингтоне Э.А.Стеклю заключить морскую конвенцию в духе принципов знаменитой русской декларации о вооруженном нейтралитете 1780 г. Соглашение предусматривало: 1) флаг покрывает товар (т.е. груз, принадлежащий гражданам воюющей стороны, не подлежит захвату, если он находится на нейтральном судне) и 2) нейтральная собственность на борту корабля воюющей стороны освобождается от конфискации (разумеется, исключая военную контрабанду). Инструктируя Сеймура, Марси отмечал, что конвенция с Россией получит достаточную поддержку других государств, и эти положения станут постоянными принципами международного права[69].

Как только в Петербурге узнали о предложении Марси, Стеклю немедленно были даны полномочия «постановить в формальном акте те начала морского права нейтральных», которые Россия всегда признавала «необходимым условием» для свободного мореплавания и торговли[70]. Соответственно 26 мая (17 июня) 1854 г. министр иностранных дел К.В.Нессельроде переслал Стеклю проект морской конвенции, «который мог бы служить основой Ваших переговоров»[71]. Всего несколько дней потребовалось Стеклю и Марси, чтобы 10(22) июля 1854 г. подписать официальную конвенцию о морском нейтралитете[72]. Как в России, так и в США морская конвенция была встречена с большим удовлетворением. «Все газеты без различия партийной принадлежности, — свидетельствовал Стекль, — говорят о выгодах, которые должны последовать за этим соглашением»[73].

Надо сказать, что после начала Крымской войны отношения с Соединенными Штатами приобрели для России и особенно для ее далеких американских владений, Дальнего Востока и Камчатки особое значение. Но об этом речь еще впереди, а в первую очередь РАК надо было как-то урегулировать отношения с ближайшим соседом — Компанией Гудзонова залива.

---

[69] **У.Марси — Э.А.Стеклю, 14 апреля 1854 г.; У.Марси — Т.Сеймуру, 9 мая 1854 г.** // NARS. — RG 59. — DI. — Vol. 14. — R. 136; **Dowty A.** The Limits of American Isolation: The United States and the Crimean War. — N.Y., 1971.

[70] **Полномочия Э.А.Стеклю от 11(23) мая 1854 г.** // АВПРИ. — Ф. Посв в Вашингтоне. — Оп. 512/3. — Д. 57. — Л. 222–223 (подлинник).

[71] **К.В.Нессельроде — Э.А.Стеклю, 26 мая (7 июня) 1854 г., № 109, 110** // Там же. — Л.213–214, 224–225 (подлинник).

[72] **Documents on Russian-American Relations...** / Ed. by S.S.Jados. — Wash., 1965. — P. 14–15; **ПСЗРИ.** — Собр. 2. — Т. 30. — Отд. 1. — № 28953; **Вестн. МИД СССР.** — 1988. — № 9. — С. 68–69.

[73] **Э.А.Стекль — К.В.Нессельроде, 19(31) июля 1854 г.** // АВПРИ. — Ф. К. — 1854 г. — Д. 167. — Л. 25–253; **Пономарев В.Н.** Крымская война и русско-американские отношения. — М., 1993. — С. 95–111.

Ссылаясь на посещение Ново-Архангельска британским фрегатом в августе 1853 г., а также газетные статьи, Главное правление РАК справедливо отмечало, что англичане уже обратили внимание на русские владения в Северной Америке и хорошо осведомлены об их положении и реальных силах[74]. Опасаясь нападения британского флота на Ново-Архангельск, Главное правление РАК решило незамедлительно вступить в переговоры с КГЗ.

Предварительно председатель правления РАК В.Г.Политковский переговорил по этому поводу с управляющим МИД России Л.Г.Сенявиным и министром финансов статс-секретарем П.Ф.Броком. Заручившись их поддержкой, руководство РАК обратилось в январе 1854 г. к правительству с официальным представлением. Поскольку можно «опасаться неприязненных действий против колоний лишь от Англии без всякого участия со стороны американцев, оказывающих компании всегда дружелюбное расположение», Главное правление признало необходимым «обратить преимущественное внимание на отклонение тех опасений, которые могут угрожать колониям при разрыве с Англией», и просило дозволения «войти в прямое сношение с дирекцией английской Гудзонбайской компании... и предложить ей исходатайствовать от своего правительства признания *нейтральности* владений и судов обеих компаний на *северо-западном берегу Америки*»[75].

Основываясь на переговорах, которые в свое время велись с британскими агентами при передаче «в аренду полосы наших владений», Главное правление выражало надежду, что «Гудзонбайская компания употребит должное старание для приобретения означенного нейтрального права, тем более, что она находится там в слабейшем противу нас положении, и потому, когда обе компании взаимным соглашением достигнут предположенной им цели, то предоставит каждой испросить на утверждение сих соглашений разрешение своего правительства»[76].

Одновременно руководство РАК предполагало «имеющиеся в Ново-Архангельске средства обороны расположить так, чтобы порт был обезопасен от неприятельских покушений со стороны, по крайней мере, мелких неприятельских судов», а также направить в Русскую Америку весной 1854 г. «винтовой пароход и большое парусное судно, принадлежащие компании, но под гамбургским флагом», с тем чтобы во время войны они могли беспрепятственно плавать в Чили и Сан-Франциско[77].

---

[74] **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 392. — Л. 18.

[75] **Секретное обращение ГП РАК к царскому правительству от 14(26) января 1854 г.** //АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 392. — Л. 2.

[76] **Там же.** — Л. 2–3.

[77] **Там же.** — Л. 3–4.

Министр иностранных дел К.В.Нессельроде доложил об обращении РАК Николаю I, и император дал на просьбу компании «всемилостивейшее соизволение»[78]. 2(14) февраля 1854 г. Главное правление обратилось с соответствующим письмом к директорам КГЗ. Напоминая о том, что во время пребывания в Ново-Архангельске один из руководителей последней — сэр Джордж Симпсон — высказался за нейтрализацию владений обеих компаний в случае войны, Главное правление предлагало заключить соответствующее соглашение[79].

Месяц спустя правитель КГЗ сообщил в С.-Петербург о своем согласии на взаимную нейтрализацию владений и судов[80]. Что касается британского правительства, то 22 марта 1854 г. оно одобрило заключение соглашения между Компанией Гудзонова залива и РАК при условии, что оно будет касаться только территориальных владений и его действие не будет распространяться на открытое море. Форейн оффис оговаривал, что «все русские суда и товары на них... могут подлежать захвату кораблями ее в-ва и что берега и порты русских владений могут быть подвергнуты морской блокаде»[81].

Соответственно русское правительство согласилось соблюдать нейтралитет территориальных владений КГЗ в Америке и обязывалось не нападать на них на всем протяжении войны. Вместе с тем оно равным образом оставляло за своими кораблями «право на захват судов упомянутой компании, которые будут встречены в открытом море, и конфискацию их грузов, а также на установление блокады ее берегов и портов»[82].

16(28) апреля 1854 г. руководство РАК известило главного правителя Русской Америки С.В.Воеводского и вице-консула в Сан-Франциско П.С.Костромитинова о заключении соглашения с Компанией Гудзонова залива. Главное правление пересылало также копии писем Сенявина и Аддингтона о том, что русское и английское правительства «на время существующего разрыва признали нейтральность владений обеих компаний, а потому имущество компании на берегу может считаться безопасным»[83].

---

[78] **Л.Г.Сенявин — В.Г.Политковскому, 25 января (6 февраля) 1854 г.** // Там же. — Л. 9.

[79] **ГП РАК — директорам КГЗ, 2(14) февраля 1854 г.** // Там же. — Л. 10.

[80] **Правитель КГЗ, 2(14) февраля 1854 г.** // Там же. — Л. 12.

[81] **Г.Аддингтон — правителю КГЗ Колвайлу (Colvile), 22 марта 1854 г.** // Там же. — Л. 16–17; NARS. — RRAC. — R. 21. — P. 59, 61.

[82] **Л.Г.Сенявин — В.Г.Политковскому, 31 марта (12 апреля) 1854 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 392. — Л. 22–23; NARS. — RRAC. — R. 21. — P. 60.

[83] **ГП РАК — С.В.Воеводскому, 16(28) апреля 1854 г., № 395** //NARS. — RRAC. — R. 21. — P. 57–58 (подлинник); **П.С.Костромитинову, 16(28) апреля 1854 г., № 396** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 392. — Л. 31–32.

Договор, заключенный РАК с КГЗ весной 1854 г., соблюдался в течение всей войны. Союзный англо-французский флот совершил нападение на Петропавловск-Камчатский и отдельные районы азиатского побережья России, но русские владения в Америке не тронул. Соглашение с КГЗ, однако, не обезопасило суда компании, находившиеся в то время в открытом море. Они могли стать легкой добычей военных эскадр союзников. Особая опасность нависла над кругосветным кораблем РАК «Цесаревич», отправившимся в декабре 1853 г. с ценным грузом пушнины из Ново-Архангельска в Кронштадт (вокруг мыса Доброй Надежды). По пути корабль зашел в Шанхай, где обменял часть аляскинских мехов на китайский чай. Уже в Атлантическом океане капитан судна, опытный датский шкипер Иорьян, зайдя на о-в Св. Елены, узнал о начале военных действий между Россией и англо-франко-турецкой коалицией. Опасаясь английских крейсеров, он вначале хотел немедленно следовать в нейтральную Испанию и укрыться в ее портах, но затем у него созрел более рискованный план, сулящий в случае успеха избежание финансовых потерь для РАК.

В порту через членов экипажа одного немецкого судна из Гамбурга Иорьян распространил слух, что его корабль с богатым грузом попробует пройти на Балтику через пролив Ла-Манш. Англичане, получив соответствующую информацию от своих агентов, отрядили четыре военных корабля для патрулирования в проливе, стремясь перехватить русское судно. Тем временем «Цесаревич» шел совсем другим маршрутом: он обогнул Британские острова с севера, благополучно пересек Северное море и успел укрыться в Гамбурге буквально под носом у английского крейсера, гордо подняв на гафеле флаг Российско-американской компании. «Столь смелый и решительный подвиг шкипера Иорьяна, — говорилось в отчете ГП РАК, — возбудил общее одобрение и сочувствие жителей Гамбурга, со стороны же Компании принят был с особенной благодарностью». По ходатайству Главного правления царь наградил шкипера орденом Св. Анны 3-й степени, а штурман «Цесаревича» Офтердингер получил золотую медаль с надписью «За усердие» на ленте того же ордена[84].

Куда меньше повезло в навигацию 1854 г. другому кораблю РАК — «Ситхе». Он был захвачен в ночь с 26 на 27 августа эскадрой союзников прямо у входа в Авачинскую губу, где располагался Петропавловск. Корабль был послан сюда из Аяна, куда он перед тем доставил груз колониальной пушнины. Плененная команда «Ситхи» была перевезена на английский 50-пушечный фрегат «Президент», а пассажиры помещены на французский 30-пушечный фрегат «Эвридика». Корабль РАК вместе с находившимся на нем грузом был

---

[84] **ОГП РАК за 1853 г.** — С. 17–19.

признан законным военным призом, приведен во Францию и там продан[85]. Это была первая потеря РАК в Крымской войне. Ущерб от утраты судна и находившегося на нем груза составил 91 529 руб.[86]

«Цесаревич» и «Ситха» были далеко не единственными судами РАК, находившимися в открытом море, несмотря на начавшуюся войну. Например, бриг «Шелихов» все лето 1854 г. курсировал между Ново-Архангельском и Кадьякским отделом вплоть до сентября. Там же плавала и шхуна «Тунгус». Как и в мирное время, совершали свои рейсы также и другие суда колониальной флотилии. Особенно рискованными были переходы через океан брига «Великий князь Константин» и кораблей «Камчатка» и «Николай I», вышедших из Петропавловска и Аяна, — ведь у азиатского или аляскинского побережья они могли стать легкой жертвой более быстроходных крейсеров англичан или французов. Впрочем, это едва не произошло с кораблем «Камчатка» под командованием шкипера А.В.Риделя. Он прибыл из Петропавловска в Ново-Архангельск 2 октября 1854 г., а уже 20 числа того же месяца был отправлен с грузом леса в Калифорнию. Ему удалось благополучно достичь зал. Сан-Франциско в ночь на 1 ноября, чудом избежав захвата английским фрегатом, подстерегавшим русские торговые суда у входа в залив[87].

Спустя два месяца сюда же добрался и «Николай I» под начальством шкипера М.Ф.Клинковстрема. После того, как 22 сентября 1854 г. он доставил из Аяна в Ново-Архангельск сотню солдат сибирского линейного батальона № 14 для усиления обороны города, главный правитель отправил его с грузом колониальных товаров в Сан-Франциско. Прибыв сюда 1 января 1855 г., «Николай I» бросил якорь рядом с «Камчаткой». Оба судна вынуждены были надолго задержаться здесь из-за возросшей опасности со стороны английских крейсеров[88].

Удача сопутствовала и барку «Князь Меншиков» под командованием лейтенанта И.В.Фуругельма. Это судно было по распоряжению правительства откомандировано к эскадре графа Путятина, направленной на Дальний Восток для установления дипломатических отношений с Японией еще накануне войны с Англией и Францией на Тихом океане. Со своей стороны руководство РАК само рассчитывало начать торговлю с Японией, для чего на барк были погружены товары для начала товарообмена. В течение года корабль находился при эскадре Путятина и часто посылался в Шанхай для закупки продовольствия и сбора политических сведений. 11 октября 1854 г. «Князь Меншиков» возвратился в Ново-Архангельск. Поскольку установить торговые отношения с японцами не удалось из-

---

[85] **ОГП РАК за 1854–1855 гг.** — С. 47.
[86] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 111.
[87] **ОГП РАК за 1854–1855 гг.** — С. 45–46.
[88] **Там же.** — С. 46.

за противодействия их властей, товары, посланные РАК в Японию, были возвращены в столицу российских колоний[89].

Надо отметить, что Российско-американской компании в 1854 г. благоприятствовало то обстоятельство, что союзники сосредоточили свое внимание на захвате главной военной базы российского тихоокеанского флота — Петропавловска-на-Камчатке, а после понесенного там поражения и наступления осенних штормов были вынуждены вообще отказаться от активных боевых действий в акватории северной части Тихого океана.

И все же судьба «Ситхи» и активизация военного флота союзников в 1855 г. заставили колониальное начальство и командиров судов РАК впредь воздерживаться от опасных вояжей. «В 1855 г. по случаю войны большая часть компанейских судов оставалась в бездействии», — сообщалось в официальном отчете РАК. Лишь бриг «Шелихов» под командованием Ивана Кашеварова и маленькая шхуна «Тунгус» под начальством штурмана Владимира Курицына продолжали ходить из Ново-Архангельска в ближайшие отделы колоний. К счастью, все их плавания завершились благополучно — эти небольшие суда не были перехвачены военными кораблями союзников[90].

Весной 1855 г. Петропавловский порт был эвакуирован по причине недостаточных средств к обороне. Русское военно-морское командование не сомневалось, что союзники постараются отомстить за поражение десанта в предыдущем году и вновь пошлют к Петропавловску боевую эскадру. Поэтому было решено перевести морских моряков и значительную часть гражданского населения в приамурские поселения. С другой стороны, по распоряжению военного начальства, служащие РАК и имущество компании были погружены на судно Русско-финляндской китобойной компании «Турку» и отправлены 1 апреля 1855 г. в колонии. Избежав по пути встречи с вражескими крейсерами, «Турку» через три недели пришел в Павловскую Гавань на Кадьяке. Простояв тут пару месяцев, корабль отправился в Ново-Архангельск, куда прибыл 10 июля[91].

Эвакуация служащих и имущества компании с Камчатки прошла весьма вовремя. После сокрушительного разгрома союзного десанта у Петропавловска-Камчатского в августе 1854 г. англо-французский флот жаждал реванша. Вновь придя к берегам Камчатки на следующий год, они захватили и сожгли на рейде Петропавловска китобойное судно «Аян», принадлежавшее Русско-финляндской китобойной компании. В поисках русских военных кораблей эскадра союзников рыскала по всему северу Тихого океана и в конце июня

---

[89] **Там же.** — С. 56–58.
[90] **Там же.** — С. 48.
[91] **Там же.** — С. 53–54.

1855 г. прибыла к берегам Ситхи. 2 июля на внешнем рейде Ново-Архангельска появился английский паровой фрегат «Бриск» с российским вице-адмиральским флагом, поднятым для маскировки на фок-мачте. Таким нехитрым приемом англичане пытались усыпить бдительность моряков на русских военных судах, окажись те в гавани Ново-Архангельска. Навстречу британскому фрегату отправился в шлюпке секретарь главного правителя колоний и после переговоров с командующими союзной эскадрой — английским адмиралом Брюсом и французским Фуришоном — сумел убедить их в отсутствии в порту Ново-Архангельска русских военных кораблей. Незваные гости вели себя вполне корректно и, вручив посланнику несколько номеров английских газет с последними новостями о ходе войны, отбыли обратно в море[92].

Хотя в составе эскадры союзников, подходивших к Ново-Архангельску, было три французских фрегата, а французские представители не участвовали в заключении с РАК соглашения о нейтралитете колоний, тем не менее, следуя примеру своих британских союзников, они не предприняли никаких враждебных действий в отношении Русской Америки.

Несмотря на войну и объявленную союзниками блокаду русские колонии почти не испытывали в то время недостатка в продовольствии и товарах. Их снабжение осуществлялось посредством купленных в США судов под американским флагом — барка «Нахимов» и винтового парохода «Александр II». Формально они принадлежали гражданам США, а их капитаны и часть команды составляли американцы. Пароход совершал рейсы по разным делам колоний и даже ходил в Аян для доставки туда накопившихся мехов РАК. Правда, с американской командой было немало хлопот: свободолюбивые янки не хотели считаться с различными ограничениями и предписаниями компании[93].

Аналогичным образом на судах нейтральных стран производился и вывоз мехов из колоний. Еще в самом начале войны русским удалось переправить всю скопившуюся ранее пушнину из Ново-Архангельска в Аян на бриге «Охотск» и корабле «Ситха» в 1854 г., а частично и на борту брига «Цесаревич». Но с 1855 г. транспортировку пушнины на судах компании пришлось прекратить из-за опасности со стороны вражеских крейсеров (судьба попавшего в руки противника корабля РАК «Ситха» была слишком красноречива). Часть аляскинских мехов была доставлена в Нью-Йорк и там выгодно продана.

---

[92] **Донесение ГП РАК — императору о посещении англо-французской эскадрой Ново-Архангельска** // РГА ВМФ. — Оп. 2. — Д. 1082. — Л. 9, 42–44.

[93] **Обзор управления колониями Российско-Американской компании в 1854–1859 г.** // РГИА. — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 17 об.

Успешно шла в годы Крымской компании и коммерческая деятельность РАК в Китае, а с 1855 г. возобновилась и торговля чаем в Кяхте. Главное правление РАК с удовлетворением отмечало: «Таким образом, меховая и чайная торговля, составляющая главнейший предмет оборотов Компании, производилась беспрепятственно и во время войны, с изменением только своего обычного пути»[94].

Однако было бы заблуждением полагать, что в ходе войны ситуация всегда благоприятствовала Российско-американской компании. Так, в июне 1855 г. ее бриг «Охотск» с грузом на 17 тыс. руб. сер. под командой шкипера Акселя Юзелиуса был отправлен из Аяна к устью Амура, где располагались недавно основанные там русские поселения. Однако 16 июля бриг был перехвачен в амурском лимане британским военным пароходом, который выслал для захвата брига пять шлюпок с вооруженными матросами. Силы были слишком неравны (на бриге было всего 15 человек команды), и капитан «Охотска», не имея возможности ни защищаться, ни скрыться от приближающегося противника, решил затопить судно, чтобы оно не досталось врагу. Команда пересела в шлюпки, а сам бриг был подожжен и взорвался от находившегося на борту пороха, после чего быстро затонул[95].

Экипаж «Охотска» пытался спастись на берегу от преследования шлюпок с вражеского парохода. Во время погони, под непрерывным ружейным огнем русские потеряли тяжелый баркас, застрявший на отмели, а также четырехвесельную шлюпку под командой штурмана Мансфельда. В плен к союзникам попали штурман, приказчик РАК, два пассажира брига и 10 матросов. Остальным во главе с капитаном удалось благополучно скрыться на побережье. За самоотверженность и хладнокровие во время столкновения с англичанами Юзелиус был награжден царем в 1855 г. золотой медалью с надписью «За храбрость» на георгиевской ленте[96].

В конце июня 1855 г. английская эскадра, состоявшая из парохода-фрегата «Барракуда» и двух парусных фрегатов («Пиик» и «Эмфидрейд») нагрянула в гавань Аяна. Порт был пуст: служащие РАК и почти все имущество компании были заблаговременно эвакуированы в глубь страны. Британский десант удовлетворился тем, что взорвал машину и корпус еще недостроенного железного парохода РАК. 5 июля вражеские корабли покинули Аян, не причинив поселению существенного вреда. Стоит отметить, что капитаны нескольких американских китобойных судов, находившихся в то время в порту Аяна, своим посредничеством и участием весьма содействовали безвредному поведению десанта британских моряков. Позднее

---

[94] **ОГП РАК за 1854–1855 гг.** — С. 21–23.
[95] **Римский-Корсаков В.А.** Указ. соч. — С. 260–261.
[96] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 96–97.

ГП РАК просило российский МИД через посредничество правительства США объявить этим американским капитанам благодарность[97].

Не обошли своим вниманием военные корабли союзников и торгово-промысловую факторию РАК на о-ве Уруп на Курильских о-вах. 2 сентября 1855 г. английский фрегат «Пиик» и французский «Сибилл» обстреляли это маленькое поселение из корабельных орудий. Впрочем, артиллерийский огонь не принес никакого вреда, так как ядра пролетали выше строений. После этого с фрегатов был высажен десант из морских пехотинцев и моряков, которые без труда захватили селение компании. Здесь находились только несколько алеутов, часть которых бежала в горы, испугавшись артиллерийского огня, а другие укрылись в своих полуземлянках. В это время русский управляющий на Урупе находился на северной стороне острова вместе с писарем, якутом и 12 алеутами. Услышав пушечную стрельбу, они поспешили к фактории, но были захвачены в плен вражеским десантом. Трое суток шлюпки с английскими и французскими матросами осматривали берега Урупа, стремясь обнаружить русских. На четвертый день, забрав всю имевшуюся в поселении пушнину, бумаги и вещи управляющего, английские и французские моряки сожгли селение, а троих служащих РАК увезли на фрегатах в качестве пленных[98].

Сведения о набеге союзников на Уруп достигли Ново-Архангельска только осенью 1856 г., и потому к восстановлению там поселения Воеводский смог приступить только летом 1857 г., послав туда корабль с новым управляющим и группой атхинских алеутов для подкрепления промысловой партии. На этом же судне для построек были посланы бревна, доски и разобранный деревянный склад. Поселение там было восстановлено, а весной 1859 г. еще один корабль доставил на Уруп аналогичный груз[99].

Общие убытки РАК во время войны составили 132 820 руб. 20 коп. — сумма в масштабах деятельности компании не очень значительная и вполне сопоставимая с ее отчислениями в запасной (страховой) капитал за 10-летний срок[100]. И уж тем более невелика была эта сумма в сравнении с теми потерями, какие могли бы иметь место в случае непосредственного втягивания российских колоний в военные действия против сил союзников на Тихом океане. С другой стороны, во время войны все залежалые товары, хранив-

---

[97] **ГП РАК — Александру II, 10 сентября 1855 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 293. — Л. 14–17; **ОГП РАК за 1854–1855 гг.** — С. 59–62.

[98] См. подробнее: **Выписка из рапорта шкипера Павлова, 13 октября 1856 г.** //АВПРИ. — Ф. РАК. — Л. 396; **ОГП РАК за 1856 г.** — С. 14–17.

[99] **Обзор управления колониями Российско-Американской компании в 1854–1859 гг.** // РГИА. — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 7.

[100] **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 387.

шиеся на складах Ново-Архангельска, были раскуплены, а доходы РАК возросли почти на 50% (с 670 474 руб. сер. в 1853 г. до 972 118 руб. сер. в 1856 г.).

4. Расширение деловых контактов с Соединенными Штатами на Тихоокеанском Севере

К середине XIX в. общая обстановка на Северо-Западе Американского континента существенно изменилась в пользу Соединенных Штатов и стала весьма благоприятной для расширения деловых контактов между Русской Америкой и американскими гражданами. Напомним, что в 1846 г. территория к югу от 49-й параллели отошла к США, и КГЗ лишилась наиболее ценных для сельскохозяйственного производства земель. В результате победоносной войны с Мексикой американцы присоединили Калифорнию, где в 1848 г. было открыто золото и куда сразу же устремились тысячи новых переселенцев. Воспользовавшись резким увеличением спроса среди них на товары первой необходимости, М.Д.Тебеньков направил в 1848 г. в Сан-Франциско залежавшиеся в колониальных магазинах РАК изделия и припасы, которые были немедленно раскуплены[101].

С другой стороны, при возобновлении в 1849 г. контракта РАК с Компанией Гудзонова залива пришлось отказаться от обязательств доставить в Русскую Америку продовольствие и промышленные товары[102]. В результате РАК должна была в начале 50-х гг. закупить в США и в Европе несколько крупных судов («Император Николай I», «Цесаревич», «Ситха», «Камчатка»), на которых в Ново-Архангельск были доставлены необходимые припасы[103].

С начала 1850-х годов важнейшим товаром, поставлявшимся из Русской Америки в Сан-Франциско, стал лед, который в жаркой Калифорнии оказался весьма дефицитным. Достаточно сказать, что первая партия льда, доставленная морским путем из Бостона в Калифорнию через мыс Горн, продавалась в Сан-Франциско по 20–40 центов «за английский фунт, а иногда и дороже»[104]. В Русской

---

[101] **Головин П.Н.** Обзор русских колоний в Северной Америке. — СПб., 1862. — С. 107.

[102] **РАВТ.** — Vol. 3. — Pt. 2. — P. 213–214; **РГИА.** — Ф. 13. — Оп. 5. — Д. 1336. — Л. 3–6.

[103] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 156.

[104] **Н.Я.Розенберг — ГП РАК, 10(22) сентября 1851 г., № 50** // RRAC. — R. 57. — P. 503; **Saul N.E.** Beverley C.Sanders and the Expansion of American Trade with Russia, 1853–1855 // Maryland Historical Magazine. — 1972. — Summer. — Vol. 67. — P. 157.

Америке этот «дефицитный» товар имелся практически в неограниченном количестве, и для доставки его в Калифорнию не надо было плавать вокруг мыса Горн. Уже в 1851 г. группа предприимчивых калифорнийцев заключила первый контракт с главным правителем Русской Америки Н.Я.Розенбергом о покупке 250 т льда по 75 долл. за тонну[105]. В начале следующего года на о-в Ситху прибыло американское судно «Бакчус» (капитан Джеймс Сэвидж), на котором в Сан-Франциско было доставлено 250 т льда за 18 750 долл.[106]

Рассчитывая на получение значительной прибыли от торговли льдом, виднейшие представители деловых кругов Сан-Франциско (Ч.Бренгам, Л.Херман, А.Гей, С.Хенсли и др.) образовали осенью 1852 г. Американо-русскую торговую компанию (АРТК), президентом которой стал Биверли Сандерс. По замечанию американского историка Г.Кушнера, список акционеров компании выглядел как «путеводитель» по высшему обществу Сан-Франциско. Б.Сандерс, женатый на племяннице Д.Уэбстера, основал в 1852 г. вместе с мэром Сан-Франциско Ч.Бренгамом крупный городской банк; С.Хенсли считался одним из богатейших людей в Калифорнии, А.Гей был прокурором города и т.д.[107]

9(21) октября 1852 г. калифорнийским предпринимателям удалось заключить более крупное и выгодное трехлетнее соглашение на покупку ежегодно по крайней мере 1200 т льда по 35 долл. за тонну. Американская сторона обязалась доставлять лед в Сан-Франциско на своих собственных судах, «с тем чтобы Российско-американская компания заготовляла во владениях своих столько льда, сколько потребуется» и не продавала бы его «никому другому». За последующие 800 т надо было платить по 25 долл., а затем уже по 20 долл. за тонну. «Условия эти, — писал П.С.Костромитинов, — были чрезвычайно выгодны» для РАК, так как она, «не затрачивая капитала и не рискуя ничем, получала круглым числом по 25 долл. за тонну льда, которая обходилась ей по приблизительной смете не

---

[105] **Keithahn E.L. Alaska Ice, Inc.** // Pacific Northwest Quaterly. — 1945. — April. — Vol. 34. — P. 121; **Alaska and Its History.** — Seattle, 1967. — P. 173–174.

[106] **Головин П.Н.** Указ. соч. — С. 172 (ведомость о торговле льдом в Сан-Франциско).

[107] **Kushner H.I.** Op.cit. — P. 120; **Saul N.E.** Beverley C.Sanders... — P. 156–157; **California Historical Society (CHS).** A.Guy Papers, J.L.Folsom Papers; **Annals of San Francisco, 1855.** — P. 735–739 (Ch.Brenham) etc. В поддержку развития торговли льдом выступали также сенатор У.Гвин и М.Стюарт, которые направили в марте 1852 г. специальные письма А.А.Бодиско. Со своей стороны, российский посланник в Вашингтоне заверил, что корабли США будут радушно встречены в Русской Америке (**А.А.Бодиско — У.Гвину, 22 марта 1852 г.** // АВПРИ. — Ф. Пос-ва в Вашингтоне. — Оп. 512/3. — 1852 г. — Л. 54. — Л. 11.

более 2,50 долл.». Не должны были быть в убытке и американцы, ибо в Сан-Франциско лед продавался по 10–25 ц. за фунт. По данным, приводимым тем же П.С.Костромитиновым, на протяжении 1852–1853 гг. из Ситхи было вывезено 1133 т льда, а в 1854 г. — еще 2869 т, в результате чего РАК получила 89 тыс. долл.[108]

Новой компании пришлось, однако, столкнуться с конкуренцией других поставщиков льда в Калифорнию и, в частности, с необходимостью уничтожить соперничество предпринимателей из Бостона. Для этого Б.Сандерс добился от РАК в июне 1853 г. снижения цены за первые 1200 т льда до 25 долл. за тонну и начал продавать лед по 5 ц. за фунт[109]. Кроме того, рассчитывая на выгоды от установления деловых связей с Россией, предприимчивый американец решил отправиться в С.-Петербург для прямых переговоров с директорами РАК. Побывав предварительно в Вашингтоне, где встречался с президентом Ф.Пирсом и российским посланником А.А.Бодиско, Сандерс отплыл в Европу 21 января 1854 г. и примерно через два месяца прибыл в русскую столицу. Находясь там, Сандерс установил деловые связи не только с Главным правлением РАК, но и с высшими руководителями Российской империи, включая К.В.Нессельроде и вел. кн. Константина[110].

Предприимчивый делец из Сан-Франциско нарисовал перед директорами РАК и царскими сановниками заманчивую картину русско-американского сотрудничества по всему бассейну Тихого океана и предложил в этой связи заключение долгосрочного соглашения (на 20 лет!) о торговле не только льдом, но также углем, рыбой и лесом. Главное правление, естественно, запросило на это санкцию правительства.

15(27) мая 1854 г. министр иностранных дел К.В.Нессельроде и министр финансов П.Ф.Брок представили царю совместный доклад, в котором отмечалось, что «в особенности по нынешним политическим обстоятельствам оказывается весьма желательным соединить сколь можно ближе взаимные интересы американских граждан и наших колоний как для усиления нашей торговли вообще, так и для поставления сим колониям в потребных случаях покровительства со стороны Американских Штатов». Хотя привилегии РАК истекали к началу 1862 г., оба министра считали, что «обстоятельство сие едва ли может послужить препятствием к заключению компанией на 20 лет предполагаемого контракта... ибо, по всей вероятности, правительство сочтет более полезным продолжить нынешние права и преимущества Российско-американской компа-

---

[108] **П.С.Костромитинов — Э.А.Стеклю, 18 (30) декабря 1854 г.** // АВПРИ. — Ф. Пос-ва в Вашингтоне. — Оп. 512/3. — Д. 58. — Л. 53, 56.

[109] **Там же.** — Л. 54, 58.

[110] Подробнее о деятельности Б.Сандерса в С.-Петербурге весной—летом 1854 г. см. **Saul N.E.** Beverley C.Sanders... — P. 161–165.

нии с могущими потребоваться в них по опыту изменениями или дополнениями, нежели принять колонии в непосредственное свое заведование». Соглашаясь на предоставление РАК на 20 лет исключительного права «на торговлю льдом из всех русских владений на северо-западном берегу Америки, северо-восточном берегу Азии и островов Тихого океана», министры исключили из этого европейскую часть России, порты Балтийского и Белого морей и т.д. Нессельроде и Брок специально оговаривали, что «означенный контракт» должен быть составлен «с надлежащей осмотрительностью и определительностью» для предупреждения каких-либо недоразумений и споров в будущем[111].

Резолюция Николая I «исполнить» позволила Главному правлению РАК быстро прийти к соглашению с Сандерсом, и 1(13) июня 1854 г. контракт был официально подписан. В соответствии с ним, стороны обязались «добывать и вывозить» из владений РАК «лед, каменный уголь, лесные изделия и рыбу» в Сан-Франциско и «другие города и места» Тихоокеанского побережья «для продажи или промена на общий и одинаковый риск и для общей и одинаковой пользы» (ст.2). Соглашение предусматривало, что «никакой другой компании, товариществу, частному лицу или лицам не будет дозволено под каким-либо предлогом добывать, покупать или вывозить» из владений РАК «вышеозначенных произведений, как-то: льду, каменного угля, лесных изделий и рыбы без письменного согласия» АРТК. Исключение делалось лишь для изделий, употребляемых для нужд самой РАК или российского правительства (ст.3). Условия контракта вступали в силу 9(21) октября 1855 г. и должны были действовать до 9(21) октября 1875 г. (ст.12)[112].

В целом условия соглашения оказались для Сандерса весьма благоприятными. Американо-русская торговая компания получала исключительное право на вывоз из русских владений в Северной Америке не только льда, но также угля, леса и рыбы. С другой стороны, АРТК становилась главным поставщиком продовольствия и других товаров первой необходимости для жителей Русской Амери-

---

[111] **К.В.Нессельроде и П.Ф.Брок — Николаю I, 15(27) мая 1854 г.** // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1344. — Л. 10–12.

[112] Контракт о торговле, заключенный между Российско-американской и Американо-русской торговой компаниями, 1(13) июня 1854 г. Подписан от имени АРТК Б.Сандерсом и от имени РАК В.Политковским, В.Клюпфелем, А.Этолиным, Н.Кусовым и Ф.Врангелем (последний значился как «барон Василий Врангель») // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 7. — Л. 42–47. Н.Е.Сол отмечал, что текст контракта в США обнаружить не удалось. См. **Saul N.E.** Beverley C.Sanders... — P. 163. — Note 27. ГП РАК 8(20) июня 1854 г. переслало контракт С.В.Воеводскому и рекомендовало ему в дальнейшем обращаться с заказами по снабжению Русской Америки к Б.Сандерсу в Сан-Франциско. См. **NARS.** — RRAC. — R. 21. — P. 109–110.

ки, что в условиях начавшейся войны с Англией и Францией приобретало особое значение. «Таким образом, — указывалось в отчете МИД за 1854 г., — упрочено предприятие, которое, способствуя сближению с американцами, положит, по мнению начальства наших колоний, твердое основание благосостоянию их самих и туземного населения»[113].

Находясь в С.-Петербурге, Б.Сандерс не скупился на обещания оказать содействие России в самых различных областях, начиная от поставки оружия и кончая проектами организации железнодорожного строительства (линии С.-Петербург — Варшава и Москва — Одесса). Предприимчивому американцу удалось, по всей видимости, завоевать расположение вел. кн. Константина, который, по отзыву Сандерса, стремился установить «самые близкие отношения с Америкой». В свою очередь, в письме к великому князю от 15(27) июля 1854 г. американский предприниматель указывал, что обе страны «должны стать добрыми друзьями и союзниками». Нет ничего, что могло бы помешать развитию дружественных отношений, поскольку «обе нации могут следовать выполнению своих соответствующих судеб, не испытывая малейшей ревности к процветанию и величию друг друга»[114].

Сходных взглядов придерживались в то время и руководители царского правительства. «Что касается России, — указывалось в отчете МИД за 1854 г., — то из всех наций ей менее всего следует опасаться возрастающего преобладания (prépondérence croissante) Соединенных Штатов. До тех пор пока их интересы не будут сталкиваться, ничто не помешает сохранению хороших отношений между двумя странами. Симпатии, проявленные при нынешних затруднениях правительством, конгрессом и народом, позволяют нам с оптимизмом смотреть в будущее»[115].

Хотя президент АРТК явно переоценил свои возможности (особенно финансовые), он содействовал развитию русско-американских связей на Тихоокеанском Севере в самые трудные для России

---

[113] **АВПРИ.** — Ф. Отчеты МИД. — Отчет МИД за 1854 г. — Л. 260.

[114] **Saul N.E.** Beverley C.Sanders... — P. 164. Отметим, что вел. кн. Константин Николаевич, с 1853 г. возглавлявший морское министерство, придерживался либеральных взглядов, провел ряд прогрессивных реформ на флоте и активно содействовал отмене крепостного права (в 1861 г.). Большую ценность представляет дневник вел. кн. Константина, который он вел на протяжении почти всей своей долгой жизни и который до сих пор полностью не опубликован. См. **ГАРФ.** — Ф. 722. — Оп. 1. — Д. 74–97, 1153–1157; и др. **Переписка императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича.** — М., 1994. **Дневник Великого Князя Константина Николаевича (1858–1861).** — С. 139–354.

[115] **АВПРИ.** — Ф. Отчеты МИД. — Отчет МИД за 1854 г. — Л. 134.

годы Крымской войны. Вернувшись осенью 1854 г. в США, Сандерс сразу включился в организацию снабжения Русской Америки и Камчатки необходимыми товарами. В ноябре он сделал заказ на строительство нового парохода для РАК водоизмещением 450 т, а в декабре отправил из Нью-Йорка в Петропавловск 840-тонный парусный корабль «Левантер» с необходимыми товарами для Камчатки[116].

В начале 1855 г. Б.Сандерс возвратился в Сан-Франциско, а в марте П.С.Костромитинов сообщил Э.А.Стеклю о выходе из Сан-Франциско брига «Вильям Пенн» (шкипер Д.Кэрлтон), который направился в Петропавловский порт «с грузом, состоящим из 510 пудов пороху и 100 тонн пшеничной муки». Для оказания помощи бригу в случае, если «обстоятельства помешают ему войти в Петропавловский порт», Костромитинов счел необходимым «отправить с ним состоящего на службе Российско-американской компании вольного штурмана Александрова, который прежде бывал уже в Камчатке и хорошо знаком с местностью оной».

Прибытие брига оказалось весьма кстати, так как Камчатка после нападения союзного флота в сентябре 1854 г.[117] испытывала большие трудности. В этой связи военный губернатор Камчатки генерал-майор В.С.Завойко писал летом 1855 г.: «Бриг «Вильям Пенн» выполнил успешно свое назначение и, кроме того, оказал правительству большую услугу. К сожалению, судно это по сдаче груза затонуло у наших берегов. В вознаграждение за сие г. Кэрлтон должен получить 12 000 долл. Из коих 8000 выплачены теперь векселями остальные же 4000 выданы будут г. Кэрлтону по возвращении им в залив Де-Кастри тендера нашего «Камчадал», на коем он возвращается в Америку со всем своим экипажем... Кэрлтон обязался привести в Де-Кастри на тендере и, кроме того, на особом судне разных припасов, в которых мы здесь нуждаемся, с таким условием продать их с наложением 75 процентов на цены, существующие в Сан-Франциско. Он будет просить Вас осмотреть товары и засвидетельствовать цены»[118].

Были установлены связи с русским тихоокеанским портом — Николаевском-на-Амуре, где в 1855 г. побывал, в частности, американский корабль «Палметто». В новом порту открылись конторы

---

[116] **Saul N.E.** Beverley C.Sanders... — P. 165; **Б.Сандерс — Э.А.Стеклю, Балтимор, 8 октября 1854 г.** // АВПРИ. — Ф. Пос-ва в Вашингтоне. — Оп. 512/3. — Д. 57. — Л. 443–444.

[117] **П.С.Костромитинов — Э.А.Стеклю, 18(30) марта 1855 г.** // АВПРИ. — Ф. Пос-ва в Вашингтоне. — Оп. 512/3. — Д. 58. — Л. 268. В уплату за порох, издержки по найму судна, погрузку и проч. по счету, предоставленному Сандерсом, П.С.Костромитинов выписал вексель на 10 107,77 долл. // **Там же.** — Л. 270–271 (счет Б.Сандерса).

[118] **В.С.Завойко — П.С.Костромитинову, 30 июня (12 июля) 1855 г.** // АВПРИ. — Ф. Пос-ва в Вашингтоне. — Оп. 512/3. — Д. 58. — Л. 496.

«солидных американских домов», привлеченных слухами о богатствах Амура и легкой доступности внутренних районов Сибири[119].

Успешно развивались и торговые связи Сан-Франциско с российскими владениями в Америке, откуда в 1855 г. поступило 3385 т льда. В свою очередь, из Калифорнии в Русскую Америку в годы Крымской войны поступала бо́льшая часть продовольствия. Особое значение имело то обстоятельство, что для перевозки товаров во владения РАК использовались американские суда, в частности принадлежащий АРТК корабль «Зенобия», доставивший в Ново-Архангельск различные съестные припасы и возвратившийся в Сан-Франциско с грузом льда, леса и рыбы. Кроме того, для плавания между Русской Америкой и Сан-Франциско использовались построенный для РАК в Нью-Йорке винтовой пароход «Астория», а также корабль «Сиэнь» (Syane), плававшие первоначально под американским флагом. После Крымской войны они пополнили флот РАК и были переименованы в «Император Александр II» и «Нахимов». «Таким образом не только обеспечивалось существенное продовольствие колоний на все время войны, но и не могло последовать какого-либо ущерба в составе колониальной флотилии»[120].

Военный губернатор Камчатки В.С.Завойко вновь сделал в 1856 г. в Сан-Франциско заказы на поставку вооружения, продовольствия, медикаментов и других товаров, необходимых для укрепления устья р. Амур. Издержки по этому заказу могли простираться до 262 тыс. долл., и Э.А.Стекль опасался, что русская миссия в Вашингтоне встретит затруднения для выдачи столь значительной суммы[121].

Между тем американский негоциант Кэрлтон на бриге «Бостон» доставил в Приамурский край новую партию различных товаров, но из-за льдов не смог войти в устье реки. Завойко разрешил принять груз продовольственных товаров в Де-Кастри за счет казны и просил Костромитинова заплатить Кэрлтону из средств морского министерства[122].

---

[119] **Saul N.** An American's Siberian Dream // Russian Review. — 1978. — Oct. — Vol. 37. — № 4. — P. 409; **Афанасьев Д.** Николаевск-на-Амуре // МС. — 1864. — Дек. — № 12. — С. 111.

[120] **ГП РАК — С.В.Воеводскому, 10(22) декабря 1854 г., № 1272** // NARS. — RRAC. — R. 21. — P. 120; **Saul N.E.** Beverley C.Sanders... — P. 165–167; **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 158.

[121] **Э.А.Стекль — Ф.П.Врангелю, 6(18) апреля 1856 г.** // РГА ВМФ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Т. 1. — Д. 1266. — Л. 1, 2.

[122] **В.С.Завойко — П.С.Костромитинову, 29 мая (10 июня) 1856 г.** // Там же. — Л. 25. Из-за высоких цен привезенных товаров их продажа в Николаевске шла медленно, и к началу 1858 г. было выручено всего 42 598 руб. 49 коп. Поскольку весной 1858 г. ожидался новый подвоз товаров из Америки, было решено продать оставшиеся продукты по существующим в Николаевске ценам, хотя эта мера и принесла некоторые убытки. См. **Рапорт управляющему морским министерством от 10(22) января 1858 г., № 30** // РГА ВМФ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Т. 1. — Д. 1266. — Л. 91–92.

Ирония судьбы проявилась в том, что человек, который больше всего способствовал установлению и развитию торговых связей Калифорнии с Русской Америкой и Восточной Сибирью в 1853–1855 гг., обанкротился. При не вполне ясных обстоятельствах 5 ноября 1855 г. банкирский дом «Сандерс энд Бренгам» потерпел финансовый крах. Не исключена возможность того, что партнеры Сандерса были не удовлетворены его деятельностью в качестве президента АРТК и не оказали ему соответствующей денежной помощи. Известно, например, что вице-президент компании Л.Херман был недоволен, что корабль «Зенобия» перевозил летом 1855 г. в Русскую Америку груз пороха и мог поэтому сделаться добычей союзного флота[123].

Русский вице-консул в Сан-Франциско П.С.Костромитинов был особенно озабочен тем, в какой мере обеспечены интересы РАК: «Из собранных сведений оказалось, что г. Сандерс за несколько дней до своего банкротства под видом отъезда из Калифорнии сделал в здешней таможне передаточные акты, по которым право владения на «Сиэнь» и «Астория» предоставил Амер[икано]-русск[ой] торг[овой] компании». 8 ноября 1855 г. общим собранием поверенных АРТК «Сандерс был уволен от звания президента и устранен от влияния на дела... по случаю передачи всех своих акций в другие руки. На место Сандерса избран президентом г. Декстер (Dexter). При сем поверенные просили меня донести Главному управлению, что, несмотря на устранение г. Сандерса, отношения между компаниями останутся те же»[124].

Надо сказать, что как местные сибирские власти, так и правительственные ведомства в С.-Петербурге уделяли связям с США все большее внимание. Именно из Соединенных Штатов в годы Крымской войны рассчитывали получить суда, различное оборудование и припасы не только для Русской Америки, но также для Камчатки и всего Дальнего Востока. По специальному ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н.Муравьева и вел. кн. Константина в конце 1854 г. было решено послать в Америку капитана 1-го ранга (затем контр-адмирала) П.В.Казакевича и капитан-лейтенанта Кроуна[125], которым было поручено:

«а) Для устройства судоходства вверх по реке Амуру и для усиления военных судов при восточных берегах Сибири приобрести два парохода по 150 сил и два корвета.

---

[123] **Saul N.E.** Beverley C. Sanders... — P. 167–168. Показательно, что партнер Б.Сандерса Ч.Бренгам сохранил свой пост секретаря АРТК и после финансового краха их банка.

[124] **П.С.Костромитинов — ГП РАК, 7(19) ноября 1855 г.** // АВПРИ. — Ф. Пос-ва в Вашингтоне. — Оп. 512/3. — Д. 58. — Л. 592–593.

[125] См. **Доклад вел. кн. Константина Николаю I, 1(13) декабря 1854 г.** // РГА ВМФ. — Ф. 283. — Оп. 2. — Д. 6220. — Л. 1–2.

б) Закупить для фрегата «Диана» (впоследствии погибшего у берегов Японии) разные артиллерийские, шкиперские и комиссариатские припасы с доставкой в гавань Де-Кастри.

в) Заготовить для Камчатки провиант, провизию и припасы, независимо от тех мер, какие приняты генерал-губернатором Восточной Сибири».

Кроме того, для Николаевска-на-Амуре Казакевич и Кроун должны были купить «машинное заведение», куда входили бы различные машины и станки (токарные, сверлильные, винторезные), «пресс для пробивания дыр», «водолазный колокол, инструменты и некоторое количество железа судового, кабельного и кровельного»[126].

Посланные в Америку русские моряки получили от «высшего морского начальства» весьма широкие полномочия. Без соблюдения обычных формальностей и регламентации им поручалось действовать «по собственному усмотрению, без всяких ограничений в суммах», но, разумеется, «с соблюдением казенного интереса»[127]. Все это оказалось весьма кстати, так как когда Казакевич и Кроун прибыли весной 1855 г. в Нью-Йорк, то пароходов, удовлетворявших плаваниям в устье р. Амур, там не оказалось. Часть «предметов провизии» уже была послана на Камчатку по требованию В.С.Завойко «бостонским купцом Бордманом и гг. Шеплер и Лобах по распоряжению Российско-Американской компании». Кроме того, по инициативе русской миссии в Вашингтоне было «выслано из Сан-Франциско в Камчатку 500 пуд. пороху и 11 000 пуд. провианта»[128].

Казакевич и Кроун внесли соответствующие изменения в первоначальный план и сделали для Амура и Камчатки ряд важных закупок. По возвращении в С.-Петербург весной 1856 г. Казакевич доложил, что приобретенный им пароход «Америка» с провизией на 10 месяцев был отправлен из Нью-Йорка в Сан-Франциско, откуда «должен был идти к устью р. Амур». «Железный пароход, Баржа и механическое заведение отправлены тоже к устью р. Амур на парусном судне «Европа», принадлежавшем североамериканскому гражданину Бордману». Купленный Кроуном барк «Палметто» с грузом различных материалов и провизии «был употреблен г. генерал-губернатором Восточной Сибири для переезда... из устья реки Амур в Аян»[129].

В С.-Петербурге остались довольны сделанными в Соединенных Штатах закупками, и морское министерство предложило вновь на-

---

[126] Здесь и далее цитируется записка морского министерства (кораблестроительный департамент), утвержденная 12 (24) декабря 1859 г. См. **РГА ВМФ.** — Ф. 410. — Оп. 2. — Д. 1785. — Л. 1–58. (цитируемые места на Л.1–2).

[127] **Там же.** — Л. 47–48.

[128] **Там же.** — Л. 3–4.

[129] **Там же.** — Л. 5–6.

править Кроуна «для заказа там транспорта, лесопильного завода, водолазных колоколов, паровых: аппарата для вбивания свай, молота, землечерпательной машины и особой машины к винтовому деревянному транспорту, — необходимо нужных для снабжения Сибирской области и портов Восточного океана». Поскольку эти закупки вызывались «крайней необходимостью», Кроуну вновь предоставлялись широкие полномочия, чтобы хотя бы часть покупок была отправлена «из Америки на судах, для торговли в Амуре отправляющихся, с расчетом во времени, чтобы предметы эти были доставлены в Николаевск в навигацию 1857 г.»[130].

Хотя Казакевич и Кроун, действуя на свой страх и риск, отклонились от обычных бюрократических форм делопроизводства, им удалось произвести в Соединенных Штатах множество нужных для Дальнего Востока закупок общей стоимостью в 1 276 316 руб. 30 коп. Из приобретенных контр-адмиралом Казакевичем предметов следует отметить пароходы «Америка» и «Амур», баржу «Лена», «механическое заведение, морские и хирургические инструменты, книги, карты и проч.» — всего вместе с доставкой на сумму 335 784 долл. 83 ц., или 478 493 руб. 37 коп. Капитан-лейтенант Кроун приобрел транспорты «Японец» и «Манджур», «паровые: аппарат для вбивания свай, землечерпательная машина, лесопильный завод, молот и проч. — всего с доставкой к месту назначения и другими расходами на 519 905 долл. 86 цент., составивших по тому же курсу с банковскими расходами 740 865 р. 85 коп.»[131].

Хотя Кроун не советовался ни с другими русскими специалистами в США (капитаном И.А.Шестаковым и инженером Иващенко), ни с посланником Э.А.Стеклем, сделанные им, а еще ранее Казакевичем покупки отличались в выгодную сторону от затрат на аналогичные предметы в прошлом. Так, «транспорт «Японец» обошелся в 445 069 руб. 74 коп., а пароход «Камчатка», приобретенный там же в Америке через контр-адмирала Шанца... обошелся в 736 776 руб.» «За транспорт «Манджур» уплачено всего 259 215 руб. 23,5 коп.», а за аналогичный клипер «Всадник», заказанный в Финляндии, и корвет «Баян», построенный в Бордо, заплачено соответственно 306 197 и 415 717 руб.[132]

Даже придирчивые чиновники кораблестроительного департамента в конечном итоге пришли к выводу, что сделанные Казакевичем и Кроуном заказы произведены были «с существенной для казны выгодой». Они, в частности, особо отмечали приобретение

---

[130] **Там же.** — Л. 8–9. Копию инструкции Кроуну от 5(17) января 1857 г., № 33 см. **РГА ВМФ.** — Ф. 283. — Оп. 3. — Д. 169. — Л. 16–19.

[131] **РГА ВМФ.** — Ф. 40. — Оп. 2. — Д. 1785. — Л. 48; см. также **Рапорт капитан-лейтенанта Кроуна из Нью-Йорка от 24 ноября (6 декабря) 1857 г.** // РГА ВМФ. — Ф. 283. — Оп. 2. — Д. 331. — Л. 3–4.

[132] **Там же.** — Ф. 40. — Оп. 2. — Д. 1785. — Л. 50–51.

Казакевичем «двух железных пароходов и баржи за невероятно дешевую цену — 33 330 долл., или 47 525 руб. 25 коп.»[133], и рекомендовали, несмотря на отступление Казакевича и Кроуна «от предписанных законом правил», сделанные ими расходы утвердить, что и было в соответствующем порядке оформлено в конце декабря 1859 г. (ст. ст.)[134].

Успешное сотрудничество с американцами нашло отражение и в награждении ряда граждан Соединенных Штатов русскими медалями и ценными подарками. Так, за успешную сборку в 1856 г. пароходов «Амур» и «Лена», привезенных из Америки, и за устройство механического заведения в Николаевском порту американский гражданин Барр был награжден золотой медалью с надписью «За усердие»[135]. Позднее в декабре 1859 г. за подготовку к плаванию на Амуре этих же пароходов и «за особые труды по исполнению обязанностей механика на пароходе «Америка» в отряде генерал-адъютанта графа Путятина» гражданин США Томас Нортон получил от Александра II бриллиантовый перстень[136].

В целом, несмотря на известные трудности и неудачи, деловые связи с США развивались вполне удовлетворительно. Более того, для Дальнего Востока и особенно Русской Америки они приобретали в некоторых случаях важное и даже первостепенное значение. Так, из 13 морских судов, которыми Российско-американская компания располагала в 1860 г., в США были построены корабли «Николай I» (1850), «Царица» (1854), барки «Князь Меншиков» (1845), «Нахимов», бриг «Вел. кн. Константин» (1840), пароходы «Александр II» (1856), «Вел. кн. Константин» (1856). Два корабля — «Камчатка» (1853) и «Цесаревич», а также бриг «Шелихов» были спущены на воду в Гамбурге и Любеке, а шхуна «Тунгус» (1848) и пароходы «Николай I» (1853) и «Баранов» строились в Ново-Архангельске[137].

Достаточно успешно развивалась и торговля льдом с Калифорнией. 9 января 1860 г. главный правитель Русской Америки И.В.Фуругельм сумел заключить в Сан-Франциско новый контракт сроком на три года (до 1 января 1863 г.), условия которого были гораздо более выгодными для РАК. Американо-русская торговая компания обязалась закупать на о-вах Кадьяк и Ситха не менее 3 тыс. т льда

---

[133] **Там же.** — Л. 56.

[134] **Там же.** — Л. 1, 58. **Решение Адмиралтейств-коллегии от 23 декабря 1859 г. (ст. ст.)** // Там же. — Л. 61.

[135] **РГИА.** — Ф. 1265. — Оп. 7. — Д. 188. — Л. 1, 11.

[136] См. **Представления министра юстиции В.Н. Панина сенату от 17(29) декабря 1859 г., № 21642** // РГИА. — Ф. 1329. — Оп. 1. — Д. 716. — Л. 283.

[137] **Доклад Комитета.** — Ч. 3. — Прилож. IX (ведомость о колониальных судах к 1 июля 1860 г.).

ежегодно по 7 долл. за тонну с доставкой на своих судах или фрахтовать корабли РАК с платой за перевозку еще 8 долл. за тонну. Даже если АРТК не выкупала все 3 тыс. т льда, то она должна была их оплатить. Кроме того, РАК получала свободу торговать каменным углем, рыбой и лесом по собственному усмотрению[138]. Всего с 1852 г. по июль 1862 г. из Русской Америки (с о-вов Ситха и Кадьяк) было вывезено 27 500 т льда, т.е. примерно по 2,7 тыс. т в год. «Доходы компании по этой статье вместе с платой за фрахт судов колониальной флотилии простирались до 250 тыс. долл.»[139]. Весьма значительной на протяжении последних двух десятилетий (до 1862 г.) была поставка в Русскую Америку «разных запасов и товаров». По данным П.А.Тихменева, за эти годы в русские владения в Америке было доставлено русских товаров на 1 975 039 руб. и иностранных на 2 509 804 руб.[140] Причем наибольшее количество продовольствия в последнее десятилетие вывозилось из Калифорнии. Не будет преувеличением сказать, что именно расширение деловых связей с Соединенными Штатами помогло Русской Америке благополучно пережить один из самых критических периодов своей истории.

5. Деятельность РАК в Русской Америке во второй половине 1850-х гг.

В этот период экономическое развитие колоний и финансовое состояние самой Российско-американской компании носили противоречивый и неустойчивый характер. Так, несмотря на войну РАК в 1855 г. приступила даже к разработке каменноугольных пластов на п-ове Кенай. Уголь понадобился компании для снабжения им собственных пароходов, а в перспективе РАК надеялась на его экспортные поставки за рубеж. Главное правление настолько загорелось идеей развить в колониях угледобывающую промышленность, что в своем официальном отчете за 1858 г. поспешило во всеуслышанье объявить, что добываемый в Кенае уголь отличного качества, хотя это совсем не соответствовало действительности. Не без гордости Главное правление сообщало: «Хотя самое производство еще не окончено, но можно сказать, что в колониях положено главное основание каменно-угольной промышленности, а именно: в перво-

---

[138] **Там же.** — С. 194. 1(13) мая 1864 г. последний главный правитель Русской Америки Д.П.Максутов и комиссионер РАК в Калифорнии М.Клинковстрем подписали с представителями АРТК новое соглашение сроком с 1 января 1867 г. См. **АВПРИ.** — Ф. Гл. арх. 1–9. — 1857–1858 гг. — Д. 4. — Л. 58–60, 114–115 (текст на рус. и англ. яз.).

[139] **Тихменев П.А.** — Ч. 2. — С. 176.

[140] **Там же.** — С. 161.

бытном лесу основано почти целое заселение, люди приобучены, машины доставлены и приспособлены к делу, одним словом затруднения, иногда совершенно неожиданные и непреодолимые, устранены вполне, так что компания может вскоре надеяться на достижение в этом предприятии желаемого успеха»[141]. Однако когда еще в августе 1856 г. 500 т кенайского угля были впервые отправлены для продажи в Калифорнию, то оказалось, что в Сан-Франциско аляскинский уголь имел плохой сбыт из-за невысокого качества[142].

В целом же большого успеха в развитии угольной отрасли ожидать не приходилось: РАК не имела опытных шахтеров-профессионалов, не вела сортировку добытого угля и у нее даже отсутствовали склады для его хранения. В результате этих и других просчетов компания до 1860-х гг. несла значительные убытки от так называемой «каменно-угольной экспедиции» на Кенайском п-ове. И хотя последняя в 1857–1860 гг. добыла 2760 т угля стоимостью по колониальным ценам в 45 800 руб. асс. (т.е. немногим более 15 000 руб. в год), однако ее расходы на жалованье служащим, обустройство и ремонт оборудования составили только за 1859 г. около 86 000 руб.[143]

Колонии несли убытки и по другим причинам. Так, в 1855 г. в Ново-Архангельске произошел крупный пожар: сгорела большая скорняжная мастерская. В результате финансовые потери компании составили внушительную сумму — 8 тыс. руб. сер. Впрочем, в том же году эта мастерская (в два этажа с навесами для просушки мехов) была отстроена заново. Кроме того, здесь же была возведена обширная казарма для двухсот солдат, новый плашкоут для подвижного парового лесопильного завода и пристройки к чугунно-литейной мастерской[144].

По-прежнему почти безуспешными оставались попытки наладить в колониях зерновое хозяйство. И дело было даже не столько в суровом аляскинском климате, сколько в составе русского населения колоний. Как отмечала С.Г.Федорова, среди поселенцев почти не было крестьян, имевших опыт сельскохозяйственного производства. Поэтому, например, в 1855 г. в селении Нинильчик на берегу зал. Кука, основанном специально как сельскохозяйственная колония, опыт выращивания злаков был малоуспешным[145].

В 1856 г., после окончания Крымской войны, РАК решила пополнить свою поредевшую флотилию: ведь с 1850 г. она потеряла три судна: бриг «Шелихов» потерпел кораблекрушение у устья Амура, а корабль «Ситха» и бриг «Охотск» стали жертвами войны.

---

[141] **ОГП РАК за 1858 г.** — С. 54–55.

[142] **ОГП РАК за 1856 г.** — С. 34.

[143] **Костливцев С.А.** Указ. соч. — С. 197–202.

[144] **Там же.**

[145] **Федорова С.Г.** Этнические процессы в Русской Америке // Национальные процессы в США. — М., 1973. — С. 162.

Поэтому компания купила у американцев небольшой барк «Нахимов» (287 т) и винтовой пароход «Александр II» (500 т), вооруженный шестью орудиями. Эти суда и раньше плавали в колониях, участвуя в их снабжении и вывозе пушнины, но под американским флагом. Теперь же РАК смогла официально поднять на них свой собственный. В этом же году по заказу компании в Нью-Кастле (США) был выстроен железный пароход «Великий Князь Константин» (368 т). Кроме того, для транспортировки чая из Шанхая в Петербург РАК приобрела в 1858 г. крупный американский клипер, получивший название «Царица» (1090 т)[146]. Строительство же новых судов в Ново-Архангельске было заморожено на несколько лет и здесь осуществлялся лишь текущий ремонт парусных судов и пароходов, строились же лишь баркасы и шлюпки. Правда, в 1859 г. на новоархангельской верфи был заложен новый пароход, призванный заменить маленький обветшавший «Баранов».

Летом 1857 г., через год после окончания войны, главный правитель С.В.Воеводский совершил свою единственную инспекторскую поездку по отделам российских колоний. На винтовом пароходе «Император Александр II» он побывал на Уналашке, Кадьяке и п-ове Кенай, где посетил Николаевский редут и угольные разработки РАК в Английской бухте. Со своей стороны, для увеличения добычи угля и льда Главное правление компании весной того же года отправило в колонии через Сибирь 77 рабочих. Необходимость этого шага руководство компании мотивировало тем, что использование на трудоемких работах туземцев и креолов оказалось не слишком эффективным из-за их сравнительно слабого физического развития и недостаточной выносливости. Кроме того, зависимых туземцев было гораздо выгоднее использовать на пушных промыслах, не отвлекая их для заготовки угля или льда (исключение составляли вольные индейцы тлинкиты, жившие у Ново-Архангельска). Правда, Главное правление вынуждено было признать, что доставка и содержание в колониях контрактных рабочих из России стали обходиться компании все дороже и дороже.

Находясь в Кадьякском отделе, Воеводский уделил особое внимание поселенным тут колониальным гражданам и креолам. Он писал: «Главное место поселений в Кадьякском отделе, где в бытность мою в 1857 году, я имел случай видеть почти всех поселян, как заезжих (русских из метрополии. — *А.Г.*), так и Креол и вообще заметил резко выказывающееся довольство, а по собранным на месте сведениям убедился, что все они ведут себя безукоризненно во всех отношениях. Единственные нужды поселян были в плотничных, столярных и огородных инструментах...». Несколько семей поселенцев было размещено на п-ове Кенай, где, как предполагал

---

[146] **Головин П.Н.** Указ. соч. — С. 346–347.

Воеводский, в будущем будет находиться их главное местожительство[147].

В целом в 1858 г. сословие колониальных граждан во всех отделах колоний насчитывало вместе с членами их семей около 240 человек. На содержание каждого семейства РАК тратила от 30 до 200 руб. сер. в год. Эта сумма, по мнению Главного правления компании, «при других средствах, которые употребляются на их водворение в местах поселения, составляет совершенно достаточное обеспечение для привольного их существования»[148]. Для повышения благосостояния С.В.Воеводский приказал приучать колониальных граждан и их детей «к туземным промыслам и упражнениям»[149].

Наряду с заботами об экономическом развитии колоний С.В.Воеводский не забывал и сферу просвещения. По его распоряжению, в Ново-Архангельске была основана новая временная (до получения санкции правительства) школа для детей чиновников и морских офицеров, служивших РАК. В 1857 г. в этой школе обучалось 18 учеников, которым преподавались русская грамматика, арифметика, география, история, закон Божий, немецкий и английский языки. Стремясь узаконить это образовательное учреждение, ГП РАК обратилось с соответствующим ходатайством в Министерство финансов, Народного просвещения и Св. Синод, которые благосклонно отнеслись к инициативе компании. 19 марта 1859 г. царь предписал правительству удовлетворить ходатайство компании и учредить в Ново-Архангельске «Общее Училище Российско-Американских колоний». Новая школа была уравнена с уездными сибирскими училищами для мальчиков, а ее преподаватели зачислялись на действительную государственную службу по ведомству Министерства народного просвещения. В Общем училище вводилось трехклассное обучение следующим предметам: русскому языку, чистописанию, закону Божьему, Священной и Церковной истории, арифметике, геометрии до стереометрии включительно, географии, истории государства Российского (и сокращенно — всеобщей истории), черчению и рисованию. Кроме того, для воспитанников, готовящихся к поступлению непосредственно на службу РАК в колониях, вводились дополнительные дисциплины: математика, бухгалтерия, навигация и мореходная астрономия, углубленный английский и немецкий языки (в Ново-Архангельске этот перечень был дополнен языком местных индейцев тлинкитов). Прилежные ученики, прошедшие весь курс обучения и поступившие на службу компании, получали определенную льготу: по выслуге ими шести лет в чинов-

---

[147] **Обзор управления колониями Российско-Американской компании в 1854–1859 гг.** // РГИА. — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 13–13 об.

[148] **ОГП РАК за 1858 г.** — С. 24–25.

[149] **Обзор управления колониями Российско-Американской компании в 1854–1859 гг.** // РГИА. — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 3.

ных должностях они имели право на получение личного почетного гражданства[150]. Организация Общего училища в Ново-Архангельске имела самое благотворное влияние на жизнь российских колоний. Не случайно Главное правление РАК подчеркивало в своем ежегодном отчете: «Некоторые из лиц, служивших с пользою в Колониях, и оставивших колониальную службу единственно по невозможности дать там воспитание своим детям, возобновили желание о возвращении своем туда...»[151]. Помимо Общего училища в Ново-Архангельске существовала еще школа для детей рабочих и сирот. Здесь к 1 мая 1859 г. числилось 32 ученика. Кроме того, в находившейся здесь же начальной женской школе обучалось 25 учениц[152]. Еще несколько мальчиков-креолов РАК ежегодно посылала для получения специального образования в столицу империи. Так, например, в 1857 г. в С.-Петербурге за счет компании обучалось 8 учащихся (в Коммерческом училище — 3, в Технологическом институте — 2 и еще 3 — в Училище торгового мореплавания)[153]. Нельзя не отметить, что развитие образования в колониях и обучение их уроженцев в столице было одним из наиболее положительных аспектов деятельности Российско-американской компании.

Кроме заботы о просвещении, Воеводский стремился также улучшить положение простых служащих РАК: к ежемесячному пайку, который получал каждый работник компании, он добавил полпуда муки в месяц. Правда, при этом летний рабочий день был увеличен на 2 часа в сутки (до 12 часов). Помимо этого при Воеводском в продовольственный рацион служащих были введены консервированное молоко и сушеные овощи, поставлявшиеся из Франции[154]. Эта мера значительно улучшила состояние здоровья жителей Ново-Архангельска. Находившийся в российских колониях в 1851–1859 гг. доктор З.С.Говорливый указывал несомненную пользу от регулярного завоза в Ново-Архангельск свежих продуктов и консервов: «Этим почти вполне уничтожен источник многих болезней и облегчено лечение. Местное начальство постоянно употребляло все усилия для доставления свежей провизии в больницу. Большим подспорьем для жителей служили привозимые из С.-Франциско быки, овощи, масло, виноград, апельсины, яблоки и прочие фрукты, которые Компания в ущерб себе продавала по колониальным ценам»[155].

---

[150] **ОГП РАК за 1857 г.** — С. 18–19; **ОГП РАК за 1858 г.** — С. 17–21.

[151] **ОГП РАК за 1858 г.** — С. 22–23.

[152] **Там же.** — С. 15–16.

[153] **ОГП РАК за 1857 г.** — С. 18–19.

[154] **Обзор управления колониями Российско-Американской компании в 1854–1859 гг.** // РГИА. — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 3.

[155] **Краткий обзор болезней во владениях Российско-Американской компании с 1851 по 1859 годы.** — С. 75.

Тем не менее, улучшение снабжения колоний и медицинского обслуживания служащих РАК не всегда могло предотвратить эпидемии. Так, осенью 1857 г. на корабле «Цесаревич» из Аяна в Ново-Архангельск прибыла крупная партия рабочих и сотня солдат во главе с четырьмя офицерами. К сожалению, на этом же судне в Ново-Архангельск был занесен тиф. Двое заболевших рабочих были доставлены на берег и немедленно помещены в новоархангельский госпиталь (один из них вскоре умер). Несмотря на объявленный карантин и чрезвычайные меры предосторожности, предпринятые медиками и С.В.Воеводским (у дверей госпиталя было выставлено даже двое часовых), заражения жителей Ново-Архангельска избежать не удалось. Началась эпидемия, прекратившаяся только спустя несколько месяцев, причем переболело более 300 человек, из которых 14 умерло. Болезнь перекинулась и к жившим по соседству с Ново-Архангельском индейцам тлинкитам, среди которых также было немало больных и умерших[156].

Эпидемия тифа, поразившая тлинкитов, значительно ослабила этих беспокойных соседей столицы Русской Америки. Еще большему их умиротворению способствовала переброска в Ново-Архангельск еще одной сотни солдат из состава сибирских линейных батальонов. Директора РАК в своей депеше главному правителю Русской Америки от 24 апреля 1857 г. мотивировали дополнительную присылку войск не только опасностью нового нападения индейцев на город, но и усилением чайной и вообще внешней торговли компании, в связи с чем якобы участились посещения столицы колоний иностранными судами. И только как бы между прочим руководство РАК указывало на главную причину этой акции: компании все труднее стало нанимать рабочих и матросов для службы в колониях и, чтобы избежать излишних трат, директора ходатайствовали перед правительством об усилении новоархангельского гарнизона, солдаты которого составили бы дополнительный контингент относительно дешевой рабочей силы[157].

И действительно, реальная угроза нападения индейцев на Ново-Архангельск была невелика, так как ситхинские тлинкиты, понеся тяжелые потери во время неудачного штурма крепости в 1855 г., вряд ли отважились бы повторить его. Еще менее убедительной выглядела угроза со стороны иностранных кораблей и их экипажей. Столицу российских колоний в 1850-е гг. редко посещали суда других стран, тем более, что РАК сама располагала достаточным флотом для ведения внешней торговли и снабжения колоний всем

[156] **Обзор управления колониями Российско-Американской компании в 1854–1859 гг.** // РГИА. — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 19 об.–20; **ОГП РАК за 1857 г.** — С. 16–17; **Краткий обзор болезней...** // ОГП РАК за 1860 г. — С. 91.

[157] **Головин П.Н.** Указ. соч. — С. 337–339.

необходимым. Лишь американские китобои на севере и английские контрабандисты на юге Русской Америки представляли некоторую угрозу, да и то чисто экономическую, а не военную. Но против них сухопутные войска, присланные в столицу колоний, были совершенно бесполезны. Поэтому солдаты не столько несли гарнизонную службу, сколько занимались валовыми работами в порту и на лесоразработках, сдельно нанимались к частным лицам, спекулировали ромом и т.п. Нескольких из них колониальное начальство даже отправило на п-ов Кенай для добычи угля[158].

Окончание Крымской войны позволило без опаски переправлять скопившиеся в Ново-Архангельске меха в метрополию. В 1856 г. их вывоз был особенно значителен. Поэтому подводя итоги торгово-промысловой деятельности РАК в колониях в период своего правления, С.В.Воеводский мог с удовлетворением отметить: «В общей сложности количество добытых мехов не изменилось, в сравнении с прежним пятилетием, а ежели принять в соображение, что во время войны промысел на островах Курильских почти прекратился в особенности со времени разорения Англо-Французской эскадрой заселения на Острове Урупе, то количество добытых с прочих мест, оказывается даже обильнее прежнего»[159].

Таким образом, и во второй половине 1850-х гг. добыча и экспорт пушнины продолжали оставаться в целом достаточно стабильными, хотя колебания по отдельным разновидностям мехов могли быть весьма значительны. Так, в 1858 г. количество добытых каланов было заметно ниже, чем за два предыдущих года, зато лисьих шкур РАК приобрела в два раза больше, чем в 1857 г. Подобные колебания испытывали и рынки сбыта. Например, торговля в Нью-Йорке для РАК в 1858 г. оказалась невыгодна из-за невысоких цен на пушнину, и Главное правление компании решило на время приостановить там свои операции. С другой стороны, обмен мехов на чай в Китае шел в этом году с большим успехом[160]. В результате торговый баланс компании в этот период сводился с неизменной прибылью, а дивиденд на каждую акцию РАК к концу 1850-х гг. даже возрос до 18–20 руб.сер. в год, в то время как десятилетием ранее он составлял только 15 руб. сер.

Определенные изменения наметились в стратегии пушной торговли РАК на Севере. Инициатором здесь выступил главный правитель С.В.Воеводский. По его мнению, для компании было выгоднее вести торговлю с индейцами и эскимосами не в редутах и одиночках, как это происходило прежде, а с помощью высылаемых оттуда специальных торговых партий на места традиционных встреч туземцев.

---

[158] **Там же.** — С. 344–345.

[159] **Обзор управления колониями Российско-Американской компании в 1854–1859 гг.** // РГИА. — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 14.

[160] **ОГП РАК за 1858 г.** — С. 3, 7.

Тем самым русские лучше изучали страну и ближе знакомились с местными жителями, а последним не надо было тратить время для поездки в фактории РАК и упускать время, необходимое для заготовки продовольствия (из-за чего среди индейцев нередко случался голод)[161].

Следуя выработанной Воеводским стратегии, РАК упразднила Александровскую факторию на п-ове Кенай. В Нушагакской же одиночке, как отмечало Главное правление компании, «представилась возможность к значительному сокращению в настоящее время служащих, по совершенной преданности к русским окружающих оную туземцев и постоянно дружеским сношениям с ними. Подобное сокращение, по всей вероятности, должно быть произведено и в некоторых из прочих редутов и одиночек, находящихся в столь же благоприятном положении»[162]. Исходя из тех же соображений, сам Воеводский высказался против восстановления Медновской одиночки в среднем течении р. Коппер (Медной), оставленной зимой 1849/50 г., когда голодавшие индейцы атна разграбили хранившиеся там запасы продовольствия[163]. Главный правитель считал более целесообразным посылку туда летом приказчика с товарами для временной торговли. Кроме того, для вымена пушнины он приказал использовать лояльного к русским вождя атна, выдавая ему в долг товаров на 300 руб. в год[164].

Эти распоряжения Воеводского имели успех, и спустя год он мог с удовлетворением написать Кадьякской конторе РАК: «Усматривая из донесения Конторы от 12-го октября за № 166 об успешной разторжке с медновцами предлагаю Конторе медновскому тоену (вождю атна. — *А.Г.*) Василию Тинальтету выдать от моего имени в награду за его усердие и честность мануфактурных товаров по его выбору на 20 руб. асс. Управляющему Константиновским редутом Григорьеву объявить от моего имени благодарность, а посылаемых для разторжки с медновцами и колчанами (верховые атна. — *А.Г.*) байдарщика Падерина и толмача Велионского представить весной будущего года к награде»[165].

Успешно шла торговля РАК и с туземцами на Севере. В своем отчете Главному правлению компании С.В.Воеводский писал: «Безпорядки по Северному отделу причиненные тамошними дикарями

---

[161] **Обзор управления колониями Российско-Американской компании в 1854–1859 гг.** // РГИА. — Ф. 15. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 11.

[162] **ОГП РАК за 1860 г.** — С. 40–41.

[163] **Дорошин П.П.** Из записок, веденых в Русской Америке // Горный журнал. — 1866. — Ч. 1. — № 3. — С. 385, 389–390.

[164] **С.В.Воеводский — Кадьякской конторе РАК, 18 ноября 1857 г.** // NARS. — RRAC. — R. 61. — P. 144.

[165] **С.В.Воеводский — Кадьякской конторе РАК, 12 ноября 1858 г.** // Ibid. — R. 62. — P. 147.

(в 1855 г. — *А.Г.*), были следствием нераспорядительности Управляющего; назначением на это место опытного и усердного к службе Андреянова, разторжки и отношения с дикарями были восстановлены совершенно»[166].

Как уже говорилось выше, в связи с окончанием пятилетнего контракта с РАК главного правителя Русской Америки контр-адмирала С.В.Воеводского по ходатайству Главного правления компании на эту должность был назначен бывший начальник Аянского порта капитан 1-го ранга Иван Васильевич Фуругельм, награжденный в 1858 г. за свою успешную деятельность орденом Св. Владимира 3-й степени. Царь санкционировал это назначение 1 декабря того же года. Кроме того, приказом по флоту от 19 января 1859 г. Александр II определил в помощники Фуругельму капитан-лейтенанта князя Дмитрия Петровича Максутова, который в дальнейшем сам стал последним главным правителем Русской Америки. В конце июня 1859 г. Фуругельм прибыл в колонии и приступил к исполнению своих обязанностей[167].

В первый год своего правления новый главный правитель по примеру ряда своих предшественников деятельно взялся за организацию строительных работ. В 1859 г. были усилены батареи и укрепления Ново-Архангельска, капитально реконструирован находившийся неподалеку от него Озерский редут, отремонтированы магнитная обсерватория и ряд домов в колониальном центре, а на новоархангельской верфи заложен корпус нового парохода[168]. В это же время на о-ве Лесном в Кадьякском отделе был выстроен еще один большой склад для хранения льда и увеличена казарма для рабочих путем надстройки дополнительного этажа.

На редкость удачен в том году был и промысел каланов: байдарочные флотилии РАК добыли до 900 животных (такой богатой добычи компания не имела с 1844 г.). Кроме того, у туземцев было выменяно большое число бобровых шкур, а на Командорских о-вах и о-вах Прибылова добыто 11 000 котиков[169]. Но и этого Главному правлению показалось мало, и оно поручило Фуругельму в 1859 г. поднять квоту добычи до 60 000 животных[170].

Такое решение было принято не случайно. Несмотря на несомненные успехи пушного промысла в колониях во второй половине 1850-х гг., общее финансовое положение РАК начало стремительно ухудшаться. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что собственно пушной промысел в Америке и торговля мехами приносили РАК почти одни убытки в сравнении с расходами на снабжение

---

[166] **Обзор управления...** // ОГП РАК за 1859 г. — С. 59.
[167] **ОГП РАК за 1858 г.** — С. 11.
[168] **ОГП РАК за 1859 г.** — С. 28.
[169] **Там же.** — С. 29.
[170] **Фуругельм И.В.** Указ. соч. — С. 9.

колоний, содержание Главного правления, с транспортными издержками и т.д. Так, заметно выросли затраты на закупку пушнины у туземцев, что связано с повышением таксы в 1852 г. Разница по этой статье между 1850 и 1859 гг. составила 50 000 руб. сер. Содержание колоний также требовало все больших расходов, и в 1858–1859 гг. компания истратила по этой статье соответственно около 250 и 187 тыс. руб. асс. сверх обычной суммы. Увеличение издержек произошло также из-за сверхштатного жалованья, прибавки к продуктовому пайку служащих еще полпуда муки и ряда других причин[171].

Выросли и расходы на содержание бюрократического аппарата компании — на 27 000 руб. сер. в 1859 г. в сравнении с 1850 г. При этом средства тратились не всегда разумно, например, только на перестройку дома РАК в Петербурге ушло 76 976 руб. сер. (это только в два раза меньше, чем было израсходовано на приращение запасного капитала за все 1850-е гг.). В целом содержание колоний и «компанейского управления» обошлось компании за десятилетие (1850–1859) в 5 268 142 руб. 55 коп. сер., в то время как от продажи приобретенной в колониях пушнины было получено за это же время только 4 228 632 руб. 19 коп. сер. Таким образом, за десятилетие дефицит составил весьма крупную сумму в 1 039 510 руб. 36 коп. сер. Значительная часть его, правда, была компенсирована за счет торговых наценок на ввозимые в колонии товары, от которых РАК получила доходов на 926 184 руб. сер. В целом общий дефицит составил 113 326 руб. сер., и это без учета сумм на выдачу дивиденда[172].

Следует добавить, что ситуацию с финансами компании в значительной мере ухудшали неустойчивость пушного промысла и торговли, и особенно медленный оборот капитала, что порождало недостаток оборотных средств. Отсутствие свободных денег при обязательных платежах в казну заставляло РАК прибегать к кабальным займам необходимых сумм в банках под высокий процент. Лишь доходы от чайной торговли позволяли компании не только находиться «на плаву», но даже выплачивать своим акционерам довольно приличные дивиденды. Чистая прибыль РАК от экспорта чая в Россию составила за 1850–1859 гг. огромную сумму в 1 649 724 руб. сер.[173] Другими словами, уже к концу 1850-х гг. стало ясно, что одна промыслово-торговая деятельность в Америке не в состоянии обеспечить не только процветание, но даже сносное существование. Крупнейший мехоторговец постепенно трансформировался в чаеторговца.

Нарастание финансовых трудностей к концу 1850-х гг. вынудило Главное правление РАК начать методичную осаду правительства с целью получения от него новых льгот и привилегий. При этом

---

[171] **Костливцев С.А.** Указ. соч. — С. 227.
[172] **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 386–387, 400–401.
[173] **Там же.** — С. 402–403.

делались ссылки на заслуги компании перед Отечеством в деле освоения Русской Америки и Дальнего Востока, особенно в годы Крымской войны. Царское правительство довольно охотно пошло навстречу компании РАК, и в 1857–1858 гг. она получила ряд финансовых послаблений: ей стали отчислять по 25% от пошлинного сбора с разрешенного самим правительством завоза в Россию мехов каланов и котиков; РАК было предоставлено право пользоваться в государственном Коммерческом банке кредитом до 250 000 руб. сер. в год; наконец, правительство санкционировало ежегодную выдачу компании до 40 000 полуимпериалов золотом по твердому курсу. Все эти льготы давали РАК около 30 000 руб. сер. в год, что было существенным подкреплением ее бюджета[174].

Однако долго такое положение не могло сохраняться: с развитием капитализма в России с начала 1860-х гг. особенно остро встал вопрос об отмене всех и всяческих привилегий и льгот, мешавших свободному предпринимательству. Тем более, что срок собственных монопольных привилегий компании истекал в 1862 г.

Итак, 1850-е гг. явились трудным этапом истории Русской Америки и деятельности Российско-американской компании. В этот сложный период произошло несколько столкновений с туземцами на Аляске и Крымская война (боевые действия, правда, обошли стороной российские колонии в Америке). Именно в 1850-е гг. впервые возникли проекты продажи российских владений в Новом Свете, а экономическое положение РАК к концу десятилетия начало внушать серьезную тревогу за ее будущность.

---

[174] **Там же.** — С. 390–391.

Глава

9

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОЕКТОВ ПРОДАЖИ РУССКОЙ АМЕРИКИ (1853–1861)

1. Крымская война и вопрос о судьбе Русской Америки (1853–1856)

Еще до начала Крымской войны проницательные и осведомленные политические и общественные деятели в России отдавали себе отчет в жизненной важности для нее Дальнего Востока и желательности расширения связей с США как известного противовеса Великобритании. Именно в это время впервые был поднят вопрос и об уступке Русской Америки Соединенным Штатам. Так, приехав весной 1853 г. в С.-Петербург, генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев-Амурский представил Николаю I записку, в которой изложил свои виды о необходимости укрепления позиций империи в указанном регионе, будущей судьбе русских владений в Северной Америке и важности тесных отношений с Соединенными Штатами.

Н.Н.Муравьев напоминал, что в свое время «Российско-американская компания обращалась к правительству с просьбой о занятии Калифорнии, тогда свободной и почти никем не владеемой, сообщая при том свои опасения, что скоро область эта сделается добычей Американских Соединенных Штатов... Нельзя было и тогда же не предусматривать, что штаты эти, утвердившись однажды на Восточном океане, скоро будут там первенствовать перед всеми морскими державами и будут иметь надобность во всем северо-западном берегу Америки. Владычество Северо-Американских Штатов во всей Северной Америке так натурально, что нам очень и жалеть не должно, что двадцать пять лет тому назад мы не утвердились в Калифорнии, — пришлось бы рано или поздно уступить ее, но, уступая мирно, мы бы могли взамен получить другие выгоды от американцев. Впрочем, теперь, с изобретением и развитием железных дорог, более

еще, чем прежде, должно убедиться в мысли, что Северо-Американские Штаты неминуемо распространятся по всей Северной Америке, и нам нельзя не иметь в виду, что рано или поздно придется им уступить североамериканские владения наши. Нельзя было, однако ж, при этом соображении не иметь в виду и другого: что весьма натурально и России если не владеть всей Восточной Азией, то господствовать на всем азиатском прибрежье Восточного океана. По обстоятельствам мы допустили вторгнуться в эту часть Азии англичанам... но дело это еще может поправиться тесной связью нашей с Северо–Американскими Штатами»[1].

К записке Н.Н.Муравьева в С.-Петербурге отнеслись весьма благосклонно. Конкретные предложения по укреплению позиций России на р. Амур и на о-ве Сахалин были подвергнуты «тщательному обсуждению» с участием генерал-адмирала вел. кн. Константина и членов правления Российско-американской компании. 11 (23) апреля 1853 г. последовало «повеление» императора, разрешавшее РАК «занять остров Сахалин на тех же основаниях, как она владела другими землями, упомянутыми в ее привилегиях, с тем чтобы не допускать на Сахалине никаких иностранных заселений»[2]. Можно полагать, что не остались без внимания и общие соображения Н.Н.Муравьева о русских владениях в Северной Америке, а также о необходимости поддержания тесных отношений с Соединенными Штатами.

Понимая неизбежность войны с Англией и Францией, Э.А.Стекль, ставший в марте 1854 г. поверенным в делах в Вашингтоне (А.А.Бодиско умер 23 января 1854 г.)[3], предложил российскому вице-консулу П.С.Костромитинову сделать фиктивную продажу кораблей, принадлежавших РАК, «обществу, учрежденному в Сан-Франциско г-ном Сандресом», а также в случае возможности организовать действия каперов в Тихом океане[4]. Русский дипломат имел для этого известные основания. Отношения с Соединенными Штатами складывались в то время весьма благоприятно. Беседуя со Стеклем, президент США Ф.Пирс не скрыл от него, что Соединенным Штатам возможно не удастся быть нейтральными, а

---

[1] **Струве Б.В.** Воспоминания о Сибири, 1848–1854 гг. — СПб., 1889. — С. 154–155. Эти же материалы с ссылкой на Б.В.Струве приводил И. Барсуков. См. **Барсуков И.** Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. — Т. 1–2. — М., 1891. — Т. 1. — С. 322–323.

[2] **Струве Б. В.** Указ. соч. — С. 157. О действиях РАК на о-ве Сахалин см. **Тихменев П. А.** — Ч. 2. — С. 99–128.

[3] **К.Г.Катаказн — К.В.Нессельроде, 17(29) января 1854 г., № 53** // АВПРИ. — Ф. К., 1854 г. — Д. 167. — Л. 8–9; **Э.А. Стекль — Л.Г. Сенявину, 1 (13) марта 1854 г.** // Там же. — Л. 42–43.

[4] **Э.А.Стекль — П.С.Костромитинову, 4(16) марта 1854 г.** // Там же. — Л. 82–83.

присутствовавший на беседе госсекретарь У.Л.Марси даже заметил, что действия Англии и Франции (особенно лорда Кларендона) «в сильной мере русифицировали нас» (russified us)[5].

Предложение Э.А.Стекля о «мнимой продаже» кораблей Российско-американской компании «обществу, учрежденному г. Сандерсом», привело к несколько неожиданному результату. Русский вице-консул в Сан-Франциско подписал... не более и не менее как акт о фиктивной продаже американцам всего имущества РАК, включая ее земельные владения. Предоставим, однако, слово самому П.С.Костромитинову. При обсуждении «предложения» Стекля о спасении от неприятеля русских кораблей возник вопрос, «нельзя ли посредством мнимой продажи спасти другие имущества компании и даже самые колонии». «Мне предлагали, — сообщал вице-консул Э.А.Стеклю 18(30) апреля 1854 г., — составить акт на мнимую уступку кораблей, мехов, товаров и прочей движимости нашей компании, а также земель со всеми угодьями с тем, чтобы акт этот хранился у меня и предъявлен был только в случае надобности. Если бы по несчастию мы потеряли колонии, тогда посредством сего акта американцы объявили бы на оные свои права, а чрез это был бы повод к вмешательству в это дело правительства Соединенных Штатов»[6].

Трудно поверить, чтобы скромный консульский чиновник самостоятельно мог придумать столь хитроумный и смелый план. Из текста донесения можно заключить, что идея исходила от его партнеров, у которых не было недостатка ни в инициативе, ни в практическом опыте. «Дело это было столь великой важности, — писал П.С.Костромитинов, — что я ужаснулся последствий в случае какой-либо неосторожности, и поэтому предложил американцам действовать по сему предмету в Вашингтоне... Самое важное затруднение при составлении сих актов будет в том, чтобы они имели законную форму. Для сего необходимо иметь в виду время отъезда г. Сандерса отсюда в С.-Петербург, т.е. задние числа»[7]. Соответственно в направленном Стеклю проекте не была проставлена

---

[5] **Э.А. Стекль — К.В. Нессельроде, 8(20) апреля 1854 г.** // Там же. — Л. 116. Соответствующий абзац в донесении Э.А. Стекля подчеркнут и отмечен восклицательным знаком. Еще ранее Марси информировал русского дипломата, что сразу же после объявления войны англичане направят свои военные корабли для блокады, а может быть, и для прямого нападения на Русскую Америку. Стекль немедленно сообщил об этом главному правителю Русской Америки С.В. Воеводскому, П.С. Костромитинову и своему начальству в С.-Петербурге. См. **АВПРИ. — Ф.РАК. — Д. 392. — Л. 50; Ф.К., 1854 г. — Д. 167. — Л. 82–83,97.**

[6] **П.С.Костромитинов — Э.А.Стеклю, 18(30) апреля 1854 г., № 16** // **АВПРИ. — Ф. Пос-ва в Вашингтоне. — Оп. 512/3. — Д. 57. — Л. 129.**

[7] **Там же. — Л. 129 об.**

дата заключения контракта[8]. Аналогичное донесение П.С.Костромитинов направил главному правителю Русской Америки С.В.Воеводскому. Вице-консул вновь подчеркивал, что акт этот может быть «предъявлен в случае крайности»[9].

Решиться на подобный шаг вице-консул мог только в исключительных обстоятельствах, при наличии прямой угрозы захвата русских владений объединенными силами союзников. «Известно,— писал он Стеклю и Воеводскому, — что враждебные державы при первом известии о войне с Россией предполагали предписать командующим англо-французскими морскими силами в Тихом океане, отделив до 12 судов разного ранга, послать их для нападения на наши колонии в Америке, особенно на порт Ново-Архангельск, как весьма важный пункт для будущих военных операций... Он едва ли выдержит нападение даже двух военных судов; о прочих поселениях наших в Америке можно сказать — еще менее»[10].

Еще в конце марта 1854 г. Англия и Франция официально объявили войну России. Превосходство морских сил союзников ни у кого не вызывало сомнения. В сложных условиях начавшейся войны П.С. Костромитинов решил не дожидаться санкции Э.А.Стекля и 19(31) мая 1854 г. подписал с представителем Американо-русской торговой компании в Сан-Франциско Ангусом Макферзоном фиктивный акт о продаже. В соответствии с ним Российско-американская компания за 7600 тыс. долл. уступала своему партнеру в Сан-Франциско на три года все имущество, промыслы и привилегии на территории в Северной Америке[11]. Договор с Американо-русской торговой компанией получил одобрение колониального совета и должен был быть предъявлен только в случае крайней необходимости[12]. В письме своему петербургскому начальству С.В. Воеводский сообщал, что контракт с Макферзоном подписан ввиду невозможности защитить

---

[8] **Там же.** — Л. 135–136. Упоминая об этом контракте, Ф.А. Голдер допустил неточность в дате отправки его из Калифорнии: 18(30) января вместо 18(30) апреля 1854 г. (см. **Golder F.A.** The Purchase of Alaska // AHR. — 1920. — Apr. — Vol. 25. — № 3. — P. 411). С тех пор эта ошибка повторяется во всех американских работах. См., в частности, **Jensen R.J.** The Alaska Purchase and Russian–American Relation. — Seattle, 1975. — P. 5 etc.

[9] **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 392. — Л. 52.

[10] **П.С.Костромитинов — Э.А.Стеклю, 18(30) апреля; С.В.Воеводскому, 18(30) апреля 1854 г.** // АВПРИ. — Ф. Пос–ва в Вашингтоне. — Оп. 512/3. — Д. 57. — Л. 126; Ф. РАК. — Д. 392. — Л. 51.

[11] **Текст контракта от 19(31) мая 1854 г., подписанного П.С.Костромитиновым и А.Макферзоном и утвержденного С.В.Воеводским** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 392. — Л. 46–49; Ф. Пос–ва в Вашингтоне. — Оп. 512/3. — Д. 57. — Л. 346–350.

[12] **С.В.Воеводский — П.С.Костромитинову, 6(18) июня 1854 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 392. — Л. 54–55, 55–57.

Ново-Архангельск в случае нападения англо-французских военных кораблей. «Самая сделка основана на полном взаимном доверии»[13].

Очень скоро, однако, и П.С.Костромитинову, и колониальному начальству пришлось давать отбой. В начале июля 1854 г. вице-консул в Сан-Франциско получил депешу Главного правления РАК от 16(28) апреля о заключении соглашения с компанией Гудзонова залива. Вскоре после этого на корабле «Зенобия» из Ситхи был доставлен акт о фиктивной продаже владений РАК американцам. «Я решился остановить все распоряжения колониального начальства по сему предмету, и акт, заключенный в колониях, оставить без всякого движения», — доносил П.С.Костромитинов Главному правлению РАК 1(13) июля 1854 г.[14] Соответствующий отчет вице-консул направил и Э.А.Стеклю: «По сим так счастливо изменившимся обстоятельствам препровожденному из колоний акту я не дал дальнейшего движения, о чем будет сообщено колониальному начальству при первом случае»[15].

Но если вопрос о «фиктивном договоре» можно считать решенным, то не вполне ясным остается место и роль в обсуждениях будущего Русской Америки доктора Томаса Коттмана, который побывал в С.-Петербурге в апреле — июне 1854 г. Полагая, будто «миссия Коттмана» «заложила основу» будущей покупки Аляски, проф. Норман Е.Сол довольно подробно рассказал об успехах американца в царской столице и в первую очередь обратил внимание на исключительно радушный прием, оказанный ему в русской столице[16]. Надо сказать, что предприимчивый врач, ставший после удачной женитьбы богатым плантатором в Луизиане, прибыл в Россию в очень удачный момент (вскоре после начала войны с Англией и Францией) и сразу оказался в центре внимания высшего общества. К тому же американец обладал прекрасными манерами, отлично владел французским языком и не скрывал своих симпатий к России. Не прося никакой платы он добровольно поступил на русскую службу и получил весьма замысловатую должность «старший сверхкомплектный ординатор военно-хирургического ведомства, доктор медицины и хирургии, надворный советник»[17].

---

[13] **С.В.Воеводский — В.Г.Политковскому, 7(19) июня 1854 г.** // Там же. — Л. 44.

[14] **П.С.Костромитинов — ГП РАК, 1(13) июля 1854 г.** // Там же. — Л. 41.

[15] **П.С.Костромитинов — Э.А.Стеклю, 30 июня (12 июля) 1854 г., № 45 (на подлиннике ошибочно стоит 30(12) июня)** // АВПРИ. — Ф. Посва в Вашингтоне. — Оп. 512/3, 1854. — Д. 57. — Л. 273–274.

[16] **Saul N.E.** Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867. — Lawrence, Kansas, 1991. — P. 204–209.

[17] **Российский государственный военно–исторический архив (далее — РГВИА).** — Ф. 1. — Оп. 1. — Т. 7. — Д. 21995. — Л. 10.

В отличие от других американских медиков на русской службе, в военных госпиталях Коттман не работал[18], но зато явно преуспел в придворных кругах С.-Петербурга. К зависти зарубежных дипломатов его принимали Николай I, великий князь Константин Николаевич и многие влиятельные сановники, включая военного министра князя В.А.Долгорукова.

Современному читателю будет любопытно узнать, как принимали и чем кормили гостей России (речь, конечно, шла о высшем обществе): «Много говорят об американском гостеприимстве, но именно С.-Петербург является местом, где оно практикуется в полном объеме и где знают толк в том, как надо развлекать», — сообщал Коттман из русской столицы 7 апреля 1854 г. и продолжал: «Вчера на обед подавали свежие вишни, клубнику, малину, сливы, яблоки, апельсины и ананасы. Посмотрев на стол, Вы бы подумали, что на дворе у нас июнь месяц. Кроме того, самое лучшее вино, которое я когда-либо пробовал... Что касается женщин, — с восторгом добавлял американец, — то я думаю, что они являются самыми умными в мире»[19]. (Остается только пожалеть, что как в прошлом, так и в настоящем русских женщин редко привлекали к руководству.)

При очевидном внешнем успехе пребывания д-ра Коттмана в С.-Петербурге конкретное содержание его «миссии» остается не вполне ясным. Проф. Сол полагает, что американец беседовал о продаже Аляски до того, как стало известно о взаимной нейтрализации владений РАК и компании Гудзонова залива в мае[20].

Между тем, как уже отмечалось, правитель Компании Гудзонова залива сообщил в С.-Петербург о согласии на взаимную нейтрализацию владений еще 13 марта, а 16(28) апреля руководство РАК уже известило о соответствующем соглашении колониальное начальство в Америке.

Кроме того, каких-либо прямых документальных свидетельств о переговорах Коттмана о продаже Аляски ни в американских, ни в русских архивах обнаружить не удалось. В сохранившейся специальной записке о Коттмане излагалось лишь газетное сообщение, в котором правительству США давался совет «приобрести Ситху»,

---

[18] **Болховитинов Н.Н., Пономарев В.Н.** Американские врачи в Крымской войне // США — экономика, политика, идеология. — 1980. — № 6. — С. 63–69. Во время Крымской войны в Россию прибыло более 40 американских врачей, многие из которых самоотверженно работали в военных госпиталях в Крыму.

[19] **Wilson Library.** — University of North Carolina. — Southern Historical Collection. — Chapel Hill. — Robert Crooke Wood Papers. — H.B.Trist to his friend Brown, May 26, 1854 describing the visit of Thomas Cottman to St. Petersburg. Свидетельство Коттмана приобретает особое значение, если учесть, что сам он хорошо знал, как угощали в плантаторских семьях на гостеприимном Юге и в богатых домах в Париже.

[20] **Saul N.E.** Op. cit. — P. 204, 206.

причем действовать быстро и энергично, чтобы помешать переходу этой территории в руки Англии[21]. Нет упоминаний о Коттмане и в последующих обсуждениях вопроса о продаже Аляски, которые велись вплоть до 1867 г.

С другой стороны, газетные слухи о возможной продаже Русской Америки действительно появлялись как в английской, так и в американской печати. Летом и осенью 1854 г. об этом писали, в частности, «Нью-Йорк геральд» и лондонская «Таймс», «Дублин университи мэгазин» и «Дейли Алта Калифорния»[22]. «Теперь уже нет сомнения, что Россия желает продать, — писала о проекте уступки Русской Америки Соединенным Штатам газета «Нью–Йорк геральд» 25 июля 1854 г. — Ее мотивы коротко состоят в понимании своей морской неполноценности и в желании сконцентрировать свои силы вокруг жизненно важных частей империи, что слишком очевидно, чтобы требовать комментарий или объяснение. Выбирая между захватом Ситки англичанами или продажей Соединенным Штатам, Николай, естественно, предпочел последних, и никто не может поставить под вопрос правильность его решения»[23].

Особый интерес в этой связи представляет статья влиятельного органа деловых кругов Сан-Франциско «Дейли Алта Калифорния» от 11 сентября 1854 г., основанная на информации, ранее напечатанной в «Балтимор американ». Помещая довольно подробное описание Российско-американской компании и ее владений в Америке, калифорнийская газета писала, что царь предпочитает передать их Соединенным Штатам, чем ожидать того, что они в результате войны достанутся англичанам. «Его посланник уже находится на пути в США с полномочиями сделать эту уступку», — сообщала газета и решительно высказывалась в пользу нового приобретения США. «Мы счастливы также отметить, — заключала газета, — что предлагаемое добавление к нашей территории не вызовет предубеждения Севера и даже Трибуна не будет опасаться, что там утвердится рабство»[24]. (Любопытно, что, хотя никто, разумеется, не опасался, что на Аляске утвердится плантационное рабство, именно «Трибуна» возглавит в апреле 1867 г. борьбу против ратификации договора о присоединении Русской Америки[25].)

---

[21] **РГВИА.** — Ф. 1. — Оп. 1. — Т. 7. — Д. 21995. — Л. 5–10.

[22] **New York Herald.** — 1854. — July 20, 25; **Times.** — 1854. — Aug. 8; **Daily Alta California.** — 1854. — Sept. 11; **Jensen R.J.** Op. cit. — P. 8, 144; **Saul N.E.** Op. cit. — P. 206–208.

[23] **Proposed Sale of Russian America to the United States** // New York Herald. — 25 July 1854.

[24] **What Russia Proposes to Sell** // Daily Alta California. — 1854. — Sept. 11; **Saul N.E.** Op. cit. — P. 206–208.

[25] Подробно см. **Болховитинов Н.Н.** 1990. — С. 221 и далее.

Между тем секретные переговоры о продаже Русской Америки велись, но не в С.-Петербурге, а в Вашингтоне, и не Томасом Коттманом, а Э.А.Стеклем.

Получив сообщение П.С. Костромитинова от 18(30) апреля 1854 г. о фиктивном контракте РАК с Американо-русской компанией в Сан-Франциско, Э.А.Стекль вступил в конфиденциальные переговоры с государственным секретарем У.Л.Марси и влиятельным сенатором от Калифорнии У.М.Гвином. После консультации оба собеседника сообщили Стеклю: «Несмотря на их желание и даже заинтересованность в покровительстве нашим колониям, им представляется невозможным доказать англичанам, что этот контракт не является фиктивным и, в особенности, что он заключен до войны». В этой связи они полагали, что подобный контракт не принесет «никакой пользы»[26].

Именно в ходе этих конфиденциальных бесед был впервые поставлен вопрос уже не о мнимой, а реальной продаже Русской Америки. В литературе об этом стало известно из статей Ф.А.Голдера (1920) и Х.М.Макферсон (1934)[27]. Ф.А.Голдер, знакомый с документами русских архивов, изложил обстоятельства дела сравнительно достоверно, хотя и очень кратко, а Х.М.Макферсон опиралась на более поздние мемуары сенатора У.М.Гвина, точность которых не может не вызвать сомнения.

Рассмотрим, однако, сохранившиеся документальные свидетельства подробнее и в первую очередь приведем отрывок из воспоминаний У.М.Гвина, продиктованных им в 1878 г. для библиотеки Бэнкрофта в Беркли (штат Калифорния), где они находятся и теперь:

«Во время Крымской войны, когда английские и французские суда отправились на север для нападения на русские владения на Тихом океане и когда казалось очевидным, что Петропавловск будет захвачен, барон Стекль, русский посланник в США, пришел к г-ну Гвину и попросил его быть посредником между ним и американским правительством при открытии переговоров по продаже русских владений па тихоокеанском побережье Америки Соединенным Штатам. Г-н Гвин пришел к президенту Пирсу и сообщил о цели своей миссии. Президент сразу же стал горячим сторонником покупки; но его государственным секретарем был г-н Марси, и президент уже имел некоторый опыт в отношении упрямства этого джентльмена... Было известно, что он решительно против присоединения территории к США. Беседа между государственным секретарем и г-ном

---

[26] **Э.А.Стекль — Л.Г.Сенявину, 24 августа (5 сентября) 1854, № 91** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 392. — Л. 61; Ф.К., 1854 г. — Д. 167. — Л. 309 (подлинник, шифр).

[27] **Golder F.A.** Op. cit. — P. 411–412; **McPherson H.M.** The Interest of William McKendree Gwin in the Purchase of Alaska, 1854–1861 // PHR. — 1934. — Mar. – Vol. 3. — N 1. — P. 28–38.

Гвином была бурной. Ничего не могло произвести какого-либо впечатления на г-на Марси. Он пригрозил выйти из кабинета, если любое подобное предложение будет благоприятно принято президентом и остальными его конституционными советниками. Г-н президент не был тверд в своей позиции в отношении данной или любой другой меры, если в его кабинете имелось расхождение во мнениях, и поэтому отклонил предложение русского посланника. Впоследствии Соединенные Штаты приобрели эту же территорию и заплатили за нее семь с половиной миллионов»[28].

Вряд ли надо подробно доказывать, что спустя почти четверть века У.М.Гвин весьма вольно изложил действительное содержание своих бесед, на что уже обращали внимание исследователи (в частности, В.Фэррар и Д.Х.Миллер)[29]. В отличие от калифорнийского сенатора, Э.А.Стекль написал о своих конфиденциальных беседах с Марси и Гвином по свежим следам событий, и у него не было оснований искажать их содержание в официальном отчете управляющему МИД России. Сообщая о том, что он дал указание П.С.Костромитинову и С.В.Воеводскому аннулировать фиктивный контракт с американской компанией в Сан-Франциско, Э.А.Стекль продолжал: «Этот проект контракта и слухи, распространяемые английской прессой о намерении императорского правительства продать свои владения, подали американцам идею, что мы могли бы их уступить им. Г-н Гвин спрашивал меня, действительно ли мы серьезно расположены уступить им наши колонии, за которые Соединенные Штаты были бы готовы хорошо (largement) нам заплатить. Г-н Марси, с которым об этом говорил Гвин, обратился ко мне с таким же вопросом. Я им ответил, что мы никогда не имели подобного намерения. Наши владения, которые вскоре должны достигнуть большого процветания, уже возбуждают страстное желание (convoitise) американцев. Они являются опасными соседями, и мы должны избегать того, чтобы давать им малейший повод»[30].

---

[28] **BL.** — US. — Memoirs on History of the United States, Mexico and California of Ex-Senator Wm.M. Gwin, Dictated by Himself for Bancroft Library, 1878. — P. 262–263. Излагая содержание этих «воспоминаний», Х.М. Макферсон ошибочно упоминала о беседе Марси с Пирсом, тогда как в документе шла речь о беседе Марси с Гвином (см. **McPherson H.M.** Op. cit. — P. 33).

[29] **Farrar V.J.** The Annexation of Russian America to the United States. — Wash., 1937. — P. 1–2, 20; **The Alaska Treaty.** — P. 37. Совершенно фантастическую версию сообщила в апреле 1867 г. газета «Нью-Йорк геральд», которая утверждала, что предложение о продаже Русской Америки было отвергнуто президентом Пирсом, который опасался осложнений с Англией. См. **New York Herald.** — 1867. — Apr. 29; **The Alaska Treaty.** — P. 37–38.

[30] **Э.А.Стекль — Л.Г.Сенявину, 24 августа (5 сентября) 1854 г., № 91 // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 302. — Л. 61–62; Ф.К., 1854 г. — Д. 167. — Л. 310–312** (подлинник, шифр).

Высказывались предположения, что слухи о возможной продаже и опасения перехода Русской Америки в руки США сыграли роль в отказе Англии от захвата владений Российско-американской компании, хотя никаких прямых свидетельств на этот счет обнаружить не удалось. (Газетные сообщения появились не до, а после соглашения о взаимной нейтрализации русских и британских владений в Северной Америке.) Тем не менее именно такой точки зрения придерживался Э.А.Стекль, сообщавший К.В.Нессельроде в феврале 1855 г.: «Наши владения на северо-западе не были ни атакованы, ни блокированы... Лишь боязнь затронуть интересы американцев, тесно связанные с нашими колониями, диктуют Англии такую линию поведения, так мало схожую с ее действиями в Балтийском, Белом и Черном морях, где ее морские силы несут опустошение и разорение жителям побережий»[31].

Много лет спустя, возвращаясь к этому вопросу, Э.А.Стекль писал канцлеру А.М.Горчакову: «В.пр-во знаете о соглашении, которое было заключено во время последней войны между нашей компанией и Компанией Гудзонова залива. Британское правительство санкционировало взаимный нейтралитет обеих территорий, нейтралитет, который был полностью в нашу пользу, поскольку у нас не было никаких средств для нападения на английские владения, тогда как англичане могли бы овладеть нашими. Этот акт снисходительности, так мало соответствующий английскому эгоизму, имел скрытый мотив. В это время распространился слух, будто мы собирались продать наши колонии Соединенным Штатам, и для того, чтобы предотвратить эту продажу, британское правительство санкционировало конвенцию, заключенную между двумя компаниями.

Я узнал об этом факте от г-на Марси, который в то время был государственным секретарем. Он заверил меня, что на всем протяжении Восточной войны английская миссия в Вашингтоне была начеку (sur le qui vive), чтобы узнать, является ли реальной продажа наших колоний американцам»[32].

Быть может, Стекль несколько преувеличил выгоды соглашения с Компанией Гудзонова залива только для России[33], но роль аме-

---

[31] **Э.А.Стекль — К.В.Нессельроде, 10(22) февраля 1855 г.** // АВПРИ. — Ф. К., 1855 г. — Д. 227. — Л. 1246.

[32] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 23 декабря 1859 г. (4 января 1860 г.), № 31** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 40–41 (подлинник). Англ. пер. **The Alaska Treaty.** — P. 35–36.

[33] Определенные выгоды соглашение о нейтрализации предоставляло и компании Гудзонова залива, поскольку это создавало благоприятные условия для продолжения ее промысловой и торговой деятельности. Английская компания сохраняла свои деловые отношения с РАК и продлевала выгодный для себя контракт на аренду части побережья Русской Америки: См. **Galbraith J.S.** The Hudson's Bay Company as an Imperial Factor, 1821–1869. — Berkeley, 1957. — P. 168.

риканского фактора и значение противоречий между США и Англией не подлежали сомнению. Показательно, в частности, что глава Американо-русской торговой компании в Сан-Франциско ходатайствовал перед президентом Ф.Пирсом о посылке к Ново-Архангельску одного-двух военных кораблей для защиты собственности американцев в случае нападения союзников на русские владения в Америке[34].

Что касается «фиктивного контракта» о продаже владений и имущества РАК, то, хотя он и был сразу же аннулирован, а колониальное начальство получило выговор за излишнюю самостоятельность[35], идея о возможной уступке Русской Америки Соединенным Штатам не только не умерла, но после окончания Крымской войны получила дальнейшее развитие. Более того, сторонниками этой идеи стали выступать и некоторые влиятельные деятели, члены царской фамилии, прежде всего младший брат Александра II — Константин Николаевич.

2. Обсуждение проекта продажи Аляски Соединенным Штатам (1857–1861)

Впервые идея о возможности продажи Русской Америки США была официально выдвинута вел. кн. Константином в письме из Ниццы 22 марта (3 апреля) 1857 г. на имя нового министра иностранных дел А.М.Горчакова. При этом сделана ссылка на «стесненное положение государственных финансов» и трудности с сокращением бюджета морского министерства без значительного ущерба развитию русского флота. «Продажа эта была бы весьма своевременна, ибо не следует себя обманывать и надобно предвидеть, что Соединенные Штаты, стремясь постоянно к округлению своих владений и желая господствовать нераздельно в Северной Америке, возьмут у нас помянутые колонии, и мы не будем в состоянии воротить их. Между тем эти колонии приносят нам весьма мало пользы, и потеря их не была бы слишком чувствительна и потребова-

---

[34] **Г.Декстер — Ф.Пирсу, 3 января 1856 г.** // АВПРИ. — Ф.Пос–ва в Вашингтоне. — Оп. 512/3. — Д. 62. — Л. 48–49.

[35] **Л.Г.Сенявин — В.Г.Политковскому, 22 сентября (4 октября) 1854 г., № 2236** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 392. — Л. 59–60. В соответствии с письмом Л.Г. Сенявина ГП РАК дало указание С.В. Воеводскому «во всех важных случаях, в особенности касающихся до заключения контрактов с гражданами Американских Штатов», обращаться за инструкциями к российской миссии в Вашингтоне и руководствоваться ее указаниями. См. **ГП РАК — С.В.Воеводскому, 6(18) октября 1854 г., № 1034** // NARS. — RRAC. — R. 21. — P. 118 (подлинник).

ла только вознаграждения нашей Российско-американской компании. Для ближайшего обсуждения этого дела и вычисления ценности колоний казалось бы полезным истребовать подробные соображения бывших правителей колоний: адмирала барона Врангеля, контр-адмирала Тебенькова и отставного контр-адмирала Этолина, находящихся в Петербурге, имея, впрочем, в виду, что все они могут иметь несколько пристрастный взгляд как члены Американской компании и притом как лица, которые провели лучшие годы жизни в колониях, где пользовались большой властью и значением»[36].

В заключение Константин Николаевич просил А.М. Горчакова доложить эти соображения Александру II.

Вспоминая позднее об обстоятельствах, связанных с подготовкой своего письма, брат царя сообщал, что зимой 1857 г. он получил в Ницце записку Л.В. Тенгоборского о состоянии финансов России после окончания Крымской войны и «немедленно сократил расходы по морскому ведомству, испросив высочайшее разрешение не вооружать весь Балтийский флот и не посылать в том году эскадры в Средиземное море». Изыскивая в то же время «новые источники для получения денег», Константин обратился с письмом к А.М. Горчакову, в котором предложил продать США «наши владения в Америке»[37]. Хотя непосредственным поводом для обращения Константина послужили финансовые затруднения и необходимость сокращения сметы морского министерства, из содержания письма вполне очевидно, что главной причиной продажи вел. кн. считал неизбежность в будущем захвата Русской Америки Соединенными Штатами. Письмо свидетельствует также о том, что Константин считал необходимым запросить мнение руководителей Российско-американской компании и обсудить вопрос на самом высоком уровне.

А.М.Горчаков, разумеется, не мог игнорировать предложения вел. кн. и сразу же показал письмо императору. На первой странице этого документа сохранилась собственноручная помета Александра II: «Эту мысль стоит сообразить»[38]. Проконсультировался глава МИД и с бывшим правителем Русской Америки (1830—1835) и директором Российско-американской компании (1840—1849)[39]

---

[36] **К.Н.Романов — А.М.Горчакову, 22 марта (3 апреля) 1857 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 3–4 (подлинник). Англ. пер. **The Alaska Treaty.** — P. 38.

[37] **К.Н.Романов — А.М.Княжевичу, 27 октября (8 ноября) 1858 г.** // АВПРИ. Ф. РАК. — Д. 397. — Л. 11–12 (подлинник). Упоминаемый вел. кн. Константином Л.В. Тенгоборский был известным экономистом, автором фундаментального труда «О производительных силах России» (М., 1854–1858. — Т. 1–4).

[38] **АВПРИ.** — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 3.

[39] **Pierce R.A.** Alaska's Russian Governors // AJ. — 1971. — Autumn. — Vol. 1. — N 4. — P. 40–45.

адмиралом Ф.П.Врангелем, занимавшим с 18(30) мая 1855 г. пост министра морских сил. В двух записках, представленных А.М.Горчакову 9(21) и 10(2) апреля 1857 г.[40], Ф.П.Врангель не решился выступить против мнения вел. кн., хотя и высказал некоторые соображения о пользе, приносимой Российско-американской компанией. «Если наше пр[авительст]во в видах предусмотрительной осторожности и по своим политическим соображениям находит, с одной стороны, неудобным удержать владения России в Америке и на разбросанных островах Восточн[ого] океана за нами и тем лишит нас желательного поощрения к морским торговым предприятиям в дальние моря; а с другой — признает нужным или полезным уступить эти владения прав[ительст]ву Соед[иненных] Штатов Сев[ерной] Америки, то сделка эта могла бы быть основана на следующем расчете...»: 7484 акции РАК дают в год доход по 18 руб., т. е. всего 134 712 руб. серебром. Откладывается в особый капитал 13 471 руб. и для раздачи бедным — 673 руб. Итого — 148 856 руб. серебром.

Исходя из 4% это составляет капитал в 3 721 400 руб. серебром. «За уступку владений Соединенным Штатам наше пр[авительст]во могло бы истребовать такую же сумму и правительству, всего 7 442 800 руб. с[еребром]. Богатые угольные запасы, лед, строительный лес, рыба... и превосходные морские порты представляют гражданам Соед[иненных] Штатов такие огромные выгоды, что пр[авительст]во Штатов не должно бы затрудняться в приобретении этих выгод этой сравнительно незначительной суммой»[41].

Учитывая, что от прекращения деятельности РАК будет нанесен ущерб Сибири, Ф.П.Врангель считал целесообразным использовать «проценты с суммы в 3 700 000 руб. с[еребром]» для благоустройства побережья Восточной Сибири от р. Амур до Камчатки «по предметам, способствующим торговым предприятиям».

В записке Ф.П.Врангеля обращалось внимание на необходимость сохранения строжайшей тайны и намечался конкретный порядок действий, включая предварительные секретные переговоры с правительством США. Кроме того, адмирал отмечал, что без обоюдного согласия нельзя нарушать соглашения с компанией Гудзонова залива (до 4 мая 1859 г.), Американо–русской торговой

---

[40] **Ф.П.Врангель — А.М.Горчакову, 9(21) и 10(22) апреля 1857 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 5–7, 7–8. Сохранились также черновые наброски, несколько отличающиеся от основного текста // Там же. — Л. 9–11 (англ. пер. The Alaska Treaty. — P. 39–42).

[41] **Ф.П.Врангель** предлагал и другое исчисление стоимости русских владений в Америке. «РАК из доходов своих расходует каждогодно в пользу подданных России: акционеров, служащих и т. п. лиц 800 000 р[уб.]. сер[ебром], что и составит по 4 из 100 капитал в 20 милл[ионов] руб. сер[ебром]». См. **Записка Ф.П.Врангеля от 10(22) апреля 1857 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 7.

компанией (до 9(21) октября 1875 г.) и, наконец, Финляндской китоловной компанией. Будучи хорошо знакомым с действительными богатствами Русской Америки, Ф.П.Врангель в дополнительной записке от 10(22) апреля 1857 г. писал: «Если бы не будущие опасения (подчеркивая эти слова, Врангель рассматривал внешнюю угрозу лишь как потенциальную. — Н.Б.), то без всякого сомнения и 20 милл. р[ублей] с[еребром] не могли бы почитаться полным вознаграждением за утрату владений, обещающих в развитии промышленной деятельности важных результатов»[42].

Соображения Ф.П.Врангеля, по всей видимости, получили полное одобрение А.М.Горчакова и легли в основу записки МИД России, представленной Александру II 29 апреля (11 мая) 1857 г.[43]

Как и записки Ф.П.Врангеля, доклад МИД Александру II представляет собой документ, примечательный во многих отношениях.

---

[42] Не совсем точно содержание записок Ф.П. Врангеля изложено в работе Т.М. Батуевой, которая выводит общую стоимость колоний, прибавляя к 20 млн. руб. еще 7 442 800 руб. Записки Ф.П. Врангеля нельзя рассматривать и как мнение Главного правления РАК, поскольку адмирал занимал в то время пост министра морских сил и, кроме того, специально оговаривал, что «не признал удобным ни видеться, ни поговорить косвенно с кем-либо из лиц, участвующих в делах Р. А. К[омпани]и» (**АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 5**; см. также **Батуева Т.М.** Экспансия США на севере Тихого океана в середине XIX в. и покупка Аляски в 1867 г. — Томск, 1976. — С. 12).

[43] **Записка об уступке Соединенным Штатам наших владений в Северной Америке. Весьма секретно, 29 апреля (11 мая) 1857 г.** // АВПРИ. — Ф.Гл.Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 12–17 (подлинник); Ф. РАК. — Д. 397. — Л. 1–4. С легкой руки Ф.А.Голдера (**Golder F.A.** Op. cit. — P. 413) в литературе утвердилось мнение, что этот доклад был подготовлен для вел. кн. Константина (см., в частности, **Jensen R.J.** Op. cit. — P. 12). Между тем в самом конце записки Ф.П.Врангеля А.М.Горчакову от 9(21) апреля выражалась надежда, что изложенные соображения окажутся «полезными для составления Выс[очайше]го доклада», т. е. доклада на имя императора (см. **АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 7**). Д.Х.Миллер допустил неточность в английском переводе, написав вместо «Высочайшего доклада» «Вашего доклада» (см. **The Alaska Treaty. — P. 41**). Кроме того, сам доклад открывается словами: «Министерство иностранных дел вполне разделяет мысль его имп. высочества вел. кн. Константина Николаевича относительно уступки наших владений...» (**АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 12**). Если бы доклад представлялся Константину, то была бы и иная форма обращения (не его, а Вашего императорского высочества). В том же деле (Л. 18–20) сохранился черновик записки с поправками, вошедшими в окончательный текст. Поправки делались по крайней мере двумя разными лицами. Можно полагать, что одним из них был А.М.Горчаков, который, разумеется, отвечал за содержание доклада в целом.

С одной стороны, в докладе поддерживалось мнение вел. кн. Константина о целесообразности уступки Русской Америки Соединенным Штатам. С другой — в нем предлагалось не торопиться с практическим исполнением дела, а, соблюдая строжайшую тайну, предварительно поручить Э.А.Стеклю «выведать мнение Вашингтонского кабинета по сему предмету». Сама передача «должна совершиться через 4 с лишком года, когда кончатся права и привилегии, а равно условия, заключенные с Северо-американской компанией. Отсрочка эта необходима уже и для того, чтобы дать время компании привести к окончанию свои операции и дела». Стоимость колоний в точном соответствии с записками Ф.П.Врангеля МИД определял в одном случае в 7 442 800 руб. серебром, в другом — в 20 млн. руб. серебром.

Приведенные документы позволяют проследить некоторые различия мнений внутри царского правительства. С одной стороны, вел.кн. Константин (а еще ранее Н.Н.Муравьев-Амурский) выступали за уступку Русской Америки Соединенным Штатам, резко критиковали деятельность монопольной Российско-американской компании и высказывались за сближение с Соединенными Штатами. Весьма условно их можно назвать «либералами» и «западниками», влияние которых после Крымской войны постепенно увеличивалось. По свидетельству самого Константина, его предложение поддержали, в частности, адмирал Е.В.Путятин, капитан 1-го ранга И.А.Шестаков и российский посланник в Вашингтоне Э.А.Стекль[44].

С другой стороны, более «консервативное» и «националистическое» большинство государственных деятелей, хотя и не возражало в принципе против продажи русских владений в Америке, тем не менее считало необходимым предварительно всесторонне обсудить эту проблему, выяснить положение в Русской Америке, прозондировать почву в Вашингтоне и во всяком случае не торопиться с практическим осуществлением продажи, отложив ее до истечения срока привилегий РАК в 1862 г. и ликвидации контракта с Американо-русской торговой компанией в Сан-Франциско.

Этой линии придерживались А.М.Горчаков и сотрудники Азиатского департамента МИД, занимавшиеся подготовкой соответствующих материалов (в частности, приведенной ранее записки на «высочайшее имя»), министр морских сил Ф.П.Врангель, а главное — сам император Александр II. Наибольшее значение имело именно его решение, которое зафиксировано в итоговой записи на первой странице указанного выше доклада МИД: «Осталась без исполнения, пока не окончится вопрос об уничтожении контракта между компанией нашей с Сан-Франциско, условия которого могут чрез-

---

[44] См. **К.Н.Романов — А.М.Княжевичу, 27 октября (8 ноября) 1859 г.** // АВПРИ. — Ф.РАК. — Д. 397. — Л. 11–12.

вычайно уронить ценность владений наших в Северной Америке. Апреля 29 д[ня] 1857–го года»[45].

Между тем в С.-Петербург продолжали поступать сообщения о новых притязаниях и активности американцев на Тихоокеанском Севере. Два любопытных донесения на этот счет Э.А.Стекля сохранились, в частности, в деле Азиатского департамента МИД «Об уступке наших американских колоний правительству Соединенных Штатов». Первое из них от 1(13) ноября 1857 г. касалось традиционных противоречий между монопольной РАК и американскими торговцами, добивавшимися полной свободы действий в русских владениях. «Я предвижу жалобы американцев против нашей компании, — сообщал Э.А.Стекль из Вашингтона,— и несколько месяцев назад я уже предупредил об этом генерала Политковского, который является ее директором. Мы не можем отрицать, что рекламации американцев являются справедливыми, и компании необходимо сделать уступки. Монополии — это учреждения не нашего века, и на Тихом океане они так же невозможны, как и в любом другом месте. Компания не может продолжать сохранять свои ограничения, не создавая дальнейших затруднений (embarras), провоцируя серьезные дискуссии между двумя правительствами и нанося ущерб своим собственным интересам. Императорское правительство предоставило свободный доступ в наши восточносибирские порты и объявило их свободными портами. Компания поступила бы правильно, если последовала этому примеру» [46].

Второе донесение касалось уже совершенно необычного сюжета — слухов о возможном переселении мормонов из США в Русскую Америку. В ответ на недоуменный вопрос, обращенный в этой связи Э.А.Стеклем к президенту США Джеймсу Бьюкенену, последний с улыбкой заметил: «То, как урегулировать этот вопрос, это Ваша забота; что касается нас, то мы были бы очень счастливы от них избавиться». Хотя речь шла не более чем о слухе, Стекль замечал, что в случае его реализации перед русскими властями встанет альтернатива: оказать вооруженное сопротивление или отказаться от части своей территории[47].

Хотя сообщение о мормонах, полученное от Стекля, относилось к числу весьма маловероятных, оно способствовало возрождению идеи о продаже Русской Америки. Познакомившись с этим донесе-

---

[45] **АВПРИ.** — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 12.

[46] Полный текст донесения **Э.А.Стекля А.М.Горчакову, 1(13) ноября 1857 г.** см. **АВПРИ.** — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 21–26. Отрывок в англ. пер. опубл. **The Alaska Treaty.** — P. 45.

[47] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 20 ноября (2 декабря) 1857 г., № 87** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 27 (англ. пер. **The Alaska Treaty.** — P. 45).

нием, Александр II сделал следующую помету: «Это подтверждает мысль о необходимости решить вопрос о наших американских владениях». Показательно также, что на соображения Э.А.Стекля относительно противоречий РАК с американскими торговцами прямо ссылался Константин, когда в декабре 1857 г. возобновил свое представление А.М.Горчакову. Критикуя деятельность РАК, либеральный член царской семьи подчеркивал, что не следует соединять в одном лице «купца и администратора» и что «подобное соединение крайне вредно для подвластных компании народов».

«У нас при отсутствии всякой гласности.... вред еще ощутительнее, — указывал великий князь и предлагал: — Назначить несколько самых способных гражданских чиновников и морских офицеров для обревизования всего «колониального управления» и приступить к пересмотру устава, для того чтобы превратить РАК «в учреждение чисто торговое, а не административное»[48].

При обосновании целесообразности уступки Русской Америки Соединенным Штатам Константин вновь развивал свои излюбленные общеполитические и стратегические соображения: Россия «должна всячески стараться укрепляться в центре своем, в тех сплошных коренных русских областях, которые составляют по народности и вере настоящую и главную силу ее, и должна развивать силы этого центра, дабы сохранить те из своих оконечностей, владение коими возможно и приносит ей истинную пользу.

Североамериканские Штаты, следуя естественному порядку вещей, должны стремиться к обладанию всей Северной Америкой, и поэтому рано или поздно встретятся там с нами, и не подлежит сомнению, что овладеют нашими колониями, даже без больших усилий...». Именно поэтому представитель правящей династии Константин предлагал «заблаговременно» продать русские владения в Америке и «дружелюбно» разрешить «вопрос, который в противном случае разрешится против нас и притом завоеванием».

Как и ранее, Константин выступал за скорейшее решение вопроса и предлагал направить в колонии «ревизионную комиссию» уже в 1858 г., для чего считал «возможным снарядить особое судно». Его адресат придерживался на этот счет несколько иного мнения и явно не хотел торопиться. А.М.Горчаков, в частности, полагал, что если уж продавать русские владения в Америке, то инициатива должна исходить от американского кабинета в Вашингтоне, а не от царского правительства в С.-Петербурге. Кроме того, преждевременная посылка ревизионной комиссии могла бы повредить ком-

---

[48] **К.Н.Романов — А.М.Горчакову, 7(19) декабря 1857 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 30–33 (подлинник). Копию письма см. **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 397. — Л. 5–8 (англ. пер. **The Alaska Treaty.** — P. 46–47).

мерческой деятельности РАК, и поэтому работу комиссии следует отложить и совместить в будущем с подготовкой пересмотра ее привилегий.

Ознакомив Александра II с новым обращением вел. кн. Константина[49], министр иностранных дел сумел, по всей видимости, вновь заручиться императорским одобрением своей выжидательной линии. Во всяком случае, даже без консультации с министром финансов, в ведении которого находилась РАК, А.М.Горчаков направил 29 декабря 1857 г. (10 января 1858 г.) «генерал-адмиралу» «личное свое мнение», в котором предлагалось:

1) «предписать» Э.А.Стеклю, «не компрометируя ни себя, ни императорское правительство, осторожно внушить вашингтонскому кабинету мысль о возможности склонить Россию к уступке колоний на выгодных условиях;

2) отправить ревизионную комиссию в колонии за два года до окончания срока дарованной компании привилегии; и

3) на основании отзыва посланника и сведений, доставленных комиссией, приступить к окончательному разрешению вопроса»[50].

Именно эти идеи, а не предложения Константина, легли в основу дальнейших действий царского правительства, и в первую очередь ведомства иностранных дел. Во время пребывания в С.-Петербурге во второй половине 1858 г. Э.А.Стекль получил от А.М.Горчакова указание не проявлять собственной инициативы, а лишь информировать МИД в том случае, если правительство США сделает новое предложение[51].

Такой случай, если судить по известным нам документам, представился зимой 1859/60 г., когда состоялись беседы Э.А. Стекля с сенатором У.М. Гвином и заместителем государственного секретаря Джоном Апплетоном. Судя по донесению российского посланника, Гвин поставил вопрос о продаже в связи с соглашением между РАК и компанией в Сан-Франциско. При этом сенатор от Калифорнии откровенно заметил, что американцы ближе к владениям РАК и

---

[49] На письме Константина от 7(19) декабря 1857 г. сохранилась помета Александра II: «Переговорить об этом завтра» (**АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 30**).

[50] **А.М.Горчаков — К.Н.Романову, 29 декабря 1857 г. (10 января 1858 г.)** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 397. — Л. 9–10. — Д. 399. — Л. 6–7. Трудночитаемый «проект письма г. министра к генерал–адмиралу» без даты см. **АВПРИ.** — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 28–29. Именно по этому проекту Д.Х. Миллер сделал англ. пер. (см. **The Alaska Treaty.** — P. 47–48).

[51] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 23 декабря 1859 г. (4 января 1860 г.)** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 44 (подлинник). Англ. пер. **The Alaska Treaty.** — P. 36.

поэтому могут получить от них больше прибыли, чем Россия. Хотя президент Бьюкенен полностью разделял идею покупки, он (впрочем, так же как и русский дипломат) не хотел придавать переговорам формального характера и предпочел действовать даже не через государственного секретаря, а через У.М.Гвина и Дж.Апплетона. Последний, по словам Стекля, был «самым близким доверенным лицом г-на Бьюкенена, по существу руководившим министерством иностранных дел»[52].

В беседе со Стеклем Апплетон подтвердил то, что российский посланник уже узнал от Гвина: президент полагает, что приобретение русских колоний в Америке было бы весьма выгодным для штатов, расположенных на побережье Тихого океана. Если русское правительство согласится принять американское предложение, президент проконсультируется со своим кабинетом и влиятельными членами конгресса, с тем чтобы «решить, в какой форме и на каких условиях его можно осуществить». В свою очередь, Э.А.Стекль оговорил, что, поскольку американцы первые выдвинули идею покупки, им должна в будущем принадлежать и инициатива в открытии официальных переговоров. Как Гвин, так и Апплетон заверили посланника, что «федеральное правительство последует этому курсу, который им представляется самым естественным». В качестве возможного вознаграждения Гвин назвал цифру до 5 млн. долл.

Сообщая о содержании бесед с Гвином и Апплетоном в С.-Петербург, Э.А.Стекль одновременно представил собственные соображения в пользу продажи русских владений в Америке Соединенным Штатам.

Эти соображения во многом совпадали со взглядами, которые были изложены Константином еще в 1857 г. Не исключено поэтому, что Э.А.Стекль беседовал с ним, когда находился в С.-Петербурге. Во всяком случае, Константин Николаевич упоминал осенью 1859 г., что «имел случай узнать по этому поводу... мнение посланника нашего в Америке»[53], который разделял его предложения. Э.А.Стекль отмечал, в частности, что только «непредвиденный случай помешал англичанам напасть» на русские владения в Америке «во время Восточной войны». Одновременно дипломат подчеркивал необходимость концентрации усилий России на Азиатском

---

[52] Здесь и далее цитируется **строго конфиденциальное донесение Э.А.Стекля А.М.Горчакову от 23 декабря 1859 г. (4 января 1860 г.), № 31** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 36–41 (подлинник); **The Alaska Treaty.** — P. 48–51; **PHR.** — 1934. — Mar. — Vol. 3. — № 1. — P. 80–87 (фр. ориг. и англ. пер.). Не доверяя почте, Стекль переслал это донесение в Лондон с профессором Рахманиновым, который после научной командировки в США возвращался в Европу.

[53] **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 397. — Л. 11–12.

континенте, в районе р. Амур. Обращал внимание он и еще на одно обстоятельство, которое, кстати, в первоначальных соображениях Константина отсутствовало: «Если Соединенные Штаты станут обладателями наших владений, британский Орегон окажется стиснутым американцами с севера и юга и едва ли ускользнет от их нападений».

Помимо своего официального сообщения о беседах с Гвином и Апплетоном, Э.А.Стекль в тот же день направил А.М.Горчакову дополнительное донесение, в котором выразил сомнение в том, что за российские владения в Америке можно получить более 5 млн. долл., или 6,5 млн. руб. Эта сумма дает около 300 тыс. руб. годового дохода. «Я сомневаюсь, — писал Э.А.Стекль, — чтобы русские колонии в настоящее время или когда-либо в будущем принесли нам доход, равный этой сумме».

Касаясь политического положения в США, российский посланник обращал внимание на отсутствие в стране настоящих политических деятелей, если не считать С.Дугласа и У.Сьюарда (А.Линкольн в то время еще не рассматривался им в качестве вероятного кандидата в президенты). В случае избрания «аболициониста» У.Г. Сьюарда Стекль полагал, что «весь Юг покинет Союз». До ноябрьских выборов страна будет продолжать жить «в дезорганизации, которая царит повсюду — как в правительстве, так и в конгрессе»[54].

Сообщения Э.А.Стекля, и в частности «весьма конфиденциальное» донесение № 31, были рассмотрены не только А.М.Горчаковым, но и Александром II, для которого министерство иностранных дел подготовило краткое резюме. На этом документе рукой царя сделана следующая помета: «Il faudra encore y penser», т. е. «об этом надо еще подумать»[55]. «Самодержец всероссийский», как мы видим, еще не принял на этот счет окончательного решения.

Почти одновременно с донесениями Э.А.Стекля в МИД России поступил еще один важный документ, в котором подробно обосновывалась целесообразность продажи русских владений в Америке Соединенным Штатам. Речь идет о пространной записке от 7(19) февраля 1860 г., которая сохранилась в неоднократно упоминаемом здесь деле Азиатского департамента МИД России «Об уступке наших американских колоний правительству Соединенных Штатов»[56].

Со времени опубликования работы Ф.А.Голдера (1920) в литературе утвердилось мнение, что автором записки был контр-адмирал А.А.Попов. Этого мнения придерживались и придерживаются

---

[54] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 23 декабря 1859 г. (4 января 1860 г.)** (без номера) // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 44–46 (подлинник). Англ. пер. **The Alaska Treaty.** — P. 51–52.

[55] **АВПРИ.** — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 42.

[56] **Там же.** — Л. 50–55 (англ. пер. **The Alaska Treaty.** — P. 52–55).

практически все авторитетные специалисты, начиная от Д.Х.Миллера и кончая О.Герусом и Р.Дженсеном[57].

Хотя записка формально не подписана и в принципе контр-адмирал А.А. Попов мог быть ее автором, Ф.А.Голдер, а вслед за ним и другие исследователи не обратили внимания, что в верхнем углу на первой странице этого документа стоит малозаметная и трудночитаемая подпись: Шестаков[58]. Правильность прочтения этой фамилии может, конечно, оспариваться. Но прочитать ее как «Попов» невозможно уже из-за несовпадения числа букв. Что касается капитана 1-го ранга И.А.Шестакова, то даже если бы на документе не было никакой фамилии, то по совокупности всех косвенных доказательств его авторство не вызывает никаких сомнений. Прежде всего, И.А.Шестаков был очень близок к вел. кн. Константину и даже одно время состоял при нем адъютантом. Кроме того, в 1856 г. он был послан в США (отсюда его прекрасное знание американских условий, ссылки на «доктрину Монро», «предопределение судьбы», Э.А.Стекля и сенатора Гвина), где наблюдал за постройкой фрегата «Генерал-адмирал», на котором и вернулся в Кронштадт в 1859 г. Ряд его статей об Америке печатался в Морском сборнике под псевдонимом «Excelsior»[59].

Наконец, когда осенью 1859 г. Константин переслал свою переписку с А.М. Горчаковым министру финансов А.М.Княжевичу и вновь поставил вопрос о судьбе владений РАК, учитывая серьезные финансовые затруднения и тем более, что «мысль о продаже вообще государственных имуществ одобрена государем императором», вел. кн. отмечал между прочим, что «имел случай» узнать мнение «капитана 1-го ранга Шестакова»[60]. Думается, что всего этого вполне достаточно, чтобы считать авторство записки установленным окончательно.

---

[57] **Golder F.A.** Op. cit. — P. 416; **Kushner H.I.** Conflict on the Northwest Coast: American-Russian Rivalry in the Pacific Northwest, 1790–1867. — Westport, 1976. — P. 137–138, 157; **Gerus O.W.** — The Russian Withdrawal from Alaska: The Decision to Sell // Revista de Historia de America. — 1972–1973. — N 75–76. — P. 169. Обосновывая авторство А.А. Попова, Р.Дженсен отмечал, что контр-адмирал командовал русским Тихоокеанским флотом и был знаком с положением в Русской Америке и в США. Он также имел достаточно высокое звание, чтобы высказываться свободно. См. **Jensen R.J.** Op cit. — P. 20–21.

[58] **АВПРИ.** — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 50.

[59] **Энциклопедический словарь** / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., 1903. — Т. XXXIX. — С. 582; **Allen R.V.** Russia Looks at America: The View to 1917. — Wash., 1989. — P. 27.

[60] **К.Н.Романов — А.М.Княжевичу, 27 октября (8 ноября) 1859 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 397. — Л. 11–12.

Надо сказать, что И.А.Шестаков был настроен в отношении РАК чрезвычайно критически и считал, что «компания, не принося ровно никакой пользы отечественной промышленности, действует еще во вред туземному населению... В бесчеловечных видах своих, — продолжал капитан, — она преднамеренно держит население в первобытном варварстве, и в 60 лет своего владычества нисколько не подвинула их на пути нравственного развития»[61]. Просвещенный и образованный моряк не хотел признавать за РАК никаких заслуг, резко критиковал колониальные привилегии и отмечал, что компания «дозволяет возить лед в Калькутту и соленую рыбу по всем островам Тихого океана из Массачусетса». Время для подобных «коммерческих компаний с особенной правительственной властью», по его мнению, давно миновало.

Но если И.А.Шестаков не был вполне объективным в оценке деятельности РАК, то ему нельзя отказать в понимании экспансионистских тенденций, укоренившихся в сознании американцев. «Что бы ни говорили в Европе о цинизме догмата, известного в политической энциклопедии под именем Monroe Doctrine, или догмата *явного предопределения* (manifest destiny), каждому, жившему североамериканской жизнью, понятно... что принцип этот входит более и более в жилы народа, что новейшие поколения всасывают его с матерним молоком и вдыхают в себя с воздухом». Идея явного предопределения, по отзыву И.А.Шестакова, «уже и теперь осуществляется быстро поглощением соседних народностей, и та же судьба ждет наши колонии. Защитить их очевидно невозможно, а то, чего удержать нельзя, лучше уступить заблаговременно и добровольно».

После передачи США владений РАК, как полагал И.А.Шестаков, «обрусевшее население колоний может быть переселено с пользой на Амур или, лучше, на пункты Татарского берега». Что касается морских сил России на Тихом океане, то они «будут весьма грозны, если необходимость защищать оторванные колонии не пригвоздит их к самым незащитимым пунктам».

Донесения Э.А.Стекля, новое представление Константина и, наконец, пространная записка И.А.Шестакова не ликвидировали различия во мнениях и не убедили А.М.Горчакова. В инструкции Э.А.Стеклю от 14(26) мая 1860 г. министр иностранных дел отмечал, что лично он не уверен в том, что отказ от владений в Северной Америке — в интересах России. Единственный аргумент, который мог бы заставить склониться в пользу продажи — это перспектива большой финансовой выгоды. Но 5 млн. долл., считал А.М.Горчаков, не представляли «действительную стоимость наших колоний»,

---

[61] Здесь и далее цитируется записка И.А.Шестакова от 7(19) февраля 1860 г. // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 50–55 (подлинник).

и он рекомендовал посланнику выяснить возможность получения более значительного вознаграждения[62]. Тем временем министр финансов должен был направить в колонии комиссию для ревизии, и на основе ее доклада предстояло решить вопрос о будущем Русской Америки.

Получив столь сдержанные инструкции из С.-Петербурга, Э.А.Стекль сообщил Апплетону и Гвину, «что императорское правительство, не отвергая окончательно предложение, которое было сделано относительно наших американских владений, считает необходимым отложить это дело до более подходящего времени и дождаться истечения срока устава нашей компании». Посланник особо сообщил сенатору Гвину, что, по мнению императорского правительства, 5 млн. долл. не соответствуют «реальной стоимости» колоний. Со своей стороны, Гвин заметил, что сам он готов предложить бо́льшую сумму, и в этом его поддержали бы коллеги из Калифорнии и Орегона, но он не уверен в согласии тех штатов, которые прямо не заинтересованы в приобретении новых земель. Кроме того, в условиях сильного недовольства правительством президента Бьюкенена нет иного выхода, кроме «ожидания новой администрации и нового конгресса, который не соберется ранее декабря 1861 г.». Поскольку надо было ожидать и истечения срока привилегий РАК, российский посланник сообщил А.М.Горчакову, что до того времени он будет «строго придерживаться последних предписаний Вашего превосходительства и не будет больше затрагивать этот вопрос»[63].

В дальнейшем, однако, Соединенным Штатам было уже не до этого. В ноябре 1860 г. президентом страны был избран представитель республиканской партии А.Линкольн, а в апреле 1861 г. началась гражданская война. Как считал Э.А.Стекль, из-за сложившегося в США положения никаких переговоров о продаже русских владений вести уже невозможно. «Единственно, что остается, это возобновить устав компании, несколько ограничив ее монополию». В этой связи российский посланник предлагал открыть для иностранной торговли два порта, а также заключить соглашения с Чили, Перу и другими тихоокеанскими республиками, с тем «чтобы дать новый толчок нашей колониальной торговле».

---

[62] **А.М.Горчаков — Э.А.Стеклю, 14(26) мая 1860 г.** // АВПРИ. — Ф. К., 1860 г. — Д. 195. — Л. 216–217.

[63] **Э.А.Стекль — А. М.Горчакову, 4(16) июля 1860 г., № 39, секретно** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 48–49 (англ. пер. **The Alaska Treaty.** — P. 56–57). Придавая большое значение сохранению тайны, Стекль переслал это донесение в Лондон с полковником Журавским (le colonel Jouraffsky).

Таким образом, даже ревностный сторонник продажи русских владений в Америке пришел к выводу о необходимости отложить эту идею на неопределенный срок и тем временем возобновить устав РАК. В С.-Петербурге придерживались такого же мнения. На кратком резюме депеши Стекля от 9(21) июля 1861 г. Александр II начертал свое заключение: «Мне также кажется, что в настоящее время ничего другого делать не остается» (Il me semble aussi que pour le moment il ne reste rien d'autre à faire)[64].

Судьба, казалось, вновь благоприятствовала компании. Встал вопрос уже не о продаже, а о продлении ее привилегий на новый срок.

---

[64] **Резюме депеши Э.А.Стекля от 9(21) июля 1861 г., № 51 //** АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 56 (англ. пер. **The Alaska Treaty.** — P. 58).

Глава

10

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКАЯ КОМПАНИЯ НА РУБЕЖЕ 1860-х годов И ВОПРОС О ЕЕ РЕОРГАНИЗАЦИИ

Приближение срока окончания привилегий Российско-американской компании — 1 января 1862 г. (ст.ст.) совпало со временем реформ, и в первую очередь отменой крепостного права в России, а также усиливавшейся критикой положения в русских владениях в Америке. В стране все чаще раздавались критические голоса в адрес колониальных порядков, установленных там, против эксплуатации местного населения и монопольных привилегий РАК. Для проверки положения дела на месте в мае 1860 г. было решено направить в Русскую Америку двух ревизоров — действительного статского советника С.А.Костливцева от министерства финансов, в ведении которого находилась компания, и капитана 2-го ранга П.Н.Головина от морского министерства, откуда исходила главная критика деятельности РАК.

Оба ревизора имели широкие полномочия. Руководство морского министерства вообще было настроено в пользу ликвидации РАК и искало для этого лишь дополнительные аргументы и свидетельства очевидцев. Что касается министерства финансов, то оно в секретных предписаниях С.А.Костливцеву от 2(14) июня 1860 г. (№ 73) обращало внимание на необходимость согласования проводимых в России реформ с «устройством колоний наших в Северной Америке». Особого внимания при этом заслуживало положение местного населения, которое требовало «того же коренного преобразования, которое совершается ныне внутри России относительно участи людей крепостного состояния»[1].

---

[1] **Доклад Комитета.** — Ч. 2. — С. 1. «Лица сии, — сообщал министр финансов А.М.Княжевич 18 февраля (2 марта) 1861 г., — отправились в колонии в июне минувшего года через Панамский перешеек и С.-Франциско; из Ситхи они должны объехать по всем отделам колоний и затем через Камчатку и Николаевск возвратиться в С.-Петербург» (**РГИА.** — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1347а. — Л. 637).

1. Обсуждение проекта нового устава РАК

В свою очередь, общее собрание акционеров компании еще в конце 1859 г. избрало особый комитет, на который вместе с Главным правлением была возложена подготовка проекта нового устава РАК. «На сем основании действующий устав подвергнут был тщательному пересмотру, исправлению и дополнению и в этом виде вновь внесен в общее собрание, которое журналом своим от 27 апреля сего года, одобрив сии изменения, предоставило Главному правлению дать этому делу дальнейший ход», — отмечало руководство РАК 3(15) июля 1860 г. и препровождало министру финансов соответствующую документацию (Обозрение действий РАК за последние 20 лет, проект нового устава и объяснительную записку). Одновременно Главное правление испрашивало «благосклонного представительства» А.М.Княжевича об исходатайствовании РАК «продолжения ее привилегий еще на 20 лет, т.е. по 1 января 1882 года»[2]. Все документы были соответствующим образом оформлены и занимали более 500 страниц, включая проект нового устава и сопровождающие его записки с подписями членов правления компании[3].

Ознакомление с этими материалами не оставляло сомнений в том, что руководство РАК плохо представляло себе общую обстановку в России накануне реформы 1861 г. и те грозные тучи, которые нависли над самой компанией. Главное правление не только не собиралось отказываться от своих монопольных прав и привилегий, но и настаивало на их расширении. Если в § 1 действовавшего устава 1844 г. указывалось, что компания учреждалась «для промыслов на матерой земле Северо-Западной Америки и на островах», то в новом проекте говорилось уже вполне определенно: «Компания учреждается для управления российскими колониями в Америке». Руководство РАК решительно настаивало и на сохранении еще на 20 лет своего исключительного права «пользоваться всеми предметами и выгодами, какие промышленность и торговля могут извлечь как на поверхности, так и в недрах земли без всякого со стороны других на то притязания», а также монопольного права на рыболовство и китоловство «во всех водах Российско-американских колоний».

В соответствии с обычной в подобных случаях практикой проект нового устава РАК был разослан во все заинтересованные ми-

---

[2] **ГП РАК — А.М.Княжевичу, 3(15) июля 1860 г. № 691** // Там же. — Л. 2–3.

[3] **Устав РАК; Выписка о переменах и дополнениях, сделанных в проекте нового устава; Записка к проекту устава от 30 июня (12 июля) 1860 г.** // Там же. — Л. 15а–185; 188–416; 417–549.

нистерства и ведомства с просьбой представить «заключения по предметам», относящимся к сфере их деятельности[4].

Как и следовало ожидать, реакция на проект нового устава оказалась исключительно бурной. Главный противник компании и вдохновитель новой политики реформ в России вел. кн. Константин направил в адрес А.М.Княжевича обстоятельную записку, в которой содержался уничтожающий критический анализ проекта нового устава РАК. Либеральный член царской фамилии особенно возражал против продления монопольных прав компании и совмещения в ее руках функций управления и коммерции. Он обращал также внимание на тяжелое положение местного населения в колониях и его враждебное отношение к РАК. «Самовластное управление монополии имело еще последствием, — писал Константин Николаевич, — что туземцы не получили ни малейшего убеждения в том, что над ними и над самой компанией есть высший и праведный судья в лице русского государя, к которому последний из подданных может обращаться в крайних случаях с просьбой о защите и покровительстве»[5].

Нет необходимости подробно доказывать, что «последний из подданных» вряд ли мог рассчитывать на реальную защиту российского императора. Недаром в самой России в народе говорили: «Бог слишком высоко, а царь–далеко». Это, однако, не исключает того, что критика великого князя и замечания были вполне справедливы: «Трудно представить себе положение более зависимое того, в каком находятся туземцы к компании, и неудивительно, что ненависть их к русским не уменьшается. Компания имеет право запрещать им переезжать с острова на остров, может не выпускать креол из колоний и назначать произвольно цену, по которой туземцы, не имея других покупщиков, вынуждены отдавать ей свою добычу. Такое положение не может быть долее допущено, особенно в то время, когда упраздняется крепостное право в самой России».

Либеральнейший из Романовых особо подчеркивал, что «интересы торговли не всегда совпадают с видами правительственными,

---

[4] **А.М.Княжевич — А.М.Горчакову, 10(22) ноября 1860 г., № 7208** // Там же. — Л. 550. Аналогичные письма были направлены управляющему морским министерством (№ 7209), генерал-губернатору Восточной Сибири (№ 7210), министру внутренних дел (№ 7211), министру государственных имуществ (№ 7212), министру народного просвещения (№ 7213), военному министру (№ 7214), управляющему министерством юстиции (№ 7215), обер-прокурору Святейшего синода (№ 7216).

[5] Здесь и ниже цитируется **Письмо вел. кн. Константина А.М.Княжевичу, 18 февраля (2 марта) 1861 г., № 302** // Там же. — Л. 639–652 (подлинник); Опубл.: **Великий князь Константин Николаевич о проекте нового устава Российско-американской компании (публикация Н.Н.Болховитинова)** // АЕ, 1991. — М., 1992. — С. 146–151.

и потому уже права администратора, судьи и деятельность купца не должны никогда соединяться в одном лице или учреждения». Выступая против исключительных прав РАК, генерал-адмирал указывал, что монополия компании «убила частный флот наш, который начинал появляться в Восточном океане, и нисколько не помешала иностранцам наполнять наши воды своими судами и торговать с туземцами. В настоящее время русских купеческих судов не существует при наших берегах, а ежегодно являются туда сотни американских и английских судов с несколькими тысячами матросов, которые занимаются там теми же самыми промыслами, от участия в коих исключены одни русские подданные».

В заключение «в видах общей государственной пользы» Константин предложил продлить действие устава РАК только на два года, «т.е. по 1 января 1864 года», подчинив затем колонии «начальству Восточной Сибири».

Как видим, записка содержала не просто критику недостатков РАК. Речь шла фактически о ее уничтожении, правда, с отсрочкой на два года, т. е. с января 1864 г. При этом прямо указывалось, что продление «прав и преимуществ» компании еще на 20 лет «было бы важной государственной ошибкой» и принесло бы России «положительный вред». Истечение срока привилегий компании даст правительству возможность исправить «помянутую ошибку и обратить компанию в обыкновенное торговое акционерное общество». Всем русским подданным следует разрешить «производство промыслов и торговли, которые составляли поныне исключительное право компании, и объявить об этом дозволении ныне же как в России, так и в Сибири».

Направляя свои замечания министру финансов А.М.Княжевичу, Константин Николаевич просил довести их до сведения заинтересованных ведомств, а в дальнейшем «повергнуть воззрению» Александра II. Вполне понятно, что мнение брата всероссийского императора не могло не оказать влияния на многих царских сановников. Резкие замечания по поводу проекта нового устава РАК представил весной 1861 г. министр государственных имуществ М.Н.Муравьев[6]. Разделял взгляды Константина и генерал-губернатор Восточной Сибири[7].

С другой стороны, у большинства высших царских сановников в вопросе о судьбе РАК еще не существовало полной ясности. Ни А.М.Горчаков, ни тем более А.М.Княжевич, в ведении которого находилась компания, не были готовы к принятию окончательного решения. Показательно, что в ответном письме А.М.Княжевичу в феврале 1861 г. министр иностранных дел выразил убеждение, что

---

[6] **РГИА.** — Ф. 389. — Оп. 24. — Д. 9196. — Л. 260–268.
[7] **РГИА.** — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1347а. — Л. 51.

пересмотр устава РАК «следовало отложить до того времени, когда будет получен здесь отчет и соображения комиссии, отправленной по высочайшему повелению весной 1860 года для осмотра колоний и обревизования дел компании». А пока А.М.Горчаков предлагал министру финансов «предоставить компании продолжать свои действия на столько времени, сколько Вы, по ближайшему рассмотрению обстоятельств этого дела, изволите признать полезным»[8].

Отсрочка под благовидным предлогом принятия решения о новом уставе РАК представлялась наилучшим выходом и для А.М.Княжевича, который вошел с соответствующим представлением в Сибирский комитет и Государственный совет Российской империи. «Министр финансов полагал бы управление означенными колониями Российско-американской компании, а равно и устройство сей компании оставить на прежнем основании в течение двух лет, т. е. по 1 января 1864 года». Это дало бы возможность получить отчеты ревизоров, а также провести все необходимые согласования[9]. Соответственно Государственный совет в решении, утвержденном Александром II 29 мая (10 июня) 1861 г., согласился предоставить министру финансов отсрочку для внесения проекта нового устава РАК до июня 1863 г. и вплоть до окончательного решения вопроса «действия Российско-американской компании оставить на ныне существующих основаниях»[10].

Самым удивительным во всем этом деле оказалась, однако, не отсрочка решения вопроса, а острая борьба мнений и гласность его обсуждения, что было связано с общей обстановкой в стране в годы проведения реформ 60-х годов. В другое время трудно себе представить, чтобы РАК вступила в открытый спор с высшими руководителями царского правительства. Вспомним хотя бы о строгом выговоре, который был сделан Александром I Главному правлению РАК в 1825 г., когда компания попыталась добиться изменения условий Конвенций 1824–1825 гг.[11]

Теперь же дискуссия не только велась за плотно закрытыми дверями правительственных кабинетов, но и получила выход на страницы печатных изданий. И уж совсем беспрецедентной выгляде-

---

[8] **А.М.Горчаков — А.М.Княжевичу, 2(14) февраля 1861 г.** // Там же. — Л. 557.

[9] **А.М.Княжевич — Сибирскому комитету, 18 февраля (2 марта) 1861 г.** // Там же. — Л. 636–638. Отвечая 2(14) марта на записку Константина, министр финансов мог уже сообщить, что вошел в Государственный совет с предложением об отсрочке решения о возобновлении привилегий РАК на два года. См. **Там же.** — Л. 656.

[10] **Мнение Государственного совета, утвержденное 29 мая (10 июня) 1861 г.** // Там же. — Л. 785–786; Доклад Комитета. — Ч. 1. — С. 2.

[11] См. **Болховитинов Н.Н.** 1975. — С. 289–291.

ла полемика с членом царской фамилии, возглавлявшим морское министерство и комитет по крестьянской реформе.

Положение критиков Константина облегчалось тем, что, защищая деятельность РАК и само существование русских колоний в Америке, они выступали с консервативных, националистических и патриотических позиций. Кроме того, хотя в принципе Константин и морское министерство занимали справедливые либеральные позиции, к сожалению, они далеко не всегда были правильно осведомлены о конкретном положении дел в Русской Америке, действительном значении колоний и деятельности РАК.

Особый интерес в этой связи представляют возражения члена Государственного совета барона Ф.П.Врангеля, направленные А.М. Княжевичу 1(13) марта 1861 г. «для справедливой оценки тяжких и незаслуженных обвинений», содержавшихся в записке великого князя. Барон заверил министра, что им «руководило полное беспристрастие и безусловное желание не уклоняться от истины»[12].

Нельзя не признать, что гражданская позиция барона Врангеля заслуживает самой высокой оценки. Он открыто выступил не только против влиятельнейшего государственного деятеля, но и брата Александра II. Следует учесть, что Ф.П.Врангель был многим лично обязан либеральному генерал-адмиралу. Всего несколько лет назад, в 1855–1857 гг. Фердинанд Петрович был главой морского министерства и прямо подчинялся Константину. И вот теперь он осмелился выступить с прямой критикой своего неизменного покровителя!

Отвечая на главное обвинение РАК в монополии и притеснении местного населения, Врангель подчеркивал, что «после Шелихова, открыто воевавшего с непокорными кадьякцами, и Баранова, употреблявшего уже покоренных островитян на разные промысловые и воинственные экспедиции, произошли в системе управления колониями радикальные изменения». Их возглавили морские офицеры, наблюдавшие «за исполнением государственных законов в защиту

---

[12] **Ф.П.Врангель — А.М.Княжевичу, 1(13) марта 1861 г.** // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1347а. — Л. 657. Записка Ф.П.Врангеля, прилагавшаяся к цитируемому письму, опубликована. См. **Доклад Комитета.** — Ч. 2. — С. 555–566 (подлинник см. **РГИА.** — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1347а. — Л. 667–683). В литературе эта записка, как и другие опубликованные материалы о реорганизации РАК в 60-х годах, иногда цитируется по архиву (**АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 181). См. **Алексеев А.И.** Судьба Русской Америки. — Магадан, 1975. — С. 306. Автор ошибочно отнес записку Ф.П.Врангеля к более позднему времени (1864) и связал ее с иным кругом вопросов. Записка вел. кн. Константина не была опубликована, и Ф.П.Врангель, а затем и руководители РАК в печатном варианте высказывали замечания, разумеется, не в адрес брата царя, а «по отзыву морского министерства к министру финансов от 18 февраля 1861 г. за № 302» (Доклад Комитета. — Ч. 2. — С. 555).

туземцев от своеволия и притеснения»[13]. Что касается до уменьшения народонаселения, то это, по мнению Врангеля, не является каким-то исключением. Напротив, оно наблюдалось «на всем огромном материке Америки», а также в Сибири, на Камчатке и на островах Тихого океана.

Вполне обоснованно Врангель возражал против обвинения, будто монополия РАК «убила частный купеческий флот наш», и обращал внимание, что компания осуществляет связи со всеми отдаленными частями своих владений, а также с «Калифорнией, Сандвичевыми островами, Китаем и С.-Петербургом на русских исправно управляемых мореходных судах, и тем прежде заслужила общее одобрение даже со стороны иностранцев, имевших случай на этих судах плавать и видеть верфи и мастерские в Ново-Архангельске». В качестве доказательства успешной деятельности РАК указывалось, что с 1822 по 1860 г. в казну от компании поступили 6 508 891 р. 46 коп. различных сборов, а акционеры получили 4 500 556 р. 85 коп. дивидендов. Едва ли было бы поэтому «справедливо, благоразумно или даже в каком-либо отношении полезно, — приходил к выводу Врангель, — лишить Российско-американскую компанию тех привилегий и того доверия, которыми она доселе пользовалась».

Ознакомившись с мнением генерал-адъютанта барона Врангеля, Константин не нашел серьезных оснований для того, чтобы изменить свое отношение к РАК как к торговому учреждению, «которому неправильно присвоено управление целым краем и дана вредная монополия торговли и промышленности». Вместе с тем он отметил, что записка Врангеля «заслуживает весьма снисходительного рассмотрения, так как он сам состоял на службе компании и был, как известно, одним из хороших правителей наших колоний»[14]. Либеральный член царской фамилии проявлял завидную терпимость к критике своих взглядов и в дальнейшем, чего нельзя сказать о руководителях РАК, которые выражали крайнюю обеспокоенность тем, что записка Константина была размножена и разослана различным лицам и организациям. Компания утверждала, что это может подорвать ее кредит, который до последнего времени был «весьма твердым». Более того, «сама двухгодичная отсрочка привилегий компании при подобном опубликовании предрешит вопрос, не может принести никакой пользы ни компании, ни правительству, и поэтому необходимо, чтобы впредь до окончательного решения дела установленным для того порядком оное не достигло общего сведения»[15].

---

[13] Здесь и далее цитируется **Записка Ф.П.Врангеля от 1(13) марта 1861 г.** // Доклад Комитета. — Ч. 2. — С. 555–566.

[14] **Вел. кн. Константин — А.М.Княжевичу, 22 марта (3 апреля) 1861 г.** // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1347а. — Л. 665–666.

[15] **ГП РАК — А.М.Княжевичу, 27 февраля (11 марта) 1861 г., № 185** // Там же. — Л. 654–665.

Хотя управляющий морским ведомством Н.К.Краббе сообщил, что генерал-адмирал «не находит нужным скрывать свои убеждения по сему предмету и полагает, что сохранение в тайне подобного взгляда со стороны других высших сановников империи могло бы ввести в заблуждение насчет компании как собственных акционеров ее, так и публику»[16], записка Константина так и не была опубликована. Понимая, что речь идет о самом существовании компании и что оставить без ответа записку Константина невозможно, Главное правление подготовило серию специальных документов, и в первую очередь «Краткое историческое обозрение образования и действий Российско-американской компании с самого начала учреждения оной и до настоящего времени» от 20 марта (1 апреля), а также подробное «Объяснение» от 11(23) апреля на отзыв морского министерства (№ 302)[17].

Доказывая главное — необходимость сохранения РАК, руководство компании ссылалось на то, что «правительство три раза возобновляло и увеличивало ее привилегии» (в сентябре 1821 г., в марте 1841 г., а также в мае 1854 г., когда было получено «высочайшее разрешение» на заключение торгового контракта «с обществом калифорнийских негоциантов на 20 лет»)[18]. Тем самым само правительство признавало, что компания на протяжении длительного времени оправдывала оказанное ей доверие.

Отвергая критику морского министерства (а точнее великого князя), Главное правление доказывало, что в случае ликвидации РАК «правительство лишится самого верного, самого надежного и добросовестного агента, который оному необходим во всех особенных случаях, где оно находит неудобным действовать от своего лица». Использование кораблей компании оказалось весьма полезным при обследовании устья р. Амур, при посылке эскадры графа Путятина в Японию и т.д. Особенно преимущества существования РАК проявились в военные годы. «Минувшая война служит лучшим тому доказательством. Ежели бы колонии принадлежали казне, — отмечало руководство РАК, — то нейтральной конвенции, которая заключена была компанией с английским министерством, наше пра-

---

[16] **Н.К.Краббе — А.М.Княжевичу, 6(18) марта 1861 г., № 429** // Там же. — Л. 661.

[17] Эти документы были представлены **ГП РАК А.М.Княжевичу 14(26) апреля 1861 г.** и разосланы в соответствующие инстанции // Там же. — Л. 685–767, 769–780, 783, а также Ф. 398. — Оп. 24. — Д. 9119б — Ч. II. — Л. 222–241, 274–356; и др.

[18] Здесь и далее цитируется **«Объяснение» ГП РАК на отзыв морского министерства от 18 февраля за № 302, 11(23) апреля 1861 г.** // Доклад Комитета. — Ч. 2. — С. 518–552 // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1347а. — Л. 769–780 (подлинник).

вительство при всем желании не могло бы достигнуть, и колонии подверглись бы неминуемому разорению».

Особое внимание в «Объяснении» РАК уделялось опровержению утверждений о тяжелом положении местных жителей и об уменьшении их численности. Ссылаясь на таблицу народонаселения в Русской Америке с 1830 по 1859 г.[19], компания доказывала, что за исключением 1837–1847 гг., когда свирепствовали эпидемии (корь, оспа, коклюш), численность аборигенов держалась примерно на одном уровне, а начиная с 1847 г. даже возрастала (с 7884 до 9992). С другой стороны, в Камчатской области в 1854 г. родились 274, а умерли 480 человек. Независимое же население русских колоний, по несколько завышенной оценке компании, достигало свыше 40 тыс. Эти люди характеризовались как «народ деятельный, в высшей степени склонный к хищничеству и даже воровству (не сознавая это пороком), вероломный, мстительный, равнодушный к телесным страданиям и даже к смерти и безумно оспаривающий свою дикую независимость».

Нет необходимости возражать и спорить с подобными оценками, которые столь типичны для колонизаторов. ГП РАК отмечало, однако, что «правители компании никогда с ними в войне не находились, за исключением нескольких более или менее значительных стычек, в коих туземцы постоянно претерпевали от нас значительный урон и изъявляли свою покорность выдачей новых аманатов». Как свою заслугу РАК отмечала, что испытывает от туземцев «менее вреда и неповиновения, чем Гудзонбайская компания».

В качестве веского аргумента в пользу продления привилегий Главное правление указывало, что, если правительство возьмет колонии в свои руки, оно «обременит себя новыми и постоянными значительными расходами на управление, снабжение и охранение колоний... купеческого флота вовсе существовать не будет, иностранцы будут господствовать там, пока не истощат всех средств в свою пользу, и наконец, в случае разрыва колонии не только подвергнутся разорению, но и могут быть навсегда отторгнуты от государства».

Этот довод компании представляется весьма существенным. Правительство, естественно, не хотело брать на себя дополнительные обязательства и расходы, а угроза потери Русской Америки в случае войны с морскими державами представлялась вполне реальной (вспомним хотя бы польское восстание 1863 г. и позицию европейских держав).

---

[19] **Доклад Комитета.** — Ч. 2. — С. 553–554.

2. Результаты ревизионной поездки С.А.Костливцева и П.Н.Головина в Русскую Америку

Трудно сказать, как бы пошло дальнейшее обсуждение судьбы РАК, если бы компания не получила неожиданную поддержку с той стороны, откуда ее можно было меньше всего ожидать. Осенью 1861 г. С.А.Костливцев и П.Н.Головин вернулись из своих ревизионных поездок и представили подробные отчеты о положении в русских владениях в Америке. Несмотря на серьезную критику действий РАК, оба ревизора на основе внимательного изучения вопроса пришли к выводу о целесообразности сохранения компании[20]. Так, С.А.Костливцев специально обращал внимание на участие РАК «в открытии р.Амур и занятии острова Сахалин», ее содействие экспедиции графа Путятина в Японию, и особенно сохранение неприкосновенности колоний во время Крымской войны. «Все эти и многие другие факты приводят к справедливому заключению, — писал С.А.Костливцев, — что Российско-американская компания вполне оценила и оправдала высочайше дарованное ей § 1 устава покровительство»[21].

Необходимость сохранения РАК аргументировалась также тем, что содержание колоний обходилось компании ежегодно в 250 тыс. руб. сер. и, кроме того, казна получала 180 тыс. руб. сер. пошлин, что составило в целом 430 тыс. руб. серебром. «Нет ничего легче, — заключал С.А.Костливцев, — как уничтожить все привилегии компании; но, уничтожив их, необходимо сложить с нее и обязанности... Правительство должно будет принять управление и содержание русских американских колоний на собственные свои издержки и ответственность, для чего немедленно послать туда чиновников»[22].

Не согласился С.А.Костливцев и с обвинениями компании в насилиях и притеснениях местного населения, указывая, что в отличие от периода правления А.А.Баранова с «алеутами обходятся ласко-

---

[20] **См. С.А.Костливцев — А.М.Княжевичу, 21 октября (2 ноября) 1861 г., № 24** // РГИА. — Ф. 18. — Оп. 5. — Д. 1347а. — Л. 802–804. Отчет на л. 804а–888 (печатный). **Отчет П.Н.Головина** // РГА ВМФ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Д. 2515. — Л. 1–255 (подлинник). Хотя отчеты С. А. Костливцева и П.Н.Головина уже давно были опубликованы (**Доклад Комитета.** — Ч. 2. — С. 1–267, 269–462), их оценка в литературе не всегда была точной. Р.Дж.Дженсен утверждал даже, что эти отчеты, как и доклад «Комитета об устройстве русских американских колоний», оказались в пользу тех, кто выступал за продажу Русской Америки. См. **Jensen R.J.** The Alaska Purchase and Russian-American Relations. — Seattle, 1975. — P. 47–48.

[21] **Доклад Комитета.** — Ч. 2. — С. 7.

[22] **Там же.** — С. 227, 233.

во». Одновременно царский ревизор утверждал, что континентальные индейцы «народ воинственный, кровожадный и действительно враждебный не только русским, но и всем тем, которые бы вознамерились посягнуть на их независимость». Имея в колониях гарнизон из 200 человек, компания практически не могла рассчитывать покорить 40 тыс. индейцев, населявших ее континентальные владения. «Таким образом, за невозможностью покорить индейцев силой, компания должна была стараться достигнуть этого путем мирным, то есть распространением торговых сношений и цивилизации в крае», чему, однако, препятствовало запрещение расширять владения компании «внутрь стран, населенных инородцами, не зависящими от колониальных властей»[23].

Более критически политику РАК в отношении местного населения оценил П.Н.Головин, отмечавший, в частности, что «алеуты и вообще подвластные туземцы должны быть освобождены от всякого обязательного труда в пользу компании». По мнению Головина, алеутов следовало освободить и от излишней опеки компании. «Пусть дадут им возможность приобретать за свой труд то, что им хочется, что для них нужно, а там пусть сами они о себе заботятся»[24].

Довольно единодушно оба ревизора свидетельствовали о почти полной беззащитности Русской Америки в случае войны и не исключали даже возможности захвата Ново-Архангельска тлинкитами. По отзыву С.А.Костливцева, «настоящее спокойствие весьма ненадежно», и сами главные правители опасаются, что в случае внезапного нападения Ново-Архангельск может сделаться «жертвой ножа и пожара»[25]. П.Н.Головин сравнивал угрозу нападения индейцев с мечом Дамокла, «вечно угрожающего Ситхе»[26], а начальник русской эскадры на Тихом океане А.А.Попов указывал, что компания уже 60 лет обосновалась на Ситхе, но «до сих пор влияние ее на местных жителей не раздвинулось далее полусгнившего забора, который ограждает от колош резиденцию главного правителя колоний чуть ли не со времен Баранова. Что колоши вооружены и стреляют лучше нашего гарнизона, что они не менее отважны и многочисленнее нашего населения — не подлежит сомнению». Со свойственной военному моряку прямотой А.А.Попов возмущался балом, устроенным главным правителем, на котором присутствовали более 40 дам: «...Расходы на него весьма значительны и могли бы быть употреблены на другие предметы с большей пользой для компании и для всех прочих обитателей колоний»[27].

---

[23] **Там же.** — С. 238–239.

[24] **Там же.** — С. 441, 444.

[25] **Там же.** — С. 69.

[26] **Там же.** — С. 339.

[27] **А.А.Попов — вел. кн. Константину, Сан-Франциско, 22 сентября (4 октября?) 1862 г., № 132** // РГА ВМФ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Д. 2452. — Л. 301.

Все наблюдатели были единодушны в необходимости укрепления русских владений в Северной Америке и высказывались в пользу учреждения у их берегов постоянного крейсерства военных кораблей, что произвело бы, по отзыву П.Н.Головина, «самое благоприятное впечатление: своеволию китоловов и контрабандистов будет положен предел, дикие племена, населяющие колонии, убедятся, что мы сильны не на словах, а на деле, и влияние русских в Тихом океане будет фактическое, тогда как теперь его нет вовсе»[28].

Приводимые выше высказывания, и прежде всего отчеты С.А.Костливцева и П.Н.Головина, не следует, разумеется, принимать за абсолютную истину. Автор специальной монографии о русско-тлинкитских отношениях А.В.Гринёв отметил, что утверждения о том, что колонисты в Ново-Архангельске жили на положении осажденных под постоянной угрозой нападения, выглядят преувеличением. Вместе с тем было бы ошибкой и идеализировать эти отношения. Показательно в этой связи заключение А.В.Гринёва, что, «как бы ни складывались отношения между русскими и тлинкитами, последние никогда не считали себя подданными Российской империи и были убеждены в том, что земли всей Юго-Восточной Аляски принадлежат им. Русских же они рассматривали лишь как «пришельцев», а не как соотечественников и тем более не как хозяев земли»[29].

Особый интерес представляет заключительная часть обзора П.Н.Головина, где речь шла о судьбе Русской Америки. Долгое время в литературе не обращалось внимания на то, что обзор П.Н.Головина был опубликован не полностью, и никто не пытался установить, какие конкретные части обзора были опущены и почему. Между тем в «Морском сборнике» (1862. — № 1) и в публикации морского министерства прямо указывалось, что «настоящая статья есть извлечение» из представленных вел. кн. Константину «подробных и в высшей степени любопытных и важных сведений о состоянии колоний»[30].

---

[28] **Доклад Комитета.** — Ч. 2. — С. 453.

[29] **Гринёв А.В.** — С. 170–172.

[30] **Головин П.Н.** Обзор русских колоний в Северной Америке. — СПб.: В Типографии морского министерства, 1862; **МС.** — 1862. — № 1. — С. 3 (примеч.). В публикации обзора в приложениях к **Докладу Комитета** (Ч. 2. — С. 268–462) это примечание отсутствует, хотя в остальном текст совпадает. Английский перевод обзора не так давно опубликован в США. См. **Golovin P.N.** The End of Russian America: Captain P.N. Golovin's Last Report, 1862 / Transl. with Introd. and Notes by B.Dmytryshyn, E.A. Crownhart-Vaughan. — Portland, 1979.

И действительно, подлинник отчета П.Н.Головина, сохранившийся в фондах РГА ВМФ, существенно отличается от своего усеченного опубликованного варианта[31]. В опущенной заключительной части обзора не только излагались известные переговоры сенатора У.М.Гвина с Э.А.Стеклем, но и высказывались важные соображения самого Головина о судьбе Русской Америки. По словам Головина, сенатор считал, что «для Соединенных Штатов и для русского правительства было бы очень выгодно, если бы Россия уступила американцам колонии ее в Северной Америке. Гвин доказывал, что естественная граница между Россией и Америкой есть Берингов пролив, что уступкой своих колоний Соединенным Штатам Россия еще прочнее укрепит дружеские отношения между двумя государствами, уже так сильно симпатизирующими друг другу. Г.Стекль, в свою очередь, находил, что подобная уступка даст русскому правительству возможность сосредоточить на Амуре все средства, растрачиваемые столько лет на колонии, не доставляющие государству существенной выгоды; что сумма, полученная за колонии, покроет частично недостаток у нас звонкой монеты, что и в будущем отстранится всякая возможность столкновения между Россией и Соединенными Штатами. Получив разрешение от правительства узнать мнение по этому предмету президента Соединенных Штатов, г. Стекль просил сенатора Гвина высказать свою мысль президенту Букананну и получил ответ, что президент находит подобную сделку возможной и если делу будет дан ход, то, вероятно, федеральное правительство пожертвует для приобретения колоний от 5 до 8 миллионов долларов»[32].

«Между тем, — продолжал Головин, — срок президентствования г. Букананна приходит к концу. По приезде в Нью-Йорк осенью прошлого года (т. е. 1860 г. — *Н.Б.*) я нашел все умы занятыми избранием нового президента. По совещанию с г. Стеклем оказалось, что возбуждать вопрос об уступке наших колоний было бы несвоевременно, и между тем г. Стеклю необходимо было знать настоящее состояние колоний, о которых он имел самые поверхностные понятия. Поэтому он желал, чтобы мы, осмотрев колонии, возвратились в Вашингтон и сообщили все необходимые сведения о производи-

---

[31] **Обзор русских колоний в Северной Америке, 20 октября (1 ноября) 1861 г.** // РГА ВМФ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Д. 2515. — Л. 1–255. Подробнее см. **Болховитинов Н.Н.** Секретная часть доклада капитан-лейтенанта П.Н.Головина вел. кн. Константину Николаевичу. 20 октября 1861 г. // АЕ, 1989. — М., 1990. — С. 244–248.

[32] Напомним, что, судя по официальному донесению Стекля, сенатор назвал 5 млн. долл. См. **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 23 декабря 1859 г. (4 января 1860 г.), № 31** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 36–41 (подлинник); PHR. — 1934. — March. — Vol. 3. — N 1. — P. 80–87.

тельности страны, ее средствах, богатствах и проч., чтобы потом на основании всех этих данных можно было определить сумму, за которую можно уступить колонии без убытка. Разрыв между северными и южными штатами надолго, если не навсегда, остановил выполнение этого предположения. Сожалеть ли об этом?

Общественное мнение России до сих пор негодует за уступку нашей бывшей фактории в Калифорнии, особенно с тех пор, как рядом с селением Росс открылись золотые прииски, а при преобразованиях, которые предполагаются для наших колоний, легко может случиться, что люди предприимчивые, принявшись за дело толково и с энергией, откроют и в колониях наших богатства, о существовании которых теперь и не подозревают. Что же касается до упрочения дружественных отношений России и Соединенных Штатов, то можно сказать положительно, что сочувствие к нам американцев будет проявляться до тех пор, пока оно их ни к чему не обязывает или пока это им выгодно. Жертвовать же своими интересами для простых убеждений американцы никогда не будут.

В заключение, чтобы разом обрисовать личность американских politicians (политиков), прибавлю, что сенатор Гвин, не успевший склонить на свою сторону избирателей, оставил Калифорнию и, отказавшись от своих убеждений, уехал в южные штаты попытать счастия у сепаратистов. Капитан-лейтенант Головин. 20 октября 1861 года»[33].

Значение приведенного заключения трудно переоценить. Сотрудник морского министерства, посланный для выяснения положения на месте, открыто выступал против уступки Русской Америки США и за сохранение РАК[34].

И это мнение высказывалось в докладе, направленном непосредственно великому князю. Генерал-адмирал не мог не считаться с заключением ревизора собственного министерства, хотя из опубликованного варианта оно и было исключено. Кстати, это лишний раз доказывает, что гласность даже в период реформ оказалась достаточно ограниченной, особенно в тех случаях, когда речь шла о важных государственных интересах.

3. Одобрение основных начал устройства русских владений в Америке (1863–1866)

Для рассмотрения отчетов Костливцева и Головина, а также решения вопроса о продлении привилегий компании был учрежден

---

[33] **РГА ВМФ.** — Ф. 410. — Оп. 2. — Д. 2515. — Л. 252–255.

[34] Насколько нам известно, доклад П.Н.Головина — один из очень немногих официальных документов, в котором обосновывалось мнение против продажи русских владений в Северной Америке.

особый Комитет об устройстве русских американских колоний под председательством директора департамента мануфактур и внутренней торговли А.И.Бутовского. В состав комитета входили представители заинтересованных ведомств, в частности Г.П.Неболсин (от министерства финансов), П.Н.Глебов, а затем И.А.Шестаков (от морского министерства), Я.Д.Гинкулов и А.Г.Щербинин (от ведомства иностранных дел) и др.[35]

Весной 1863 г. после длительного и тщательного рассмотрения всех имевшихся в его распоряжении материалов комитет представил министру финансов обширный доклад «Об устройстве русских американских колоний». Комитет пришел к выводу, что «главнейшие успехи» РАК относились к первому периоду ее деятельности (до 1821 г.). Настоящее же положение Русской Америки изобличает, по мнению комитета, «застой и неподвижность», а положение алеутов близко подходит к «бывшему положению в России крепостных крестьян»[36].

В целом, однако, комитет признавал заслуги РАК и высказывался за ее сохранение. «Надлежит только направить деятельность компании так, — указывалось в докладе, — чтобы она не препятствовала самостоятельному промышленному и торговому развитию края»[37]. Комитет высказывался за установление в колониях правительственного надзора, за освобождение местного населения от обязательного труда в пользу компании, а также ограничение ее монопольных прав и привилегий.

Среди конкретных мер, предлагавшихся комитетом, предусматривались продление привилегий компании на 12 лет (вместо 20), передача РАК в ведение морского министерства, назначение для управления краем военного губернатора, учреждение постоянного крейсерства и т.д. Срок обязательной службы креолов, обучавшихся за счет компании, ограничивался пятью годами, а «алеутов и других зависимых инородцев» РАК должна была нанимать на работу по добровольному соглашению «за условную плату деньгами или натурой»[38].

Как и следовало ожидать, рекомендации комитета вызвали со стороны РАК многочисленные возражения. Особенно резко компания протестовала против ограничения срока привилегий 12 годами, что якобы было равносильно лишению «ее кредита, а следовательно и возможности дальнейшего существования, ибо в этом сокращении срока высказывается близкое закрытие ее дел вообще»[39].

---

[35] **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 3–4; **РГИА.** — Ф. 398. — Оп. 24. — Д. 9196. — Л. 192–208 и др.

[36] **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 157, 159.

[37] **Там же.** — С. 237.

[38] **Там же.** — С. 262–263.

[39] **Отзыв РАК на заключение Комитета об устройстве российско-американских колоний** // Там же. — С. 314–315.

Возражала РАК и против разделения владений на «прибрежье и острова, подлежащих исключительному праву торговли и промыслов для компании, и на страну, открытую свободной торговле», что привело бы к развитию в колониях «всякого рода недозволенной торговли»[40]. Особое внимание руководство РАК обращало на трудности заселения внутренних районов Северной Америки, так как это «породит вражду, ненависть и кровопролитие». Саму мысль об устройстве постоянных поселений на материке компания считала утопичной. «Наконец, нужны ли России поселения в местности, столь отдаленной и отрезанной от метрополии океаном? Малейший политический переворот, и они будут от нее отделены»[41].

Таким образом, даже сама компания не видела пути к прочному освоению своих владений, а рассчитывала главным образом на содействие и поддержку правительства, в частности на учреждение военного крейсерства. Более того, Главное правление ставило под вопрос целесообразность освоения континента, отделенного от России океаном, и полагало, что поселения на материке будут неизбежно утрачены в случае какого-либо политического переворота. Тем самым противники РАК получали еще один аргумент в пользу ликвидации русских владений в Америке, если не сразу, то во всяком случае в будущем.

Против «крутых перемен» в управлении колониями высказался в отдельной записке и контр-адмирал А.К.Этолин, который был тесно связан с делами Русской Америки на протяжении 30 лет. Адмирал выражал твердое убеждение, что край еще слишком мало подготовлен к тем реформам, которые предлагает комитет, и что «дальнейшее существование для оного Американской компании совершенно необходимо»[42].

Учитывая, что как критики, так и защитники РАК считали целесообразным сохранение компании и продление ее привилегий, министерство финансов внесло в Государственный совет представление о пересмотре устава РАК и устройстве русских колоний в Америке, которые рассматривались в департаменте государственной экономии 17 февраля и 22 апреля 1865 г. (ст.ст.)[43]. В дальнейшем решение департамента государственной экономии было представлено общему собранию Государственного комитета, которое «по мно-

---

[40] **Там же.** — С. 316–317.

[41] **Там же.** — С. 345.

[42] **Записка А.К.Этолина, 18(30) апреля 1863 г.** // Там же. — С. 384.

[43] **Выписки из журналов департамента государственной экономии, 17 февраля и 22 апреля 1865 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 141–158.

гим уважительным причинам» признало продолжение существования РАК «весьма желательным»[44].

Наконец, 14(26) июня 1865 г. мнение Государственного совета было утверждено Александром II, подписано вел. кн. Константином и опубликовано в печати[45]. Тем самым документ приобрел характер официальной директивы, в которой определялись «главные основания» для нового устава РАК и колониального положения. Срок привилегий компании определялся в 20 лет (т. е. до января 1882 г.). Государственный совет признал необходимым назначить главного правителя от правительства и передать русские колонии в Америке и РАК из министерства финансов в морское ведомство. В Новоархангельский порт на о-ве Ситха и в порт Св. Павла на о-ве Кадьяк разрешался привоз как русскими, так и иностранными судами «всякого рода предметов промысла и товаров (кроме крепких напитков, пороха и оружия)» (п. 8)[46].

В целом «главные основания» с некоторыми изменениями следовали рекомендациям Комитета об устройстве русских американских колоний. В п. 10 указывалось, что «алеуты и вообще зависимые инороды в колониях» освобождаются от обязательного труда в пользу РАК и могут «селиться в местностях, где найдут для себя более удобным, и свободно отлучаться из мест своего водворения с соблюдением только тех полицейских порядков, какие главным колониальным управлением будут установлены». Срок обязательной службы креолов, обучавшихся за счет РАК, ограничивался 5 годами (п.12)[47] и т.д.

Осенью 1865 г. «главные основания», изложенные во «мнении» Государственного совета, стали предметом обсуждения общего собрания РАК. По многим пунктам (1, 2, 3, 8, 13, 15, 16) были сделаны те или иные замечания. Особо отмечалось, что РАК может нести возложенные на нее обязанности только при сохранении за ней двух главных привилегий: «1) Исключительное во всех колониях производство пушного промысла и 2) Исключительное там право торговли»[48]. Кроме того, компания просила предоставить ей от казны пособие, «которое уже неоднократно правительством было признаваемо справедливым... а именно ежегодно по 200 т[ыс.] руб. сер[ебром]»[49].

---

[44] **Выписка из журнала общего собрания Государственного совета от 17(29) мая 1865 г.** // Там же. — Л. 141.

[45] **Мнение Государственного совета, 14(26) июня 1865 г.** // Там же. — Л. 131—141 (подлинник подписан председателем совета вел. кн. Константином); **Московские ведомости.** — 1865. — 8(20) авг.

[46] **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 134.

[47] **Там же.** — Л. 135, 136.

[48] **Журнал общего собрания акционеров РАК от 22 сентября 1865 г. (ст.ст.)** // Там же. — Л. 174–175.

[49] **Там же.** — Л. 173.

Несколько позже, в октябре 1865 г., в министерство финансов (департамент торговли и мануфактур) был направлен журнал общего собрания акционеров РАК от 15(27) октября, в котором делался ряд поправок в отношении предполагаемого открытия для свободной торговли двух колониальных портов (Ново-Архангельск и Св. Павла)[50], а в конце года М.Х.Рейтерн смог представить в Государственный совет подробную записку о пересмотре устава компании и устройстве русских американских колоний[51]. Представление Рейтерна заслушивалось в департаменте государственной экономии 15(27) января и 2(14) марта 1866 г., а 14(26) марта заключение департамента было утверждено на общем собрании Государственного совета. Наконец, 2(14) апреля «мнение» Государственного совета, одобренное Александром II, было официально оформлено и подписано вел. кн. Константином[52].

В этом новом и последнем решении Государственного совета по уставу РАК оговаривалось (п. 1), что срок 20-летней привилегии следует исчислять не с января 1862 г., «а со дня утверждения сей привилегии». Предусматривалось также (п. 2) и сохранение за компанией «исключительного права производства пушных промыслов и меховой торговли... на всем пространстве колониальной территории»[53].

Итак, с формальной стороны положение РАК выглядело вполне удовлетворительным. В результате длительной и трудной борьбы компании, казалось бы, удалось одержать победу и добиться невозможного. Ее главный противник Константин скрепил своей четкой подписью согласие на продолжение привилегий РАК еще на 20 лет. На деле, однако, рассмотрение отчетов С.А.Костливцева и П.Н.Головина, а также других материалов о положении в Русской Америке, включая представленные самой компанией, выявили серьезные недостатки, бесхозяйственность и даже злоупотребления. Самое же главное заключалось в том, что для участников обсуждения стал очевиден факт слабости и беззащитности владений в Америке. Достаточно сказать, что общая численность русского населения в колониях в 1860 г. составляла 595 человек! Кроме того, креолов было 1896, алеутов — 4645 и т. д., а всего 10 144 человека[54].

На всем протяжении деятельности РАК русское население колоний оставалось более или менее стабильным. Естественно, что

---

[50] **Журнал общего собрания акционеров РАК от 15(27) октября 1865 г.** // Там же. — Л. 185–191.

[51] **Записка М.Х.Рейтерна от 6(18) декабря 1865 г., № 8468** // Там же. — Л. 194–228. — Д. 411. — Л. 2–32 (подлинник).

[52] См. соответственно **АВПРИ.** — Ф.РАК. — Д. 411. — Л. 39–44, 45–46, 47, 49–50.

[53] **Там же.** — Л. 49–50 (подлинник). — Д. 412. — Л. 251–254.

[54] **Доклад Комитета.** — Ч. 2. — Прилож. 2 (табл.).

компания оказалась не в состоянии утвердить свою власть на материке, где число независимых индейцев оценивалось значительно выше. Опытные и хорошо вооруженные тлинкиты не желали признавать власть РАК. И хотя открытые столкновения с индейцами происходили редко (последний раз это случилось в 1855 г. в Ново-Архангельске)[55], в целом сопротивление коренного населения оказалось едва ли не главным фактором, препятствовавшим успешной колонизации Американского материка, и ограничивало влияние компании ее островными владениями. В конечном итоге это не могло не повлиять на общую оценку деятельности РАК, а косвенно и на решение о продаже Русской Америки.

Следует отметить, что как современники, так и последующие исследователи часто рассматривали решения Государственного совета от 14(26) июня 1865 г. и 2(14) апреля 1866 г. как официальное продление привилегий компании еще на 20 лет. В работе Р.В.Макаровой прямо указывалось, что «высочайше утвержденное 14 июня 1865 г. мнение Государственного совета», по существу, представляло собой «новый устав Российско-американской компании, по которому ее привилегии продлевались до 1 января 1882 г.»[56]

В дальнейшем, однако, оказалось, что «высочайшие» решения, утвержденные Александром II и подписанные председателем Государственного совета вел. кн. Константином, представляли собой простой «клочок» бумаги, которому руководители Российской империи не придавали серьезного значения. Более того, МИД России (в отличие от министерства финансов) оспаривал даже юридическую силу принятых решений.

Как видно из записки А.С.Энгельгардта А.М.Горчакову от 26 октября (7 ноября) 1867 г., ведомство иностранных дел считало, что никакого формального продления привилегий РАК «не состоялось, а были только утверждены... главные начала, на коих правительство согласно дать компании эту привилегию, в числе каковых начал был между прочим пункт, относящийся до срока, на который привилегия может быть выдана». Что касается РАК, то она «существовала и действовала на основании устава 1844 года, срок действия которого, истекший 1 января 1862 г[ода], был продолжен выс[очайше] утвержденным 29 мая 1861 [года] мнением [Государственного] совета впредь до окончательного рассмотрения в [Государственном] совете дела о пересмотре устава Р[оссийско]-А[мериканской] Компании и об устройстве русских американских колоний»[57].

---

[55] **Тихменев П. А.** — Ч. 2. — С. 207–208; **Доклад Комитета.** — Ч. 1. — С. 80–81.

[56] **Макарова Р.В.** К истории ликвидации Российско-американской компании // Проблемы истории и этнографии Америки. — М., 1979. — С. 267.

[57] **А.С.Энгельгардт — А.М.Горчакову, 26 октября (7 ноября) 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 102.

В составленном осенью 1867 г. подробном меморандуме МИД «для большей ясности» указывалось: «Главные основания для решения крестьянского вопроса высочайше утверждены за несколько лет до 19 февраля 1861 года; никто, однако, не станет утверждать, что окончательное решение по крестьянскому делу состоялось не 19 февраля 1861 г[ода], а несколькими годами ранее...»[58].

Впрочем, все это уже «юридические» тонкости, а весной 1866 г. мало кто мог предполагать, что дни Русской Америки уже сочтены и в декабре будет принято решение о ее продаже.

4. Строительство русско-американского телеграфа (1863–1867)

Одним из наиболее крупных российско-американских проектов, который мог оказать большое влияние на перспективы развития не только Русской Америки, но всего Дальнего Востока и Сибири, стало строительство телеграфной линии, которая была призвана объединить Европу и Америку. Главным инициатором этого проекта с американской стороны выступал П.М.Коллинз, который совершил путешествие из С.-Петербурга через Сибирь, выполнявший роль торгового представителя США на реке Амур. «При пересечении всей территории Северной Европы от берегов Балтики до Камчатки, — писал Коллинз государственному секретарю США осенью 1859 г., — моим сознанием прочно овладела идея, что это был естественный и единственно возможный путь, по которому можно было бы проложить телеграфную линию, доходящую до Америки и затем до Соединенных Штатов и объединяющую Европу с Америкой»[59].

Для осуществления этого грандиозного замысла П.М.Коллинз начал действовать сразу в нескольких направлениях — в США, России и Англии. Он представил, в частности, свой план конгрессу и заручился поддержкой властей, с тем чтобы связать телеграфом Миссисипи с побережьем Тихого океана и провести линию в северном направлении к британским владениям, а затем добиться объединенных действий с правительствами России и Англии. Особенно важным оказалось то, что Коллинз смог заинтересовать президента «Компании западных соединенных телеграфов» Х.Сибли. Влиятельный и энергичный предприниматель надеялся, что таким образом

---

[58] **Там же.** — Л. 122.

[59] **П.М.Коллинз — Л.Кану, 20 сентября 1859 г.** // NARS. — RG. 59. — Consular Despatches. — Amoor River. — Vol. 1.

ему удастся связать с Америкой через Россию не только всю Азию, но и Европу, поскольку его главный конкурент С.Филд в то время так и не сумел проложить действующий межконтинентальный кабель по дну Атлантического океана. Специалисты по телеграфной связи после нескольких неудачных попыток начали тогда склоняться к мысли, что длинный подводный кабель не может стать эффективным и никогда не будет успешно действовать[60].

С русской стороны активным пропагандистом строительства телеграфа через Сибирь к Амуру и далее «через Камчатку и Алеутскую гряду на соединение с Америкой» выступал военный инженер Д.И.Романов, представивший в начале 1857 г. соответствующий проект генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н.Муравьеву. Настоятельная необходимость укрепления связей Дальнего Востока с центром России побудила Д.И.Романова составить в конце 1859 г. «проект и смету на постройку телеграфа от Иркутска до устья Амура с ветвями на Кяхту и Новгородскую гавань». К сожалению, «по недостаточной еще степени гражданского устройства Амурского края и по значительности издержек» (до 2 млн. руб.) сооружение этой линии было отложено. Сам же Романов в 1861 г. побывал в США, где изучал американский опыт сооружения и эксплуатации телеграфных линий[61].

Начавшаяся в то время в США гражданская война в полной мере высветила огромные преимущества телеграфного сообщения не только в мирное время, но и в условиях боевых действий. Так, познакомившись с оборонительными сооружениями Вашингтона, Д.И.Романов обратил внимание на значение системы постоянной телеграфной связи, которая соединила армию на правом берегу Потомака с «главной квартирой» в федеральной столице. «В союзных войсках, — отмечал Романов, — есть офицеры, участвовавшие в последней Итальянской кампании и имевшие случай видеть тогда на практике блестящее применение походного телеграфа во французской армии»[62].

В ходе командировки в США Д.И.Романов встречался со знаменитым С.Морзе, а также с Х.Сибли и П.М.Коллинзом, которые, по отзыву русского инженера, снова поставили вопрос «о телеграфе

---

[60] **Vevier Ch.** The Collins Overland Line and American Continentalism // Alaska and Its History / Ed. by M.B.Sherwood. — Seattle; L., 1967. — P. 217.

[61] **Романов Д.И.** Проект русско–американского международного телеграфа // Русское слово. — 1859. — 4(16) февраля; **Он же.** Сибирский телеграф // Русский инвалид. — 1864. — 12(24) марта. — № 57. — С. 3–4.

[62] **Выписка из письма подполковника Романова из Нью-Йорка от 5-го октября н.с. 1861 г.** // РГВИА. — Ф. 453. — Оп. 1. — Д. 342. — Л. 1–4.

[63] **Романов Д.И.** Сибирский телеграф. — С.3–4.

между Америкой и Сибирью, тем более, что в то время была окончена и открыта телеграфная связь через весь континент с Калифорнией». Особый интерес к проекту проявил также министр финансов США С.Р.Чейз (Chase)[63]. Последний, в частности, заверил Д.И.Романова в готовности федерального правительства принять участие в предварительных исследованиях территорий, через которые намечалось проложить новую линию. Активным сторонником проекта стал и российский посланник в Вашингтоне Э.А.Стекль. Рекомендуя направить в Тихий океан «соединенную ученую экспедицию от России, Соединенных Штатов и Англии» для предварительного исследования «местностей, через которые должна проходить будущая телеграфная линия», посланник считал целесообразным использовать для этой цели суда Сибирской флотилии. «Предлагая первыми свое покровительство этому грандиозному предприятию, — заключал Стекль, — мы усилим наше естественное влияние на обширных прибрежьях Тихого океана, которые призваны к столь великой будущности»[64].

Рекомендации Э.А.Стекля были с пониманием встречены в С.-Петербурге, и он получил полномочия выразить со стороны России «полное сочувствие» проведению телеграфной линии между западными берегами Америки и русскими владениями на Востоке и «готовность содействовать осуществлению сего предприятия». Для проведения соответствующих исследовательских работ «морское министерство изъявило готовность отделить одно, а в случае настоятельной необходимости и два судна из эскадры Восточного океана»[65].

Между тем становилась все более очевидной необходимость учреждения собственной системы телеграфной связи на русском Дальнем Востоке, о чем ходатайствовали военный губернатор Приморской области контр-адмирал П.В.Казакевич и Н.Н.Муравьев-Амурский. С осени 1861 г. началось строительство линии «от Николаевска через Софийск до залива Де Кастри». В дальнейшем, как видно из письма нового генерал-губернатора Восточной Сибири М.С.Корсакова, предполагалось принять меры к тому, чтобы «в 1864 г. телеграф был доведен до Хабаровска, а в 1865 г. окончен в одном из южных портов на Японском море»[66]. Генерал-губернатор Восточ-

---

[64] **Э.А.Стекль — вел. кн. Константину, 4(16) декабря 1861 г.** // РГА ВМФ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Д. 2346. — Л. 2–4.

[65] **Н.А.Муханов — Э.А.Стеклю, 14(26) апреля 1862 г.** // Там же. — Д. 2546. — Л. 6–7. Отметим также, что вел. кн. Константин сообщил А.М.Горчакову, что было бы желательно «устранить от участия в этом великом деле прочие державы, исключая Россию и Соединенные Штаты» (**Н.К.Краббе — А.М.Горчакову, 9(21) марта 1862 г.** // Там же. — Л. 1.)

[66] **М.С.Корсаков — Н.К.Краббе, Иркутск, 17(29) декабря 1863 г., № 730** // Там же. — Д. 2699. — Л.1–5.

ной Сибири справедливо обращал внимание на необходимость создания единой телеграфной системы, которая соединила бы Дальний Восток с Иркутском, а тем самым с Москвой и С.-Петербургом, не дожидаясь осуществления проекта П.М.Коллинза. «По моему мнению, — писал Корсаков, — одни даже потребности местной администрации и общегосударственного управления не дозволяют уже откладывать продолжение Сибирского телеграфа на неопределенный и весьма гадательный срок осуществления громадного проекта подводной линии между Сибирью и Северо-Американскими Соединенными Штатами. Останавливаться окончанием... сети русских телеграфов, выжиданием осуществления иностранного предприятия значило бы подчинить отечественные наши нужды целям международным и во всяком случае более отдаленным»[67].

Хотя преимущества телеграфного сообщения (особенно в военное время для русской эскадры на Тихом океане) были очевидны, строительство новых линий наталкивалось на противодействие министерства финансов, которое отказывалось выделять просимые для этого средства. Со значительными трудностями в столице империи пришлось столкнуться и П.М.Коллинзу, хотя он с самого начала опирался на поддержку государственного секретаря У.Сьюарда и американских посланников в С.-Петербурге К.Клея и С.Камерона. В конечном итоге настойчивость П.М.Коллинза увенчалась определенным успехом. Царское правительство согласилось предоставить «5-летний срок на устройство телеграфа и 33-летний для привилегии на исключительное пользование оным», оговорив при этом, что американская компания не получает каких-либо исключительных прав на земли, через которые будет проводиться телеграфная линия. «Взамен испрашиваемой ежегодно субсидии» правительство соглашалось уступить «40% чистой прибыли от депеш, передаваемых по русским линиям собственно в Америку и обратно», и, кроме того, принимало на себя «устройство соединительной телеграфной линии от Верхнеудинска до того пункта, где компания соединит свой телеграф с нашим, что составит протяжение до 3 тыс. верст и потребует расходов до 900 тыс. руб. К проведению этой линии правительство приступит, однако же, не прежде, как по представлению от г-на Коллинза акта об окончательном образовании компании»[68].

---

[67] **М.С.Корсаков — И.М.Толстому, Иркутск, 17(29) декабря 1863 г.** // Там же. — Л. 11.

[68] См. **Извлечение из «Отзыва к г. Коллинзу от 23 мая 1863 г.», № 820** // АВПРИ. — Ф.РАК. — Д. 408. — Л. 11–12. О заключительном этапе переговоров в С.-Петербурге см. также **Донесения К.Клея У.Сьюарду от 19 мая и 17 июня 1863 г.** // NARS. — RG. 59. — DD. Russia. — Vol. 20 (M 35. — R. 20); 38th Congress, 1st Session. — House Ex. — Doc. 1. — P. 868, 872 etc.

В Соединенных Штатах могли теперь приступать к практическому осуществлению проекта. «Компания западных соединенных телеграфов» ввела П.М.Коллинза в состав директоров и назначила его руководителем специальной компании по строительству и эксплуатации российско-американского телеграфа (так называемой «Сухопутной линии Коллинза» — «Collins Overland Line»). Не скрывали своего удовлетворения и руководители американского правительства. Как отметил У.Сьюард, проект П.М.Коллинза свидетельствовал о том, что «росту национального влияния Соединенных Штатов» нет границ, а осуществление проекта распространит «американские идеи и принципы общественной и частной экономики, политики, морали, философии и религии по всему миру»[69].

Исключительно высоко У.Сьюард оценивал значение сотрудничества Англии и России в осуществлении этого совместного проекта. «В наших иностранных сношениях для меня всего выше, — писал государственный секретарь, — сближение и сохранение мира с этими двумя великими и просвещенными державами. По моему мнению, для достижения подобной великой цели устройство предполагаемого межконтинентального телеграфа гораздо действеннее всякой другой меры»[70].

Любопытно, что первый перевод сообщения Сьюарда от 14 мая был опубликован газетой «С.-Петербургские ведомости» осенью 1864 г. вместе с пояснением телеграфного управления. Русские читатели получили тем самым весьма подробное представление о проекте Сибирско-американского телеграфа и том значении, которое ему придавалось правительством США. Следует подчеркнуть, что У.Сьюард отстаивал целесообразность планируемого канала связи, несмотря на возможность успешного завершения уже строившейся линии через Атлантический океан. Обе межконтинентальные линии, по мнению государственного секретаря, «будут только помогать и поддерживать одна другую. Но если они и станут соперничать между собой, то во всяком случае для мира полезнее иметь их две, чем только одну»[71].

В специальном «Пояснении от телеграфного управления» указывалось: «Сибирский телеграф, входящий в состав общей сети

---

[69] **У.Сьюард — З.Чендлеру, 14 мая 1864 г.** // RRL. UR. — W.Seward Papers. — R.83 (автограф); Vevier Ch. Op. cit. — P. 222.

[70] **Communication of Hon. William H. Seward Secretary of State upon the Subject of an International Telegraph Connecting Eastern and Western Hemispheres by Way of Behring's Strait in Reply to H.Z.Chandler, Chairman of the Committee on Commerce of the U.S. Senate to which was Refered the Memorial of Perry McDonaugh Collins.** — Wash., 1864. — P. 24–25; **АВПРИ.** — Ф.РАК. — Д. 408. — Л. 63 (рус. пер. сообщения Сьюарда см. **Там же.** — Л. 39–55).

[71] **С.-Петербургские ведомости.** — 1864. — 18(30) окт. — № 235.

европейских телеграфов, доведен в настоящее время окончательно до Иркутска. От Иркутска линия продолжается до Кяхты. От Кяхты предполагается устроить линию через г. Ургу, Монголию, степь Гоби до Пекина... Кроме того, в Сибири устраивается, но пока только для одних лишь надобностей морского министерства, отдельная телеграфная линия по направлению правого берега р. Амур от Хабаровска до Николаевска и вверх по Уссури до залива Посьета в Японском море». Далее отмечалось, что для поощрения проекта Коллинза, концессия которому окончательно еще не выдана, предполагается «устроить иждивением российского правительства соединительную линию в 3000 верст от Верхнеудинска до того места на р. Амур, откуда начнется российско-американский телеграф». В газете оговаривалось, однако, что к «устройству этой соединительной линии вовсе еще не приступлено» и что начать ее предполагается только после того, как от Коллинза будут получены надлежащие денежные гарантии и после фактического начала строительства российско-американского телеграфа. «А потому, — заключала газета, — замечание г. Сьюарда, что эта телеграфная линия быстро продвигается вперед, не имеет никакого основания»[72].

Особо следует отметить, что косвенным образом строительство телеграфной линии оказалось связанным с судьбой Русской Америки. Дело в том, что после того, как осенью 1864 г. Х.Сибли и П.М.Коллинз прибыли в С.-Петербург для окончательного завершения переговоров о проведении телеграфа через Сибирь и Аляску, А.М.Горчаков поинтересовался, каким образом американцы собираются получить разрешение на прокладку телеграфной линии через британские владения. В ответ на сообщение Х.Сибли о том, что возглавляемая им компания (Western Union Telegraph Company) готова заплатить англичанам «значительную сумму», и узнав о ее размерах, русский министр заметил, что дело «не стоит подобной цены». По словам Горчакова, «Россия продала бы всю Аляску за немногим большую сумму». В конце беседы Сибли осведомился, следует ли ему отнестись к этому предложению серьезно и сообщить о нем правительству США. «На это министр ответил, что он вполне серьезен и не возражает против того, чтобы его предложение было доведено до сведения правительства Соединенных Штатов». Американец сразу же сообщил об этом разговоре К.Клею, а последний информировал У.Сьюарда[73].

Достоверность воспоминаний Х.Сибли не удалось пока проверить по русским источникам, а из переписки американского посланника в С.-Петербурге известно только, что в ноябре 1864 г. он

---

[72] **Там же.**

[73] **Sibley H.W.** Memoirs of Hiram Sibley // The Rochester Historical Society: Publication Fund Series. — Rochester, 1923. — Vol. 2. — P. 129–130.

сообщал в Вашингтон следующее: «Несомненно, придет время, когда в интересах России будет продать, а в наших интересах купить их владения в Америке»[74]. Такая покупка, по мнению К.Клея, обеспечила бы не только безопасность телеграфной линии, но также была бы в интересах американских предпринимателей — китобоев, рыболовов и торговцев.

Тогда же в ноябре К.Клей направил в Вашингтон еще одно донесение, которое касалось его неофициальной встречи и беседы с вел. кн. Константином и как нельзя лучше свидетельствовало о дружественном и даже доверительном характере их взаимоотношений. «Я был принят, — писал посланник, — самым сердечным образом и без всяких церемоний». Константин встретился с посланником, чтобы поблагодарить за «хорошее взаимопонимание», существующее между Россией и США, что явилось результатом его (Клея) «добрых услуг». Генерал-адмирал хотел также лично выразить признательность за «сердечный прием русского флота в Америке». Со своей стороны дипломат заметил, что американцы в полной мере отдают себе отчет, что дружественная позиция России удержала Англию и Францию от «враждебного вмешательства» в дела Соединенных Штатов. В последовавшем за тем обмене мнениями о ходе гражданской войны и ее последствиях великий князь выразил особое удовлетворение тем, что сила Соединенных Штатов в будущем из-за последствий мятежа не пострадает[75].

В ответ на цитируемую депешу У.Сьюард немедленно поручил К.Клею официально пригласить брата царя посетить Соединенные Штаты. Государственный секретарь многозначительно добавлял: «Я воздерживаюсь от конкретизации причин, которые руководят мною. Они легко станут понятны Вам, как и его высочеству, если его мысли обратятся в этом направлении. В одном он может быть уверен, что, прибыв как гость этого правительства, он встретит самый сердечный и демонстративно радушный прием и от него, и от американского народа»[76].

В С.-Петербурге Клей решил действовать не через официальные каналы, а обратился непосредственно к Константину. Встретив его в январе 1865 г. на балу в Зимнем дворце, посланник сообщил, что правительство США хотело бы пригласить генерал-адмирала посетить США, так как американцы знают о его роли в проведении либеральных реформ в России. По словам Константина, «ничто не доставило бы ему большего удовольствия, чем посещение Америки. Это всегда было его собственным желанием и намерением его отца».

---

[74] **К.Клей — У.Сьюарду, 14 ноября 1864 г., № 62** // NARS. — RG. 59. — DD. Russia. — Vol. 20.

[75] **К.Клей — У.Сьюарду, 22 ноября 1864 г., № 64** // Ibid.

[76] **У.Сьюард — К.Клею, 26 декабря 1864 г., № 112** // Ibid. — DI. Russia. — Vol. 14 (M 77. — R. 14).

Но недавно он был назначен председателем Государственного совета, и эти обязанности «важны именно теперь». Поблагодарив правительство США, великий князь «выразил сожаление, что не может воспользоваться его гостеприимством». В тот же вечер Александр II, узнав от брата об американском приглашении, официально поблагодарил Клея за «добрые намерения в отношении его семьи»[77].

Осторожный зондаж А.М.Горчакова, если он действительно имел место, а также многозначительное приглашение в США Константина, как мы видим, не получили практического развития, но главная цель приезда Х.Сибли и П.М.Коллинза в С.-Петербург в конечном итоге была достигнута. 9(21) марта 1863 г. главноуправляющий над почтовым департаментом (с 15(27) июня — министр почт и телеграфов) И.М.Толстой подписал с Х.Сибли и П.М.Коллинзом соглашение об условиях учреждения телеграфного сообщения между Россией и Америкой. В соответствии с этим соглашением американской компании предоставлялось «исключительное право» устройства телеграфного сообщения, «начиная от города Николаевска на устьях р. Амура через Приморскую область по направлению к Берингову проливу и далее через Российско-американские владения» до соединения с телеграфной системой США (§ 1). «Компания западных соединенных телеграфов» получила также право пользоваться этой линией в течение 33 лет со дня ее открытия. С другой стороны, она не могла претендовать на какие-либо права «владения землями, через которые телеграфная линия будет проведена», хотя с разрешения местного начальства ей дозволялось возводить на казенных землях станции и сторожевые дома (§ 7)[78].

Наибольшие споры вызывали размеры вознаграждения «Компании западных соединенных телеграфов». Царское правительство подтвердило свое согласие уступить ей «сорок процентов чистого дохода от депеш, передаваемых по русским правительственным телеграфным линиям собственно в Америку и обратно» (§ 17)[79]. Вместе с тем для разъяснения способа определения «чистого дохода» признано было необходимым прибавить «особое примечание», которое отсутствовало в первоначальном отзыве Коллинзу (23 мая 1863 г., № 820). Теперь для исчисления этих 40% ежегодно определялся общий чистый доход, поступающий со всех вообще телеграфов империи, из общего валового сбора, за вычетом всех вообще расходов, на телеграфную часть употребленных. Затем определяется валовой сбор за депеши, переданные по русским линиям собственно в Америку и

---

[77] **К.Клей — У.Сьюарду, 12(24) января 1865 г., № 70** // Ibid. — DD. Russia. — Vol. 20.

[78] **Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем сенате.** — СПб., 1865. — 13(25) августа. — № 165. — С. 517–521; **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 408. — Л. 69–71; **NARS.** — RG. 59. — DD. Russia. — Vol. 20.

[79] **Собрание узаконений...** — С. 517–521.

обратно; из этого пропорционально отношению общего чистого дохода к общему валовому сбору выводится цифра, соответствующая чистому доходу от американских депеш, из которых уступается компании сорок процентов».

Царские власти считали, что предложенный способ исчисления вознаграждения американской компании является наиболее верным и справедливым для обеих сторон[80].

Иного мнения на этот счет придерживались представители «Компании западных соединенных телеграфов», которые не замедлили представить И.М.Толстому официальный протест. Обещанное в 1863 г. вознаграждение, по словам Сибли и Коллинза, послужило «основным стимулом при организации компании, подписке и распродаже ее акций». Более того, компания произвела значительные затраты. «Наши суда находились уже в море, наши капиталы вложены, предприятие успешно действовало, когда мы узнали, что это начинание должно быть остановлено или мы должны подчиниться мнению императорского телеграфного управления»[81].

После дополнительных «объяснений» стороны согласились изложить примечание к § 17 «в особом дополнительном акте». Касаясь этих событий, русский министр писал: «В той уверенности, что с этой уступкой, не нарушающей в сущности условий, предприниматели без дальнейших возражений подпишут договор» и «находя со своей стороны, что исчисление уступки от валового сбора облегчит расчеты, предупредит многие недоразумения, возможные при сложности исчисления чистого дохода, и что впоследствии, по всей вероятности, самый опыт приведет к этому результату, я всеподданнейше доложил об этом государю императору и испрашивал высочайшего соизволения исключить из условий примечания к § 17 и изложить его в особом акте со следующим добавлением: впоследствии во время устройства телеграфа или после открытия на нем действия правительство и компания, если найдут удобным, могут с обоюдного согласия назначенные сорок процентов с чистого дохода заменить пропорциональной уступкой с валового сбора»[82].

---

[80] **Записка И.М.Толстого в комитет министров от 6(18) мая 1865 г., № 11** // РГИА. — Ф.1289. — Оп. 1. — Д. 1957. — Л. 22.

[81] **Х.Сибли и П.М.Коллинз — И.М.Толстому, 9(21) марта 1865 г.** // Там же. — Л.12–15 (подлинник). Протест Сибли и Коллинза, естественно, получил поддержку со стороны К.Клея, в переписке которого за март–сентябрь 1865 г. отложилось по этому поводу значительное количество документальных материалов. См. NARS. — RG. 59. — DD. Russia. — Vol. 20.

[82] **Записка И.М.Толстого в комитет министров от 6(18) мая 1865 г., № 118** // РГИА. — Ф. 1289. — Оп. 1. — Д. 1957. — Л. 23. Соответствующая выписка из журнала комитета министров от 18(30) мая 1865 г. была утверждена Александром II 28 мая (9 июня) 1865 г. // Там же. — Л. 32–33; Дополнительное условие... // Собрание узаконений... — С. 521; NARS. — RG. 59. — DD. Russia. — Vol. 20.

Несмотря на возникшие разногласия, обе стороны продолжали рассматривать строительство телеграфа в качестве «великого предприятия», призванного «еще теснее соединить дружественными узами Россию и Соединенные Штаты». Более того, возникла уверенность, что американская компания, «обладая большими средствами и опытностью в деле проведения телеграфов», сможет завершить устройство телеграфа «в два года», т.е. к концу 1867 г.[83]

Как сообщал П.М.Коллинз, дела компании шли весьма успешно, и ее доход, «по всей вероятности», составит в 1866 г. 4 млн. долл. Более того, велись переговоры об объединении всех телеграфных линий США в руках одной компании с капиталом 40 млн. долл. и «телеграфной сетью в сто тысяч миль и от семи до восьми миллионов долларов дохода за текущий год»[84].

Обращая внимание на политическую сторону вопроса, Э.А.Стекль подчеркивал, что «обе нации высказывают большое расположение друг к другу» и что в будущем следует избегать всяких столкновений «по денежным интересам». Посланник рекомендовал, в частности, заранее оговорить, «в каком размере каждая из договаривающихся сторон должна взимать часть платы за депешу: так, например, если депеша будет стоить из Нью-Йорка в С.-Петербург сто долл., то необходимо будет с точностью обозначить, сколько долларов приходится нам и сколько на долю американцев»[85].

Общие итоги строительства российско-американского телеграфа подвел И.М.Толстой в докладе Александру II в январе 1867 г. Несмотря на многочисленные трудности, строительство соединительной линии от Николаевска-на-Амуре до Верхнеудинска продвигалось весьма успешно. «От Верхнеудинска до Стретинска, — отмечал министр почт и телеграфов, — окончена установка столбов; далее за Стретинск прорубаются просеки и заготавливаются столбы. Телеграфные материалы благополучно прибыли кругосветным путем из-за границы на Амур. Большая часть из них, отправленная по Амуру на место работ и за наступлением морозов оставленная в Благовещенске, будет развезена по линии с наступлением навигации». В результате строители надеялись «открыть на ней действие к осени настоящего года»[86].

---

[83] **О.Х.Палмер — И.М.Толстому, Рочестер, 28 июня 1865 г.** // РГИА. — Ф. 1289. — Оп. 1. — Д. 1957. — Л.65–66 (подлинник); **Э.А.Стекль — И.М.Толстому, Нью-Йорк, 26 июля (7 августа) 1865 г.** // Там же. — Л. 82–84.

[84] **П.М.Коллинз — И.М.Толстому, Рочестер, 16 июля 1866 г.** // Там же. — Д. 1958. — Л. 75–81 (подлинник, англ.); Л. 82–85 (рус. пер.).

[85] **Э.А.Стекль — И.М.Толстому, 10(22) июля 1866 г.** // Там же. — Л. 117–121.

[86] **Доклад И.М.Толстого Александру II, 10(22) января 1867 г., доложено 15(27) января** // Там же. — Л. 188.

Что касается американской стороны, то она для укладки кабеля произвела «исследование местности и промеры Берингова пролива». На Американском континенте была устроена линия «от исходного пункта в С.-Франциско, чрез Нью-Вестминстер до Кемаля. В Азии же начаты работы между Гижигинском и устьем Анадыри; в течение настоящей зимы предполагается заготовить столбы для всей азиатской линии и доставить их на место работ»[87].

Ничто, казалось бы, не предвещало печального исхода совместного предприятия, в которое американская сторона уже вложила огромные материальные средства (около 3 млн. долл.). Однако 28 февраля 1867 г. в С.-Петербурге получили неожиданное сообщение президента «Компании западных соединенных телеграфов» Дж.Уэда «о прекращении работы по российско-американскому телеграфу»[88].

Первоначально в С.-Петербурге отказывались даже верить в подобный исход грандиозного предприятия. Уже на следующий день И.М.Толстой отправил Уэду ответную телеграмму: «Чрезвычайно удивлен. Жду объяснения. Несмотря ни на что уверен в добросовестном исполнении договора»[89]. Спустя некоторое время министр выразил естественное недоумение более подробно: «Мне кажется не только сомнительным, но невероятным неисполнение компанией договора по предприятию, которое она сама признавала великим проявлением национальной предприимчивости. Правительство наше, имея дело с представителями Североамериканских Штатов и вполне им доверяя, считало излишним для себя материальное обеспечение осуществления постройки; оно с полной надеждой на успех изъявило готовность на многие пожертвования и спешило устройством соединительной линии ранее условленного срока, дабы не остановить эксплуатации телеграфа компанией. Я не желаю расставаться с уверенностью в скором существовании русско-американского телеграфа и надеюсь, что две дружественные нации поздравят себя с окончанием общего подвига»[90].

Решение американской компании, однако, было уже принято и осталось непоколебимым. 2(14) марта К.Клей направил в Якутск срочное указание: «Распустить работников, прекратить расходы и ожидать приказаний из Америки в Охотске»[91].

---

[87] **Там же.** — Л. 189.

[88] **Телеграмма Дж.Уэда И.М.Толстому, Нью-Йорк, 28 февраля 1867 г.** // Там же. — Д. 1952. — Л. 1.

[89] **И.М.Толстой — Дж.Уэду, 17 февраля (1 марта) 1867 г.** // Там же. — Л. 2.

[90] **И.М.Толстой — Дж.Уэду, 28 февраля (12 марта) 1867 г.** // Там же. — Л. 8.

[91] **К.Клей — С.Абазе, 2(14) мая 1867 г.** // Там же. — Л. 12.

Причиной отказа от продолжения строительства русско-американского телеграфа явилось блестящее достижение С.Филда в проложении кабеля через Атлантику. Летом 1866 г. все технические сложности удалось наконец разрешить, и связь Америки с Европой через Атлантический океан, естественно, оказалась гораздо дешевле, чем через Берингов пролив. «Необыкновенный успех кабеля так очевиден, и возможность удовлетворить через него торговые потребности Америки и Европы... так неопровержимо доказана, что мы поневоле принуждены были к грустному заключению, что русско-американская линия, в случае ее окончания, даже не окупила бы расходов на ее содержание», — сообщал в объяснительном письме И.М.Толстому Дж.Уэд и отмечал, что в С.-Петербург для подробных объяснений направляются П.М.Коллинз и сенатор Джеймс Дулиттл[92].

Жесткую деловую логику предпринимателей не могли, конечно, поколебать протесты, основанные на праве и обязательствах, записанных в торжественных соглашениях. Самое крупное совместное предприятие, которое могло ознаменовать новую эру в русско-американских связях, закончилось в начале 1867 г. неожиданным и полным фиаско, но в ходе своего осуществления оно способствовало сближению России и США, а в известной мере повлияло и на судьбу Аляски. Дело в том, что именно в результате подготовки строительства телеграфа через британские и российские владения в Северной Америке и особенно работы участников научной части экспедиции, исследовавшей бассейн р. Юкон[93], в США впервые получили представление о естественных богатствах Аляски, ее лесных, пушных и рыбных ресурсах, климатических условиях и т.д., что существенно облегчило кампанию в пользу покупки Аляски и оказало прямое влияние на решение о ратификации договора 1867 г.

---

[92] **Дж.Уэд — И.М.Толстому, 25 апреля 1867 г.** // Там же. — Л. 45–47 (подлинник); Л. 48–50 (пер.).

[93] **James J.** The First Scientific Exploration of Russian America and the Purchase of Alaska. — Evanston; Chicago, 1942. — P. 13–19, 27–45; **Sgroi P.P.** Why the United States Purchased Alaska. — College, 1970. — P. 53–61. Сравнительно недавно рассмотрению этого вопроса посвятил специальную статью **Постников А.В.** Продажа Аляски и международная телеграфная экспедиция // Вопросы истории естествознания и техники. — 1997. — № 1. — С. 3–38.

Глава

11

ПРОДАЖА АЛЯСКИ (1867)

1. Решение об уступке русских колоний в Америке Соединенным Штатам (декабрь 1866 г.)

В середине 1860-х годов судьба, казалось, благоволила Российско-американской компании. Несмотря на резкую критику в ее адрес, летом 1865 г. и весной 1866 г. Государственный совет утвердил «главные основания» нового устава РАК, а правлению компании удалось даже получить от правительства дополнительные льготы. По представлению министра финансов М.Х.Рейтерна Александр II 20 августа (1 сентября) 1866 г. «повелеть соизволил» производить РАК «ежегодное из государственного казначейства пособие по двести тысяч рублей» и снять с нее долг казне в размере 725 тыс.руб.[1]

Настойчивость руководства РАК в получении дополнительных льгот и привилегий имела и свою отрицательную сторону. Царское правительство тем самым подводилось к мысли о целесообразности избавиться от своих обременительных владений в далекой Америке, тем более что общее состояние финансов России находилось в это время в совершенно неудовлетворительном состоянии. 16(28) сентября М.Х.Рейтерн представил царю специальную записку, в которой отмечал необходимость соблюдения строжайшей экономии во всех государственных расходах, включая военное и морское министерства. Поскольку «при нынешнем истощенном состоянии страны внутренние займы, в какой бы то форме ни было... должны быть совершенно прекращены», единственный выход из положения, даже при самом решительном сокращении государственных расходов, министр финансов видел в получении средств из-за границы. «При всех этих

[1] См. **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 414. — Л. 16. Финансовое положение компании и после предоставления этих льгот оставалось весьма затруднительным. Осенью 1866 г. Главное правление РАК просило предоставить ему 1120 тыс. руб. «с тем, чтобы вместо 200 т[ыс]. высочайше дарованных ежегодных субсидий уплачивалось компании в течение 16 лет только 79 250 руб. сер[ебром], а последние 4 года по 200 000 руб. сер[ебром]» (**Там же.** — Л. 5).

сокращениях... расходы наши не покроются еще доходами, а напротив, в три года необходимо будет приобрести до 45 000 000 [руб.] экстраординарных ресурсов» в виде иностранных займов[2].

В этих условиях получение даже сравнительно небольшой суммы из-за границы представляло для царского правительства определенный интерес.

Непосредственным поводом к возобновлению рассмотрения вопроса о судьбе Русской Америки послужил приезд в С.-Петербург российского посланника в Вашингтоне Э.А.Стекля. Покинув Соединенные Штаты в октябре 1866 г., он вплоть до начала следующего, 1867 г. находился в столице[3]. В это время он имел возможность встретиться не только со своим непосредственным начальством в ведомстве иностранных дел, но и переговорить с двумя другими ключевыми фигурами — вел. кн. Константином и министром финансов М.Х.Рейтерном.

Именно после того, как Э.А.Стекль, по поручению А.М.Горчакова, имел «объяснение» с М.Х.Рейтерном «по предмету уступки Соединенным Штатам наших Северо-Американских колоний за известное вознаграждение Российско-Американской компании и правительству» министр финансов сообщил 2(14) декабря 1866 г. свои соображения на этот счет. Поскольку в силу своего официального положения Рейтерн лучше всего был знаком с финансовыми вопросами, он особо подчеркивал несостоятельность Российско-американской компании в ее практических действиях. Уступка русских владений в Америке представлялась ему весьма желательной по следующим «уважениям»:

«1. После семидесятилетнего существования компании она нисколько не достигла ни обрусения мужского населения, ни прочного водворения русского элемента и нимало не способствовала развитию нашего торгового мореплавания. Компания даже не приносит существенной пользы акционерам... и может быть только поддерживаема значительными со стороны правительства пожертвованиями». Как отмечал министр, значение колоний в Америке еще более уменьшилось, так как «ныне мы уже прочно водворились в Амурском крае, находящемся в несравненно более выгодных климатических условиях».

«2. Передача колоний... избавит нас от владения, которое в случае войны с одной из морских держав мы не имеем возможности защитить». В заключение Рейтерн упоминал о возможных столкно-

---

[2] **Записка М.Х.Рейтерна Александру II о финансовом положении России, 16(28) сентября 1866 г.** // ГАРФ. — Ф. 678. — Оп. 1. — Д. 620. — Л. 25.

[3] **Э.А.Стекль — У.Сьюарду, 30 сентября (12 октября) 1866 г.** // NARS. — RG 59. — Notes from Russian Legation. — R. 4. В середине февраля 1867 г. Стекль вернулся в США. См.: **АВПРИ.** — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 176–177.

вениях компании с предприимчивыми американскими торговцами и мореплавателями. «Такие столкновения, сами по себе неприятные, легко могли бы поставить нас в необходимость содержать с большими на это расходами военные и морские силы в северных водах Тихого океана для поддержания привилегий компании, не приносящей существенной выгоды ни России, ни даже акционерам, и во вред дружественным нашим отношениям к Соединенным Штатам»[4].

Как и в прошлом, главной и наиболее влиятельной фигурой (разумеется, после Александра II) при обсуждении вопроса о судьбе Русской Америки оставался Константин. После разговора со Стеклем он поручил управляющему морским министерством вице-адмиралу Н.К.Краббе сообщить А.М.Горчакову:

«Е.выс-во полагает, что девятилетний период, истекший со времени отзыва, который он препроводил к Вашему сиятельству 7 декабря 1857 г.[5], не только ни в чем не изменяет высказанных им в то время мыслей, но, напротив того, представил несколько новых и существенных в подтверждение их доказательств. В 1857 г. положение наших Северо-Американских колоний было далеко не так обстоятельно нам известно, как ныне, и это ближайшее знакомство, к сожалению, нам показало во всей очевидности, что в отношении этого края мы поставлены, если не навсегда, то, по крайней мере, на весьма продолжительный срок в неизбежную необходимость искусственными мерами и денежными со стороны казны пожертвованиями не только поддерживать существование частной компании, доказавшей свою несостоятельность в достижении предназначенных ей целей, но и оставить за ней часть прав, долженствующих принадлежать одним правительственным учреждениям. С другой стороны, значительное развитие, которое получил в эти девять лет При-Амурский край, ясно указывает, где именно на крайнем востоке предстоит России будущность.

Если присоединить к этому исключительные выгоды, которые может представить нам тесный союз с Северо-Американскими Штатами, и необходимость отстранения всего, что могло бы породить несогласие между двумя великими державами, то нельзя не сказать,

---

[4] **М.Х.Рейтерн — А.М.Горчакову, 2(14) декабря 1866 г. (конфиденциально)** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 399. — Л. 9–10; Д. 412. — Л. 1–2.

[5] Речь идет о подробной записке, в которой великий князь доказывал необходимость продажи русских владений в Америке Соединенным Штатам. «Сообразно особенной природы и исторического развития» России целесообразно «укрепляться в центре своем», а США, «следуя естественному порядку вещей, должны стремиться к обладанию всей Северной Америкой». Он обращал также специальное внимание на то, что соединение торговой и административной деятельности «крайне вредно для подвластных компании народов» // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 30–33 (подлинник); ГАРФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Д. 448 (копия).

что уступка этих отдаленных колоний, не приносящих нам и не могущих принести пользы, не имеющих никакой существенной связи с Россией, и которых мы не можем в случае нужды защитить, удовлетворила бы требованиям предусмотрительности и благоразумия»[6].

Итак, судя по содержанию этого документа, были три главные причины, по которым генерал-адмирал высказывался за продажу Аляски:

1. Неудовлетворительное состояние дел РАК, существование которой необходимо поддерживать «искусственными мерами и денежными со стороны казны пожертвованиями».

2. Необходимость сосредоточения главного внимания на успешном развитии «При-Амурского края», где именно на Дальнем Востоке «предстоит России будущность».

3. Желательность поддержания «тесного союза» с США и отстранение всего, «что могло бы породить несогласие между двумя великими державами».

Не со всем этим можно согласиться. Явной передержкой выглядит утверждение, что русские владения в Америке не приносят и даже не могут принести пользы, не имеют существенной связи с Россией и т.п. В целом, однако, Константину нельзя отказать в способности к стратегическому мышлению и предусмотрительности.

Ознакомившись с соображениями двух влиятельных сановников и хорошо зная точку зрения Э.А.Стекля, также высказывавшегося в пользу продажи, А.М.Горчаков пришел к выводу, что настало время принимать окончательное решение, в связи с чем он предложил провести особое совещание с личным участием Александра II. В письме царю от 12(24) декабря 1866 г. министр иностранных дел отмечал, что не может взять на себя ответственность сделать единоличное заключение (une conclusion isolée) о политической стороне вопроса. «Я хотел бы иметь возможность обсудить его в присутствии в.в-ва. Быть может, Вы соблаговолите разрешить, чтобы вопрос был обсужден под Вашим высоким председательством в узком комитете ввиду необходимости соблюдения непременной секретности, который будет состоять только из вел. кн. Константина, г-на Рейтерна и меня. Г-н Стекль мог бы быть приглашен ввиду своего знания местных условий»[7].

Из неразборчивой надписи на письме рукой Александра II можно заключить, что царь согласился провести заседание в пятницу 16(28) декабря в час дня у себя (т.е. в Зимнем дворце) или у Горчакова (в здании МИД на Дворцовой площади), если последний не будет чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы покидать свою резиденцию (дело происходило в разгар зимы). Из «памятной книж-

---

[6] **Н.К.Краббе — А.М.Горчакову, 7(19) декабря 1866 г., № 26 (секретно)** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 399. — Л. II; Д. 410. — Л. 8–9.

[7] **А.М.Горчаков — Александру II, 12(24) декабря 1866 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 65; The Alaska Treaty. — P. 61.

ки» Александра II за 1866 г. видно, что заседание состоялось «у к[нязя] Горчакова»[8].

Сообщая Константину о назначенном заседании, А.М.Горчаков писал: «Комитет под председательством Государя императора собирается в министерстве иностранных дел в пятницу 16 декабря в час пополудни»[9]. Накануне заседания Горчаков предложил дополнительно включить в состав комитета вице-адмирала Н.К.Краббе, поскольку Российско-американская компания находилась в ведении морского министерства. Император, разумеется, с этим предложением согласился и сделал на письме соответствующую помету[10].

Таким образом, в час дня 16(28) декабря в парадном кабинете министерства иностранных дел России на Дворцовой площади собрались участники «особого заседания»: Александр II, Константин, Горчаков, Рейтерн, Краббе и Стекль. Был ли на заседании еще кто-нибудь (в том числе секретарь), неизвестно. В принципе таким человеком мог быть кто-либо из сотрудников МИД, например глава Азиатского департамента П.П.Стремухов или его заместитель А.С.Энгельгардт, который, кстати, и сообщил молодому сотруднику указанного департамента Ф.Р.Остен-Сакену о заседании комитета. Скорее всего, однако, никто, кроме специально приглашенных, в «особом заседании» не участвовал. Что же касается Ф.Р. Остен-Сакена, то он не только не присутствовал на самом заседании, но его записка[11]

---

[8] См. **ГАРФ** — Ф. 678. — Оп. I. — Д. 320. — Л. 120.

[9] **А.М.Горчаков — вел.кн. Константину, 13(25) декабря 1866 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 399. — Л. 14. Из этого извещения также видно, что совещание состоялось у Горчакова в здании МИД, а не у царя в Зимнем дворце, как об этом пишут иностранные специалисты. См., в частности: **Jensen R.J.** The Alaska Purchase and Russian-American Relations. — Seattle, 1975. — P. 57.

[10] **А.М.Горчаков — Александру II, 15(27) декабря 1866 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 68.

[11] **Записка Ф.Р.Остен-Сакена, вечер 16(28) декабря 1866 г.**// Там же. — Л. 63–64. «Записку эту, — вспоминал позднее Остен-Сакен, — я передал 17 утром рано Энгельгардту на его квартире... Я просил Э[нгельгардта] передать мою записку директору П.П.Стремухову... Полагаю, что он это сделал...» Изменить в это время уже ничего нельзя было, даже если бы руководство Азиатского департамента МИД поддержало мнение своего сотрудника. Остен-Сакену осталось только много лет спустя, 11(23) сентября 1892 г., присоединить свое мнение к соответствующему архивному делу, что ввело в заблуждение некоторых не очень внимательных исследователей. См. **Там же.** — Л. 113 с об. Распространенное в литературе мнение о том, что записка Остен-Сакена обсуждалась на заседании 16(28) декабря 1866 г. и что сам автор на нем присутствовал, следует считать недоразумением. См. **Kushner H.I.** Conflict on the Northwest Coast. — Westport, 1975. — P. 140; **Gibson J.R.** The Sale of Russian America to the United Slates // Acta Slavica Iaponica. — 1983. — T. 1. — P. 26.

(к слову сказать, единственный документ с решительными возражениями против продажи русских владений в Америке) не могла даже рассматриваться хотя бы потому, что была написана вечером 16(28) декабря, когда решение уже состоялось.

И хотя практического значения записка Остен-Сакена не имела и даже не обсуждалась, его мнение вне всякого сомнения заслуживает внимания историков и свидетельствует о том, что полного единогласия в вопросе о продаже Аляски даже в министерстве иностранных дел не существовало. В этой связи ниже приводится полный текст этого документа.

«Доводы в пользу продажи наших американских колоний заключаются, сколько известно, в следующем:

1) Совершенная для России бесполезность этих колоний.

2) Опасения, что рано или поздно они у нас будут отняты.

3) Выгоды получить за них довольно значительную сумму денег.

По первому доводу:

В состоянии ли мы в настоящее время составить себе определенное понятие о том, могут ли эти колонии быть полезны России или нет? В продолжении 70 лет колонии эти находились в исключительном распоряжении безжизненной компании, единственная заслуга которой в отношении к России заключалась в том, что ее существование служило как бы внешним знаком нашего владения и этим воспрепятствовало посторонним державам занять никем не занятое место. В настоящее время правительство, убедившись наконец в несостоятельности Компании, приступило к преобразованию существующего в колониях порядка вещей. Разве правительство уже теперь отчаивается в успехе ответа, задуманного еще в 1860 году, но не приведенного в исполнение?

Из бесполезности Компании можно ли выводить заключение о бесполезности самой земли, которою она заведовала и о которой мы положительно ничего не знаем, за исключением отрывочных сведений, дошедших до нас большей частью через руки той же самой несостоятельной Компании.

По второму доводу:

Положение наших американских колоний в мире политических отношений может быть названо особенно выгодным. История расширения тамошних владений русских, английских, американских всего лучше разъясняет нам, почему нас уже давно не вытеснили из Северной Америки. Если ознакомиться с историей постоянного соперничества между Англией и Америкой на северо-западном берегу Америки в течение нынешнего столетия*, то становится понятным

---

* Суть об этом весьма поучительная книга: **Greenhow.** Memorial Historical and Political on the Northwest Coast of America, 1840 (разумеется, с американской точки зрения).

каким образом ничтожная власть нашей Компании могла уцелеть подле таких могучих соседей. Этим соперничеством, кажется, только и можно себе объяснить выгодные (сравнительно) трактаты 1824 и 1825 годов, а также конвенцию о нейтралитете во время последней войны. Пока существует нынешний порядок вещей в Северной Америке, едва ли основательно опасаться захвата наших Колоний другой державой.

По третьему доводу:

Если бы сумма, которую мы получим за наши колонии была так значительна, что могла бы покрыть известную часть нашего государственного долга, то конечно приманка была бы сильная. Но несколько миллионов и даже десятков миллионов рублей едва ли имеют государственное значение в империи, имеющей около полумиллиарда ежегодного дохода и расхода, и более чем полтора миллиарда долгу.

Опасению, более или менее безотчетному по потере колонии через нападение на нас посторонней державы, может, казалось бы, противоречить другое опасение относительно разных недоразумений, невыгоды, дальнейших захватов и т.п., которым мы сможем подвергнуться, если получим нового ближайшего соседа в лице Соединенных Штатов Северной Америки.

Может быть, эти опасения столь же безотчетны, как первое, но не заслуживают ли некоторого внимания следующие соображения:

Через продажу наших американских колоний:

1. Сложившееся исторически распределение североамериканского материка между тремя великими державами будет нарушено.

2. В настоящее время для дальнейшего движения американцев все дальше на Запад, вдоль берега Тихого океана существует важная преграда: владения сильной морской державы Англии. Купив наши колонии, американцы разом перешагнут через эту преграду. В состоянии ли мы оказать им какое-либо противостояние на восточных, Сибирских пределах?

Ныне существующее благотворное для нас равновесие в северо-западном углу Америки тогда уже будет разрушено безвозвратно.

3. Ближайшею приманкою для движения вперед представляется возможность иметь в своем исключительном владении важную телеграфную проволоку, которая будет соединять Новый Свет со Старым. Не послужит ли это довольно сильным побудителем, чтобы проложить себе дорогу к Японии и Китаю по грядам вулканических островов, соединяющим Америку и Камчатку, Камчатку и Сахалин и т.д.

Кругосветный телеграф тогда уже безвозвратно будет потерян для Сибири и для Монголии (по отношению к Китаю), он прямо пойдет на юг**.

** В Японии, Китае и т.д. нет таких морских промежутков, которые бы могли представить существенные препятствия для подводного телекабеля.

Нельзя не заметить, что во всем вышеизложенном представляются только как бы отрицательные достоинства наших Американских колоний. Что касается до положительных выгод, то действительно они принадлежат только будущему, но казалось бы, что нынешнее поколение имеет святую обязанность сохранить для будущих поколений каждый клочок земли, лежащей на берегу Океана, имеющего всемирное значение.

16 декабря 1866 вечером

Ф.Остен-Сакен»

АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1-9,1857-1868 гг. — Д. 4. — Л. 63-64 об.
Подлинник (автограф). Англ. пер. см. **AHR.** — 1943. — Apr. — Vol. 48. — N 3. — P. 524-526.

Главная ответственность за принятое решение в самодержавной России, естественно, ложилась на императора, хотя, как правило, он просто утверждал волю наиболее влиятельных сановников-министров, генерал-губернаторов и т.д. В данном случае это была воля четырех высших руководителей правительства, а также мнение посланника в Вашингтоне, и все они безоговорочно высказались в пользу продажи. Насколько обстоятельно был осведомлен о всех деталях вопроса сам Александр II, сказать с абсолютной точностью трудно, хотя все основные документы проходили через его руки. Вне всякого сомнения, он познакомился с кратким резюме мнений Константина, Рейтерна и Стекля, которое было специально прислано в связи с подготовкой заседания. Поскольку именно этот документ стал для царя исходным, приведем его полный текст в переводе с французского:

«Мнение е. и. выс-ва вел. кн. Константина.

Е.и.выс-во считает, что положение наших колоний ухудшается со дня на день; что, столь удаленные от метрополии, они не имеют для России никакого значения, тогда как необходимость их защиты в будущем, как и в прошлом, будет столь же трудной, как и дорогостоящей. Е.и.выс-во придерживается мнения, что необходимо от них отказаться, продав их Соединенным Штатам, и сосредоточить все заботы правительства на наших владениях на Амуре, которые составляют неразрывную часть империи и которые во всех отношениях представляют больше ресурсов, чем северные берега наших американских владений.

Мнение министра финансов.

Г-н Рейтерн смотрит на вопрос с финансовой точки зрения; он говорит, что компания, на которую возложено исследование (exploration) колоний, оказалась несчастливой или неспособной, и в настоящий момент она сохраняется только искусственными средствами, которые не смогут долго продлить ее существование. Император-

ское правительство, как считает г-н Рейтерн, поставлено перед альтернативой: оно обязано или прийти на помощь компании, которая стоит на грани банкротства, со значительными денежными средствами, или взять на себя заботу о их управлении, что приведет к не менее обременительным жертвам. Г-н Рейтерн, как и е.выс-во вел. кн., считает необходимым уступить наши колонии Соединенным Штатам.

Мнение нашего посланника в Вашингтоне.

В своих донесениях г-н Стекль не раз обращал внимание на неудобства, которые создает обладание нашими американскими колониями и слабое обеспечение их безопасности. В случае войны эти колонии будут зависеть от милости любой враждебной державы, и даже в мирное время мы не защищены от американских флибустьеров, которыми кишит Тихий океан. На жалобы, с которыми императорская миссия в Вашингтоне не раз обращалась по этому поводу, федеральное правительство неизменно нам отвечало, что мы сами должны принять необходимые меры предосторожности против этих мародеров, и что Соединенные Штаты не могут взять на себя охрану наших берегов. Эти конфликты, всегда нежелательные, могут в большей или меньшей степени повредить сохранению хороших отношений между двумя странами. Несколько лет назад американцы предложили г-ну Стеклю купить наши колонии, как они купили в прошлом Луизиану и Флориду у Франции и у Испании, а недавно Техас и Калифорнию у Мексики; г-н Стекль считает, что их можно было бы склонить к возобновлению этого предложения.

Однако важно, чтобы переговоры были устроены таким путем, чтобы инициатива исходила от Соединенных Штатов и чтобы императорское правительство не было ничем связано и сохранило право после того, как предложение будет сделано, принять его или отвергнуть»[12].

Поскольку резюме готовилось, по всей видимости, в Азиатском департаменте МИД (быть может, Энгельгардтом?), в нем была специально выделена роль русских владений по Амуру, но совершенно опущена мысль о желательности поддержания тесного союза с США, которая присутствовала в записках Константина еще с 1857 г. Слишком прямолинейно излагалась и записка М.Х.Рейтерна. Впрочем, сам великий князь, как и другие лица, мнения которых были представлены царю, участвовали в заседании комитета и могли изложить свои соображения в более точном и полном виде.

Из более позднего свидетельства Э.А.Стекля известно, в частности, что во время заседания 16(28) декабря 1866 г. «министр финансов представил детальные сведения о действительном состоянии

---

[12] См. **АВПРИ.** — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 66–67; **The Alaska Treaty.** — P. 61–62.

компании и о пожертвованиях, которые правительство должно было сделать, чтобы поддержать ее кредит»[13].

Следует сказать, что ко времени проведения заседания М.Х.Рейтерн располагал обширной и разнообразной информацией о Российско-американской компании. Сама компания, как уже упоминалось, просила отпустить ей «1 120 000 руб. сер[ебром] билетами государственного казначейства»[14]. Кроме того, по поручению Рейтерна «директор государственного банка» (К.Дитеррех?)[15] представил 8(20) декабря несколько важных документов, подписанных членом исполнительной части Главного правления РАК вице-адмиралом М.Д.Тебеньковым:

1. Ведомость долгов РАК, подлежащих немедленной уплате, на сумму в 1 127 670 руб. [16]

2. Перечень имущества компании в колониях стоимостью в 1 747 652 руб. (кроме того, у РАК имелось еще несколько кораблей стоимостью в 479 612 руб.)[17].

3. Смету ее годовых доходов (720 250 руб.) и расходов (676 550 руб.)[18].

Комментируя представленную смету доходов и расходов компании, составленную на основе хода дел РАК в последние годы, «столь неблагоприятные для оной», директор государственного банка обратил внимание, что «расходы исчислены в самом полном виде, а доходы — в весьма умеренном». Будучи опытным финансистом, он оценивал перспективы компании на будущее достаточно благоприятно: «Из вышеупомянутой сметы я мог заключить, что... компания может существовать при благоразумных распоряжениях и коммерческих познаниях гг. членов правления, получая ежегодно дарованную оной правительством субсидию в 200 тыс. руб., без новых пожертвований со стороны правительства на будущее время, если какие-либо непредвиденные коммерческие или политические обстоятельства не будут тому препятствовать, и что доходы компании на будущее время могут превысить показанные в сметах суммы»[19].

---

[13] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 12(24) июля 1867 г., № 23** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 107–120; AHR. 1943. — Apr. — Vol. 48. — N 3. — P. 528.

[14] См. **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 5.

[15] Подпись на документе не вполне разборчива.

[16] См. **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 12.

[17] **Там же.** — Л. 13–16.

[18] **Там же.** — Л. 17–18.

[19] **Директор государственного банка — М.Х.Рейтерну, 8(20) декабря 1866 г.** // Там же. — Л. 10–11. Это письмо было, как можно судить по известным мне материалам, едва ли не единственным благоприятным для РАК документом, представленным накануне «особого заседания». Оно, однако, не изменило сложившегося у М.Х.Рейтерна отрицательного впечатления о делах компании.

Все эти материалы, по-видимому, не в полной мере удовлетворили министра финансов, и он запросил у руководства РАК еще и краткую сводку ее имущества и долгов. Такая общая сводка была ему представлена 16(28) декабря 1866 г. «директором Американской компании т[айным] с[оветником] бароном Врангелем». «Стоимость колониального имущества и товаров за вычетом всех долгов компании» в этом документе была определена в 1 574 437 руб. 87 коп. (сумма долгов исчислялась в 1 442 670 руб.)[20]. Таким образом, вполне очевидно, что на совещании 16(28) декабря министр финансов имел в своем распоряжении довольно обстоятельную информацию о состоянии дел Российско-американской компании.

Впрочем, не финансовая сторона вопроса считалась, конечно, главной, и не М.Х.Рейтерн был центральной фигурой, от которой зависело окончательное решение вопроса. С самого начала ключевую роль играли два человека — влиятельный брат царя и А.М.Горчаков, поскольку именно от его ведомства зависело практическое осуществление продажи русских владений в Северной Америке. Великий князь еще с 1857 г. был известен как последовательный сторонник продажи Аляски и ликвидации РАК. С другой стороны, А.М.Горчаков, не возражая против продажи, долгое время занимал выжидательную позицию, стремился собрать всю необходимую информацию, прощупать отношение правительства США к возможной продаже и не торопился принимать окончательного решения[21].

Именно поэтому особое значение имеет рассмотрение позиции министра иностранных дел. Еще до «особого заседания» А.М.Горчаков изложил ее в специальной записке, черновой проект которой с трудночитаемыми поправками сохранился в соответствующем архивном деле. Д.Х.Миллер полагал, что этот документ ни в какой форме не был представлен царю и что вместо него Горчаков направил Александру II письмо с приложением резюме мнений вел. кн. Константина, Рейтерна и Стекля[22].

Скорее всего, это действительно было так, хотя полностью исключать представление доклада Горчакова царю нельзя. В любом случае, однако, этот документ сохраняет первостепенное значение как изложение взглядов его автора, который присутствовал на заседании и принимал непосредственное участие и в принятии решения, и в его последующем практическом осуществлении. В первой

---

[20] См. **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 19–20.

[21] С большими или меньшими подробностями позиция А.М.Горчакова рассматривается во всех основных исследованиях, посвященных продаже Аляски. См. **Окунь С.Б.** — С. 228 и далее; **Jensen R.J.** Op. cit. — P. 58–59 etc.

[22] **Проект доклада А.М.Горчакова, декабрь 1866 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 70–72; The Alaska Treaty. — P. 59–60.

части проекта доклада излагались известные соображения великого князя и министра финансов, которые, в частности, обращали внимание на тяжелое состояние дел РАК. Со своей стороны, министр иностранных дел счел необходимым добавить, что «в политическом отношении положение наших колоний едва ли более благополучно. Средства обороны недостаточны для защиты их даже от американских флибустьеров... которых отзыв нашей эскадры сделал еще более смелыми в совершении грабежей на наших берегах. Это будет предметом продолжающихся конфликтов между двумя правительствами, что в большей или меньшей степени может повредить нашим добрым отношениям с Соединенными Штатами».

Отметим, что в своей основной части доклад А.М.Горчакова почти дословно повторял соображения Э.А.Стекля (или, скорее, наоборот, резюме мнения Стекля, составлявшееся позднее, готовилось на основе проекта доклада Горчакова).

«В случае войны наши колонии будут зависеть от милости любой враждебной державы. Если во время Крымской войны Англия согласилась объявить о нейтрализации нашей территории, то это было потому, что она опасалась, что мы продадим ее американцам, что дало бы англичанам на севере, как это существует к югу от их владений, неудобных и опасных соседей.

Это соображение является, быть может, для нас мотивом продать наши колонии Соединенным Штатам. Оно, конечно же, служит основанием для американцев, чтобы их приобрести».

Следует заметить, что несколько заключительных абзацев в проекте доклада Горчакова перечеркнуты; одна из фраз (о том, что устав компании истек) отмечена вопросительным знаком. Перечеркнутая заключительная часть проекта относится к действиям, которые надлежало предпринять после принятия решения о продаже Аляски Соединенным Штатам. «Если в.и. величество[23] дадите свою санкцию, Ваш представитель в Вашингтоне, находящийся сейчас здесь в отпуске, получит приказ безотлагательно вернуться на свой пост для начала этих переговоров.

Длительный опыт г-на Стекля, как и его знакомство с государственными деятелями Союза (hommes de l'Union), позволят ему предварительно проконсультироваться с сенаторами и членами палаты, которые наиболее прямо заинтересованы во владении нашими колониями, и обсудить конфиденциально это дело перед тем, как придать ему официальную форму.

Г-н Стекль вернется в С.-Петербург для отчета о результатах этих переговоров».

---

[23] В работе Д.Х.Миллера ошибочно переведено «в. и. высочество» (Highness), что относилось бы к великому князю, а не к императору. См. **The Alaska Treaty.** — P. 60.

Последующие события соответствовали этим предложениям, и можно полагать, что на «особом совещании» А.М.Горчаков в какой-то форме свое мнение высказал и оно было одобрено. Отметим также, что в проекте доклада Горчакова упоминалось резюме мнений Константина и Рейтерна, а с письмом от 12(24) декабря царю было представлено и мнение Стекля. Это также говорит в пользу того, что А.М.Горчаков решил не посылать собственный доклад Александру II и устно изложить свои соображения на самом заседании. Наконец, резюме явно составлялось уже после подготовки проекта министра, так как в тексте мнения Стекля учитывались поправки, сделанные на полях доклада.

Поскольку официального протокола «особого заседания» 16(28) декабря 1866 г. пока обнаружить не удалось (не исключено, что такого протокола вообще не велось), воссоздать во всей полноте и точности ход обсуждения не представляется возможным. Огромную пользу мог бы принести дневник Константина, который он вел на протяжении почти всей жизни. За отдельные годы (в том числе за 1866 г.) этот дневник долгое время считался утраченным, и я был весьма обрадован, обнаружив в дополнениях к описи бумаг Константина запись о наличии дневника за 1 января — 30 декабря 1866 г. (ст. ст.). К сожалению, рукопись дневника оказалась поврежденной и записи за ноябрь—декабрь вообще отсутствовали[24].

Что касается бумаг самого Александра II, то из трудночитаемой памятной книжки видно, что в пятницу 16(28) декабря в 10 часов утра царь успел принять М.Х.Рейтерна, П.А.Валуева и В.Ф.Адлерберга. Далее следовала запись: «в 1 [дня] у к[нязя] Горчакова совещ[ание] по дел[у] Америк[анской] комп[ании]. Реш[ено?] продать Соедин[енным] Штатам»[25]. В 2 часа у царя значилось уже следующее мероприятие.

Гораздо более подробное изложение того, что произошло 16(28) декабря 1866 г., приводилось известным американским ученым профессором Ф.А.Голдером в статье, опубликованной еще в 1920 г.: «На заседании, которое имело место 16 декабря во дворце (мы знаем теперь, что оно происходило в резиденции Горчакова на Дворцовой площади. — *Н.Б.*), присутствовали все вышеупомянутые лица (т.е. царь, Константин, Горчаков, Рейтерн, Краббе и Стекль.— *Н.Б.*). Рейтерн привел подробности о тяжелом финансовом положении компании. В последующей дискуссии все приняли участие и в конце согласились продать колонии Соединенным Штатам. Когда это было решено, император обратился к Стеклю с вопросом, не возвратится ли он в Вашингтон для завершения дела. Хотя это было

---

[24] **Дневник вел. кн. Константина за 1866 г.** // ГАРФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Д. 1157. — Л. 94.

[25] **Памятная книжка Александра II за 1866 г.**//Там же. — Ф. 678. — Оп. 1. — Д. 320. — Л. 120.

не то, чего хотел Стекль (его намечали в то время назначить на пост посланника в Гаагу), у него не оставалось выбора, и он сказал, что поедет.

Вел. кн. дал ему карту, на которой были обозначены границы, а министр финансов сказал, что ему следует получить не менее 5 млн. долларов. Это были практически все инструкции, которые получил Стекль»[26].

В общих чертах ход обсуждения излагался профессором правильно, и было очевидно, что он опирался на какую-то документальную запись. Выяснить дело стало возможным, однако, только тогда, когда я познакомился с богатейшим архивом Ф.А.Голдера в Гуверовском институте войны, революции и мира. В одной из архивных папок сохранились выписки из письма Э.А.Стекля своему коллеге в Лондоне барону Ф.И.Бруннову от 7(19) апреля 1867 г., которые полностью соответствовали приведенному выше отрывку и являлись свидетельством одного из участников «особого совещания»[27].

Не совсем прав американский исследователь только в отношении инструкций, полученных Э.А.Стеклем. В действительности на заседании 16(28) декабря было решено, что все заинтересованные ведомства подготовят для посланника в Вашингтоне свои соображения. Соответственно уже 22 декабря (ст.ст.) управляющий морским министерством Н.К.Краббе представил Александру II записку «Пограничная черта между владениями России в Азии и Северной Америкой», которая не только была одобрена царем, но и сопровождена лестной пометой. Два дня спустя Н.К.Краббе представил эту записку вместе с соответствующей картой А.М.Горчакову для последующей передачи Стеклю[28].

Учитывая важность записки Н.К.Краббе, а также тот факт, что она была положена в основу ст. 1 договора 1867 г., приведем ее текст полностью:

«Весьма секретно

Пограничная черта между владениями России в Азии и Северной Америкой

Основной точкой пограничной черты служит пересечение меридиана 169° западной долготы от Гринвича с параллелью 65°30' северной широты. От этого пункта граница идет: *к северу* — и по меридиану 169° W-ой долготы, который разделяет пополам Берин-

---

[26] **Golder F.A.** The Purchase of Alaska // AHR. 1920. — Apr. — Vol. 25. — N 3. — P. 418–419.

[27] См. **Hoover Institution Archives.** — F.A.Golder Papers. — Box 3.

[28] **Н.К.Краббе — А.М.Горчакову, 24 декабря 1866 г. (5 января 1867 г.), № 27** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 399. — Л. 16. Для информации участники заседания все важнейшие документы пересылали друг другу. См. **Н.К.Краббе — М.Х.Рейтерну, 24 декабря 1866 г. (5 января 1867 г.), № 28** // Там же. — Д. 412. — Л. 21–22.

гов пролив и проходит между островами Ратманова (он же Нунарбук, или Имаклит) и Крузенштерна (Игналук) из группы островов Св. Диомида, или Гвоздева; *к югу* — по румбу SW 44°, на средину пролива между северо-западной оконечностью острова Св. Лаврентия (мыс Чибукан) и мысом Чукотским на Азиатском материке до пересечения широты 64° северной с меридианом 172° западной долготы. Далее пограничная черта направляется на SW 41° на средину пролива между Командорскими и Алеутскими островами, а именно на средину линии, соединяющей восточную оконечность острова Медный и западную острова Атту (мыс Врангеля) в широте 53° N-й (северной) и долготы 170°30' O-й (восточной) от Гринвича»[29].

Помета рукой Александра II: «Ладно доложено» — и надпись на полях: «Одобрено государем императором 22 декабря 66 г. Н.Краббе».

Несколько позже, 5(17) января 1867 г. «во исполнение объявленной е.и. в-вом в особом заседании... высочайшей воли» министр финансов переслал А.М.Горчакову «некоторые соображения на случай уступки наших Северо-Американских колоний Соединенным Штатам»[30]. М.Х.Рейтерн считал необходимым предусмотреть, чтобы «русским подданным и вообще жителям колоний» было предоставлено «право остаться в оных или беспрепятственно выехать в Россию. В том и в другом случае они сохраняют право на всю свою собственность, в чем бы она ни состояла» (п. 1). При этом министр особо оговаривал обеспечение свободы «их богослужебных обрядов». Поскольку РАК обеспечивала жителей многими товарами первой необходимости, Рейтерн полагал, что в переходное время соответствующие обязательства должны будут взять США (п. 2). Кроме того, они должны учитывать обязательства РАК по соглашениям с Компанией Гудзонова залива, а также Американо-русской компанией в Сан-Франциско в отношении поставок льда (п. 3). Наконец, министр финансов указывал, что «денежное вознаграждение» за уступку колоний должно составлять «не менее пяти миллионов (5 000 000) долларов» (п. 4)[31].

Что касается самого министерства иностранных дел, то специальных инструкций Э.А.Стеклю оно не дало, что, по всей видимости, было связано с тем, что он присутствовал на «особом заседании»

---

[29] См. **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 399. — Л. 15 с об. В конце оригинала последняя фраза зачеркнута: «Эта же линия по продолжению ее к юго-западу может служить и дальнейшей номинальной границей до пересечения ее с чертой, отделяющей на севере владения России от Японии». Заверенную копию без помет см. **АВПРИ.** — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 117 с об.; **The Alaska Treaty.** — P. 63–64.

[30] **М.Х.Рейтерн — А.М.Горчакову (копия Н.К.Краббе), 5(17) января 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 25–26.

[31] См. **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 26; **The Alaska Treaty.** — P. 64.

16(28) декабря и был в курсе всех деталей обсуждения. Сам Горчаков полностью разделял соображения Стекля по этому вопросу и рассчитывал, что опыт и связи посланника в Вашингтоне помогут в ведении переговоров. Именно поэтому, по-видимому, и было решено не обременять Стекля дополнительными наставлениями, и 16(28) января 1867 г., т.е. ровно через месяц после декабрьского заседания, директор канцелярии МИД В.И.Вестман ограничился простой пересылкой материалов, поступивших от Н.К.Краббе и М.Х.Рейтерна. «Имею честь препроводить при сем к Вашему превосходительству копии с записок вице-адмирала Краббе и статс-секретаря Рейтерна[32], а также копии с двух условий, заключенных Российско-Американской компанией с Гудзонбайской и Американо-Русской...» [33].

Единственно, чего не получил Э.А.Стекль (и это было обусловлено еще во время декабрьского заседания), так это права окончательного решения и подписания договора. После согласования текста он должен был доложить об условиях соглашения в С.-Петербург, что и было им сделано в марте 1867 г.

Приведенные документы не оставляют сомнений в том, что принципиальное решение о продаже русских владений в Северной Америке было принято именно на «особом заседании» 16(28) декабря 1868 г. Отпадают и все далеко идущие «гипотезы» и «предположения» о тайных мотивах «позорного решения», включая подкуп лиц из окружения Александра II[34]. Кстати, кто мог давать взятки? Очевидно, только лица, заинтересованные в получении от продажи Аляски материальной выгоды. Такими лицами были директора и акционеры компании, курс акций которой после продажи резко возрос. Однако они этого не делали, да и практически не могли сделать хотя бы потому, что декабрьское заседание было строго секретным и компания не была поставлена о нем в известность. У руководства РАК запросили только чисто фактическую информацию о состоянии ее дел. Что же касается взяток, то впоследствии они действительно давались, но не в С.-Петербурге, а в Вашингтоне, чтобы обеспечить прохождение договора о продаже Аляски через конгресс США[35]. Впрочем, эти взятки были скорее результатом общей коррупции в американской столице. Реальной опасности отклонения договора не существовало, а против его ратификации в

---

[32] «В приложении § 4 шифром». (Напомним, что в § 4 речь шла о цене, которую должны были заплатить США, — не менее 5 млн. долл.).

[33] **В.И.Вестман — Э.А.Стеклю, 16(28) января 1867 г., № 60 (весьма секретно)** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 73.

[34] **Белов М.И.** Указ. соч. — С. 297, 299; **Алексеев А.И.** Судьба Русской Америки. — Магадан, 1975. — С. 312 и др.

[35] **Holbo P.S.** Tarnished Expansion: The Alaska Scandal, the Press, and Congress, 1867–1871. — Knoxville, 1983; **Болховитинов Н.Н.** 1990. — С. 283–314.

сенате проголосовали только два человека. Но это уже другой вопрос, который подлежит особому рассмотрению.

Оценивая комплекс внутренних и внешних причин продажи русских владений в Америке, которые упоминались в материалах «особого заседания», следует отметить, что при внимательном анализе некоторые из них, взятые в отдельности, представляются недостаточными или малосущественными.

Очевидно, например, что 5 млн. долл., на которые рассчитывали, и 7,2 млн. долл., которые получили, не могли быть существенным подспорьем при общих расходах России, превышавших 400 млн. руб. Вместе с тем, учитывая необходимость приобретения за границей в течение трех лет 45 млн. руб., о чем писал М.Х.Рейтерн царю осенью 1866 г., эта сумма могла представить определенный интерес.

Что касается положения самой Российско-американской компании в середине 60-х годов, то оно было трудным, но отнюдь не критическим. Решение о продлении срока ее деятельности, по существу, было принято, и правительство уже взяло на себя обязательства о предоставлении ей финансовой помощи. Компания, правда, просила о дополнительной помощи, но и это, пожалуй, не могло стать главной причиной для решения о продаже.

Большее значение при решении судьбы Аляски имела внешняя угроза, и в первую очередь экспансия Соединенных Штатов. Еще летом 1852 г., когда появились первые сообщения об имеющихся на территории русских владений в Северной Америке месторождениях золота, царское правительство встревожилось возможным притоком многочисленных иностранных золотоискателей и даже поручило своему посланнику в Вашингтоне собрать по этому вопросу необходимую информацию и обдумать возможные шаги для предотвращения нашествия «современных аргонавтов»[36]. В дальнейшем, когда по отзыву П.Н.Головина (1861), «на Кенайском берегу было положительно доказано присутствие золота», угроза нашествия иностранных, в первую очередь американских, золотоискателей все возрастала. И хотя компания утверждала, что «ближайшее место, где найдено золото в большом количестве», находится от устья реки Стахин «не ближе 200 верст», т.е. уже вне пределов Русской Америки, она тем не менее соглашалась «при невозможности открытого и решительного сопротивления (которого предписано всеми мерами избегать) действиям золотоискателей допустить добывание золота в наших владениях с известной платой в пользу компании». Инженер Андреев, посланный компанией в начале 60-х годов для исследования найденных россыпей, свидетельствовал, что число золотоискателей за пределами русских владений «уже доходило до 400 человек», в связи с чем С.Б.Окунь в свое время пришел к выводу:

---

[36] **Л.Г.Сенявин — А.А.Бодиско, 27 июня (9 июля) 1852 г.** // АВПРИ. — Ф. Пос-ва в Вашингтоне. — Оп. 512/3. — Д. 54. — Л. 219–220.

«Правительство не только знало о наличии золотых россыпей на Аляске, но оно именно этого и боялось, ибо вслед за армией вооруженных лопатами золотоискателей могла прийти армия вооруженных ружьями солдат»[37].

Тем не менее даже эта опасность не представляется решающей. Дело в том, что внешняя угроза русским владениям в Северной Америке существовала на протяжении многих лет. Особенно острой она была в годы Крымской войны со стороны Англии, а также со стороны США, позиции которых на Тихоокеанском Севере все более укреплялись. Вместе с тем именно в 60-х годах эта угроза несколько ослабла. Отношения РАК с Компанией Гудзонова залива остались вполне удовлетворительными, а США к 1866 г. еще не оправились от тяжелейших потрясений гражданской войны. И хотя все участники «особого заседания» (в первую очередь Э.А.Стекль) ссылались на возрастающую угрозу со стороны американцев, и такая угроза действительно существовала, в 1866 г. она была скорее *потенциальной*, чем реальной.

Как показала миссия Г.В.Фокса в Россию, 1866 год оказался пиком дружественных отношений между Россией и США, а продажа Аляски стала рассматриваться руководителями русского правительства в первую очередь в свете устранения очага возможных противоречий в будущем и укрепления фактического союза двух великих держав. Показательно, что на это прямо ссылались и вел. кн. Константин, и М.Х.Рейтерн, и Э.А.Стекль.

Именно эти общеполитические соображения, подкрепленные стратегическими мотивами, вышли, как нам представляется, на первый план и стали даже определяющими. Давняя идея о континентальном, а не морском будущем России, отказ от приобретения далеких заморских территорий и сосредоточение внимания на укреплении позиций на Дальнем Востоке (особенно в районе р. Амур) приобретали все большее значение. Напомним, что еще в 1818 г. Александр I и К.В.Нессельроде отклонили предложение о принятии в русское подданство Гавайских островов. В середине 60-х годов идея о «континентальном» будущем России получила выражение в решении о продаже Аляски Соединенным Штатам. Нельзя не признать, что в конечном итоге общеполитические и стратегические мотивы оказались достаточно дальновидными.

Аргументы, приводившиеся в период подготовки и проведения «особого совещания» в декабре 1866 г., не исчерпывали всего комплекса мотивов уступки Аляски. В документах царского правительства ничего не говорилось об общих причинах, закрывавших перед Русской Америкой будущее, — отсталом самодержавно-крепостническом строе, малочисленности русского населения, державшегося на уровне 600–800 человек, важном индейском факторе (независи-

---

[37] **Окунь С.Б.** — С. 232–234.

мость и сопротивление тлинкитов), бедности жизни и эксплуатации населения колоний и некоторых других внутренних причинах, приведших в конечном итоге к продаже русских колоний в Америке Соединенным Штатам.

2. Заключение договора 18(30) марта 1867 г.

Покинув С.-Петербург в январе 1867 г., Э.А.Стекль прибыл из Франции в Нью-Йорк 15 февраля на корабле «С.-Лоран» (St. Laurent). Морское путешествие (11-е в его жизни) заняло около двух недель, но оказалось необычайно тяжелым. В зимнее время Атлантика разбушевалась, а Стекль к тому же имел несчастье упасть и растянуть связки ноги, что задержало его в Нью-Йорке, по крайней мере, на три недели (примерно столько же ему потребовалось затем, чтобы заключить договор). Посланник считал, однако, что задержка ни в коей мере не повредит делу, которое ему поручено, и даже, если бы он был в Вашингтоне, ему все равно пришлось бы ожидать открытия сессии нового конгресса 5 марта, с тем «чтобы начать переговоры, которые требуют величайшего благоразумия и осмотрительности»[38].

Именно в Нью-Йорке Э.А.Стекль получил секретную депешу от В.И.Вестмана от 16(28) января 1867 г. (№ 60) с записками Н.К.Краббе и М.Х.Рейтерна. «Эти бумаги,— отмечал посланник,— будут чрезвычайно полезны, чтобы направлять меня в переговорах, которые мне поручено вести относительно наших американских колоний»[39].

Из более позднего сообщения Э.А.Стекля известно также, что, находясь в Нью-Йорке из-за травмы ноги, посланник не терял времени даром и смог даже «связаться с государственным секретарем У.Г.Сьюардом через посредство одного из его политических друзей, оказывающего на него огромное влияние»[40]. Таким путем россий-

---

[38] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, Нью-Йорк, 14(26) февраля 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 176–177.

[39] **Э.А.Стекль — В.И.Вестману, Нью-Йорк, 24 февраля (8 марта) 1867 г.** // Там же. — Л. Г73; Ф. Пос-ва в Вашингтоне. — Оп. 512/3. — Д. 93. — Л. 122.

[40] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 7(19) апреля 1867 г. (частное, без номера)** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 197–202. По мнению специалистов, таким лицом, очевидно, был Т.Вид (Thurlow Weed), который именно в это время был в Нью-Йорке, где вел переговоры о приобретении газеты «Commercial Advertiser» (см. **The Alaska Treaty.** — P. 67; **Kushner H.I.** Conflict on the Northwest Coast. — Westport, 1975. — P. 141; **Jensen R.J.** The Alaska Purchase and Russian-American Relations. — Seattle, 1975. — P. 69–70). Т.Вид был давним другом Сьюарда, помогал во время выборов в сенат, поддерживал выдвижение его кандидатуры на пост президента в 1860 г. и т.д. В дальнейшем купленная Видом газета «Commercial Advertiser» стала решительным защитником договора о покупке Аляски.

ский дипломат стремился заинтересовать американское правительство в приобретении Аляски и содействовать, чтобы Сьюард сам проявил инициативу в этом вопросе.

Непосредственные переговоры с У.Сьюардом начались, однако, в Вашингтоне где-то между 9 и 14 марта. Именно в этот короткий промежуток времени стороны смогли договориться по основным принципиальным вопросам, хотя утверждения, будто работа «по составлению договора была закончена за 5 дней (с 10 по 15 марта 1867 г.)»[41] нельзя считать правильными. Согласование текста продолжалось еще более двух недель вплоть до его подписания в 4 часа утра 18(30) марта 1867 г. Скорее всего, Стекль впервые встретился с государственным секретарем в понедельник 11 марта (или, что менее вероятно, в среду 13 марта). Так, во всяком случае, считает такой компетентный специалист, как Д.Х.Миллер[42].

Сообщая о начале этих переговоров в С.-Петербург, посланник писал: «Приехав в Вашингтон, я поднял вопрос о колониях со Сьюардом. Я сказал ему о трудностях, которые вторжение американцев могло бы создать между двумя правительствами, о предложениях, которые делались в прошлом о продаже наших колоний, и добавил, что в настоящее время императорское правительство расположено вступить в переговоры, если нам будет сделано такое предложение. Сьюард мне ответил, что этот вопрос следует обсудить и что он переговорил бы о нем с президентом. Наша беседа была строго конфиденциальной. В следующий раз[43] Сьюард сказал мне, что президент, с которым он переговорил, не расположен к сделке, но согласится с ней, если он, Сьюард, сочтет, что это дело было бы выгодным для Соединенных Штатов. Сьюард коснулся некоторых деталей, но не выразил своего окончательного мнения. Он сказал, что не может это сделать, пока не знает мнения своих коллег по кабинету. Я сказал Сьюарду, что предполагаю прозондировать мнение некоторых сенаторов и членов палаты по этому вопросу, но он обязал меня ничего не делать. «Эти переговоры,— сказал он мне,— должны вестись в строжайшей тайне. Давайте сначала посмотрим, сможем ли мы договориться. После этого настанет время проконсультироваться с конгрессом». В качестве цены он назвал 5 000 000 долл., но, поняв, что это не произвело на меня никакого впечатления, добавил: «Мы могли бы дойти даже до 5 500 000 долл., но не более». Я ответил, что обсудим этот вопрос, когда несколько продвинемся

---

[41] **Батуева Т.Н.** Экспансия США на севере Тихого океана в середине XIX в. и покупка Аляски в 1867 г. — Томск, 1976. — С. 35; **Американский экспансионизм: Новое время.** — М., 1985. — С. 126.

[42] **The Alaska Treaty.** — P. 72.

[43] Вторая беседа, по всей видимости, имела место в четверг 14 марта, т.е. непосредственно перед заседанием кабинета в пятницу 15 марта (правительство собиралось обычно по вторникам и пятницам).

вперед. Я буду стремиться получить 6 500 000 или по крайней мере 6 000 000. Буду продолжать переговоры и надеюсь, что смогу сообщить вашему превосходительству в течение двух недель что-то положительное»[44].

Дополнительные подробности о своей первой беседе со Сьюардом русский посланник привел позднее в подробном донесении в МИД от 7(19) апреля 1867 г. (№ 10). Стремясь показать, что он сделал все возможное, чтобы инициатива в переговорах исходила от США, Стекль отмечал, что в своей первой беседе он сообщил государственному секретарю о просьбе, с которой К.Клей обратился к России «от имени некоторых американцев в Калифорнии», а Сьюард в свою очередь информировал о резолюциях легислатуры территории Вашингтон с просьбой, чтобы президент получил от русского правительства согласие не только на «право охоты и рыбной ловли», но даже на право «образования поселений». «Я ответил, что могу заверить его наперед, что эта просьба не встретит благоприятный прием. Г-н Сьюард, который уже был заранее предупрежден[45], первым приступил к вопросу о продаже наших колоний. Я ему ответил, что это предложение нам уже несколько раз делалось; что императорское правительство до сих пор отвечало отказом, но что, если оно будет возобновлено, я уполномочен вести переговоры (j'étais autorisé à traité). После этой беседы Сьюард проконсультировался с президентом и кабинетом и вступил в переговоры»[46].

Уточним, что после первой беседы Сьюард переговорил только с президентом, и лишь после второй встречи со Стеклем, состоявшейся 14 марта, вопрос был поставлен перед членами кабинета.

---

[44] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 6(18) марта 1867 г., № 4** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 27–31 (шифр); **The Alaska Treaty**. — P. 72. Во время этой же беседы 14 марта 1867 г. Сьюард попросил, чтобы Россия использовала свое влияние для того, чтобы склонить Данию уступить Соединенным Штатам свои владения в Вест-Индии. По мнению Стекля, они представляли большую ценность (их годовой экспорт достигал 2 млн. талеров), и естественно, что Копенгаген отказывался продать их за предложенные Вашингтоном 5 млн. долл. См. **У.Сьюард — Э.А.Стеклю, 14 марта 1867 г.** // NARS. — RG 59. — Notes to Russia. — Vol. 6 (черновик ноты написан рукой Сьюарда красным карандашом и вложен между л. 210–211); **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 6(18) марта 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 33–36; **The Alaska Treaty.** — P. 74. Из ответа А.М.Горчакова видно, что царское правительство отнеслось к этому предложению отрицательно и не сочло возможным рекомендовать Дании продажу ее вест-индских островов. См. **А.М.Горчаков — Э.А.Стеклю, 26 марта (7 апреля) 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 269.

[45] Очевидно, Т.Видом, с которым Стекль беседовал по этому поводу в Нью-Йорке.

[46] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 7(19) апреля 1867 г., № 10** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 56–57.

Донесения Стекля в С.-Петербург — главный, а в некоторых случаях и единственный источник, дающий представление о конкретном ходе переговоров, которые привели к заключению договора о продаже Аляски. Среди американских документов, сохранившихся в бумагах государственного департамента, привлекают внимание варианты проекта договора[47] и черновик записки Сьюарда, в которой кратко излагалось существо вопроса: «Россия продает Соединенным Штатам свои владения на континенте Северной Америки и прилегающих Алеутских островах, причем граница проводится через центр Берингова пролива и включает все острова к востоку, начиная с Атту...»[48]. Любопытно, что в качестве платы за уступку этой территории Сьюард сам указал 7 млн. долл. золотом. Между тем в это время цена покупки не была согласована. Первоначально государственный секретарь предложил Стеклю 5 млн — 5500 тыс. долл., и вопрос остался открытым. Называя цифру 7 млн. долл., Сьюард, по-видимому, полагал, что окончательная цена не превысит эту сумму, и хотел получить для себя некоторую свободу действий[49].

Так или иначе, уже на первом заседании кабинета в пятницу 15 марта 1867 г. государственный секретарь назвал и цену покупки и представил предварительный проект соответствующего договора. Об этом со всей определенностью свидетельствуют дневниковые записи министра внутренних дел О.Браунинга и военно-морского министра Г.Уэллеса. В соответствии с первой записью на заседании кабинета в полном составе «Сьюард представил проект договора с Россией о покупке ее американских владений за 7 000 000 долларов золотом. Все одобрили покупку, но сделали некоторые критические замечания по проекту договора, который должен быть видоизменен»[50]. По всей видимости, замечания не носили принципиального

---

[47] См. **NARS.** — RG 59. — Drafts of Treaties. — Vol. 6. Drafts of Treaties between U.S. and Russia. — P. 308–315; **Alaska, Treaty Providing for the Cession of to the U.S. Drafts and Counter Drafts of...** — P. 316–330 (March 20, 1867), 332–338, 342–353 etc.; **The Alaska Treaty.** — P. 68–71.

[48] См. **NARS.** — RG 59. — Drafts of Treaties. — Vol. 6. — P. 331 (трудночитаемый черновик, написанный синим карандашом); **The Alaska Treaty.** — P. 71.

[49] **The Alaska Treaty.** — P. 73–74. Для того чтобы получить дополнительную информацию о возможной цене Аляски, государственный секретарь 14 марта, т.е. накануне заседания кабинета, через военного министра Э.М.Стэнтона запросил на этот счет мнение командующего американскими войсками на Западе генерала Г.У.Халлека, который оценил стоимость русских владений где-то между 5 и 10 млн. долл. См. **Jensen R.J.** Op. cit. — P. 73, 155.

[50] **Browning O.H.** Diary of Orville Hickman Browning. — Springfield, 1931. — Vol. 2. — P. 137.

характера, поскольку другой участник заседания — Г.Уэллес сообщает лишь об одобрении представленного договора[51].

В понедельник 18 марта 1867 г. президент Э.Джонсон подписал официальные полномочия Сьюарду[52], и в тот же день или во всяком случае утром 19 марта состоялись переговоры государственного секретаря со Стеклем, в ходе которых в общих чертах был согласован проект договора о покупке русских владений в Америке за 7 млн. долл.

Позже в письме своему другу и покровителю В.И.Вестману Стекль писал: «Быть может, я совершил ошибки, поскольку все это дело происходило в спешке, в американской манере идти напролом. Но есть, однако, одна вещь, которую Вы поставите мне в заслугу: я добился семи миллионов, т.е. на два миллиона больше того, что было намечено министром финансов»[53].

Слова «идти напролом» (двигаться вперед — go ahead) были написаны Стеклем по-английски, и они прекрасно передают исключительно быстрый и деловой характер, который с самого начала был придан переговорам Сьюардом. Государственный секретарь отдавал себе отчет в том, что успех всего дела во многом зависит от того, удастся ли заключить договор до окончания текущей сессии конгресса, пока многочисленные противники администрации не мобилизуют свои силы.

Для завершения переговоров со Стеклем Сьюарду потребовалась карта американских колоний России и консультация береговой

---

[51] **Welles G.** Diary of Gideon Welles. — Boston, N. Y., 1911. — Vol. 3. — P. 66. По свидетельству президента Э.Джонсона, первоначально договор поддержал и противник Сьюарда военный министр Э.М.Стэнтон. Он рассчитывал, что покупка Аляски вызовет в стране недовольство и подорвет влияние государственного секретаря, но вышло наоборот. Уже после ратификации договора сенатом Стэнтон начал резко критиковать покупку Аляски, утверждая, что это «страна льда и скал». По словам военного министра, 7 млн. золотом — это 10 млн. долл. ассигнациями — и «годовой доход от них — составил бы 600 000 долларов». Более миллиона в год будет необходимо для управления и охраны купленной территории, а во время войны «было бы лучше, если бы она находилась в руках дружественной державы, чем в нашем владении». По мнению президента, Стэнтон явно завидовал успеху Сьюарда и стремился всячески принизить значение приобретения Соединенными Штатами новых земель. См. **Дневниковая запись личного секретаря президента Э.Джонсона полковника У.Дж.Мура от 2 мая 1867 г.** // LC. MD. — A.Johnson Papers. — R. 50. — P. 2; Notes of Colonel W.G.Moore. Private Secretary to President Johnson, 1866–1868 // AHR. — 1913. — Oct. — Vol. 19. — N 1. — P. 106.

[52] **The Alaska Treaty.** — P. 13–14. Подлинник хранится в бумагах У.Сьюарда: **RRL. UR.** — The Papers of W. H. Seward. — N 6307. — R. 184.

[53] **Э.А.Стекль — В.И.Вестману, 7(19) апреля 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 204–205; **The Alaska Treaty.** — P. 97.

службы США[54]. В этой связи он попросил служащего этого ведомства Дж.Э.Хилгарда явиться в госдепартамент 19 марта к 10 часам и, если возможно, иметь при себе «карту русских владений на северо-западном побережье Америки»[55].

При участии Дж.Э.Хилгарда утром 19 марта был решен вопрос о географических границах передаваемой США территории (ст. 1). Как видно из официального донесения Стекля Горчакову от 7(19) апреля, и восточные, и западные границы уступаемой территории были определены в соответствии с предложениями Стекля.

Русский посланник позаботился о том, чтобы включить в ст. 1 соглашения полный текст ст. III и IV русско-английской конвенции от 16(28) февраля 1825 г., определившей разграничения русских и британских владений на северо-западе Америки. «Это разграничение существует сейчас в том же виде, как оно было определено почти полстолетия назад, и мы передаем его США свободным от каких-либо споров». Пересылая А.М.Горчакову как американскую, так и русскую карты, Стекль обращал внимание на то, что пограничная линия с русскими владениями на американской карте была тождественна границе, «указанной на карте, переданной генерал-адъютантом Н.К.Краббе»[56].

В тот же день 19 марта состоялось заседание кабинета[57], на котором Сьюард представил согласованный текст договора на утверждение своих коллег. Никто из членов кабинета не возражал против цены в 7 млн. долл. По свидетельству О.Браунинга, все присутствующие согласились с представленным договором, который теперь предстояло послать на одобрение в Россию. Отсутствие каких-либо расхождений во мнениях зафиксировано и в дневнике Г.Уэллеса[58].

---

[54] **У.Сьюард — Б.Пирсу, 18 марта 1867 г.** // NARS. — RG 59. — Domestic Letters. — M. 40. — R. 62. — P. 432.

[55] **У.Сьюард — Д.Э.Хилгарду, 18 марта 1867 г.** // Ibid. — P. 431; **The Alaska Treaty**. — P. 76.

[56] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 7(19) апреля 1867 г., № 10** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 49. Небольшое уточнение было внесено Хилгардом уже после того, как текст ст. 1 был согласован утром 19 марта. Осторожный американец написал на следующий день специальное письмо, в котором рекомендовал Сьюарду добавить заключительную фразу о том, что граница идет до 193° западной долготы «и таким образом включит в уступленную территорию все Алеутские острова, лежащие к востоку от сего меридиана». Госсекретарь «с благодарностью» принял это предложение, и ст. 1 была дополнена заключительной фразой, предложенной Хилгардом. См. **The Alaska Treaty.** — P. 70, 76–77.

[57] **Ibid.** — P. 75.

[58] **Browning O.H.** Op. cit. — Vol. 2. — P. 137; **Welles G.** — Op. cit. — Vol. 3. — P. 68 (Had the Russian treaty on the tapis. No division of opinion as to the measure).

Много позднее, уже в июле 1868 г. Э.А.Стекль вновь обращал внимание, что его переговоры с государственным секретарем Сьюардом были непродолжительными. Прежде всего посланник сказал Сьюарду: «...мы принимаем предложение о продаже наших колоний, которое нам уже делалось несколько лет назад и которое императорское правительство тогда отклонило». Единственной трудностью, по словам Стекля, оказалось согласовать повышение стоимости продажи. «Сначала мне было предложено пять миллионов — сумма, которая в свое время предлагалась; затем шесть миллионов, я же настаивал на семи, и благодаря вмешательству некоторых влиятельных лиц мне удалось их получить»[59].

Трудно сказать, какие «влиятельные лица» помогали Стеклю. Скорее всего, год спустя его могла подвести память или он имел в виду уже лиц, которые помогли прохождению договора через конгресс. Во всяком случае, в его более ранних донесениях ничего об этих «лицах» не говорилось.

Перед тем как сообщить об условиях соглашения в С.-Петербург, Стекль и Сьюард обменялись нотами, текст которых, по всей видимости, был заранее согласован. В ноте от 23 марта государственный секретарь твердо настаивал, что уступка территории (ст. VI) «признается свободной и изъятой от всяких ограничений, привилегий, льгот или владельческих прав» и что это условие должно рассматриваться как ультимативное. С одобрения президента Сьюард в этой связи выражал согласие добавить в качестве платы за уступку русских владений еще 200 тыс. долл. В ответной ноте от 25 марта Стекль подтверждал согласие с предложением американской стороны[60].

В этот же день по согласованию со Сьюардом русский посланник направил из государственного департамента шифрованную телеграмму А.М.Горчакову в С.-Петербург. Ввиду важности этого документа приводим его полный текст:

«Переговоры завершены. Результат — следующий проект договора: Статья I. Уступка наших колоний; граница уступаемой территории на востоке — демаркационная линия по нашему договору

---

[59] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 15(27) июля 1868 г. (конфиденциально)** // АВПРИ. — Ф. К., 1868 г. — Д. 152. — Л. 252.

[60] **У.Сьюард — Э.А.Стеклю, 23 марта 1867 г.; Э.А.Стекль — У.Сьюарду, 25 марта 1867 г.** // NARS. — RG 59. — Notes to the Russian Legation. — Vol. 6. — P. 211; Ibid. — Notes from the Russian Legation. — Vol. 6. — M. 39. — R. 4; **АВПРИ.** — Ф. Пос-ва в Вашингтоне. — Оп. 512/3. — Д. 93. — Л. 195; **FRUS.**, 1867. — Vol. 1. — P. 399. Общая цена покупки в это время все еще составляла 7 млн. долл. По мнению Д.Х.Миллера, обмен нотами был произведен «для архива» Сьюарда с тем, чтобы замаскировать действительное повышение цены с 6,5 млн. до 7 млн. долл. Что касается повышения цены с 7 млн. до 7,2 млн., то оно произошло уже накануне подписания договора в ночь с 29 на 30 марта 1867 г. См. **The Alaska Treaty.** — P. 79–80.

1825 г. с Англией, на западе — слово в слово демаркационная линия, предоставленная мне императорским министерством морского флота. Статья II. Государственная собственность (La propriété de la couronne) уступается Соединенным Штатам; частная собственность остается в руках лиц, которым она принадлежит; православные храмы остаются в полной собственности лиц этого вероисповедания с полной свободой исповедовать свою религию. Статья III. Жители колонии могут вернуться в Россию или остаться и пользоваться всеми правами американских граждан. Статья IV. Императорское правительство направит одного или двух уполномоченных, которые подготовят передачу уполномоченным Соединенных Штатов уступаемой территории. Статья V. После ратификации этой конвенции укрепления и военные посты передаются войскам Соединенных Штатов. Русские войска выводятся как можно быстрее и как удобно императорскому правительству. Статья VI предусматривает возмещение в 7 млн. долларов; но федеральное правительство не считает себя связанным никаким обязательством, заключенным нашей компанией. Я с этим согласился, поскольку контракт нашей компании с Компанией Гудзонова залива истекает 1 июня 1867 г. и контракт с Сан-Францисской компанией истек 1 января этого года. Статья VII и последняя. Ратификации будут обменены в Вашингтоне. Я посылаю эту телеграмму по просьбе Сьюарда, который ее оплачивает и который сказал мне, что он встретил сильную оппозицию в кабинете из-за согласованной цены, и для того, чтобы дело увенчалось успехом, необходимо торопиться и добиться утверждения договора сенатом, который будет заседать еще две недели. Если я получу ответ в течение шести дней, договор может быть подписан и через неделю утвержден сенатом. Простое телеграфное разрешение подписать договор, как сказал мне Сьюард, будет соответствовать формальным полномочиям»[61].

Несмотря на то что в тексте телеграммы Стекля Горчакову от 13(25) марта 1867 г. прямо указывалось, что эта телеграмма была послана «по просьбе Сьюарда, который ее оплачивает», в дальнейшем этот вопрос стал предметом длительного спора. На основании

---

[61] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 13(25) марта 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 184. Получена в С.-Петербурге 14(26) марта. В копии телеграммы, присланной Стеклем Сьюарду, отсутствовала согласованная цена покупки (7 млн. долл.), была опущена фраза о том, что государственный секретарь оплачивает телеграфные расходы, а также сделаны некоторые другие сокращения. В частности, отсутствовали слова о том, что цена покупки встретила «сильную оппозицию» у членов американского кабинета. Можно полагать, что в таком виде ее текст был более приемлем для архива Сьюарда. В госдепартаменте сохранился и шифрованный оригинал этой телеграммы. См. **The Alaska Treaty.** — P. 78–81; **NARS.** — RG. 59. — Notes from the Russian Legation. — Vol. 6.

тщательного и всестороннего исследования Д.Х.Миллер установил, что, хотя этот документ действительно был послан шифром через телеграфный пункт государственного департамента, Сьюард отказался оплатить представленный ему позднее счет в 9886,50 долл.[62] Государственный секретарь утверждал, что ни в коем случае не может считать себя обязанным платить за телеграмму князю Горчакову, которую он не подписывал и не заказывал. В свою очередь Стекль настаивал, что между ним и Сьюардом была договоренность, что государственный департамент оплатит стоимость передачи телеграммы, а русское правительство оплатит ответ.

В конечном итоге оплатить телеграмму пришлось Стеклю, что он и сделал уже 22 августа 1868 г. из денег, полученных за продажу Аляски. По свидетельству банкира Дж.У.Риггса, Стекль сообщил, что заплатил «10 тыс. долл. золотом за одну телеграмму»[63]. На эти «огромные» (enormous) расходы русский посланник особо жаловался и Р.Дж.Уокеру[64].

Получив 14(26) марта телеграмму Стекля, А.М.Горчаков ознакомил с ее содержанием ряд заинтересованных лиц, в частности, Александра II и министра финансов М.Х.Рейтерна. Уже 16(28) марта император утвердил проект ответной телеграммы Стеклю, и министр иностранных дел в тот же день направил ее в Вашингтон: «Император разрешает продажу за 7 млн долл. и подписание договора. Его величество рекомендует Вашему вниманию следующие соображения министра финансов. Контракт с Сан-Францисской компанией продлен до 1 января 1868 г. Постарайтесь, чтобы Федеральное правительство приняло вытекающие из этого обязательства. Если это невозможно, необходимо сохранить исключительное право на экспорт льда до 1 января 1868 г. для Сан-Францисской компании. Постарайтесь также получить плату в более близкое время и, если возможно, в Лондоне Барингу. Заключайте без согласования. Получение подтвердите телеграфно»[65].

По существу, эта телеграмма предоставляла Стеклю свободу для подписания договора. Правда, в ней выдвигались некоторые новые условия или, скорее, пожелания, так как ни одно из них не считалось абсолютно обязательным.

Получив телеграмму в пятницу 29 марта, Стекль сразу же отправился к государственному секретарю домой. Последующая беседа выразительно описана сыном У.Сьюарда Фредериком: «Вечером в

---

[62] См. **The Alaska Treaty.** — P. 97–100.

[63] См. **Alaska Investigation.** — House Report. — N 35. — 40th Congress. — 3rd Session. — P. 9.

[64] **Ibid.** — P. 15.

[65] **Проект секретной телеграммы А.М.Горчакова Э.А.Стеклю, 16(28) марта 1867 г.** На проекте царская помета: «Быть по сему». См. **АВПРИ.** — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 262.

пятницу 29 марта У.Сьюард играл у себя дома в вист... когда объявили о приходе русского посланника.

«Я получил донесение, м-р Сьюард, от моего правительства по телеграфу. Император дает свое согласие на уступку. Если Вы хотите, завтра я приду в департамент, и мы сможем заключить договор».

С улыбкой удовлетворения Сьюард отодвинул стол для виста и сказал:

«Зачем ждать до завтра, м-р Стекль? Давайте заключим договор сегодня вечером». «Но Ваш департамент закрыт. У Вас нет клерков, и мои секретари разбросаны по городу» [с изумлением возразил Стекль. — *Н.Б.*].

«Не беспокойтесь об этом,— ответил Сьюард.— Если Вы соберете членов Вашей миссии до полуночи, Вы найдете меня ожидающим Вас в департаменте, который будет открыт и готов к работе».

Менее чем через 2 часа свет разливался из окон государственного департамента — работа шла там, как в середине дня. К 4 часам утра договор был переписан красивым почерком, подписан, скреплен печатями и готов к пересылке сенату президентом»[66].

Рассказ сына Сьюарда вполне подтверждается другими очевидцами событий и соответствует динамичной манере ведения переговоров госсекретарем. Сьюард был так заинтересован в успешном завершении переговоров, что не хотел ждать ни одной лишней минуты.

Окончательное согласование текста и завершение переговоров происходило в ночь с 29 на 30 марта. Как видно из секретного донесения Стекля от 22 марта (3 апреля) 1867 г., ему не удалось выполнить пожелания, содержавшиеся в телеграмме А.М.Горчакова от 16(28) марта. Сьюард категорически настаивал на том, чтобы уступаемая территория была передана США без каких-либо дополнительных условий и обязательств. Не согласилась американская сторона и на уплату денег в Лондоне. Зато Стекль «получил в качестве компенсации дополнительную сумму в двести тысяч долларов. Что касается выплаты, то она не может быть никаким образом осуществлена до того, как об этом примет решение палата представителей, которая не соберется ранее будущего декабря месяца»[67].

---

[66] **Seward F.W.** William Henry Seward: An Autobiography. — N. Y., 1891. — Vol. 3. — P. 348; **Idem.** Reminiscences of a War-Time Statesman and Diplomat. — N.Y., 1916. — P. 361–362. О получении телеграфного согласия Александра II на заключение договора Стекль известил Сьюарда официальной почтой от 17(29) марта 1867 г. // FRUS. 1867. — Vol. 1. — P. 400.

[67] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 22 марта (3 апреля) 1867 г. (секретно)** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 192. В частном письме Горчакову 7(19) апреля 1867 г. Стекль упоминал, что «200 тыс. долларов были добавлены Сьюардом на его собственную ответственность без консультации с кабинетом, который, по его заверению, никогда бы не дал своего согласия» (**Там же.** — Л. 197 и далее).

Из более поздних донесений Стекля Рейтерну и Горчакову известно, что наиболее трудным вопросом во время переговоров было определение размера вознаграждения. Стремясь подчеркнуть свои заслуги и умение вести переговоры, Стекль сообщал министру финансов, что употребил все возможные усилия, чтобы добиться 7,2 млн. долл. «Мало-помалу я склонил Сьюарда к шести с половиной миллионам, но идти дальше он никак не желал; на какое-то время переговоры были прерваны, но я твердо стоял на своем, и в конце концов секретарь уступил»[68]. В официальном донесении А.М.Горчакову посланник по этому поводу сообщал: «Первоначально м-р Сьюард говорил мне о пяти и пяти с половиной миллионах. Я потребовал семь. Постепенно он дошел до шести с половиной, но заявил мне, что весь кабинет против него и он не может идти дальше. Однако поскольку я видел, что он всем сердцем стремится заключить договор, я отказался уступить. Наконец после долгих дебатов и учитывая некоторые уступки, о которых я говорил выше, вознаграждение было определено в семь миллионов»[69].

Из этого же сообщения видно, что Сьюард не хотел принимать на себя никаких дополнительных обязательств в связи с тем, что контракт с Сан-Францисской компанией был продлен до 1 января 1868 г., и «отказался вести переговоры по этому делу (de transiger sur cette affaire)»; со своей стороны, Стекль не настаивал. Указанный контракт истекал к концу года, т.е. тогда, когда, по всей видимости, должна была состояться передача русских владений США и «компания будет иметь время закончить свои операции, и если возникнет вопрос о какой-то компенсации, то она в любом случае не может быть значительной»[70].

---

[68] **Э.А.Стекль — М.Х.Рейтерну, 7(19) апреля 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 68.

[69] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 7(19) апреля 1867 г., № 10**// АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 54–55. Одна из таких уступок касалась домов, складов и других зданий РАК. Согласившись рассматривать их в качестве государственной собственности и передать США (в отличие от частной собственности отдельных лиц), Стекль добился повышения цены с 6,5 млн. до 7 млн. долл. При этом посланник оговорил, что храмы, построенные русским правительством, остаются собственностью членов православной церкви (ст. II). Ему помогло в этом то обстоятельство, что в США религиозные храмы строятся и поддерживаются за счет частных лиц и являются их собственностью (см. **Там же.** — Л. 50–51).

[70] На практике склады и оборудование для заготовки и хранения льда на Кадьяке были проданы Российско-американской компанией летом 1867 г. за 20 тыс. руб. «некому Бауму, агенту ледяной компании», и не были включены в список имущества РАК, переданного США. См. **The Alaska Treaty.** — P. 82; **LC. MD.** — Peshchurov to Stoeckl. — N 166. — Oct. (correctly Sept.) 26, 1867.

Министр финансов Хью Маккалок, которого Стекль попросил осуществить уплату денег в Лондоне, заявил, что «обязан соблюдать условия договора и выплатить деньги в казначействе в Вашингтоне (à la Trésorerie de Washington). Но в качестве компенсации за эти последние уступки с моей стороны государственный секретарь добавил к семи миллионам двести тысяч долларов»[71].

В тексте заключенного договора легко заметить очевидное противоречие. В ст. IV указывалось, что «уступка с правом немедленного вступления во владения... должна считаться полной и безусловной со времени обмена ратификаций»[72]. С другой стороны, по ст. VI американское казначейство в Вашингтоне обязывалось заплатить 7,2 млн долл. «в десятимесячный срок со времени обмена ратификаций». Естественно, что Э.А.Стекль не мог не обратить внимания на это «несоответствие» (irrégularité). Не отрицая справедливость сделанного замечания, Сьюард заверил партнера по переговорам, что в этом не может быть «никакого неудобства». Задержка выплаты денег неизбежна из-за перерыва в заседаниях конгресса, «но честь Соединенных Штатов связана этим соглашением». То же самое сказал посланнику председатель комитета по ассигнованиям палаты Т.Стивенс. «Он заверил меня, — сообщал Стекль, — что в тот же день, когда конгресс соберется, он выделит необходимые средства и передаст их в наше распоряжение».

Не имея возможности ускорить выплату денег, российский дипломат мог только изменить текст договора и указать, что передача уступаемой территории будет осуществлена позднее. В этом случае, однако, он опасался затронуть честь и национальную гордость американцев. «Я подумал поэтому, — сообщал Стекль в С.-Петербург,— что не могу отказать им в этом знаке доверия (marque de confiance)»[73].

Для историков особый интерес представляет заключительная часть ст. II, касающаяся архивов: «Все дела, бумаги и документы правительства, относящиеся до вышеизложенной территории и ныне там хранящиеся, передаются уполномоченному Соединенных Штатов; но Соединенные Штаты во всякое время, когда встретится

---

[71] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 7(19) апреля 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 55–56. Э.А. Стекль излагал ход переговоров в обобщенной форме и не всегда строго соблюдал хронологию. Из текста очевидно, что его беседа с министром финансов происходила уже после заключения договора 18(30) марта 1867 г. Кроме того, Э.А.Стекль практически не мог до этого времени встретиться с Х.Маккалоком, так как после получения телеграммы вечером 29 марта был занят подготовкой подписания договора в госдепартаменте.

[72] См. **ПСЗРИ.** — Собр. 2. — Т. 42. — Отд. 1. — № 44518. — С. 424.

[73] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 7(19) апреля 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 53, 54.

надобность, выдают российскому правительству, российским чиновникам или российским подданным, которые того потребуют, засвидетельствованные копии с этих документов»[74].

Как отмечал Стекль, это условие было заимствовано из договора, заключенного США с Францией о продаже Луизианы[75]. Сам посланник не совсем точно представлял себе его значение, когда писал, что речь идет «о бумагах о праве собственности и других подобных документах». Русский представитель, по словам Стекля, который «будет уполномочен передать эти архивы, естественно, позаботится о том, чтобы сохранить официальную или частную переписку как императорского правительства, так и компании»[76]. В действительности весь основной колониальный архив на о-ве Ситха был передан Соединенным Штатам и в настоящее время хранится в Вашингтоне. Копии этих документов в микрофильмах имеются теперь и в России (АВПРИ и РГАДА)[77].

Заключительный момент подготовки подписания договора в 4 часа утра 30 марта 1867 г. запечатлен на известной картине Э.Лейтце (см. рис. 37). В центре ярко освещенной комнаты государственного департамента — импозантная фигура Э.А.Стекля. Правая рука российского посланника обращена к очертанию Аляски на огромном глобусе, что символизирует предмет переговоров. Между глобусом и письменным столом в непринужденной позе с пером в руке и развернутыми бумагами сидит У.Сьюард и внимательно слушает Стекля. На заднем плане помощник государственного секретаря многоопытный Уильям Хантер, служивший еще при Дж.К.Адамсе, и молодой секретарь русской миссии В.А.Бодиско сравнивают французский и английский варианты текста договора. Наконец, главный клерк госдепартамента Роберт С.Чью (Chew) входит в ком-

---

[74] См. **ПСЗРИ.** — Собр. 2. — Т. 42. — Отд. 1. — № 44518. — С. 423.

[75] **Договор о продаже Луизианы от 30 апреля 1803 г. (ст. 2)** // Documents of American History / Ed. by H.S.Commager. — Englewood Cliffs, 1973. — Vol. 1. — P. 191.

[76] См. **АВПРИ.** — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 51–52.

[77] **NARS.** — RRAC. — R. 1–77. Перечень документов первых шести томов «входящей» переписки составил профессор Р.Х.Фишер совместно со студентами Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. См. **Fisher R.H.** Records of the Russian-American Company, 1802, 1817–1867. — Wash., 1971. Первый том «исходящей» переписки за 1818 г. издан недавно Р.А.Пирсом. См. **The Russian-American Company. Correspondence of the Governors.** Correspondence Sent. 1818 / Transl. with an Introduction, by R.A.Pierce. — Kingston, 1984. В университете Аляски в Фэрбэнксе в настоящее время составлен многотомный перечень и указатель к этому ценному собранию. Следует иметь в виду, что Соединенным Штатам был передан только архив главных правителей русских колоний в Ново-Архангельске, а не местных отделений РАК на Кадьяке и других местах. В результате оказались утраченными многие ценные источники.

нату с подготовленным к подписанию текстом. В противоположном конце комнаты изображены беседующие друг с другом Ч.Самнер и сын госсекретаря Ф.Сьюард.

Присутствие двух последних при подписании договора вызывает большие сомнения и, учитывая авторитетное заключение Д.Х.Миллера, должно быть отнесено к историческим легендам. Сенатор Самнер и, по всей видимости, Ф.Сьюард не участвовали в переговорах и скорее всего до вечера 29 марта о них даже не знали. Опасаясь, что дальнейшее игнорирование влиятельного председателя комитета по иностранным делам сената может серьезно повредить ратификации договора, У.Сьюард решил проинформировать Самнера о завершении переговоров и поручил своему сыну разыскать сенатора и передать записку с просьбой срочно переговорить.

«Мой дорогой сэр,— писал Сьюард вечером в пятницу 29 марта.— Не могли бы Вы прийти ко мне домой сегодня вечером? У меня имеется дело государственного характера, в отношении которого желательно, чтобы я немедленно с Вами переговорил». Вернувшись поздно вечером 29 марта домой, Самнер прочитал эту записку и немедленно отправился в дом Сьюарда. К тому времени Сьюард был уже в госдепартаменте, и Самнер застал лишь его сына Фредерика и Стекля. Последний проинформировал его об Аляскинском договоре и границах приобретаемой США территории. Не выразив никакого собственного мнения, Самнер расстался со Стеклем ровно в полночь: первый отправился к себе домой, а второй — в госдепартамент, где ему предстояло согласовать и подписать окончательный текст договора. Естественно, что для Самнера было бы явно неразумно отправляться в полночь в госдепартамент и ждать несколько часов формального подписания договора, к выработке которого он не имел какого-либо отношения. Ф.Сьюарду, однако, явно хотелось запечатлеть свою причастность к заключению исторического договора, и «ночная беседа» Самнера была перенесена художником в здание государственного департамента[78].

Сообщая о подписании договора в секретном донесении Горчакову от 22 марта (3 апреля) 1867 г., Стекль писал: «Телеграмма Вашего превосходительства от 16(28) марта была получена мной на следующий день. В тот же день (le même jour) договор был подписан и направлен в сенат президентом». В действительности Сьюард и Стекль приступили к окончательному согласованию текста и подготовке подписных экземпляров в ночь с 29 на 30 марта. Само подписание состоялось в 4 часа утра. В тот же день в 10 часов утра президент Джонсон направил договор в сенат «для рассмотрения на

[78] **У.Сьюард — Ч.Самнеру, вечер 29 марта 1867 г.** // HL. HU. — Charles Sumner Papers; **The Alaska Treaty**. — P. 84–86; **Complete Works of Charles Sumner**. — Boston, 1883. — Vol. II. — P. 183; **Seward F.W.** William H.Seward. — Vol. 3. — P. 349; **Idem**. Reminiscences. — P. 362–363.

предмет ратификации»[79]. В соответствии с обычной процедурой договор был передан в комитет по иностранным делам. «Этот документ,— сообщал Стекль,— подлежит утверждению сенатом, и палата представителей должна затем выделить средства для оплаты покупки. Поскольку сессия конгресса закончилась 30 марта, президент созвал чрезвычайную исполнительную сессию сената»[80].

Началась борьба за ратификацию.

3. Передача Русской Америки Соединенным Штатам

Как это часто случается, наиболее заинтересованные лица узнают о событиях, которые их прямо касаются, последними. С начала апреля 1867 г. газеты всего мира оживленно обсуждали телеграфные сообщения о сенсационной продаже Русской Америки. 7(19) апреля министр финансов М.Х.Рейтерн сделал представление царю о посылке комиссара (уполномоченного) для передачи российских владений в Америке Соединенным Штатам и сразу же получил на это «высочайшее соизволение»[81], а лишь затем, по-видимому, вспомнил, что надо известить о продаже руководство Российско-американской компании. Во всяком случае, на следующий день министр направил ГП РАК официальное извещение о продаже Русской Америки, рекомендовал «созвать общее собрание акционеров» и предложить ему «дать правлению или особо избранным лицам полномочие, необходимое для принятия приготовительных мер к приведению выполнения означенного трактата»[82].

Наконец, 10(22) апреля барон Ф.П.Врангель запросил разрешение сообщить «нынче» главному правителю Русской Америки Д.П.Максутову о продаже колоний по трансатлантическому телеграфу и получил от М.Х.Рейтерна соответствующую официальную санкцию: «По соглашению с министерством иностранных дел разрешаю в.пр-ву уведомить Главного правителя российско-американских колоний о заключении с Соединенными Штатами трактата об уступке им колоний»[83].

---

[79] **A Compilation of Messages and Papers of the Presidents, 1789–1902.** — Vol. 1–10 / Ed. by J.D.Richardson. — Wash., 1903. — Vol. 6. — P. 521.

[80] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 22 марта (3 апреля) 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 191.

[81] **Доклад М.Х.Рейтерна Александру II, 7(19) апреля 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 44.

[82] **М.Х.Рейтерн — ГП РАК, 8(20) апреля 1867 г.** // Там же. — Л. 45.

[83] **М.Х.Рейтерн — Ф.П.Врангелю, 10(12) апреля 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 181. — Л. 193. На подлиннике рукой Врангеля сделана надпись: «Депешу кн. Макс[утову] надобно отправить тотчас же. Пришлите мне ее на просмотр, надо прибавить два слова».

Соответственно общее собрание акционеров РАК, созванное 21 апреля (3 мая) 1867 г., выделило пять человек, «которые должны составить вновь избранное правление и сверх вышеизложенных обязанностей продолжать ведение текущих дел компании»[84]. В числе этих уполномоченных были тайный советник барон Ф.П.Врангель, генерал-майор Э.И.Тилло, почетный гражданин Н.И.Любавин, вице-адмирал М.Д.Тебеньков и коллежский асессор Н.Н.Анциферов[85].

Между тем события развивались столь стремительно, что бюрократическая машина царского самодержавия не всегда могла за ними поспеть. Впрочем, предприимчивые калифорнийцы не ожидали формальной передачи Русской Америки Соединенным Штатам, а торопились приступить к немедленному освоению своих будущих владений, чтобы успеть нажиться на спекуляциях землей и имуществом во владениях РАК.

«Как только в Сан-Франциско стало известно о договоре,— сообщал Э.А.Стекль А.М.Горчакову, — внимание американских спекулянтов обратилось к эксплуатации проданной территории»[86]. 15 мая 1867 г. государственный департамент получил две телеграммы. Одну — из Нью-Йорка от Стекля о том, что Александр II ратифицировал договор о продаже Аляски, а вторую — из Сан-Франциско от сенатора Дж.Коннесса и одного из крупнейших коммерсантов этого города Бена Холледея о намерении калифорнийцев отправить в Ситху пароход с различными товарами и о возможности сделать это до официальной передачи территории правительству США[87].

Соответственно У.Сьюард попросил Э.А.Стекля послать местным властям в Русской Америке инструкции, «которые позволили бы дать положительный ответ» на обращение калифорнийцев[88]. Принимая во внимание, что договор был уже ратифицирован, и учитывая интересы самих жителей русских владений в Америке, посланник решил взять на себя ответственность и направить через российского консула в Сан-Франциско Клинковстрёма предписание Д.П.Максутову о свободном доступе в Ново-Архангельск американских судов и товаров. Во избежание недоразумений Стекль в беседе со Сьюардом оговорил, что допуск в русские порты разрешается только для «американских судов, груженных американскими

---

[84] **Журнал общего собрания акционеров РАК, 21 апреля (3 мая) 1867 г., № 1** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 104–105.

[85] **ГП РАК — М.Х.Рейтерну, 26 апреля (8 мая) 1867 г., № 239** // Там же. — Л. 77.

[86] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 15(27) мая 1867 г., № 16** // АВПРИ. — Ф. К. — 1867 г. — Д. 167. — Л. 77–80 (подлинник). Англ. пер.: **The Alaska Treaty.** — P. 118–119.

[87] **RA.** — P. 11, 14.

[88] **У.Сьюард — Э.А.Стеклю, 20 мая 1867 г.** // RA. — P. 13–14; **FRUS.** — 1867. — Vol. 1. — P. 400–401.

товарами и отправляющихся из портов Соединенных Штатов с таможенными сертификатами, должным образом заверенными русским консулом». Об этих условиях Стекль сообщил телеграммой на Ситху, а Сьюард — в Сан-Франциско[89].

Поясняя свои действия в письме В.И.Вестману, Э.А.Стекль высказывал мнение, что России необходимо или произвести значительные расходы по снабжению колоний в Америке, или открыть их порты для свободной торговли. «Этот последний метод нам больше всего подходит. Соответственно,— сообщал Стекль,— я не колеблясь удовлетворил просьбу г-на Сьюарда»[90]. Остается добавить, что Александр II одобрил все то, что было сделано Стеклем для открытия портов Русской Америки[91].

После ратификации 3(15) мая трактата об уступке Русской Америки А.М.Горчаков сообщил М.Х.Рейтерну, что «меры, необходимые к исполнению договора, до министерства иностранных дел более не относятся и что высочайшее указание относительно этих мер должно быть испрошено» министром финансов. Вслед за этим М.Х.Рейтерн поручил управляющему своей канцелярией Д.Кобеко и вице-директору департамента мануфактур и торговли Ермакову вместе с уполномоченным от РАК «сообразить, по каким именно предметам и какие меры следует принять по случаю уступки Северо-Американских колоний». Вместе с тем министр финансов связался с Н.К.Краббе по поводу выделения представителя морского министерства «в помянутое совещание» и назначения «одного из комиссаров, которым на основании трактата должна быть поручена сдача колоний»[92]. В соответствии с этой просьбой Н.К.Краббе выделил управляющего канцелярией действительного статского советника М.Пещурова и капитана 2-го ранга А.Пещурова[93].

Что касается назначения специального правительственного комиссара для передачи Русской Америки Соединенным Штатам,

---

[89] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 15(27) мая 1867 г., № 16** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 77–80; **Э.А.Стекль — Клинковстрёму, 20 и 25 мая 1867 г.** // Там же. — Л. 86, 87; **Э.А.Стекль — У.Сьюарду, 22 мая 1867 г. и др.** // RA. — P. 14; **FRUS.** — 1967. — Vol. 1. — P. 401; **The Alaska Treaty.** — P. 118–119. Переписка по этому вопросу отложилась также в: **NARS.** — RG. 59. — Notes from Russia. — Vol. 6; **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 256–257, 258, 259, 262, 268.

[90] **Э.А.Стекль — В.И.Вестману, 15(27) мая 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. К. — 1867 г. — Д. 167. — Л. 207–208 (англ. пер.: **The Alaska Treaty.** — P. 120).

[91] **МИД — Э.А.Стеклю, 12(24) июля 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. К., 1867 г. — Д. 167. — Л. 284; **NARS.** — RG. 59. — Notes from Russia. — Vol. 6.

[92] **Доклад М.Х.Рейтерна Александру II, 5(17) мая 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 98.

[93] **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 435.

то, «признавая необходимым», чтобы уполномоченный «отправился в путь безотлагательно», М.Х.Рейтерн просил Н.К.Краббе как можно скорее уведомить его о назначенном для этой цели лице, «дабы я мог дать ему средства ознакомиться здесь с положением дела Русской Американской компании и принять участие в составлении проекта инструкции, которой он будет снабжен»[94].

Как видно из помет Н.К.Краббе на оригинале письма министра финансов, выбор пал на командира броненосного фрегата «Минин» капитана 2-го ранга А.А.Пещурова. 15(27) мая об этом было доложено Александру II, и на следующий день Н.К.Краббе сообщал М.Х.Рейтерну о необходимости выделения средств для поездки правительственного комиссара в Америку. «Что же касается до личности г-на Пещурова, — сообщал Н.К.Краббе в специальной приписке, — то позволю себе рекомендовать его как отличного, способного и вполне благонадежного офицера»[95].

Комитет, состоявший из представителей от двух министерств (морского и финансов) и уполномоченных от РАК, заседал с 1(13) мая по 2(14) июня 1867 г. и представил две записки: о мерах по приведению в исполнение договора об уступке колоний; о средствах вознаграждения Российско-американской компании.

Население Русской Америки, «кроме туземцев», разделялось на две категории: лиц на службе компании и работавших по контракту, подлежавших вывозу в Россию: колониальных граждан и креолов. Кроме того, в колониях проживали еще 4276 православных алеутов. В целом крещеное население Русской Америки оценивалось в 12 тыс. человек, из которых русских было не более 800 человек[96].

Расходы по вывозу русских с семействами (812 человек) определяли в 617 тыс.руб. РАК также соглашалась взять на себя издержки по вывозу тех лиц, «которые окончат срок своей службы в нынешнем году и должны быть вывезены за счет компании» (39 400 руб.).

---

[94] **М.Х.Рейтерн — Н.К.Краббе, 13(25) мая 1867 г., № 1554** // Там же. — Д. 413. — Л. 6.

[95] **Н.К.Краббе — М.Х.Рейтерну, 16(28) мая 1867 г., № 2419** // Там же. — Д. 412. — Л. 110–111. Позднее управляющий морским министерством «приказать изволил капитана 2-го ранга Пещурова на время командировки в Америку оставить при занимаемой им должности командира строящегося броненосного корвета "Минин"» (**Там же.** — Д. 413. — Л. 7). Об Алексее Алексеевиче Пещурове см. **Общий морской список.** — Часть XI. — СПб., 1900. — С. 187–188.

[96] См. **«О мерах к приведению в исполнение трактата об уступке русских колоний в Америке правительству Северо-Американских Соединенных Штатов»** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 135–156; **Сводный обзор канцелярии министерства финансов по делу о приведении в исполнение договора 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 431–480.

Что касается «колониальных граждан» и креолов, то «стоимость их вывоза не может быть определена». Как считал комитет, «всего удобнее переселить их в Приамурский край с сохранением им пожизненно теперешних их прав и предоставлением других льгот и пособий по усмотрению правительства. Мера эта представляется выгодной потому, что она соответствовала бы видам правительства о заселении Приамурского края, уменьшила бы значительные издержки по переселению и добавила бы этому новому краю работников, привыкших к тамошнему климату». Желающих покинуть Русскую Америку обрусевших алеутов, «издавна принявших православие», рекомендовалось переселить на Командорские или Курильские острова[97].

Направляемому в Русскую Америку уполномоченному поручалось «наблюдать, чтобы колонии были обеспечены всеми потребностями по день сдачи каждой отдельной местности американскому правительству», «содействовать скорейшему вывозу русских из колоний», а также «защищать интересы, имущество и права собственности находящихся в колониях русских подданных»[98].

Между тем посланник Соединенных Штатов в С.-Петербурге К.Клей обратился к уполномоченным РАК «с предложением о продаже Калифорнийской меховой компании всего в совокупности... компанейского движимого имущества, как то товаров, припасов и судов». Опасаясь, что в случае продажи судов и припасов чрезвычайно возрастут издержки по вывозу служащих компании (суда и продовольствие в Калифорнии и Виктории стоили значительно дороже), уполномоченные РАК не решились «приступить к переговорам с генералом Клеем о цене и способах уступки колониального движимого имущества» и запросили на этот счет мнение М.Х.Рейтерна[99].

Министр финансов не усмотрел препятствий к переговорам «о цене и способах уступки Калифорнийской меховой компании колониального движимого имущества» с условием, «чтобы комиссару предоставлено было право оставлять за счет правительства» всякую собственность РАК и особенно продовольственные запасы, «необходимые для обеспечения населения», и кругосветные суда для вывоза жителей[100].

Учитывая состоявшийся в Вашингтоне обмен ратификационными грамотами и сообщение Э.А.Стекля о том, что «американское правительство ожидает прибытия нашего комиссара, для чего уже и приготовлены в Сан-Франциско суда», М.Х.Рейтерн представил

---

[97] **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 48–49.

[98] **АВПРИ.** — Ф. Гл. Архив 1–9, 1837–1858 гг. — Д. 4. — Л. 155–156.

[99] **Уполномоченные РАК — М.Х.Рейтерну, 7(19) июня 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 268–269.

[100] **Там же.** — Л. 439.

13(25) июня записку, в которой рекомендовал принять следующие меры:

1) В качестве комиссара от правительства России «ныне же направить в Америку» капитана 2-го ранга А.А.Пещурова.

2) Уполномочить его «действовать в колониях на основаниях, подробно изложенных в прилагаемом проекте предписания».

3) Выделить для него соответственно уведомлению Н.К.Краббе «сверх внутреннего содержания по чину» подъемных 450 червонцев, путевых 650 червонцев, суточных на год 1080 ф. ст., разъездных 2500 руб. и 3 тыс. руб., на представительство.

4) Предложить руководству РАК «дать Главному правителю колоний предписание об исполнении всех требований капитана 2-го ранга Пещурова».

5) «На расходы по приведению в исполнение трактата» предусматривалось открытие Э.А.Стеклю кредита в 100 тыс. долл.[101]

Получив царскую санкцию, М.Х.Рейтерн известил Н.К.Краббе и приступил к практическому осуществлению принятых решений. 19 июня (1 июля) 1867 г. министерство финансов сообщило об открытии Э.А.Стеклю в банкирском доме «Шепелер и К°» в Нью-Йорке кредита в 100 тыс. долл. и выписке первых векселей на имя А.А.Пещурова[102]. Инструкция, данная Рейтерном Пещурову, учитывала предварительные результаты работы упоминавшегося комитета. «По получении настоящего предписания» капитан II ранга должен был отправиться в Вашингтон, явиться к Стеклю, с его помощью установить контакт с комиссаром, назначенным американским правительством, и договориться «о порядке действий, времени и постепенности передачи отделов колоний и самих зданий без стеснения русского населения в колониях и Российско-американской компании»[103].

---

[101] **М.Х.Рейтерн — Александру II, 13(25) июня 1867 г.** // Там же. — Л. 277–278.

[102] **М.Х.Рейтерн — Н.К.Краббе, 17(29) июня 1867 г.** // Там же. — Д. 413. — Л. 6; Д. 412. — Л. 302.

[103] **М.Х.Рейтерн — А.А.Пещурову, 17(29) июля (правильно июня) 1867 г., № 2172** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 74–79 (англ. пер.: **The Alaska Treaty.** — P. 125–128). Публикуя этот документ, Д.Х.Миллер утверждал, что А.А.Пещуров его не получил, и ссылался при этом на письмо от 26 сентября 1867 г., хранящееся в отделе рукописей Библиотеки конгресса США (см. **Ibid.** — P. 129). При проверке оказалось, однако, что в нем речь идет совсем о другом — об окончательных инструкциях в отношении духовенства и расчетов с РАК. «Весьма жаль, — писал Пещуров, — что министр финансов, как видно из телеграммы, полученной сегодня от г. Бодиско, до сих пор не прислал чиновника с окончательными инструкциями насчет духовенства и расчетов правительства с Российско-американской компанией» (**А.А.Пещуров — Э.А.Стеклю, 13(26) [так в документе] сентября 1867 г.** // LC. MD. — Russian

Русские подданные, желавшие покинуть колонии, отправлялись «в Россию на компанейских или зафрахтованных компанией кораблях». Что касается «военных чинов», то их надлежало «в самом непродолжительном времени отправить на компанейском корабле в Приморскую область Восточной Сибири». Дома, построенные в колониях частными лицами или подаренные им компанией, должны были составить собственность этих лиц. «Как вообще компанейское имущество воздвигалось по мере надобности, единственно для удовлетворения потребностей компании, так что число жилых зданий соответствовало числу жителей, а компанейские магазины — количеству вмещающихся в них товаров и запасов, то имеете Вы, — указывал М.Х.Рейтерн, — войти с комиссаром американского правительства в соглашение относительно последовательного порядка и времени передачи строений, так чтобы сроки этой передачи были назначены без стеснения служащих в колониях лиц, населения и компании»[104].

Наконец, в случае возникновения «каких-либо недоразумений» с американским комиссаром А.А.Пещурову следовало «испрашивать... разрешение посланника в Вашингтоне». Министр финансов обещал также сообщить в дальнейшем «окончательное решение правительства по всем вопросам по приведению в исполнение трактата об уступке колоний, реализации компанейского имущества и прекращении действия компании» через специально командируемое в колонии лицо.

Наряду с правительственным комиссаром в Америку был направлен еще один специальный представитель — капитан 2-го ранга Ф.Ф.Коскуль, который должен был представлять интересы Россий-

---

Reproductions. — Box I (N 166)). Малозначительная, на первый взгляд, ошибка привела Д.Х.Миллера к не вполне правильному заключению о принадлежности отдельных строений РАК в Ново-Архангельске и ввела в заблуждение других американских исследователей (**Jensen R.J.** The Alaska Purchase and Russian-American Relations. — Seattle, 1975. — P. 101–102, 160 etc.). Американские ученые не обратили внимания, что в самом тексте инструкции указывалось, что «по получении настоящего предписания», т.е. уже получив инструкцию, А.А.Пещуров должен был отправиться в Вашингтон. Кроме того, дата, поставленная на документе, по-видимому, указана ошибочно («июль» вместо правильного «июнь»). Во всяком случае это предписание прилагалось к докладу М.Х.Рейтерна царю от 13(25) июня 1867 г., где оно было помечено июнем (**АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 279–284; Д. 410. — Л. 26–32).

[104] Именно на этом основании Д.Х.Миллер и другие американские исследователи считали, что все здания и сооружения РАК должны были перейти к США. См. **The Alaska Treaty.** — P. 127. — Note 1. В действительности в ходе последующих переговоров Стекля и Пещурова в Вашингтоне этот пункт был решен в пользу РАК.

ско-американской компании. Руководство РАК снабдило его специальными инструкциями, поручив вести переговоры в Сан-Франциско с «дирекцией Калифорнийской меховой компании» об уступке ей своего имущества, а затем вместе с главным правителем Русской Америки принять меры для вывоза и снабжения компанейских служащих и продажи оставшихся товаров. Коскуль должен был разъяснить, «какие именно из принадлежащих компании зданий... подлежат передаче правительству Соединенных Штатов», и предложить ему приобрести имеющуюся там мебель, а также «машины, приспособления и разные необходимые инструменты»[105].

От посланника США в С.-Петербурге К.Клея было получено рекомендательное письмо г-ну Секоле для переговоров «относительно продажи Калифорнийской меховой компании всего того имущества», которое не будет нужно для приведения в исполнение договора с США. «Продажа имущества должна быть произведена не иначе, как на наличные деньги или же на краткосрочные векселя (от 3 до 6 месяцев)». В случае неудачи Ф.Ф.Коскулю поручалось «продать компанейское имущество и товары тем способом», какой он признает наиболее выгодным.

Окончательную ясность с инструкцией М.Х.Рейтерна А.А.Пещурову вносит уже первое донесение правительственного уполномоченного из Вашингтона от 3(15) августа 1867 г. «Во исполнение предписания в.пр-ва № 2172 (ясно, что «предписание» было известно комиссару.— *Н.Б.*) имею честь донести, — сообщал А.А.Пещуров,— что я прибыл в Нью-Йорк 12-го июля (это исключает возможность того, что «предписание» было подписано 17(29) июля! — *Н.Б.*). Но за отсутствием из Вашингтона государственного секретаря Соединенных Штатов и генерала Руссо, комиссара со стороны федерального правительства, не мог быть представлен здешнему правительству ранее конца прошлого месяца.

По предъявлению чрезвычайному посланнику и полномочному министру нашему в Вашингтоне инструкций, данных мне в.пр-вом, тайный советник Стекль нашел полезным сделать из них извлечение всего того, что касалось собственно передачи колоний американскому правительству, и с некоторыми к нему дополнениями составил по соглашению с государственным секретарем правила, которыми я должен руководствоваться при формальной сдаче колоний. Господин посланник сообщил мне, что он посылает в.пр-ву копию этих дополнительных инструкций, равно как перевод их на английский язык и копию с инструкций, данных федеральным правительством генералу Руссо. Из этих документов в.пр-во изволите усмотреть, что вопросы, подлежавшие решению в Вашингтоне, раз-

---

[105] **РАК — Ф.Ф.Коскулю, 27 июня (9 июля) 1867 г., № 182** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 286–292.

решены в нашу пользу, и надо надеяться, что условия раздела между недвижимым имуществом, подлежащим передаче американскому правительству и остающимся в пользу частных лиц, дадут возможность Российско-американской компании реализовать ее собственность без стеснения и потерь.

Дома, занимаемые причтами и принадлежащею к ним землей, остаются собственностью русской церкви. Кроме того, господин Сьюард лично рекомендовал генералу Руссо оказать возможное содействие к лучшему устройству церковной собственности.

Американское правительство не встречает препятствий к тому, чтобы нашим комиссаром была совершена формальная передача лишь Ситхи и Кадиака, и о сдаче отделов колоний местной администрацией генералу Руссо предоставлено войти со мной в соглашение на месте.

Так как Российско-американская компания до настоящего времени не открыла никакого кредита своему уполномоченному капитану 2 ранга Коскулю, то я просил тайного советника Стекля отпустить мне двадцать пять тысяч долларов как на удовлетворение содержанием колониального духовенства, так и на расходы по отправленного в Россию гарнизона и выкуп марок, находящихся на руках солдат, ежели ко времени прибытия комиссара в колонии уполномоченный компании не получит достаточных для того денежных средств.

Что касается до Ситхинского гарнизона, то, полагая, что американские войска будут в Ново-Архангельске около половины октября, его, вероятно, можно будет отправить из Ситхи в ноябре месяце. Мне кажется, было бы полезно поэтому теперь же сообщить генерал-губернатору Восточной Сибири, что Ситхинский гарнизон прибудет в Новгородскую гавань Приморской области в конце текущего года, дабы еще до закрытия навигации могли быть сделаны из Николаевска-на-Амуре необходимые распоряжения к помещению и продовольствию этих людей. Генерал Руссо отправляется в Сан-Франциско на пароходе 9(21) августа. Капитан 2 ранга Коскуль и я будем следовать в Калифорнию на том же судне, и генерал Руссо имеет приказание перевести нас из Сан-Франциско в Ситху на американском военном судне, которое будет там для него приготовлено»[106]. Текст приводимого здесь донесения позволяет снять все сомнения по поводу инструкций и действий комиссаров обоих правительств. Находит объяснение текстуальная близость их инструкций: они составлялись «по соглашению» Стекля со Сьюардом. Соответственно 13 августа 1867 г. У.Сьюард переслал инструкции Л.Х.Руссо Э.А.Стеклю, а последний в тот же день направил государственному

---

[106] **А.А.Пещуров — М.Х.Рейтерну, Вашингтон, 3(15) августа 1867 г., № 61** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 376–377.

секретарю свои предписания А.А.Пещурову[107]. Обоим комиссарам поручалось выполнить возложенное на них поручение в самом благожелательном духе, и У.Сьюард выражал, в частности, надежду, что сношения правительственных комиссаров будут «дружественными, учтивыми и откровенными»[108].

Когда А.А.Пещуров и Ф.Ф.Коскуль уже находились в Америке и в Вашингтоне завершалась выработка процедуры передачи Русской Америки Соединенным Штатам, в С.-Петербурге разразился межведомственный конфликт, грозивший поставить под сомнение всю предшествующую работу. Дело в том, что М.Х.Рейтерн, получив в мае 1867 г. санкцию на принятие мер по практическому исполнению договора, действовал вместе с Н.К.Краббе и уполномоченными РАК вполне самостоятельно. Срочность отправки в США правительственного уполномоченного не позволила ему своевременно информировать А.М.Горчакова о всех предпринятых им решениях, и лишь 20 июля (1 августа) «управляющий министерством финансов» направил канцлеру бумаги, подготовленные комитетом для обсуждения мер «к приведению в исполнение трактата об уступке русских колоний в Америке»[109].

Раздраженный А.М.Горчаков счел нужным заявить, что, поскольку «все дела, касавшиеся Российско-американской компании, были всегда обсуждаемы и решаемы» с участием МИД, он не может не сожалеть, что «в настоящем случае в вышеозначенный комитет не был приглашен депутат от этого министерства, тем более, что цель комитета состояла в обсуждении мер о приведении в исполнение международного акта»[110]. Канцлер отмечал также, что МИД не нашел возможным согласиться с сущностью некоторых «предпо-

---

[107] **Э.А.Стекль — У.Сьюарду, 13 августа 1867 г. с приложением инструкций А.А.Пещурову, состоявших из 9 пунктов; У.Сьюард — Э.А.Стеклю, 13 августа 1867 г. с приложением инструкций генералу Руссо от 7 августа 1867 г.** // FRUS. — 1867. — Vol. 1. — P. 404–405. Э.А.Стекль направил 3(15) августа соответствующее донесение М.Х.Рейтерну (№ 116) вместе с копиями инструкций А.А.Пещурову и генералу Л.Х.Руссо. См. **АВПРИ**. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 357–363, 364–366, 372–375: см. также **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 3(15) августа 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. К., — 1867 г. — Д. 167. — Л. 235–240.

[108] **У.Сьюард — Л.Х.Руссо, 7 августа 1867 г.** // FRUS. — 1867. — Vol. 1. — P. 405; **АВПРИ**. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 374.

[109] **Управляющий министерством финансов — А.М.Горчакову, 20 июля (1 августа) 1867 г., № 2624** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 80.

[110] **А.М.Горчаков — управляющему министерством финансов, 5(17) августа 1867 г., № 2607** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 329. **Направлено вел. кн. Константину, Н.К.Краббе, М.Х.Рейтерну, П.П.Гагарину и др.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 81.

ложений означенного комитета», и прилагал записку, подготовленную в Азиатском департаменте.

В этом документе был подвергнут детальному анализу сам формальный статус РАК и сделан вывод, что никакого юридического продления ее полномочий в середине 60-х годов не состоялось, а компания продолжала действовать на основании старого устава 1844 г. Возражал МИД и против вывоза из колоний служащих РАК за счет правительства, а в целом интересы компании и правительства не рассматривались А.М.Горчаковым как идентичные; деятельность комиссара «должна быть исключительно правительственная», и в случае недоразумений ему следует обращаться к Э.А.Стеклю. «Не разделяя основной мысли о существовании какой-либо солидарности между правительством и большей или меньшей выгодностью ликвидации дел компании, министерство иностранных дел полагало, что главной целью правительства должно быть самое строгое невмешательство со стороны императорского комиссара в дела промышленные и торговые, дабы не навлечь каких-либо пререканий об убытках, понесенных по его распоряжениям, которые ввиду этого должны быть всегда основаны на точном смысле законов и буквальном смысле трактата»[111].

Назревавший конфликт удалось, впрочем, сравнительно быстро уладить. Ознакомившись с этим делом, вел. кн. Константин «приказать соизволил не делать в настоящее время никаких распоряжений по отзыву государственного канцлера о мерах по приведению в исполнение трактата об уступке русских владений в Америке правительству Американских Соединенных Штатов... Его высочество желает сам присутствовать в комитете министров, когда там будет слушаться это дело»[112].

Пошел на все необходимые изменения состава комитета и М.Х.Рейтерн, предложивший включить в него представителей от МИД (им стал вице-директор Азиатского департамента А.С.Энгельгардт), Святейшего синода, а также сведущего юриста (от II отделения собственной е.и. в-ва канцелярии был назначен действительный статский советник Даневский). Председателем комитета стал директор департамента мануфактур и торговли А.И.Бутовский[113].

Все это уже мало затрагивало реальные события, происходившие в другом полушарии. 31 августа 1867 г. генерал Руссо вместе с двумя русскими уполномоченными — Пещуровым и Коскулем —

---

[111] **Там же.** — Л. 82–94; Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 330–342.

[112] **Записка от 1(13) сентября 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 410. — Л. 33. Ранее на письме А.М. Горчакова вел. кн. Константин сделал надпись: «Поговорить на Рюрике» (**Там же.** — Л. 34).

[113] См. **М.Х.Рейтерн — Александру II, 13(25) октября 1867 г.** // Там же. — Д. 412. — Л. 400. О назначенных в состав комитета см. Л. 405, 406, 407.

отправились из Нью-Йорка в Калифорнию через Панаму. В Сан-Франциско они прибыли 22 сентября и были встречены артиллерийским салютом. Генерал Г.У.Халлек уже сделал все необходимые приготовления к оккупации новой территории, и пять дней спустя на военном корабле «Оссипи» уполномоченные обеих стран отправились на о-в Ситха[114].

Из письма А.А.Пещурова Э.А.Стеклю в сентябре 1867 г. видно, что представитель американской компании в Сан-Франциско Боум купил у главного правителя Русской Америки Д.П.Максутова «ледники и все принадлежности для добывания льда», внеся за них «до 20 тыс. рублей» и подписав 5 июня «формальный договор». На основе бесед с Боумом Пещуров сообщал также, что нахлынувшие в Ново-Архангельск американцы «и самые жители Ситхи разобрали все земли в городе и окрестностях и занесли свои претензии на эти земли в маклерскую книгу в конторе Российско-американской компании»[115].

Торговец пушниной из Виктории (Британская Колумбия) Л.Босковитц заинтересовался покупкой в русских колониях мехов. Д.П.Максутов предложил продать все запасы имевшейся на складах в Ново-Архангельске пушнины, но осторожный торговец купил только 16 тыс. котиковых шкур по 40 ц. за штуку. В Виктории же они продавались по 2–3 долл., и, когда Босковитц захотел скупить все оставшиеся меха, выяснилось, что Максутов уже получил предписание вообще их не продавать[116].

Позднее, в октябре 1867 г., американцам были проданы также корабли компании «Константин», «Цесаревич», «Меншиков», «Политковский», которые еще долго служили напоминанием о времени существования русских владений в Америке[117].

6(18) октября 1867 г. в 11 часов утра после трудного морского путешествия генерал Руссо, Пещуров и Коскуль прибыли наконец в Ново-Архангельск (Руссо страдал морской болезнью и с трудом перенес путешествие по океану, который, хотя и называется «Тихим», всегда отличался бурным и коварным нравом). Ранее, 10 октября, на Ситху прибыл пароход «Джон Л.Стефенс» с 250 американскими солдатами во главе с генералом Дж.Дэвисом. Уполномоченные обеих стран решили не терять времени, и в тот же день, 6(18) октября 1867 г., в 15 час. 30 мин. началась торжественная

---

[114] **Л.Х.Руссо — У.Г.Сьюарду, Портленд, 5 декабря 1867 г.** // FRUS. — 1868. — Vol. 1. — P. 475.

[115] **А.А.Пещуров — Э.А.Стеклю, Сан-Франциско, 13(26) [так в документе] сентября 1867 г.** // LG. MD. — Russian Reproductions. — Box I (N 166).

[116] **Pierce R.A.** Alaska's Russian Governors: Prince D.P.Maksutov // AJ. — 1973. — Winter. — Vol. 3. — N 1. — P. 24.

[117] **Pierce R.A.** Alaskan Shipping, 1867–1878: Arrivals and Departures at the Port of Sitka. — Kingston, 1972. — P. VII, 4.

передача Русской Америки Соединенным Штатам. На площади перед резиденцией главного правителя были выстроены войска и под орудийные салюты состоялась церемония спуска русского флага и поднятия американского. В следующий понедельник (21 октября) капитан А.А.Пещуров, генерал Л.Х.Руссо и Д.П.Максутов приступили к работе по определению характера имущества компании, выдаче сертификатов частным владельцам, составлению описей и т.д.[118]

Генерал Руссо так торопился закончить свою миссию и как можно скорее вернуться в США, что от поездки на о-в Кадьяк сразу же отказался. 14(26) октября оба уполномоченных смогли подписать официальный протокол, в котором, наряду с переходом территории Аляски к США, была зафиксирована передача генералу Руссо «бумаг и документов» колониального архива. Уполномоченному Соединенных Штатов передавались также укрепления и общественные здания, включая дом главного правителя, верфи, склады, казармы, батареи, госпиталь и школа в Ново-Архангельске, зафиксированные в списке «А». Церкви и дома церковных служителей по списку «В», как и предусматривалось в договоре, оставались собственностью прихожан. В списке «С» перечислялись лица (всего 20 человек), получившие свидетельства на полную собственность их домов и земель, а в списке «D» упоминались все другие домовладельцы (без земли). Что касается собственности компании на о-ве Кадьяк, которая передавалась США, то ее включили в перечень «Е»[119].

Комментируя подписанный протокол, А.А.Пещуров сообщал, что оба комиссара «согласились окончательно признать частной собственностью все непоименованное в ведомости «А», но без безусловного права на землю, на которой эта собственность находится». Учитывая американское законодательство о поземельной собственности, А.А.Пещуров полагал, что «эта уступка не послужит к уменьшению ценности строений компании». В связи с отъездом российских подданных часть зданий могла быть в будущем продана американцам. «Колониальные граждане и небольшое число казенных русских получили свидетельства на полную собственность занимаемых ими домов и земли» (in fee simple — т.е. как владение, наследуемое без ограничений).

Поскольку на о-в Кадьяк генерал Руссо ехать не хотел, а «здания, находящиеся там, весьма ничтожны», то было сочтено возможным «передать их заглазно, и они включены в ведомость, составленную князем Максутовым и приложенную к протоколу под литерой «Е». В этой же ведомости сказано, что все остальные строения на Кадья-

---

[118] См. **Л.Х.Руссо — У.Сьюарду, Портленд. 5 декабря 1867 г.** // FRUS. — 1868. — Vol. 1. — P. 475–478.

[119] Протокол от 14(26) октября 1867 г., подписанный Л.Х.Руссо и А.А.Пещуровым, вместе с прилагаемыми к нему списками «А»–«Е» см. **FRUS.** — 1868. — Vol. 1. — P. 479–484.

ке суть частная собственность». Что касается церковной собственности на Кадьяке, Уналашке и в других местах, то оба уполномоченных написали «общее письмо» генералу Дэвису, и А.А.Пещуров полагал, «что все, чем церковь наша владеет в тех местах, и даже все, что ей понадобится добавить, будет оставлено за нами»[120].

Отмечая деловой и благожелательный характер своих отношений с русскими властями на Ситхе, генерал Руссо указывал, что в духе либеральности «причал и несколько ценных складов» были включены русским уполномоченным для передачи США. «Как в причале, так и в складах наши люди чрезвычайно нуждались». В этом же донесении У.Сьюарду генерал Руссо с удовлетворением писал: «...С момента, когда я встретился с капитаном Пещуровым в Вашем кабинете, и до того, как мы расстались после завершения нашей работы, все наши отношения и связи друг с другом, личные и официальные, носили самый дружественный характер»[121].

В декабре 1867 г. на основе донесений А.А.Пещурова Э.А.Стекль сообщил в С.-Петербург о состоявшейся в октябре церемонии передачи русских владений в Америке Соединенным Штатам. Посланник считал в этой связи целесообразным учредить на Ситхе пост русского консула и предложил кандидатуру уполномоченного от РАК капитана Ф.Ф.Коскуля[122]. В С.-Петербурге, однако, еще ранее решили назначить консулом на Ситхе главного правителя Русской Америки Д.П.Максутова, который и был официально признан США в апреле 1868 г. Спустя некоторое время этот пост занял Ф.Ф.Коскуль[123].

Вместе с тем в мае 1868 г. министр финансов предложил отозвать А.А.Пещурова, «если это признается возможным по положению дела с передачей колоний»[124]. В июле 1868 г. Э.А.Стекль сообщал из Вашингтона: «Я вполне разделяю мнение тайного советника Рейтерна о возможности отозвать нашего комиссара из Ситхи. Насколько мне известно из последних его донесений, он успел покончить все дела, касавшиеся прямо его поручения, и был удержан на месте временного своего пребывания только необходимостью упрочить

---

[120] **А.А.Пещуров — Э.А.Стеклю, 17(29) октября 1867 г.** // LC. MD. — Russian Reproductions. — Box I (N 209).

[121] **Л.Х.Руссо — У.Сьюарду, Портленд, 5 декабря 1867 г.** // FRUS. — 1868. — Vol. 1. — P. 475–478.

[122] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 15(27) декабря 1867 г., № 37** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 104–105 (англ. пер.: **The Alaska Treaty.** — P. 142–153).

[123] **М.Х.Рейтерн — В.И.Вестману, 28 сентября (10 октября) 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 393; **NARS.** — RG 59. — Notes to Russia. — Vol. 6. — 1868, Apr. 10, Aug. 4.

[124] **М.Х.Рейтерн — В.И.Вестману, 16(28) мая 1868 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 106а — 106б.

будущность православного духовенства на новых началах. Нет сомнения, что ныне он уже успел принять меры, соответствующие этой цели, и поэтому я не полагаю, что он, получив мою депешу, замедлит своим отъездом»[125].

Действительно, уже 22 августа А.А.Пещуров смог покинуть Ситху. До отъезда он передал казенную собственность на о-ве Кадьяк американскому представителю У.Р.Смедвергу и договорился с Дж.Дэвисом, что имущество на двух других постах (Св. Николая и Константина) будет передано правительству США или любому лицу, уполномоченному для этого генералом. Пересылая У.Сьюарду соответствующее донесение А.А.Пещурова, Э.А.Стекль просил государственного секретаря официально подтвердить, что условие договора относительно передачи проданной территории выполнено «к обоюдному удовлетворению двух сторон»[126]. На основе предварительной информации У.Сьюард это подтвердил, а позднее переслал и соответствующий документ от военного министра[127].

Если с генералом Руссо у Пещурова действительно сложились хорошие деловые и даже дружественные отношения, то иначе обстояло дело с бригадным генералом Дж.Дэвисом, который командовал военным гарнизоном. Дэвис не постеснялся в присутствии русского уполномоченного заявить, что «не намерен признавать здесь существование Российско-американской компании и ее агентов». И хотя генерал Руссо «категорически объявил Дэвису о неосновательности его заявлений», последний, по всей видимости, не был склонен считаться с мнением своего старшего коллеги, который к тому же вскоре покинул Ново-Архангельск. В результате А.А.Пещуров просил содействия Э.А.Стекля, «без формальной жалобы», устроить так, чтобы государственный секретарь предписал «генералу Дэвису быть справедливым и внимательным» к представителям РАК.

Из этого же письма А.А.Пещурова видно, что трения с американскими военными возникли с самого начала. «Генерал Дэвис, начальник гарнизона, и часть офицеров находятся еще на пароходе, — сообщал русский уполномоченный, — хотя мы успели уже очистить все здания, назначенные к передаче американскому правительству. Это быстрое очищение лучших жилых домов весьма затруднило Главного правителя колоний и тех лиц, которым приходилось в здешнюю дождливую погоду выбираться из домов и большей частью

---

[125] **Э.А.Стекль — В.И.Вестману, 15(27) июля 1868 г., № 157** // Там же. — Л. 109–110.

[126] **А.А.Пещуров — Э.А.Стеклю, 28 сентября 1868 г.; Э.А.Стекль — У.Сьюарду, не позднее 5 октября 1868 г.** // The Alaska Treaty. — P. 145–146.

[127] **У.Сьюард — Э.А.Стеклю, 8 октября 1868 г.; У.Сьюард — В.А.Бодиско, 26 января 1869 г. с приложением письма военного министра от 22 декабря 1868 г.** // The Alaska Treaty. — P. 146.

на суда. Я просил, однако, князя Максутова торопиться этим делом, чтобы избежать неприятностей с генералом Дэвисом и его офицерами. Несмотря на часто повторяемые предупреждения, что в Ситхе нет свободных помещений, американцы наслали сюда целую толпу официальных лиц и до сих пор еще не принимались за возведение домов, которые они взяли из Сан-Франциско и которые, по их уверениям, должны были устранить все затруднения в размещении понаехавших гостей. Напротив, затруднения эти увеличиваются еще тем, что американцам хотелось иметь различные отдельные канцелярии и конторы»[128].

Касаясь отношения местного населения к новым властям, генерал Руссо в упоминавшемся донесении от 5 декабря 1867 г. сообщал: «Население Ситхи кажется спокойным и законопослушным. Собственно русских на острове около 500. Если наши люди будут хорошо к ним относиться, большинство из них останется гражданами Соединенных Штатов». Иной была реакция тлинкитов, один из вождей которых «раздраженно заметил, что "правда, мы разрешили русским владеть островом, но мы не намерены давать его любому и каждому сопровождающему"» (to any and every fellow that come along).

К сожалению, прогноз генерала Руссо не оправдался, и отношение новых хозяев к бывшим служащим РАК оставило желать лучшего. «Нахлынувшие сюда американцы, — свидетельствовал А.А.Пещуров, — ведут себя довольно беспорядочно, в особенности солдаты, состоящие из всякого сброда. Было уже немало случаев драки и воровства, из еще сравнительно небольшого гарнизона постоянно до 30 человек арестованных». В этом же донесении А.А.Пещуров отмечал, что из русских еще очень немногие изъявили желание остаться в колониях. «Впрочем, человек 15 приняли присягу на американское подданство»[129].

Между тем положение местного населения в бывших владениях РАК становилось все хуже, и уже к концу 1867 г. начался массовый исход русских из Ново-Архангельска. 1 ноября на пароходе «Джон Л.Стефенс» в Сан-Франциско отправилась группа бывших служащих и официальных лиц РАК, которые надеялись затем добраться на родину через Панаму. 14 декабря на корабле «Царица» в Россию через Лондон отправилось 168 русских (60 семей и большинство служащих РАК). 22 января 1868 г. на барке «Сиана» («Нахимов») в Восточную Сибирь выехали оставшиеся 69 солдат гарнизона. Наконец, 30 ноября 1868 г. более 30 человек отправились из Ново-

---

[128] **А.А.Пещуров — Э.А.Стеклю, 17(29) октября 1867 г.** // LC. MD. — Russian Reproductions. — Box I (N 209). Англ. пер.: **The Alaska Treaty.** — P. 138–140.

[129] **А.А.Пещуров — Э.А.Стеклю, 1(13) ноября 1867 г.** // LC. MD. — Russian Reproductions. — Box I (N 210). Англ. пер.: **The Alaska Treaty.** — P. 140–141.

Архангельска в Кронштадт на корабле «Крылатая стрела» («Winged Arrow»), купленном для этого в Сан-Франциско[130].

«Однако не все русские, пожелавшие выехать в Россию до истечения трехлетнего срока, — пишет С.Г.Федорова,— смогли использовать это свое право: Российско-американская компания утратила к 1869 г. свои полномочия, а русское правительство оставило этих людей без всякой поддержки... Не менее трагична и судьба тех из алеутов, которые поддались на посулы петропавловского купца Павла Леташевского и были переселены в 1869 г. с Аляски на Курильские острова, оттуда — на Сахалин, а затем вновь на Курилы...»[131] Оставшиеся по своей воле или в силу сложившихся обстоятельств русские в дальнейшем расселились по всему тихоокеанскому побережью Соединенных Штатов, включая Калифорнию.

Сложно обстояло дело и с вознаграждением самой Российско-американской компании за понесенные ею убытки. Получив сообщение о продаже русских владений в Америке Соединенным Штатам, руководство компании, естественно, не могло выступить против международного договора, заключенного правительством. Все ее помыслы сосредоточились в дальнейшем на получении возможно большего вознаграждения. Впрочем, и в этом случае возможности РАК оказались довольно ограниченными, хотя у нее всегда существовали влиятельные покровители. Одним из них оказался князь П.П.Гагарин — едва ли не самый консервативный из царских сановников, назначенный в 1864 г. председателем комитета министров и замещавший вел. кн. Константина на посту председателя Государственного совета. Глашатай интересов помещиков во время крестьянской реформы не побоялся выступить с резкой критикой действий правительства в отношении РАК. В подробной записке, сохранившейся в бумагах министерства финансов, П.П.Гагарин подчеркивал, что «правительство продало частное имущество без всякой оценки и без всякого согласия со стороны законного владельца»[132].

---

[130] **Hulley C.C.** Alaska, 1741–1953. — Portland, 1953. — P. 203–205; **Pierce R.A.** Alaska's Russian Governers. — P. 26–29; **Chevigny H.** Russian America: The Great Alaskan Venture, 1741–1867. — N. Y., 1965. — P. 259–261; **Pierce R.A.** Alaskan Shipping... — P. 7, 15.

[131] **Федорова С.Г.** Русское наследие в судьбах коренного населения Аляски // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. — М., 1981. — С. 248, 257–258.

[132] Здесь и далее цитируется записка князя П.П. Гагарина от 6(18) мая 1867 г., см. **АВПРИ**. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 481–487. Несмотря на консервативные взгляды, П.П.Гагарин был квалифицированным законодателем и правоведом. С 1862 г. он возглавлял департамент законов,и под его председательством в Государственном совете происходило обсуждение судебной реформы и принятие судебных уставов, что создало основу для развития правовой системы в России.

Знаток юридической системы царской России прекрасно понимал, что РАК, «как составленная исключительно из русских подданных, не может, конечно, предъявить, да и не предъявит никаких возражений против вышеупомянутой правительственной меры, но которая, тем не менее, очевидно и справедливо не сомневается в том, что имущественные интересы ее не будут подвержены ни малейшему ущербу».

Обращая внимание на ничтожность вырученной от продажи суммы, П.П.Гагарин считал, что правительство руководствовалось высшими политическими соображениями и общей государственной пользой, перед которыми «нельзя было останавливаться ради прав одной акционерной компании». Именно поэтому он считал, что правительство должно позаботиться, чтобы «материальные интересы компании не понесли ни малейшего ущерба», что можно достигнуть двумя путями:

«1. Передачей всей вырученной от продажи суммы (исключая покрытие прежних казенных выдач) в руки компании, предоставив ей продолжать свою деятельность на Курильских островах, оставшихся ее собственностью, и производить промысловые предприятия на всем пространстве территории, не отошедшей от России.

или 2. Если правительство хочет, не нарушая интересов акционеров, приобрести выгоду и для себя, то выкупом предприятия». При этом необходимо исходить из состояния РАК на 1(13) января 1862 г., т.е. до того, как компания понесла убытки в связи с задержкой продления ее привилегий».

По подсчету князя, в этом случае акционерам должно было быть уплачено 5678 тыс. руб. (включая дивиденды по 18 руб. на акцию за 6 лет, перевозку населения, удовлетворение колониальных служащих и т.д.). В этом случае «казна, получив 7 200 000 долларов золотом, составляющих по курсу 1 р. 60 к. 11 520 000 руб., выручит сверх того за движимость и товары, а равно запасы по снабжению колоний и промысловые товары, считая все 30% противу действительной стоимости — 1 500 000», и получит «чистую выгоду в 7 342 000 руб. сер[ебром]» (13 020 000 минус 5 678 000).

Царский сановник весьма убедительно показал справедливость своих расчетов и, в частности, отметил, что в 1862 г. РАК не имела «никакой надобности представлять баланс в преувеличенных цифрах». После 1(13) января 1862 г. «все понесенные компанией убытки произошли вследствие промедления правительством в разрешении вопроса о возобновлении привилегий».

Разумеется, было бы нереалистично полагать, что предложения П.П.Гагарина получат одобрение правительства, которое, конечно же, рассчитывало получить от продажи определенную, хотя и не слишком значительную выгоду. Первоначально комитет из представителей министерства финансов и морского ведомства

вместе с уполномоченными от РАК пришли к следующему соглашению:

1) «В вознаграждение за уменьшение ценности колониального имущества» от вынужденной продажи и прекращения привилегий выдать РАК «ту часть основного капитала, которая заключается в складочном капитале в акциях, и именно 1 222 600 руб., и сложить с компании долг казне и духовному ведомству до 560 т[ыс]. руб.».

2) «Вознаградить компанию за расходы» по нарушению контрактов со служащими, на продовольствие и перевоз жителей в Россию, «что по приблизительному расчету составит до 748 т[ыс]. руб. серебром». До утверждения этих расходов компания ходатайствовала об открытии ей кредита в 300 тыс. долл. М.Х.Рейтерн, однако, сократил эту сумму в 2 раза, оговорив, что этим отнюдь не предрешается вопрос о вознаграждении компании в будущем. Казначейство также выплатило государственному банку 205 142 руб. с процентами под учет векселей РАК, зачислив эту сумму долгом компании[133].

После того как канцлер А.М.Горчаков не согласился с рядом предложений комитета и состав последнего осенью 1867 г. был существенно пополнен представителями других ведомств, включая МИД, надежды на какую-либо щедрость правительства в отношении компании развеялись. Окончательное же решение вопроса о возмещении убытков РАК состоялось уже осенью 1868 г.

В дополнение к 150 тыс. долл., или 225 548 руб., РАК было выдано от правительства за вывоз русских подданных и другие расходы еще 503 052 руб. В вознаграждение за возможные потери в колониальном имуществе компания получала 959 716 руб.; ходатайство РАК о списании ее долгов казне и духовному ведомству было решено «оставить без последствий»[134].

В результате вознаграждение компании в сумме 959 716 руб. «за вычетом из них долгов казне и духовному ведомству» уменьшилось до 311 197 руб. «Между тем убытки компании исчислялись в 2 052 068 руб. 71 коп. серебром, а за вычетом из полученного вознаграждения 959 716 руб. остается чистого ничем не покрытого убытка 1 092 352 руб. 71 коп. серебром»[135].

В 1869 г. в Россию возвратился Д.П.Максутов, а затем и Ф.Ф.Коскуль, представивший подробный отчет о ликвидации дел компании[136].

---

[133] **М.Х.Рейтерн — Александру II, 7(19) июля 1867 г.** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 271–274. Этот доклад был основан на представлении **Ф.П.Врангеля М.Х.Рейтерну от 3(15) июля 1867 г.** // Там же. — Л. 314–315.

[134] **М.Х.Рейтерн — ГП РАК, 8(20) октября 1868 г., № 5754** // АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 181. — Л. 240–241.

[135] **Отчет уполномоченных по ликвидации дел РАК общему собранию акционеров** // Там же. — Л. 346.

[136] **Там же.** — Л. 303–317.

И хотя формально РАК продолжала существовать до 1881 г. и даже выплачивала дивиденды вплоть до 1888 г.[137], ее реальная власть в Русской Америке прекратилась в октябре 1867 г., когда в Ново-Архангельске был поднят флаг Соединенных Штатов.

4. Затянувшийся эпилог

Хотя официальная церемония передачи колоний США состоялась в Ново-Архангельске 6(18) октября 1867 г., плату за уступленную территорию Россия получила лишь год спустя. Ассигнование палатой представителей 7,2 млн. долл., предусмотренных Аляскинским договором, явилось результатом сложной закулисной борьбы, в которой участвовали не только конгрессмены, но и многие юристы, журналисты, политические и общественные деятели, не говоря уже о главных действующих лицах — У.Г.Сьюарде и Э.А.Стекле. Наконец, 14 июля 1868 г. палата представителей приняла решение о выделении требуемых денег (113 — «за», 43 — «против» и 44 члена палаты не голосовали)[138].

Сторонники договора в США торжествовали победу. Пересылая У.Сьюарду газету «Глоуб» с результатами голосования, председатель комитета по иностранным делам Н.Бэнкс сопроводил ее следующими пояснениями: «Из 44 участвовавших в голосовании 28 высказались бы за, 7 считаются сомнительными, но скорее всего голосовали бы положительно, а 11 — отрицательно; в результате окончательное голосование составило бы 151 голос за билль и 50 — против»[139].

Хотя с арифметикой у Н.Бэнкса было не все благополучно, он явно гордился результатами голосования и расценивал их и как личный триумф. Того же мнения придерживались и его друзья в Вашингтоне, прочившие ему пост посланника в России. Личные чувства и планы Бэнкса передает его письмо к жене Мэри, написан-

---

[137] **Макарова Р.В.** К истории ликвидации Российско-американской компании // Проблемы истории и этнографии Америки. — М., 1979. — С. 272. По первой ведомости за 1869–1880 гг. выплачивалось по 100 руб. за акцию 354 акционерам (7434 акции), т. е. всего 743 400 руб. По второй ведомости за 1869–1881 гг. по 7428 акциям было выплачено еще 442 800 руб. Третья уплата по 30 руб. за акцию (7379 акций) проводилась в 1871–1884 гг., когда акционеры получили 221 370 руб. И наконец, последняя выплата по 3 руб. 95 коп. за акцию состоялась в 1881–1888 гг., когда по 5225 акциям было выплачено 20 638 руб. 75 коп. (**АВПРИ**. — Ф. РАК. — Д. 416. — Л. 1–15, 16–28, 29–35, 36–38). Таким образом, всего с 1869 по 1888 г. РАК выплатила по своим акциям 1 428 208 руб. 75 коп.

[138] **CG 40th Congress.** — 2nd Session. — App. — P. 4053–4054.

[139] **Н.Бэнкс — У.Сьюарду, 15 июля 1868 г.** // RRL. UR. — W.H. Seward Papers.

ное под непосредственным впечатлением от голосования в палате: «Все друзья поздравляют меня в связи с блестящим голосованием, которое произошло у нас вчера. Мы, по существу, получили 150 голосов из 201. Все чувствуют удовлетворение... Государственный секретарь в восторге. Все говорят мне, что я должен отправиться в Россию. За обедом это стало предметом обсуждения, и все согласились, что теперь это самая лучшая миссия в Европе, наиболее интересная и важная. Таково было мнение твоего друга м-ра Стэнтона, бывшего военного министра...Все стороны в палате отдают твоему мужу заслугу в проведении законопроекта, и это рассматривается людьми, длительное время наблюдавшими за деятельностью конгресса, как знаменательный триумф»[140].

Хотя это примечательное письмо носит частный и даже личный характер, оно прекрасно передает восторг Бэнкса по случаю успешного голосования в конгрессе.

Едва ли не самым заинтересованным лицом в успешном завершении дела был Р.Дж.Уокер — влиятельный вашингтонский адвокат и бывший министр финансов. Еще в начале июля он писал Сьюарду: «Я сделал для Аляски все, что мог. Теперь еду в Нью-Йорк. «Трибуна» выскажется за Аляску. Думаю и надеюсь, что демократы поместят ее (Аляску) на своем знамени». Говоря о значении нового приобретения, Уокер отмечал, что присоединение Аляски станет величайшим актом администрации Джонсона. «Театром наших величайших триумфов призван стать Тихий океан, где у нас скоро не будет ни одного грозного европейского соперника. Конечным итогом будет политический и коммерческий контроль над миром»[141]. Как и следовало ожидать, Сьюард не мог не поделиться радостью с президентом Э.Джонсоном и сразу же переслал ему эту восторженную оценку покупки Аляски[142].

Торжествовать оказалось, однако, рано. Сенат заботился об обеспечении своих прерогатив ничуть не меньше, чем палата представителей, и принял законопроект без преамбулы, содержавшей поправку Лоуриджа[143]. Пришлось создавать согласительный комитет из представителей сената (Ч.Самнер, О.Мортон, Дж.Дулиттл) и палаты (Н.Бэнкс, У.Лоуридж, С.Рэндалл). По словам Уокера, «возникла самая серьезная трудность», и ему пришлось вновь проявить свои адвокатские способности. Для урегулирования дела он отправился к Ч.Самнеру, который всегда выслушивал его «с большим уважением» и отношения с которым были исключительно хороши-

---

[140] **Н.Бэнкс — М.Бэнкс, 15 июля 1868 г.** // LC. MD. — N. Banks Papers. — Cont. 5.

[141] **Р.Уокер — У.Сьюарду, июль (не позднее 2) 1868 г.** // LC. MD. — A.Johnson Papers. — R.33 (подлинник).

[142] **У.Сьюард — Э.Джонсону** // Ibid.

[143] **CG. 40th Congress.** — 2nd Session. — P. 4159, 4321, 4340–4341.

ми. Из показаний Уокера следовало, что сам он убежден в праве палаты «отказывать в выделении средств», необходимых для выполнения международных договоров, и подробно изложил свои взгляды по поводу «опасности разногласий между сенатом и палатой»[144].

В конечном итоге после бесед Уокера с Самнером и Стивенсом согласительный комитет перередактировал преамбулу и, по существу, устранил спорное добавление Лоуриджа. 23 июля палата, а 24 июля сенат одобрили согласованный текст законопроекта, и 27 июля он стал законом. «Дело закончено, средства выделены полностью и будут перечислены представителю Барингов (Лондонский дом «Братья Баринг и К°», который вел дела русского правительства за рубежом. — *Н.Б.*)», — телеграфировал Стекль в С.-Петербург[145]. Вслед за этим посланник направил в русский МИД конфиденциальное донесение, в котором подробно изложил историю заключения договора 1867 г. и его прохождения через конгресс.

Анализируя это донесение, нельзя не отметить явное стремление Э.А.Стекля преувеличить стоявшие перед ним трудности и соответственно свои заслуги в успешном завершении дела. «Акт продажи наших колоний, — утверждал посланник, — никогда не был популярен в Соединенных Штатах. Вся пресса высказывалась против этого территориального приобретения. Газеты всех направлений заявляли, что Соединенные Штаты, которые обладают территорией, способной прокормить население численностью в 200 миллионов, не имеют никакой необходимости расширять свои границы за счет районов, лишенных ресурсов и не пригодных для земледелия, особенно в то время, когда страна обременена колоссальным долгом».

Хотя подобные аргументы действительно приводились в прессе и в выступлениях в конгрессе, большинство газет в действительности с самого начала высказывалось в пользу присоединения, и даже главный противник покупки — «Трибуна» Грили после ратификации договора смягчила свою позицию[146]. Подчеркивая своевременность заключения договора и свою предусмотрительность, Э.А.Стекль продолжал:

«Тихоокеанские штаты, которые были больше всего заинтересованы в этом соглашении, проявляли лишь умеренный энтузиазм, и я могу заверить в.пр-во, что, если бы этот договор пришлось заключать в настоящее время, мы бы не получили одного миллиона, даже если бы нам и удалось его заключить». Не считая нужным вновь подробно обосновывать необходимость уступки русских владений в Америке, посланник ссылался на свою прошлогоднюю записку,

---

[144] **Alaska Investigation.** — P. 13.

[145] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 14(26) июля 1868 г.** // АВПРИ. — Ф. К., 1868 г. — Д. 152. — Л. 249.

[146] Подробно см. **Болховитинов Н.Н.** 1990. — С. 221–246 (гл. X. Общественность США и ратификация договора 1867 г.)

которая получила одобрение А.М.Горчакова. Вместе с тем он еще раз заверял министра, что «добросовестно выполнял свой долг верноподданного и слуги нашего августейшего государя»[147].

В тот же день — 15(27) июля — Э.А.Стекль направил в МИД России два письма (одно своему другу В.И.Вестману, другое — А.М.Горчакову) с настоятельной просьбой о предоставлении отпуска, в котором не был с 1860 г. «Я не могу дать представление о невзгодах и непониманиях (des tribulations et des désagrements), которые мне пришлось перенести до того, как закончилось это дело. Мне срочно необходим отпуск на несколько месяцев. Не говорите мне о необходимости оставаться здесь, потому что для меня нет другого места, а предоставьте возможность на некоторое время подышать в более чистой атмосфере, чем в Вашингтоне, и потом можете делать со мной, что хотите». Этот «крик души» сочетался и с более спокойной ссылкой на плохое состояние здоровья: «Мое здоровье полностью расшаталось, и мои глаза, которыми я всегда страдал, стали такими слабыми, что мне невозможно работать по ночам»[148].

Пока Стекль ожидал предоставления столь необходимого для поправки здоровья отпуска, ему пришлось заканчивать дела по договору. Уже на следующий день после выделения средств конгрессом У.Сьюард направил министру финансов официальную просьбу выписать для Э.А.Стекля ордер на 7 200 000 долл. золотом, что и было сделано 1 августа 1868 г. В тот же день Э.А.Стекль дал расписку в том, что получил в казначействе все 7,2 млн. долл. полностью[149]. Одновременно он поручил банку Риггса перевести деньги в Лондон дому «Братья Баринг и К°».

Как показало расследование, проведенное конгрессом в конце 1868 — начале 1869 г., передача денег оказалась не столь простым делом, как могло показаться на первый взгляд. По свидетельству государственного казначея Ф.Спиннера, в обмен на чек в 7,2 млн. долл., подписанный Э.А.Стеклем для Дж.У.Риггса 1 августа 1868 г., последнему были выданы два пересылочных чека в 7 млн. и в 100 тыс.

---

[147] **Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 15(27) июля 1868 г., конфиденциально** // Там же. — Л. 251–259.

[148] **Э.А.Стекль — В.И.Вестману, 15(27) июля 1868 г.; Э.А.Стекль — А.М.Горчакову, 15(27) июля 1868 г.** // Там же. — Л. 261, 263–265. В С.-Петербурге вняли просьбе Э.А.Стекля и сразу же предоставили отпуск на четыре месяца. Обрадованный посланник решил воспользоваться им уже в октябре 1868 г., как только позволят неотложные дела, которые необходимо было завершить в Вашингтоне. См. **В.И.Вестман — Э.А.Стеклю, 5(17) сентября 1868 г. (частное)** // Там же. — Л. 336; **Э.А.Стекль — В.И.Вестману, 16(28) сентября 1868 г.** // Там же. — Л. 272–273.

[149] Все соответствующие документы опубликованы: **Alaska Investigation.** — P. 5–6,9; **The Alaska Treaty.** — P.176.

долл. Риггс оставил в качестве «специального депозита» 100 тыс. долл., которые затем были переведены ему чеками в 25 тыс. (3 августа), 35 тыс. (4 августа), 20 тыс. (9 сентября) и 20 тыс. (10 сентября)[150].

Со своей стороны, Дж.У.Риггс дал показание конгрессу, что он перевел представителю компании «Братья Баринг и К°» в Нью-Йорке только 7035 тыс. долл., кроме того, по указанию Стекля выплатил 26 тыс. долл. Уокеру, остальные 139 тыс. долл. — самому российскому посланнику четырьмя частями 18 тыс., 35 тыс., 45 тыс. и 41 тыс. долл. (при переводах представителю компании Барингов Риггс получил 20-ю часть процента, или 3600 долл., за перевод всей суммы в 7200 тыс. долл.)[151].

Итак, русское правительство получило только 7035 тыс. долл., остальными распорядился Э.А.Стекль по своему усмотрению. И здесь начинаются трудноразрешимые противоречия и неясности.

В ходе расследования конгрессом было установлено: 26 тыс. долл. золотом получил адвокат русской миссии в Вашингтоне Р.Дж.Уокер, из которых он передал часть своему помощнику Ф.П.Стэнтону (5 тыс. долл. в гринбеках, или 3333 долл. золотом). 3 тыс. долл. по предложению Уокера Э.А.Стекль заплатил владельцу вашингтонской газеты «Дейли морнинг кроникл»; 1 тыс. долл. в гринбеках получил редактор газеты «Алта Калифорния» (Сан-Франциско). Наконец, около 10 тыс. долл. Э.А.Стеклю пришлось уплатить телеграфной компании «Вестерн юнион» (долг за мартовскую телеграмму 1867 г. А.М.Горчакову, поскольку госдепартамент отказался взять на себя эти расходы)[152].

Все это в целом составляет около 40 тыс. долл. В результате у Э.А.Стекля оставалось еще 125 тыс. долл. золотом (165 тыс. минус 40 тыс.). Куда же пошли эти деньги? Точный ответ дать оказалось совсем не просто.

«Вопрос о расходах, — сообщал В.А.Бодиско из Вашингтона в конце 1868 г., — был поднят сразу после билля об ассигновании, когда Уокер, ограбленный на одной из улиц Нью-Йорка (он имел при себе 16 тыс. долл.), заявил, что получил их за услуги в качестве адвоката...»

Если бы комиссия действительно «хотела до конца расследовать обвинение в коррупции, направленное против членов конгресса, она могла бы потребовать от них предстать перед ней, пропустив одного за другим всех членов палаты и сената. Она осмотрительно воздержалась от этой крайней меры». Вместо этого комиссия обратилась к русской миссии в Вашингтоне с тем, «чтобы получить разъясне-

[150] **Alaska Investigation.** — P. 7.

[151] **Ibid.** — P. 9.

[152] **Ibid.** — P. 9, 14, 15, 21 (150 долл. в гринбеках составляли в то время 100 долл. золотом).

ния, которых ей недостает, но будучи глубоко уверенной, что получит отказ». По словам В.А.Бодиско, комиссия не могла не знать, «что миссии за границей располагают фондом на разведку и что никто, кроме правительств, в ведении которых они находятся, не имеет права знать, на что они были употреблены»[153].

Сенсационное разоблачение совершенно случайно сделал позднее известный американский историк, специалист по Реконструкции Юга У.А.Даннинг, опубликовавший в 1912 г. памятную записку президента Э.Джонсона, находившуюся среди бумаг президента в рукописном отделе Библиотеки конгресса США[154]. Приведем ее полный текст:

«6 сентября в воскресенье 1868 г. м-р Сьюард и я проехали верхом семь или восемь миль по дороге, ведущей в Малсборо, Мэриленд. Около места, называемого Старые поля, мы въехали в тенистый дубовый лесок. Принимая освежающие напитки (some refreshments) во время разговора на разные темы, [государственный] секретарь спросил, приходило ли мне когда-либо в голову, как мало в конгрессе членов, чьи действия выше и независимы от денежного влияния. Я ответил, что никогда не пытался сделать это путем точного подсчета, но с сожалением признаю, что число оказалось гораздо меньшим, чем одно время я полагал. Затем он спросил, помню ли я, что выделение семи миллионов в уплату русскому правительству за Аляску находилось в подвешенном состоянии или было заблокировано в палате представителей. В то время когда выделение средств было отсрочено, русский посланник заявил мне, что Джон У.Форни сказал ему, что нуждается в 30 000 долл., так как потерял 40 000 из-за вероломного друга, и что ему необходимы 30 000 долл. золотом. Что нет шансов, чтобы палата представителей выделила средства без определенного влияния в пользу такого ассигнования. 30 000 долл. были выплачены, отсюда содействие в «Кроникл» выделению средств. Он также заявил, что 20 000 долл. выплачены Р.Дж.Уокеру и Ф.П.Стэнтону за их услуги, Н.А.Бэнксу, председателю комитета по иностранным делам, — 8000 долл. и что неподкупный Тадеуш Стивенс получил в качестве своей «*взятки*» скромную сумму в 10 000. Все суммы были выплачены русским посланником прямо или косвенно соответствующим участникам для обеспечения выделения правительственных средств, предусмотренных для уплаты России торжественным договором, уже ратифицированным обоими правительствами. Считалось, что Бэнкс и Стивенс являлись адвокатами по иску против русского правительства за оружие, кото-

---

[153] **В.А.Бодиско — А.М.Горчакову, 10(22) декабря 1868 г., № 9** // АВПРИ. — Ф. К., 1868 г. — Д. 152. — Л. 200–209 (шифр).

[154] **Dunning W.A.** Paying for Alaska // Political Science Quaterly. — 1912. — Sept. — Vol. 27. — N 3. — P. 385–386.

рое было предоставлено некоторыми нашими гражданами, — известный как иск Перкинса. Отсюда плата за их влияние в пользу выделения средств и т.д. Бэнкс был председателем комитета по иностранным делам»[155].

Трудно сказать, что входило в «освежающие напитки», которые пили на прогулке 6 сентября 1868 г. президент и государственный секретарь, и если они не освежили память Сьюарда, то явно развязали его язык, и он сообщил Джонсону поразительные сведения о вашингтонских нравах. Цифры, названные Сьюардом, хотя и не совпадают с приводимыми выше материалами расследования, но в известной мере перекликаются с ними. 20 тыс. долл. Э.А.Стекль первоначально обещал уплатить Уокеру за его услуги, а затем повысил эту сумму до 26 тыс. долл. золотом. Нельзя не отметить, что по тем временам 20 тыс. долл. золотом — огромная сумма, и щедрость Э.А.Стекля просто поразительна.

Упоминание о получении Дж.У.Форни 30 тыс. долл. во многом может объяснить его неожиданную незаинтересованность в 3 тыс. долл., которые ему предложил Уокер и которые затем были переданы Форни. Что касается Н.Бэнкса и особенно Т.Стивенса, то здесь дело обстоит сложнее. Президент Джонсон ненавидел лидера радикалов в палате, и не потому ли он с таким удовольствием записал в своем меморандуме о *взятке*, которую получил «неподкупный» Стивенс? Э.А.Стекль, действительно, был заинтересован в поддержке Бэнкса и Стивенса и неоднократно встречался с ними в ходе прохождения договора через конгресс. Но это не значит, что есть прямые доказательства, что такие взятки были даны. Особенно большие сомнения возникают в случае с Т.Стивенсом, хотя его фамилия и названа прямо. Прославленный лидер радикальных республиканцев был очень тяжело болен, а в августе 1868 г. уже находился на смертном одре. 11 августа он скончался, и вряд ли практически можно было успеть передать деньги, которые у самого Стекля оказались только после 1 августа.

Даже У.А.Даннинг, который не испытывал особой симпатии к радикальным республиканцам, выразил сомнение, что Т.Стивенс успел получить причитавшиеся ему деньги[156]. Большинство последующих исследователей выносили лидеру радикалов оправдатель-

---

[155] **LC. MD.** — A. Johnson Papers. — Vol. 145. — Folies 22539–22540. — Ser.1. — R. 34, 1868. — Sept. 6. Дж.У.Форни до 4 июля 1868 г. был секретарем сената и решительным противником президента Джонсона, а его газета печатала статьи Уокера, обосновывавшего целесообразность присоединения Аляски.

[156] **Dunning W.A.** Op. cit. — P. 397.

ный приговор[157]. Нам также представляется, что серьезных оснований подозревать его нет. Он с самого начала поддерживал договор, был сторонником экспансии и присоединения Аляски. Наконец, известно еще одно свидетельство Сьюарда, сделанное им своему ближайшему другу Джону Бигелоу 23 сентября 1868 г. Принимая бывшего посла в Париже в своем гостеприимном доме, государственный секретарь сообщил изумленному другу, что, прежде чем конгресс выделил деньги за Аляску, «20 000 долл. было дано Р.Дж.Уокеру, 10 000 долл. — его партнеру Ф.П.Стэнтону, [по?] 10 000 долл. — десяти членам конгресса и 20 000 Форни, который потерял 20 000 (40 000?) из-за растраты своего клерка. Еще 10 000 долл. предназначались Тэду Стивенсу, но никто не взялся передать ему их, поэтому я сам взялся за это. Несчастный умер, и теперь они у меня»[158].

Странно, но исследователи почему-то не обращали должного внимания, что из этого свидетельства совершенно очевидно, что Стивенс не получил причитавшихся ему денег, которые остались у Сьюарда. В этот же вечер 23 сентября Стекль был у Сьюарда, и все трое играли в карты. Почему же Сьюард сразу не вернул деньги Стеклю и какова их дальнейшая судьба? Не удалось установить и кто конкретно были те десять конгрессменов, о которых глухо упомянул словоохотливый Сьюард. Что касается Н.Бэнкса, то специально изучавший этот вопрос П.С.Холбо вынес приговор: «Не виновен, или, по крайней мере, вина не доказана»[159].

Современные историки, потратившие массу времени на исследование этого вопроса, не могли не прийти в конечном итоге к заключению: единственным человеком, который знал, куда пошли все недостающие деньги из уплаченных казначейством Соединенных Штатов, был русский посланник Э.А.Стекль, «и этот секрет он, очевидно, унес с собой»[160].

Попытки найти что-либо интересное и важное в материалах фонда Личного состава и хозяйственных дел, в частности в делах о чрезвычайных издержках миссии в Вашингтоне, окончились неудачей. В лучшем случае в этих документах упоминалось о расходах Стекля или Бодиско на поездки в Нью-Йорк и обратно в Вашингтон (144 долл.), телеграфные депеши по делам службы (148 долл.)

---

[157] **Thomas B.P.** Russian-American Relations, 1815–1867. — Baltimore, 1930. — P. 161; **Korngold R.** Taddeus Stevens. — N.Y., 1955. — P. 431–433; **Brodie F.M.** Taddeus Stevens. — N.Y., 1959. — P. 359, 416; **Holbo P.S.** Op. cit. — P. 105 etc.

[158] **The Alaska Treaty.** — P. 183. Д.Х. Миллер тщательно реконструировал свидетельство Сьюарда по оригиналу дневника Бигелоу в NYPL, MD и опубликованному варианту. См. **Bigelow J.** Retrospections of an Active Life. — Vol. 1–5. — Garden City, 1909–1913. — Vol. 4. — P. 214–217.

[159] **Holbo P.S.** Op. cit. — P. 109.

[160] **Jensen J.R.** Op. cit. — P. 127.

и т.п.[161] Ничего существенного не удалось установить и в бумагах министерства финансов в РГИА в С.-Петербурге, тем более что большинство дел, относившихся к внешней политике, в свое время были переданы в МИД.

И вдруг неожиданная удача! В делах, составляющих ныне фонд Российско-американской компании, удалось обнаружить заверенную копию письма министра финансов М.Х.Рейтерна Э.А.Стеклю о принятии отчета о сделанных им «негласных расходах» по договору от 18(30) марта 1867 г. Приводим его полный текст:

«Секретно

Милостивый государь Эдуард Андреевич!

Долгом считаю препроводить при сем к в.пр-ву список с высочайшего указа, по всеподданнейшему докладу моему 13-го сего декабря состоявшегося, о зачислении действительным расходом, удержанным в.пр-вом из числа 7 м[иллионов] 200 т[ыс]. долл., причитавш[ихся] русскому пр[авительству] по трактату с Сев[еро-] Амер[иканскими] Соед[иненными] Шт[атами] 18(30) марта 1867 г., на известное его величеству употребление 165 т[ыс]. долларов. Примите, м[илостивый] г[осударь], уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Подписано: *М.Рейтерн*

23 декабря 1868 [г.]

№ 74 Э.А.Стеклю»[162].

Далее следовала копия указа Александра II:

«Господину министру финансов

Израсходованные на известное мне употребление чрезвычайным посланником и полномочным министром в Вашингтоне тайным советником Стеклем 165 т[ыс]. долларов *повелеваю* зачислить действительным расходом.

На подлиннике собственной е.и.в-ва рукой написано: Александр. С.Петербург, 13 декабря 1868 г. Верно: Делопроизводитель (подпись неразборчива)»[163].

Вслед за этим 18(30) декабря 1868 г. начальник канцелярии министерства финансов Д.Кобеко столь же лаконично сообщил в государственное казначейство, что удержанные Э.А.Стеклем 165 тыс. долл. «ныне государем императором по всеподданнейшему докладу г. министра финансов» зачислены «действительным расходом»[164].

Формула «на известное е.и.в-ву употребление» обычно относилась к расходам секретного и деликатного характера, и мы имеем

---

[161] См. **Счет чрезвычайных по службе издержек имп. миссии в Вашингтоне на майскую треть 1868 г.** // АВПРИ. — Ф. ДЛС и ХД. — Оп. 667/1. — Д. 769. — Л. 2.

[162] См. **АВПРИ.** — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 430.

[163] **Там же.** — Л. 430 об.

[164] **Там же.** — Л. 426.

теперь прямое доказательство, что Э.А.Стекль действительно использовал эти деньги на обеспечение прохождения договора 1867 г. через конгресс. С другой стороны, все попытки найти отчет Э.А.Стекля или текст доклада М.Х.Рейтерна Александру II от 13(25) декабря 1868 г. оказались безрезультатными.

Поэтому можно лишь вновь весьма предположительно сделать подсчет «негласных расходов» Стекля на основе несовершенных и противоречивых данных расследования конгресса и свидетельств Сьюарда. При этом используется метод, впервые предложенный Д.Х.Миллером и исходивший из того, что часть платежей осуществлялась в гринбеках (а не золотом)[165]. К сожалению, свидетельство на этот счет казначея США Ф.Спиннера[166] при первоначальном расследовании не получило должного внимания, хотя оно прямо указывало, что в этом случае расходы должны были производиться только на территории США.

В общих чертах картина «негласных расходов» представляется следующей:

золотые доллары

26 тыс.	(Р.Дж.Уокер и Стэнтон)
3 »	(Д.Форни)
1 »	(М.Ноа)
10 »	(мартовская телеграмма 1867 г.)
21 667	(царская награда Стеклю и Бодиско за договор)
73 333	(плата 10 членам конгресса = 100 тыс. в гринбеках + + 10 тыс. Стивенсу (остались у Сьюарда) = 110 тыс. в гринбеках, т.е. 73 333 долл. золотом).

Всего: 165 тыс.

Общий итог при пересчете гринбеков и рублей в золотые доллары удивительно точно совпадает с 165 тыс. долл.! Однако следует учитывать, что здесь используется «лукавая цифра», когда исследователь манипулирует удобной для него статистикой и приходит к нужному выводу. Точный же ответ может быть дан только после нахождения в архивах отчета Стекля и доклада М.Х.Рейтерна царю. Но даже в этом случае критический аналитик может остаться неудовлетворенным, так как у нас нет гарантии в абсолютной честности Э.А.Стекля. Напомним, что Стекль был недоволен тем, что получил от царя за договор только 25 тыс. рублей. С другой стороны, он распоряжался 165 тыс. долл. необычайно щедро и практически бесконтрольно. Уже первое предложение оплатить услуги Уокера 20 тыс. долл. превышает всякий разумный гонорар адвокату. И хотя отчет Стекля удовлетворил царя и М.Х.Рейтерна, исключать воз-

[165] **The Alaska Treaty.** — P.192; **Jensen J.R.** Op. cit. — P. 130.
[166] **Alaska Investigation.** — P.7.

можность «приписок», конечно, нельзя. Не совсем ясна и последующая деятельность посланника.

Александр II согласился на его настоятельное прошение об отставке и наградил Стекля 20 апреля 1869 г. (ст.ст.) орденом Большого Орла. При этом ему была установлена пенсия из государственного казначейства в 6 тыс. руб. в год[167]. В 1869 г. ему было 65 лет. На русскую службу он не возвратился. О его приеме в С.-Петербурге, близких отношениях со Сьюардом и планах на будущее свидетельствует последнее известное письмо Стекля в США из С.-Петербурга от 17(29) мая 1869 г.

«Мой дорогой м-р Сьюард,

Вы, возможно, уже слышали, что я оставил свой пост в Вашингтоне. Перед отъездом я сказал Вам, что единственное событие, которое может побудить меня возвратиться, — это если Вы останетесь на своем посту. Император принял меня самым сердечным и лестным образом. Он сказал, что ценит мои услуги и опечален тем, что я покидаю Вашингтон, но что, конечно, мне полагается некоторый отпуск после долгих и тяжелых трудов в США. Он соизволил выразить надежду, что моя отставка не будет продолжительной и мои услуги снова окажутся для него полезными. Тем временем он предоставил мне очень щедрое вознаграждение. Я предполагаю отправиться путешествовать и отдохнуть в течение одного или двух лет и затем вновь поступить на службу, если в этом будет необходимость... Что касается меня, то я всегда с чувством глубокой благодарности буду помнить бесчисленные проявления доброты, которые Вы постоянно проявляли ко мне в наших официальных и частных контактах. Именно этой доброте я обязан тому, что оказал важные услуги своей стране», — писал Э.А.Стекль и выражал надежду вновь навестить в будущем Сьюарда и США, где он оставил «так много горячих и добрых друзей»[168].

Насколько можно судить по известным материалам, им так и не суждено было встретиться. У.Г.Сьюард умер в своем имении в Ауберне (Auburn) 15 октября 1872 г., а Э.А.Стекль жил в Париже вплоть до своей смерти в 1892 г.[169]

---

[167] **Аттестат от 3(15) мая 1869 г.** // АВПРИ. — Ф. ДЛС и ХД. — 1-й стол, 1869 г. — Д. 55. — Л. 11–14; **Указ Александра II от 20 апреля 1869 г. (ст.ст.)** // Там же. — Л. 4. Копия Аттестата от 3(15) мая 1867 г. была выявлена д-ром Р.В.Алленом в Библиотеке конгресса США, и мы можем подтвердить достоверность этого документа. См. также **Allen R.V.** Russia Looks at America. The View to 1917. — Wash., 1989. — P. 29–30.

[168] **Э.А.Стекль — У.Сьюарду, С.-Петербург, 17(29) мая 1869 г.** // RRL. UR. — W.H.Seward Papers. Опубликовано без даты: **The Alaska Treaty.** — P. 177.

[169] О Э.А.Стекле см. **Pierce R.A.** Russian America: A Bibliographical Dictionary. — The Limestone Press: Kingston, Ontario, Fairbanks, Alaska, 1990. — P. 486–489.

Сравнительно недавно, в августе 1998 г. в газете «Поиск» в статье «Безответная любовь, или Подробности о том, как русская земля стала американской» указывалось, что профессору права Стэнфордского университета конгрессмену Тому Кэмпбеллу принадлежит «совершенно уникальное открытие»! Он, оказывается, доказал, что деньги по договору о продаже Аляски должны были быть выплачены через 10 месяцев после обмена ратификационными грамотами, т.е. 20 апреля 1868 г., а на деле они были перечислены только 1 августа! «Дотошный профессор подсчитал, — писал далее автор статьи, — что при тогдашней процентной ставке в 5% Россия потеряла 108 493 долл.»[170] Ах, если бы открытия в науке делались так легко! Впрочем, никакого «открытия» и тем более «уникального» конгрессмен в действительности не сделал, так как в научной литературе это было давно известно. Более того, приехав в Вашингтон осенью 1869 г., новый российский посланник К.Г.Катакази передал в государственный департамент специальный меморандум, в котором прямо указывалось, что из-за задержки в три месяца и шесть дней при обычных 6% годовых России дополнительно причитается сумма в 115 200 долл. Никто в США, включая сменившего У.Сьюарда нового государственного секретаря Г.Фиша, не оспаривал законности требований этой суммы, но для ее выплаты необходимо было решение палаты представителей[171]. Новое обсуждение деликатной темы могло вновь возродить так называемый «иск Перкинса»[172], который продолжал отравлять русско-американские отношения со времен Крымской войны, и стороны предпочли этот вопрос отложить.

---

[170] **Поиск**, 8–21 августа 1998. — № 33–34 (статья Валерия Новикова). О ряде уточнений см. **Болховитинов Н.Н.** Зачет по истории не принят // Поиск, 22 августа — 4 сентября 1998. — № 35. — С. 15.

[171] **NARS.** — RG. 59. — Notes from the Russian Legation. — Vol. 6 (M. 39. — R. 4). **The Alaska Treaty.** — P. 194–196.

[172] Подробнее см. **Болховитинов Н.Н.** 1990. — С. 284–286, 290–293 и др.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Продажа Аляски оказалась большой неожиданностью. Хотя обсуждение вопроса продолжалось около 15 лет, оно происходило в строжайшей тайне, а о ходе переговоров, которые привели к заключению договора от 18(30) марта 1867 г., была осведомлена очень ограниченная группа лиц. В результате известие о продаже произвело настоящую сенсацию и первоначально ему даже не хотели верить.

Однако, поскольку решение было принято на правительственном уровне и оформлено в виде международного договора в России (в отличие от Соединенных Штатов), оно оказалось фактически вне критики. После подтверждения известия о продаже в русской печати практически не появилось каких-либо критических замечаний, а строгая цензура вообще исключала какое-либо серьезное обсуждение вопроса. И хотя известны высказывания отдельных оппонентов, начиная от министра внутренних дел графа П.А.Валуева, или сотрудника Азиатского департамента МИД Ф.Р.Остен-Сакена, но их замечания (как и других противников продажи) так и остались мнениями частных лиц, которые не имели практического значения и высшему начальству о них ничего не было известно[1].

Отсутствие в России достоверной информации о действительных причинах сделки привело к распространению в дальнейшем всякого рода легенд и слухов. Говорилось об очевидной ошибочности продажи Аляски, писали о «позорном решении царского правительства, о взятках в С.-Петербурге, о сдаче Аляски в аренду сроком на 99 лет и т.д. Уже в нашем веке, в годы «холодной войны» много писалось

---

[1] **Дневник П.А.Валуева.** — Т. 2. — М., 1961. — С. 195–196; **Записка Ф.Р.Остен-Сакена, вечер 16 (28) декабря 1866 г.** // АВПРИ. — Ф. Гл. Архив 1–9, 1857–1868 гг. — Д. 4. — Л. 63–64. Подробнее об откликах современников в России на известие о продаже Аляски см. Болховитинов Н.Н. 1990. — С. 247—259.

об экспансии Соединенных Штатов и открытой угрозе захвата ими русских владений в Америке.

В результате можно только удивляться, что в России вплоть до наступления эпохи гласности не было опубликовано ни одного серьезного исследования, которое было бы посвящено изучению действительной истории данной темы, если не считать небольшой и далеко не безупречной главы в книге проф. С.Б.Окуня «Российско-американская компания» (М.–Л., 1939), написанной в обычной для того времени жесткой схеме. Справедливости ради, однако, надо сказать, что именно проф. С.Б.Окунь высказал несколько соображений и сделал ряд важных ссылок на архивные документы, проливавшие свет на реальные причины уступки русских колоний в Америке[2].

К сожалению, в дальнейшем замечания С.Б.Окуня о ходе обсуждения вопроса внутри царского правительства не получили развития, а главное внимание советских историков продолжало уделяться разоблачению американской экспансии на Тихоокеанском Севере[3]. Не случайно даже сравнительно недавно, когда я начал заниматься детальным анализом истории продажи Аляски, перспективы публикации представлялись весьма сомнительными.

Первая попытка публикации предварительных результатов исследования вообще закончилась полным провалом, хотя я представил довольно невинный материал в журнал «Новая и новейшая история», где более 15 лет был членом редколлегии. Бдительная редакция направила статью в Историко-дипломатическое управление МИД СССР и, получив отрицательное заключение, дала мне понять, что публиковать ее не будет. Сам я предпочел не заниматься бесполезной полемикой, а через некоторое время в еще более смягченном виде и с безобидным названием представил статью в журнал «США — экономика, политика, идеология». Должен сказать, что до сих пор я благодарен редакции журнала и руководству Института США и Канады АН СССР, опубликовавшим статью, в которой в ходе обозрения зарубежных исследований о Русской Америке были выдвинуты некоторые принципиальные положения, относящиеся к действительным причинам продажи Аляски с упоминанием важных источников в наших архивах[4].

---

[2] **Окунь С.Б.** — Гл. XI. — С. 219–257.

[3] См., в частности, **Батуева Т.М.** Экспансия США на севере Тихого океана в середине XIX в. и покупка Аляски. — Томск, 1976; **Американский экспансионизм. Новое время.** — М., 1985. — С. 120–133.

[4] **Болховитинов Н.Н.** Зарубежные исследования о Русской Америке // США — экономика, политика, идеология. — 1985. — № 4. — С. 87–95. Журнал и в дальнейшем оказывал внимание и поддержку моим исследованиям, в частности, опубликовал статью: «Продажа Аляски: документы, письма, воспоминания» (1990. — № 3. — С.47–55), а также первую рецензию на мою монографию (1991. — № 2. — С. 117).

В дальнейшем, по мере развития гласности становилось все легче публиковать материалы по конкретным вопросам истории продажи Аляски, а в 1988 г. произошел, наконец, и коренной перелом в общей обстановке. Руководство близкого к МИД СССР журнала «Международная жизнь» само обратилось ко мне с предложением на основе архивных документов рассказать о том, как же было принято решение о продаже Аляски[5]. Путь к публикации объективного монографического исследования о том, как в действительности происходило обсуждение и принятие этого решения и всех сопутствующих внутренних и внешних обстоятельств, был открыт. На основе совокупности как русских, так и иностранных, в первую очередь американских, документов и литературы во всех деталях удалось проследить возникновение соответствующих проектов, их длительное обсуждение, принятие окончательного решения 16(28) декабря 1867 г., ход переговоров по договору, отклики на его заключение, борьбу за ратификацию и выделение Конгрессом США 7,2 млн. долларов, необходимых для уплаты за покупку Аляски.

Следует особо подчеркнуть, что как историк я занимался именно тем, как этот вопрос рассматривался в 1850-х — 1860-х годах, а не тем, что было бы, если бы Аляска не была продана, или как эта проблема могла бы рассматриваться с позиций сегодняшнего дня. Сам я, понятно, Аляску не продавал, а стремился лишь точно и объективно изучить все обстоятельства, связанные с появлением самой идеи уступки русских владений Соединенным Штатам и ее проведением в жизнь.

Если в кратком виде сформулировать причины продажи Аляски, то следует выделить комплекс конкретных аргументов как внутреннего, так и международного характера — перенесение внимания на освоение Приамурья и Дальнего Востока, континентальный, а не морской характер русской колонизации, трудности защиты далеких американских владений, желание установить нормальные и даже дружественные отношения с США, исключив саму возможность территориальных конфликтов в будущем и т.д. Было установлено также, что положение Российско-американской компании в 1860-е годы было трудным, но не критическим (решение о правительственных субсидиях компании к тому же было уже принято). Что касается

---

[5] **Болховитинов Н.Н.** Как продали Аляску // Международная жизнь. — 1998. — № 7. — С. 120–131. См. также перевод этой статьи на англ. и франц. языки. **International Affairs** — 1988. — № 8. — P. 116–126. Среди наиболее важных статей см. также **Общественность США и ратификация договора 1867 г.** // Американский ежегодник. — М.,1987. — С. 157–174; **Аляскинский скандал** // ВИ. — 1989. — № 9. — С.37–54; **The Crimean War and the Emergence of Proposals for the Sale of Alaska, 1853–1861** // PHR. — Feb. 1990. — Vol. LIX. — № 1. — P. 15–49; **The Koontz Award (American Historical Association, Pacific Coast Branch) за 1991 г.**

экспансии США, о которой так много писали советские историки, то в то время она была скорее потенциальной, чем реальной. Тем не менее, этот фактор, несомненно, учитывался (записки вел. кн. Константина Николаевича, А.М.Горчакова, Э.А.Стекля и др.).

Наконец, были и более общие причины, закрывавшие перед Русской Америкой будущее, — отсталый самодержавно-крепостнический строй, крайняя малочисленность русского населения в колониях, державшаяся на уровне 600–800 человек, индейский фактор (независимость и сопротивление тлинкитов), бедность жизни и жестокая эксплуатация населения колоний и т.д.[6] Впрочем, в документах самого царского правительства об этих причинах ничего не говорилось.

Проведенное исследование получило самую высокую оценку как в России, так и за рубежом. Обширные статьи появились на страницах наших газет[7], продаже Аляски начали систематически уделять внимание радио и телевидение. В ведущих отечественных и иностранных журналах появились лестные рецензии[8], а в 1996 г. в США и Канаде вышел перевод книги на английский язык[9].

Тщательное и всестороннее изучение всех обстоятельств, связанных с продажей Аляски, исключало возможность пересмотра основных выводов проведенного исследования, хотя отдельные конкретные детали окончательно выяснить не удалось (это относится, в частности, к точному размеру взяток, которые были даны посланником в Вашингтоне Э.А.Стеклем отдельным лицам, поскольку не были обнаружены соответствующее донесение российского дипломата и текст доклада министра финансов М.Х.Рейтерна Александру II от 13(25) декабря 1868 г.). Разумеется, в будущем не исключено, что исследователи обнаружат некоторые новые детали или внесут конкретные уточнения. Касаясь этого вопроса в предисловии к английскому переводу книги, профессор Ричард А.Пирс писал, что документация автора «является исчерпывающей и детальной,

---

[6] **Болховитинов Н.Н.** 1990. — С. 183–194, 316 и др.

[7] **Московский комсомолец.** — 20 мая 1990. — С. 2; **Комсомольская правда.** — 2 марта 1991. — С. 4 и др.

[8] **История СССР.** — 1991. — № 3. — С. 205–208 (А.В.Гринёв); **Новая и новейшая история.** — 1991. — № 3. — С. 231–233 (Б.Н.Комиссаров); **США — экономика, политика, идеология.** — 1991. — № 2. — С. 117 (Р.Е.Кантор); **AHR.** — Vol. 96. — № 5. — Dec. 1991. — P. 1639–1640 (J.R.Gibson); **Journal of American History.** — Vol. 78. — № 3. — Dec. 1992. — P. 1161–1162 (N.E.Saul); **Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.** — № 7. — Bd. 40. — 1992. — Heft 4. — S. 566–568 (E.A.P.Crownhart-Vaughan); **PHR.** — LXIV. — № 1, — Feb. 1995 (R.A.Pierce) etc.

[9] **Bolkhovitinov N.N.** Russian-American Relations and the Sale of Alaska 1834–1867 / Transl. and Ed. by R.A. Pierce. — The Limestone Press, Kingston, Ontario — Fairbanks, Alaska, 1996. — XXIV + 405 p.

включающей множество опубликованных и архивных материалов, выявленных как в России, так и в США. Особую ценность представляют документы в русских архивах, которые долгое время были закрыты для иностранных, а иногда даже и для русских ученых. Хотя многое можно еще сделать для выяснения жизни и роли отдельных лиц в обеих странах, но представляется, что главные аспекты проблемы теперь ясно определены»[10].

Сильная поляризация нашего общества в 1990-е годы, тяжелые последствия реформ, развал Советского Союза — все это привело к росту недовольства, усилению в стране националистических и патриотических настроений, а в конечном итоге и к возрождению полемики вокруг, казалось бы, давно забытых, но, тем не менее, все еще болезненных исторических вопросов. В советское время продажа Аляски на страницах печати почти не обсуждалась. Сама публикация монографии 1990 г. стала возможной в первую очередь в результате наступившей гласности и перестройки. Развал некогда обширной империи вновь пробудил болезненные воспоминания о первой потере значительной по размерам территории русских колоний в Америке в 1867 г. Если ранее об этом могли вспомнить в неофициальных беседах отдельные патриотически настроенные лица, то в последнее время об Аляске начали открыто говорить политики вроде В.В.Жириновского[11].

Осенью 1997 г. появилась небольшая брошюра «Аляска... Чья ты?», опубликованная под псевдонимом «Прокоп Тороп». Автор умудрился напечатать свое «историческое сочинение»... в отделе технической документации Института геологии и разработки горючих ископаемых[12]. Здесь нет необходимости и возможности полемизировать с сочинителем брошюры. Он совершенно не является специалистом, и опровержение даже чисто фактических ошибок потребовало бы написания специальной работы. Многочисленные цитаты и факты без всяких ссылок заимствованы им у разных авторов и, кроме того, совершенно произвольно и тенденциозно прокомментированы.

Чего стоит, например, вывод о том, что день отречения Николая II от престола (15 марта 1917 г.) фактически означал и «окончание срока действия договора об уступке Аляски»(!?), а «текст договора позволяет нам истребовать арендную плату за годы, прошедшие после отречения»(!?)[13]. Хорошо уже, что на заключительных страницах брошюры автор прямо не требует Аляску назад и даже выступает за

---

[10] **Ibid.** — Preface by R.A.Pierce. — P. VIII.

[11] **Известия.** — 10 дек. 1997. «...И Аляску пусть вернут». Цитата на 1-ю полосу (В.В.Жириновский); **Литературная газета.** — 27 марта 1996. — С. 1.

[12] **Тороп П.** Аляска... Чья ты? — М., 1997. — 68с.

[13] **Там же.** — С. 52 и обложка книги.

сотрудничество, но в будущем, «вот тогда...», при благоприятных обстоятельствах, «быть может, нам больше приглянется какая-нибудь Калифорния. Так что пусть пока осваивают»[14]. Иначе как бредом сумасшедшего эти пассажи назвать нельзя. Требовать Калифорнию, кажется, еще никому в голову не приходило. В своем «историческом сочинении» Прокоп Тороп не перестает клеймить «каких-то полунемцев-полуфранцузов», «интернационалистов и космополитов», «немцев и полунемцев», забывая, что многие из них любили Россию во всяком случае не меньше, а, быть может, и гораздо больше, чем наш новоявленный «патриот».

Наряду с брошюрой П.Торопа в декабре 1997 г. в «Правде-5» появилась обширная статья проф. В.Бойко под характерным названием «Продажа Аляски: чубайсы были и в XIX столетии». Казалось бы, автор, печатающийся в «Правде-5», должен сильно отличаться от решительного противника коммунизма, «державника» и «патриота» П.Торопа. Тем не менее, на практике оба оказались в одном лагере (кстати, и в политике это теперь стало делом обычным).

Надо сказать, что по сравнению с брошюрой П.Торопа статья проф. Бойко производит более благоприятное впечатление. В ней нет очевидных ошибок, хотя отдельные неточности встречаются. Но главное не в этом.

Если я скрупулезно следовал документам и фактам, которые имели место в период подготовки и оформления продажи Аляски, т.е. исследовал конкретно историю, то проф. Бойко размышляет как современный политолог, высказывающий собственные мысли и суждения, включая возможные варианты событий, которые могли случиться, если бы Россия свои американские владения не продала[15]. Вслед за мной проф. Бойко вполне справедливо утверждает, что в 1867 г. военной угрозы Русской Америке со стороны США не существовало. Но нельзя отрицать и того, что, хотя реально в то время угрозы не было, участники знаменитого совещания 16 декабря 1866 г., на котором и было принято решение о продаже Аляски, так считали.

Рассуждать же о том, удалось ли бы России сохранить Аляску в будущем — это уже не дело историка. Проф. Бойко считает, что России это удалось бы. А мне, например, кажется, что нет. После открытия золота туда нахлынули тысячи авантюристов. Царская Россия проиграла войну с Японией, а Октябрьская революция и Гражданская война вообще поставили страну на грань развала. Здесь уже было бы не до Аляски. Но все это только предположения, которые к реальной истории отношения не имеют.

---

[14] **Там же.** — С. 54.

[15] **Бойко В.** Продажа Аляски: чубайсы были и в XIX столетии // Правда–5. — 11 декабря 1997. — № 186(395). — С. 4–5.

Как современный политолог, проф. Бойко весьма аргументированно рассуждает о возможных вариантах «сохранения российского присутствия в Америке» — аренде, кондоминиуме и т.д. Но эти варианты в 1860-х годах даже не рассматривались, а сам проф. Бойко, естественно, участия в многолетних обсуждениях вопроса о продаже Аляски принимать не мог.

В большинстве случаев современные критики продажи Аляски серьезным изучением истории вопроса никогда не занимались и предпочитали с моей работой не полемизировать. Пожалуй, лишь проф. Г.А.Агранат, объединив мою книгу с известной работой С.Б.Окуня, пришел к неожиданному заключению, что оба автора «в общем сводят причины продажи к нескольким внешнеполитическим обстоятельствам. Важнейшие из них — стремление царского правительства упрочить дружественные связи с Америкой и вбить клин между Америкой и Англией»[16].

Между тем это какое-то недоразумение. Откуда уважаемый профессор взял, что одной из важнейших причин было стремление России «вбить клин между Америкой и Англией»? Об этом, правда, писал К.Маркс, а за ним и многие советские историки, включая С.Б.Окуня. Но мои выводы с С.Б.Окунем существенно расходятся, и за Марксом я отнюдь не следовал. Правда, анализируя разнообразные отклики современников на продажу Аляски, я привожу эту мысль Маркса, который в то время, как известно, жил в Англии и опирался не на материалы Конгресса, как полагает проф. Агранат, а на сообщения английских газет, в частности лондонской «Таймс»[17].

Главный же упрек Г.А.Аграната заключается в том, что мною оставлены в стороне социально-экономические процессы в Русской Америке. Между тем, их анализ присутствует практически во всех главах и основных выводах исследования, причем некоторые главы (например, гл. V «РАК на рубеже 60-х годов и вопрос о ее реорганизации») целиком посвящены внутренним проблемам. Другое дело, что в оценке положения в русских колониях в Америке наши взгляды существенно расходятся. Проф. Агранат считает, что русская колонизация Северной Америки была прогрессивной и даже «достаточно гуманной», особенно по сравнению с испанской, французской или английской. Более того, будучи в какой-то мере

---

[16] **Агранат Г.А.** Судьбы Русской Америки // США — экономика, политика, идеология. — 1997. — № 11. — С.53. В аналогичной статье **Г.А.Аграната** «Русская Америка — долгая память России» // География. — Ноябрь 1997. — № 42 (283–284). — С. 8–9. В качестве источника для обоих авторов указывается К. Маркс, который, опираясь на документы американского Конгресса, утверждает, что, «купив русскую часть Северной Америки, янки отрежут Англию с одной стороны от моря и ускорят приобретение всей британской Северной Америки Соединенными Штатами».

[17] **Болховитинов Н.Н.** 1990. — С. 255.

прогрессивным примером, РАК якобы «оказалась исключением» из общих правил[18]. Наделенную монопольными привилегиями РАК уважаемый профессор считает «единственно правильной формой освоения новых районов» и даже ссылается на «Дальстрой», который «несмотря на свое гулаговское происхождение» стал, якобы, очень эффективной «суперорганизацией». Вот только непонятно, почему Аляска и Канада давно уже живут в XXI веке, а русская Чукотка и Сибирь, несмотря на исключительно эффективную гулаговскую «суперорганизацию», никак не могут приблизиться даже к порогу XX века.

Хотя разного рода политические спекуляции по поводу договора о продаже Аляски представляют собой чисто теоретический интерес (вернуть Аляску назад практически невозможно), они не могут не отравить или во всяком случае ухудшить взаимоотношения с Соединенными Штатами. Даже П.Тороп понимает: «Сегодня нам не до Аляски, так как речь идет об элементарном выживании и сохранении еще имеющихся земель»[19]. Более опасны попытки пересмотра советско-американского соглашения о разграничении морских пространств от 1 июня 1990 г., которое, по словам Г.А.Аграната, вопреки возражению юристов-международников практически подарило США богатый, в 55 тыс. кв. км кусок шельфа в Беринговом море[20]. Здесь нет необходимости подробно полемизировать по этому вопросу, тем более, что это достаточно квалифицированно сделал д.и.н. Е.Д.Степанов на страницах журнала «Проблемы Дальнего Востока». Он убедительно доказал, что разграничение, о котором договорились СССР и США в 1990 г., совпадало с «линией 1867 г.» в том виде, как она была изображена на советских картах[21]. К сожалению, Государственная Дума до сих пор не ратифицировала соглашение 1990 г., хотя обе стороны договорились выполнять его условия.

Конечно, всякая международная договоренность является результатом компромиссов и взаимных уступок. С особой бережностью и осмотрительностью надо подходить к соглашениям по территориальным вопросам. Между тем, возникшая у нас полемика вокруг соглашения 1990 г. лишь провоцирует выдвижение новых претензий со стороны США. В пересмотре соглашения 1990 г. заинтересованы влиятельные американские нефтяные компании, рассчитывающие начать разведку и эксплуатацию новых запасов нефти и газа в Север-

---

[18] **Агранат Г.А.** Судьбы Русской Америки. — С. 55.

[19] **Тороп П.** Указ. соч. — С. 54.

[20] **Агранат Г.А.** Судьбы Русской Америки. — С. 62.

[21] **Степанов Е.Д.** Еще раз относительно советско–американского соглашения 1990 г. о линии разграничения морских пространств // Проблемы Дальнего Востока. — 1996. — № 2. — С. 18. Автор весьма квалифицированно полемизирует со статьей **В.И.Ткаченко.** Игра в поддавки с заокеанским соседом // Россия и АТР. — 1995. — № 2.

ном Ледовитом океане, в частности в районе о. Врангеля, не говоря уже о новых зонах для рыболовства, а также определенные военные круги, стремящиеся к укреплению стратегических позиций США. Большую активность начали проявлять власти штата Аляска, недовольные тем, что Государственный департамент фактически устранил их от участия в переговорах по разграничению. Эта позиция получила поддержку Калифорнии, а также сенатора Хелмса, теперь влиятельного председателя комитета по иностранным делам, который безуспешно высказывался против ратификации Соглашения 1990 г. Следует отметить, что в настоящее время в США все чаще раздаются голоса о необходимости пересмотра Соглашения 1990 г. Показательна, в частности, статья трех авторов, опубликованная в начале 1998 г. в журнале «Orbis»[22].

В Соединенных Штатах есть свои Жириновские, и свои Агранаты. Господа Олсон, Сайденберг и Селл утверждают в журнале, что правительство США не воспользовалось своей победой в «холодной войне» и уступило России «арктическую империю», включая о. Врангеля и группу более мелких островов в Северном Ледовитом океане, открытых американцами в 1881 г.[23]

Между тем, уже в договоре 1867 г. ясно указывалось: «Западная граница уступленных территорий проходит через точку в Беринговом проливе под шестьдесят пятым градусом и тридцатью минутами северной широты в ее пересечении меридианом, отделяющим на равное расстояние острова Крузенштерна, или Игналук, от острова Ратманова, или Нунарбук, и направляется по прямой линии безгранично к северу, доколь она совсем не теряется в Ледовитом океане» (Статья I). Договор о продаже Аляски и «линия 1867 г.» официально никогда не оспаривались, а наоборот эта линия была подтверждена Соглашениями 1977 и 1990 гг., и едва ли сейчас правомерно дискутировать по этому вопросу.

Оставляя в стороне преимущества и недостатки соглашения о разграничении морских пространств, следует подчеркнуть, что общая обстановка меняется не в пользу России и пересмотр соглашения в будущем может оказаться далеко не в нашу пользу и в районе Курил, и в Беринговом море и в Северном Ледовитом океане. Кроме того, следует напомнить, что сенат США и президент Джордж Буш еще в 1991 г. ратифицировали соглашение о линии разграничения морских пространств, а еще ранее оба правительства взаимно согласились выполнять его условия. В этой связи вряд ли можно считать разумным затягивание Государственной Думой ратификацию этого соглашения

---

[22] **Olson, Carl L., Seidenberg, Mark J., and Selle, Robert W.** U.S. — Russian Maritime Boundary Giveaway // Orbis: A Journal of World Affairs. — Vol. 42. — № 1. — Winter, 1998. — P. 75–89.

[23] **Ibid.** — P. 80–81.

(как, кстати, и Договора ОСВ-2). Время, к сожалению, работает не в нашу пользу, не говоря уже о том, что договоры должны соблюдаться, особенно когда речь идет о договорах по территориальным вопросам.

Вполне обоснованным представляется поэтому вывод, сформулированный в самом конце монографии 1990 г.(с. 320). Договор 1867 г. был одним из соглашений, на основе которых «происходило формирование азиатско-тихоокеанской границы России, остающейся в общих чертах неизменной вплоть до настоящего времени. Договор ликвидировал какие-либо основания для взаимных претензий и противоречий по территориальным вопросам и создал предпосылки для того, чтобы Тихоокеанский Север стал местом сотрудничества, а не конфронтации». Подрывать достигнутые ранее договоренности о границах России на востоке не только глупо, но и опасно. И жаль, что в эту кампанию включаются люди, не осведомленные во всех деталях предыстории вопроса.

БИБЛИОГРАФИЯ*

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Публикации официальных документов, дипломатическая переписка

Из бумаг о Сибирякове и Мыльникове: [Рапорт иркутского военного губернатора Леццано Александру I от 24 мая 1802 г.] // Сборник газеты «Сибирь». — СПб.: Издание газеты «Сибирь», 1876. — Т. 1. — С. 461–481. (Есть сведения о финансовом участии РАК и Н.А. Шелиховой в строительстве каменных казарм в Иркутске.)

Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т.I — XV. — СПб., 1874–1909.

Отчет Главного правления Российско-американской компании за 1846 г. — СПб., 1847; за 1847 г. — СПб., 1848; за 1848 г. — СПб., 1849; за 1852 г. — СПб., 1853; за 1854 — 1855 гг. — СПб., 1856; за 1857 г. — СПб., 1858; за 1858 г. — СПб., 1859; за 1859 г. — СПб., 1860; за 1861 г. — СПб., 1862; за 1862 г. — СПб., 1863.

Пальмер А. Записка о Сибири, Манчжурии и об островах северной части Тихого океана. — СПб., 1906.

Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии (60-е годы XVIII в. — 60-е годы XIX в.). Документы и материалы / Редкол.: Губер А.А. (отв.ред.) и др. — М., 1962.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 1–45. — СПб., 1830; Собр. 2-е. Т. 1–55. — СПб., 1830–1884.

Сборник торговых договоров, заключенных Россией с иностранными государствами. — СПб., 1912.

Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774–1906) / С введ. и примеч. В.Н.Александренко. — Варшава, 1906.

Фуругельм И.В. Отчет по управлению Российско-американскими колониями с 1859 по 1864 год капитана 1 ранга Фуругельма. — СПб., 1864.

* Продолжение библиографии, опубликованной в т.1 настоящего издания: История Русской Америки. 1732–1867. — Т.1. — М., 1997. — С. 377–435.

Alaska University. Alaska History Research Project. Documents relative to the History of Alaska/Directed by Robe C.F. Vols. 1–15. — College, Alaska, 1936–1938.

Communication of Hon. William H. Seward Secretary of State Upon the Subject of an International Telegraph Connecting Eastern and Western Hemispheres by Way of Bering's Strait in Reply to H.Z.Chandler, Chairman of the Committee on Commerce of the U.S. Senate to which was Refered the Memorial of Perry McDonaugh Collins. — Wash., 1864.

Congressional Globe, Containing the Debates and Proceedings, 1833–1873. Vols. 1–109. — Wash., 1834–1873.

Correspondence of the Russian Ministers in Washington, 1818–1825// AHR. — 1913. — Vol. 18. — January. — N 2.; N 3. — April.

Diplomatic Correspondence of the United States. Canadian Relations 1784–1860 / Ed. by Manning W.R. Vols.1–4. — Wash., 1940–1945.

Documents on Russian-American Relations. Washington to Eisenhower / Ed. by Jados S.S. — Wash., 1965.

History and Digest of the International Arbitrations to Which the United States Has Been a Party / Ed. by Moore J.D. Vols. 1–6. — Wash., 1896.

Ford W.S. Some Original Documents on the Genesis of the Monroe Doctrine//Proceedings of the Massachusetts Historical Society. 2nd ser. — 1902. — Vol. XV. — January.

La frontera Ruso — Mexicana. Documentos mexicanos para la historia del establecimiento ruso en California 1808–1842 / Recopilación, estudios y notas por Mathes M. — México; Secretaria de Relaciones Exteriores, 1990. — 299 p.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1861–1870. — Wash., 1861–1870. Title varies. 1861/62. — Vol. 1. — 1861; 1862. — 1862; 1866/67. — Vol.1. — 1867; 1866/67. — Vol.2. — 1867; 1866/67. — Vol.3. — 1867; 1867. — Vol. 1. — 1868; 1867. — Vol. 2. — 1868; 1868/1869. — Vol. 1. — 1869; 1868/1869. — Vol. 2 — 1869; 1870. — 1870.

The Projected Purchase of Alaska, 1859–60 / Ed. by McPherson H.M.// PHR. — 1934. — Vol. 3. — N 1. — March. — P. 80–87.

Register of Debates in Congress, 1825–1837. Vols. 1–29. — Wash., 1825–1837.

The Russian American Company: Correspondence of the Governors, Communications Sent, 1818 / Transl. with an introd. by Pierce R.A. — Kingston, ONT., 1984.

Russian Opinion on the Cession of Alaska / Ed. by Miller H.//AHR. — 1943. — Vol. 48. — N 3. — April. — P. 521–531.

Treaties and Other International Acts of the United States of America, 1775–1863 / Ed. by Miller H. Vols. 1–8. — Wash., 1931–1948.

US Congress. House: **Correspondence with Russia, 1835–1838**//25th Congress. 3d Session. 1838. Dec. 3. H.Doc. 2; **Report on the Survey and Reconaissance of Bering's Strait by John Rogers**//34th Congress. 1st Session. — 1855. — Dec.3. — H. Doc. 1; **Exploration of the Amoor River**//35th Congress. 1st Session. — 1858. — Apr. 7. — H. Doc. 98; **P. McCollins**//35th Congress. 2nd Session. — 1859. — Jan. 18. — H. Doc. 53; **Russian America**//40th Congress. 2nd Session. — 1868. — Febr. 16. — H. Doc. 177. — Pt. 1–2; **The Treaty with Russia**//40th Congress. 2nd Session. — 1868. — May 18. — H. Report 37; **Alaska Investigation**//40th Congress. 3d Session. — 1869. — Febr. 27. — H. Report 35.

US Congress. Senate. Memoir ... on Siberia, Manchooria, and the Asiatic Islands on the Norther Pacific Ocean; and on the Importance of Opening Commercial Intercourse with those Countries//30th Congress. 1st Session. — 1848. — Mar.8. — Doc. 80.

Smithsonian Institution: Annual Report, 1867. — Wash., 1868 (Senate Misc. Doc. 86//40th Congress. 2nd Session. — Serial 1319).

Бумаги из личных архивов. Переписка, сочинения, дневники и мемуары политических, общественных и религиозных деятелей

Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского по управлению Камчатской епархиею и местными духовно-учебными заведениями за 1846–1868 гг. — Казань: Центр. тип-фия, 1908. — 422 с.

Антоний, иеромонах. Из воспоминаний и впечатлений//АПВ. 1899. — № 19.

Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам: [Репр. изд.]. — М.: Фирма «Алеся», 1997. — 820 с.

Великий Князь Константин Николаевич о проекте нового устава Российско-американской компании / Публ. Болховитинова Н.Н. // АЕ. 1991. — М., 1992. — С. 146–151.

Зайончковский П.А. Дневник П.А.Валуева. — М., 1961. — Т. 2.

Из журнала Атхинского Священника Иакова Нецветова//ХЧ. — 1845. — Ч.I. — С. 465–470.

Из журнала Атхинского Священника Григория Головина (1842 г.)// ХЧ. — 1845. — Ч.I. — С. 470–479.

Из путевого журнала Кадьякского Священника Петра Литвицкого// ХЧ. — 1845. — Ч.I. — С. 448–465.

Из записок А.Н.Муравьева о Преосвященном Иннокентии, архиепископе Камчатском. (Сообщил А.В.Муравьев)//Старина и новизна. — Пг., 1915. — Кн. 19.

Иларион, иеромонах. Из журнала миссионера на реке Кускоквиме (1861–1862 гг.)//Православное обозрение. — 1867. — Т. 23. — Июль. — С. 219–241.

Миссионерские известия. (Из письма преосвященного Петра, епископа Ново-Архангельского)//Странник. — 1861. — Январь. — Отд. IV. Хроника.

Мысли за океаном. Из неопубликованных путевых впечатлений [В.И.Вернадского] /Публ. Мочалова И.//Независимая газета. — 1998. — 11 марта. — С. 8.

Наставление Высокопреосвященного Иннокентия, бывшего архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского, нушагакскому миссионеру иеромонаху Феофилу//АПВ. — 1899. — № 20. — С. 534–543; № 21. — С. 564–574.

Н.П.Резанов — М.М.Булдакову, 24–26 января 1807 г. / Публ. Ольховой Н.С.//Красноярский комсомолец. — 1987. — 20 октября. — С. 2.

Памятники трудов православных благовестников русских с 1793 до 1853 года. — М., 1857.

Переписка императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. — М., 1994.

Письма Высокопреосвященного Иннокентия, епископа Алеутского к о. Иннокентию Шаяшникову, бывшему с 1848 по 1883 гг. священником на Уналашке//АПВ. — 1900. — № 1. — С. 11–16.

Письма монаха Германа//АПВ. — 1899. — № 17. — С. 467–470; № 18. — С. 492–495.

Послание патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской православной церкви по случаю 200-летия со дня рождения Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. — [М.], 1996. — 8 с.

Adams Ch.F. Diary of Charles Frances Adams. Vols. 1–6. — Cambridge, 1964–1974.

Bigelow J. Retrospections of an Active Life. Vols. 1–5. — Garden city, 1909–1913.

Blaine J.G. Twenty Years in Congress: From Lincoln to Garfield. Vols. 1–2. — Norwich, 1884–1886.

Browning O.H. Diary of Orville Hickman Browning. Vols. 1–2. — Springfield, 1925–1931.

Buchanan J. James Buchanan's Mission to Russia: 1831–1833. — N.Y., 1970 (reprint).

Buchanan J. Works / Ed. by Moore J.B. Vols. 1–12. — Philadelphia, 1908–1911.

Burrow S.E. America and Russia: Correspondence, 1818–1848. — Hartford, 1863.

Clay C.M. Life of Cassius Marcellus Clay. Memoirs, Writings and Speeches... — Cincinnati, 1886. — Vol. 1.

Cole C. Memoirs of Cornelius Cole. — N.Y., 1908.

Curtin J. Memoirs of Jeremiah Curtin / Ed. by J.Schafer. — Madison, 1940.

Dallas G.M. Diary, while United States Minister to Russia, 1837–1839, and to England, 1856–1861 / Ed. by Dallas S. — Philadelphia, 1892.

George Canning and His Friends / Ed. by Bagot J. Vols. 1–2. — L., 1909.

Gwin W.M. Memoirs of the Hon William M. Gwin / Ed. by Ellison W.Y.// California Historical Society Quarterly. — 1940. — Vol. 19. — N 1–4. — March-December.

Johnson A. The Papers of Andrew Johnson. Vols. 1–6. — Knoxville, 1972–1983.

The Letters of John McLoughlin from Fort Vancouver to the Governor and Committee / Ed. by Rich E.E. First ser. — L., 1941.

Loubat J.F. Narrative of the Mission to Russia in 1866, of the Hon. Gustav Vasa Fox... / Ed. by Champlin J.D.,Jr. — N.Y., 1873.

Maxwell J.S. The Czar, His Court and People. — N.Y., 1848.

Moore W.G. Notes of Colonel William G.Moore, Private Secretary to President Johnson. 1866–1868//AHR. — 1913. — Vol. 19. — N 1. — October. — P. 98–132.

Motley J.L. The Correspondence of John Lothrop Motley. — L., 1889. — Vol. 1.

Rush R. A Residence at the Court of London. — L: Bentley, 1833. — 420 p.

Rush R. Memoranda of a Residence at the Court of London, Comprising Incidents Official and Personal from 1819 to 1825... — Philadelphia: Lea and Blanchard, 1845. — 640 p.

Seward F.H. The Works of William H. Seward. Vols. 1–5 / Ed. by Baker G.E. — N.Y.; Boston, 1853–1884 (repr.: N.Y., 1972).

Seward F.H. William Henry Seward: An Autobiography... Vols. 1–3. — N.Y., 1877–1891.

Seward W.H. Reminiscences of a War-Time Statesman and Diplomat, 1830–1915. — N.Y., 1916.

Sibley H.W. Memoirs of Hiram Sibley//The Rochester Historical Society: Publication Fund Series. — Rochester, 1923. — Vol. 2. — P. 127–134.

Sumner Ch. Works of Charles Sumner. Vols. 1–15. — Boston, 1870–1887.

Sumner Ch. Memoirs and Letters of Charles Sumner. Vols. 1–20 / Ed. by Pierce E.L. — Boston, 1877–1893.

Wells G. Diary of Gideon Wells. Vols. 1–3. — Boston, N.Y., 1911.

White A.D. Autobiography. — N.Y., 1905. — Vol. 1.

Труды путешественников и другие работы современников изучаемых событий

Американцы в Петербурге: дружеский союз России и Америки. — СПб., 1866.

Американцы в России и русские в Америке. — СПб., 1866.

Американцы в Крымскую войну. — СПб., 1866 (прилож. к брошюре: **Американцы в России и русские в Америке**).

Вавилов М.И. Последние дни в Русской Америке,1867–1868 гг. Из записок очевидца//Русская старина. — 1886. — Т. 49. — С. 549–560; Т. 50. — С. 593–598; Т. 51. — С. 605–614.

Врангель Ф.П. Американцы в Верхней Калифорнии//Телескоп. — 1835. — Ч. 26. — Отд. наука. — С. 441–456. Изд. на англ. яз.: Pacific Northwest Quarterly. — 1969. — Vol. 60. — Oct. — N 4. — P. 205–251.

Врангель Ф.П. Путевые записки адмирала барона Ф.П.Врангеля//Исторический вестник. — 1884. — Т. XVIII. — Октябрь.

Головин П.Н. Обзор русских колоний в Северной Америке, составленный капитан-лейтенантом Павлом Николаевичем Головиным [1861] // МС. — 1862. — Т. LVII (57). — Февраль. — Ч. III. — С. 19–192. Изд. на англ. яз.: **Golovin P.N.** The End of Russian America: Captain P.N.Golovin's Last Report, 1862 / Transl. with Introd. and Notes by B.Dmytryshyn, E.A.P. Crownhart-Vaughan. — Portland, 1979.

Деливрон А.К. Корвет «Калевала». Воспоминания старого моряка. — СПб., 1909.

Добель П. Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге. Ч. I–II. — СПб., 1833.

Дорошин П.П. Несколько подробностей о распространении золота в русских Северо-Американских владениях//Горный журнал. — 1866. — № 1.

Завалишин Д.И. Калифорния в 1824 году//Русский вестник. — 1865. — Т. 60.

Завалишин Д.И. Российско-американская компания. — М., 1865.

Завалишин Д.И. Записки декабриста. — München, 1904.

Збышевский В. Замечания о китоловном промысле в Охотском море// МС. — 1863. — Т. 65. — № 4.

Краткое историческое обозрение образования и действий Российско-американской компании с самого начала учреждения оной и до настоящего времени. Ген.-лейтенант Политковский. — СПб., 1861.

Ловля морских бобров//Библиотека для чтения. — 1836. — Т. XV. — № 3–4. — Промышленность и сельское хозяйство. — С. 9–10.

Лакиер А.Б. Путешествие по Северо-Американским Штатам... Т.1–2. — СПб., 1859. Сокр. пер. на англ. яз.: Chicago, 1979.

Мнение «Русского мира» об отчете РАК и обзоре русских колоний в Северной Америке, написанном в прошлой книжке Морского сборника//МС. — 1862. — Т. 67. — Февраль. — № 2. — С. 132–141; **Современное обозрение**//Там же. — Т. 68. — № 3. — С. 33–44.

Обозрение состояния действий Российско-американской компании с 1797 по 1819 год//Журнал мануфактур и торговли. — СПб., 1835. — № 3. — Отд. IV.

Потехин В.А. Селение Росс. — СПб.,1859. (**Журнал мануфактур и торговли**. — 1859. — Октябрь. — Кн. 10. — Ч. 4. — С. 1–42.)

Прощальный взгляд на Российско-Американские колонии//ИЕВП. — 1868. — № 37. — 14 сентября. — С. 419–421.

Путешествия Г.П. Корея к северо-западным берегам Америки и в Китай в 1813–1818 гг.//Северный архив. — 1822. — Ч. 4.

Рейтерн М.Х. Влияние экономического характера народа на образование капиталов//МС. — 1860. — № 5.

Романов Д.И. Проект русско-американского международного телеграфа//Русское слово. — 4 февраля 1859 г.

Романов Д.И. Перезабытый вопрос о телеграфе через Сибирь между Старым и Новым Светом//СПб. ведомости. — 28 февраля 1861 г.

Романов Д.И. Сибирский телеграф//Русский инвалид. — 12 марта 1864 г.

Ротчев А.Г. Новый Эльдорадо в Калифорнии//ОЗ. — 1849. — Т. 62. — № 2. — Отд. 8 (смесь). — С. 216–224. Изд. на англ. яз.: **The Pacific Historian.** — 1970. — Vol. 14. — Winter. — N 1. — P. 33–40.

Ротчев А.Г. Воспоминания русского путешественника о Вест-Индии, Калифорнии и Ост-Индии//Пантеон. — СПб., 1854. — Т. 13. — № 2.

Савич А.Н. Извлечение из отчета г-на Фреймана, ездившего чрез владения Гудзонбайской компании // Записки РГО. — 1846. — Кн. 1. — С. 79–92.

Струве Б.В. Воспоминания о Сибири, 1848–1854. — СПб., 1889.

Черных Е. О состоянии земледелия в селении Росс, Калифорнии// Земледельческий журнал. — 1837. — № 6.

Черных Е. Письмо из Калифорнии от г. Черных о земледелии в с. Росс// Русский земледелец. — М., 1838. — Ч.1. — Январь.

Черных Е.Л. О земледелии в Верхней Калифорнии//Журнал сельского хозяйства и овцеводства. — 1841. — № 1. — 234–265. Изд. на англ. яз.: **The Pacific Historian.** — 1967. — Vol. 11. — Winter. — N 4. — P. 10–28.

Чрезвычайное американское посольство в Москве. — М., 1866.

Шереметьевский П.В. Американцы — дорогие гости земли русской: Голос москвича по случаю пребывания чрезвычайного посольства Северо-Американских Соединенных Штатов под начальством капитана Фокса. — М., 1866.

Штеллер Г.В. Письма и документы, 1740. — М.: Памятники исторической мысли. — 1998. (Сер.: Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов. Т. 1.)

Aftermath of the Sitka Massacre of 1802 / Contemporary documents with an Introd. and Afterword Schuhmacher W.//AJ. — 1979. — Vol. 9. — No. 1. — Winter. — P.58–61.

[Blerzy H.] Le territoire d'Aliaska et les colonies du Nordouest de l'Amérique... — Paris, 1869. — P. [997]–1020.

Blodget L. Alaska: What Is It Worth?//Lippincott's Magazine. — 1868. — Vol. 1. — February. — P. 185–191.

Bush R.J. Reindeer, Dogs and Snowshoes: A Journal of Siberian Travel and Explorations Made in the Years 1865, 1866 and 1867. — N.Y., 1871.

Chamisso A. von. A Voyage around the World with the Ronanzov Exploring Expedition in the Years 1815–1818 in the Brig Rurik, Captain Otto von Kozebue / Transl. and ed. by Krantz H. — Honolulu, 1986.

Cochrane J.D. Narrative of a Pedestrian Journey Through Russia and Siberian Tartary from the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamchatka, 1820–23. — Philadelphia, 1824.

Collins P.M. Voyage Down the Amoor with a Land Journey Through Siberia, and Incidental Notices of Manchooria, Kamchatka, and Japan. — N.Y., 1860.

Collins P.M. Siberian Journey Down the Amoor to the Pacific, 1856–1857 / Ed. with Inrtod. by Vevier Ch. — Madison, 1962.

Greenhow R. Memoir, Historical and Political on the Northwest Coast of North America. — L., 1844.

Greenhow R. History of Oregon and California. — Boston, 1845.

Kennan G. Tent Life in Siberia. — L., 1870.

Laplace C.P.T. Campagne de circumnavigation de la fregate l'Artemise, pendant les annees 1837, 1838, 1839 et 1840, sous le commandement de M. Laplace, capitaine de la vaisseau. — Paris, 1854.

Montgomery J.E. Our Admiral's Flag Abroad: The Cruise of Admiral D.G.Farragut. — N.Y., 1869.

Osio A.M. The History of Alta California. A Memoir of Mexican California / Transl., ed. and annotated by Beebe R.M. and Senkewicz. — Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1996. — 388 p.

Phelps W.D., Sturgis W., Swan J.G. Fur Traders from New England: The Boston Men in the North Pacific, 1787–1800: The Narratives of William Dane Phelps, William Sturgis, and James Gilchrist Swan / Eds. by Busch B.C., Gough B.M. — Spokane, Wash.: Arthur H. Clark, 1997. — 137 p.

Pumpelly R. Across America and Asia. — N.Y., 1870.

Roche A. A View of Russian America in Connection with the Present War. — Montreal, 1855.

Roquefeuil C. de. A Voyage Round the World Between the Years 1816–1819. — L., 1823. (Изд. на франц. яз.: Paris, 1823.)

Roquefeuil C. de. Camille de Roquefeuil in San Francisco, 1811–1818 / Ed. by Rudkin Ch.N. — Los Angeles, 1954.

Simpson G. Narrative of A Journey Around the World, During Years 1841–1842. Vol. 1. — L., 1847.

Sutter J.A. The Diary of Johann August Sutter. — San Francisco, 1932.

Visit of the Russian Warship Appolo to California in 1822–1823 / Ed. and transl. by Farris G.//Southern California Quarterly. — 1993. — Vol. 75. — N 1. — P. 1–13.

The Wreck of the Sv. Nikolai. Two Narratives of the First Russian Expedition to the Oregon Country 1808–1810 / Ed. by Owens K.N.; Transl. by Donnelly A.S. — Portland, Or., 1985.

СПРАВОЧНИКИ, УКАЗАТЕЛИ, СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ, БИБЛИОГРАФИИ, ОБЗОРЫ

Алфавитный служебный каталог русских дореволюционных газет (1703–1916). — Л., 1958.

Андреев А.И. Архив Врангеля// Изв. ВГО. — 1943. — Т. 75. — Вып. 5. — С. 36–37.

Андреев А.И. Об архиве Российско-американской компании//Изв. ВГО. — 1973. — Т. 75. — Вып. 3. — С. 61–62.

[Бакай Н.Н.]. Замечательное книгохранилище в Восточной Сибири. (Библиотека Г.В. Юдина). — М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1896. — 15 с.

Баскаков Э.Г. и др. Документы Российско-американской компании в национальном архиве США//История СССР. — 1963. — № 5. — С. 212–216.

Бортновский И., свящ. Кенайская миссия. (Историко-статистическое описание)//АПВ. — 1898. — № 18. — С. 529–533; № 19. — С. 558–559.

Брюханов А.Ф. О судьбе архива Российско-американской компании// Вестн. АН СССР. — Сер. истории. — 1934. — № 9. — С. 26–34.

Ильин В.А. «На берегах оскаленных Аляски...». — М.: НПП «Кама», 1997. — 66 с. (Краткий справочник по топонимике Русской Америки.)

Кашеваров Н., свящ. Афогнакская Рождество-Богородичная церковь. (Историко-статистическое описание)//АПВ. — 1898. — № 17.

Кашихин Л.С. Обзор фонда К.Т. Хлебникова//Советские архивы. — 1974. — № 4. — С. 31–48.

Кедровский А., свящ. Историко-статистическое описание Уналашкинского Вознесенского прихода//АПВ. — 1896. — № 20. — С. 418–420; № 21. — С. 439–442; № 22. — С. 465–466; № 23. — С. 494–496.

Марков С.Н. Клады «Колумбов Российских». Документы о русской морской славе//МС. — 1944. — № 8–9. — С. 78–81; № 10. — С. 81–88.

Марков С.Н. Летопись морской славы (архивы исследователей Тихого океана)//Наука и жизнь. — 1944. — № 1–2.

Модестов В., свящ. Церковно-историческое описание Нушагакской миссии, Алеутской епархии//АПВ. — 1896. — № 14. — С. 287–288; № 15. — С. 303–305.

Орлов И., свящ. Кускоквимская Православная Миссия. (Историко-статистические сведения)//АПВ. — 1898. — № 24. — С. 685–686.

Преображенский А.А. Коллекция Г.В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края (Краткий обзор)//Археологический ежегодник за 1958 г. — М., 1960. — С. 267–292.

Список русских военных судов с 1668 по 1860 год/Вступ. ст. Ф. Веселаго. — СПб.: Тип-фия Морского мин-ства. В Главном адмиралтействе, 1872. — 797 с.

Троицкая Л.М. Научно-богословская конференция в связи с 200-летием со дня рождения митрополита Московского и Коломенского Иннокентия (Вениаминова)//АЕ 1997. — М.: Наука, 1997. — С. 227–230.

The Alaska Gallery at the Anchorage Museum of History and Art: A Guidebook / Comp. by Davis W.E. — Anchorage, Alaska: Cook Inlet Historical Society, 1990. — 89 p.

The Alaskan Russian Church Archives: Records of the Russian Orthodox Church of Greek Catholic Church of North America — Diocese of America. — Wash.: Manusript Division, Library of Congress, 1984. — 248 p.

Ackerman S.J. «In the Beginning War the Word»: New Exhibition Shows Russian Church's Influence in Alaska//Information Bulletin/U.S. Library of Congress. — Wash., 1994. — Vol. 53. — N 21. — P. 433–435. (Выставка в Библиотеке Конгресса США, 1994 г., посвященная влиянию русской

православной церкви, личных контактов духовенства с местными жителями на Аляске, 1974–1975 гг.).

Annals of San Francisco, 1855. — San Francisco, 1855 (repr.: Palo Alto, 1966).

[Babine A.V.] The Yudin Library. Krasnoiarsk (Eastern Siberia). — Wash., Library of Congress, 1905. — 40 p. (на англ. и русс. яз.).

Cassin J. Illustrations of the Birds of California, Texas, Oregon, British, and Russian America microfilm: Intended to Contain Descriptions and Figures of All North-American Birds not given by Former American Authors, and A General Synopsis of North American Ornitology, 1853–1855. — Philadelphia: J.B. Lippincott & Co., 1856.

Checklist of the US Public Documents, 1789–1909. — Wash., 1911.

Clark B. Bibliographical Essay: Pacific Basin Sources and Literature// Journal of the West. — 1976. — Vol. 15. — April. — № 2.

DeArmond R.N. Southeast Alaska: Names on the Chart and How They Got There. 1st ed. — [Juneau, Alaska]: Ripley/DeArmond, 1989. — 72 p.

Falk M.W. Alaska.– Santa Barbara, Calif., ABC — CLIO, 1995. — 219 p. (World Bibliographic Series. — № 183).

Fisher R.H. Records of the Russian-American Company 1802, 1817–1817. — Wash., 1971.

Golder F.A. Guide to Materials for American History in Russian Archives. Vols. 1–2. — Wash., 1917–1937.

Grant S.A., Brown J.H. The Russian Empire and Soviet Union: A Guide to Manusripts and Archival Materials in the United States. — Boston, 1981.

Istomin A.A. A List of the Persons Presumedly Buried at Fort Ross Cementery//Fort Ross Interpretive Association Newsletter. — 1996. — January-February.

Knapp M.R. A Preliminary Inventory of the Manusript Materials and Photographs in the Sitka Historical Society Museum. — [Juneau]: State of Alaska, Alaska Historical Commission, 1983. — 66 p.

Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970. Pt. 1–2. — Wash., 1975.

The Papers of William H. Seward. Guide and Index to the Microfilm Collection / Ed. by Budeit. — Woodbridge, 1983.

Petroff I. Report on the Population, Industries and Resources of Alaska// 10th US Census 1880. — Wash., 1884. — Vol. 8. — P. 1–177.

Pierce R.A. Alaskian Shipping, 1867–1878: Arrivals and Departure at the Port Sitka. — Kingston, 1972.

Russian Sources on American History. An Inventory of the Microfilm Collection in the Rasmuson Library / Comp. by Shur L. — Fairbanks, 1990. — 46 p.

Rey-Tejerina A. Documentation: The Spanish Exploration of Alaska, 1774–1796: Manuscipt Sources//AH. — 1988. — Vol. 3. — No. 1. — P. 44–61.

Stirling D.A. (Comp.). The Alaska Records Survey: an Inventory of Archival Resources in Repositories of the United States and Canada. — [N.p.]: D.Stirling, [1986]. — 251 leaves. (Ser.: Alaska Historical Commission Studies in History, No. 209).

Ulibarri G.S. Documenting Alaskan History: Guide to Federal Archives Relating to Alaska. — [Fairbanks]: University of Alaska Press, 1982. — 296 p. (Ser.: Alaska Historical Commission Studies in History, No. 23).

Varjola P.(with contribution by **Averkieva J.P.** and **Liapunova R.G.**). The Etholen Collection: The Ethnographic Alaskan Collection of Adolf Etholen and his Contemporaries in the National Museum of Finland. — Helsinki: The National Board of Antiquities of Finland, 1990.

Walle D.F., Bowers C.J. Guide to the Manuscript Collection at the University of Alaska. — Anchorage: University of Alaska Press, 1990. — 146 p.

Westerman V. The Russians in America, a Chronology and Fact Book / Comp. and ed. by Westerman V. — Dobbs Ferry, N.Y.: Oceana Publications, 1977. — 144 p. (Ser.: Ethnic Chronology Series. — N 24).

БИОГРАФИИ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Адамов А. Григорий Иванович Шелихов (1747 — 1795)//СЭ. — 1948. — N 1. — С. 189–201.

Адамов А. По неизведанным путям. — М.: Госкультпросветиздат, 1950. — 136 с. (Очерки о жизни и деятельности А.А. Баранова, К.Г. Хлебникова, А.Ф. Кашеварова, Л.А. Загоскина).

Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельской, 1813–1876 / Под ред. Ильина В.А.; изд. 2-е, перераб. и доп. — [М.]: НПП «Кама», 1996. — 197 с.

Alekseev A.I. Fedor Petrovich Litke / Ed. by Arndt K.; Transl. by LeComte S. — Fairbanks: University of Alaska Press, 1996. — 262 p.

Апостол нашего времени: Жизнь и апостольские труды митрополита Иннокентия (Вениаминова) (1797–1879): [Сборник/Сост. Стельмах Н.] — М.: Писатель, [1996]. — 47 с.

Аристов А. Из истории Русской Америки [XVIII — середина XIX в.]// Бизнес: Восток — Запад. — 1992. — № 4. — С. 34–35.

Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Т. 1–2. — М., 1891.

Безобразов В.П. Граф Федор Петрович Литке. — СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1888. — 239 с. (Записки Императорской Академии наук. — Т. 57. — Прилож. № 2).

Безъязычный В.И. «Он был человек...» (по страницам одной необыкновенной биографии)//Волга. — Саратов, 1970. — № 12. — С. 177–187. (О А.Г. Ротчеве).

Вовнянко А., Соловьева Е. Дочь штурмана и сама дворянка//Водный транспорт. — 1995. — № 42–43. — С. 13. (О Н.А.Шелиховой).

Волобуев Е.И., Ципоруха М.И. Кто Вы, Великий Неизвестный? — М.: Междунар. гуманит. фонд «Знание», 1995.

Григорьев Д. Апостол Аляски. Митрополит Иннокентий (Вениаминов)// Бежин луг. — 1996. — № 1 (14).

Гринёв А.В. Правитель Русской Америки//Былое (Прилож. к журналу «Родина»). — 1996. — № 12. — С. 10–11. (О А.А. Баранове).

Давыдов Ю.В. Южный Крест. — М.: Географгиз, 1957. — 88 с. (О О.Е. Коцебу).

Давыдов Ю.В. Волонтер свободы: Повести. — М.: Известия, 1988. — 366 с. (Повесть: **Вижу берег.** О О.Е. Коцебу).

Дичаров З. Необычайные похождения в России Джона Ледиарда — американца. — СПб.: Наука, 1996. — 172 с.

Доценко В.Д. Был ли Крузенштерн первым кругосветником?// Доценко В.Д. Мифы и легенды русской морской истории. — СПб.: ОАО «Иван Федоров», 1997. — С. 20–29.

Жизнь валаамского монаха Германа, американского миссионера// Странник. — 1868. — Январь.

Зорин А.В. Война между северными кагвантанами и нанъяайн Стикина// Первые американцы. — 1998. — № 3. — С. 52–57.

Из «Иннокентьевского» архива: 1). Дело о назначении священника Иоанна Вениаминова в Америку на о-в Уналашку; 2). Первое 8-месячное пребывание в Ситхе о. Вениаминова (октябрь 1823 до июля 1824 г.). Сообщил епископ Тихон//АПВ. — 1901. — № 18. — С. 377–381.

Иоасаф Болотов, епископ Кадьякский, Викарий Иркутской Епархии//ИЕВП. — 1871. — 20 марта. — № 12. — С. 159–160.

Истомин А.А. Судьба кладбища Форта Росс//Русская жизнь. — Сан-Франциско. — 12 апреля 1995 г.

Историческая справка о первом русском американском епископе Преосвященном кадьякском Иоасафе и сохранившееся письмо его к ректору Ярославской семинарии Иерониму Понятовскому//АПВ. — 1912. — № 8.

Качаева И. Апостол Америки и Сибири//Российская Федерация. — № 4(19). — Март. — С. 8 (О святителе Иннокентии).

Кожевников В.В. Российско-японские отношения в XVIII — XIX веках. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. — 112 с.

Кони А.Ф. Великий князь Константин Николаевич//Великая реформа. — М., 1911. — Т. 5. — С. 34–51.

Кратт И.Ф. Великий океан/Вступ. ст. В. Воеводин. — Л.: Советский писатель, [Ленингр. отд-ние], 1955. — 556 с.

Кудрин Н. Устюгский земли Михайло Булдаков и другие. — Великий Устюг, 1993. — 44 с.

Курляндский И.А. К двухсотлетию со дня рождения святителя Иннокентия (1797–1879)//АЕ. 1997. — М., 1997. — С. 217–223. **Болховитинов Н.Н.** Послесловие//Там же. — С. 224–226.

Марков С.Н. Декабристы и исследователь Юкона Л.А.Загоскин: в Урюке и Иркутске//Восточно-Сибирская правда. — 4 ноября 1955.

Марков С.Н. Вечные следы. Книга о землепроходцах и мореходах. — М.: Молодая гвардия, 1973. (Глава: Клады «Колумбов Российских». — С. 423–448).

Марков С.Н. Избранные произведения. Т. 1–2 / Вступ. ст. Жукова Ю.; художник Спасский И. — М.: Худ. лит-ра, 1980. — Т. 1. Юконский ворон; Летопись Аляски.

Марков С.Н. Летопись Аляски. — М.: Русский центр «Пересвет», 1991. — 188 с.

Марков С.Н. Юконский ворон. — М.: Сантакс, 1994. — 318 с.

Петров В. Морские офицеры во главе «Русской Америки» / Публ. подгот. Перемышлев В.//МС. — 1991. — № 1(1730). — Январь. — С. 71–79.

Под флагом России. История зарождения и развития морского торгового флота / Авторский кол.: Пузырев В.П. (рук.); Редсовет: Михайлов Ю.А. и др. — М.: Согласие, 1995. — 568 с.

Полчанинов Р. Земля американская, названия русские//Америка. — Вашингтон, 1974. — № 217. — Ноябрь. — С. 59.

Правитель Русской Америки и его потомки / Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. — Каргополь: «Грамота», 1997. — 31 с. (О А.А. Баранове).

Сведения о жизни Высокопреосвященнейшего Иннокентия, митрополита Московского//Странник. — 1868. — Февраль. — Отд. IV. — Хроника.

Скрицкий Н.В. Два открытия Берингова пролива: К 350-летию плавания С.И. Дежнева//География в школе. — 1998. — № 6. — С. 38–40.

Совпадение//ИЕВП. — 1868. — 24 февраля. — № 8. — С. 112. (О И.С.Костромитинове).

Соболев И.А. Тотьма: Очерки истории города и района. — Архангельск: Сев.-зап. кн. Изд-во. Вологод. Отд-ние, 1987. (В Русской Америке. — С. 36–41; Мореход Иван Кусков. — С. 41–45).

Смит Б., Барнетт Р. Русская Америка//Иркутская старина (Иллюстр. прилож. к журн. «Сибирь»). Исторический альманах. — Иркутск., 1993. — Вып. 1. — С. 28–30.

Стрюченко И. Святитель Иннокентий и наше время//Россия и АТР (Russia and The Pacific). — Владивосток, 1997. — № 3. — С. 59–68.

Фирсов И.И. Колумбы российские: К 300-летию русского флота. — М.: Музей бумаги, 1996. — 367 с.

Харлампий, иеромонах. Очерк жизни и апостольских трудов Иннокентия митрополита Московского. — М., 1912.

Хвастунова Г.М. Московские Колумбы//Московский журнал. — 1998. — № 8. — С. 33–34.

Ципоруха М.И. Первая российская кругосветная//Наука в России. — 1995. — № 5. — 74–78.

Шатрова Г.П. Декабрист Д.И. Завалишин. — Красноярск, 1984.

Шелехов. Связь времен. Изд. 2-е., доп. — [Рыльск]: Рыльская тип., Б.г. — 84 с.

Штейнберг Е.Л. Жизнеописание русского мореплавателя Юрия Лисянского, содержащее историю его службы на военном флоте российском, его плаваний в Западную и Восточную Индию, Северную Америку и Южную Африку, а также о знаменитом первом вояже русских моряков вокруг света с 1803 по 1806 год. — М.: Воен. изд-во Мин-ва вооруж. сил Союза ССР, 1948. — 213 с.

Шумилов А. Витус Беринг: четверть тысячелетия спустя//Морской флот. — 1998. — № 1. — С. 40–42.

Шумилов А. Стеллер, натуралист и путешественник: [1709–1746]// Морской флот. — 1998. — № 5/6. — С. 33–36.

Alaska (Ter.) Governor (Parks). Glimpses of Alaska from 1728 to the Present Date... — [Juneau, 1931.]. — 95 p. (other name: **Bone S.C.**)

Bancroft F. The Life of William H.Seward. Vol. 1–2. — N.Y., 1900.

Becker E.A. «Here Comes the Polly». 1st ed. — Seattle: Superior Pub. Co., [1971]. — 127 p.

Bell M.E. Touched with Fire: Alaska's George Wilhelm Steller. — N.Y., 1960.

Bolanz M. The Art and Costume of Tlingit Indian Face Painting//AJ. — 1971. — Vol. 1. — No. 2. — Spring. — P. 38–40.

Cheney W. The Way of the North; A Romance of the Days of Baranov. — N.Y.: Doubleday, Page & Company, 1905. — 320 p.

Coates P. Amchitka, Alaska: Toward the Bio-Biography of an Island// Environmental History. — 1996. — Vol. 1. — No. 4. — P. 20–45.

Dailey J. The Great Alone. Special ed. Vols. 1–2. — Bath, England; South Yarmouth, Mass.: Chivers press, J.Curley, 1986.

Durov V.A. Russian Medals Highlight America//World Coin News. — 1980. — July 29. — P. 12.

Ford C. Where the Sea Breaks Its Back: The Epic Story of a Pioneer Naturalist and the Discovery of Alaska. — Boston, 1966.

Frost O.W. Vitus Bering ans George Steller: Their Tragic Conflict during the American Expedition//Pacific Northwest Quarterly. — 1994/95. — Vol. 86. — No. 1. — Winter. — P. 3–16.

La vie et la suivie d'une colonie Russe en Alaska//Le Mois. — Paris, 1938. — N 88. — May 10. — P. 75–82.

Michener J.A. (James Albert). Alaska. 1st ed. — N.Y.: Random House, 1988. — 868 p.

Nash J.M. The Interwoven Lifes of George Vancouver, Archibald Menzies, Joseph Whidbey, and Peter Puget: Exploring the Pacific Northwest Coast. — Lewiston, N.Y.: Mellen, 1996. — 537 p.

Pierce R.A. Alaska's Russian Governors: Prince D.P. Maksutov//AJ. — 1973. — Vol. 3. — No. 1.

Pierce R.A. Voznesenskii, Scientist in Alaska//AJ. — 1975. — Vol. 5. — No. 1. — Winter. — P. 11–15.

Pierce R.A. The Russian Governors: Builders of Alaska, 1818–1867. — Kingston, Ont.: Limestone Press, 1986. — 53 p.

Richardson H.E. Cassius Marcellus Clay: Firebrand of Freedom. — Lexington, 1976.

Robertson J.A. Kentuckian at the Court of the Tsar: The Ministry of Cassius Marcellus Clay to Russia, 1861–62 and 1863–69. — Berea (Ky), 1935.

Roesch E.P. Ashana. 1st ed. — N.Y.: Random House, 1990. — 404 p. (О А.А.Баранове и Русской Америке конца XVIII в.).

Shenton J.P. Robert John Walker: A Politician from Jackson to Lincoln. — N.Y., 1961.

Sipes E. Traders and Soldiers in Russian America//History Today. — L., 1998. — Vol. 48(8). — August. — P. 38–44.

Smiley D.L. The Lion of White Hall: The Life of Cassius Marcellus Clay. — Madison, 1962.

Shur L.A., Pierce R.A. Artists in Russian America: Mikhail Tikhanov (1818)//AJ. — 1976. — Vol. 6. — No. 1. — Winter. — P. 40–49.

Shur L.A., Pierce R.A. Pavel Mikhailov: Artist in Russian America// AJ. — 1978. — Vol. 8. — No. 4. — Autumn. — P. 360–363.

Stejneger L. George Wilhelm Steller: The Pioneer of Alaska Natural History. — Cambridge (Mass.), 1936

The Last New Land: Stories of Alaska, Past and Present / Ed. by Mergler W.; Foreword by Haines J. — Anchorage: Alaska Northwest Books, 1996. — 791 p.

Thomas L. (Steele R.V.). Between Two Empires: The Life of California's First Senator, William McKendree Gwin. — Boston, 1969.

Ushanoff V.V. St.Peter and St.Paul: Ships of Alaskan History//AJ. — 1979. — Vol. 9. — No. 2. — Spring. — P.16–17.

Van Deusen G.G. William H. Seward. — N.Y., 1967.

Vasile R.S. The Early Career of Robert Kennicott, Illinois' Pioneering Naturalist//Illinois Historical Journal. — 1994. — Vol. 87. — No. 3. — P. 150–170.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Агранат Г.А. Зарубежный Север. Очерки природы, истории, населения и экономики районов. — М.: Изд-во АН СССР, 1997. — 319 с.

Агранат Г.А. Зарубежный Север. Опыт освоения. — М.: Наука, 1970. — 414 с. (Публикация диссертации; **Агранат Г.А.** Проблемы освоения зарубежного Севера и Гренландии/Дис. д-ра геогр. наук. — М.: Ин-т географии АН СССР, 1968.)

Агранат Г.А. Освоение Севера: глобальные уроки. — М.: Изд-во ВИНИТИ, 1992. — 192 с.

Агранат Г.А. Судьбы Русской Америки//США — экономика, политика, идеология. — 1997. — № 11. — С. 52–63.

Алексеев Р.В. Дипломатическая деятельность А.А. Бодиско на рубеже 30–40-х годов XIX века//Americana: Сборник статей по истории и культуре стран Американского континента. Вып. 1. — Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 1997. — С. 11–16.

Алексеева Е.В. Русская Америка. Американская Россия? — Екатеринбург: УрО РАН, 1998. — 255 с.

Анатолий, архимандрит. Древняя религия тлинхита. Характер древней религии индиан//АПВ. — 1900. — № 2–3, 6; 1901. — № 5–6; 1902. — № 7–9.

Анатолий, иеромонах. Ситка//АПВ. — 1898. — Т.V. — № 12,13. — С. 393–397.

Анатолий, иеромонах. Архангело-Михайловский православный собор в Ситке. — Нью-Йорк, 1899.

Артемьев А.Р. Из истории освоения русскими островов Ситка (Баранова): Публ. к междунар. конф./ РАН. Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Препр. — Владивосток, 1994. — 44 с.

Батуева Т.М. Происхождение договора о покупке Аляски в конгрессе США в 1867–1868 гг.//ННИ. — 1971. — № 4. — С.117–130.

Батуева Т.М. Экспансия США на севере Тихого океана и покупка Аляски в 1867 г.//Американский экспансионизм: новое время. — М., 1985. — С. 120–133.

Болховитинов Н.Н. Общественность США и ратификация договора 1867 г.//АЕ. 1987. — М., 1987. — С. 157–174.

Болховитинов Н.Н. Аляскинский скандал, 1867–1868 гг.//ВИ. — 1989. — № 4. — С. 37–54.

Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски (конец XVIII — 1867 г.)//История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877 / Редкол.: Болховитинов Н.Н. (отв. ред.) и др. — М., 1994. — С. 339–362.

Болховитинов Н.Н. Не командор, а действительный кавалер. (О книге «Командор». Красноярск. 1995. 703 с.)//США: экономика, политика, идеология. — 1996. — № 9. — С. 123–127.

Болховитинов Н.Н. Н.П.Резанов и первое русское кругосветное плавание 1803–1806 гг.//ННИ. — 1997. — № 3. — С. 167–186.

Болховитинов Н.Н.Становление и развитие русско-американских отношений, 1732–1867 гг. (некоторые итоги)//Americana. Вып.2. Материалы научной конференции «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия» г. Волгоград, 24–26 сентября 1997 года. — Волгоград, 1998. — С. 6–29.

Болховитинов Н.Н. Еще раз о продаже Аляски//США — экономика, политика, идеология. — 1998. — № 10. — С. 94–103.

Bolkhovitinov N.N. Russian-American Relations and the Sale of Alaska, 1834–1867 / Transl. and ed. by Pierce R.A. — Kingston, Ont.; Fairbanks, Alaska: The Limestone Press, 1996. — 394 p.

Григорьев Д. Русская Православная миссия в Северной Америке//Бежин луг–Bejine lougue. — 1996. — № 4. — С. 107–120.

Гринёв А.В. Взаимоотношения Российско-Американской компании и Компании Гудзонова залива: проблема англо-русских контактов в Северной Америке (1821–1867 гг.)//Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. — Барнаул: Алт. гос. ун-тет, 1996. — С. 61–92.

Гринёв А.В. «Колониальный политаризм» в Новом Свете//ЭО. — 1996. — № 4. — С. 52–64.

Grinev A.V. The Forgotten Expedition of Dmitrii Tarakanov on the Copper River//AH. — 1997. — Vol. 12. — N 1. — P. 1–17.

Дуров А.Г. Русские географические названия в Тихом океане, на территории Аляски и Алеутских островов//Географ. сб. — Т. XIII. Картография. — 1959. — С. 155–182.

Зорин А.В. Англо-американские морские торговцы и гибель Михайловской крепости на Ситке в июне 1802 года//Americana. Вып.2. Материалы

научной конференции «Россия и страны Америки: опыт исторического взаимодействия» г. Волгоград, 24–26 сентября 1997 года. — Волгоград, 1998. — С. 29–43.

Зорин А.В. Соперничество торгово-промысловых компаний в Русской Америке//ВИ. — 1998. — № 11–12. — С. 151–156.

Иванов А. Православие в Америке//Журнал Московской патриархии. — 1955. — № 1.

Истомин А.А. Америка Испанская и Русская//Латинская Америка. — 1987. — № 6. — С. 59–60.

Истомин А.А. Начало создания «общих селений» на острове Кадьяк в Русской Америке (1839–1842 гг.)//ЭО. — 1998. — № 5. — С. 108–123.

Истомин А.А. Совместные русско-американские промысловые экспедиции в Калифорнию (1803–1812 гг.)//ВИ. — 1998. — № 8. — С. 105–113.

Istomin A.A. A Variant of the Ross Colony: Russian America and the Process of Diasporization//Fort Ross Interpretive Association Newsletter. — Fort Ross. — 1994. — September-October.

История Русской Америки 1732–1867 / Под ред. Болховитинова Н.Н. Т.1–3. **Т.1. Основание Русской Америки 1732–1799.** — М.: Международные отношения, 1997. — 479 с.

Рец. и статьи о Т.1 см. **Крючкова О.В.** Русская Америка: новые материалы и новые концепции//США. Канада: Вчера — Сегодня — Завтра. — 1999. — № 1. — С.105–111; **Кантор Р.Е.**//ВИ. — 1998. — № 11/12. — С.165–167; **Гнездилова Ю.** «Я болен Аляской»//Книжное обозрение. — 24 февраля 1998. — № 8; **Люсый А.** Прощай Аляска, здравствуй «Русская Америка»//Вечерняя Москва. — 19–25 февраля 1998. — С. 12; **Баскаков Э.** «Триптих» о «Русской Америке»//За Калужской заставой. — 28 февраля — 4 марта 1998. — № 8. — С. 11; **Exlibris**//Прилож. к **Независимой газете** от 12 февраля 1998 г. — Февраль. — № 5 (26). — С.9; **Куролина Н.** История Русской Америки//Вести. — 1 ноября 1998. — С. 6.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1–5/Под главн. ред. Окладников А.П. и Шунков В.И. — Л.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1968–1969.

Кабанов П.И. Амурский вопрос. — Благовещенск, 1959.

Корчинский И., свящ. Квихпакская Крестовоздвиженская миссия на реке Юконе//АПВ. — 1899. — № 13. — С. 359–362.

Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. — М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997.

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древшейших времен и до XX века. — М.: Изд-во МГУ, 1996. — 683 с.

Марков С.Н. Колумбы Российские. К истории Российско-американской компании//Советское краеведение. — 1936. — № 6. — С. 48–58.

Мезенцев Е.В. Военный флот играл важную роль: Морские силы России на Дальнем Востоке и в Русской Америке в начале XIX века//Военно-исторический журнал. — 1998. — № 5. — Сентябрь-октябрь. — С. 60–67.

Нарочницкий А.Л. Экспансия США на Дальнем Востоке в 50–70-х годах XIX в.//Исторические записки. — 1953. — Т. 44.

Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895. — М., 1956.

Национальная политика в императорской России: Поздние первобытные и предклассовые общества Севера Европейской России, Сибири и Русской Америки / Сост., ред., авт. вступ. ст. Семенов Ю.И. — М.: Старый город, 1998. — 375 с.

Окладникова Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. — СПб., 1995. — 319 с.

Окладникова Е.А. Символы власти и модель Вселенной в традиционной культуре индейцев Тихоокеанского побережья Северной Америки и Калифорнии//Пространство и время в архаических и традиционных культурах. — М., 1996. — С. 108–153.

Okladnikova E.A. The California Collection of I.G.Voznesensky and the Problems of Ancient Cultural Connections between Asia and America//Journal of California and Great Basin Anthropology. — 1983. — Vol. 5. — No. 1–2. — P. 224–239.

Окунь С.Б. К истории продажи русских колоний в Америке//Исторические записки. — 1938. — Т. 2.

Пасецкий В.М. Русские открытия и исследования в Арктике: первая половина XIX в. — М., 1984.

Постников А.В. Карты земель российских. — М.: Наш дом, 1996. — 192 с.

Постников А.В. Продажа Аляски и международная телеграфная экспедиция//Вопросы истории естествознания и техники. — 1997. — № 1. — С. 3–38.

Постников А.В. Экспедиция Л.А. Загоскина 1842–1844 гг., ее значение и результаты (к 150-летию публикации материалов)// Вопросы естествознания и техники. — 1998. — № 1. — С. 47–72.

Postnikov A.V. The Mapping of Russain America. A History of Russian-American Contacts in Carthography. — Milwaukee: American Geographical Society Collection of Golda Meir Library, University of Wisconsin, 1995.

Путешествие преосвященного Иннокентия, епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, к месту своего назначения//АПВ. — 1901. — № 18.

Ратнер-Штернберг С.А. Музейные материалы по тлинкитскому шаманству//Сб. МАЭ. — Л., 1927. — Т. 6.

Рогинский Е.М. Д.И. Завалишин как общественный деятель [1804–1892]//ВИ. — 1998. — № 8. — С. 137–144.

Российские исторические чтения, посвященные 200-летию со дня смерти Г.И. Шелихова: Тезисы и материалы. (Шелехов, 20–23 июля 1995 г.) / Редкол.: Дулов А.В. (гл. ред.) и др. — Шелехов, 1995. — 54 с.

Слюнин Н. Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. — СПб., 1895.

Соловьева К.Г., Вовнянко А.А. Пропавшие и забытые карты компании Голиковых — Шелихова, 1783–1798 гг.//АЕ.1994. — М., 1994. — С. 116–136.

Столетняя годовщина прибытия русских эскадр в Америку, 1863–1963. — Вашингтон, 1963.

Троицкая Л.М. История Русской Америки на страницах «Иркутских Епархиальных Ведомостей»//АЕ. 1997. — М., 1997. — С. 163–176.

Ф.П. Прошлое православной миссии в Аляске//АПВ. — 1904. — № 2.

Черненко М.Б., Агранат Г.А. Экспедиция лейтенанта Л.А.Загоскина по Русской Америке//Природа. — 1954. — №. 9. — С. 73–104.

Черных В.А. А.И.Герцен и американский публицист Чарлз Г.Лиленд// Проблемы истории общественной мысли и историографии. — М.: Наука, 1976. — С. 189–200.

Черных В.А. «Колокол» в Русской Аляске (Новый документ из Заграничного архива А.И. Герцена)//Источниковедение и археология Сибири. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1977. — С. 59–63.

Шаламов Т., свящ. Краткое церковно-историческое описание Кадьякского прихода. (По архиву Кадьякской церкви)//АПВ. — 1897/1989. — № 7–11.

Широков С. 200 лет православия в Америке. Валаамский монастырь и американская православная миссия: История и духовные связи. — М.: Храм Святой Троицы у Покровских ворот, 1996. — 175 с.

Шур Л.А. Путевые записки и дневники русских путешественников как источник по истории Калифорниии (первая половина XIX в.)//АЕ. 1971. — М., 1971. — С. 295–319.

Adventures through Time: Readings in the Anthropology of Cook Inlet, Alaska / Eds. by Davis N.Y., Davis W.E. — Anchorage, Alaska: Cook Inlet Historical Society, 1996. — 284 p.

An Alaska Anthology: Interpreting the Past / Ed. by Haycox S.W., Mangusso M.C. — Seatlle: University Press, 1996. — 447 p.

Allan J.M. Searching for California's First Shipyard: Remote Sensing Surveys at Fort Ross//Kroeber Anthropological Society Papers. — 1997. — Vol. 81. — P. 50–83.

Allen H.C. The Cowboy and Cossacks: Russian-American Relations in the Victorian Era//European Contributions to American Studies. — 1992. — Vol. 24. — P. 35–60.

Anderson T.I. Alaska Hooch: the History of Alcohol in Early Alaska. — [Fairbanks, Alaska] (Box 80384, Fairbanks 99708): [Hoo-Cho Noo, 1988.]. — 274 p.

Andrews C.L. Alaska under the Russians: Industry, Trade, and Social Life// WHQ. — 1916. — Vol. 7. — Oct. — P. 278–295.

Andrews C.L. Alaska Whaling//WHQ. — 1918. — Vol. 9. — Jan. — P. 3–10.

Antonson J.M. Alaska's Heritage / By Antonson J.M., Hanable W.S. Vols. 1–2. 2nd ed. — Anchorage: Alaska Historical Society for the Alaska Historical Commission, Dept. of Education, State of Alaska, 1992.

Bailey Th.A. Why the United States Purchased Alaska//PHR. — 1934. — Vol. 3. — March. — No. 1. — P. 39–49.

Bancroft F. Seward's Ideas of the Territorial Expansion//North American Review. — 1898. — Vol. 167. — P. 79–89.

Bandi H.G. Alaska. Urgeschichte, Geshichte, Gegenwart. — Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz: Kohlammer, [1967].

Barratt G. Alexander Mackenzie and the Empress//Beaver. — 1984. — Vol. 315. — No. 1. — P. 42–46.

Basque G. Herschel Island//Canadian West. — 1994. — Vol. 10. — No. 2. — P. 4–14.

Black L.T. The Konyag (The Inhabitants of the Island of Kodiak) by Ioasaf [Bolotov] (1794–1799) and by Gideon (1804–1807)//AA. — 1977. — Vol. XIV. — No. 2. — P. 79–108.

Black L.T. Creoles in Russian America//Pacífica. — 1990. — Vol. II. — November. — P. 142–155.

Black L.T., Desson D. Early Russian Contact. — Anchorage, Alaska: Alaska Historical Commission, [1986?]. — 50 leaves.

Bromberg N.A. Clarence Leroy Andrews and Alaska//AJ. — 1976. — Vol. 6. — Spring. — No. 2. — P. 66–77.

Buchholdt Th. Filipinos in Alaska: 1788–1958. — Anchorage, Alaska: Aboriginal, 1996. — 187 p.

Bunting R. The Pacific Raincoast: Environment and Culture in an American Eden, 1778–1900. — Lawrence: University Press of Kansas, 1997. — 236 p.

Bushnell O.A. The Gifts of Civilization: Germs and Genocide in Hawaii. — Honolulu: Univ. of Hawaii Press, 1993. — 326p.

Callahan J.M. The Alaska Purchase and American-Canadian Relations. — Morgantown, 1908.

The Cambridge History of the Native Peoples of the Americas. Vols. 1–2. **Vol. 1. North America.** — N.Y.: Cambridge University Press, 1996. — 564 p.

Carranza Castellanos E. Cuando los rusos invadieron América del Norte. — México: Tradición, 1983. — 123 p.

Carranza Castellanos E. The Russian Invasion of California. — San Antonio, Tex.: Freymann & Associates, [1984]. — 63 p.

Cheney C. Alaska: Indians, Eskimos, Russians, and the Rest. — N.Y.: Dodd, Mead, 1980. — 143 p.

Coleman E.J. Gwin and Seward: A Secret Chapter in Ante-Bellum History//Overland Monthly. — 1891. — Vol. 18. — 2nd ser. — Nov. — No. 107. — P. 465–471.

Crowell A. Archeology and the Capitalist World System: A Study from Russian America / With an introd. by Clark D.W. — N.Y.: Plenum Press, 1997.

Crowell A. Russians in Alaska, 1784: Foundation of Colonial Society at Three Saints Harbor, Kodiak Island//Kroeber Anthropological Society Papers. — 1997. — Vol. 81. — P. 10–41.

Cutter D.C. Franciscan Visit to the Russians: Father Payeras at Fort Ross// Archivum Franciscanum Historicum. — Roma, 1992. — An. 85. — P. 653–670.

Dall W.H. Alaska and Its Resources. — Boston, 1870.

Dauenhaer J.R. The Spiritual Epithany of Aleut//Orthodox Alaska. — 1979. — Vol. VIII. — January. — P. 19–28.

Davidson D.C. Relations of the Hudson's Bay Company with the Russian-American Company on the Northwest Coast, 1829–1867//BCHQ. — 1941. — Vol. 5. — Jan. — No. 1. — P. 33–51.

Davidson D.C. The War Scare of 1854: The Pacific Coast and the Crimean War// BCHQ. — 1941. — Vol. 5. — Oct. — No. 4. — P. 243–253.

Dean J.R. «Their Nature and Qualities Remain Unchanged»: Russian Occupation and Tlingit Resistance 1802–1867//AH. — 1994. — Vol. 9. — No. 1. — P. 1–17.

Dean J.R. «Users of the Past» on the North West Coast: The Russian American Company and Tlingit Nobility, 1825-1867//Ethnohistory. — 1995. — Vol. 42. — No. 2.

Dean J.R. The Hudson's Bay Company and Its Use of Force, 1828–1829// OHQ. — 1997. — Vol. 98. — No. 3. — Fall. — P. 262–295.

Dillon R.H. Charist California//AH. — 1996. — Vol. 31. — No. 2. — P. 36–41, 58–59.

Doll A., Pierce R.A. Songs of Russian America//Alaska Review. — 1970. — Vol.1. — No. 13. — Spring/Summer. — P. 24–32.

Doughty R.W. The Farallones and the Boston Men//California Historical Quarterly. — 1974. — Vol. LIII. — No. 4. — Winter. — P. 309–316.

Du Four C.J. The Russian Withdrawal from California//CHSQ. — 1933. — Vol. 12. — Sept. — No. 3. — P. 240–276.

Dunning W.A. Paying for Alaska//Political Science Quarterly. — 1912. — Vol. 27. — Sept. — No. 3. — P. 385–398.

Enlightenment and Exploration in the North Pacific, 1741–1805 / Eds. by Haycox S., Barnett J.K., Liburd C.A. — Seattle: Publ. for the Cook Inlet Historical Society in the Anchorage Museum of History and Art and by the University of Washington Press, 1997. — 220 p.

Essig E.O., Ogden A., Du Four J. Fort Ross: California Outpost of Russian Alaska 1812–1841 / Ed. by Pierce R.A. — Kingston, 1991

Farrar V.J. Joseph Lane McDonald and the Purchase of Alaska//WHQ. — 1921. — Vol.12. — April. — No. 2. — P. 83–90.

Farrar V.J. The Background of the Purchase of Alaska// WHQ. — 1922. — Vol.13. — No. 2. — April. — P. 93–104.

Farrar V.J. Senator Cole and the Purchase of Alaska//WHQ. — 1923. — Vol. 14. — Oct. — P. 243–247.

Farrar V.J. The Annexation of Russian America to the United States. — Wash., 1937. — 142 p. (repr.: 1966).

Farris G. Talakani, the Man Who Purchased Fort Ross//Fort Ross Interpretive Association Newsletter. — 1993. — September-October.

Farris G. The Age of Russian Imperialism in the North Pacific//Kroeber Anthropological Society Papers. — 1997. — Vol. 81. — P. 187–194.

Fisher R. Contact and Conflict: Indian-European Relations in British Columbia, 1774–1890. — Vancouver, 1977.

Frost O.W. Vitus Bering Resurrected: Recent Forensic Analysis and the Documentary Record//Pacific Northwest Quarterly. — 1993. — Vol. 84. — P. 91–97.

Galbraith J.S. The Hudson's Bay Company as an Imperial Factor, 1821–1869. — Berkeley — Los Angeles, 1957.

Gerus O. The Russian Withdrawal from Alaska: The Decision to Sell// Revista de Historia de América. — 1972–1973. — No. 75–76. — P. 157–178.

Gibson J.R. Two New Chernych Letters//The Pacific Historian. — 1968. — Vol. 12. — No. 3. — P. 48–56; No. 4. — P. 54–60.

Gibson J.R. Russia in California, 1833: Report of Governor Wrangell// PHR. — 1969. — Vol. 60. — No. 4. — P. 205–215.

Gibson J.R. The Sale of Russian America to the United States//Acta Slavica Japonica. — 1983. — T.1. — P. 15–37.

Gibson J.R. Farming the Frontier: The Agricultural Opening of the Oregon Country, 1786-1846. — Vancouver, 1985.

Gibson J.R. Sitka Versus Kodiak: Countering the Tlingit Threat and Situating the Colonial Capital in Russian America//PHR. — 1998. — Vol. 67. — February. — No. 1. — P. 67–98.

Giesecke E.W. Discovery of Humboldt Bay, California in 1806 from the ship *O'Cain,* Jonathan Winship, Commander. An Episode in Bostonian-Russian Voyage of the Early American China Trade//Terrae Incognitae. The Journal for the History of Discoveries. — 1997. — Vol. 29. — P. 51–71; 1998. — Vol. 30. — P. 94–100.

Gilbert B.F. The Alaska Purchase//Journal of the West. — 1964. — Vol. 3. — No. 2. — April. — P. 163–174.

Golder F.A. The Attitude of the Russian Government Toward Alaska// Pacific Ocean in History / Ed. by Stephens H.M., Bolton H.E. — N.Y., 1917. (см. репринт: AJ. — 1971. — Vol. 1. — No. 2. — Spring. — P. 53–57).

Golder F.A. The Purchase of Alaska//AHR. — 1920. — Vol. 25. — No. 3. — April. — P. 411–425.

Gordon J. The Cathedral of Achangel Michael//Alaska Yukon Magazine. — 1907. — October. — P. 174–178.

Gregory, Bishop. Sitka and St.Michael's Cathedral. — Publ. by the Diocese of Alaska of the Orthodox Church in Alaska: St.Herman's Press, 1974. — 28 p.

Harrison J.A. The Founding of the Russian Empire in Asia and America. — Coral Gables, Fla.: University of Miami Press, [1971]. — 156 p.

Heckrotte W., Dahl E.H. George Louis Le Rouge, Vitus Bering and Admiral de Fonte: A Cautionary Tale about «Cartographic Firsts»//Map Collector. — 1993. — Vol. 64. — P. 18–23.

Herber E.C. Spencer Fullerton Baird and the purchase of Alaska//Proceedings of American Philosofical Society. — 1954. — Vol. 98. — No. 2. — April. — P. 139–143.

Hietala Th.R. Manifest Design: Anxious Aggrandizement in Late Jacksonian America. — Ithaca, 1985.

Higginson I.N. Poetry and Alaska: William Henry Seward's Alaskan Purchase and Bret Harte's «An Arctic Vision»//Arctic. — 1997. — Vol. 50. — No. 1. — P. 334–348.

Hinckley T.C. The Canoe Rocks: Alaska's Tlingit and the Euramerican Frontier, 1800–1912. — Lanham: University Press of America, 1996. — 458 p.

Hinkley T.C. The Americanization of Alaska, 1867–1897. — Palo Alto, 1972.

Hinkley T.C. Alaska as an American Botany Bay//PHR. — 1973. — Vol. 42. — No. 1. — P. 1–19.

Holbo P.S. Tarnished Expansion: The Alaska Scandal, the Press, and Congress, 1867–1871. — Knoxville, 1983.

Huttenbach H.R. Sale of Alaska: A Reply to a Soviet Commentary//Alaska Review. — 1970. — Spring-Summer. — P. 33–45.

Interpreting Alaska's History: An Anthology / Eds. by Mangusso M.C., Haycox S.W. — Seattle: University of Washington Press, 1995. — 468 p. (print 1989: Alaska Pacific University Press).

Ireland W.E. James Douglas and the Russian-American Company, 1840// BCHQ. — 1941. — Vol. 5. — No. 1. — January. — P. 53–66.

Iverson E. Nickolai Rezanov and Concepción Arguello: The Tale of Old California. The Siren Song of Poetry and Romance has led Historians Astray// California Historian. — 1996. — Vol. 42. — No. 4. — Summer.

Jackson C.I. The Stikine Territory Lease and Its Revelance to the Alaska Purchase//PHR. — 1967. — Vol. 36. — No. 3. — August. — P. 289–306.

Jackson D. Ledyard and LaPeRouse: a Contrast in Northwestern Exploration//Western Historical Quarterly. — 1978. — Vol. 9. — No. 4. — P. 495–508.

Jahn A. Alaska. [Wyd. 1]. — Warszawa: Panstwowe Wydawn. Naukowe, 1966. — 497 p.

James J.A. The First Scientific Exploration of Russian America and the Purchase of Alaska. — Evanston, 1942.

Johnson S.M. Wrangell and Simpson//Old Trails and New Directions: Papers of the Third North American Fur Trade Conference / Eds. by Judd C.M., Ray A.J. — Toronto: University Press of Toronto, 1980. — P. 207–216.

Jones R.F. The Identity of the *Tonquin's* Interpreter//Oregon Historical Quarterly. — 1997. — Vol. 98. — Fall. — No. 3. — P. 296–314.

Kan S. Clan Mothers and Godmothers: Tlingit Women and Russian Orthodox Christianity, 1840-1940//Ethnohistory. — 1996. — Vol. 43. — Fall. — P. 613–642.

Keithahn E.L. Alaska Ice, Inc.//Pacific Northwest Quarterly. — 1945. — Vol. 34. — April. — P. 121–131.

Kerner R.J. Russian Expansion in America: Its Bibliographical Foundations//Papers of the Bibliographical Society of America. — 1931. — Vol. 25. — P. 111–129.

Kenyon K.W. The Sea Otter in the Eastern Pacific Ocean. — N.Y., 1975.

Klein L.F. Demystifying the Opposition: The Hudson's Bay Company and the Tlingit//A.A. — 1987. — Vol. 24. — No. 1. — P. 101–115.

Lander J.R. Tsunamis Affecting Alaska 1737–1996. — Boulder, Col.: National Geographical Data Center. — 1996. — September. — 199 p.

Lensen G.A. The Russian Push Toward Japan: Russian-Japanese Relations, 1697–1875. — N.Y., 1959 (reprint: 1971).

Lepotier A.A.M. Les russes en Amérique. — Paris: A.Fayard, [1958]. — 252 p.

Lethcoe J., Lethcoe N. A History of Prince William Sound. — Valdez, Alaska: Prince William Sound Books, 1994. — 169 p.

Lightfoot K.G. Russian Colonialism in the North and Tropical Pacific: An Introduction//Kroeber Anthropological Society Papers. — 1997. — Vol. 81. — P. 1–9.

Longenbaugh D. A View of Sitka in 1838: the Plan of the Capital of Russian America//AJ. — 1986. — No. 16. — P. 115–119.

Lin T.C. The Amur Frontier Question between China and Russia, 1850–1860//PHR. — 1934. — Vol.3. — No. 1. — March. — P. 1–27.

Luthin R.H. The Sale of Alaska//Slavonic and East European Review. — 1937. — Vol. 16. — July. — P. 168–182.

Mackie R.S. Trading beyond the Mountains: The British Fur Trade on the Pacific, 1793–1843. — Vancouver: Univ. of British Columbia Press, 1997. — 420 p.

Mahr A.A. The Visit of the Rurik to San Francisco in 1816. — Stanford — L., 1932.

Marshall Y., Mass A. Dashing Dishes//World Archeology. — Henley-on-Thames, 1997. — Vol. 28. — No. 3. — P. 275–290.

Mathes W.M. El comisionado del Imperio mexicano visita la frontera ruso-mexicana, octubre de 1822//Calafia. — 1989. — Vol. VI. — No. 6. — P. 7–11.

Mazour A.G. The Prelude to Russia's Departure from America//PHR. — 1941. — Vol. 10. — September. — P. 311–319.

McPherson H.M. The Interest of William Mckendree Gwin in the Purchase of Alaska, 1854–1861//PHR. — 1934. — Vol. 3. — No. 1. — March. — P. 28–38.

Menz K.B. Historic Furnishing Report, Russian Bishop's House, Sitka National Historical Park. — Harper's Ferry, W.V., 1986.

Merk F. The Oregon Question: Essays in Anglo-American Diplomacy and Politics. — Cambridge, 1967.

Middleton J. Clothing in Colonial Russian America: A New Look. — Kingston, Ont.; Fairbanks, Alaska: The Limestone Press, 1996. — 138 p.

Miller P. Lost Heritage of Alaska: the Adventures and Art of the Alaskan Coastal Indians / Narrative by Miller P. Graphic and Aesthetic Commentary by Miller L.G. — Cleveland: World Pub. Co., [1967]. — 289 p.

Mills P.R. A New View of Kaua'i as «The Separate Kingdom» after 1810// Hawaiian Journal of History. — 1996. — Vol. 30. — P. 91–104.

Mousalimas S.A. The Transition from Shamanism to Russian Orthodoxy in Alaska. — Providence: Berghahn Books, 1995. — 254 p.

Mull G., Plafker G. The First Russian Landings in Alaska//AJ. — 1976. — Vol. 6. — No. 3. — Summer. — P. 135–145.

Neunherz R.E. «Hemmed in»: Reaction in British Columbia to the Purchase of Russian America//Pacific Northwest Quarterly. — 1989. — Vol. 3. — P. 101–111.

Newell G.R. SOS North Pacific; Tales of Shipwrecks off the Washington, British Columbia, and Alaskan Coasts. — Portland, Or.: Binfords & Mort, [1955]. — 216 p.

Newman P.C. Company of Adventurers. — N.Y., 1985.

O'Grady-Reader A. The Baltic Connections in Russian America// Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 1994. — Vol. 42. — No. 3. — S. 321–339.

Oliva L.J. America Meets Russia: 1854//Journalism Quarterly. — 1963. — Vol. 40. — Winter. — P. 65–69.

Olwalt R.L. Russian Loanwork in Southwestern Pomo//International Journal of American Linguistics. — 1958. — Vol. 24. — No. 3.

Ormsby M.A. British Columbia: A History. — Vancouver, 1958.

Paolino E.N. The Foundations of American Empire: William Henry Seward and US Foreign Policy. — Ithaca, Boston, 1973.

Parkman E.B. Fort and Settlement: Interpreting the Past at Fort Ross State Historic Park//California History. — 1996–97. — Vol. 75. — No. 4. — P. 354–369, 387–389.

Parry A. Yankee Whalers in Siberia//Russian Review. — 1946. — Vol. 4. — No. 2. — Spring. — P. 37–58.

Pethick D. Fort Victoria 1843–1858//Canadian West. — 1993. — Vol. 9. — No. 4. — P. 140–147; 1994. — Vol.10. — No. 1. — P. 30–35; No. 2. — P. 19–22; No. 3. — P. 24–31.

Pierce R.A. Russia and British Columbia, to 1867//Western Perspectives. (Formerly Prairie Perspectives). Papers of the Western Canadian Studies Conference 1973 / Ed. with an Introd. by Bercuson D.J. — Toronto, Montreal: Holt, Rinehart and Winston of Canada Limited, 1974. — Vol. 1. — P. 68–77.

Pierce R.A. The Russian Coal Mine on the Kenai//AJ. — 1975. — Vol. 5. — No. 2. — P. 104–108.

Pierce R.A. Hector Chevigny: Historian of Russian America//AJ. — 1985. — Vol. 15. — No. 4. — P. 33–37.

Pierce R.A. Reconstructing «Baranov's Castle»//AH. — 1989. — Vol. 4. — No. 1. — P. 27–44.

Pilder H. Die Russisch-americanische handels-kompanie bis 1825. — Berlin und Liepzig: G.J.Goschen, 1914. — 174 s.

Pirenne J.-H. La Compagnie Russo-Américaine et la Politique Mondiale d'Alexandre Ier// Bulletin des Séance de l'Académie Royale des Sciences d'Outre-Mer. — 1976. — No. 3. — P. 316–342.

Ragan J.D. The Explorers of Alaska / Introd. Essay by Collins M. — N.Y.: Chelsea House Publishers, 1992. — 111 p.

Reid V.H. The Purchase of Alaska: Contemporary Opinion. — Long Beach, Calif., 1940.

Rich E.E. The Hudson's Bay Company, 1670–1870. Vol. 1–3. — L., 1959.

Rich E.E. The Fur Trade and the Northwest to 1857. — Toronto, 1967.

Richardson W. Wrangell's Journey of 1836: «From Sitka to Saint Petersburg by Way of Mexico»//The Pacific Historian. — 1984. — Vol. 28. — No. 4. — P. 42–54.

Ritter H. Alaska's History: the People, Land, and Events of the North Country. — Anchorage: Alaska Northwest Books, 1993. — 143 p.

Rudenko O. Russia in the Pacific Basin//Journal of the West. — 1976. — Vol. 15. — No. 2. — P. 49–64.

Sage W.N. The Critical Period of British Columbia History, 1866–1871// PHR. — Vol. 1. — No. 4. — December. — P. 424–443.

Saul N.E. Beverley C. Sanders and the Expansion of American Trade with Russia, 1853–1855//Maryland Historical Magazine. — 1972. — Vol. 67. — Summer. — P. 156–170.

Saul N.E. An American's Siberian Dream//Russian Review. — 1978. — Vol. 37. — No. 4. — October. — P. 405–420.

Schwantes C.A. The Pacific Northwest: An Interpretive History. 2nd ed. — Lincoln: University of Nebraska Press, 1996. — 568 p. (1st ed.: 1989).

Sgroi P.P. Why the United States Purchased Alaska. — College: University of Alaska Press, 1970. — 64 p.

Sharrow W.G. William H.Seward and the Basis for American Empire, 1850–1860//PHR. — 1967. — Vol. 36. — No. 3. — August. — P. 325–342.

Sherwood M.B. George Davidson and the Acquisition of Alaska//PHR. — 1959. — Vol. 28. — No. 2. — May. — P. 141–154.

Sherwood M.B. Exploration of Alaska, 1865–1900. — New Haven, 1965.

Sherwood M.B. Science in Russian America, 1741 to 1865//Pacific Northwest Quarterly. — 1967. — Vol. 58. — January. — P. 33–38.

Shi D.E. Seward's Attempt to Annex British Columbia, 1865–1869//PHR. — 1978. — Vol. 47. — No. 2. — May. — P. 217–238.

Shiels A.W. The Purchase of Alaska. — College: University of Alaska Press, 1967. — 208 p.

Sokol A.E. Russian Expansion and Exploration in the Pacific//American Slavic and East European Review. — 1952. — Vol. 11. — April. — P. 85–105.

Spain and the North Pacific Coast / Ed. by Inplis R. — Vancouver Maritime Museum, 1992.

Spencer-Hancock D., Pritchard W.E. The Chapel at Fort Ross. Its History and reconstruction//California History. — 1982. — Vol. LXI. — Spring. — No. 1. — P. 2–17.

Starbuck A. History of the American Whale Fishery from Its Earliest Inseption to the Year 1876. Vols. 1–2. — N.Y., 1964 (1st publ.: 1878).

Starr L.J. Education in Russian America//Alaska State Library Historical Monographs. — Juneau. — 1972. — No. 2.

The Archeology and Ethnohistory of Fort Ross, California/Eds. by Lightfoot K.G., Wake T.A., Schift A.H. Vols. 1–2. — Berkeley: University of California Press, 1991, 1997. — Vol. 1. Introduction. — 1991; Vol. 2. Native Alaskan Neighborhood. A Multiethnic Community at Colony Ross. — 1997.

Thompson R.A. The Russian Settlement in California Fort Ross Founded 1812, Abandoned 1841. — Oakland, Calif., 1951.

Tower W.S. A History of the American Whale Fishery. — Philadelphia, 1907.

The Track Landfalls of Bering and Chirikov on the Northwest Coast of America//Transactions and Proceedings of the Geographical Society of the Pacific. — 1901. — Vol.1.

Vevier Ch. The Collins Overland Line and American Continentalism// PHR. — 1959. — Vol. 27. — No. 3. — August. — P. 237–253.

Vevier Ch. American Continentalism: An Idea of Expansion, 1845–1910// AHR. — 1960. — Vol. 65. — No. 2. — January. — P. 324–335.

Warner D.F. The Idea of Continental Union: Agitation for the Annexation of Canada to the United States, 1849–1893. — Lexington, 1960.

Warren G.H. Imperial Dreamer: William Henry Seward and American Destiny//Makers of American Diplomacy / Ed. By Merli F., Wilson Th. — N.Y., 1974. — Vol. 1. — P. 195–221.

Welch R.E., Jr. American Public Opinion and the Purchase of Russian America//American Slavic and East European Review. — 1958. — Vol. 17. — December. — P. 481–494.

Wharton D. The Alaska Gold Rush. — Bloomington, L., 1972.

Wrinch L.A. The Formation of the Puget's Sound Agricultural Company// WHQ. — 1933. — Vol. 24. — No. 1.

ДИССЕРТАЦИИ

Иванченко Я.А. Американская проблематика в периодической русской печати (1825–1841)/Дис. канд. ист. наук. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 1987.

Arndt K.L. Dynamics of the Fur Trade on the Middle Ykon River, Alaska, 1839 to 1868. — University of Alaska, Fairbanks. — 1996. — 251 p.

Mason A.L. In a Strange Turn of Events: How Autiiq Cultural: Pride Became a Commodity/M.Thesis. — University of Alaska, Fairbanks. — 1996.

Mills P.R. Transformations of a Structure: The Archeology and Ethnohistory of a Russian Fort in a Hawaiian Chiefdom, Waimea, Kaua'i. — University of California, Berkeley, 1996. — 532 p.

Osborn S.K. Death in the Daily Life of the Ross Colony: Mortuary Behavior on Frontier Russain America. — University of Wisconsin, Milwaukee, 1997. — 454 p.

Williams M.D. Alaska Native Music: The Spirit of Survival. — University of California, Los Angeles, 1996.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

арх.	— архипелаг
в. в-во	— ваше величество
в. выс-во	— ваше высочество
в. и. в-во	— ваше императорское величество
в. пр-бие	— ваше преподобие
в. пр-во	— ваше превосходительство
в. с-во	— ваше сиятельство
вел. кн.	— великий князь
гг.	— господа, господ
г-н	— господин
г-жа	— госпожа
д-р	— доктор
е. в-во	— его величество
е. высокопр-во	— его высокопревосходительство
е. и. в-во	— его императорское величество
ее и. в-во	— ее императорское величество
ее и. выс-во	— ее императорское высочество
е. с-во	— его сиятельство
зал.	— залив
имп.	— императорский
их выс-ва	— их высочества
м.	— мыс
м-вейший	— милостивейший государь
м-вый	— милостивый государь
н.ст.	— новый стиль
р.	— река
о.	— отец
о-в	— остров
оз.	— озеро
п-ов	— полуостров
св.	— святой
свт.	— святитель

свящ.	— священник
ст.ст.	— старый стиль
АВПРИ	— Архив внешней политики Российской империи
АГМ	— Архив графов Мордвиновых / Предисл. и примеч. В.А.Бильбасова. Т. 1–10. — СПб., 1901–1903
АЕ	— Американский ежегодник
АПВ	— Американский православный вестник
АРГО	— Архив Русского географического общества
Болховитинов Н.Н. 1966	— Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений, 1775–1815. — М., 1966
Болховитинов Н.Н. 1975	— Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения, 1815–1832. — М., 1975.
Болховитинов Н.Н. 1990	— Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. — М., 1990
ВГМЗ	— Вологодский государственный историко-художественный музей-заповедник
ВИ	— Вопросы истории
ВПР	— Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел / Комис. по изданию дипломатич. документов при МИД СССР: А.А.Громыко (пред.) и др. — М.: Госполитиздат, 1960. — Серия первая: 1801–1815 гг. Т. 1–8. — М., 1960–1972. Серия вторая: 1815–1830 гг. Т. 1(9) — 8(16). — М., 1974–1995
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГИМ	— Государственный исторический музей
Головнин В.М. 1961	— Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершенное под начальством флота лейтенанта Головнина в 1807–1811 годах. — М., 1961
Головнин В.М. 1965	— Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головниным / Под ред. В.А.Дивина. — М., 1965
ГП РАК	— Главное правление Российско-американской компании
Гринёв А.В.	— Гринёв А.В. Индейцы тлинкиты в Русской Америке (1741–1867 гг.). — Новосибирск, 1991
Доклад Комитета	— Доклад Комитета об устройстве русских американских колоний. Ч. 1–2. — Спб., 1863; Приложения к докладу Комитета об устройстве русских американских колоний. — СПб., 1863
Ефимов А.В. -Атлас	— Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII–XVIII вв. / Под ред. и с введ. А.В.Ефимова. — М., 1964
ИА	— Исторический архив
ИЕВП	— Иркутские Епархиальные Ведомости. Прибавления
Изв. ВГО	— Известия Всесоюзного географического общества

ИРТО — Исследования русских на Тихом океане в XVIII в. — первой половине XIX в. Сб. документов / Редкол.: А.Л.Нарочницкий (гл. ред.) и др. — М., 1984 –

Т. 1. — Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. / Под ред. А.И.Алексеева, А.Л.Нарочницкого, И.Н.Соловьева, Т.С.Федоровой. — М., 1984

Т. 2. — Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. / Отв. ред. Р.В.Макарова. — М.,1989

Т. 3 — Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799–1815 / Отв. ред. Н.Н.Болховитинов. — М., 1994

КА — Красный архив

КИРАК — К истории Российско-американской компании: Сб. документальных материалов / Отв. ред. П.Н.Павлов. — Красноярск, 1957

КГЗ — Компания Гудзонова залива

Коцебу О.Е. 1987 — Коцебу О.Е. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. Изд. 3-е. — М., 1987

Лазарев А.П. 1950 — Лазарев А.П. Записки о плавании военного шлюпа Благонамеренного в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 годах веденные гвардейского экипажа лейтенантом А.П.Лазаревым / Под ред., со вступ. ст. и коммент. А.И.Соловьева. — М., 1950

ЛС — Летопись Севера

Литке Ф.П. 1948 — Литке Ф.П. Путешествие на военном шлюпе «Сенявин», 1826–1829. Изд. 2-е. — М., 1948

Макарова Р.В. — Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. — М., 1968

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

МИРЗ — Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Вып. 1–4. — СПб., 1861

МС — Морской сборник

ННИ — Новая и новейшая история

ОЗ — Отечественные записки

Окунь С.Б. — Окунь С.Б. Российско-американская компания / Под ред. и с предисл. Б.Д.Грекова. — М.—Л., 1939

ОГП РАК за 1840–1841 гг. (далее по отчетным годам) — Отчет Главного правления Российско-американской компании за 1840–1841 гг. — СПб., 1842; за 1842 г. — СПб., 1843; за 1843 г. — СПб., 1844; за 1845 г. — СПб.,1846; за 1846 г. — СПб., 1847; за 1847 г. — СПб., 1848; за 1848 г. — СПб., 1849; за 1852 г. — СПб., 1853; за 1854–1855 гг. — СПб., 1856; за 1857 г . — СПб., 1858; за 1859 г. — СПб., 1860; за 1860 г. — СПб., 1861; за 1861 г. — СПб., 1862; за 1862 г. — СПб.,1863

ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПФА РАН	— С.-Петербургский филиал Архива РАН
ПФ ИРИ РАН	— С.-Петербургский филиал Института российской истории РАН
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. В 45-ти т. — СПб., 1830; Собрание 2-е. В 55-ти т. — СПб., 1830–1884
РА	— Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. — М., 1994
РАК	— Российско-американская компания
Ф. РАК	— Ф. 341 РАК. — Оп. 888.
РАЭ	— Русские арктические экспедиции XVII–XX вв. — Л., 1964.
РГА ВМФ	— Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РО 1944	— Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX вв. / Под ред. и со вступ. ст. А.И.Андреева. — М. — Л., 1944
РО 1948	— Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. и со вступ. ст. А.И.Андреева. — М., 1948
Россия и США	— Россия и США: становление отношений, 1765–1815 / Сост. Н.Н.Башкина, Н.Н.Болховитинов, Дж. Браун и др. — М., 1980
РТЭ	— Русская Тихоокеанская эпопея / Сост. В.А.Дивин при участии К.Е.Черевко, Г.Н.Исаенко. — Хабаровск, 1979
СА	— Советские архивы
Сб. РИО	— Сборник императорского русского исторического общества. В 148-ми тт. — СПб., 1867–1916
СО	— Сын Отечества
СЭ	— Советская этнография
Тихменев П.А.	— Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1–2. — СПб., 1861,1863
Ф.К.	— Ф. Канцелярия
Федорова С.Г.	— Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. — М., 1971

Хлебников К.Т. 1835 — Хлебников К.Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного правителя Российских колоний в Америке. — СПб., 1835

Хлебников К.Т. 1861 — Хлебников К.Т. Первоначальное поселение русских в Америке // МИРЗ. — Вып. 4. — С. 40–56

Хлебников К.Т. 1861а — Хлебников К.Т. Записки К. Хлебникова о Америке. Ч. II. Крепость Росс // МИРЗ. — Вып. 3. — 1861

Хлебников К.Т. 1979 — Русская Америка в неопубликованных записках. К.Т.Хлебников / Сост., введ. и коммент. Р.Г.Ляпуновой, С.Г.Федоровой. — Л., 1979

Хлебников К.Т. — Русская Америка в «Записках» Кирила Хлебникова. Ново-Архангельск / Сост., пред., коммент. и указ. С.Г.Федоровой. — М., 1985

ХЧ — Христианское чтение

ЦГИА г. Москвы — Центральный государственный исторический архив г. Москвы

Шур Л.А. — Шур Л.А.[сост.] К берегам Нового Света. — М., 1971

ЭО — Этнографическое обозрение

AA — Arctic Anthropology

AH — Alaska History

AHR — American Historical Review

AJ — The Alaska Journal: History and Arts of the North

ASP. FR. — American State Papers. Documents, Legislative and Executive, of the Congress of the United States: Vol. I — XXXVIII. — Washington, 1832–1861. Class I. Foreign Relations: Vol. I — VI. — Washington, 1832–1859

Bancroft H. H. — Bancroft H.H. History of Alaska, 1730–1885 // The Works

Alaska — of Hubert Howe Bancroft. – San Francisco. – Vol. XXXIII. — 1886

Bancroft H.H. XIX — Bancroft H.H. History of California. Vol.II. 1801–1824 // The Works of Hubert Howe Bancroft.. — Santa Barbara. — Vol. XIX. — 1966. Facsimile from the 1st American edition: San francisco, 1886. Publ. by W. Hebberd

BCHQ — British Columbia Historical Quarterly

BL — Bancroft Library

CG — Congrerssional Globe, Containing the Debates and Proceedings, 1833–1873. Vol. 1–109. — Washington, 1834–1873

CMD — California Mission Documents

DCUS. — Diplomatic Correspondence of the United States. Canadian Canadian Relations Relations, 1784–1860 / Ed. by W.R. Manning. Vol. 1–4. Washington, 1940–1945

DD. Russia — Despatches from the United States Ministers to Russia

DI. Russia	— Diplomatic Instructions of the Department of State, Russia
FRUS	— Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1861–1870. — Washington, 1861–1870. Title varier. 1861/62. Vol. 1. 1861, 1862, 1862;1866/67. Vol. 1. 1867; 1866/67. Vol. 2. 1867; 1866/67. Vol. 3. 1967; 1867. Vol. 1. 1868; 1867. Vol. 2. 1868; 1868/69. Vol. 1. 1869; 1868/69. Vol. 2. 1869; 1870. 1870
HBCA	— Hudson's Bay Company Archive
HL.HU	— Houghton Library. Harvard University
HNAI	— Handbook of North American Indians
The Khlebnikov Archive 1990	— [Khlebnikov K.T.] The Khlebnikov Archive. Unpublished 1990 Journal (1800–1837) and Travel Notes (1820, 1822, and 1824) / Ed. by L. Shur. Transl. J. Brisk (The Rasmuson Library. Historical Translation Series. Vol. V. [Fairbanks], 1990
LC.MD	— Library of Congress. Manusript Division. Washington
MHS	— Massachusetts Historical Society. Boston (Mass.)
NARS. DI AC	— National Archives and Records Service. — Washington. Diplomatic Instructions of the Department of State, All Countries
NARS.RRAC	— National Archives and Records Service. — Washington. Records of Russian-American Company. United States. General Services Administration. National Archives and Records Service. RG.261. Records of Former Russian Agencies. Records of the Russian-American Company, 1802–1867: Correspondence of Governors General. File Microcopies of Records in the National Archives: No. 11. — Washington, D.C.: National Archives, 1942
CHSQ	— California Historical Society Quarterly
NYPL	— New York Public Library (New York). Manuscript Division
Ogden A.	— Ogden A. The California Sea Otter Trade. 1784–1848. — Berkeley e.a., 1975.
OHQ	— Oregon Historical Quarterly
PABT	— Proceedings of the Alaskan Boundary Tribunal: Vol. 1–7. — Washington, 1904
PHR	— Pacific Historical Review
Pierce R.A.	— Pierce R.A. Russian America: A Biographical Dictionary. — Kingston; Fairbanks, 1990
R.	— Roll
RA	— Russian America 40th Congress, 2nd Session. 1868. February 16. H.Doc. 177. Pt. 1. — P. 1–361; Pt. 2. P. 1–19
RG	— National Archives and Records Service. — Washington. Department of State. Record Group
RRL. UR	— Rush Rhees Library, University of Rochester

The Alaska Treaty	— Vol. 9. Miller D.H. The Alaska Treaty. — Kingston, 1981
SBMA	— Santa Barbara Mission Archives
SRA	— To Siberia and Russian America : Three Centuries of Russian Eastward Expantion. A Documentary Record / Ed. and Transl. by B.Dmytryshyn, E.A.P.Crownhart-Vaughan and Th. Vaughan. R. Vols. 1–3. — Portland: Oregon Historical Society Press, 1985–1989
Vol. 1.	— Russia's Conquest of Siberia. A Documentary Record 1558–1700. Portland, 1985
Vol. 2.	— Russian Penetration on the North Pacific Ocean. A Documentary Record 1700–1797. — Portland, 1988
Vol. 3.	— The Russian American Colonies. A Documentary Record 1798–1867. — Portland, 1989
WHQ	— Washington Historical Quarterly

СПИСОК КАРТ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Ново-Архангельск. Работа неизвестного художника. Литография. 1842 г. (Blaschke E. Topographia medica portur Novi–Archangels censis. — St.Peterburg, 1842).

2. «План Ново-Архангельска. Главного Порта Российско–американской Компании. 1845». (ОГП РАК за 1845 г. — Вклейка).

3. Молодой калан. Рис. Дж.Уэббера. [Cook, Captain James (and King, Captain James). A Voyage to the Pacific Ocean. Vols. 1–3. — London, 1784. — Atlas. — Plate 43].

4. Тлинкиты в окрестностях о–ва Ситха. Рис. И.Г.Вознесенского (1843–1844) [Бломквист Е.Э. Рисунки И.Г.Вознесенского. (Экспедиция 1839–1844 гг.) // Сборник МАЭ. — М.—Л.: Изд–во АН СССР, 1951. — С. 287].

5. Туземцы с побережья зал. Хотам (Baidars of Hotham Inlet). Рис. У. Смита. Вторая половина XIX в. (Narrative of a Voyage to the Pacific and Bering's Strait, to co-operate with the Polar Expeditions: Performed in His Majesty's Ship Blossom, under the Command of Captain F.W.Beechey, R.N.R.S. & c. Publ. by Authority of the Lords Commisioners of the Admiralty. Vols. 1–2. — London, 1831. Vol. 1. — Вклейка между с. 440–441).

6. «Вид Иллюлюкского селения на остр.[ове] Уналашке». Рис. И.Г. Вознесенского (1843)[Бломквист Е.Э. Рисунки И.Г. Вознесенского. (Экспедиция 1839–1844 гг.) //Сборник МАЭ. — М.— Л.: Изд–во АН СССР, 1951. — С. 255].

7. «Редут С^то^ Михаила (в Нортоновом зунде)». Рис. И.Г.Вознесенского (1843 г.) [Бломквист Е.Э. Рисунки И.Г. Вознесенского. (Экспедиция 1839–1844 гг.) // Сборник МАЭ. — М. — Л.: Изд–во АН СССР, 1951. — С. 267].

8. А.К.Этолин.

9. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский (о. И.Е. Вениаминов).

10. Дж.Симпсон.

11. «Карта местностей от реки Коломбии до порта Сан-Франциско». Б/г. Не ранее 1833 г. (АВПРИ. — Ф.РАК. — Оп. 888. — Д. 958/38. — Л.1). Карта составлена на основании сведений, полученных в ходе экспедиций за пушниной в Калифорнию в 1831 и 1833 гг. служащего КГЗ Мишеля Лафрамбуаза.

12. Форт Юкон, фактория КГЗ. Рис. Ф.Уимпера (Whymper F. Travel and Adventure in the Territory of Alaska, Formerly Russian America — Now Ceded to the United States — and in Various Other Parts of the North Pacific. With Map and Illustrations. — London, 1868. — Вклейка между с. 218–219).

13. Пароход РАК «Николай I». Рис. И.Г.Вознесенского (1843–1844). На рис. надпись: «Обсерватория на Японском в Ситхе», подпись: «Японский остров с обсерваториею и пароход Николай I». [Бломквист Е.Э. Рисунки И.Г.Вознесенского. (Экспедиция 1839–1844 гг.) //Сборник МАЭ. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 285].

14. «Карта части острова Кадьяк с Павловскою Гаванью. Составлена Российско–Американскою Компаниею по новейшим сведениям. 1853». (ОГП РАК за 1852 г. — Вклейка).

15. Карта калифорнийского побережья (середина XIX в.). [Бломквист Е.Э. Рисунки И.Г.Вознесенского. (Экспедиция 1839–1844 гг.) //Сборник МАЭ. — М .— Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 234].

16. «Селение Росс». Рис. И.Г.Вознесенского (1840–1842) [Бломквист Е.Э. Рисунки И.Г.Вознесенского. (Экспедиция 1839–1844 гг.) //Сборник МАЭ. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 235].

17. Селение Росс в северной Калифорнии. 1835 г. Работа неизвестного художника. Литография. (Журнал мануфактур и торговли. — СПб., 1835. — Ч.2. — Отд. IV (история и статистика). — Вклейка между с. 64–65). Эту иллюстрацию ввел в научный оборот Я.А.Иванченко.

18. «Бакер индиец Нового Албиона». Рис. И.Г.Вознесенского (1840–1842) [Бломквист Е.Э. Рисунки И.Г.Вознесенского. (Экспедиция 1839–1844 гг.) //Сборник МАЭ. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 242].

19. Вид ранчо Е.Л.Черных в Сев. Калифорнии. Рис. И.Г.Вознесенского (1840–1842) [Бломквист Е.Э. Рисунки И.Г.Вознесенского. (Экспедиция 1839–1844 гг.) // Сборник МАЭ. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — С. 245].

20. А.Г.Ротчев.

21. Н.Н.Муравьев-Амурский.

22. Э.А.Стекль.

23. Великий князь Константин Николаевич.

24. П.М.Коллинз.

25. Акция РАК. (АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 416).

26. «Вид Ново-Архангельска на ос.[трове] Ситха». Рис. на кам. Смирнов. Печ. с тон В. Дарленг. (ОГП РАК за 1858 г. — Вклейка).

27. С.В.Воеводский.

28. И.В.Фуругельм.

29. Александр II

30. А.М.Горчаков.

31. Э.Джонсон.

32. У.Г.Сьюард.

33. Фрагмент письма капитан–лейтенанта П.Н.Головина великому князю Константину Николаевичу, 20 октября 1861 г. (РГА ВМФ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Д. 2521. — Л. 255 об.).

34. Фрагмент записки управляющего морским министерством вице–адмирала Н.К.Краббе Александру II, 22 декабря 1866 г. (АВПРИ — Ф. РАК. — Д. 399. — Л. 15).

35. Г.Грили.

36. Ч.Самнер.

37. Подписание договора о продаже Русской Америки 18/30 марта 1867 г. (слева направо: Р.С.Чью, У.Сьюард, У.Хантер, В.А.Бодиско, Э.А.Стекль, Ч. Самнер, Ф.Сьюард). Картина Э.Лейтце.

38. Фрагмент меморандума Ч.Бимона, 1–8 апреля 1867 г. [MHS. Ch. Sumner Papers (автограф)].

39. Указ Александра II М.Х.Рейтерну, 13(25) декабря 1868 г. (АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 412. — Л. 490 об., заверенная копия).

40. «Меркаторская карта Российско-американской компании. 1860». Фрагмент. (ОГП РАК за 1859 г. — Вклейка).

41. Д.П.Максутов.

42. А.А.Пещуров.

43. Ново-Архангельск. Середина 1860–х гг. Рис. Ф.Уимпера. (Whymper F. Travel and Adventure in the Territory of Alaska, Formerly Russian America — Now Ceded to the United States — and in Various Other Parts of the North Pacific. With Map and Illustrations. — London, 1868. — Вклейка между с. 72–73).

44. Озерский редут на о–ве Ситхе. 1861 г. Фрагмент. (ОГП РАК за 1861 г. — Вклейка).

45. Вид селения при угольных копях в Кенайском заливе. 1860 г. Фрагмент. (ОГП РАК за 1860 г. — Вклейка.)

46. Фигурка, изображающая русского солдата с о–ва Ситха, выточенная индейцами из камня. Середина 1860–х гг. Рис. Ф.Уимпера. (Whymper F.

Travel and Adventure in the Territory of Alaska, Formerly Russian America — Now Ceded to the United States — and in Various Other Parts of the North Pacific. With Map and Illustrations. — London, 1868. — P. 83).

47. Передача Русской Америки Соединенным Штатам (6/18 октября 1867 г.).

Расшифровка текста публикуемых карт

Рис. 2. План Ново-Архангельска. 1845 г.

[Экспликация, текст в левой части плана вверху:]

«План Ново-Архангельска Главного Порта Российско-американской Компании. 1845.

[Экспликация, текст в правой части плана вверху:]
Изъяснение:

1. Дом Главного Правителя.
2. Казарма служител[ей] и школа мальчиков.
3. Маяк.
4. Элинг.
5. Собор Св. Архангела Михаила.
6. Лютер. Церковь, библиотека и квартира Пастора.
7. Больница.
8. Клуб и квартиры Чиновников.
9. Казармы служителей.
10. Обитель во Имя Благовещания.
11. Мастерские.
12. Офицерский флигель.
13. Школа Девиц.
14. Пристань и Магазины.
15. Контора.
16. Магазины.
17. Лесопильный завод.
18. Мукомольная мельница.
19. Прачешная.
20. Прядильный завод.
21. Юрты нескольких Алеутских семейств.
22. Сенной сарай.
23. Сараи.
24. Чуланы.
25. Кухни и пекарни служителей.
26. Бани.
27. Кожевенный завод.
28. Пороховые погреба.
29. Рынок.
30. Колошенская лавка.
31. Сарай для складки рыбы.
32. Сарай для просушки глины.
33. Флигель.
34. Старая казарма.
35. Дом для мельника.
36. Сад и Огород Главного Правителя.
37. Плот.
38. Старые суда, вытащенные на берег и —
39. служащие: 1[е] парусною мастерскою, а 2[е] кладовою.

А. Строения на каменных фундаментах.

Дома в два этажа.
Дома в один этаж.
Дома, выстроенные в 1841 году.
Дома не старее 15 лет.
Дома старые годные.
Дома не годные.
Предполагаемые строения.
Берег в большую воду.
Берег в малую воду.

[Надписи на плане, сверху вниз:]

[в левой части плана:]

Кладбище.
Старое Кладбище
Кладбище
Предполагаемая Стена Крепости.
Стена Крепости
Рюрик
Часть Ново-Архангельской Гавани.
Огород
Жолоб, снабжающий водою порт
Колодезь
Сад
Канавка.
Канавка.
Канавка.
Канавка.
Канавка.
Полифем
Саж. Саж.»

[в правой части плана:]

Часть Озера Лебяжьего
Река Малышовка
Бассейн
Водопровод из Бассейна
Р.Мамышовка
Жолоб.
огороды
Колодезь
Канавка покрытая
Канавка покрытая
Сходни
Островок Мельничный
Часть Восточного Рейда

ОГП РАК за 1845 г. — Вклейка.

Расшифровка текста: *Л.М. Троицкая.*

Рис. 11. **«Карта местностей от реки Коломбии до порта Сан-Франциско».** Б/г. Не ранее 1833 г.

[Экспликация, текст слева внизу:]

«Carte Topographie. Des lieux Compris depuis la Rivière de Colombie, jusqu'à la Baie de Sª Francisco,
d'après les Renseignemets donnès par: Ml, Laframboiseè,

[слева сверху вниз]

Siguea indicatifa
A Fort de Vancouver.
B Riviere de Colombie
C R. Oualamakou Makay
D R. Mackenzey.
E Mª de tlamaca.
F Riv des Sastea
G Cap. Loucaut
H Bodega.
I Route de Laframboise en 1831.
J. idem " " en 1833.
K Ross. 1812.
L Mont Vood.
M Mont Six Cailloux.

[справа вверху:]

Echèle de Proportion de 25 lieux.
21. Monts des Trois Buttes.
22. Riv aux Liarda
23. Riv. Avoine.
24. Riv Beaulieu
25. Riv de la Plume.
26. Riv Young.
27. Riv Kiski ou des Americaine[s]
28. Riv Martine.
29. Nouv FCelvetie du Cap. Sutter.
30. Rio Jesus-Maria
31. Rio San Joaquin.
32. Monte èl Diablo.
33. Baie Carquines.

N Mont Kaulis
1. Riv Claquemas.
2. Riv du Boudin
3. Riv de la Chute
4. Riv Semhil.
5. habitations Oulamat
6. Riv Camayou.
7. Riv S' Yam.
8. Riv des Souria
9. Monts Umpuguois.
10. Riv des Umpuguois
11. Riv Macaukling
12. Riv tou-tou-toué.
13. Riv des Six Cailloux
14. Riv des tlamas
15. Monts Sastés.
16. Riv Sacramento
17. Riv du Trou.
18. Riv de trois Fourches
19. Riv Champagne.
20. Riv de Trois Buttes.
34. Baie de San Pedro.
35. Port San Francisco.
36. Riv Slawjanka.
37. Riv Costromitinoff.
38. Riv du Radeau
39. Riv des Marona
40. Riv de la Trinité
41. Riv de la Flèche
42. Riv. de la Chien.
43. Riv. des Coquina.
44. Riv Kavus
45. Riv Saiousta.
46. Riv Alsiya.
47. Riv Yacoun.
48. Riv Nisilith
49. Mont Yacoun.
50. Riv Nicas.
51. Riv Nahelem.
52. Riv Kavulis
53. Riv Chavulch
* Fort George.

[Надписи на карте сверху вниз:]

Lac Tlamac.
Cap Mendocino.
Lac Russe».

АВПРИ. — Ф. РАК. — Д. 958/38. — Л. 1.

Расшифровка текста: *Л.М. Троицкая.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаза С. 423
Абдул-Меджид 338
Августин, архимандрит (Никитин Д.) 7
Агранат Г.А. 107, 494–495, 496
Адамов А. 107
Адамс Дж.К. (Adams J.Q.) 192, 455
Аддингтон Г. 341
Адлерберг В.Ф. 437
Альварадо Х.Б. 228
Аламан Л. 222
Алдред 307
Александр I 13, 57, 155, 237, 239, 247, 270, 273, 283–284, 398, 442
Александр II 335–337, 347, 352, 358, 367, 380–381, 383–384, 386–387, 389, 393, 397–399, 410–412, 420–422, 425–429, 432, 435, 437–440, 451–452, 457–460, 462, 467, 475, 483, 485–486, 491
Александров 322, 353
Алексеев А.И. 85, 94–95, 114–115, 155, 173, 189, 257, 399, 440
Аллен, капитан 307, 314
Аллен Г.Т. 111
Аллен Р.В. (Allen R.V.) 390, 486
Анакаджо, вождь 163
Ананга 332
Анатолий, архимандрит 150
Анахуц, вождь 162
Андервуд 314
Андреев, инженер 441
Андреев П.А. 186
Андрей Первозванный 130
Андреянов И. 49–50
Антоний, иеромонах 136, 151
Анциферов Н.Н. 458
Апплетон Дж. 387–389, 392
Аракчеев А.А. 205
Арильяга Х. 284
Архимандритов И.И. 63–64, 115
Астор Дж.Дж. 271
Афанасий (Михайлов А.С.), иеромонах 119
Афанасьев Д. 354

Баженов С. 107
Баннер И.И. 121
Баннер Н.П. 126
Баранов Александр Андреевич 10, 23, 25, 30–31, 61–62, 83, 93, 101, 120, 155, 177, 242, 246, 248, 266, 270–271, 275, 277–280, 399, 403–404
Баранов Алексей 336
Баринг 451
Баринги 478
Баркер, капитан 277–279, 314–315
Барр 358
Баррет Г. (Barratt G.) 163–165, 169–170, 183, 187
Барсуков И.П. 123, 127–128, 132, 135, 139, 153, 237, 371
Бартман 286
Бартон Т. (Barton Th.) 204
Баскаков Э.Г. 143
Батуева Т.М. 190, 383, 444, 489

Безе Г. 327
Безъязычный В.И. 219, 228
Беллинсгаузен Ф.Ф. 249
Белов М.И. 440
Белчер Э. (Belcher E.) 126, 170
Беляев, служащий РАК 119
Бенземан Н.М. 115–116
Беннет Дж. 313
Бентон, капитан 315
Беренс Е.А. 128, 308
Беринг В. 12, 235, 249
Бернард, лейтенант 325
Берх В.Н. 93
Бестужев А. 235
Биглоу Дж. (Bigelow J.) 483
Биллингс И.И. 249
Бичи Ф. 88, 90
Блашке Э. (Blaschke E.) 318
Бланшард У. 312
Бланшард Э. 313–314
Блинн 315
Бломквист Е.Э. 107, 189
Блэк С. 155
Бодиско А.А. 200, 349–350, 371, 441
Бодиско В.А. 455, 462, 471, 481, 483, 485
Бойко В. 493
Боковиков П.В. 18–19
Болховитинов Н.Н. (Bolkhovitinov N.N.) 7, 13, 154, 165, 167, 171, 183, 191, 257, 270, 305, 375–376, 396, 398, 406, 440, 478, 487–491, 494
Бордман У. 356
Бортновский И. 135
Босковитц Л. 468
Боум (Баум) 453, 468
Брайант 314
Браун 312
Браунинг О. (Browning O.H.) 446, 448
Бренгам Ч. (Brenham Ch.) 349
Брок П.Ф. 230, 340, 350–351
Брокгауз Ф.А. 390
Бруннов Ф.И. 187, 438
Брюс 345
Буйницкий С.Н. 153
Булдаков М.М. 283
Буссе Н.В. 323
Бутовский А.И. 408, 467
Буш Дж. 496
Бьюкенен (Буканann) Дж. 200, 229, 385, 388, 392, 406
Бэнкс М. 476
Бэнкс Н.А. 476–477, 481–483

Вавилов М.И. 152
Вагин В.И. 240
Валленштейн П. 334
Валуев П.А. 437, 488
Вальехо М.Г. 217–218, 228
Варни 315
Васильев И.Я. 31, 40, 87, 90–92, 94–95, 97, 116–117
Васильев М. 336
Васильевы Иваны 41, 90–92
Вахрамеев М. 116–117
Вейдемейер И.А. 10
Векман 308
Велионский 366
Вениамин, епископ 122
Вестман В.И. 440, 443, 447, 459, 470–471, 479
Вид Т. (Weed Th.) 193, 443, 445
Вильямс Ч. 121
Воеводский С.В. 294–295, 308, 326, 331–338, 341, 347, 351, 354, 361–367, 372–374, 378, 380
Воейков А.И. 123
Вознесенский И.Г. 228
Воробьев В.В. 11
Воронковский В.К. 48, 94–95
Врангель Ф.П. (Wrangell F.P. von) 9, 20, 22, 30–46, 62, 74, 93–95, 98, 108, 114, 125–126, 157–164, 166–167, 171–172, 204, 208, 211–219, 222–223, 231–232, 237, 240–241, 244, 250–251, 255–256, 259–260, 264–265, 268–269, 273, 276, 279–281, 283, 285–286, 288–293, 296–297, 299–300, 304, 307, 351, 354, 381–383, 384, 399–400, 435, 457–458, 475
Вронченко Ф.П. 77, 84, 199–204, 229–230
Выходцев П. 21

Гаврилов А.М. 79, 114
Гагарин П.П. 466, 473–474
Гагарина Е.П. 219
Гагемейстер Л.А. 262, 265, 270, 306

Гайзлаар Г. 313
Гардер Л. 80, 115, 180
Гвин У.М. (Gwin W.M.) 194–195, 198, 349, 377–378, 387–390, 392, 406–407
Гей А. (Guy A.) 349
Герман (Герман Аляскинский), монах 14, 119–120, 132, 264
Герус О. (Gerus O.W.) 390
Гибсон Дж.Р. (Gibson J.R.) 7, 9–10, 159, 168, 172–174, 176, 179, 181, 188, 206, 212, 224, 233–234, 236, 252, 272, 429, 491
Гинкулов Я.Д. 408
Глазунов А.К. 51, 68, 96–102, 109, 117
Глебов П.Н. 408
Говорливый З.С. 363
Гоголь Н.В. 137
Голдер Ф.А. (Golder F.A.) 373, 377, 383, 389–390, 437–438
Голиков И.Л. 13, 238, 261
Голиковы 10
Головин Г. 138
Головин П.Н. (Golovin P.N.) 10, 168, 251, 334–335, 348–349, 361, 364, 394, 403–407, 411, 441
Головнин В.М. 17, 46, 58, 61, 246, 265–266, 277–278, 281–282, 306
Гольцын 216
Гомзяков С. 133
Гордин А.М. 120
Гордин М.А. 120
Горостис М.Э. де 222
Горчаков А.М. 6, 183, 187–189, 379–387, 389–392, 396–398, 406, 412, 415, 418, 420, 426–429, 434–440, 443, 445, 448–454, 456–459, 466–467, 470, 475, 478–481, 489, 491
Грибанов 241
Григорьев Д. 118, 120, 122–123, 125, 127, 137
Григорьев С. 83, 104–107
Грили Г. 478
Гринёв А.В. (Grinev A.V.) 7, 10, 23, 33, 49, 70–71, 107, 113, 155, 157, 163, 168, 179, 186–189, 331, 334, 337, 405, 491
Гуаделупе Викториа 211, 292
Гурьев Д.А. 256, 259
Гурьева, графиня 120
Гэлбрайт Дж.С. (Galbraith J.S.) 155–156, 159, 164, 168–169, 172–173, 176, 178, 182–183, 185, 188, 379

Давыдов Г.И. 46
Даневский 467
Даннинг У.А. (Dunning W.A.) 481–482
Д'Вулф Дж. (D'Wolf J.) 312
Де Брот 314
Дейвис У.Х. 312–313
Декстер Г. (Dexter) 355, 380
Деливрон 140
Дерябин В. 52, 68, 325
Дженсен Р. (Jensen R.J.) 373, 376, 383, 390, 403, 429, 435, 443, 446, 463, 481, 483, 485
Джефферсон Т. 192
Джонз 314
Джонс, командор 229
Джонсон Э. (Johnson A.) 447, 456, 477, 482
Диз П.В. 96, 170
Дитеррех К. 434
Дмитриев 52
Добелл П.В. 13
Долгоруков В.А. 375
Доминис 314–315
Дорошин П.П. 82, 84–85, 113, 366
Дохтуров П.А. 306
Дуглас Дж. (Douglas J.) 174–176, 181–182, 227, 302–303
Дуглас С. 389
Дулиттл Дж. 424, 477
Дэвис Дж. 152, 468, 470–472
Дю Фур К.Дж. (Du Four C.J.) 227–228

Екатерина II 5, 13, 91
Елизавета (Елисавета) Петровна 121
Епифанов П. 111
Ермак (Ермак Тимофеевич) 11
Ермаков 459
Ефимов А.В. 322
Ефрон И.А. 390

Жириновский В.В. 492, 496
Журавский (Jouraffsky) 392

Завалишин Д.И. 205, 259, 287, 290
Завойко В.С. 76, 125–127, 217, 353–354, 356
Загоскин Л.А. (Zagoskin L.A.) 32, 36, 41, 51–52, 54–56, 67–69, 79, 92, 97, 101–102, 107–111, 116–117, 133–134, 187
Зарембо Д.Ф. 39, 44–45, 49–51, 79, 81, 94, 161–168, 177, 180
Захаров И. 79, 111, 117
Збышевский В. 198
Золотаревская И.А. 189

Иванов А. 137, 152
Иванов И. 336
Иванов Н. 50
Ивашинцов Н.А. (Ivashintsov N.A.) 251, 257, 310
Иващенко 357
Иларион, иеромонах 145–150
Ильяшевич 293
Ингстрем А.И. (Ингестром) 30, 94
Иннокентий (Попов-Вениаминов И.Е., о.Иоанн, «свящ. Вениамин», свт. Иннокентий), митрополит 9, 12, 14, 27, 54, 57–58, 119, 121–141, 151–153, 236–238, 267, 269
Иоасаф (Болотов И.И.), архимандрит, епископ 118, 130
Иосаф, монах 119
Иорьян, шкипер 342
Истомин А.А. (Istomin A.A.) 7, 72, 209, 251

Йорган Б. 308–319

Кабо Р.М. 11
Кадников 63–64, 308
Казакевич П.В. 355–358, 415
Калмыков 125
Калугин В. 55
Камеамеа I 270
Камерон С. 416
Канагнас П. 177
Канкрин Е.Ф. 38, 160, 163, 166, 168, 172–173, 199–200, 222–223, 225
Каннинг Дж. 156
Кантельнук 69
Кантор Р.Е. 491
Караулов Н. 50
Картер 314–315
Касс Л. 413
Кастро М. 229
Катакази К.Г. 371, 487
Каумуалии (Томари) 116, 270
Кашеваров А.Ф. 95–96, 98, 101, 170, 216
Кашеваров В.И. 35
Кашеваров И.Ф. 95, 344
Кашеваров Н. 136
Кедровский А. 122
Кедроливанский П. 152–153
Кеннеди Дж. 168
Керянин Л. 326
Кимболл О. 312
Киселев 93
Кислаковский И.М. 257, 307
«Кислой», тоен 105
Кистахин В. 104
Китажильт, вождь 113
Клапп 315
Кларендон 372
Кларк Дж. 313
Клей К. 189, 416, 418–420, 423, 445, 461, 464
Климовский А.И. 104–105, 112–113
Клинковстрем М.Ф. 64, 115, 309, 343, 359, 458–459
Клочков Е.А. 257, 307
Клюпфель В. 351
Княжевич А.М. 381, 384, 390, 394–401, 403
Кобеко Д. 459, 484
Колвайл (Colvile) 341
Коллинз П.М. (Collins P.M.) 413–414, 416–418, 420–422, 424
Колмаков П.Ф. 52, 91, 102
Колмаков Ф.Л. 40–41, 52, 91, 96–97, 100, 102, 117
Комиссаров Б.Н. 491
Комков А. 135
Комков И. 81, 105–106
Коннес Дж. 458
Конради И.Я. 308–309
Константин Николаевич 6, 203, 350, 352, 355, 371, 375, 380–381, 383–384, 386–388, 390–391, 396–401, 404, 406–407, 410–411, 415, 419, 426–428, 432–433, 435, 437, 442, 466–467, 473, 491

Корней Г.П. 121
Корсаков М.С. 415–416
Корсаковский П.Г. 97
Корчинский И. 137
Коскуль Ф.Ф. 326, 463–468, 470, 475
Костливцев С.А. 60, 138, 143, 330, 335, 360, 368, 394, 403–405, 407, 411
Костромитинов И.С. 66
Костромитинов П.С. (Kostromitinov P.S.) 211–212, 215–220, 228, 271, 294, 341, 349–350, 353–355, 371–374, 377–378
Костылев 54
Коттинг 314
Коттман Т. (Cottman Th.) 374–377
Коул Дж. 199
Коцебу О.Е. фон (Kotzebue) 263, 284
Краббе Н.К. 6, 401, 415, 427–429, 437–440, 443, 448, 459–460, 462, 466
Крамер Б. 258
Красильников 63–64
Кремер (Krehmer) 225
Крогиус Л.Т. 310
Кроун 355–358
Крузенштерн И.Ф. 95, 258, 306
Крюков С.И. 124
Кузнецов, прапорщик 161–162
Кузнецов Ф. 333
Кук, Джеймс 249, 261
Купер 290
Купреянов И.А. 46, 48–51, 53–55, 61–62, 65, 94–95, 102, 167–170, 217–221, 226, 239, 250, 252, 259–260, 263, 266–267, 277, 282, 291, 293, 298
Курепанов 51
Курицын В.Н. 115, 344
Куропятник Г.П. 6
Кусков И.А. (Coscoff, Kuskov) 206, 208–209, 271
Кусов Н. 351
Кухкан М. 71
Кушнер Г. (Kushner H.I.) 193, 195, 198, 349, 390, 429, 443
Кэмпбелл Р. 170–171, 178
Кэмпбелл Т. 487
Кэрлтон Д. 353–354
Лазарев А.П. 231, 233, 248, 257
Лазарев М.П. 46, 249, 259, 306
Лангсдорф Г.И. (Langsdorff G.H. von) 246, 275
Лаперуз Ж.Ф. 249
Ларионов Г. 336
Ларионов Е.Г. 248, 280
Лебедев-Ласточкин П.С. 210, 261
Лейтце Э. 455
Лейтэм М. 194
Леташевский П. 473
Линденберг И.В. 65, 78, 85, 174
Линкольн А. 389, 392
Липинский П.Д. 29
Липшиц Б.А. 189
Лисянский Ю.Ф. (Lisiansky U.) 247, 249, 306
Литвицкий П. 138
Литке Ф.П. 19, 23, 30–31, 87–89, 278, 290–291, 307, 318
Литтл О.К. 314
Лиут 310
Лихачев И.Ф. 330
Лобах 356
Лоуридж У. 477–478
Лукин И.С. 116–117, 184
Лукин С.И. 40–41, 52, 91, 97, 100–103, 105, 109
Львов А. 118
Льюис, капитан 199
Любавин Н.И. 458
Ляпунова Р.Г. 9–10

Магидович В.И. 88, 91, 101
Магидович И.П. 88, 91, 101
Макарий (Александров М.), иеромонах 118, 122
Макарова Р.В. 173, 412, 476
Маккалок Х. 454
Мак-Леод 170
Мак-Логлин (Мак-Лафлин) Дж. (McLoughlin J.) 290, 298, 302
Мак-Логлин (Мак-Лафлин) Дж., мл. (McLoughlin J.) 177
Мак-Нилл К.Дж. 179
Макнилл У.Г. 314
Максутов Д.П. (Maksutov D.P.) 152, 185–186, 189, 359, 367, 457–458, 468–470, 472, 475
Макферзон А. 373

Макферсон Х. (McPherson H.M.) 194–195, 377–378
Маласпина А. 249
Малахов В. 101
Малахов П.В. 52, 101–102, 106, 170
Малигнак 332
Мамышев В.Н. 66, 70, 72, 75, 79–80, 82, 119, 131, 325
Мансфельд 346
Марков С.Н. 125, 137
Маркс К. 494
Марси У.А. 338–339, 372, 377–379
Машин 196, 201
Мейер Г.В. 37
Меншиков А.С. 200–201, 203
Мик Дж. 314
Мик Т. 312–314
Миллер Д.Х. 378, 383, 387, 390, 435–436, 444, 449, 451, 456, 462–463, 483, 485
Модестов В. 125
Монастерио Х. 223, 293
Мордвинов Н.С. 205, 246
Морзе С. 414
Мортон О. 477
Москвитин И.Ю. 11
Муловский Г.И. 249
Мур, капитан 315
Мур У.Дж. (Moore W.G.) 447
Мур Э. 47, 63, 252
Муравьев А.В. 129
Муравьев А.Н. 129–131
Муравьев М.И. 16–17, 21, 24, 26–29, 32, 37, 206, 209, 261, 274, 278, 286, 289, 307, 355
Муравьев Н.Н. 203–204, 246, 332–333, 370–371, 384, 414–415
Муттер 250
Муханов Н.А. 415
Мэдисон Дж. 191
Мюррей А. 178

Найденов Н.В. 11
Наполеон (Наполеон I Бонапарт) 8
Нарочницкий А.Л. 189
Наумов 81
Нахимов П.С. 338
Неболсин Г.П. 408
Невельской Г.И. 114–115, 321, 323
Неделькович Д.И. 145
Ней Д. 313
Нектарий (Панов Ф.Д.), иеромонах, иеродиакон 118
Нессельроде К.В. 13, 78 120, 165–166, 171–172, 199–202, 205, 222, 224, 226–227, 229, 270, 339, 341, 350–351, 371–372, 379, 442
Нецветов О.Е. 47
Нецветов Я.(И.)Е. 123, 135, 138
Николай, иеромонах, игумен 135, 145–147, 149–150
Николай (Касаткин), монах, миссионер 140
Николай I 58, 165, 201–204, 273, 323, 338, 341, 351, 355, 370, 375–376
Николай II 492
Никольский Д. 262
Ноа М. 485
Новиков В. 487
Нордстрем К. 52, 68
Нортон Т. 358
Нюланд А. 336

Огден П.С. (Ogden P.S.) 160, 162–166, 297
О'Кейн Дж. (Океин, O'Cain J.) 312
Окладников А.П. 11
Окладникова Е.А. 334, 336
Окунь С.Б. 85, 173, 222–223, 257–258, 299, 301, 335, 435, 441–442, 489, 494
Олсон К.Л. (Olson C.L.) 496
Орлов, подпоручик 46, 115
Орлов И. 134
О'Салливан Дж.Л. 191
Остен-Сакен Ф.Р. 429–430, 432, 488
Офтердингер 342

Павел, епископ 153
Павлов В.Г. 81, 115, 347
Падерин 366
Пайк 187
Палмер О.Х. 422
Палмерстон, лорд 166
Пальмер А. 198
Панин В.Н. 358
Пасецкий В.М. 88–89, 96, 98, 155–156
Пелли Дж.Х. 171–172, 302

Перкинс 482
Пермитин В. 214
Перри М. 322
Пестряков А. 112–113
Петелин И. 135
Петр, епископ 140, 143–145, 148
Петр I (Петр Великий) 5, 8, 121
Петров В.П. 229
Петровский Р.Я. 363, 369, 382
Пещуров А.А. (Peschurov A.A.) 453, 459–460, 462–472
Пигот У. 313
Пиль И.А. 242
Пирс Б. 448
Пирс Р.А. (Pierce R.A.) 21, 40, 62, 68, 78, 88, 97–98, 101, 184, 270, 336, 381, 455, 468, 473, 486, 491–492
Пирс Ф. 350, 377–378, 380
Питчер 314
Полевой Б.П. 334, 336
Политковский В.Г. 229, 324, 340–341, 351, 374, 380, 385
Полк Дж. 198
Понафидин З.И. (Панафидин) 306
Пономарев В.Н. 339, 375
Понятовский И. 118
Попов А.А. 389–390, 404
Постников А.В. 424
Потехин В. 223, 225, 230, 271
Пратт Дж.У. (Pratt J.W.) 191
Прессе Ф. 177
Прокофьев И.В. 258
Протасов 128
Путятин Е.В. 324, 343, 358, 384, 403

Раттер 314
Рахманинов 388
Резанов Н.П. 246, 271, 283
Рейтерн М.Х. 6, 184, 186–189, 411, 425–429, 432–435, 437, 442–443, 451, 453, 457–467, 470, 475, 483, 485, 491
Риггс Дж.У. 451, 479–480
Ридель А.В. 308–310, 343
Рикетсон 197
Римский-Корсаков В.А. 322
Рич Э.Э. (Rich E.E.) 155, 166–167, 179, 173, 298, 346
Розенберг Н.Я. 40, 86, 116, 294, 324, 327–332, 349
Ройс 196
Рокфей К. де (Roquefeuil C. de) 282
Романов В.П. 155
Романов Д.И. 414–415
Романов К.Н. 381, 384, 386–387, 390
Романовы 396
Ротчев А.Г. 216–217, 219–220, 227, 271
Рудаков А.И. 181, 331–332
Рудановский Н.В. 323
Румянцев Н.П. 90, 258, 284
Руперт 201–202, 204
Руссо Л.Х. 464–472
Рутковский А.Я. 188–189
Рылеев К.Ф. 205
Рэндалл С. 477

Сайденберг М.Дж. (Seidenberg M.J.) 496
Самнер Ч. (Sumner Ch.) 456, 477–478
Сандерс Б. (Sanders B.C.) 294, 348–355, 371–372
Сарычев Г.А. 92–93, 249
Свифт Б. 312
Сгибнев А. 197
Сеймур Т. 338–339
Селл Р.У. (Selle R.W.) 496
Сенявин Л.Г. 203, 340–341, 371, 377–378, 380, 441
Сергий Радонежский 131
Серебренников Р. 82, 111–113, 178
Сибли Х. (Sibley H.W.) 413–414, 418, 420–421
Сизов И. 21
Симпсон Дж. (Simpson G.) 54, 132–133, 156–157, 169, 171–172, 175–178, 182, 295–296, 299–300, 302, 341
Симпсон Т. 96, 179
Симпсон Э. 156, 159
Скотт Дж. 312
Слободчиков С. 29
Слюнин Н. 198
Смедверг У.Р. 471
Сноу 282, 314–315
Соколов А. 112
Соколов Алексей 120
Сол Н.Е. (Saul N.E.) 348–355, 374–376, 491
Сола П.В. де 284

Солленберг М. 334
Солтанов И. 50
Софроний Иерусалимский 151
Сперанский М.М. 205, 240
Спиннер Ф. 479, 485
Станюкович М.Н. 87–89, 94, 307
Стекль Э.А. (Stoeckl E.) 6, 339, 350, 353–354, 371–374, 377–379, 384–393, 406, 415, 422, 426–429, 432–440, 442–459, 461–468, 470–472, 476, 478–480, 482–487, 491
Степанов Е.Д. 495
Стефан (Говорухин М.), иеродиакон 118
Стивенс 313
Стивенс Т. 454, 478, 482–483, 485
Стовер 310
Страннолюбский Н.В. 303
Стремухов П.П. 429
Строганов Г.А. 284
Струве Б.В. 371
Стэнтон Э.М. 446–447, 476, 480–481, 483, 485
Стюарт М. 349
Сунгуров Г.И. 121
Сутер Дж. 313
Суттер Дж.А. (Сутер И.А.) 54, 57, 228–229, 274, 303, 318
Сушков Н.В. 128–129, 131, 140
Сьюард У.Г. (Seward W.H.) 192–195, 197, 389, 416–419, 426, 443–456, 458–459, 465–466, 468–471, 476–477, 479, 481–483, 485–487
Сьюард Ф. 451, 456

Танахку, вождь 49
Тарле Е.В. 338
Тарханов Д. 155
Тебеньков М.Д. 40–41, 71, 76–86, 111, 113–115, 179–180, 245, 264, 266–268, 294, 302–304, 307, 327, 348, 382, 434, 458
Тейлор 314
Тенгоборский Л.В. 381
Терентьев К. 115
Терихов О.Н. 215
Тернер 196
Тернер Ф.Дж. (Turner F.J.) 11
Тилло Э.И. 458
Тинальтет В. 366
Тихменев П.А. 10, 16, 18, 21, 28–29, 31–32, 36, 39–40, 46–48, 54–55, 59, 62, 64, 72–76, 80, 82–85, 96, 107, 114–115, 119–120, 122, 125, 135–137, 141, 143, 156, 162, 168, 204, 206, 227, 239, 248, 250–251, 253, 257–258, 262, 267, 273, 275, 281, 284, 299, 301, 304, 310, 322–325, 334–335, 343, 346, 348, 354, 359, 371, 412
Тихон, епископ 121
Ткаченко В.И. 495
Толстой И.М. 416, 420–424
Томпсон 314
Тороп П. 492–493, 495
Трескотт 312
Троицкая Л.М. 7
Тумаркин Д.Д. 194, 196–197

Уайлдз 313
Уеличанинов (Уличанинов) 241
Уилкокс 196
Уинтерс 199
Уинтроп Р. 191
Уиншип Дж. 312
Уитмор И. 312–313
Уокер Р.Дж. 451, 477–478, 480–483, 485
Уорк Дж. 168
Уэбстер Д. 349
Уэд Дж. 423–424
Уэллес Г. (Welles G.) 446–448

Файнштейн М. 219
Федорова С.Г. (Fedorova S.G.) 10, 13, 19, 41, 90–92, 142–143, 145, 151, 154, 360, 473
Феофил, иеромонах 141–142
Фигероа Х. 222
Филарет (Дроздов), митрополит 128–130, 135, 138–139
Филд С. 413, 424
Финлайзон Д. (Finlayson D.) 169, 298
Фиш Г. 487
Фишер Р.Х. (Fisher R.H.) 163, 168, 455
Фокс Г.В. 442
Фолджерс Б.Т. 196
Форни Дж.У. 481–483, 485

Форсайт Дж. 227
Франклин Дж. 30, 325
Френч У. 281
Фримонт Дж. 229
Фрич 250
Фуришон 345
Фуругельм И.В. 116–117, 184–185, 187, 267, 295, 325–326, 338, 343, 358, 367
Фэррар В. (Farrar V.J.) 378

Халлек Г.У. 446, 468
Хайнцман 314
Хаммет 313–314
Хант 312
Хантер У. 455
Харт 314
Хвостов Н.А. 46, 241–242
Хелмс 496
Хенсли С. 349
Херман Л. 349, 355
Херу У. 177
Хилгард Дж.Э. 448
Хлебников К.Т. (Khlebnikov K.T.) 9, 18–19, 21–22, 24–28, 30, 33–37, 40, 42, 90–91, 98, 104, 120–122, 127, 154, 205, 207–212, 215–216, 218–219, 232, 238, 256, 262, 264–265, 267, 275–276, 278, 280, 286–287, 290–292, 310, 315, 318
Холбо П.С. (Holbo P.S.) 440, 483
Холледей Б. 458
Хохлов В.С. 187
Хромченко В.С. 28, 307

Чейз С.Р. (Chase) 414
Чендлер З. (Chandler H.Z.) 417
Черненко М.Б. 107
Чернов И.А. 94
Черных Е.Л. (Chernych E.) 206–208, 218–219, 288
Чириков А.И. 235, 249
Чистяков П.Е. 19–32, 38, 40, 89–90, 157, 207, 211, 259, 265, 274–275, 277, 279, 289–292, 307
Чью С. (Chew) 455

Шаламов Т. 118
Шамиссо А. 284
Шанц И.И. 125, 256, 307, 357
Шапошников 125
Шашина Е.Б. 7
Шашков С.С. 335
Шаяшников И. 141, 153
Шекс (Шейкс, Шекж) 163, 171
Шелехов (Шелихов) П.И. 206–207, 210–212, 271
Шелихов Г.И. 12–13, 29, 238, 242, 249, 261, 264, 399
Шелихова Н.А. 12
Шелиховы 10
Шеплер 356
Шестаков И.А. 357, 384, 390–391, 408
Шеффер Г.А. (Schäffer G.A.) 13, 270, 274
Шил 309
Шмаков А. 17
Шишмарев Г.С. 349
Шмидт Карл Иванович (Карл Юхан; Карл Иоганн) 206, 209, 271
Шунков В.И. 11
Шур Л.А. 223, 283, 285, 291, 293, 318

Щербаков А. 326
Щербинин А.Г. 408

Эббетс Дж.(Эбец) 312
Эйрс Дж. 312
Энберг 309
Энгельгардт А.С. 412, 429, 433, 467
Этолин А.К. (А.А.) 29, 31, 44–45, 61–63, 65–66, 68–71, 73–78, 94, 97–98, 103–106, 108–110, 113, 161, 163, 174–177, 199–200, 212, 228, 233, 239, 244–245, 253, 260, 262–263, 266–267, 274, 282, 286, 290, 292–294, 298–299, 301–303, 338, 351, 381, 409

Ювеналий (Говорухин Я.Ф.), иеромонах 92, 118, 121
Юзелиус А. 309, 346

Якоби И.В. 82, 238
Якушев 102
Яновский С.И. 15–17
Янсен 309

Adams Ch.F. 192
Andrews C.L. 171
Arndt K.L. 117, 180, 184

Barnett R.J. 168
Bemis S.F. 192
Brodie F.M. 483
Brown 375

Chevigny H. 473
Commager H.S. 455
Craven A. 191
Crowhart-Vaughan E.A.P. 405, 491

Davidson D.C. 173, 224
Dmytryshyn B. 405
Dodd W.E. 191
Dowty A. 339

Ellison W.H. 195
Erman A. 289
Essig E.O. 206

Folsom J.L. 349

Greenhow 430

Hulley C.C. 473

Ireland W.E. 227

Jackson C.I. 185, 187, 189
Jados S.S. 339
James J. 424

Keithahn E.L. 349
Klein L.F. 177
Korngold R. 483
Kratz H. 284

Lafeber W. 192
Laplace C.P.T. 213
Lightfoot K.G. 205, 213

Michael H.N. 107
Mahr A.C. 237–238
Moessner V.J. 246

Newman P.C. 173

Ormsby M.A. 159
Oswalt R.T. 208

Palmerston J. 163
Paolino E.N. 193

Richardson J.D. 457
Romanzov *284*

Sadouski M. 243
Schift A.M. 205, 213
Sgroi P.P. 424
Sherwood M.B. 414
Simpson A. 290
Smith B.S. 168
Snow J.H. 55
Starbuck A. 196–197

Thomas B.P. 483
Tower W.S. 196–197
Trist H.B. 375

Van Deusen G.G. 194
Vaughan T. 168
Vavasour M. 303
Vevier Ch. 414, 417
Völkl E. 222

Wake T.A. 205, 213
Warre H. 303
Weinberg A.K. 191
Wood R.C. 375

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (*Н.Н. Болховитинов*) 5

Введение (*Н.Н. Болховитинов*) 8

Глава 1. **Торгово-промысловая деятельность Российско-американской компании в 1825–1840 гг.** (*А.В. Гринёв*) 15

1. Проблема перемещения «столицы» Русской Америки 15
2. Русские колонии под управлением П.Е. Чистякова (1825–1830) 21
3. Ф.П. Врангель во главе Русской Америки (1830–1835) 31
4. Русская Америка в период правления И.А. Купреянова (1835–1840) 46
5. Великая эпидемия оспы 1835–1840 гг. 53

Глава 2. **Расцвет Русской Америки в 1840-е гг.** (*А.В. Гринёв*) 57

1. Продление монопольных привилегий и принятие нового Устава Российско-американской компании 57
2. А.К. Этолин — выдающийся руководитель российских колоний в Новом Свете (1840–1845) 61
3. Социально-административные реформы А.К. Этолина ... 71
4. М.Д.Тебеньков во главе администрации колоний (1845–1850) 77

Глава 3. **Географические исследования Российско-американской компании в 1825–1860 гг.** (*А.В. Гринёв*) 87

1. Морская экспедиция Станюковича—Литке. Исследование прапорщиком И.Я. Васильевым бассейнов рек Нушагак и Кускоквим 87
2. Гидрографические исследования РАК на Тихом океане в 1830-е гг. 92

3. Сухопутные экспедиции по изучению внутренней Аляски в 1830-е гг.: походы Ф.Л. Колмакова и А.К. Глазунова 96
4. Русские географические исследования внутренних районов Аляски в первой половине 1840-х гг. 103
5. Заключительный этап географических исследований РАК в Новом Свете и Приамурье 110

Глава 4. **Деятельность Русской православной церкви в Северной Америке (*Архимандрит Августин (Никитин)*)** 118

1. Миссионерская деятельность священника Иоанна Вениаминова. Остров Уналашка (1824–1833) 119
2. Миссионерская деятельность о. Иоанна Вениаминова. Остров Ситха (1834–1839) 125
3. Визит в Петербург (1838–1841). Возведение во епископа (1840) 127
4. Миссионерская деятельность владыки Иннокентия (Вениаминова) (1841–1858) 131
5. Ново-Архангельское викариатство (1858–1867) 139
6. Переходный период (1867–1870) 151

Глава 5. **Россия, Великобритания и США на Тихоокеанском Севере в середине XIX в.: соперничество и сотрудничество (*А.В. Гринёв*)** 154

1. Первые контакты РАК с Компанией Гудзонова залива 154
2. Стикинский инцидент и его последствия 161
3. Заключение соглашения 1839 г. и начало эры сотрудничества 171
4. Российско-американская компания и Компания Гудзонова залива во второй половине 1840–1850-х гг. 178
5. РАК и КГЗ в заключительный период существования Русской Америки 185
6. Экспансия США на Тихоокеанском Севере (*Н.Н.Болховитинов*) 190

Глава 6. **Печальная судьба колонии Росс (1825–1841) (*Н.Н. Болховитинов, А.А. Истомин*)** 205

1. Колония Росс в 1820–1830-х гг. (*А.А.Истомин*) 206
2. Ликвидация крепости и селения Росс в 1839–1841 гг. (*Н.Н.Болховитинов*) 221

Глава 7. **Проблема снабжения продовольствием Русской Америки (*Джеймс Р. Гибсон, Йоркский ун-т, Канада; перевод Л.М. Троицкой*)** 231

1. Заокеанские поставки продовольствия 234
2. Сельское хозяйство в колониях 261
3. Внешняя торговля 275
4. Заключение 304

Глава 8. **Русская Америка в 1850-е гг.: РАК и Крымская война** *(А.В. Гринёв)* 320

1. Участие РАК в освоении Приамурья и Сахалина. Хозяйственное развитие российских колоний в первой половине 1850-х гг. 320
2. Столкновения с тлинкитами в первой половине 1850-х гг. 328
3. Русская Америка и Крымская война (1853–1856) (*Н.Н. Болховитинов, А.В. Гринёв*) 338
4. Расширение деловых контактов с Соединенными Штатами на Тихоокеанском Севере (*Н.Н. Болховитинов*) 348
5. Деятельность РАК в Русской Америке во второй половине 1850-х гг. 359

Глава 9. **Возникновение проектов продажи Русской Америки (1853–1861)** (*Н.Н. Болховитинов*) 370

1. Крымская война и вопрос о судьбе Русской Америки (1853–1856) 370
2. Обсуждение проекта продажи Аляски Соединенным Штатам (1857–1861) 380

Глава 10. **Российско-американская компания на рубеже 1860-х годов и вопрос о ее реорганизации** (*Н.Н. Болховитинов*) 394

1. Обсуждение проекта нового устава РАК 395
2. Результаты ревизионной поездки С.А. Костливцева и П.Н. Головина в Русскую Америку 403
3. Одобрение основных начал устройства русских владений в Америке (1863–1866) 407
4. Строительство русско-американского телеграфа (1863–1867) 413

Глава 11. **Продажа Аляски (1867)** (*Н.Н. Болховитинов*) 425

1. Решение об уступке русских колоний в Америке Соединенным Штатам (декабрь 1866 г.) 425
2. Заключение договора 18(30) марта 1867 г. 443
3. Передача Русской Америки Соединенным Штатам 457
4. Затянувшийся эпилог 476

Вместо заключения (*Н.Н. Болховитинов*) 488

Библиография (*составитель Л.М. Троицкая при участии Н.Н. Болховитинова*) 498

Список сокращений (*составитель Л.М. Троицкая*) 529

Список карт и иллюстраций 536

Приложение 540

Указатель имен (*составители Н.Н. Болховитинов и Л.М. Троицкая*) 543